3 1761 08820964 8

HANDBOUND
AT THE
UNIVERSITY OF
TORONTO PRESS

Digitized by the Internet Archive
in 2011 with funding from
University of Toronto

http://www.archive.org/details/polnoesobranieso02radi

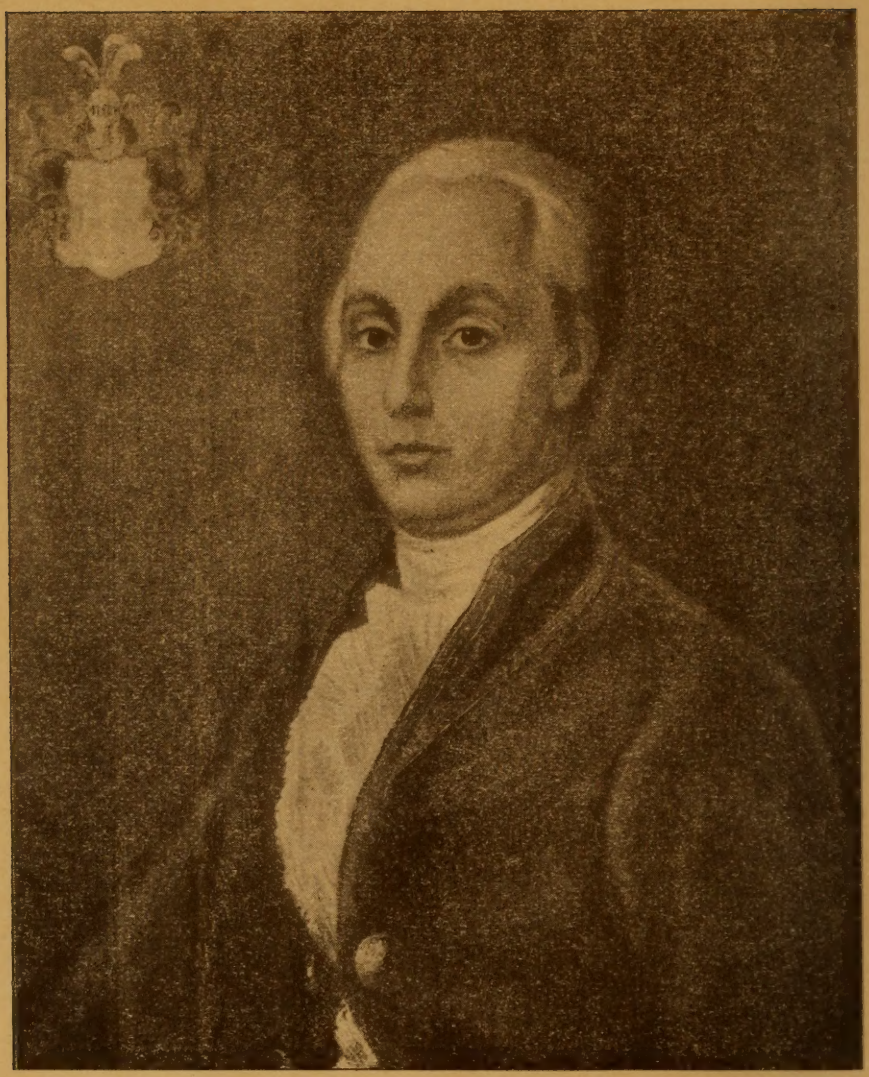
8814

I

А. Н. РАДИЩЕВЪ.

97

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ



А. Н. РАДИЩЕВЪ.

А. Н. РАДИЩЕВЪ.

LR
R1295K
Radishchev, Aleksandr Nikolaevich

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ

Polnoe Sobranie

СОЧИНЕНІЙ

Sochineniy

А. Н. РАДИЩЕВА.

томъ второй.

T. 2.

Редакція, вступительныя статьи и примѣчанія

В. В. Каллаша.

462761
6.6.47

МОСКВА.—1907.
Изданіе В. М. Саблина.

PRINTED IN RUSSIA

МОСКВА—1907.
Типо-Литографія Русскаго Товарищества печатнаго и издательскаго дѣла.
Чистые пруды, Мыльниковъ пер., соб. домъ. Телеф. № 18-35 и 53-95

Оглавленіе II-го тома.

стр.

Предисловіе.

Филаретъ Милостивый 3

Записки путешествія въ Сибирь 23

Письмо о китайскомъ торгѣ 47

Сокращенное повѣствов. о пріобрѣтеніи Сибири . . 105

О человѣкѣ, о его смертности и безсмертіи:

Книга первая 139
Книга вторая 188
Книга третья 227
Книга четвертая 269

Дневникъ путешествія изъ Сибири 297

Описаніе моего владѣнія 349

Памятникъ дактилохореическому витязю 393

Особыя мнѣнія:

О цѣнахъ за людей убіенныхъ 429
Объ отводѣ судей 432

Письма:

Расписка кн. Бѣлосельскому 437
Прошеніе 437
Сыновьямъ 438
М. Н. Радищеву 438
Прошеніе 439
Письмо Императору 441
Письма гр. А. Р. Воронцову 442
О торговлѣ съ Китаемъ 551

Матеріалы для исторіи дѣла Радищева:

Записки Екатерины II 554
Изъ дневника Храповицкаго 554
Письма Безбородко 555

Донесеніе Горемыкина 555
Замѣчаніе Екатерины II 556
Вопросы Шешковскаго и отвѣты Радищева 565
Вопросные пункты и отвѣты 565
Показанія Зотова 578
Указъ Брюсу 584
Рескриптъ Брюсу 585
Предложеніе Брюса 585
Инструкція Безбородко 586
Вопросные пункты 587
Показанія, завѣщаніе и письмо Радищева 589
Показаніе Шнора 603
Письмо Безбородко 604
Показаніе Вальца 604
Показаніе Осипова 605
Объявленіе Зотову 606
Формулярный списокъ Радищева 607
Священническое увѣщаніе 607
Показаніе о корректурѣ 607
Приговоръ Уголовной Палаты 608
Письмо Брюса къ Безбородко 609
Протоколъ Сената 610
Выдержки изъ протокола Совѣта 611
Указъ Сенату 612
Опредѣленіе Губернскаго Правленія 613
Указъ Павла 613

Примѣчанія 614

Поправки и дополненія къ I тому.

Поправки 617
Возраженіе Мабли 619
Вольность (полный текстъ) 620

Поправки и дополненія ко II тому.

Поправки 630
Письмо Безбородко къ Попову 632

Предисловіе.

Во второй томъ нашего изданія полнаго собранія сочиненій А. Н. Радищева вошли его статьи 1790—1802 гг., всѣ опубликованныя до сихъ поръ его письма и тѣ матеріалы по исторіи его процесса, которые намъ удалось разыскать въ печатныхъ источникахъ.

„Записки путешествія въ Сибири“ и „Дневникъ путешествія изъ Сибири“ (въ рукописи безъ особаго заглавія) воспроизводятся нами въ томъ видѣ, въ какомъ ихъ даетъ писарская копія Чертковской библіотеки (подлинникъ до сихъ поръ не извѣстенъ): печатаются они впервые; въ виду крайней неисправности копіи рискованно было бы вносить въ нее какія бы то ни было перемѣны, которыя сами собою получили бы субъективный характеръ.

Въ приложеніяхъ даны поправки и дополненія ко всему изданію. Къ сожалѣнію, несмотря на все желаніе и всѣ усилія, намъ не удалось избѣжать опечатокъ и недосмотровъ въ текстѣ и примѣчаніяхъ. Нѣкоторыя изъ нихъ существенны. Указываемъ ихъ всѣ—и этимъ облегчимъ работу тѣмъ критикамъ, которые сводятъ свою задачу къ выискиванію опечатокъ и пустяковыхъ недосмотровъ: въ нашихъ указаніяхъ они найдутъ для себя безъ всякаго труда болѣе цѣнный матеріалъ, чѣмъ тотъ, который они могли выискивать раньше сами...

Въ приложеніяхъ же напечатаны: полный текстъ оды „Вольность“ (изъ отдѣльнаго изданія, не поступавшаго въ продажу) и возраженіе Радищева Мабли. Послѣднее печатаемъ только для полноты, хотя оно не представляетъ интереса внѣ связи съ текстомъ „Размышленій“ Мабли.

Къ первому тому приложено *точное* воспроизведеніе портрета Радищева при изданіи 1807 г., признававшагося современниками очень удачнымъ (одинъ очень освѣдомленный „критикъ“ „съ совершеннымъ апропо“ назвалъ его „лубочнымъ“); ко второму—снимокъ съ портрета, принадлежащаго теперь Радищевскому музею въ Саратовѣ, и видъ дома Радищева въ Илимскѣ (изъ „Иллюстраціи“ 1851 г.).

Вл. Каллашъ.

Москва, 14 февраля 1907 г.

Филаретъ Милостивый.

(1790).

Филаретъ милостивый.

Положивъ непреоборимую преграду между вами и мною, о возлюбленные мои,—преграду, которую единое монаршее милосердіе разрушити можетъ; лишенный жизнодательнаго для меня веселія слышати глаголы устъ вашихъ; лишенный утѣшенія васъ видѣть; не имѣя даже и той малѣйшія отрады—бесѣдовати съ вами въ разлученіи, я простру къ вамъ мое слово, безнадеженъ—о бѣдствіе!—достигнетъ ли оно вашего слуха. Всечасно хотя тщуся, напрягая томящееся воображеніе, сдѣлать васъ мысли моей присутственными, всечасно плачевный стонъ и воскликновеніе именъ вашихъ ударяетъ въ безчувственныя стѣны моего пребыванія. Но вся мечта ежеминутно сокрушается, и бѣдствіе, умножаяся бѣдствіемъ, преломляетъ сердце и терзаетъ душу.

Почти младенцамъ вамъ сущимъ, я старался внятнымъ вамъ сдѣлать, что добродѣтель есть вершина всѣхъ нашихъ дѣяній и наилучшее украшеніе житія человѣческаго. А дабы сіи понятія врожденными, такъ сказать, въ васъ были, то старался я всякими способами возбудить въ васъ мягкосердіе, которое можно назвать физическимъ коренемъ добродѣтели. Я видѣлъ уже въ васъ начало благое моихъ

трудовъ. Счастіе не допустило меня видѣть дальнѣйшіе въ томъ успѣхи и надежнѣйшую дать мягкосердію опору— разсудокъ благорасположенный. Отче всеблагій! призри на нихъ окомъ милосердымъ...

Шествіе природы есть постепенно, а потому твердо. Слѣдуя ея стезямъ, не ослабѣвайте упражняться въ мягкосердіи, и яко упражненіе въ тѣлодвиженіяхъ укрѣпляетъ тѣлесныя силы, яко упражненіе въ размышленіяхъ укрѣпляетъ силы разумныя, тако упражненіе въ мягкосердіи укрѣпляетъ корень добродѣланія. Заматерѣвъ въ семъ благомъ подвигѣ, колико блестящія произойдутъ изъ того слѣдствія. Милосердіе, человѣколюбіе, благодѣяніе, милость будутъ обыкновенныя души вашей движенія, и въ сладостное помышленіе вамъ самимъ все сіе будетъ нечувствительно.

Пройдите всѣ языки и всѣ столѣтія, найдете ли гдѣлибо, чтобы добродѣланіе было ненавистно, чтобы человѣколюбіе было порокъ, чтобы милосердіе было презрѣнно. Различны ихъ виды и образы, но корень благъ повсюду одинаковъ, ибо природа себѣ неизмѣнна нигдѣ. Дикій американецъ, преторгающій жизнь изнемогшаго своего родителя, когда дальное предпріемлетъ путешествіе, чѣмъ подвигается на толико варварское убивство? Мягкосердіемъ. Любомудріе не пристаетъ поощрять насъ къ оному доводами; воспитаніе тщится оное въ насъ сдѣлать привычкою; слово украшаетъ его цвѣтами витійства и стихотворенія, а христіанскій законъ оное освятилъ. Повсюду и во всѣхъ состояніяхъ оно славится. Законъ же Христовъ подвижниковъ мягкосердія причиталъ къ лику праведныхъ. Вина сему отмѣнному почитанію вездѣ одинакова: дабы человѣкъ,

легко къ совращенію со стези добродѣланія удобный, благоуязвлялся изящнымъ примѣромъ и не ослабѣвалъ бы въ добродѣтели.

Проходя повѣствованія дѣлъ человѣческихъ, вамъ замѣчали удостоившіяся напоминовенія потомства; читали вы иногда вымышленные примѣры добродѣтелей: прочтите нынѣ, если сіе до васъ когда-либо достигнетъ, примѣръ отличнаго мягкосердія, соблюденный въ *священныхъ* христіанскихъ *книгахъ*. Чрезъ весь вѣкъ свой упражняяся въ добродѣланіи, человѣкъ, о которомъ будетъ слово, заслужилъ названіе *милостиваго*, и церковь причла его къ лику праведныхъ. Поистинѣ достоинъ тотъ къ оному причтенъ быть, кто, забывая даже свое благосостояніе, старается ежечасно облегчать бѣдствія себѣ подобныхъ.

Филаретъ праведный родился въ Галатіи, во дни греческаго царствія, отъ родителей благородныхъ, почти убогихъ, но отличавшихся всегда своимъ безпримѣрнымъ благонравіемъ и страннопріимствомъ. Предки его, во время двѣнадцати первыхъ римскихъ кесарей, были почтены первыми въ государствѣ чинами; немалое во всѣхъ тогдашнихъ происшествіяхъ имѣли участіе; знатны, почитаемы, богаты чрезмѣрно, властительны. Но, пріявъ христіанскую вѣру, претерпѣли изгнаніе, лишились всего имущества и еле животъ спасти могли, живучи въ убожествѣ и неизвѣстности. Съ того времени не стяжали ни почестей, ни богатства, хотя имъ уже то было при христіанскихъ царяхъ невозбранно; посвятя себя сельскому жительству, упражнялися въ земледѣліи и пріобрѣтаемые избытки употребляли на угощеніе странныхъ и пришельцевъ. Въ семъ дому обитала поистинѣ благодать Вышняго, ибо стяжаніе онаго было

незлобіе и кротость. Въ таковомъ семействѣ воспитанъ былъ Филаретъ. Благому примѣру навыкшая душа изъ дѣтства укоренилась во благодѣланіи и явила свѣту дѣянія во благосердіи, почти невѣроятныя.

Отецъ Филаретовъ счастливыми нѣкоторыми оборотами могъ сдѣлать больше пріобрѣтеній, нежели его предки. Не отступая отъ призрѣнія странныхъ, онъ думалъ, что наилучшее употребленіе своего имѣнія будетъ то, которое онъ обратитъ на воспитаніе любезнаго своего Филарета. Утвердясь въ семъ намѣреніи, онъ сына своего отправилъ въ Аѳины. Если разумъ его предузнавать не могъ, каковъ будетъ плодъ его о сынѣ попеченія, душа его то предчувствовала, въ чемъ и вѣра Христова его утверждала. Упованіе возлагая на Отца всѣхъ благъ, онъ хотя со слезами разстался съ Филаретомъ, но въ твердомъ увѣреніи, что благонамѣреніе его не будетъ тщетно.

Афины далеко уже тогда ниспали съ той славы, которую ей пріобрѣли знаменитые мужи, въ ней бывшіе въ разныя времена. Неощутительна уже была въ ея бесѣдахъ древняя аѳическая сланость, и многажды уже невѣжество и суевѣрія, возгнѣздившіяся въ портикѣ, простирали черное свое крыліе. Но отечество Ѳемистокла, Аристида, Платона и Сократа долго пребыло твердынею учености, простирая владычество любомудрія и словесности, водворяя славныхъ витій, софистовъ и учителей христіанскихъ.

Изъ сельскаго своего пребыванія, въ которомъ онъ былъ воспитанъ, Филаретъ къ жертвеннику любомудрія принесъ незлобіе, благонравіе, кротость, навыкъ человѣколюбія и правила Христова Евангелія. Чуждый всякія учености, отецъ его преподалъ ему ученія любомудрія своимъ при-

мѣромъ: изустно же наставлялъ его заповѣдямъ Христовымъ. Онъ ему вѣщалъ: „чадо возлюбленное, помни всечасно, что умѣренность желаній, что любовь къ ближнему сдѣлаютъ человѣка счастливымъ во всякомъ состояніи. Послушай словесъ Христовыхъ, и кого Онъ училъ блаженными быти: блаженны нищіе духомъ, блаженны кроткіе, блаженны алчущіе и жаждущіе правды, блаженны милостивіи, блаженны чистые сердцемъ, блаженны миротворцы. Радуйтеся и веселитеся, глаголетъ Богочеловѣкъ, мзда ваша многа! О, чадо возлюбленное, коликое утѣшеніе, когда душа ничѣмъ не тревожится и волнуется тогда токмо, когда устремляется на благодѣяніе! Коликое услажденіе подавать пищу алчущему и жаждущему питіе!“ Мать въ простотѣ души своей Филарету твердила: „возлюбленный, се слова священнаго писанія: блаженъ, иже и скоты милуетъ“. Возможно ли, чтобы на таковыхъ началахъ любомудріе произрастило плевелы!

Филаретъ, упражняяся во всѣхъ частяхъ философіи, наипаче прилѣпился къ ученію о душѣ или психологіи, къ богословіи, или наукѣ о познаніи Бога, и къ нравственному любомудрію. Но коль много онъ удивился, нашедъ, что все ему преподаваемое было уже для него не новое; что все, что другіе называли *понятіе*, въ немъ было то *чувствованіе*, которое онъ почиталъ въ себѣ врожденнымъ, ибо навыкъ оному отъ сосца почти матерня.

„Всѣ вещи“,—говорилъ Филарету учитель его Ѳеофилъ,—„суть или сами по себѣ, или отъ другихъ. Однѣ суть причины, другія—дѣйствія. Но, восходя отъ одной причины къ другой, постепенно дойдемъ до крайнія, или высшія всѣхъ, которую именуемъ Богомъ. Изъ самаго сего понятія

слѣдуетъ, что первѣйшая причина отличествуетъ отъ всѣхъ другихъ; что всѣ другія суть ограничены тѣмъ самымъ, что онѣ существуютъ не сами собою, и что первая причина есть не ограничена, ибо она существуетъ сама по себѣ".

„Отче",—отвѣтствовалъ Филаретъ,—„съ того времени какъ разсудокъ сталъ во мнѣ дѣятеленъ, я мысль мою обращалъ на вещи, окрестъ меня находящіяся и на самого себя. Легко примѣтно мнѣ стало, что все на землѣ существующее подвержено перемѣнѣ, все родится и все гибнетъ, но въ превращеніяхъ сихъ есть правило непремѣнное, отъ котораго ничто удаляться не можетъ. Я примѣтилъ, что тѣла небесныя слѣдуютъ начертанному пути и отъ него не устраняются. Вопросилъ я самъ себя: „кто зиждетъ все, кто живитъ, кто разрушаетъ, дабы оживить паки; кто путь измѣрилъ тѣлесамъ небеснымъ?" Потомъ вопросилъ себя паки: „ты живъ, но кѣмъ и какъ; кто жизнь тебѣ далъ, и почто она скончается?" Силу сію, вся содержащую, вся зиждущую, всему предѣлъ положившую, вся оживляющую, въ коей теряется и самое разрушеніе, отче, я чувствовалъ отъ млечныхъ ногтей. Именовали мнѣ Бога, Творца, Вседержителя; я давно уже его ощущалъ въ себѣ, и душа моя къ Нему прильпе".

„Всѣ вещи",—говорилъ Ѳеофилъ,—„суть сложны, или единственны, то-есть несложны. Всѣ сложныя суть протяженны; къ симъ принадлежатъ всѣ тѣлеса, ибо суть протяженны. Всякое протяженіе можно дѣлить на части. Возьми мысленно малѣйшую часть тѣла, дѣли ее на части, разумъ не найдетъ въ раздѣленіи семъ предѣла, и какую бы я часть себѣ ни вообразилъ, вообразить могу оныя по-

ловину. Слѣдуетъ, что всякое тѣло можетъ раздѣлиться, разрушиться, измѣнить свой видъ, умереть. Посему человѣкъ, яко вещество сложенное, умираетъ.

„Напротивъ того, если воображу себѣ вещество несложное, то не могу найти въ немъ частей; оно будетъ нераздѣлимо, не можетъ разрушиться: слѣдуетъ, не можетъ умереть. Какія же суть вещи, въ коихъ частей воображать не можно? Опричь маѳематической точки, въ умозрѣніи только существующей, мы чувствуемую нами непосредственно обрѣтаемъ—*мысль*. Напряги всѣ мышцы свои, устремися на разрушеніе мысли,—силы твои немощны, и тщетно стараніе. Мысль нераздѣльна, ибо несложна. Что́ же мысль, или несложенное производитъ? Конечно, несложенное, ибо невозможно, чтобы сложенное несложность производило. Мысль производящее существо именуемъ мы *душою*. А поелику душа есть несложна, то и нераздѣлима—не можетъ разрушиться, не умретъ. Познай, о человѣкъ, твое величество: ты сопричастенъ божеству; если тѣло твое разрушится, но мысль твоя вѣчна, и душа безсмертна“.

„Отче“,—вѣщалъ Филаретъ,—„доселѣ я не чувствовалъ печали, но, отлученный отъ возлюбленныхъ моихъ родителей, воспоминая о нихъ, душа моя терзается, горитъ желаніемъ быть съ ними. Углубленный самъ въ себя, всѣ окрестные предметы почти исчезаютъ изъ очей моихъ; я чувствую нѣчто, отдѣляющееся отъ меня. Мысль мгновенно прелетаетъ въ жилище родившихъ меня; я съ ними бесѣдую, лобызаю ихъ чело. Но все мгновенно исчезаетъ. Зрю окрестъ себя—я не сходилъ съ мѣста. Два существа я въ себѣ чувствовалъ: одно было въ Аѳинахъ, другое—съ моими возлюбленными“.

„Востечемъ мыслію“,—вѣщалъ Ѳеофилъ,—„въ тѣ времена, когда человѣкъ скитался по невоздѣланнымъ нивамъ, житію общественному былъ чуждъ. Опричь заблудшихъ въ пустыняхъ, мы дикаго человѣка находимъ обществующаго: онъ поемлетъ себѣ жену. Итакъ, первое основаніе къ общежитію есть *любовь*. О, человѣкъ, познай, колико природа до тебя была всещедра! Первое твое побужденіе къ общественному житію она основала на усладительнѣйшемъ изъ всѣхъ чувствованій, и сіе чувствованіе изліяно щедрою рукою на всѣхъ животныхъ, побуждая ихъ обществованію, хотя временному. Итакъ, человѣкъ въ пустынномъ почти состояніи имѣлъ *обязанности*, имѣлъ *права*“.

„*Право, обязанность* между супруговъ“? — прервалъ Филаретъ,—„мнѣ кажется, сіи слова здѣсь употреблены несвойственно. Я не женатъ, но мнѣ кажется, что у мужа съ женою обязанность должна быть *согласіе*, право—*любовь взаимная*. Вотъ что я видѣлъ ежечасно между моими престарѣлыми родителями. Одинъ въ разсужденіи другого принужденія не ощущалъ; чего одинъ хотѣлъ, другого желанія туда же обращалися“.

„За правами супруговъ“,—продолжалъ Ѳеофилъ—„слѣдуютъ права и обязанности взаимныя родителей и чадъ“. „Любезный старецъ“,— прервалъ паки Филаретъ,— „давно ти ты лишился своихъ родителей“?

Ѳеоф.: Счастіе не допустило меня пользоваться ихъ о мнѣ призрѣніемъ. Родивъ меня, мать моя скончалась въ третій день; отецъ не могъ пренести сея печали—по прошествіи года скончался. Итакъ, не вкусивъ млека матери, я осиротѣлъ сугубо, питаясь наемными сосцами.

Фил.: „Любезный старецъ, въ какомъ возрастѣ твои чада?“

Θеоф.: Едва не нищенское состояніе, въ которомъ я остался по кончинѣ моихъ родителей, воспретило мнѣ вступить въ супружество и носить сладостное именованіе супруга и отца.

„Ахъ, любезный старецъ“,—сказалъ Филаретъ,—„вниди въ домъ отца моего! Въ немъ узришь все собраніе сихъ любезнѣйшихъ законоположеній чадолюбивой природы, румяною, но незагладимою чертою ознаменованныхъ на сердцахъ родителей и чадъ. Внемли:—о, хотя я малъ былъ, но помню, какъ бы теперь то видѣлъ: мнѣ уже исполнилося семь лѣтъ; играя на дворѣ при глазахъ моихъ родителей, я нечаянно запнулся и вывихнулъ себѣ ногу. О, еслибы ты видѣлъ сѣтованіе возлюбленныхъ моихъ родителей о моей болѣзни; о, еслибы ты видѣлъ ихъ скорбь! Попеченіе ихъ было неусыпно; лишались они пищи и покоя, доколѣ я не получилъ отъ болѣзни облегченія. Какъ назовешь сіе, любезный старецъ? *Обязанность.* Присовокупи, присовокупи и другое къ тому именованіе, назови: *горячность.* Ахъ, какъ не любить, какъ не чтить, кто насъ любитъ до изступленія! Мою къ нимъ обязанность ношу я въ моемъ сердцѣ непрестанно, и еслибы не была на то ихъ воля, я бы упрекалъ себѣ мое отъ нихъ отсутствіе“.

Такимъ-то образомъ Филаретъ, шествуя въ ученіи любомудрія, доводами укрѣплялъ свои чувствованія, а изъ чувствованій своихъ новые почерпалъ доводы къ утвержденію умозрительныхъ истинъ любомудрія.

Филарету сотоваришествовалъ во ученіи его Пробъ, юноша знатныя породы, котораго отецъ имѣлъ чинъ па-

трицiя. Одинаковыя склонности, одинаковое незлобiе души скоро изъ товарищей сдѣлали друзей искреннѣйшихъ. Хотя состоянiя ихъ были неравны, но въ храмѣ любомудрiя сiе неравенство теряется совсѣмъ изъ виду, и тамъ, гдѣ отличествовать могли только остроумiе, прилежанiе и качества душевныя, знатность и богатства своей цѣны не имѣли.

Филаретъ съ Пробомъ были нераздѣльны. Жили они вмѣстѣ, пили и ѣли вмѣстѣ, учились вмѣстѣ, бесѣдовали вмѣстѣ; радость и печаль были взаимны между ими, и привычка, укрѣпляя склонность ихъ сердецъ, явила свѣту примѣръ дружества отличныя твердости.

Лѣта ихъ ученiя приходили уже къ окончанiю, и послѣднiе мѣсяцы казалися Филарету столѣтiями: столь сильно возродилилося въ немъ желанiе видѣть давшихъ ему жизнь. „О день вожделѣнный, о минута блаженная, въ которую я васъ узрю, возлюбленные мои родители! Боже“!—вѣщалъ Филаретъ, проливая слезы,—„Боже, сохрани жизнь угодниковъ Твоихъ; Царь всещедрый, дай зрѣти ихъ, да облобызаю еще уморщенныя въ благихъ подвигахъ ихъ чела! Но почто смущаюся въ моемъ надѣянiи; неужели возвращенiе мое будетъ столь бѣдственно, что ихъ не узрю... Нѣтъ, нѣтъ! Въ Богѣ упованiе; бѣги, мысль лютая, отчаянiе, исчезни!“ Въ нашихъ размышленiяхъ проходилъ послѣднiй годъ пребыванiя Филаретова въ Аѳинахъ. Помаваемый неизвѣстно(стi)ю будущаго и нетерпѣнiемъ, онъ твердость обрѣталъ въ щедротѣ предвѣчнаго Отца.

Пробъ получилъ нечаянное извѣстiе, что отецъ его, поболѣвъ мало дней, скончался. Мать его, извѣщая его о семъ, звала его къ себѣ поспѣшно для того, что одержима

была отчаянною болѣзнію. Письмо уже писано было не ею, а сестрою Проба: „Спѣши, любезный братъ, спѣши, можетъ быть, радость твоего возращенія дастъ силы родшей насъ и сохранитъ ея жизнь“. Пробъ цолучилъ другое письмо отъ епарха константипольскаго: „Государь, сожалѣя о смерти твоего родителя, помня его великія заслуги и желая утѣшить изнемогающую его супругу, а твою мать, возводитъ тебя въ отцовское достоинство“.

Лицо возрыдавшаго Проба при читаніи извѣстія о кончинѣ отца своего и о болѣзни матери начало паки оживляться румянцемъ веселости. Онъ отиралъ текущія еще изъ очей его слезы, объялъ выю любезнаго своего Филарета: „мой другъ возлюбленный! если Пробъ счастливъ, Филаретъ не отречется блаженству его быть сопричастенъ“. Видя друга своего безмолвна, Пробъ вѣщалъ съ сокрушеніемъ: „мысль твою понимаю, но укоризна твоя несправедлива: ужели мой другъ думалъ, что чинъ патриція во мнѣ произвелъ радость? О возлюбленный,“—продолжалъ Пробъ, проливая слезы,—„какъ могъ ты мыслить, чтобъ другъ Филаретовъ радовался наслѣдію отца своего? Мысль возвышенія моего для того вознесла мгновенно мое сердце, что всѣхъ благъ, всѣхъ радостей, Пробу въ удѣлъ доставшихся, Филарету будетъ половина“. Филаретъ горестнымъ видомъ отвѣтствовалъ: „О, Пробъ, любезный Пробъ, не спѣши радостію, жизнь наша есть мгновеніе, счастіе—зыбь морская“.

Пробъ, оставляя Аоины, звалъ Филарета съ собою, а Филаретъ, горя желаніемъ видѣть своихъ родителей, охотно за нимъ слѣдовалъ. Возвратившись въ Константинополь, Пробъ не имѣлъ удовольствія закрыть очей уми-

рающей своей матери. За день до его пріѣзда она скончалася. „Увы!“ воскликнулъ Пробъ,—„почто мы не опспѣшили, почто“... „Жизни нашей“,—вѣщалъ Филаретъ,—„мой другъ, ты самъ то знаешь, предѣлъ неотвратимый. Немощны силы естественныя продлить ее или сократить на одну минуту. Болѣзнь матери твоей была конечная, опредѣленная естественно, да теченіе ея жизни скончаетъ. Ужели бы ты пожелалъ, чтобы Всесильный, творяй чудеса, жизнь матери твоей продлилъ на одинъ день токмо, да ты ее живу обрящешь? Но, дерзая на таковое желаніе, не помыслишь, что болѣзненное терзаніе родшей тебя продлилось бы, и для чего? Въ твое утѣшеніе! О, юноша, зри здѣсь самолюбіе твое, сокровенное подъ покровомъ сыновнія любви“. Такимъ образомъ Филаретъ, утѣшая своего друга, на всѣ испытанія житейскія находилъ всегда оправдающую божественное Провидѣніе причину и не вознегодовалъ николи.

Пробъ, сопряженный съ Филаретомъ дружбою, давно уже помышлялъ, какъ бы въ тѣснѣйшій съ нимъ вступить союзъ, и смертію своихъ родителей ставъ начальникъ своего дома, вознамѣрился возлюбленному своему Филарету отдать сестру свою въ супружество. „Коликимъ чувствованіямъ“,—вѣщалъ Пробъ самъ себѣ,—„я тѣмъ удовлетворить могу? Осиротѣвшей сестрѣ моей дамъ надежную опору, другого я дамъ отца; другъ мой мнѣ будетъ братъ, и—на что бы его согласія я получить не могъ—отдавая ему сестру мою, дамъ ему и половину, бо̀льшую половину, моего имѣнія“.

Легко къ сему супружеству Пробъ могъ склонить сестру свою Ѳеозву. Воспитанная въ благонравіи и въ по-

слушаніи къ родителямъ своимъ, брата своего почитая теперь своимъ отцомъ, она тѣмъ болѣе непрекословна была къ сему союзу, что въ Филаретѣ видѣла друга возлюбленнаго своего брата и юношу, всѣми отличными качествами украшеннаго. Филарета нашелъ Пробъ равно къ сему наклонна, ибо благая его душа, видя красоту, благонравіе, цѣломудріе и кротость младой Ѳеозвы, любовію уязвенна стала. „Колико лестно Филарету",—вѣщалъ онъ Пробу, когда сей сдѣлалъ ему предложеніе о женитьбѣ,—„колико лестно другу твоему премѣнить имя сіе и называться твоимъ братомъ! О, мой возлюбленный, ты вѣдаешь, что душа моя давно уже къ твоей прилѣпилася, но теперь и паче будетъ съ нею воедино. Но сколь сердце мое ни горитъ желаніемъ совершить твое намѣреніе, позволь, чтобы я отдалилъ сію счастливую для насъ минуту; позволь, и за сіе на меня не сѣтуй, позволь, чтобы не было еще къ тому моего согласія".—„Мой другъ любезнѣйшій",—вскричалъ вострепетавъ Пробъ,—„что слышу я? Филаретъ ли сіе вѣщаетъ?"—„Не смущайся, возлюбленный, Филаретъ пребудетъ всегда тебѣ и себѣ неизмѣненъ. Требуя моего на женитьбу согласія, ужели ты забылъ, что большее моего согласія на сіе нужно и необходимо. Если въ волѣ моей иногда направлять мои желанія и разсудку подлежитъ устремлять ихъ къ пути благому, опредѣленіе желаній не въ моей еще рукѣ, ибо я состою подъ властію. Запамятовалъ развѣ Пробъ, что родители мои живы?"—„О, любезнѣйшій мой", сказалъ Пробъ, опомнившись и лобызая своего друга,—„ступай, поспѣшай, все къ отъѣзду твоему уже готово".—„Мой другъ",—вѣщалъ Филаретъ,—„я уже наказанія достоинъ. Сочти, сколько дней я

у тебя умедлилъ—непростительный проступокъ: не долженствуетъ дружба совершаться на счетъ благоговѣнія къ родителямъ". Пробъ лобызалъ только свего друга и понуждалъ его къ отъѣзду.

Отпустивъ Филарета, Пробъ, горя нетерпѣніемъ быть ему родственникомъ, вознамѣрился его предупредить и совершить бракъ сестры своей въ селѣ Филаретовыхъ родителей: „симъ способомъ предварю всѣмъ его отговоркамъ и возраженіямъ, въ вѣрномъ упованіи, что родители друга моего не восхотятъ оскорбить сердца любящаго (ихъ) сына и желающаго нарещися его братомъ". Исполненъ сего намѣренія, онъ вслѣдъ почти за Филаретомъ отправилъ все, что нужно могло быть для совершенія великолѣпнѣйшія свадьбы. Все, что въ тогдашнее время производили Европа, Азія и Африка изящнаго и драгоцѣннаго, все было собрано, и вдобавокъ всему Пробъ наполнилъ брачные сосуды многими тысячами сребра и злата. Но, боясь, что Филаретъ не приметъ его безвременныхъ даровъ, и все посланное велѣлъ вручить отцу его и матери, сопровождая все письмомъ слѣдующимъ: „Пробъ патрицій благочестивымъ родителямъ возлюбленнаго Филарета. Другъ Филаретовъ къ родителямъ своего друга не можетъ иначе быть, какъ почитать ихъ съ сыновнимъ благоговѣніемъ. Съ таковыми мыслями устроено сіе мое къ вамъ посланіе. Не отвергните, благочестивые старцы, сихъ недостойныхъ васъ даровъ, но пріимите ихъ, какъ приходящихъ отъ чистѣйшія души. Малѣйшее, чѣмъ я могъ предъ вами изъявить мою дружбу къ вашему сыну, суть сіи дары. Но лучшее, что онъ мнѣ дать можетъ, есть названіе брата—взять сестру мою себѣ въ жену, которая, цѣ-

луя васъ, проситъ на то вашего благословенія. Миръ вамъ и здравіе".

Между тѣмъ Филаретъ, разставшись со своимъ другомъ, поспѣшилъ въ село своихъ возлюбленныхъ родителей. На межѣ, отдѣляющей селитьбы ихъ отъ сосѣдей, построена была при дорогѣ гостиница, въ которой отецъ и мать Филаретовы, въ свободные часы отъ сельскихъ упражненій, ходили сами на угощеніе убогихъ нищихъ и странныхъ. Уже солнце лучи свои скрывало въ нощную тѣнь; родители Филаретовы, угостивъ и снабдивъ всѣмъ нужнымъ для дальнаго пути проходящаго убогаго, намѣрены были возвратиться въ домъ свой, и стояли у воротъ гостиницы. Видятъ приближающуюся блестящую колесницу. „Куда лежитъ сей путь?"—говорила мать,—„дорога проселочная, какому вельможѣ судьба довела направить стопы своя въ здѣшнюю весь?" Отецъ не отвѣтствовалъ ни слова, стоялъ въ изумленіи. Не успѣли они ничего примыслить, какъ Филаретъ, скочивъ съ остановившейся колесницы, висѣлъ уже на ихъ выяхъ.—„Филаретъ, сынъ возлюбленный!"—„Дрожайшіе мои, о колико небо до меня было всещедро: васъ вижу, васъ лобызаю! О, колико отсутствіе тягостно любящему сердцу!"—„Любезный Филаретъ, чадо моего сердца!" Престарѣлые родители не въ силахъ были произносить другихъ словъ. Сладостныя минуты, веселіе неизреченное! Чѣмъ уста безмолвнѣе, тѣмъ сердце въ чувствованіяхъ избыточнѣе.

Услаждаяся бесѣдою своихъ родителей, Филаретъ забылъ на время о своей женитьбѣ. Но по осьми дняхъ его въ домѣ отчемъ пребыванія достигло онаго посланіе Проба. Отецъ Филаретовъ, прочитавъ письмо, пошелъ къ

сыну, который тогда сидѣлъ съ матерью своею: „Не могъ я мыслить, чтобы Филаретъ мой любезный потаилъ отъ меня что̀-либо, но и тѣмъ важнѣйшее, что оно до блаженства его касается“. Не могъ Филаретъ вообразить себѣ, чтобы Пробъ, не дождавшись его отвѣта, самъ пошлетъ къ отцу его на испрошеніе дозволенія о его бракѣ. Робкимъ взоромъ и прослезившимися очами смотрѣлъ онъ на отца своего, стараяся понять его мысль. „Прочти“,— вѣщалъ старецъ, и не давъ ему письмо докончить чтеніемъ,—„о, любезный мой, благословеніе наше всегда съ тобою, да благословитъ тебя Всевышній на благое сіе дѣло!“ Филаретъ упалъ къ ногамъ своихъ родителей, его благословляющихъ.

Пробъ, получивъ соизволяющее на бракъ сыновній отвѣтствіе отъ отца Филаретова, не медля нимало отправилъ сестру свою къ ея жениху, снабдивъ ее богатымъ приданымъ и укрѣпивъ ей съ будущимъ ея супругомъ большую половину своего имѣнія. Самъ принужденъ былъ остаться въ Константинополѣ ради усмиренія случившагося въ народѣ смятенія, обѣщая за сестрою слѣдовать, не теряя драгоцѣннаго времени.

Ѳеозва принята была сугубо съ честію и любовію отъ родителей Филаретовыхъ, отъ Филарета же встрѣчена, яко любезнѣйшая невѣста и сестра друга безпримѣрнаго. Наслаждаяся взаимными чувствованіями, сердце услаждающими, всѣ они нетерпѣливо ожидали пріѣзда Проба. Время, имъ къ тому назначенное, давно уже протекло. Разные слухи, достигшіе до ихъ, о бывшихъ въ столицѣ возмущеніяхъ ихъ тревожили. Наконецъ, къ неизреченной ихъ печали, они получили извѣстіе, что въ царствіи по-

слѣдовала перемѣна—что Пробъ со многими другими посланъ отъ новаго царя въ дальнѣйшія страны въ заточеніе и лишился оставшагося всего своего имѣнія.

Ѳеозва, желая исполнить приказаніе своего брата и повинуяся уже начинающейся къ будущему ея супругу горячности, ускорила совершеніемъ брака и, скорбя съ Филаретомъ о возлюбленномъ ихъ братѣ, искала отраду во взаимной ихъ горячности.

Филаретъ однакоже, боясь, чтобы злоключеніе его друга не простерлося на его сродниковъ, продалъ все приданое жены своея имѣніе и селитьбы своего отца и переселился со всею своею семьею въ Пафлагонію, въ весь, нарицаемую Амнія, и, дабы жить въ неизвѣстности, перемѣнилъ названіе своего рода.

Распоряжая своимъ имѣніемъ, Филаретъ купилъ многія села, земли, устроилъ сады и домъ, не великолѣпный, но снабженный всѣмъ, что къ нуждѣ и спокойствію житія нашего потребно. Оставшія же деньги отдалъ въ торгъ купцамъ тирскимъ и александрійскимъ.

Всевышній, вѣнчая горячность Филарета и Ѳеозвы, благословилъ плодомъ ихъ супружество. Ѳеозва, по прошествіи года, родила сына и чрезъ нѣсколько лѣтъ двухъ дочерей. Отецъ и мать Филаретовы, благословивъ своихъ внучатъ, на шестомъ году по женитьбѣ ихъ сына преставились, скончавъ безболѣзненно жизнь праведную въ смиреніи и незлобіи.

Филаретъ и Ѳеозва, упражняяся въ воспитаніи своихъ дѣтей, слѣдовали примѣру отшедшихъ къ Богу старцевъ въ угощеніи пришельцевъ и въ снабженіи нищихъ. Дѣти ихъ предуспѣвали въ ученіи и добрыхъ поступкахъ и, при-

шедъ въ совершенный возрастъ, вступили въ супружество купно по волѣ родителей своихъ и слѣдуя своей склонности. И Филаретъ и Ѳеозва наслаждалися, видѣвъ благіе успѣхи во внучатахъ. Всѣ жили въ одномъ родительскомъ домѣ, ибо Филаретъ, отдавая дочерей своихъ въ супружество, избралъ себѣ въ зятья юношей, богатыхъ добрыми качествами паче, нежели имуществомъ.

Благословилъ Богъ Филарета богатствомъ, и казалося, чѣмъ онъ былъ щедролюбивѣе, тѣмъ имѣніе его множилось! Плодоносные годы, доброе хозяйство и разсмотрительное земледѣліе одаряли его обильнѣйшими жатвами. Честность, вѣрность и счастіе въ торгу воздали ему сотичную мзду отъ употребленныхъ капиталовъ...

Записки путешествія въ Сибирь.

(1790).

11 ноября.

Въ Казани поднявшись на гору ѣхали полями, лощинами, перелесками до Бирюли, село господское, гдѣ пьяныхъ всѣхъ наѣхали для праздника Михайлы Архангела. Нескоро лошадей дали. Барыня [1]) была у попа въ гостяхъ 30 верстъ.

12-е.

Въ Арскъ пріѣхали въ 3 часа пополуначи. Стоитъ на Казанкѣ, на [2]) высокой горѣ. Еще есть старинные деревянные башни, одна церковъ деревянная; жители пашутъ и извозничаютъ. 26 вер. арбашъ татарское—29 вер. янгулова 19 вер. мѣду купили 6 р. пуд. вощина 10 р. воскъ чистой 20 р. — по речкамъ много деревень татарскихъ. Юрукъ, за пять верстъ; на гору высокую [3]), 19 верстъ.

13-е.

Ѣхали лѣсомъ: соснягу [4]) мало, ель, дубъ, береза, осина и пр. Здѣсь вышла дорога изъ Оренбурга: вятская отдѣ-

---

[1]) Вѣроятно, сестра жены Радищева, Рубановская (на ней онъ впослѣдствіи женился вторымъ бракомъ). Біографы Радищева, впрочемъ, говорятъ, что она пріѣхала къ нему въ Сибирь позднѣе.

[2]) Приписано сверху, болѣе позднимъ почеркомъ.

[3]) Написано (болѣе позднимъ почеркомъ) вмѣсто зачеркнутаго „торгу высокую“.

[4]) Вторая половина слова выправлена (соспины?).

лилась отъ Пермской. Татары ѣздятъ [1]) въ Ирбитъ [2]) Оренбургъ Семиполатинскую [3]) и устьканенгорскую крѣпости [4]) за лошадьми.

Отъ Юруку до реки вятки 9 верстъ, до озера отъ вятки 3 версты. Купцы изъ Тобольска [5]) потонули; въ Яунгуловѣ продавали одѣяла двойное теплое изъ степныхъ лисьихъ хвостовъ 6 р. просили.

Татара, черемисы, чуваши селятся по уваламъ и доламъ, рускіе по горѣ.

У чувашъ и черемисъ избы черные, но воздухъ здоровѣе нежели у рускихъ въ избахъ, ибо прямо съ надворья. Они холодъ любятъ, таракановъ нѣтъ но много блохъ. У татаръ избы бѣлые въ переди комелекъ. По лѣсамъ татара бьютъ мѣдведей, волковъ, лисицъ, зайцовъ, векшу и мало куницъ.

На перевозѣ вятки стоитъ село руское г. Юшкова, мужики бѣдные, избы худые.

Рѣка вятка, лѣсъ пообѣ стороны, ельникъ по большей части и всякой черной лѣсъ; а гдѣ разливается то одинъ черной лесъ, рѣка шириною съ неву саженъ 80 или 100 за рѣкою мѣстами и сосны высокія но рѣдко.

Мелеты 19 в. Черемиская два двора рускихъ, отпущенные прежде сего наволю Юшковымъ. У сихъ Черемисъ избы выше нежели по ту сторону волги, они нестоль богаты, больше на Русскихъ похожи, къ пашнѣ довольно

---

1) Вмѣсто зачеркнутаго „торгуютъ“.

2) ъ выправлено изъ ѣ. Послѣ зачеркнуто „и Петров.“

3) Окончаніе вписано сверху.

4) Вписано сверху (поздн. почеркомъ).

5) Зачеркнуто.

ленивы; далеки можетъ быть отъ хлѣбныхъ базаровъ. Нестолько мущины щеголеваты какъ по ту сторону Волги. Глаза у многихъ болятъ. Прукса или зыбъ всегдашней или Венерическая.

Порекъ. 15 в. Черемисы, одинъ дворъ Руской.

Килмесъ большой 20 в. Черемисы. Дворъ маркитантовъ Рускихъ, которые держатъ постой; такъ было и на той сторонѣ Волги. На пустыхъ тамъ мѣстахъ были базары гдѣ стояли Рускіе постоялые дворы.

14.

Какси. Вожентемъ какли 26 вер. недоѣзжая одной деревни 5 верстъ реку Вале переѣзжали. Лѣтомъ на ней поромъ, шириною саженъ 25. Инымъ годомъ разливается надорогу; по рѣкѣ лѣсъ черной а немного далѣе ель и пр. 2 вер. отъ рѣки вотскія деревни. Они овиновъ не имѣютъ; хлѣбъ молотятъ сырой, а когда молоть то сушатъ въ печахъ. Народъ боязливой и доброй, въ Какси одинъ овинъ. Живетъ отставной сержантъ съ семьею, держитъ постоялой дворъ.

Сюмси 20 верстъ, впрегаютъ проворно. Можетъ быть по тойже причинѣ, какъ татара, чтобъ съ рукъ сбыть.

Юбари 14 верстъ, начевали, нашли праздникъ; состоитъ въ томъ что всѣ дѣвки бабы и мужики ходятъ изъ двора во дворъ и пьютъ пиво, ходили до утра и перепились допьяна. На бабахъ высокія кичьки съ бахрамою, съ шитьемъ и кончиками серебренами. Примѣчается охота и въ дикихъ нарежатся; сходство въ семъ нравовъ женщинъ въ большихъ городахъ, отмѣнно что наряды переменяютъ часто.

NB. Въ Юрукъ начевали у Татарскаго начальника, которой выбирается ежегодно во всякой деревнѣ для разбору дѣлъ ниже 20 р. даже кражи, но свыше идутъ въ судъ. Уголовныя надлежалибы отсылать въ судъ, но отсылаютъ смертоубивствы только; Судятъ по курану [1]).

15.

Сельта илиУлтемстяны, 29 вер. зятцы 38. игры 37, ночевали, мѣста почти равные, горъ мало, болоты мѣстами, лесъ: соснякъ строевой, ели, березы; селенiи опричь сихъ по сю сторону Вятки рѣдки, рѣдки и посторонамъ, можетъ быть для того, что мало рѣчекъ. Вотяковъ много малобородыхъ; народъ простой. въ Зятцахъ писарь ученой поруски. Собаки вороваты, влезли въ повозку и съѣли гуся. Зверей мало хотя лѣсу много; бѣлки почти нѣтъ уже пятой годъ по 9 к. скурка.

У бабъ круглые скуфьи низаные.

16.

Зура 22 вер. за несколько верстъ течетъ рѣка Иты, шириной въ 8 и 10 саженъ но глубока. Село дебесъ или Николаевское 25 вер. за $^1/_2$ версты перѣхали рѣку чепцу по живому мосту; по ней ходятъ суда отъ Гладова и жецже съ хлѣбомъ въ Астрахань, впадаетъ въ Вятку.

Въ дебесѣ похожи на Рускихъ. Есть писарь которой требуетъ подорожной и принудилъ офицера [2]) заплатить прогоны завсѣ три, есть у инныхъ овины и риги. Но по-

---

[1]) Коранъ.

[2]) Вѣроятно, того, который сопровождалъ Радищева.

нолямъ колки, сушатъ хлѣбъ въ снопахъ. Оставили больного солдата старика, которой занемогъ отъ холода и объѣлся доровава кушанья. Сказывалъ, что жилъ въ монастыре два года но взятъ опять въ гарнизонъ. Челца 20. на рѣкѣ тогоже имяни. вотяки почти какъ рускіе, женаты многіе на Рускихъ бабахъ избы уже бѣлые у иныхъ.

Старосты недельные какъ у черемисъ и чувашъ и должны отправлять и довольствовать проѣзжающихъ у другихъ вотяковъ они дневные.

Отъ зятцавъ становится гористо а отъ зуры новымъ просѣкомъ много горъ хотя невеликихъ но крутыхъ не сровненныхъ.

Отъ зуры видно много пригорковъ плоскихъ всѣ покрыты лѣсомъ отъ сельты видна уже становится пихта точьная ель, иглою мяхче, кора похожа на осиновую. Избъ изъ нее недѣлаютъ, только столбы, да полы, сѣру ее продаютъ въ трубкахъ изъ корки деревянной, содранной по 1 коп. въ казанѣ. Вотскіе бабы не красивы. Вотяки поютъ ѣдучи какъ Рускіе ямщики. Нравы ихъ склонны болѣе къ веселію нежели къ печали. Чувашскіе бабы хороши собою. Черемисы черноволосы. Окладъ лица вотякъ похожъ на мордву.

Въ Чепьце начевали, последняя вотская деревня, рекруты, въ вятку ставятъ даявки, стояніе дорого отъ 40 до 90 р. въ персіи (?) стоитъ очень мало.

17.

За Цепькой деревнею болѣе полей, что больше населеніе доказываетъ вездѣ малые Рускіе деревни, которые называютъ починками. Отъ Цепца до сосновой 38 верстъ

казенная деревня стоятъ по станціямъ ямщики верхотурскіе. У почтовой избы виситъ доска на которой написаны сколько отъ стану въ обѣ стороны верстъ дабы небыло спору и обмановъ прислана отъ казенной палаты.

Село Дуброва 26 верстъ, графа Строгонова, въ 25 верстахъ есть заводъ егоже желѣзной. мужики кажутся въ довольно хорошемъ состояніи. Строеніе двѣ избы и между ихъ сени; избы есть по крестьянскому состоянію очень хорошія.

Оханскъ городъ 26 верстъ, отъ соснова къ Оханску гористо но горы невысокіе; подъѣзжая къ Оханску вездѣ почти поля и селенія очень часты. Есть места положеніемъ прекрасные, лѣсъ, ель побольшой части и пихта, подле речекъ чернолесье. Оханскъ имѣетъ нѣкоторые прямые улицы, одна церковь деревянная, стоитъ на Камѣ. Другой берегъ ея крутогорой и лѣсной.

18.

Отъ Оханска до станціи однодворки названной по одной избѣ построенной для житья содержащихъ почту ямщиковъ 20 верстъ; мѣсто низкое мѣжду бережья. Отъ однодворки поднявшись на гору и проѣхавъ лѣсомъ верстъ 12 откроются во всѣ стороны холмы и долины отъ лески обнаженные, многія деревни и деревушки или починки; и изгороды, и чемъ ближе къ Пермску темъ больше населенія. Аникеева $23^1/_2$ до Пермска $23^1/_2$.

19.

Перьмь лежитъ на правомъ берегу Камы въ верхъ. Было село Егачиха, начатъ строить 9 лѣтъ на задъ. Улицы прямы, строеніе деревянное, ряды тоже. По воскресеніямъ Базаръ.

Мастеровыхъ мало. Горшки въ приказѣ дѣлаютъ, разваливаются. Кирпичи такъ же.

Въ Перьми промысловъ мало держатъ однако же всякія заморскія товары. Лавки давно уже построены. Базары по воскресеньямъ. Продаютъ хлѣбъ, мясо, рыбу, воскъ, мѣдъ, посуду деревянную крашеную и рисованную, мѣдную, чугунную, желѣзную и жестяную съ заводовъ.

Плотничьное искуство невелико, доставлять бревна неумѣютъ, столярное выписываютъ изъ казани. Печьниковъ мало.

28.

Выѣхали изъ Перми, до Каянова или Тасасики 24 вер. живутъ татара; компанейщики или пріискатели рудъ отправляютъ за недостаткомъ ямскихъ почту. Другихъ тягостей не платятъ, а сія всѣмъ тяжка.

Мѣста, мѣстами гористо мѣстами плоско до Яничева 15, Татарское, до села Крылосова 25. Крылосовская волость; вѣздѣ есть волостные суды. Исправники посылаютъ Указы. До Кунгура 20. Переѣзжая кунгура гора высокая; стоитъ на рѣкѣ Иренѣ и Сильвѣ. Городъ старинной худо построенъ. Бывшей провинціальной. Старая воеводская канцелярія, въ срединѣ большая комната со сталами и скамьями для писцовъ въ срединѣ два столба у одного цѣпь. въ прихожей отъ городка решетчитая осленистая, для сажанія колодниковъ, на горѣ старинная деревянная крепость то есть заборъ, съ башнями въ коихъ ворота. На площеди предъ соборомъ стоятъ 20, пушекъ [1]) чугунныхъ на лафетахъ изъ коихъ 3 годныхъ. въ сараѣ называемомъ ценагаузомъ хра-

[1]) Передѣлано изъ „X“.

нятся пушечьки (фальконеты) Ермаковы и ружья вѣсомъ въ пудъ или $1^1/_2$ покрайнѣй мѣрѣ, стволъ чугунной, ложа деревянная простая, замокъ старинной съ колесами. Тутъ же хранятся и орудія казни, тапоръ, крюкъ, которымъ за ребра вѣшали утюхъ то есть: кривое желѣзо съ ручькою шириною въ $2^1/_2$ пальца на подобіе серпа, желѣзцы или клеймы малые. О конецъ сей.

По Сильвѣ ходятъ суда въ Каму а отъ туда въ волгу, Романовка и Шитики. возятъ хлѣбъ до Рыбнова; а отъ Макарья берутъ клади въ Перьмь въ казну ставятъ въ Рыбинскъ по 45 к. за пудъ, покупаютъ въ Кунгурѣ мукою по 17 к.

Промыселъ Кунгурской, кожевенной и сапоженной, хлѣбной, разной заморской мѣлочьной товаръ но мало. Лавки отворяютъ по понедельникамъ въ базаръ. Продаютъ книги рускіе, прологи, чети минеи, квинта курція, физіогномія. Берегъ Сильвы обдѣланъ мѣстами деревомъ. Мѣсто красивое; вокругъ поля. На базарѣ продаютъ хлѣбъ свой, рыбу изъ Сибиря свежію и соленую, хлѣбъ изъ Россіи. Сено, дрова, масло льняное, ленъ аглобли, горшки, чугунники, патоку, сало. Многіе Кунгурскіе купцы имѣютъ откупы винные въ другихъ городахъ. Одинъ построилъ стеклянной заводъ за 25 верстъ отъ города на татарской землѣ. Купцы берутъ оную землю въ кортому, имѣютъ и свою по крѣпостямъ, нанимаютъ работниковъ и пашутъ. Жать платятъ поденно 20 коп.

4 декабря.

Выѣхали изъ Кунгура до сѣла Усрепенскаго или сабарки по рѣчкѣ 31 вер. Сѣло казенное приписано къ Демидов-

скому заводу за 200 верстъ, избы плохи; работа состоитъ въ рубкѣ дровъ по $3^1/_2$ сажени съ души, за сажень получаютъ лово (?)[1]), а сами платятъ по 1 р. Проѣзжать полями на коихъ оставшія большія сосны свидѣтельствуютъ, что бывалъ лѣсъ по дорогѣ на 29 вер. селеній нѣтъ но много по сторонамъ. начевали.

Село Златоустово или ключи при рѣчькѣ Иргинѣ, которая почти ни когда немерзнетъ течетъ быстро 22 вер. проѣзжали горами. Лѣсъ: боръ сосновой, много вырублено. 10 вер. Отъ Сабарки близъ Сюхсюна гора высокая почти въ версту и очень крутая, состоящая изъ извѣстковаго камня бѣлаго. Видѣнъ заводъ Демидовской мѣдной и желѣзной, на которомъ дѣлаютъ посуду.

Сѣло Ключи, въ немъ 1300 душъ приписано къ казеннымъ Иговскимъ заводамъ за 110 верстъ.

До быковъ 15, нѣсколько гористо, рѣдкой соснякъ. Навозъ вездѣ почти кидаютъ. Вездѣ волостныя избы и суды. Староста съ выборными.

До ачинской крепости или деревни 20 вер., ѣхалъ почти все полѣ гдѣ бывалъ лѣсъ горъ нѣтъ.

До бисертска 20 вер. Гористо и дороги лѣсомъ.

До Клѣновской 25 вер.. дорога по холмамъ. Недоѣзжая верстъ за пять спускаются съ высокой и крутой горы и непримѣтно покатомъ доѣзжаютъ до селенія. Отъ сей горы, которая въ семъ мѣстѣ кажется составляетъ хребетъ Урала, горы становятся ниже.

До Киришанской 34 до Гробовской 27.

Крѣпости къ заводамъ не приписаны, платятъ только обыкновенныя подати. Хлѣба сѣютъ мало и то одинъ

---

[1]) Скорѣе: „1-ово“

рженой, по причинѣ холода и каменнаго грунта; отяготительные для нихъ подводы, провожденіе колодниковъ; промыселъ ихъ состоитъ въ работахъ по заводамъ.

До биленбаихи 23 (недоѣзжая въ 4 вер. переѣхали чусовую; течетъ по каменному грунту, какъ и всѣ другіе). При дорогѣ рудники желѣзные, вохра желтая, красная и руда темносиняя. Заводъ строгоновыхъ, плавятъ чугунъ; двѣ домны.

Талицы 14, до решотъ 16. Маленькія слободы Екатеренбургскаго вѣдомства, хлѣба не пашутъ, кормятся извозомъ.

8 декабря.

До Екатеренбурга 23 вер. горы становятся отъ часу меніе въ $1^1/_2$ версты или меньше находится верхъ исетской желѣзной заводъ, Яковлева наследниковъ. Прудъ онъ длиною на 20, а шириною на 10 верстъ, на немъ острова. Лѣтомъ видъ прекрасной. Село большее. Если платина сего завода прорвется, какъ то опасность настояла года четыре назадъ то большая часть города будетъ потоплена и дворы снесетъ.

NB Въ Пермской губерніи всѣ ѣдятъ ситной хлѣбъ и при худомъ урожаѣ. Привычка древняя отъ прежняго изобилія.

Пріѣхали въ Екатеренбургъ 7 декабря къ вечеру.

Городъ построенъ по обѣ стороны рѣки Исети, которая течетъ въ крепкомъ каменномъ грунтѣ. Примѣчанія достоинъ въ разсужденіи своего положенія: монетнаго двора, пріисковъ каменьявъ, шлифовальни, гранильнаго искуства и мраморнаго дѣла. Мѣдныя и желѣзныя подѣлки дороги.

Торгъ хлѣбомъ для городскихъ жителей, рыба изъ Сибири. Мясомъ ведетъ больше торгъ въ Вятскую и Пермскую Губернію.

Мѣди всей на всѣхъ заводахъ въ отмѣнныя годы выплавляется отъ 170 до 180 тысячь пудовъ.

Заслуги капитана Попова по Заводу.

Въ водѣ завелись вши; есть бѣгъ, все продаютъ вѣсомъ.

Берега Исени состаятъ изъ кремнистаго шифера.

15.

Выѣхали. Отъ Екатеренбурга мало уже становится пригорковъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ ломаютъ почти при дорогѣ камень свѣтло-серой съ бѣлыми и черными крапинами. Крепкой шиферъ. Недоѣзжая еще Касулиной лѣсъ сталъ березникъ и мѣста ровныя.

До Косулиной 24. до Белоярской слободы или села 25., поля съ перелесками. обѣ приписаны къ верхней плотинѣ. До Белейки къ кушвинскому 25 вер. паршино 26 вер. Камышловъ 26 на пышнѣ почти до камышлова дорога идетъ все равниною гдѣ не малѣйшаго нѣтъ пригорка. къ рѣкѣ небольшія пригорки. Камышловъ городъ изъ деревни стоитъ на горѣ. Одна церковъ деревянная по воскресеньямъ базаръ. За городомъ соснягу верстъ 10. Селеніи частыя, большія и мѣста всѣ почти ровныя поля и перелески. До Черемы 23. до лылаева 22. Елань 25 приписаны къ Заводамъ Никита демидова за 250 и 280 верстъ. Сіе послѣднее изъ приписныхъ къ заводамъ деревень. Раз[1])стояніе столь дальнѣе дѣлаетъ заводскіе рабоды отя-

[1]) Приписано сверху.

готительными. Темъ больше что опричь пашни другаго промысла неимѣютъ.

Въ трехъ верстахъ отъ Елани находится талицкой казенной винной заводъ. Имѣетъ несколько заводскихъ людей. Поучрежденіи Гуртальной водяной и упраздненій молотовой въ Екатеренбургѣ, присланы отъ туда работныя люди до 70 семей посѣльщиковъ изъ Екатеренбурга.

Близь Елани къ заводу лѣсъ которой много выведенъ.

Берега рѣки лышмы покрыты лѣсомъ въ кале въ Туру.

До Тарасавой 24. Между Елани и Тарасовой находится слобода или село Белюковское, въ которой видны развалины деревянной крепости и пустыя магазейны. Пугачеву дѣлали отпоръ. Ирбитъ за то здѣланъ городомъ. до Калѣ 28 переѣхавъ пышму въ послѣдней разъ; подъ деревнію дорога идетъ боромъ и болотнымъ лѣсомъ 16 верстъ на срединѣ котораго находится граница тобольской губерніи; выѣхавъ изъ онаго открываются великія поля безъ малейшаго возвышенія, гдѣ видно бывалъ лѣсъ, но всѣ покрыты жатвою. Въ правую сторону подорогѣ селеніи часты по рѣкѣ пышмѣ въ лѣво поля коихъ предѣлъ лѣсъ.

до Лучинкиной 22, до Ушаковой 22. въ сей деревнѣ находятся 30 душъ помѣщика Угрюмова.

По селеніямъ около тюменя даже верстъ за 50 живутъ Тюминскіе мѣщане которые пашутъ и промышляютъ. NB Ихъ состояніе лучьше противъ крестьянскаго, которыхъ подати больше.

Селеніе [1]) въ Пермской Губерніи такъже и Тобольской опричь заводскихъ которые построены усадьбою без-

---

[1]) Селенія.

порядочны, причина можетъ быть та что селются не вдругъ. За Екатеренбургомъ всѣ избы кажутся черны или очень стары или лѣсъ скоро чернѣетъ. Народъ въ Сибирѣ приветливъ. Бледѣнъ. Язва, ходятъ въ лахмотьяхъ.

До Тюмени 23. До города всѣ мѣста равные, тюмень стоитъ на Турѣ на высокомъ берегу.

Пребываніе въ Табольскѣ.

Положеніе, типографія, кожевни кирпишные заводы, водоходство и ловли, базаръ тюльпа (?) и гулянье подъ чувашами, образъ изъ Абалака, торгъ; гулянье съ карманьякомъ, Аптекарской садъ, Невольники, Сосланные, Монастырь Ивановской, и Аболакъ гулянье наше туда. Пушкинъ [1]) ставитъ свѣчьку, Ежемѣсячное сочиненіе [2]). Образъ жизни, кабскій, произшествіи кремлева. Женской полъ. напрастно строятъ въ низу. память о чиченарѣ.

30 іюля.

Изъ Тобольска вдоль иртыша за Обалакъ гдѣ перевозъ, мѣста прекрасныя, отъ стараго погоста до вагая нестоль хороши, по вагаю мѣста хороши: крестьяня мало имѣютъ земли, лучьшая вся у Татаръ. Земля разчищена по рѣкѣ, а въ доль болота, переѣхавъ вагай мѣста становятся пустѣе. Отъ кусерака дагалопутова [3]) волокъ, то есть пустое мѣсто, гдѣ одна деревенька Чистякова о пяти дворахъ; 10 верстъ отъ кусерака [3]) начинаютъ строится

---

[1]) Сосланный въ Сибирь за дѣланіе фальшивой монеты.

[2]) «Иртышъ, превращающійся въ Иппокрену».

[3]) Эти строчки пропущены при перепискѣ и вписаны позднѣе.

мужики изъ за ишима на полянахъ гдѣ могутъ сидѣть 2000 душъ. Отъ Голопутова мѣста становятся выше по ишиму очень хорошія, по речкѣ баруку селеній много. Викулова сидитъ на прекрасномъ мѣстѣ на ишимѣ и заливѣ. Земля черная; живутъ въ сей слободѣ купцы, мужики бойкія. По Ишиму земля черноземъ. Отъ ачимовой до зудиловскаго форпоста волокъ болотами или низкими полями. Въ Становкѣ живутъ посельщики, они бѣднѣе старожиловъ. За Рыбиной выѣхавъ на рѣку Аевъ ѣдешъ въ низъ ее да Аевской слободы. Здесь вѣздѣ какъ и въ терѣ всѣ почти раскольники. Знаменской погостъ сидитъ на заливѣ Иртыша или озерѣ называемое Изюкъ. Будаково село на Иртыше. Мужики всѣ зажиточные, пашутъ, торгуютъ скотомъ, бьютъ зверей ѣздятъ въ извозъ. Во многихъ селеніяхъ живутъ стрельцы, и конфедераты. До Торы 560.

Отъ Торы до Табольска дѣлаютъ новую дорогу по Иртышу.

Подъѣзжая къ Тарѣ и по ту сторону Торы привъѣздѣ многихъ деревень стоятъ деревянные крѣсты. Городъ Тора стоитъ половина на пригоркѣ половина въ низу, примкнувъ однимъ угломъ къ Иртышу. Въ Торе промышляютъ кожевеннымъ мастерствомъ, кузнечнымъ. Торгуютъ саломъ въ петербургъ, на линію съ Киргизами.

9 Августа.

Изъ Тары дорога идѣтъ почти вдоль Иртыша до Такмыцкой слободы гдѣ ее переѣзжаютъ. Въ сей слободѣ пристань, откуда ѣздятъ съ хлѣбомъ на заводъ подлѣ горы и на линію въ верхъ. Въ деревнѣ Артынкѣ стояли у

крестьянина Блинова. Благословляя Бога за свое состояніе, онъ съ чувствительностію и прослѣзясь говорилъ о бѣдствіи которое терпѣлъ народъ въ бывшій недородъ три года тому назадъ. Когда хлѣбъ продавали по 70 ко. пудовку, онъ продавалъ по 15 ко. а многимъ давалъ даромъ. Въ судъ никогда нехаживалъ, ни накого не просилъ; пускай одумается, видно недостатокъ заставляетъ его мѣшкать. За Ортыномъ въ 20 верстахъ начинается бараба, сперва мѣста ровные потомъ пригорки и мѣжду ими озера, болота и луга, рощи чистыя, иногда мѣста прекрасные. Отъ Копьева живутъ посельщики, въ Вознесенскомъ на осни есть старожилы. Пашни по пригоркахъ. Чувствовали по вечерамъ запахъ травяной весьма тяжелой. Зараза весьма была велика нынешній годъ. Въ Голопуповѣ гдѣ живутъ старожилы перевозъ чрезъ тартасъ. За лѣсомъ настроеніе ѣздятъ за 400 и 600 верстъ въ Урманъ или лѣса. Лѣсъ кедровой. Когда начели селить Барабу, то жили тутъ Татара, которые отъѣхали къ Урману. Въ Покровскомъ есть старожилы и посельщики.

Старожилы живутъ въ изобиліи, посельщики много бѣдны. За недоимки отдаютъ ихъ въ работу на винной заводъ, гдѣ работаютъ и каторжные. корчемства много. Посельщиковъ много старыхъ, дряхлыхъ и нищихъ. Ихъ лучшебы сѣлить по разнымъ мѣстамъ а недеревнями. Ближе къ Кониску болѣе лѣсу. Канискъ былъ деревня приписанная къ барисульскимъ заводамъ, въ него переселяются купцы которые живали по деревнямъ. Отъ Тары 34 версты.

Отъ Кониска до Коргата на рѣкѣ гдѣ сторожилы а отъ нее до рѣчьки Чулыма на которой деревня посельщи-

ковъ рѣчекъ нѣтъ, всѣ поселяня на озерахъ. Деревня Камнакова поселена. Въ 4 верстахъ отъ большаго Уб[1])инскаго Озера въ коемъ зимою рыбу ловятъ. Около убинской близь озера ростетъ малой соснякъ. Село Иткуль большее гдѣ волостное правленіе и бывшее комисарство. Село Секты, въ немъ Ямщики. Отъ крутыхъ логовъ земля становится не столь ровная и тутъ конецъ Барабѣ. Отъ Тырышкиной на Аешѣ земля возвышается до Чаускаго острога, гдѣ есть старая деревянная крѣпость, въ ней живутъ старые бѣломѣстые казаки, нынѣ приписные крестьянѣ къ заводамъ какъ и всѣ старожилы. Чауской стоитъ на изрядномъ мѣстѣ при Чаусѣ. На перевозѣ оба видны берега каменистые и берега поросли соснягомъ, а на низкихъ мѣстахъ горовица. Дорога лѣсиста по рѣкамъ боръ а мѣжду березникъ; грунтъ пещаной. Въ деревнѣ Колтая живутъ Русскіе и Татара. въ 4 верстахъ отъ Томска переѣ[2])зжаютъ Томъ. Сія рѣка камениста, у перевоза видна каменная ломка, слонецъ, аспидъ [3]) . . . . . купоросная земля, слои кварцовые.

Въ Томскѣ живутъ раскольники. Татары. Рыбу имѣютъ изъ Оби. Кажевни холстъ продаютъ, набоики дѣлаютъ Баранки для милостыни.

12 Сентября.

Отъ Томска дорога идетъ перелесками и разчищенными полями. Лѣсъ соснякъ, лиственникъ а больше бе-

---

[1]) Передѣлано изъ какихъ то двухъ буквъ.

[2]) Послѣднія двѣ буквы переставлены и надъ ними поставлены цифры.

[3]) Пропускъ въ рукописи.

резникъ. мѣста сухія. По близности рѣкъ болѣе соснягу. Яя течетъ по камнямъ и берегъ мѣстомъ каменной-Кія такаяже. Отъ Кіи до Аринска прекраснѣйшія, поляны дубровы, для хлѣбопашества и скотоводства удобныя. Бои готольское село на Чулымѣ, котораго одинъ берегъ плоской а другой гористой. Хребетъ горъ вышелъ мысомъ къ чулыму, которой его обошелъ, протѣкая сперва отъ юга, потомъ отъ востока, тамъ отъ запада и наконецъ склонясь къ западу въ обь. Близь красной рѣчькѣ находится винной казенной заводъ на которой посылаютъ занеплатежъ податей крестьянъ работать такъ же и тѣхъ которыя невъ срокъ платятъ; съ 60 и 15 лѣтнихъ податей не собираютъ и такъ съ души приходитъ болѣе 7 р. Вся томская округа опричь посельщиковъ приписаны къ Колывановскимъ заводамъ; Нѣкоторые живутъ богато, а большая часть бѣдны. Въ Ачинскѣ живутъ старожилы и посельщики. Посацкіе приписанные къ нему живутъ по деревнямъ. Отъ Томска до Ачинска 395.

16.

Изъ Ачинска дорога идетъ на отлогую возвышенность лѣсомъ потомъ высоко сверхъ поверхности чулымы чрезъ невесьма большими горами которыя къ ручьямъ становятся круче. Наконецъ проѣхавъ лѣсъ, чрезъ березовые дубровы дорога выходитъ лугами къ заледевой деревни, отъ заледевой внизъ порѣчькѣ катѣ ѣдучи дорога входитъ наклонностію въ горы По рѣчькѣ поставлено много малыхъ мельницъ, которые дѣйствуютъ быстриною воды. Въ правой сторонѣ открывается каменной хрѣбетъ котораго видны въ иныхъ мѣстахъ острые и голые концы. Въ лѣвой сто-

ронѣ берега гористые наконецъ къ Красноярскому безъ лѣсисты и красностію своею показываютъ изобильную желѣзную руду. Енисей течетъ мѣжду горъ оставляя въ лощинахъ къ нему прилежащихъ мѣста изобильные. Красноярскъ имѣетъ положеніе какъ нѣкоторые города въ Альпахъ. Правой берегъ вдоль идѣтъ высокъ и горы неровные, а лѣвой высокъ же но поверхность его равна.

22.

Отъ Красноярска сперва долинами, потомъ навозвышенность пойдетъ лѣсными мѣстами и нѣсколько гористо потомъ склоняется къ быстрой рѣкѣ Кану. Мѣста однакоже по большой части хорошія и много равнинъ. Отъ Комскаго острога сперва нѣсколько равными мѣстами, потомъ лѣсисто, Ельники и топи и таиги. Мѣста становятся гористѣе и наконецъ ближе къ Удинску открываются каменные горы. Удинскъ стоитъ мѣжду горъ и лѣсовъ. Отъ конскаго до Удинска всѣ мужики бѣдны, живутъ худо, промысловъ мало, и хлѣбъ родится худо, какъ и въ Кемчугахъ. Отъ Оби всѣ рѣчьки каменисты опричь текущихъ чрезъ болоты.

Выѣхавъ изъ Удинскаго 1-го Октября ѣдишъ лѣсомъ и гористыми мѣстами 125 до Тулана, гдѣ переѣхавъ Ію, дорога становится глаже и полистѣе, но переѣхавъ оку при деревнѣ Зимѣ, проѣзжать наддежитъ стѣпь, братскою именуемою [1]), но юртъ или жилищъ онаго народа при дорогѣ опричь одного лѣтняго невидно. Сія стѣпь кончится близъ рѣки бѣлой, которою переѣзжаютъ при деревнѣ

---

[1]) Бурятская.

бѣлой. На оной рѣкѣ и на Китоѣ былъ уже лѣдъ. Отъ Китоя выѣзжаютъ на 14 верстѣ на Ангару; и дорога идетъ отъ послѣдней перемѣны лугами до Иркутска Въ 4 верстахъ отъ города есть монастырь въ немалой деревнѣ. Ангару переѣзжать подъ городомъ въ томъ мѣстѣ гдѣ Иркутскъ впадаетъ.

20 Декабря.

Изъ Иркутска мы выѣхали въ половина дни и предпріяли ѣхать большею якуцкою дорогою которая хотя гораздо далѣ, но лучьше, ибо по увѣренію ѣхавшихъ прямою Илимскою она была чрезмѣрно худа, узка и гориста. Якуцкая дорога отходитъ отъ Ангары версты за три отъ города и подымается сперва нечувствительно лощиною чрезъ горы потомъ вдругъ на которыя взъѣхавъ видѣнъ становится каменной хрѣбетъ коего вершины всѣ почти голы, на другой сторонѣ Ангары и называется уралъ камень. Переѣхавъ два окатистые хребта, дорога тихимъ склоненіемъ ведетъ на рѣку Куда, на которой стоитъ кудинская слобода разстояніемъ отъ города въ 21 верстѣ гдѣ взятая въ секвестръ мѣльница. Дорога потомъ продолжается вверхъ куды пріятною и широкую долиною мѣжду горъ которыя чемъ далѣ ѣдешъ умѣншаются. На 40 верстахъ то есть нѣсколько за село Аіокъ гдѣ станъ почтовой въ 13 верстахъ отъ него находятся многія Россійскія селенія а потомъ почти непрерывныя братскія. въ $4^1/_2$ вер. отъ Ушардинскаго зимовья, при жилище содержателя сего стана въ 29 вер. отъ Аіока дорога оставивъ куда въ лѣво продолжается непрерывными долинами идя вверхъ разныхъ речекъ, тутъ находятся вѣздѣ братскія лѣтнія и зимнія

селенія. Наѣзжали ихъ жертвы, то есть козья кожа или имокь вздетая на березу на ѣзжали лошадей пасущихся по снегу, и рогатой скотъ.

Отъ Аіока до деревни Манзурки на 120 верстахъ почта смѣняется въ зимовьяхъ, или самыхъ дурныхъ черныхъ избахъ. Въ трехъ мѣстахъ мѣжду братскими селеніями находятся въ дальномъ одинъ отъ другаго разстояніи 3 дома крестьянскихъ, хорошихъ. Въ послѣдней изъ оныхъ немогли въѣхать ибо въ то самое время хозяинъ умѣръ; домъ наполненъ былъ воплемъ и стономъ. къ послѣднему почтовому зимовью предъ Манзурской за 8 верстъ отъ онаго дорога идѣтъ чрезъ лѣсъ и спускается подъ гору отлого; за 10 верстъ ѣдешь Манзурскими полями или широкою долиною. до рѣчьки Манзурки, коея правой берегъ очень высокъ. Дорога потомъ идетъ въ низъ рѣчки Манзурки на которой живутъ братскіе до устья оной до самой Лены, которая въ семъ мѣстѣ течетъ какъ и далѣе мѣжду высокихъ хребтовъ но мѣжду ими есть большее пространство. Первое Русское селеніе на Ленѣ по сей дорогѣ Исеть гдѣ есть пристань и строютъ суда на которыя плавятъ хлѣбъ въ Якутскъ. А въ 14 верстахъ деревня Качуга гдѣ такъ же хлѣбъ грузятъ. Отъ устья Манзурки много селеній братскихъ по лѣнѣ.

Отъ Качуги до усть куты дорога идетъ зимою польду, лѣтомъ подлѣ самаго берега крутаго, такъ что въ иномъ мѣстѣ она $1^1/_2$ арш.

Берега Лены сперва высокія утѣсы краснаго плитника, которой становится мякокъ и осыпаяся превращается въ глину. Лѣна въ семъ мѣстѣ не шире иногда 30 и 50 саженъ, лѣтомъ очень мѣлка и вездѣ ѣздятъ въ бротъ. Бе-

рега и утѣсы поросли густымъ лѣсомъ соснякъ, лиственникъ и ниже въ водѣ Ельникъ иногда березникъ и тальникъ. Ниже Качуги братскихъ селеній нѣтъ, а есть около верхъ оленска, бывшаго острога города, построеннаго на правомъ берегу Лены, гдѣ и нынѣ есть мещанъ 200 человѣкъ но безъ ратуши. Противъ онаго выпала рѣка по которой много Русскихъ и Братскихъ селеній. Изъ Верхооленска отправляются суда въ Якутскъ съ хлѣбомъ. Они продаютъ его въ селеніяхъ ниже устья Илги. Задаткомъ берутъ звѣрями. омула возятъ даже до Якутска. Лена сперва течетъ излучисто ибо хребты горъ частые, гдѣ они расходятся тамъ дѣлаетъ острова. По Ленѣ селеній очень много иногда очень часты. Слободы или села и заимки или деревни. До усть илги хлѣбопашество входитъ въ щетъ крестьянскаго пріобретенія. А ниже главное ихъ пріобретеніе состоитъ въ белкахъ и всѣ жители Лены оную промышляютъ безъ изъятія. На правомъ берегу она чернѣе съ верхооленска есть уже Тунгусы, живутъ въ лѣсахъ. До устья Илги много есть козъ или козюль а ниже на горбинѣ снѣга уже нѣтъ такъ какъ и Волковъ, а много мѣдведей: есть Олени, Коборги, и саиги. При Тутурѣ, Почикѣ и По илгѣ есть селеніи.

Въ мѣстахъ гдѣ камень огалился, онъ виденъ, расположенъ горизонтальными слоны и ногда мало наклонными. Часто изъ средины горизонтальной оба бока опускаются какъ будто подъ ними земля осела и ногда одна сторона подымается съ верху хребта почти вертикально.

Съ тутуры горы становятся окатистѣе и мѣстами режѣ утѣсовъ мало и невысокія, а нижи Илги камень виденъ иногда понизу река глубже и ширѣ, а ниже илги и Ор-

ленги рѣка кажется течетъ посклоненію горныхъ хрѣбтовъ ибо они въ длину свою дальной берегъ ея составляютъ, а ближней состоитъ изъ желтаго пѣску и илу съ камнемъ желтымъ плитникомъ, ибо верхи хрѣбтовъ уже некрасны, а сперва желтели потомъ состоятъ изъ серобѣлаго плитника. Въ трехъ верстахъ недоѣзжая до Тарасовой деревни есть остатки зимовья близь коего находятся мѣдныя рудники отъ куда руду плавили на заводъ Савельева построенной ниже устья кутли. На ключахъ во многихъ мѣстахъ мѣльницы. Съ горизонтальнымъ колесомъ мутовкою называемымъ. По Ленѣ сѣятъ конопли и вяжатъ невода, зимою рыбы добываютъ мережами и мордами; а зверей больше плашками.

Письмо
о
китайскомъ торгѣ.

(1792).

Милостивый Государь мой!

Въ нѣкоторомъ изъ прежнихъ моихъ писемъ, къ В. С. [1]) изъ Тобольска мною писанныхъ, я сказалъ, что пресѣченіе торга въ Кяхтѣ съ китайцами не есть столь великая для государства потеря, какъ оно кажется, и что изъ самаго сего зла (если его почитать должно таковымъ) произойти можетъ добро [2]). Я сіе говорилъ, будучи отдаленъ отъ того мѣста, гдѣ оный производится, болѣе нежели 3000 верстами. Нынѣ, находяся же въ томъ мѣстѣ, гдѣ происходятъ всѣ почти бываемые въ семъ торгѣ обороты, я лучше могъ судить о томъ, что изрекъ сперва, слѣдуя тогда нѣкоему, такъ сказать, предузнанію. Еслибы прежнее мое письмо писалъ я въ Иркутскѣ, то бы, можетъ быть, употребилъ изреченіе болѣе ограниченное, многихъ ради причинъ, кои впослѣдствіи моего письма объявить постараюсь. Но сказаннаго мною не только не отрицаю, но постараюсь оное подкрѣпить доводами, основанными на существѣ самой вещи, и въ положеніяхъ непреложныхъ; а заранѣе скажу я, что если есть много частной потери остановленіемъ торга на Кяхтѣ, то, конечно, отнести ее надобно на губернію Иркутскую. Если же сіе

---

[1]) Вашему Сіятельству—гр. А. Р. Воронцову, бывшему начальнику Радищева, управлявшему Коммерцъ-Коллегіей.

[2]) См. ниже переписку съ гр. А. Р. Воронцовымъ, № 75.

противорѣчіе есть моему объявленному прежде мнѣнію, то признаюсь въ моей погрѣшности, ибо всегда охотно признавался въ моихъ ошибкахъ и сужденія мои за непреложныя никогда не выдавалъ. Хотя мнѣнія мои относительно многихъ вещей, по несчастію моему, стали болѣе извѣстными, нежели тщеславіе быть сочинителемъ иногда требуетъ, но я признаюсь въ превратности моихъ мыслей охотно, если меня убѣдятъ доводами лучше тѣхъ, которые въ семъ случаѣ употреблены были. А на таковыя я въ возраженіе, какъ авторъ, другого сказать не умѣлъ, какъ что сказалъ. Помню, что Галлилей отрекся отъ доказательствъ своихъ о неподвижности солнца и, слѣдуя глаголу инквизиціи, воскликнулъ вопреки здраваго разсудка: солнце коловращается.

Истина, доказательствъ, кажется, не требующая, есть, что въ государствѣ, изобилующемъ своими произведеніями, корень общественнаго благосостоянія основывается на безпрепятственномъ и скоромъ обращеніи домашняго избыточества, слѣдственно, внѣшняя торговля хотя и можетъ быть единымъ отъ источниковъ его богатствъ, но не можетъ по сему никогда почесться необходимою государственной силы и могущества опорою, а потому, кажется, въ пользѣ общественной можетъ замѣнена быть тѣмъ или другимъ, а особливо тогда, когда отрасль таковой торговли мало надежна, подвержена частымъ потрясеніямъ и зависитъ отъ благорасположенія того, съ кѣмъ торгуетъ. Такимъ точно должно почитать торгъ на Кяхтѣ, съ китайцами производимый; онъ не есть основаніе благосостоянія обширной Сибири, можетъ иногда замѣняемъ быть другими выгодами, при производствѣ его не существуемыми; можетъ

противовѣситься тѣмъ или другимъ прибыткамъ государственнымъ и долго будетъ зависѣть отъ каприза китайскаго богдыхана или его мандариновъ; но сіи предложенія не могутъ иначе имѣть нѣкоторую степень вѣроятности или правдоподобія, какъ въ глазахъ тѣхъ, кои прибыль казенную не почитаютъ никогда прибылью государственною. Однакоже сіе размышленіе въ счету у насъ, кажется, быть не можетъ, ибо мы видѣли, что и при послѣднемъ закрытіи торга на Кяхтѣ лучше желали лишиться казеннаго дохода, нежели нарушить государственное положеніе, нежели... что бы то ни было, доходовъ Кяхтинской таможни не пожалѣли, и торгъ пресѣкся.

Два мнѣнія существуютъ между политическими писателями о внѣшнемъ торгѣ, оба хотя клонящіяся къ одобренію онаго и расширенію, но разныхъ предположеній суть они заключенія, и разныя изъ оныхъ истекаютъ изъ нихъ слѣдствія. Говоря съ мужемъ, упражняющимся всечастно въ изслѣдованіяхъ различныхъ мнѣній, до строительства государственнаго касающихся, мнѣ не надлежало бы о томъ говорить предъ тѣмъ, которому выгоды и пользы Россіи больше моего извѣстны,—мнѣ надобно бы молчать, но вы не почтете тщеславіемъ, если я скажу то, что въ какой-либо написано книгѣ, для облегченія моея головы, отвыкшей отъ силлогизмовъ; что же касается до познанія выгоды и пользы государственной, учитель не проститъ ли ученику своему, если что онъ сбредитъ и „дважды-два“ скажетъ иногда „пять“.

Новѣйшее мнѣніе писателей о внѣшней торговлѣ есть таково, чтобы свобода оной была ни чѣмъ не ограничена.

Мнѣніе другихъ есть стародѣдовское и во всеобщемъ почти употребленіи. Я говорю не о той старинѣ, когда съ пріѣхавшаго гостя хозяинъ бралъ по своему произволенію и силѣ; когда не было пощады самому бѣдствію, когда остатки кораблекрушенія алчный спасатель присвоялъ себѣ все, въ мокрой пучинѣ не погрязшее, безъ остатку. Не о семъ рыцарскихъ временъ мнѣніи мое слово, но то стародѣдовское, когда начали откровенныхъ наглостей стыдиться, но когда еще не истребилося желаніе кормиться изъ общаго кармана, непримѣтнымъ образомъ гладя по головкѣ, по легоньку, какъ будто всякъ даетъ изъ добрыя воли непринужденно. Гнушаяся насильственныхъ и явныхъ притѣсненій, но не отчуждаяся древнія прибасочки—всякъ въ своемъ домѣ хозяинъ,—отчасти писателя (?) [1]), отчасти употребленіемъ въ общее вошло обыкновеніе торгъ всегда подвергать нѣкоторымъ правиламъ, и съ торгующихъ или паче съ употребителей, съ ѣдаковъ, пивцовъ и прочихъ учреждать за дозволеніе употреблять то или другое поборы. Итакъ, кажется, между старымъ рыцарскимъ всеграбительнымъ и новымъ, не меньше рыцарскимъ, ни до чего не касающимся мнѣніями желали найти посредство; многіе думаютъ—нашли. Изданы постановленія, учрежденія, тарифы и весь таможенный причетъ. Англія съ 8 милліонами жителей съ таковыми учрежденіями поставила себя въ число первостатейныхъ государствъ въ Европѣ, но англичане сами нынѣ говорятъ и пишутъ, что всѣ преграды въ торговлѣ вредны, ибо она непремѣнно сама себя содержитъ всегда въ неизбѣжномъ равновѣсіи.

---

[1]) Текстъ испорченъ.

Еслибы мы захотѣли слѣдовать новѣйшему мнѣнію относительно внѣшнія торговли, то возобновленіе торга съ китайцами выходило изъ онаго естественнымъ слѣдствіемъ; но какъ оное въ Россіи въ строительствѣ государственномъ не принято, не пріемлется и принято быть не можетъ, то, слѣдуя противному мнѣнію, посмотримъ, чего Сибирь и Россія пресѣченіемъ торга съ китайцами лишается, какія суть выгоды сего торга, что можетъ въ несуществованіи онаго тѣ выгоды замѣнять, или что пріобрѣтаетъ, и какія суть его слѣдствія.

Если истинно вообще, что внѣшняя торговля не есть ·нь благосостоянія государства, какова Россія, то сіе ымъ образомъ истинно въ отношеніи Сибири въ торгу съ китайцами. Но при первомъ взглядѣ покажется, что изъятіе для Сибири изъ сего правила долженствуетъ имѣть мѣсто, ибо если первое начало всего благосостоянія есть земледѣліе, что о Россіи едва ли не повсемѣстно сказать можно, то не упражняющіеся въ ономъ цѣлыя округи сибирскихъ губ. не инымъ чѣмъ питаются, какъ промысломъ звѣринымъ; благосостояніе оныхъ, слѣдственно, зависитъ отъ добычи и продажи, но еслибы продажа таковая была къ однимъ китайцамъ, то бы торгъ съ ними былъ необходимъ. Но въ семь лѣтъ пресѣченія онаго, да и прежде въ подобныхъ же случаяхъ, промыслы таковые не умалилися, и промышляющіе, продавая свою добычу, въ оной всегда находили свое пропитаніе. Но оставимъ всеобщія правила, приступимъ къ самому существу дѣла.

Природа людей участвуютъ обыкновенно въ торгахъ всякаго рода, имѣютъ отъ оныхъ свое пропитаніе или оными пріобрѣтаютъ богатства. (Изъятія изъ сего быть

могутъ, но рѣдки). Первые суть производители вещей или товаровъ, коими торгъ производится, другіе тѣ, кои товаръ приводятъ въ обращеніе, то-есть покупатели или продаватели; третіе тѣ, кои, не участвуя въ собственности вещи, или [1]) съ оною временно обращаются; но изъ сего не надлежитъ заключать, чтобы всякій торгъ проходилъ чрезъ трои руки. Иногда самъ производитель есть и продавецъ товара и доставляетъ его въ мѣсто его употребленія. Иногда товаръ пройдетъ чрезъ десять рукъ, но всѣ его прохожденія къ дѣйствію трехъ родовъ людей, или къ троякому дѣянію людей, сколько бы ихъ ни было [2]); итакъ люди, которые съ товаромъ обращаются, суть онаго *[illegible]я-жатели* или имѣютъ товаръ въ рукахъ временно. Первые суть дѣятели торга и онаго побужденія; другіе токмо пособія, и чрезъ сколько рукъ товаръ пройдетъ, толикому числу людей дастъ онъ упражненіе. Обыкновенно, хотя и бываетъ изъятіе, чрезъ сколько рукъ товаръ пройдетъ, толико-кратно онъ усугубится, не въ количествѣ своемъ или добротѣ, но въ цѣнѣ, или, сказать другими словами, чѣмъ товаръ болѣе пройдетъ рукъ, тѣмъ онъ становится дороже. Подобно, какъ грецкая губка, чѣмъ болѣе касается воды, тѣмъ становится толще, доколѣ мѣра содержащейся въ ней воды не найдетъ въ ней мѣста, такъ и товаръ, чѣмъ болѣе разстояніемъ между производителя и употребителя, тѣмъ товаръ прибыточнѣе, не то, что отъ него болѣе барыша, но что большему числу даетъ пропитаніе. Вся цѣна товара бываетъ въ тягость употребителю онаго

---

[1]) Лишнее слово.

[2]) Въ подлинникѣ пропущено сказуемое (сводятся?).

и ему въ убытокъ, ибо онъ его или истребляетъ, или пресѣкаетъ его дальнѣйшее обращеніе. Вся прибавочная цѣна товара есть прибыль всѣмъ тѣмъ, чрезъ чьи руки оный проходилъ, ибо истинная его цѣна или то, во что оный стоитъ или производителю, или продавателю и покупателю, или тому, кто его временно имѣетъ въ своихъ рукахъ, никому въ прибытокъ быть не можетъ, потому что первый онаго производитель, производя его, имѣлъ въ произвожденіи ущербъ своего имущества, равно и всѣ другіе, продавая его или покупая, или же съ нимъ обращаяся, ущербъ въ имуществѣ своемъ имѣли. Сіе относиться долженствуетъ на всѣхъ, кои даютъ на произведеніе вещи задатки, напр.: земледѣлецъ держитъ скотъ, орудіе, сѣмена и пр.; фабрикантъ строитъ строеніе, припасы; купецъ беретъ деньги въ ростъ и пр.; извощикъ держитъ лошадь, кормъ, промышленникъ тоже.—Слѣдственно, *прирастающая цѣна* товара обращается въ прибытокъ; слѣдственно, чѣмъ больше ея приращеніе, или чѣмъ товаръ дороже становится, тѣмъ больше отъ онаго прибытка. А чѣмъ болѣе сей прибытокъ дѣлится, тѣмъ оно полезнѣе, ибо большее число людей имѣютъ отъ онаго свое пропитаніе или умноженіе имущества: слѣдовательно, чѣмъ товаръ проходитъ болѣе рукъ, тѣмъ онъ болѣе дѣлаетъ прибытка, и тѣмъ отъ него болѣе пользы. Но сей прибытокъ дѣлится между участвующими въ ономъ очень неравно. И потому можно людей, въ торгу обращающихся, раздѣлить на двѣ статьи: тѣ, которымъ товаръ принадлежитъ, и тѣ, которые имѣютъ его въ рукахъ своихъ временно. Удѣлъ первыхъ въ прибыткахъ, отъ торгу бываемыхъ, есть больше, а послѣднихъ меньше. Итакъ, первые суть дѣятели въ торгу, другіе суть онаго

только пособія. Удѣлъ въ прибыткѣ онаго торга сихъ послѣднихъ бываетъ всегда меньше первыхъ, но и убытки ихъ не могутъ быть велики, а какъ то, съ чѣмъ они обращаются, не есть ихъ собственность, то, лишаяся оной, они не лишаются всегда пропитанія своего, ибо труды свои прилагаютъ къ другой вещи. Совсѣмъ другое дѣйствіе лишенія того, отъ чего прибытокъ свои имѣли, бываетъ въ тѣхъ, кому оное принадлежитъ; тогда тотъ, у кого товаръ въ рукахъ останавливается, уподобляется употребителю, ибо онъ, хотя невольно, но обращеніе вещи останавливаетъ, и нерѣдко въ рукахъ его она, теряя свою доброту, теряетъ свою и цѣну. Но дѣйствіе лишенія прибытка наиболѣе падаетъ на производителя оной, ибо покупатель и продавецъ и всѣ другіе, съ вещію или товаромъ обращающіеся, лишены могутъ быть своего только прибытка, а капитала только временно и случайно, но производитель лишается своего ремесла или художества, когда въ немъ не настоитъ нужда и не такъ, какъ другіе, искусство свое на другой предметъ обратить не можетъ, развѣ въ долговременномъ послѣдствіи.

Извините, М. Г., что я здѣсь предпослалъ нѣсколько общихъ изреченій; я не правила какія хотѣлъ утверждать или же какія-либо извлекать слѣдствія: я сдѣлать только хотѣлъ пособіе моимъ мыслямъ, дабы не заблудить въ моихъ сужденіяхъ.

Если мы вышесказанное мною обратимъ на торгъ съ китайцами, то удобнѣе можемъ понять онаго прибытки и неудобства и заключить прежними словами: пресѣченіе онаго не есть столь великій вредъ для Россіи, какъ то обыкновенно поставляется.

Дабы наиболѣе вникнуть въ предлежащее намъ, познаемъ, чѣмъ торгъ съ китайцами питается со стороны Россіи, чрезъ какія онъ до нихъ доходитъ протоки; всѣ ли они государству въ прибыль, или не найдется ли чего-либо, охужденію подверженнаго. Съ другой стороны, посмотримъ, чѣмъ тотъ же торгъ питается съ стороны китайцевъ, въ какіе онъ обращается протоки, и не встрѣчается ли ему что на пути, чему онъ вредить можетъ.

Въ торгу заграничномъ обыкновенно находимъ мы двѣ различныя статьи товаровъ. Одна есть всегда необходимая и составляющая основаніе торга, другая всегда почти случайная, нерѣдко перемѣняющаяся и пресѣкающаяся иногда безъ всякаго въ торгу потрясенія и обремененія. Въ первую статью входятъ тѣ товары, которые покупателямъ если не нужны необходимо, то по крайней мѣрѣ трудно они безъ оныхъ обойтись могутъ. Таковые товары продаются всегда большими статьями, и въ суммѣ всего торга почесть [1]) можно становыми, такъ сказать, статьями и всего торга основаніемъ. Второй же статьи товары суть отрасли первыхъ и отрасли, ко нню принадлежащія временно, и суть всѣ тѣ, безъ коихъ покупатели или совсѣмъ или легче обойтися могутъ.

Основаніе всего торга съ китайцами есть мягкая рухлядь, разнаго именованія, частію юфть и другія кожи. Предо мною лежитъ теперь вѣдомость безъ году отпущеннымъ въ Китай товарамъ. В. С. довольно знаете, коликую степень вѣроятности всѣ таможенныя вѣдомости имѣть могутъ. Погрѣшностей кяхтскихъ покажу послѣ, но за неи-

---

[1]) Пропущено „ихъ“?

мѣніемъ лучшихъ исчисленій обыкновенно онѣ бываютъ основаніемъ. Сумма всѣхъ отпущенныхъ товаровъ показана въ оной 650898 руб. Исключимъ изъ оной суммы за отпущенныя 1) бѣлки, мерлушки и за юфть и другія на 119937, 123337 и [1]) 101656, останется за всѣ другіе товары 302968, меньшая половина. Исключимъ еще изъ сего цѣну 2) горностаевъ, кошекъ, хорьковъ, солончаевъ и соболей, то-есть 41891, 28449, 45470, 29025, остается 158133. Всѣ другіе да и самые дорогіе бобры камчатскіе и черныя лисицы, сиводушки и чернобурыя суть мелочное, а если исключимъ еще статью 3) суконъ (всѣ почти иностранныя), то останется съ небольшимъ 100000. Въ остальномъ семъ числѣ меньшая половина, то-есть 4) 40559 руб. за бобровъ и лисицъ. Въ остальномъ главное мѣсто занимаетъ 5) выхухоль, лапы разныхъ звѣрей, песцы, рога и струя кобарговая цѣною на 36212. Остается статья 6) котиковъ 5637, зеркалъ 5101 руб., числомъ 40944; прибавивъ къ сему статьи ишиченокъ 7) 1416 руб., корсаковъ 2577, лоскутовъ и мѣховъ разныхъ на 2234 руб. и тику на 1979, а всего на 8196, то въ остальныхъ почти семидесяти еще статьяхъ нѣтъ ни одной тысящной.

Изъ сдѣланнаго мною расписанія можно судить, что даетъ Сибирь къ сему торгу, что даетъ [2]) Зауральная Россія, и что берется изъ чужихъ краевъ.

Сибирь даетъ бѣлку, къ чему прибавляется малое число россійской юфти; одинъ почти Иркутскъ козлы и опойки, частію изъ Россіи получаютъ горностаевъ, соболей, хорьковъ и солончаевъ, выхухоль, лапы песцовъ, рога и

---

[1]) Въ подлинникѣ *а*—конечно опечатка.

[2]) Въ подлинникѣ *дастъ*.

струю и всѣ означенные въ послѣдней седьмой статьѣ, исключая тикъ: слѣдовательно, большую половину, то-есть 380418. Россія и частію Сибирь же даетъ мерлушекъ [1]), кошекъ и тикъ цѣною всего на 153765, бобры и лисицы и котики суть частію сибирскіе, но большею частію или, сказать правильнѣе, больше по цѣнѣ получаются изъ Охотска заморскаго лова, всего 46196. Изъ иностранныхъ товаровъ отпускаются сукна и частію россійскія зеркала цѣною на 46937 руб., но сколь мнѣ извѣстно, отпускаются много иностранныхъ бобровъ и выдръ, которые здѣсь не показаны, то они или совсѣмъ выпущены, что невѣроятно, или же переименованы кошками, что въ таможенномъ быту случается.

Изъ вышесказаннаго расписанія видно, что большая часть товаровъ, въ мѣхѣ съ китайцами употребляемая, суть такихъ, которые добываются въ Сибири, такихъ, которые суть произведеніе кочевой жизни, $\frac{1}{5}$ скотоводства, $\frac{1}{10}$ собственнаго рукодѣлія, или настоящаго общественнаго упражненія (я, конечно, того мнѣнія, что надлежитъ удобовозможное извлекать на пользу жителей, но не надлежитъ имѣть понятный путь къ невѣжеству).

Люди, временно съ товаромъ обращающіеся, суть или прикащики, или извощики, или пріемлющіе товаръ въ сохраненіе, или дающіе кладовыя подъ поклажу. Чѣмъ скорѣе обращеніе товара, тѣмъ прибыль ихъ чаще, тѣмъ она и больше. Чѣмъ товаръ разсѣяннѣе, чѣмъ болѣе пространства, и мѣста отдаленнѣе, откуда его достаютъ, тѣмъ больше нужды въ прикащикахъ. Чѣмъ мгновеннѣе въ товарѣ

---

[1]) Лучшія мерлушки за Байкаломъ по 10 и 80 к. (*Прим. авт.*).

нужда, тѣмъ его надлежитъ везти поспѣшнѣе въ то мѣсто, гдѣ его требуютъ, тѣмъ клади бываютъ легче, тѣмъ больше подводъ, тѣмъ больше бываетъ прибыль извощиковъ, а въ томъ и другомъ случаѣ тѣмъ больше людей кормится. Но число прикащиковъ по сему торгу развѣ умножится для того, что число умножится торгующихъ, а не по числу товара: ибо его столько добываютъ, сколько возможно.

Слѣдуетъ, что Кяхтскій торгъ не по мягкой рухляди можетъ размножить число прикащиковъ.

Прикащиками купеческими можно почитать закупщиковъ, живущихъ по деревнямъ.

Прибыль извоза, отъ мягкой рухляди происходящая, да и вообще не столь велика, какъ то думаютъ. Если, какъ то мы увидимъ, пресѣченіе торга на Кяхтѣ лову звѣрей не умалило, то барыши отъ извозовъ тѣ же, что были. Но какъ то вѣроятно, что при открытіи торга купцы чаще бываютъ въ разъѣздѣ для закупки товаровъ, то сіе обращается въ отягощеніе сельскихъ жителей. Всѣ въ Сибири ѣздятъ на почтовыхъ и, по несчастію, на одинакихъ прогонахъ. Жители отвлекаются отъ своего дѣла, а тѣ, которые ямщиковъ нанимаютъ, тѣ дороже за то платятъ, что проѣздъ чаще.

Вторая статья, торгъ на Кяхтѣ питающій [1]), видѣли мы, есть произведеніе скотоводства, мерлушки и кожи, а сіи суть совокупно и произведеніе рукодѣлія. Мерлушки, на Кяхтѣ промѣниваемыя, привозятся или изъ Россіи, или вымѣниваются на линіяхъ въ разныхъ крѣпостяхъ на россійскіе и иностранные товары у киргизцевъ. Привозятся

---

[1]) Питающая?

они большею частію зимою. Всѣ извощики, которые товары возятъ изъ Россіи, провозятъ они тысячу, полторы или болѣе верстъ отъ Томска до Иркутска обыкновенно одни.

Совершенно правда, если китайцы не вымѣняютъ мерлушекъ, то онѣ останутся на рукахъ, и, кажется, будетъ убытокъ. Но да позволится мнѣ сдѣлать догадку. Не вѣроятіе я утверждаю, но возможность.

Для чего запрещается торгъ хлѣбомъ, когда его у самихъ мало? Не для того ли, чтобы онъ дома былъ дешевле и чтобы его было больше? Конечно. Кто же ручается мнѣ, что кяхтинскій торгъ не заморозилъ кого-либо, лишивъ покупки шубы по дешевой цѣнѣ того, у кого мало денегъ. Не дороже ли отъ того мясо, когда его меньше? Не больше ли его, когда дашь барану вырости и не убьешь его ягненкомъ? Не то же ли можно сказать и о салѣ [1])? Но все сказанное суть догадки, а не исчисленіе, за такія ихъ и выдаю.

Равное можно сказать и о кожахъ или юфтяхъ; пресѣченіемъ торга на Кяхтѣ терпятъ совершенно иркутскія кожевни. Кажется, имѣетъ и скотоводство братскихъ въ томъ убытокъ. Но если помыслимъ, что всѣ сибирскіе жители носятъ обувь кожаную, и что еще въ самое пресѣченіе торга она нынѣ въ Иркутскѣ дороже, нежели въ Москвѣ, а, можетъ быть, и въ Петербургѣ, то тотъ, кто имѣетъ

---

[1]) Кто повѣритъ, что выгодныя цѣны сала и распространившійся торгъ симъ товаромъ заставилъ многихъ немощныхъ жителей Петербурга говѣть на Святой недѣлѣ; таково дѣйствіе торга, яко электрическая сила, пробѣгаетъ всѣ вѣдучія ее тѣла до краевъ. (*Примѣчаніе автора*).

нужду въ ней, если терпитъ нынѣ, болѣе потерпитъ отъ возобновленія торга.

Слѣдуетъ статья товаровъ иностранныхъ. Купленные въ Петербургѣ и Архангельскѣ, они доставляются частію водою, частію на саняхъ, или на Ирбитскую ярмонку, или Енисейскую, или же прямо въ Иркутскъ. Польза отъ нихъ государству только прибыль купеческая и всѣхъ другихъ, временно съ товаромъ обращающихся.

Теперь посмотримъ то, что намъ китайцы даютъ, и раздѣлимъ вещи нужныя или, какъ то мы ихъ назвали, товары становые, отъ другихъ. Главные товары, отъ китайцевъ получаемые, суть бумажные товары, чай и шелковые товары. Въ числѣ первыхъ находятся китайки и дабы, первыя, употребляемыя на платье, другія на рубахи, на подкладки и во все то, куда употребляютъ холстъ. По вѣдомости, которая теперь лежитъ передо мною, вымѣнено китаекъ разныхъ званій на 695018 руб., дабъ на 87488 руб., всего бумажнаго товара на 792784 руб.; бумаги же хлопчатой немного болѣе 45 пудъ (хотя она по сибирскому тарифу положена безъ пошлинъ столь справедливо, что нужда заставляетъ брать или не брать товаровъ, а не высокая и не низкая пошлина); чаю разныхъ родовъ 27042 пуда, 331646 руб.; въ томъ числѣ кирпичнаго 15359 на 61437 руб., хотя я мало вѣрю сему исчисленію, что почти половина всего чая выходитъ такъ называемаго кирпичнаго; шелковаго товара на 79067 руб., да 1219 пудъ шелку по цѣнѣ на 80000 или до 100000 рублей, въ вѣдомости же стоятъ показаны только 17706 руб. цѣна шелку сученаго, а всего шелковаго товара отъ 150000 до 180000. Послѣ сихъ главной статьи товаровъ составляютъ сахаръ леде-

нецъ, котораго на 10752 руб., да 31 пудъ сахарнаго песку, посуды разной на 5375 руб., корольковъ и декрю или бисѐру на 5475 рубл., фруктовъ на 1509; остальная часть товаровъ состоитъ изъ мелочей ниже тысячи. Жемчуга на 270 руб. и нѣсколько золота и серебра.

Изъ сего исчисленія можемъ видѣть, что бумажные товары, изъ Китая вывозимые, составляютъ главную оныхъ статью и $^2/_3$ почти всего торга; за ними слѣдуетъ чай, болѣе нежели на $^1/_4$ всей суммы торга. Потомъ шелковый товаръ и шелкъ.

Въ числѣ бумажнаго торга заключаются китайки на $^7/_8$ цѣны и дабы на $^1/_8$ часть. Китайки по дешевизнѣ своей употребляются не токмо въ Сибири, но и во всей Россіи людьми средняго состоянія, а наипаче женскимъ поломъ, дабы же всѣ расходятся въ Сибири и въ Россіи почти неизвѣстны. Весь градскій и сельскій народъ употребляетъ ихъ на рубахи; тѣ, которые по-зажиточнѣе, на вседневныя, прочіе же на праздничныя.

О повсемѣстности употребленія чая я говорить нужды не имѣю. Сколь всѣ въ Россіи къ нему сдѣлали привычку, то всякому извѣстно, но того утвердить не отваживаюсь, чтобы чаемъ производимъ былъ торгъ съ Польшею. Хотя въ пограничныхъ таможенныхъ вѣдомостяхъ и показывано, что чай вывозятъ за границу въ нарочитомъ количествѣ, но вамъ извѣстно, сколько прежнія вѣдомости вѣроятія заслуживаютъ. Кирпичный чай, котораго хотя не столько по цѣнѣ, но количествомъ (если моей вѣдомости вѣрить можно), выходитъ больше, нежели всѣхъ лучшихъ сортовъ, въ Россію нейдетъ, а расходится весь въ Сибири и преимущественно въ Иркутской губерніи и больше употребляемъ

бурятами и русскими, живущими за Байкаломъ; безъ чаю пропитались; выведенные изъ Польши не пьютъ.

Между шелковаго товара главная статья суть камки или голи, которыхъ по цѣнѣ выходитъ больше половины всего шелковаго товара. Хотя онѣ еще употребительны быть могутъ придерживающимися старинныхъ модъ, но, вѣроятно, скоро выдутъ изъ употребленія. Камки расходится много въ Сибири и много идетъ въ Россію. Вторая главная статья между шелковыми товарами суть фанзы, которыя почти въ Россію не отвозятся и расходятся всѣ въ Сибири. Большею частію употребляютъ ихъ на рубахи, то-есть на верхнюю половину оной. Тѣ, которые носятъ изъ дабъ рубахи вседневныя, они носятъ въ праздники рубахи фанзовыя.

Но важнѣе всего есть статья вывозимаго шелка. Если полезно благоспоспѣшествовать рукодѣліямъ безъ разбору, то шелковымъ тканіямъ надлежитъ отлично. Шелковыя рукодѣлія въ Россіи тѣмъ полезнѣе, что большею частію производятся сельскими жителями и на ихъ счетъ. Тотъ же человѣкъ, который лѣтомъ управляетъ сохою и косою, тотъ же зимою сидитъ за шелковымъ станомъ. Обыкновенныя мануфактуры, не исключая англинскихъ и французскихъ, полезныхъ тѣмъ, что даютъ пропитаніе многому числу бѣдныхъ гражданъ, и за каждыми 200, 300, 500 или 1000 человѣкъ, получающихъ хлѣбъ насущный, обогащаютъ одного или двухъ гражданъ; но шелковое рукодѣліе, какъ то оно въ московской губерніи существуетъ, не обогащая ни одного, многимъ частнымъ и большею частію сельскимъ жителямъ доставляетъ довольственное житіе. Итакъ, если мы исключимъ Астрахань и Петербургъ и очень въ малой пропорціи Иркутскъ, которые издерживаютъ ма-

лую часть всего въ Россіи изъ Персіи, во время торга изъ Китаю, и малую часть изъ Италіи привозимаго шелка, все онаго количество расходится въ Московской губерніи.

Позвольте здѣсь, хотя некстати, присовокупить небольшое размышленіе о китайскихъ шелковыхъ товарахъ.

Когда пролетитъ временная мода на бѣлое женское платье, то шелковыя матеріи войдутъ, конечно, опять въ величайшее употребленіе. Оставимъ то, что нынѣ можно бы заводить (если Ліонъ уже опустѣлъ на счетъ разоряющихъ безначаліемъ своимъ рукодѣлія свои) шелковыя мануфактуры; можно гораздо лучше имѣть въ Россіи хорошія шелковыя матеріи. Уже опыты были дѣланы съ немалою удачею; давать китайцамъ образцы шелковыхъ товаровъ, которые они поддѣлываютъ совершенно, и, вѣроятно, при низкомъ нынѣ курсѣ и рѣдкости серебряныхъ денегъ китайскіе шелковые товары можно продавать въ подрывъ европейскимъ. Если же бы заказывающіе присовокупили къ сему и форму европейскую, то бы обманутый покупщикъ въ свою пользу охотно бы покупалъ прочные товары китайскіе за французскіе непрочные. Мы довольно въ томъ удостовѣряемся ежечасно въ общежитіи, что доброта не только товара, но и моральныхъ вещей основывается на мнѣніи; кто не знаетъ, что за русское произведеніе вещь у насъ охуждается: дай той же вещи имя французское, и вещь, конечно, одобрена. Кто постигаетъ связь понятій, тотъ легко видитъ, что возродиться можетъ въ россійскихъ головахъ отъ французскихъ модъ!

Послѣ сихъ трехъ главныхъ статей можно еще на ряду поставить вывозимый изъ Китая сахаръ. Количество его не велико, и онъ весь расходится въ Сибири, но по нынѣш-

ней дороговизнѣ сахару возможно, что его будутъ отвозить и въ Россію.

Посуда, изъ Китая вывозимая, а особливо такъ называемая чайная и фарфоровая, могла бы бо́льшій имѣть расходъ, еслибы была дѣлана со вкусомъ и была бы покрѣпче. Давая имъ образцы, можно также имѣть хорошую.

Вся сія посуда расходится большею частію въ Сибири, такъ же, какъ и корольки, которые частію продаются на линіи Киргизцамъ.

Достальныя статьи товаровъ, числомъ до 50, невѣроятно, чтобы могли когда распространиться, не исключая и самаго ревеня, ибо дороговизна его воспрепятствуетъ имѣть онымъ нарочитый торгъ съ Европейцами. За неимѣніемъ въ Россіи фруктовъ торгъ оными могъ бы распространиться, но и то нечрезвычайно. Цѣны высокія, по которымъ перецъ, сорочинское пшено и стамедъ покупаются отъ китайцевъ, воспрепятствуютъ распространенію сего торга; тожъ сказать можно и о табакѣ, котораго очень низкія цѣны могли бы подорвать изрядные разсадки сего растенія въ Иркутской губерніи.

Достигнувъ Иркутска, товары китайскіе, назначенные для отвоза по Сибири или въ Россію, отправляются лѣтомъ водою, зимою на саняхъ. Судовъ, оными товарами нагруженныхъ, въ годъ выходитъ отъ 15 до 20. Они плывутъ Ангарою или Тунгузкою до Енисея по теченію воды, а потомъ вверхъ до Енисея. Тутъ, выгрузивъ ихъ, перевозятъ волокомъ 90 верстъ на рѣку Кеть, и плывутъ по теченію воды Кетью до Оби, потомъ Обью до устья Иртыша, гдѣ противъ воды идутъ до Тобольска; рѣдкіе товары отправляютъ прямо до Тюмени или Туринска водою.

Изъ Тобольска отвозятъ сухимъ путемъ зимою въ Москву или въ Пермь, откуда по вскрытіи водъ плывутъ Камою и Волгою до Макарья. Рѣдкіе отправляются съ Уткинской пристани на судахъ до Иркутска. Изъ Россіи или Тобольска мало плаваютъ водою. Отъ Макарья суда доходятъ до Перми, оттуда сухимъ путемъ до Тюмени и Тобольска. Изъ Тобольска же товары, назначенные для китайскаго торга, болѣе возятъ сухимъ путемъ, по той причинѣ, что большею частію плыть надлежитъ противъ воды, исключая теченіе Иртыша и немного Енисея. Однако же нѣкоторые отправляютъ товары свои до Томска водою. Изъ Енисейска до Иркутска водою плавать не очень способно, ибо Тунгузка или Ангара имѣетъ очень быстрое теченіе и до 70 пороговъ; плавая внизъ по сей рѣкѣ, на одномъ изъ сихъ пороговъ, называемомъ Падунъ, суда принуждены выгружать и всю кладь обвозить четыре версты сухимъ путемъ.

Естественныя и непреоборимыя причины препятствовать всегда будутъ, чтобы водяной путь сдѣлался обыкновеннымъ, которымъ бы производилося сообщеніе у Сибири съ Россіею; пространство великое препятствуетъ судамъ совершать плаваніе въ одно лѣто, а зима продолжается семь мѣсяцевъ въ Сибири, и воды покрыты льдомъ.—Но время хотя не возможетъ премѣнить естества, премѣнить населеніе Сибири; образъ ея торговли и сообщеніе водяное между Китаемъ и Россіею производятся чрезъ многія посредства, можетъ сдѣлаться непрерывнымъ, хотя медлительнымъ, а паче тогда, когда сухопутная возка будетъ дорога, ибо купцы россійскіе будутъ товаръ получать чрезъ сибирскихъ купцовъ, которые заведутъ товарную складку.

Выгоды сельскихъ жителей отъ торга съ китайцами суть тѣ, что многіе будутъ питаться извозомъ и отъ проѣзда обозовъ, продавая извощикамъ пищу, овесъ, сѣно. Въ Иркутскѣ увѣряли меня, что во время торга бываетъ до 10 тысячъ подводъ; положить по три подводы или болѣе на человѣка, будетъ 3000 человѣкъ, питающихся извозомъ, и хотя 2000, питавшихся отъ нихъ, — сдѣлаетъ 5000: въ другомъ мѣстѣ невеликое количество, но въ Сибири много. Сіи извозы производятся въ зимнее время; земледѣльца отъ дому не отвлекаютъ. Для Барабинскихъ жителей великая изъ того выгода. Отдаленные отовсюду, они не могутъ возить хлѣба на продажу, и отъ того бѣдны. Сверхъ того, купцы и ихъ прикащики ѣздятъ часто, всегда на почтѣ и платятъ хорошіе прогоны, то-есть дороже $^1/_4$ на версту.

Соображая все вышесказанное, нетрудно будетъ опредѣлить всѣ выгоды, которыя отъ торга съ китайцами произойти могутъ.

Если мы его поставимъ въ отношеніи всего внутренняго и внѣшняго торга Россіи и сравнимъ его съ обращеніемъ ежегодно производимыхъ въ Россіи богатствъ, то оный столь малъ въ семъ сравненіи, что кажется, какъ малый ручей, который, теряяся въ пространствѣ моря, не производитъ въ немъ никакого движенія. И по истинѣ, если возьмемъ всѣ исчисленія въ нижайшихъ степеняхъ, то и въ семъ сравненіи онъ малъ несказанно: напримѣръ, населеніе всего россійскаго государства, положимъ, въ 26 милліоновъ [1]), на каждаго изъ нихъ положимъ по $1^1/_2$

[1]) Должно припомнить, что сіе письмо писано въ началѣ 1792 года. *Прим. авт.*

четверти или для избѣжанія долей 15 пудъ ржаного хлѣба, то сдѣлаетъ всего 390 милліоновъ пудъ или около 45 мил. четвертей, по общей цѣнѣ на 80 мил. руб.; положимъ столько же ярового хлѣба по цѣнѣ на 70 мил. руб.,— сдѣлаетъ всего употребляемаго хлѣба на 150 мил. Если мы всѣ другія произведенія положимъ на столько же, то есть на 150 мил. руб., что, конечно, немного, то сдѣлаетъ 300 мил. руб. Торгъ китайскій положивъ въ 3 мил., слѣдуетъ, что произведеніе китайскаго торга содержится къ ежегоднымъ произведеніямъ, какъ 1 ко 100. Я не исчисляю здѣсь все возможное обращеніе сихъ произведеній, что, конечно, безъ излишества сумму сію удвоитъ, ибо въ такомъ случаѣ надлежало бы исчислить и всѣ обращенія товаровъ, торгъ китайскій составляющихъ, но и въ семъ случаѣ исчисленіе не было бы въ его перевѣсъ. Сдѣлаемъ повѣрку сему исчисленію, да не покажемся увеличивающими все, намъ представляющееся. Сумму всѣхъ обращающихся денегъ въ Россіи, кажется, можно безъ увеличиванія опредѣлить на 200 мил. руб. Положимъ, что каждый рубль только пройдетъ въ годъ чрезъ трои рукъ или, сказать тоже другими словами, представитъ три разныя вещи (если вникнемъ, то найдемъ, что нерѣдко одинъ рубль 10, 20, 30 и болѣе вещей представляетъ), то обращеніе годовое будетъ 600 мил. руб. Позвольте сдѣлать еще другую повѣрку. Доходы государственные положимъ гадательно, но вѣроятно въ 40 мил. руб. Если мы ихъ почтемъ $^1/_5$ всѣхъ денежныхъ въ государствѣ доходовъ, что, конечно, не чрезмѣрно, то всѣхъ денежныхъ доходовъ сдѣлаетъ 200 мил. руб.; или сумма обращающейся монеты, если скажемъ, что, вышедъ изъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ она со-

бирается, она представитъ три вещи постепенно, то тоже будетъ сумма 600 мил. руб. Но обратимся къ китайскому торгу.

Но китайскій торгъ не къ пользѣ Россіи надлежитъ относить, но къ пользѣ Сибири или же нѣкоторой ея части, почти только лежащей по сю сторону Енисея, ибо если въ уваженіе поставить, что чай или китайка дешевле будутъ въ Россіи, то на сіе сказать можно, что дороговизна чая чувствительна была съ начала закрытія торга на Кяхтѣ; по времени всѣ къ тому привыкли. Недостатокъ же въ китайкѣ тѣмъ только былъ чувствителенъ, что къ ней многіе сдѣлали привычку. По прошествіи же 7 лѣтъ недостатокъ сей замѣнился совершенно.

Я слыхалъ также, что нѣкоторые думаютъ, будто торгъ китайскій дѣйствуетъ вообще на низкій курсъ денегъ и усугубляетъ торговыя обращенія. Мы изъ вышепоказаннаго исчисленія видѣли соразмѣрность китайскаго торга съ общимъ обращеніемъ. Сія то малость и есть причиною, что пресѣченіе сего торга стагнацій не дѣлаетъ ни въ чемъ, чувствителенъ болѣе для роскоши, нежели для недостатка. Какое открытіе торга на Кяхтѣ будетъ имѣть дѣйствіе, не знаю, но мнѣ кажется, кто прямую причину пониженія курса скрыть самъ у себя не захочетъ, тотъ никогда нескажетъ, что курсъ понизился отъ пресѣченія торга на Кяхтѣ.

Самое кратчайшее доказательство насъ въ томъ убѣдитъ. Фундаментальная въ свѣтѣ нынѣ монета есть серебряная или золотая; бумаги есть монета сократительная, мѣдная раздробительная, та и другая суть марки. Слѣдственно, что всѣ торговые исчисленія и обороты должен-

ствуютъ располагаться по цѣнѣ серебра и золота. Если въ одномъ мѣстѣ кусокъ круглый серебра стоитъ то же, что и въ другомъ, то курсъ, говорятъ, равенъ. Но если въ одномъ мѣстѣ онъ стоитъ больше, а въ другомъ меньше, то курсъ неравенъ. Но кусокъ серебра существа своего для того не перемѣняетъ: напримѣръ, 1 фунтъ серебра въ Россіи и Голландіи имѣетъ тотъ же вѣсъ, хотя подъ разными названіями; итакъ, если возьмемъ нашъ рубль и противопоставимъ его голландскимъ деньгамъ по истинному его вѣсу, то цѣна его будетъ въ 35 стиверовъ или немного болѣе. Для чего же нынѣ за рубль даютъ 27 и 28 стиверовъ? Для того, что торгуютъ не на серебряный рубль, но на бумажки. Приложи же къ бумажному рублю промѣнъ на серебряный, то выйдетъ прежній рубль; или торгую на серебряныя деньги, то курсъ будетъ равенъ (au pail) [1]. Торгъ на Кяхтѣ тогда бы могъ великое имѣть на курсъ дѣйствіе, еслибы, замѣнивъ многія статьи европейскихъ товаровъ, тѣмъ бы не уменьшался и вывозъ нѣкоторыхъ нашихъ товаровъ. Но вѣроятно, что, напримѣръ, уничтоживъ привозъ чая изъ Англіи, Голландіи и Даніи, уничтожится вывозъ тѣхъ русскихъ товаровъ, которымъ платили за сей товаръ, ибо бояться не надлежитъ, чтобы умноженіе привоза иностранныхъ товаровъ было Россіи во вредъ тѣмъ, что вывозить будутъ серебро. Серебра изъ нея не вывезутъ, ибо мало она его родитъ, и оно дорого, ибо напрасно и такъ себя ласкать, что всегдашній балансъ въ пользу Россіи будетъ платить серебромъ; въ Россіи множество недостаетъ мануфактуръ, роскошь питающихъ,

---

[1]) Al pari?

нѣтъ ни сахару, ни кофе, ни вина и не умѣютъ еще варить хорошаго пива [1]), и долго еще будутъ намъ платить сими товарами за наши произведенія. Еслибы Россія торговала прямо съ Перу или чрезъ Кадиксъ съ гишпанскими, американскими селеніями, то бы и къ намъ серебро шло въ слиткахъ безъ перевѣса въ торговлѣ, потому что Кадиксъ симъ металломъ платитъ, не имѣя другихъ товаровъ. Сообрази, если ежегодно балансъ бывалъ бы въ нашу пользу, и что, какъ то думаютъ, платили за него наличными деньгами, то сколько въ десять лѣтъ могло бы ихъ войти въ Россію, и возможно бы было, чтобы втеченіе трехъ лѣтъ отъ 1 стали бы платить за промѣнъ рубля 25 коп.

Но если въ сихъ общихъ отношеніяхъ торгъ съ Китаемъ мало важности имѣетъ, не можетъ онъ однако же безъ уваженія остаться въ другихъ отношеніяхъ, а особливо, что касается до вывоза изъ Китая шелка и шелковыхъ товаровъ. Правда, что весьма полезно для употребителей вещей и товаровъ, чтобы они были по выгоднѣйшимъ и низкимъ цѣнамъ (для сей то причины стараются непосредственные заводить торги), но если дешевая цѣна стоитъ того, чтобы способствовала привозу сего дешеваго товара, не должно ли подумать, что можетъ отъ того или быть вредъ, или подрывъ или же остановится нашъ товаръ, даваемый въ заплату.

Говоря о шелковыхъ товарахъ, привозимыхъ изъ Китая, мы уже сказали, съ какою выгодою можно замѣнять

---

[1]) Благодѣтельность правительства и вся его дѣятельность обратились теперь на наши мануфактуры, а во-время наложенное запрещеніе на издѣлія иностранныя неминуемо должно возвысить курсъ въ нашу пользу. *Прим. Изд. „Оставшихся сочиненій А. Н. Радищева“.*

товары французскіе китайскими товарами; сказали такъ: какое можетъ имѣть дѣйствіе привозъ китайскаго шелка, способствуя разведенію шелкоткальныхъ крестьянскихъ становъ, и для того не почитаемъ за нужное здѣсь сказанное повторять, а скажемъ только то, что если уничтожатся преграды для возраждающихся искусствъ, они въ короткое время достигнутъ возможной степени совершенства.

Къ общимъ выгодамъ всего государства, отъ торга съ китайцами проистекающимъ, можно причесть продажу или промѣнъ иностранныхъ товаровъ; и сіе можно нѣкоторымъ образомъ почитать транзитнымъ торгомъ. Неоспоримою истиною почитается, что проходной торгъ полезенъ, нуженъ, прибыточенъ; примѣръ Голландіи и Ганзейскихъ городовъ выгоды онаго торга представляетъ блестящими. И подлинно, доказательство, кажется, полезности его состоитъ въ двухъ словахъ и есть осязательно. Съ одной стороны, я товаръ возьму, съ другой—отдамъ; слѣдственно, товаръ беру я не для своего употребленія, но для посторонняго; слѣдственно, не я за него плачу, но тотъ, кто его употребляетъ. Одни мои барыши несомнѣнны.

Сіи безпредѣльныя въ торговлѣ вольности вопросомъ быть не могутъ. Тамъ, кто чѣмъ съ выгодою питаться можетъ, кто чѣмъ бы то ни было что-либо произвести можетъ и достаетъ свой хлѣбъ насущный, то позволительно, полезно и нужно; но тамъ, гдѣ помышляютъ о перевѣсѣ въ торгѣ, тамъ совсѣмъ другой долженъ быть разсчетъ, и, кажется, проходной или транзитный торгъ не на общихъ преждепомянутыхъ размышленіяхъ остаться долженъ, но долженъ быть основанъ на исчисленіяхъ, относящихся къ существу и положенію мѣста, гдѣ оный производится. При

семъ свѣтилѣ многое, что мнится быть прибыткомъ, исчезнетъ, какъ дымъ, и зданіе, нерѣдко блестящее, рушится.

Простите мои заключенія, я не за очевидности ихъ выдаю, но за догадки, которыя требуютъ утвержденія въ опытахъ. Положимъ сей случай: если, напримѣръ, за товаръ, привезенный для проходу, А платитъ деньгами, а В, пріемщикъ товара, платитъ товаромъ, который В употребитъ, то какая прибыль для А? Или, другими словами, если государство платитъ за товаръ деньгами, а промѣняетъ его на товаръ, который само употребитъ, то я тутъ транзитнаго торга не вижу. Не говоря о транзитномъ торгѣ Риги и Херсона и не утверждая, что Россія деньгами ли платитъ за всѣ товары, которые промѣниваетъ въ Астрахани, Оренбургѣ, на линіи и на Кяхтѣ, я только хотѣлъ показать возможность проигрыша, который можетъ происходить отъ транзитнаго торга, и что буде кто хочетъ вѣрно знать, полезенъ онъ или вреденъ, то надлежитъ его основать на тонкихъ расчисленіяхъ и почти неудобь возможныхъ. Но, исключая послѣднія времена, гдѣ курсъ россійскихъ денегъ упалъ на 27 стиверовъ или ниже (чему, кажется, не только транзитный торгъ, но и торгъ вообще не причиною), если вѣроятно быть можетъ, что курсъ есть термометръ прибытка или потери государства въ торгу, то, кажется, не взирая на всѣ прежніе потаенные проѣзды на польской границѣ и проч., курсъ былъ всегда безъ равенства, то есть выше 36 стиверовъ, или другими словамм нашъ рубль 72 пробы стоилъ дороже рубля.

При таковыхъ обстоятельствахъ, и если курсъ будетъ означать перевѣсъ торга въ пользу Россіи, то продажа

иностранныхъ товаровъ на Кяхтѣ будетъ выгодна. Таковые товары состоятъ, какъ то мы видѣли, изъ суконъ, зеркалъ и другихъ подобныхъ бездѣлушекъ, а наипаче изъ бобровъ и выдръ, суммою всего можетъ быть на 150000 руб. А какъ оные товары промѣниваютъ на такіе, которые расходятся въ Россіи, слѣдственно, не китайцы за нихъ платятъ, а русскіе, то прибыль отъ сего транзитнаго торга будетъ та, что больше отъ китайцевъ вымѣнено будетъ товара: слѣдственно, онъ будетъ дешевле и употребителенъ безъ отягощенія.

Я Сибирь отъ Уральскихъ горъ до мѣста моего пребыванія проѣхалъ въ такое время, когда торгъ на Кяхтѣ былъ запертъ, и худая была надежда къ возобновленію онаго, ибо какъ то въ Тобольскѣ, Иркутскѣ не безъ причины, можетъ быть, думали, что со стороны Россіи не о торгѣ помышлять начинали, но о войнѣ, что китайцы примѣтя о томъ сами упоминали. До Тобольска не слыхалъ я жалобы ни отъ кого, что пресѣченіе сего торга было въ тягость, исключая чая, коего дороговизна и недостатокъ заставлялъ всякаго произносить жалобу. Въ Тобольскѣ скучали пресѣченіемъ сего торга нѣкоторые купцы, которые, имѣя большой запасъ для кяхтинскаго торга, лишалися почти своихъ капиталовъ; скучали также частные люди, привыкшіе къ употребленію чая и къ употребленію на одежду китайскихъ товаровъ, особливо фанзъ и китаекъ. Проѣзжая далѣе, я почти до самой Иркутской губерніи не слыхалъ жалобы. Въ Тарѣ, Томскѣ и Красноярскѣ купечество мало занималося торгомъ на Кяхтѣ, на Барабѣ въ рѣдкихъ мѣстахъ говорили, что цѣна горностаевъ понизилась, но причиною несуществованія торга на Кяхтѣ

тому не поставляли, ибо сіе пониженіе цѣны начало воспріяло гораздо позже.

Но основательнѣе всего могли печалиться бѣдные Барабинскіе поселяне, и то не болѣе трехъ или четырехъ въ каждомъ селеніи. Безъ торга съ китайцами уменьшился проѣздъ обозовъ и купечества. Обозы выгодны бывали тѣмъ, что имѣли издержки на овесъ, сѣно и пищи извощиковъ. Купцы, проѣзжая налегкѣ, платили за почтовыя подводы, хотя всегда съ великою экономіею, однакоже больше одинакихъ прогоновъ. Отдаленные отъ всѣхъ торговыхъ мѣстъ, они произведенія свои не могутъ продавать съ выгодою, какъ проѣзжающимъ. Енисейская ярмонка въ 1791 году была отмѣнно малолюдна.

Но, въѣхавъ въ Иркутскую губернію, съ самаго того мѣста, гдѣ мѣста становятся ровнѣе, пашни обильнѣе, и селитьбы привольнѣе, я слышалъ, хотя не повсемѣстно, но неудовольствіе или сожалѣніе о пресѣченіи торгасъ съ китайцами, но, къ крайнему моему удивленію, на вопросы мои о семъ другого почти не слыхалъ, что имѣли недостатокъ въ китайскихъ товарахъ и всѣхъ питающихъ роскошь, то есть китайки, фанзы и дабы; о сихъ послѣднихъ сказавъ, что могутъ замѣнены быть съ выгодою льнянымъ холстомъ, получилъ въ отвѣтъ, что многія бабы стали учиться съ недавныхъ лѣтъ прясть. Но нигдѣ въ селеніяхъ даже до сего мѣста не слыхалъ, чтобы говорили, что мягкая рухлядь въ цѣнѣ упала, но скучали, что нѣтъ дабъ на рубахи и желали возобновленія торга для того, что надѣялися, что пушной товаръ вздорожаетъ.

Въ Иркутскѣ остановка китайскаго торга тѣмъ была чувствительнѣе, что великій капиталъ лежалъ въ запасен-

номъ товарѣ безъ обращенія, по увѣреніямъ нѣкоторыхъ отъ 4 до 5 милліоновъ рублей. Потеря великая, если сумма столь велика, какъ меня увѣряли.

Собственно, для города Иркутска торгъ съ Китаемъ весьма полезенъ, въ разныхъ отношеніяхъ. Не столько, можетъ быть, своимъ мѣстоположеніемъ естественнымъ, но мѣстоположеніемъ политическимъ, если такъ сказать можно, Иркутскъ можетъ равняться съ лучшими россійскими торговыми городами, и превосходитъ многіе.

Не одна сосѣдственность съ Кяхтою дѣлаетъ торговое его обращеніе знатнымъ. Если исключимъ тѣ товары, которые идутъ изъ Якутска въ Москву, не заходя въ Иркутскъ чрезъ Илимскъ, Енисейскъ и далѣе, то всѣ торговые обороты мягкою рухлядью, все нужное для заморскихъ промысловъ и все оттуда привозимое, вся добыча смоляныхъ, моржевыхъ и костяныхъ промысловъ; все, что питаетъ торгъ на Кяхтѣ со стороны Россіи, и все, что отъ китайцевъ получается за обмѣнъ, не токмо проходитъ чрезъ Иркутскъ, но тутъ складывается, сортируется, часто переходитъ изъ рукъ въ руки и въ Иркутскѣ грузится на воза или суда для отвоза въ Россію или на границу китайскую.

Но если выгоденъ китайскій торгъ для Иркутска тѣмъ, что большія приводитъ въ обращеніе суммы, еще выгоднѣе онъ тѣмъ, что много питаетъ купцовъ маломочныхъ. Я здѣсь на минуту устранюся отъ моего предлога и скажу нѣчто малое, хотя о побочной матеріи, но также нѣсколько къ слову моему причастной. В. С., конечно, того же мнѣнія: если промыселъ, рукодѣліе, искусство или упражненіе какого бы рода ни было питаетъ большее число людей, хотя бы оно и меньшее число капитала пускало въ обра-

щеніе или меньшее бы число производило числительныхъ богатствъ, то то искусство, рукодѣліе или упражненіе или что бы то ни было предпочтительнѣе тому, которое, обращая великіе капиталы или производя много богатствъ, меньшее число людей питаетъ.

Истинѣ сей вы отъ меня доказательствъ не потребуете, столь она очевидна, а для облегченія моего могъ бы я оныя выписать изъ многихъ хорошихъ авторовъ. Но если можно и давать пропитаніе большему числу людей и оставлять всевозможное обращеніе капиталовъ, то тѣмъ больше будетъ выгоды. Приложимъ сіе къ торгу на Кяхтѣ. То, что я здѣсь скажу, скажу не по словамъ другихъ, но, по моему испытанію, которое тѣмъ было безошибочнѣе, что со мною многіе были въ нынѣшнемъ моемъ состояніи чистосердечнѣе, нежели могли бы быть въ другомъ. Торгъ на Кяхтѣ производятъ не токмо великіе капиталисты, но большая часть купцовъ, тамъ торгующихъ, суть люди маломощные, безденежные и пропитаніе свое добывающіе потомъ лица своего; не токмо торгуютъ купцы на Кяхтѣ, но нѣкоторые крестьяне и многіе иновѣрцы, а особливо буряты или братскіе. Всѣ сіи люди до сего времени торговали на Кяхтѣ безпрепятственно, и Иркутскъ таковымъ купечествомъ наполненъ. Во время несуществованія торга кяхтинскаго издано городовое положеніе. Купцы иркутскіе сами понимаютъ, что одна первая гильдія можетъ пользоваться правомъ торговать на Кяхтѣ и, дабы не лишиться пропитанія или прибытка, но не въ состояніи будучи нести тягости первой гильдіи, отчасти мѣщане, а болѣе купцы третьей гильдіи пишутся въ первую гильдію не всѣ своимъ именемъ, но по 5, 6, 8, 10 и 15 на одно имя. Итакъ законъ остается безъ

дѣйствія. Не знаю, что предпримутъ крестьяне и братскіе, которые торгуютъ только своими произведеніями, ибо и мягкая рухлядь есть ихъ собственное произведеніе; если они не сдѣлаютъ того же, то произведутъ торгъ потаенный, въ ущербъ пошлиннаго сбора, хотя также въ пользу общую.

Китайскій торгъ выгоденъ собственно для города Иркутска тѣмъ, что питаетъ много кожевниковъ; хотя опричь черныхъ юфтей въ Иркутскѣ другихъ кожъ не дѣлаютъ, развѣ немного козловъ, но и сіе искусство многія доставляетъ выгоды. Собственно къ выгодѣ Иркутска можно отнесть плату, производимую за складку назначаемыхъ на Кяхту и въ Россію товаровъ. Для сего построенъ довольно обширный гостиный каменный дворъ въ два этажа и строится еще другой, которые нынѣ почти стоятъ пусты, и построители лишены прибыли наймовъ. Къ собственной выгодѣ Иркутска надлежитъ также отнести прибытки отъ построенія и содержанія судовъ, плавающихъ по Ангарѣ и Байкалу. Съ китайскимъ торгомъ плаваніе сіе удвоится, и вмѣсто (по сказываніямъ живущихъ на Ангарскихъ порогахъ вожей или лоцмановъ) 17 или 20 судовъ, плавающихъ нынѣ отъ Иркутска до Енисейска, проплывать будутъ ежегодно судовъ до 40.

Къ симъ общимъ или прямо до торга кяхтинскаго принадлежащимъ выгодамъ присовокупляется еще для города Иркутска и побочныя, напримѣръ, прибыль, получаемая изъ постоя 10,000 подводъ и многого числа пріѣзжихъ людей, мелочныя услуги, въ торгу нужныя, которыя будутъ питать многихъ жителей, починка и дѣланіе повозокъ зимнихъ и лѣтнихъ, большій расходъ нужныхъ для жизни припасовъ и многія другія мелочи, въ которыя

можно включить непространное искусство ткать шелковые пояса и ленты.

Что же касается до общихъ выгодъ Иркутской губерніи или Сибири, отъ китайскаго торга проистекающихъ, то отчасти говорили мы о томъ уже выше, и здѣсь еще о нихъ упомянемъ.

Мы видѣли, какимъ образомъ сей торгъ полезенъ вообще, что не токмо большіе въ ономъ обращаются капиталы, но, что гораздо полезнѣе, малые, давая пропитаніе большему числу людей. Мы видѣли, что многіе крестьяне прибыльные будутъ имѣть извозы, а отъ нихъ прибыль будетъ держателямъ постоялыхъ дворовъ. Сіе можетъ хотя невеликое дѣйствіе имѣть на хлѣбопашество, ибо и скотоводство для дальныхъ извозовъ надлежитъ имѣть большое число лошадей и имъ нужное снабженіе. Для сего надлежитъ размножать табуны, размножать пашни. Обращеніе денегъ между крестьянъ будетъ скорѣе и выгоднѣе. Проѣзжающіе по дорогамъ должны дѣлать издержки (которыя нынѣ въ разсужденіи малаго проѣзда малы), и сіе будетъ въ прибытокъ живущимъ по дорогамъ поселянамъ. Къ статьѣ извоза можно присовокупить размноженіе плаванія по Селенгѣ, Байкалу и Ангарѣ, ибо мы видѣли по извѣстіямъ лоцмановъ, что число судовъ, проходящихъ пороги, удвоится.

Расходъ съѣстныхъ припасовъ, усугубляяся въ Иркутскѣ, какъ то мы видѣли, можетъ имѣть благое дѣйствіе на хлѣбопашество, а хотя оному и есть нѣкоторыя препятствія, по крайней мѣрѣ, цѣны хлѣба должны возвыситься къ пользѣ поселянъ, не ставя въ счетъ годы худого урожая, гдѣ прибавляющійся расходъ можетъ быть иногда гибелью.

Мы видѣли, что въ торгу съ китайцами много промѣниваютъ юфти, (которую употребляютъ почти всю предѣльные съ россійскою границею Мунгалы), и сіе можетъ имѣть дѣйствіе на размноженіе скотоводства. Наконецъ, возвышенія повременныя пушного товара въ пользу будутъ поселянъ или промышленниковъ. Таковы суть выгоды торга съ китайцами. Я не могъ поставить въ счетъ продажу вообще излишней мягкой рухляди, то есть всей той, которая не расходится въ Россіи или не отвозится за границу, ибо если цѣна на нѣкоторыя статьи пушного товара съ пресѣченія торга на Кяхтѣ понизилась, но не на главные и не на становые. Сему утвержденію мало вѣрятъ даже и въ самомъ Иркутскѣ, но тѣ, кои въ торгѣ кяхтинскомъ обращаются, должны признаться въ истинѣ мною сказаннаго; а доказательство тому короткое и ясное есть то, что товаръ на рукахъ у промышленниковъ не остается, и нынѣ, когда извѣстно уже стало, что торгъ возобновленъ будетъ, на мѣстѣ промысловъ товаръ поднялся только 1 процентомъ, но прибыль на Кяхтѣ торгующихъ часто не на мягкую рухлядь, но на китайскій товаръ, и въ томъ я согласенъ.

Исчислимъ теперь, сколько возможно пользы Россіи и Сибири, отъ китайскихъ товаровъ ожидаемой.

Мнѣ кажется, первою и всѣ другія превосходящею пользою постановить можно вывозъ изъ Китая въ Россію шелка; мы видѣли, какимъ образомъ онъ нуженъ для шелковыхъ тканей и размножившагося рукодѣлія сего въ Московской губерніи; наипаче размножился торгъ шелковыми платками, которыми нынѣ Московская губернія снабжаетъ всю Россію. А кто не знаетъ, сколь великій

расходъ на оные! ибо они составляютъ головной женскій уборъ простого народа средняго состоянія.

Съ немалою пользою, видѣли мы, можно вывозить китайскія шелковыя матеріи по двумъ причинамъ: 1-е по высокой цѣнѣ европейскихъ, отъ низкаго курса на россійскія деньги происходящей. 2-е потому, что китайцы начинаютъ ткать съ лучшимъ вкусомъ, то есть по даваемымъ имъ европейскимъ образцамъ, и сей торгъ можетъ въ нынѣшнее время нарочито распространиться.

Если можно почитать выгодою дешевую цѣну товаровъ иностранныхъ, то кяхтинскій торгъ совершенно выгоденъ тѣмъ, что унизитъ цѣны на многіе товары великаго употребленія; но я съ моей стороны таковою выгодою почту развѣ всякій чай опричь кирпичнаго, ибо чай сего рода служитъ только къ роскоши крестьянъ и братскихъ, живущихъ за Байкаломъ, и нѣкоторыхъ жителей другихъ мѣстъ Сибири. То же сказать можно и о дешевизнѣ дабъ и фанзъ, но о семъ будемъ говорить ниже, также и замѣняющихъ китайку товарахъ. Но поселяне сибирскіе особо, отмѣнно обрадуются дешевымъ цѣнамъ сихъ товаровъ, то есть частію китаекъ, фанзъ, а особо кирпичнаго чая и дабъ, хотя нерѣдко къ своему вреду.

Исчисливъ такимъ образомъ всѣ выгоды, которыя происходятъ отъ торга съ китайцами на Кяхтѣ и слѣдуя сдѣланному расположенію, теперь скажу, что заступало его мѣсто во время несуществованія, то есть куда обращалися россійскіе товары и чѣмъ замѣняемы были китайскіе, ибо нельзя подумать, да и противно было разсудку мыслить, что въ обширномъ государствѣ и лежащемъ въ непрерывномъ протяженіи, граничащемъ съ тремя частями свѣта,

если сообщеніе и торгъ съ однимъ государствомъ прервется, чтобы товары, въ семъ торгу обращающіеся, всѣ стали недѣйствительны и смертію пораженны. Всякъ безпристрастный признается въ семъ. Уменьшилися ли отъ пресѣченія китайскаго торга звѣриные промыслы? Умалилося ли скотоводство? Оставилъ соху земледѣлецъ и удалился ли своего упражнія? Пройди всѣ селенія Сибири, вопроси всякаго, который питается промысломъ звѣринымъ, не найдешь нигдѣ, кто бы сказалъ, что онъ пересталъ ходить въ лѣсъ для того, что торгъ съ китайцами пресѣкся. Всякъ тужилъ, когда торга не было, но не о томъ, что товаръ съ рукъ не шелъ, но о томъ, что не было китайскихъ товаровъ. Итакъ, можно заключить съ вѣроподобіемъ, что пресѣченіе торга на Кяхтѣ на звѣриные промыслы не имѣло дѣйствія худого. Думать можно, что цѣна пушныхъ товаровъ при открытіи торга на Кяхтѣ возвысится, но причина тому будетъ иная, и самая та, отъ которой курсъ сталъ съ нѣкотораго времени столь низокъ. Нѣкоторые товары однако же остаются на рукахъ у добывателей, а именно тѣ, которые привозятся въ Охотскъ на промышленническихъ судахъ, какъ то бобры, черныя лисицы и еще нѣкоторые. Я о семъ торгѣ буду говорить вообще, тогда и о сихъ товарахъ.

Всякое потрясеніе въ торгу вредно, по крайней мѣрѣ сначала, даже и тогда, когда изъ перемѣны можетъ быть польза.

Но если вообще усматриваемъ, что для возобновленія ослабѣвающихъ пружинъ нужны сильныя потрясенія, то не можно ли сего сказать и о торгѣ? Но иногда премѣны таковыя ужасъ только наводятъ для того, что суть премѣны, а не для того, что отъ того истинный вредъ.

Во всякомъ торгу обращаются товары, изъ которыхъ

нѣкоторые идутъ непремѣнно въ одну сторону, другіе же хотя и въ большемъ количествѣ, идутъ въ одну сторону по привычкѣ, а могутъ идти и въ другую безпрепятственно.

Изъ сдѣланнаго выше сего исчисленія видѣли мы, что главныя статьи кяхтинскаго торга составляли бѣлки, мерлушки и юфть. Что касается до бѣлки, то ловля сего звѣрка составляетъ основаніе всѣхъ почти сибирскихъ звѣриныхъ промысловъ, по крайней мѣрѣ сею ловлею питается большая часть сибирскихъ промышленниковъ. Плодовитость ея столь велика, что здѣшній народъ почитаетъ, что одна самка въ годъ можетъ имѣть до 40 поколѣній, но я сего не утверждаю, и вопросъ сей сюда не принадлежитъ. Но сколь количество сего звѣря ни велико, сколь добываніе его ни избыточно во все продолженіе пресѣченія торга нынѣ, также и въ прежнее, сказываютъ, время никогда онѣ на рукахъ не оставалися у промышленниковъ. Я думаю, вамъ извѣстно, что сей товаръ, когда на Кяхтѣ торгъ пресѣкся, обратили для заплаты долговъ, сдѣланныхъ въ Европѣ по торговымъ обращеніямъ. Большая часть онаго пошла въ Гамбургъ, а оттуда, вѣроятно, въ немаломъ количествѣ и въ Турецію. И сей истокъ сего товара столь окоренился, что и нынѣ, когда уже утверждено торгъ на Кяхтѣ возобновить, лучшую бѣлку отпускаютъ въ Россію изъ Иркутска, и если соревнованіе Кяхты не возвыситъ ея цѣны до невозможнаго, то сей торгъ останется въ дѣйствіи, но отъ возвышенія цѣнъ можетъ послѣдовать противное, и торгъ бѣлкою съ Европою отъ возобловленія подорвется, ибо выгоднѣе ее можно будетъ промѣнивать китайцамъ и на ихъ товарахъ лучшіе получать барыши. Итакъ, торгъ, самъ себѣ вредя или самъ себѣ помогая, когда ничто постороннее его

не разраждаетъ, подобенъ водамъ, прорывающимъ себѣ теченіе, не тамъ, гдѣ бы выгоднѣе ихъ напоеніе нивамъ и пажитямъ, но тамъ гдѣ пошвы отложистѣе и гдѣ теченіе ихъ можетъ быть свободнѣе. Истина въ нравственномъ и вещественномъ мірѣ болѣе существующая, нежели ощущаемая.

Торгъ мерлушками питается изъ разныхъ мѣстъ. Меньшую часть оныхъ даетъ Иркутская губернія, но добротою самую лучшую. Пространныя степи позади Байкала, обитаемыя бурятами, даютъ пищу многочисленному скоту крупному и мелкому, который большею частію принадлежитъ братскимъ, ламамъ, шуленгамъ, зайсанамъ, а наипаче тайшѣ. Прочая мерлушка идетъ отъ киргизцевъ чрезъ пограничныя мѣста, Петропавловскую, Троицкую и Оренбургскую таможни. Нѣкоторую часть даютъ и оставшіе калмыки. Во время пресѣченія торга на Кяхтѣ, мерлушки забайкальскія оставалися дома, но не всѣ; много не только мерлушекъ, но и всякаго звѣря братскіе продавали потаенно своимъ единородцамъ мунгаламъ, живущимъ подъ игомъ китайскаго правительства, и сколь оно ни прозорливо на угнетеніе, вездѣ многіе найдутся люди, которые тѣмъ охотнѣе попустятся на какое-либо дѣйствіе, что оно запрещено.

Человѣку, служившему въ таможнѣ, быть одобрителемъ всего потаеннаго торга свойственно показаться, что былъ нарушитель самъ тарифныхъ положеній, но я сей укоризны не боюся и тѣмъ болѣе знаю, что и вы того мнѣнія, чтобы за исходомъ россійскихъ произведеній строго смотрѣть въ таможнѣ не нужно.

Но возвратимся къ мерлушкамъ. Не знаю, куда обращаются мерлушки, вымѣниваемыя отъ киргизцевъ, не извѣстно мнѣ, живымъ ли всѣ они скотомъ вымѣниваются

или шкурами; не дѣлалъ я сравненія, больше или меньше ихъ вымѣнивается, но то сказать можно съ вѣроятностію, что дѣйствіе торга на Кяхтѣ не имѣло дѣйствія на торгъ съ киргизцами и хотя въ общемъ размышленіи полагать можно, что если гдѣ сей товаръ и остается, то онъ хотя и дешевѣетъ, но не во вредъ жителямъ, ибо хотя то и смѣшно покажется, но, какъ я уже сказалъ, никто отъ того не замерзнетъ, что купилъ дешевую шубу.

На что оставляемъ выпускъ хлѣба, не на то ли, что думаемъ, что дома дешевле будетъ? Правда, что все другое съ симъ товаромъ сравниться не можетъ, но если другія потребности во вторую или третію статью потребностей поставимъ, то не надлежитъ ли также и о ихъ дешевизнѣ пещися, и если правительство печется, что бы иностранные товары были дешевле, доставши ихъ изъ первыхъ рукъ, то для чего же не пещися, чтобы и собственные были не [1]) дешевле?

Кто бы подумалъ, что юфтей оставаяся на 100000, въ Россіи онѣ мало дѣлаютъ разстановки въ обращеніе сего товара, и заводы кожевенные отъ того не остановилися. Когда торгъ бываетъ съ китайцами, то юфти для сего торга привозятъ не токмо изъ Красноярска и Енисейска, но и далѣе. Когда его нѣтъ, то иркутская юфть идетъ на Ишимскую линію, для продажи киргизцамъ. Такимъ образомъ торгъ, самъ себѣ помогая, не терпитъ преграды, и если я говорю, что не такъ великъ вредъ отъ пресѣченія торга на Кяхтѣ, какъ кажется, то не утверждаю, чтобы его возобновленіе было вредно.

---

[1]) Лишнее слово.

Равнымъ образомъ и другіе пушные товары не остаются въ рукахъ промышленниковъ, ибо каждый, находя свойственный ему истокъ, обращается, куда ему способнѣе и выгоднѣе. У тѣхъ много товару осталося, кто имѣлъ его въ закуткѣ при закрытіи торга, а ни кто другой. Нужды, кажется, нѣтъ преслѣдовать за каждою статьею товара, ибо если можетъ быть извѣстно количество его, когда выходитъ за границу въ одномъ мѣстѣ, нельзя его уловить и узнать въ точности, въ какіе протоки онъ раздробится, ибо если извѣстно, что на Кяхтѣ промѣнено, напримѣръ, горностаевъ на 40000 руб., то когда они обратилися въ другую сторону, и если гдѣ они въ выпускѣ случатся за границу, то можно ли утвердить, что точно тѣ, которые выходили въ Китай?

Россія столь обширна, столь въ лучшихъ ея областяхъ есть лѣсовъ, что не можно точно сказать, развѣ быть отпуску ихъ прилежнымъ свидѣтелемъ, разумѣется, о нѣкоторыхъ товарахъ: сей товаръ оттуда, и столь у него много пунктовъ прикосновенія съ другими государствами, чтобы всегда сказать съ увѣреніемъ: сей товаръ вывезенъ въ такое государство.

Внутренне употребленіе, а особливо мода, приводитъ иногда и сибирскіе товары въ обращеніе. Напримѣръ, предъ нѣсколькимъ временемъ въ Москвѣ была мода на собольи мѣха, не всегда на дорогіе, но на самые тѣ, которые берутъ китайцы. Кто въ Москвѣ былъ безъ собольей шубы, тотъ въ число щеголей не вмѣщался, а тамъ ихъ много, и быть таковымъ есть въ свѣтѣ не рѣдкое достоинство. Нынѣ мода пошла на шубы или виндшуры бобровыя. Если бы торгъ на Кяхтѣ не возобновился, то я увѣренъ, чтобы

и камчатскіе дорогіе бобры въ Москвѣ нашли покупателей.

Товары иностранные, употребляемые въ мѣну на Кяхтѣ, оставалися совершенно безъ дѣйствія, но также они не были ставлены на счетъ россійскаго торговаго долга. Конечно, выгоденъ торгъ проходной, но тогда буде за товаръ, мною полученный, я, заплатя товаромъ, получаю наличныя деньги, или хотя заплатилъ деньги, ихъ при продажѣ возвращаю, платя такимъ образомъ за товаръ чужія деньги и пользуяся оныхъ интересами; но если я, съ одной стороны, заплатилъ деньги, а промѣнялъ, съ другой стороны, на товаръ, то если мнѣ есть прибыль, какая государству? Я о семъ торгѣ предлагаю только мои мысли безъ всякаго утвержденія, ибо матерія сія для меня, какъ первенственный хаосъ, покрыта еще мглою. Если я могъ видѣть самолично дѣйствія китайскаго торга въ нижайшихъ и дальнѣйшихъ протокахъ, но я мало времени былъ въ срединѣ торга сибирскаго, то есть въ Иркутскѣ и не видалъ совсѣмъ, какимъ образомъ бываетъ торгу сему истокъ въ Китай. Я бы почелъ въ положеніи моемъ благодѣяніемъ, еслибы позволено мнѣ было отлучаться отъ мѣста моего пребыванія. Вѣрьте, что причина тому единственно наученіе. Если глаголъ мой заразителенъ, если дышу язвою, и взоръ мой возмущеніе разсѣиваетъ,—скитаяся по пустынямъ и дебрямъ, преходя лѣса, скалы и пропасти, кто можетъ чувствовать дѣйствіе толико злодѣйственна существа? Пускай гласъ мой не премѣнился, пускай выя не стерта и носится гордо,—гласъ ударять будетъ въ камень, отзвонокъ его изыдетъ изъ пещеры и раздастся въ дубровѣ необитаемой. Свидѣтели моихъ мыслей будутъ небо и земля, а Тотъ.

Кто зритъ въ сердца и завѣсу внутренности нашея проницаетъ, Тотъ знаетъ, что я, что быть бы могъ и что буду.

Привыкнувъ къ употребленіямъ нѣкоторыхъ вещей и сдѣлавъ ихъ себѣ иногда почти толико же необходимыми, какъ хлѣбъ и рубаха, человѣкъ, живущій въ обществѣ, съ трудомъ отстать можетъ отъ своей привычки, хотя бы то была прихоть, и если не можетъ удовлетворить своей прихоти тѣмъ, чѣмъ удовлетворялъ прежде, удовлетворитъ ее чѣмъ-либо подобнымъ и тѣнію хотя того, чѣмъ наслаждался, насладится.

Мы видѣли, что главныя произведенія, изъ Китая въ Россію привозимыя, суть товаръ бумажный, то есть китайки и дабы, чай, шелковыя ткани и шелкъ сырецъ и сученый; мы видѣли, что китайки и чай употребляемы не токмо въ Сибири, но и въ Россіи, что шелкъ почти единственно расходился на московскихъ мануфактурахъ, что дабы, фанзы всѣ почти расходилися въ Сибири, а золи и прочій шелковый товаръ отвозился частію въ Россію, частію расходилися въ Сибири.

Въ то время, какъ на Кяхтѣ торга не было, тогда возвысившаяся цѣна на чай заставила нѣкоторыхъ людей оставить свою привычку и употреблять вмѣсто чаю кофе, но тѣ, которые сей привычки преобратить въ другую не могли, покупали и употребляли чай, привозимый изъ Англіи, Голландіи и Даніи, платя за оный втрое или четверо, отъ чего привозъ сего товара чрезъ всѣ порты, а особливо чрезъ Петербургъ увеличился; но бѣдные люди, которые чай пивали во дни празднества или веселія или же, подражая въ роскоши богатымъ и причаствуя сей постепенной

заразѣ, живущіе въ Россіи употребляли веронику и богородскую траву, живущіе въ Сибири замѣняли травою, такъ называемый луговой чай, но жители Забайкальскіе, буряты и русскіе, которые издерживаютъ весь почти кирпичный чай, изъ Китая привозимый, и коего количество превосходило количество всего чая, въ Россіи употребляемаго, привыкнувъ къ употребленію онаго отъ самаго дѣтства, при всякомъ пресѣченіи торга на Кяхтѣ приходятъ въ великую разстройку, и многія семейства, отъ чая обнищавъ, пошли по міру. Вотъ дѣйствіе прихотей и дѣйствіе роскоши подобно той, которую усматриваютъ въ дикихъ народахъ, и чѣмъ они грубѣе, тѣмъ дѣйствіе пагубнѣе, чѣмъ они простѣе, тѣмъ безпечнѣе. Тунгусъ, когда начнетъ по-здѣшнему гулять, то есть упиваться до безчувствія, пропиваетъ послѣднюю рубаху; Караибъ отдаетъ за пьяное питье свою постелю, не помня о томъ, можетъ ли успокоить на чемъ свои усталые члены.

Такимъ образомъ многіе забайкальскіе жители пропивалися на чаю, доколѣ доставало ихъ имущества. Овца, корова, лошадь преобращалися въ чай, и, наконецъ, хлѣбъ сталъ пустъ, и нива не ораная не дала жатвы. Не имѣя потомъ возможности доставать чай, стали вмѣсто онаго употреблять траву, которая въ разсужденіи своей безвредности имѣла дѣйствіе чая, ибо питье сіе, употребляемое по образу сибирскихъ жителей, не токмо не вредно, но полезно и питательно, и чай или траву можно почесть скорѣе побочнымъ (ingrédient) составомъ, нежели первенствующимъ.

Если чай, какъ вещь, прихотью введенная въ употребленіе, а не нуждою не могла истребиться изъ употребле-

нія, хотя привозъ ея пресѣкся, и съ нимъ низкая его цѣна, кольми паче невозможно отстать отъ того, что считаемъ между первѣйшими необходимостями, какъ то одежда въ сѣверномъ климатѣ, и если нѣтъ штофа и парчи, надѣнемъ вздохнувъ сермяжное сукно и проч. Но таковъ человѣкъ, что о прихоти своей болѣе жалѣетъ, нежели о нуждѣ. Сей удовлетворить почтится безъ роптанія, отъ лишенія другого приходитъ нерѣдко въ изступленіе. Притяженіе веселія есть изъ первѣйшихъ элементовъ нашего состава, и душа наша на ономъ замѣщена. Если мы вникнемъ въ причины возстанія народовъ, то увидимъ, что лишенія прихоти нерѣдко были имъ въ томъ побужденіями.

Лишенные китайскихъ тканей, служившихъ къ ихъ дѣйствіямъ, употребители стали промышлять, какъ бы ихъ замѣнить чѣмъ другимъ. То, что въ нарядахъ употребляемо, было замѣнено нарядомъ, что была необходимость, то замѣнена такою же. Невозможно почти исчислить, чѣмъ замѣнены стали китайки, ибо употребленіе сего товара разнообразно. Сукно, коломенка, выбойка, миткаль, нитяныя ткани ярославскихъ фабрикъ и даже крашенина,—все служило въ замѣну. Фанзы замѣнены были миткалемъ и тонкимъ ивановскимъ полотномъ, ибо фанзы употреблялися сибирскими жителями большею частію на рубахи.

Вмѣсто дабъ стали употреблять красныя и синія пестреди, нитяныя и полубумажныя. Но что еще важнѣе, поселяне стали разводить ленъ въ большомъ количествѣ, деревенскія и городскія бабы стали прясть и ткать, ибо, къ немалому моему удивленію, я во многихъ мѣстахъ Сибири слышалъ, что многія бабы выучилися сему рукодѣлію назадъ тому три или четыре года. Въ Тарѣ, а особливо въ

Томскѣ, гдѣ много хорошаго льна родится, холстъ начиналъ составлять отрасль торговли, и его отвозили въ Иркутскую губернію большими партіями. Шелковые другого рода товары, канфы, голи или камки нашли замѣну или въ ліонскихъ тканяхъ, или другихъ французскихъ модахъ. Шелкъ, на фабрики московскія употребляемый, вывозить (говорю гадательно) стали, можетъ быть, въ большомъ количествѣ изъ Персіи и Италіи.

Другія статьи китайскихъ товаровъ, гораздо въ меньшемъ количествѣ вывозимыя, нечувствительны были при ихъ лишеніи, исключая, можетъ быть, сахара леденца, коего употребленіе было велико, а въ Иркутскѣ, Тобольскѣ и прочихъ сибирскихъ городахъ почти повсемѣстно. Но высокія цѣны головного сахара болѣе о немъ заставляли тужить, нежели то, что не было китайскаго леденца.

Посуда, какого бы званія и вида она ни была, не столь была завидна, чтобы она въ счету могла стоить лишнее, а о другихъ статьяхъ и говорить нужды не нахожу въ разсужденіи ихъ маловажности.

Изъ всего вышеуказаннаго можемъ мы видѣть, какое торгъ на Кяхтѣ съ китайцами производитъ вообще дѣйствіе надъ всѣмъ тѣмъ, чѣмъ онъ живится, и какъ онъ дѣйствовать можетъ на то, чѣмъ въ несуществованіе замѣняется. Мы видѣли, что пресѣченіе торга на Кяхтѣ звѣринымъ промысламъ не было въ подрывъ, и что они отъ того не уменьшилися. Правда, еслибы китайцы совсѣмъ съ Россіею торговать перестали, то воспретило бы сіе распространенію промысловъ, производимыхъ отъ Охотска на берегахъ американскихъ. Признаться въ томъ должно несомнѣнно: они прибыльны, иногда прибыльны чрезмѣрно, но

если они обогатить могутъ того или другого, какова изъ того польза вообще, мы постараемся показать ниже.

Обыкновенные же звѣриные промыслы распространиться, кажется, не могутъ, но скорѣе желать надобно, чтобы они уменьшились, и жители, пропитаніе свое нынѣ отъ звѣриныхъ промысловъ снискивающіе, начали бы прилежать къ земледѣлію. Въ таковомъ положеніи, какъ промыслы нынѣ производятся, они бы земледѣлію не были вредны, ибо производятся тогда, когда работъ никакихъ не бываетъ. Но, надѣяся на звѣрскую добычу, всѣ оное промышляющіе, къ земледѣлію не прилежатъ и если на ловитвѣ не щадятъ своихъ трудовъ и здравія, оныхъ въ другую работу жалѣютъ отмѣнно. Сколь же таковое пропитаніе ненадежно, не имѣю нужды доказывать. Нынѣшнею весною (1792) въ окружностяхъ Илима ловъ былъ худъ отмѣнно, такъ что тотъ, кто добывалъ 500 или болѣе бѣлокъ, нынѣ имѣлъ не болѣе 20 или 30. Не говорю о томъ, сколько много отъ того бываетъ несчастій; скитаяся по лѣсамъ, встрѣчаются съ медвѣдями и жертвою бываютъ своей отважности, и, алчности прибытка водимы, пренебрегая нужду и непогоды, лишаются членовъ, на всю жизнь бываютъ калѣки. Не думайте однакоже, чтобы они жили въ изобиліи; правда, что всѣ сибирскіе крестьяне, барабинскихъ посельщиковъ исключая, лучше и изобильнѣе живутъ помѣщичьихъ крестьянъ, ѣдятъ мясо, а въ постъ рыбу, но изъ того не слѣдуетъ, чтобы они жили въ изобиліи. Одинъ изъ 100 или 200 живетъ не въ долгъ, другіе всѣ наемники и работаютъ на давшихъ имъ задатки. Всю свою добычу запродаютъ заранѣе, а корыстолюбимые и немилосердые торговщики пользуются трудами и ими обогащаются.

Многіе изъ поселянъ, увидѣвъ ненадежность звѣринаго промысла, оставляютъ свои жилища и, простясь съ лѣсами, переходятъ и селятся на мѣстахъ изобильнѣйшихъ; ѣдучи по Ленѣ, въ рѣдкомъ селеніи я того не находилъ. Таковыя переселенія бываютъ на Оку, гдѣ земли много, и она плодоносна. Еслибы я не зналъ, сколь мало можно получать въ распоряженіе казенныя деньги, и сколь частое изъ оныхъ дѣлаютъ злоупотребленіе, то я бы подалъ совѣтъ давать преміи всѣмъ желающимъ оставлять жизнь лѣсную и звѣроловную и, селясь на мѣстахъ плодоносныхъ, упражняться въ земледѣліи.

Скотоводство, дающее часть своего произведенія для торга на Кяхтѣ, столь же мало или меньше потерпѣло отъ пресѣченія торга съ китайцами. По крайней мѣрѣ можно сіе сказать о скотоводствѣ Иркутской губерніи. Мы видѣли, что она въ торгъ даетъ двѣ главныя статьи товаровъ, мерлушки и кожи, а сіи послѣднія бываютъ выдѣлываемы и отвозятся въ Китай съ юфтію. Самую малую часть мерлушекъ даетъ губернія Иркутская; идетъ оныхъ много отъ киргизцевъ изъ-за границы; остальныя покупаются въ разныхъ мѣстахъ, и столь непримѣтно, что едва ли первая закупка чувствительна, почему можно предполагать, что первый продавецъ, имѣя невеликую прибыль въ продажѣ и малую потерю, если у него мерлушекъ не покупаютъ, число своего скота для сего не умалитъ, не усугубитъ, ибо одни только великіе прибытки заставляютъ дѣлать новыя предпріятія; но торгъ кяхтинскій, промѣнивая мерлушки въ великомъ количествѣ, побуждая къ размноженію скота, дающаго мерлушку, не токмо, казалося бы, въ семъ случаѣ благое будетъ имѣть дѣйствіе, но размножать волну

и способствовать можетъ къ заведенію или размноженію суконныхъ фабрикъ.

Но оставимъ всѣ сіи гаданія, и я лучше признаюся, что о семъ ничего основательнаго сказать не могу, потому что подробность сего торга мнѣ мало извѣстна.

Торгъ юфтію, остановившійся на Кяхтѣ, кажется, можетъ развѣ вредить кожевеннымъ заводамъ, а не умалить скотоводство. Слѣдующее разсужденіе можетъ служить тому доказательствомъ. На что держать большой рогатый скотъ? или, спросимъ опредѣленнѣе и ближе къ цѣли нашей: на какое употребленіе бьютъ скотъ, и какая въ томъ главная цѣль? Далеко ее, кажется, не надобно, и сохраненіе своея жизни скажетъ, что нужда заставляетъ искать пищу и находить ее въ скотскомъ мясѣ. И по истинѣ, если мы разсмотримъ, что въ скотинѣ рогатой всего дороже, то найдемъ, что мясо всего дороже, затѣмъ слѣдуетъ сало, а кожа въ заключеніе. Они содержатся въ слѣдующей пропорціи: $4^1/_2 — 1^1/_2 — {}^2/_4$. Изъ сего можно сдѣлать вѣроятное заключеніе, что употребленіе мясъ возстановило кожевенную торговлю и мануфактуру, а не прибытки торговли юфтію заставляютъ бить скотину, развѣ цѣна кожъ возрастетъ мгновенно, какъ то мы видѣли въ цѣнѣ сала, и для того доколѣ будутъ люди употреблять говядину въ кушанье, дотолѣ и торгъ юфтію не пресѣчется, и будутъ существовать кожевенные заводы, ибо въ нихъ также настоитъ надобность, а особливо въ Сибири, гдѣ весь простой народъ носитъ кожаную обувь, которая и во время закрытія торга въ высокой держится цѣнѣ, хотя число битаго скота не убываетъ, потому что употребители мяса тѣ же.

Кажется, кяхтинскій торгъ малое на земледѣліе можетъ имѣть дѣйствіе. Однако же, если то правда, что мнѣ сказывали, что во время сего торга въ Иркутскѣ въ годъ до 10000 подводъ перебываетъ и съ сими по меньшей пропорціи 3000 человѣкъ, то, полагая умноженіемъ расхода овса и хлѣба то количество, которое употреблено быть можетъ людьми и лошадьми во время продолженія дороги, можно почесть сіе распространеніемъ расхода, а потому въ той же пропорціи и земледѣлія.

Обратимся теперь къ китайскимъ товарамъ и посмотримъ, каково ихъ дѣйствіе. Мы видѣли, что въ несуществованіи кяхтинскаго торга товары, вымѣниваемые отъ китайцевъ, были замѣняемы совершенно, и недостатокъ въ нихъ чувствовали только тѣ, которые, сдѣлавъ къ нѣкоторымъ изъ оныхъ привычку, не въ силахъ были покупать таковые же, но по дорогой цѣнѣ, для людей состоянія посредственнаго. Первые годы по закрытіи торга на Кяхтѣ возвышенія цѣны на китайскіе товары показались несносными, но по времени къ онымъ сдѣлали привычку, и размноженіе нѣкоторыхъ, опричь чая, привозомъ чрезъ порты, цѣны оныхъ понизило, и недостатка въ нихъ уже не чувствовали. Хотя чай и дороже былъ прежняго, но всѣ, кто чай пилъ (опричь кирпичнаго), отъ чая не отстали, а нынѣ при возобновленіи торга можно сказать съ увѣреніемъ, что прежняя цѣна чая, на Кяхтѣ вымѣниваемаго, возстановиться не можетъ потому, что числительная сумма денегъ въ Россіи умножилась по крайней мѣрѣ одной третью всей массы, и если вздорожали отъ того имѣнія недвижимыя, то, несомнѣнно, должно вздорожать и все другое. Какое же дѣйствіе размноженіе одновременное

денегъ имѣло на торгъ вообще, мы видимъ изъ состоянія курса и изъ издержекъ послѣднія войны въ сравненіи съ прежними.

Стараются обыкновенно доставлять государству товары изъ первыхъ рукъ, и правительство сіе вмѣняетъ себѣ должностію. Причина тому ощутительна. Получая товаръ изъ того мѣста, гдѣ онъ производится непосредственно, онъ, кажется, обойдется дешевле, и употребители низкою цѣною его имѣть будутъ; но если то истина, хотя мало еще распространившаяся, и немногимъ она очевидною является, что государство въ торгу точно столько же дастъ, сколько возьметъ, а если и то, можетъ быть, истина, что заплата бываетъ всегда тѣмъ, чѣмъ государство изобилуетъ; слѣдовательно, если я вещь получаю дороже, то больше за нее возвращаю, а въ общей пользѣ должно будетъ на вѣсы положить, что нужнѣе — чтобы иностранные товары были дешевле или чтобы больше выходило домашнихъ на заплату сдѣланнаго взятьемъ товаровъ долга? Мнѣ кажется, что начинаютъ почитать доказаннымъ, что невозможно, чтобы государство какое-либо торговало всегда въ ущербъ своего числительнаго богатства, ибо если положимъ, что оное равно 100, а государство теряетъ ежегодно въ торгу 5, то въ 20 лѣтъ таковое государство должно потерять всю свою монету и начинать повсюду торгъ мѣновной. Или, еслибы государство ежегодно выигрывало монетою, напр., каждый годъ 5, умножая тѣмъ свое числительное богатство, состоящее изъ 100, то чрезъ двадцать лѣтъ оно, удвоясь, удвоило бы всему цѣну; но сіе умноженіе не бываетъ въ сей соразмѣрности, и числительное богатство входитъ въ государство по мѣрѣ той, какую въ немъ

имѣетъ надобность. Если мы возьмемъ примѣръ Россіи и, хотя съ 1762 года, то есть втеченіе 30 лѣтъ, назначенномъ приращеніи, какъ то изъ вѣдомостей казалося, по 4 милліона на годъ, что въ 30 лѣтъ составитъ 120 мил. руб. серебряной монеты или серебра, и все сіе серебро въ 2 или 3 года изъ обращенія истребилося [1]). Эпоха уменьшенію серебряныхъ денегъ есть начало войны со шведами. Неужели каждый годъ война стоила 40 мил.? Можетъ быть, ибо умноженіемъ денегъ цѣна на все умножалася. Но что становилося ополченіе противъ шведовъ, все оставалося въ Россіи. Или вдругъ стало государство столько терять въ торгу ежегодно?—нельзя подумать.

Итакъ, если государство дастъ столько же, сколько беретъ, то будетъ брать то, что надобно, и давать, что можетъ, слѣдовательно, золото и серебро на ряду пойдутъ съ другими вещами.

Россія за вино, сахаръ и пр. даетъ желѣзо, сало, пеньку и ленъ; Испанія серебро и золото. И чѣмъ въ торгу сіи металлы могутъ быть преимущественнѣе? Единственно тѣмъ, что употребленіе ихъ обширнѣе, и что въ общемъ соглашеніи они всякій товаръ представляютъ, и на нихъ всякій товаръ мѣнять можно, ибо по конецъ всѣхъ изысканій всякій торгъ есть мѣновой. Для чего же извлекать ихъ изъ торговли или назначать имъ особое въ оной мѣсто. Золото и серебро суть произведенія земныя, какъ и другіе металлы, а драгоцѣннѣе потому, что ихъ меньше. Въ Перу до нашествія испанцевъ золото худшимъ почиталось металломъ, ибо было повсемѣстно; на что же ихъ

---

[1]) Текстъ испорченъ.

предпочитать въ торгу другимъ произведеніямъ, почто ихъ почитать истинными богатствами и гоняться за ними, нарушая даже правила благоразумія? Или кусокъ золота или серебра драгоцѣннѣе сока винограднаго и тростника сладкаго, сколь пріятные въ употребленіе, столь и здравію многополезные? Или утварь серебряная драгоцѣннѣе произведенія художества, воображенія, разсудка? Ужели произведенія мрачныхъ вертеповъ Потозскія, свидѣтели слезъ и стенаній несчастныхъ, драгоцѣннѣе почитаться могутъ произведеній Рафаила, Декарта, Мильтона, Монтескіе? О вы, проложившіе путь умствованіямъ о благѣ народномъ, о благѣ общественномъ, о благѣ государственномъ, Платонъ, Монтескіе, могли ли бы вообразить, что при вратахъ порубежныхъ произведенія безсмертныя вашего разума могутъ на одни вѣсы положены быть съ произведеніемъ алчности, исторгаемымъ ударами у обагреннаго кровавымъ потомъ злосчастія! Отлети отъ сердца моего, мысль тягостная, мысль гнусная, удалися! совѣтъ таковой не въ моемъ водворится сердцѣ.

Итакъ, если истина, что въ торгу государства ни продавецъ, ни покупщикъ ущербу не имѣютъ, то все равно, отъ кого товаръ ни получать, правою ли рукою, лѣвою ли; все равно для государства, изъ первыхъ ли идетъ что рукъ или посредственнно. Все равно въ торговлѣ и безубыточно, что чай въ Россію возятъ съ Кяхты или изъ Петербурга, Архангельска, Риги и Ревеля, ибо онъ дороже, то за него даютъ болѣе товара. Примѣчанія достойно, не будетъ ли открытіе торга на Кяхтѣ дѣйствіе имѣть на количество вывозимаго Россіею товара, но дѣйствіе таковое ощутительно не однимъ годомъ, не тремя или четырьмя.

По возобновленіи торга на Кяхтѣ, торгъ чаемъ съ Европою пресѣчется, но, думаю, не совсѣмъ, и еслибы сравнять пошлину на чай, то бы торгъ сей былъ довольно обширенъ. Забайкальскіе жители и нѣкоторые другихъ мѣстъ Сибири возобновятъ питье затурана, будутъ на немъ пропиваться и, сожалительно, оставятъ траву, которую нынѣ вмѣсто чая употребляютъ. Но болѣе того сожалѣнія достойно, что низкая цѣна китаекъ, а паче дабъ и фанзъ изгонитъ изъ употребленія въ Сибири многіе россійскіе рукодѣльные и мануфактурные товары. Китайки и частію фанзы хотя замѣняемы были товарами иностранными, но вмѣсто всѣхъ дабъ, многихъ китаекъ и фанзъ употреблялися товары россійскіе.

Не токмо размножалося дѣланіе пестредей (которыя дабы замѣняютъ нынѣ совершенно), тканій ярославскихъ, Ивановскихъ полотенъ, сѣяніе льна и тканіе простого полотна въ Иркутской губерніи и Томской области; но я имѣлъ случай видѣть, что даже въ деревняхъ губерніи Нижегородской дѣлать начинали китайки. Запрещеніе иностранныхъ мануфактурныхъ произведеній неминуемо родитъ мануфактуры дома, а безъ того внутреннія рукодѣлія могутъ придти въ запустѣніе.

Кто бы подумать могъ, что торгъ кяхтинскій умалитъ сообщеніе Сибири, а особо Иркутска съ Россіею, а паче съ Москвою? Вотъ какъ сіе разумѣть должно. Доколѣ былъ торгъ на Кяхтѣ, купцы, не токмо иркутскіе, но и тобольскіе, не имѣли другого предѣла къ сторонѣ Россіи своимъ поѣздкамъ, какъ Иркутскую ярманку, рѣдкіе и то Тобольскіе пріѣзжали на Макарьевскую, ибо, имѣя себѣ надежное прокормленіе и барышъ въ торгу на Кяхтѣ, всѣ туда

устремилися и отъ нея удалялися неохотно. Всѣ нужные товары изъ Россіи привозили, какъ то и нынѣ по большей части купцы, а особливо въ Иркутскъ великороссійскіе, наипаче архангельскіе, также устюжскіе и другіе; но когда въ пресѣченіе торга такъ называемые мелочники, не находя себѣ упражненія на Кяхтѣ, отправилися по ярмонкамъ, тотъ, который зналъ одинъ Иркутскъ и Кяхту, отправился въ Ирбитъ и къ Макарью, и многіе, отвозя пушные товары въ Москву прямо, закупали все, что могло быть въ Сибири потребно и заводили знакомства и сообщеніе.

По возобновленіи торга нѣкоторыя изъ сдѣланныхъ связей останутся, можетъ быть, но большая часть прервется, ибо, находя надежное прокормленіе и столь же прибыльное у своего, такъ сказать, жилища, вдаль ѣздить престанутъ, и Сибирь болѣе будетъ посѣщаема русскими купцами попрежнему. Въ отношеніи торга все равно, что справа ѣдутъ налѣво, что слѣва направо, но не все равно въ разсужденіи образованія и наученія. Сибиряки, посѣщая Москву, пріобрѣтаютъ многія понятія, какихъ не имѣли прежде, и все, что въ путешествіи есть полезнаго, бываетъ не потеряно: хотя нравы, образъ житія и обращенія вездѣ одинаковы какъ въ Сибири, такъ и въ Россіи, но есть много и различія, и если, скитаяся по свѣту, изучаемся нерѣдко худому, изучаемся однако же и доброму.

Но какую новую жизнь произведетъ въ Иркутскѣ возобновленіе торга на Кяхтѣ? Человѣку, вѣдающему все дѣйствіе сообщенія между людей, я не имѣю нужды говорить обстоятельно. Низкаго состоянія люди, питающіеся отъ нашествія другихъ, содержа постоялые дворы, приготовляя пищу, доставая пропитаніе отъ извозовъ, отдающіе

въ наемъ домы, анбары и лавки, кормящіеся отъ водоходства, а паче малоимущее купечество и такъ называемые посадскіе получатъ иные въ самомъ Иркутскѣ, иные, отъѣзжая для мѣны на Кяхту, и крестьяне, пользующіеся извозомъ и судохожденіемъ,—надежное пропитаніе.

А еслибы и всѣ сіи выгоды могли быть противовѣшены другими и замѣняемы совершенно, одна та мысль, что многіе барабинскіе поселенцы измѣнятъ смрадное свое рубище на теплую одежду, получивъ малый хотя прибытокъ отъ проѣзжающихъ, и заставитъ стенящихъ еще по 20 лѣтнемъ отсутствіи отъ прежнихъ жилищъ родственниковъ и ближнихъ все [1]), что человѣка во всѣхъ его состояніяхъ воздыхать заставить можетъ,—если какая-либо выгода можетъ загладить у сихъ несчастныхъ тяготительныя напоминовенія, то желаніе мое будетъ всегда, чтобъ торгъ на Кяхтѣ не пресѣкся николи.

Не знаю, М. Г., довольно ли я объяснилъ мою мысль и можетъ ли быть внятно мною сказанное, что пресѣченіе торга на Кяхтѣ не есть такое зло, какъ кажется, и по истинѣ, если мы краткими словами повторимъ сказанное: Отъ пресѣченія торга на Кяхтѣ звѣриные промыслы не уменьшалися и не уменьшатся, а есть ли въ томъ польза, чтобы они въ теперешнемъ положеніи Сибири размножалися, остается для меня по крайней мѣрѣ доселѣ проблеммою. Скотоводству отъ того и земледѣлію помѣхи нѣтъ; въ несуществованіи сего торга размножился посѣвъ льна въ Иркутской губерніи и тканіе холста, а особливо

---

[1]) Пропущено глаголъ (забыть?).

въ Томскѣ и окружностяхъ; торгъ россійскими полотнами, пестредями и другими льняными тканьми, крашениною и выбойкою россійскаго дѣла въ Сибири распространился на сумму весьма знатную, даже начали въ Россіи дѣлать бумажныя ткани на подобіе китайки; недостатокъ въ кяхтинскомъ чаю совсѣмъ бы сталъ нечувствителенъ, еслибы пошлину на него, въ общемъ тарифѣ положенную, сравнять съ кяхтинскою; забайкальскіе жители вмѣсто кирпичнаго чая стали бы пить ими собираемыя травы, для здоровья не меньше полезныя, а сообщеніе сибиряковъ съ россійскими городами распространилось бы непремѣнно.

Но, съ другой стороны, возобновленіе торга на Кяхтѣ возвыситъ цѣну на мягкую рухлядь и распространитъ обиліе между питающимся звѣринымъ промысломъ, размножитъ кожевенное рукодѣліе въ Иркутскѣ, размножитъ плаваніе по Байкалу и рѣкамъ сибирскимъ, дастъ пропитаніе питающимся извозомъ, гостепріимствомъ, удесятеритъ обращеніе денегъ въ Иркутскѣ, доставитъ казнѣ знатный годовой доходъ, доставитъ многому маломочному купечеству надежное пропитаніе, дастъ дешевую и прочную одежду не токмо Сибири, но и Россіи, и подешевѣетъ вожделѣнное всѣми питіе—чай; забайкальскіе жители завтракать будутъ затураномъ, и я, хотя не совсѣмъ одобряю торгъ сей, иногда невыгодный, охотно выпью нѣсколько чашекъ чаю въ день лучшаго, нежели нынѣ. Но что всего важнѣе, Иркутскъ, будучи теперь истиннымъ центромъ сибирскія торговли, будетъ распространяться паче и паче и, если можно проницать слабыми нашими взорами въ будущее, онъ по положенію своему опредѣленъ быть главою сильныя и обширныя области.

Противовѣся всѣ выгоды и неудобства, случающіяся при торгѣ кяхтинскомъ, такъ, какъ и при всякомъ другомъ, не возьму на себя сдѣлать заключеніе въ ту или другую сторону, и тѣмъ паче, что я для надежнаго о сихъ матеріяхъ сужденія не довольно жилъ въ Иркутскѣ, а Кяхты совсѣмъ не видалъ. Итакъ, все мною сказанное примите мимоходящими только разсужденіями, а не достовѣрными слѣдствіями вѣрныхъ посылокъ. Если время перемѣнитъ что-либо въ отношеніи кяхтинскаго торга, то, признавъ истину, не постыжуся сказать: я заблуждалъ.

Сокращенное повѣствованіе о пріобрѣтеніи Сибири

(ОТРЫВОКЪ).

Сибирь извѣстна была россіянамъ за долго прежде предпріятаго въ оную похода Ермакомъ Тимофеевичемъ. Въ то время, какъ потомки Чингисовы, царствуя въ Датша-Кипчакѣ (что россійскія лѣтописи называютъ Золотою Ордою), владычество свое простерли на раздѣленную Россію на удѣлы; Новгородъ, отдѣленный отъ западныя Россія лѣсами, горами и болотами, избѣгъ Татарскаго ига. Не отторгаяся вовсе отъ Россіи, онъ имѣлъ своихъ князей, бояръ, особое гражданское правленіе. Если вѣроятно, что торговое его сообщеніе съ Гамбургомъ и Любекомъ и вступленіе его въ Ганзейскій союзъ распространило въ немъ лучшія понятія о гражданской вольности или же возбудило въ жителяхъ Новаго города желаніе пріобрѣтенія оной; если степенный посадникъ былъ сдѣланъ въ подражаніе бюргермейстерамъ Ганзейскихъ городовъ, то вѣчевой колоколъ, палладіумъ вольности Новгородской, и собраніе народа, объ общихъ нуждахъ судящаго, кажется быть нѣчто въ Россіи древнее и роду славянскому сосущественно, съ того, можетъ быть, даже времени, одно, какъ Славяне начали жить въ городахъ; другое, когда христіанскій законъ перенесенъ въ Россію и при церквахъ колокола возвѣшены [1]).

---

[1]) 1. Даже до нынѣшнихъ временъ звонъ колокола, біющаго въ набатъ, есть созывъ народа: это было извѣщеніе, что помощь его

Укрѣпляяся въ вольности, расширяя свою торговлю, Новгородъ распространилъ свое владычество на всѣ сѣверныя страны Россіи, куда власть татарская не досязала. Пятина Обонежская заключала въ себѣ земли, въ окрестности Сѣверныя Двины лежащія, и смежна была великой Перміи или землѣ Зырянской.

Чердынь, если не была столицею оной земли, была по крайней мѣрѣ главный оныя торговый городъ. Хотя онъ не принадлежалъ царямъ ордынскимъ, но они торговлю, въ ономъ производимую, не стѣсняли. Не токмо произведенія царства Датши-Кипчака отвозилися туда на обмѣнъ, но персіяне и индѣйцы, приходя въ устье Волги, восплывали на малыхъ судахъ до Чердыня. Новогородцы, близкіе сосѣди Чердыни, привозили, вѣроятно, товары, получаемые ими изъ городовъ Ганзейскихъ. На обмѣнъ тѣмъ и другимъ Чердынь давала мягкую рухлядь, не токмо добываемую въ области Зырянской, но и получаемую изъ Сибири, въ чемъ по положенію сего города въ смежности Уральскаго хребта сомнѣнія быть не можетъ.

Когда же съ проповѣданіемъ въ зырянской землѣ христіанскаго закона власть великихъ князей московскихъ и владимірскихъ начала въ оную проникать и утверждаться,

---

нужна для спасенія отечества. 2. Что собранія общественныя въ Россіи были употребительны, въ доказательство служатъ остатки оныхъ; и сіи соблюлися токмо въ селахъ и деревняхъ. Когда крестьяне судить имѣютъ о дѣлахъ, до селенія ихъ касающихся, то дѣлаютъ сходъ; и на семъ правильномъ, если не по закону основанномъ собраніи распоряжаются они своими дѣлами. Можно понять, сколь таковые сходы бываютъ шумны и разстройны; но общій приговоръ, хотя словесный, исполняется.

Прим. автора.

то вѣроятно, что новгородцы сообщенія свои съ Чердынью усугубили, по той естественной причинѣ, что одинаковое исповѣданіе водворяетъ собратство даже между чужестранцами.

По разслабленіи царства Ордынскаго, вѣроятно, торговля города Чердыни великій претерпѣла ущербъ; и когда россійскія селенія въ великой Перміи стали размножаться, то и торгъ, производимый россіянами въ сей землѣ, долженствовалъ пріять другой видъ. Сибирь тогда болѣе стала имъ извѣстна, но токмо сѣверная оныя часть.

Простое сосѣдство народовъ нерѣдко вражду между ими возрождаетъ, но она бываетъ неизбѣжною, если одинъ изъ сосѣдей оказываетъ мысль властвованія и присвоенія. Тогда-то возраждаются ненависти народныя, которыя и по совершенномъ покореніи слабѣйшаго не исчезаютъ, ибо чужестранца тягчитъ паче домашняго; въ такомъ положеніи находилися россіяне въ отношеніи другихъ народовъ, въ сосѣдствѣ которыхъ они жительствовали. Пермь покорена не безъ сопротивленія, но гласъ убѣждающаго исповѣданія, гласъ убѣжденія, употребленный св. Стефаномъ на приведеніе Пермскихъ жителей въ законъ христіанскій, обратился въ гласъ велительный, ибо убѣжденіе дѣйствуетъ часто сильнѣе, нежели самая сила.

Вогуличи, жительствовавшіе по обѣимъ сторонамъ Югорскаго хребта, что мы Уральскими, а древніе Рифейскими горами называютъ,—вогуличи менѣе другихъ терпѣливо смотрѣть могли на укрѣпившихся въ Перміи россіянъ, по той естественной причинѣ, что, будучи ближайшіе къ предѣламъ Перміи, жребій порабощенія имъ предлежалъ первѣе. Собираяся во множествѣ, они обезпокоивали по-

часту селящихся въ Перміи россіянъ и нерѣдко разоряли новыя ихъ селитьбы. Въ началѣ пришествія россіянъ въ великую Пермію, россійскіе великіе князья малое могли давать подкрѣпленіе устремляющимся на властвованіе своимъ подданнымъ, ибо, замѣтить то мимоходомъ, что присоединеніе Сибири къ россійскому владѣнію было плодъ усилія частныхъ людей, корыстолюбіемъ вождаемыхъ. Сіе не на одного Ермака съ его товарищами относиться долженствуетъ, но на всѣхъ участвовавшихъ въ произведенныхъ послѣ него завоеваніяхъ Сибири, даже до самыя Америки. Но здѣсь имѣемъ случай отдать справедливость народному характеру. Твердость въ предпріятіяхъ, неутомимость въ исполненіи суть качества, отличающія народъ россійскій, и еслибы мѣсто было здѣсь на разсужденіе, то бы показать можно было, что предпріимчивость и ненарушимость въ послѣдованіи предпріятаго есть и была первою причиною къ успѣхамъ россіянъ, ибо при самой тяготѣ ига чужестраннаго сіи качества въ нихъ не воздремали. О народъ, къ величію и славѣ рожденный, если онѣ обращены въ тебѣ будутъ на снисканіе всего того, что содѣлать можетъ блаженство общественное!

Великій князь Иванъ Васильевичъ, первый положившій основаніе къ послѣдственному величію Россіи, восхотѣлъ воздержать безпокойныхъ вогуличей, а болѣе того побуждаемый, можетъ быть, желаніемъ присвоенія новыхъ областей, приведеніемъ подъ державу свою живущихъ по берегамъ Ледовитаго моря народовъ, извѣстныхъ подъ именемъ Самояди или Самоѣдовъ, отправилъ въ 1499 году въ Югорскую землю довольное войско подъ предводительствомъ двухъ воеводъ или начальниковъ. Успѣхъ оныхъ

былъ сходствующъ съ образомъ тогдашняго образа воеванія. Степенныя книги говорятъ: многіе городки взяты, много людей побито, а князья ихъ на Москву приведены. Сей походъ, вѣроятно, былъ поводомъ къ предпринятому послѣ того чрезъ два года другому походу (или же сей былъ продолженіемъ токмо перваго), подъ предводительствомъ тѣхъ же воеводъ. Войско, съ ними отправленное, состояло изъ жившихъ въ сосѣдствѣ Югоріи ратныхъ людей, по той естественной причинѣ, что, будучи болѣе о состояніи сея земли извѣстны, побужденія ихъ воеванію ея могли быть тѣмъ вящшія, чѣмъ лучше знали они, что войною сею пріобрѣсти могли. Въ сей разъ россійскія войска доходили до Оби рѣки, около тѣхъ мѣстъ, гдѣ нынѣ стоитъ Березовъ. Но какъ не видно, чтобы тогда намѣрены были удержать сію землю подъ своею державою, то россіяне возвратилися совсѣмъ изъ Сибири съ добычею и плѣнниками.

Каковы были сношенія Россіи съ Сибирью съ того времени, неизвѣстно до 1557 году; но изъ древней одной граматы, писанной въ семъ году, а паче изъ Степенной книги подъ симъ же годомъ видно, что нѣкоторыя сибирскія земли были уже подвластны Россіи, ибо отъ царя Ивана Васильевича посланы туда были разные люди для полученія дани, состоящей въ соболяхъ. А хотя сибирскій князь Едигеръ и прислалъ царю присяжную грамату, но она слѣдствія подданства не имѣла, ибо Едигеръ тогда же побѣжденъ бухарскимъ ханомъ Кучумомъ, который завладѣлъ всѣми землями по теченію Иртыша и впадающихъ въ него рѣкъ лежащими, и Сибирь пребывала еще Россіи неподвластною.

Таковыя сношенія съ Сибирью подали россіянамъ о сей землѣ высокія мысли, а особливо съ того времени, какъ знатный житель Соли Вычегодской Аника Строгановъ завелъ весьма прибыльную съ Сибирью торговлю.

Съ вольностію Новагорода рушилась его обширная торговля, и многіе изъ богатыхъ его жителей, избѣгая утѣсненія новыя власти, удалилися въ тѣ страны, гдѣ прежде имѣли свои торговыя обращенія; между таковыми былъ отецъ или дѣдъ Аники Строганова. Отъ Новагорода переселилися они къ Соли Вычегодской, гдѣ завели или имѣли уже прежде соляныя варницы. Аника получалъ мягкую рухлядь изъ Сибири чрезъ тамошнихъ жителей или чрезъ сосѣдствующихъ съ ними. Но, желая торговать съ сибирскими народами непосредственно, отправилъ за *Камень*, то есть за Уральскія горы, въ сопровожденіи тамошнихъ жителей, нѣкоторое число своихъ людей и прикащиковъ, дабы достовѣрно узнать о состояніи зауральскихъ земель, о тамошнемъ торгѣ и для заведенія лучшаго съ жителями знакомства и сообщенія. Предпріятіе его было удачно. Ознакомясь съ Сибирью даже до Оби, онъ посылалъ туда мелочные и малоцѣнные товары и получалъ на обмѣнъ дорогіе. Строгановъ не одинъ участвовалъ въ семъ прибыльномъ торгѣ; но всѣ другіе, пользовавшіеся въ ономъ, скрывали онаго богатые прибытки. Неудивительно! тѣ, кои были переселенцы новогородскіе, боялися по истинѣ, чтобы не постигла ихъ равная участь съ ихъ собратіею (ибо тогда уже царствовалъ Іоаннъ Грозный); другіе же избѣгали пошлины и десятины и всего того, что, поселяя въ гражданахъ недовѣрчивость къ правительству, къ обманамъ и вѣроломству ихъ поощряетъ. Напротивъ того, Строгановъ

оные возвышалъ и, имѣя намѣренія сдѣлать вящшія въ Сибири пріобрѣтенія и избѣгнуть подозрѣнія и налоговъ, онъ отправился въ Москву и царю объявилъ, сколь Сибирь изобиловала драгоцѣнною мягкою рухлядью и, обольщая его, сколь для казны его будетъ прибыльно, когда россіяне, проникнувъ въ Сибирь, дань ему принесутъ отъ тамошнихъ народовъ драгоцѣнною мягкою рухлядью. Таковыя слова тѣмъ еще царю благопріятнѣе были, что Строгановъ просилъ дозволенія поселиться въ ближайшей къ Уральскому хребту землѣ, наполнить ее людьми, завести земледѣліе, снабдить ихъ огнестрѣльнымъ оружіемъ для защиты и держать для обороны военныхъ людей. Все сіе обѣщался устроить своимъ иждивеніемъ, прося въ воздаяніе за то пустыя земли по Камѣ и Чусовой. Царь Іоаннъ охотно на все сіе согласился и далъ о владѣніи Камскихъ земель Строгановымъ граматы. Сіи граматы достопамятны тѣмъ, что онѣ даны 1), на земли, Россіи не принадлежащія, сперва по Камѣ и Чусовой, потомъ по Тоболу, Иртышу и даже Оби, такъ, какъ давали граматы на Америку и пр. 2) Что Строгановы избавлены были со всѣми ихъ людьми не токмо отъ всякихъ податей на тридцать лѣтъ, но отъ начальства государевыхъ намѣстниковъ и ихъ тіуновъ, даже и въ проѣзды ихъ отъ Соли Вычегодской чрезъ Пермь, а если кто на нихъ въ чемъ имѣть могъ жалобу, тотъ долженствовалъ просить царя на Москвѣ; что Строгановы своихъ слобожанъ могутъ судить сами. 3) Видно также, что истинное намѣреніе Строгановыхъ, поселяяся въ сей новой землѣ, была звѣриная ловля, ибо пермичамъ запрещается вступаться въ Строгановскія *ухожеи*, что и нынѣ въ Сибири значитъ мѣсто, гдѣ ставятъ ловитель-

ныя орудія на звѣрей. 4) Видно, что надѣялися находить руды разныя въ горахъ Уральскихъ, ибо желѣзную разрабатывать дозволяется, а прочія дѣлать токмо для опытовъ, дозволяя то всякимъ людямъ съ платежомъ въ казну оброка. 5) Приказывается, набирая войско, ходить войною на сибирскаго хана и въ дань приводить.

Снабженные толикими преимуществами, Строгановы прилагали возможныя старанія къ устроенію пожалованной имъ области. Завели крѣпости для обороны и защиты, земледѣліе, соляныя варницы, звѣриные промыслы, а впослѣдствіи и желѣзные заводы и ничего не проронили, отъ чего бы имъ могла быть польза. Страна сія стала помалу населяться всѣми ищущими прибытка, убѣгающими угнетенія или укрывающимися за сдѣланныя преступленія отъ должныя казни, ибо хотя Строгановымъ запрещено было принимать записныхъ и тяглыхъ людей и всякихъ преступниковъ, но невѣроятно, чтобы они всегда могли различать приходящихъ къ нимъ на поселеніе, или же, чтобы правосудіе могло преслѣдовать преступника въ пустыни сибирскія, а тѣмъ паче, когда Строгановыхъ въ томъ была польза, чтобъ у нихъ было болѣе народа. Оно такъ и было, ибо, двѣсти лѣтъ спустя, видѣли при ревизіяхъ, что строгановскія деревни въ Уральскихъ горахъ содержали въ себѣ болѣе ста тысячъ душъ мужеска пола; а еслибы въ скоромъ потомъ времени путь въ Сибирь не открылся, и тѣмъ самымъ строгановскія преимущества не умалились, то селенія ихъ размножились бы до невѣроятности. Съ распространеніемъ гражданскаго правленія въ сихъ странахъ Строгановы всѣ преимущества свои потеряли. Правильно ли что, или неправильно, остается во-

просомъ закономудрственнымъ, къ обыкновеннымъ правиламъ не принадлежащимъ.

Такимъ образомъ россіяне приближалися мало-по-малу къ Сибири, вытѣсняя древнихъ жителей изъ ихъ жилищъ, доколѣ завоеваніемъ всея земли они ихъ совсѣмъ не поработили. Но слава перваго завоеванія не на россіянъ собственно отразиться долженствуетъ, а на донскихъ казаковъ. Хотя они нынѣ всѣ принадлежатъ къ Россіи, хотя и тогдашніе были большею частью россійскаго происхожденія, однако въ то время они составляли особыя воинскія общества, Россіи не подвластныя.

Казакъ на татарскомъ языкѣ значитъ воина или вообще человѣка, отъ добычи пропитаніе имѣющаго. На россійскомъ говорятъ по просторѣчію про кого-либо: *вольный казакъ*, кто живетъ въ независимости. *Казакомъ* въ деревняхъ и нынѣ называютъ изъ платы служащаго работника. И дѣйствительно, казаки въ прежнія времена были военные люди, снискивающіе свое пропитаніе грабежомъ и добычею или наймомъ въ воинствѣ [1]).

Въ то время, какъ Россія избавилась отъ ига татарскаго, вѣроятно, донскіе козаки общества не составляли, но, разъѣзжая ватагами, состоявшими изъ разныхъ людей, грабили, кого можно было. Наблюдалися ли тогда между ими какія-либо положенія или правила,—неизвѣстно, и исторія не сохранила, но всѣхъ живущихъ такимъ образомъ первое качество есть смѣлость и добродѣтель, если она между разбойниками быть можетъ, вѣрность къ своему братству.

---

[1]) Въ войскахъ россійскихъ бывали казаки наемные. (*Примѣчаніе автора*).

По разореніи Казани и покореніи Астрахани державѣ россійской рѣка Волга стала одно изъ главнѣйшихъ сообщеній, чрезъ которыя разныя области Россіи между собою производятъ торгъ. Если уже народы, за Каспійскимъ моремъ живущіе, не посѣщали болѣе Чердыня, но связь ихъ торговая съ Астраханью, а, можетъ быть, и съ Казанью не прерывалася. Царь Іоаннъ, присвояя упомянутые города, желалъ сохранить ихъ торговлю, вѣдая, сколь прибыльна она бываетъ для казны государевой, которая, подъ видомъ общія пользы, беретъ участіе во всѣхъ частныхъ прибыткахъ. Неизвѣстно, сколь велики были обороты торга, по Волгѣ производимаго, но то извѣстно, что донскіе казаки разграбляли ѣдущихъ по Волгѣ. Для живущихъ войною и грабежомъ все было равно, на кого падетъ жребій быть разграбленну. Купеческія клади, такъ называемые персидскіе и бухарскіе посланники, царская казна, — всѣ одной были подвержены участи, и если въ томъ была обида (преступленіемъ не можно назвать насильства одного народа, другому неподвластнаго), то все равно, кто бы ограбленъ ни былъ. Сохранность и тишина общественныя нарушалися, и стрегущій ихъ обязанъ былъ оныя возстановить. Вслѣдствіе сего царь Іоаннъ отрядилъ противъ донскихъ казаковъ знатное число войска подъ предводительствомъ стольника Мурашкина, который, преслѣдуя казаковъ, разбивалъ ихъ, если сражаться съ нимъ отваживались, а всѣхъ попадавшихся въ полонъ или какъ-либо захваченныхъ казнилъ смертію, по довольномъ розыскѣ, прибавляетъ исторія. Такимъ то образомъ усилившійся Іоаннъ почиталъ бунтовщиками всѣхъ россіянамъ единоплеменныхъ, буде они самовластію его не покорялися.

Казаки, въ ужасъ приведенные, старалися избѣгать предстоящаго имъ жребія. Между таковыми, скрывающимися отъ мщенія россійскихъ войскъ, находился атаманъ или предводитель партіи донскихъ казаковъ, именемъ Ермолай, по просторѣчію Ермакъ Тимофеевъ. Преслѣдуемый войсками Мурашкина, Ермакъ съ товарищами своими изъ Волги вошелъ въ Каму и плылъ вверхъ оныя, сперва безъ всякаго другого, можетъ быть, намѣренія, какъ скрыться отъ мщенія россійскаго самодержца.

Дошедъ до Строгановскихъ селеній, неизвѣстно по какой причинѣ, Ермакъ имѣя съ собою отъ 6 до 7000 человѣкъ войска и, вѣроятно, во всемъ нужномъ недостатокъ, не напалъ на оныя. Или же, наскучивъ грабительствомъ и разбойничествомъ, онъ, не входя еще въ Каму, помышлялъ о предпріятіи похода въ Сибирь, или же грабительства казаковъ простиралися на всѣхъ другихъ, опричь единовѣрцевъ ихъ. И сіе мнѣніе имѣетъ также правдоподобіе, потому что 1) лѣтописцы говорятъ, что казаки грабили купеческіе караваны, въ Россію приходившіе изъ Персіи и Бухаріи; 2) что они грабили пословъ, къ царю посылаемыхъ; 3) что они грабили царскую казну. Но караваны сіи состояли изъ иностранцевъ, изъ магометанъ, но послы были не христіане; но казну царскую везли развѣ изъ Астрахани, можетъ быть, также иновѣрцы. Сколь бы ни ослабло гдѣ мнѣніе народное, но при случаяхъ оно является во всей своей силѣ, и потому мы видимъ, что въ Россіи, въ глазахъ черни тотъ, кто не творитъ знаменіе креста и не содержитъ постовъ, хотя бы онъ и не магометанинъ былъ, почитается невѣрнымъ басурманомъ, наравнѣ почти со скотиною. Сіе мнѣніе под-

крѣпится и тѣмъ, что Ермакъ и его товарищи были очень набожны. Правда и то, что всякое безчеловѣчіе, неправда, вѣрсломство, звѣрство, всякіе пороки и неистовства съ набожностію сопрягаются, и уголовныя въ Россіи судопроизводства многочисленныя содержатъ доказательства, что въ прежнія времена простолюдимы въ Россіи меньшимъ прегрѣшеніемъ почитали отнять у человѣка жизнь, нежели ѣсть въ посты мясо, и были примѣры, что убійца злодѣяніе свое начиналъ знаменіемъ креста.

Какія бы побужденія Ермакъ на то ни имѣлъ, но онъ ни мало не обезпокоилъ строгановскихъ селитьбъ и былъ для того принятъ Максимомъ Строгановымъ дружелюбно и снабженъ съѣстными и воинскими припасами для предпріятія похода въ Сибирь. Не входитъ въ расположеніе нашего слова и то, что первый Ермаковъ походъ былъ неудаченъ тѣмъ, что онъ ошибся въ своемъ пути; ни то, сколько ему впродолженіе его похода преодолѣть надлежало трудностей и препятствій. По нашему мнѣнію, много способствовало Ермаку къ завоеванію царства Кучумова 1) то, что онъ имѣлъ огнестрѣльное оружіе; 2) что ханъ Кучумъ былъ не истинный владѣлецъ Сибири, но пришлецъ и завоеватель, а потому, опричь пришедшихъ съ нимъ, подвластные ему повиновалися изъ одной только боязни, какъ то бываетъ всегда въ завоеванныхъ земляхъ; слѣдовательно, порабощеннымъ народамъ, а паче сибирскимъ, которые платятъ дань или ясакъ, все равно было платить оный Ермаку, царю россійскому, или хану Кучуму. Но сколь ни благопріятствовали обстоятельства Ермаку въ его завоеваніяхъ, надлежитъ справедливость отдать ему и его товарищамъ, что неустрашимость, расторопность, твердость въ

преслѣдованіи предпріятаго намѣренія были имъ свойственныя качества; что Ермакъ, избранный единожды верховнымъ начальникомъ своею собратіею, умѣлъ надъ ними удержать свою власть во всѣхъ противныхъ и непріязненныхъ ему случаяхъ, ибо, если нужно всегда утвержденное и наслѣдованное мнѣніе, чтобы владычествовать надъ множествомъ, то нужно величіе духа или изящность почитаемаго какого-либо качества, чтобы умѣть повелѣвать своею собратіею. Ермакъ имѣлъ первое и многія изъ тѣхъ свойствъ, которыя нужны воинскому вождю, а паче вождю непорабощенныхъ воиновъ.

Кинемъ взоръ на Зауральскую обширную страну, и изъ того, какова она есть, познаемъ, каковы были трудности и препятствія, встрѣчавшіяся россіянамъ на пути завоеваній ихъ въ сей сѣверной части Азіи.

Сибирь въ томъ названіи, какъ она нынѣ пріемлется, то есть пространная сія страна, простирающаяся почти на 12 милліоновъ квадратныхъ верстъ, отъ Уральскихъ горъ до Восточнаго океана и отъ Киргизской степи, Алтайскаго и Яблоннаго хребтовъ до Ледовитаго моря, представляетъ естественно двѣ, отъ другой совсѣмъ отмѣнныя половины. Одна, то есть та, которая, взявшись отъ смежности Уральскихъ горъ, простирается до Енисея, другая та, которая заключаетъ въ себѣ верхнее теченіе Иртыша, Оби, Енисея и всѣ земли, къ востоку отъ оныя рѣки лежащія. Первая представляетъ вездѣ землю ровную, плоскую, и возвышенія, гдѣ они есть, суть не что иное, какъ берега рѣкъ и укрѣпленія водъ. Рѣки, въ ней текущія, суть тихія, плавныя и поелику одинъ всегда имѣютъ берегъ возвышенный, то подвержены разлитіямъ весною, когда таютъ

снѣгъ и ледъ. Другая вся гористая почти безъ изъятія. Рѣки, сію часть Сибири протекающія, суть всѣ почти быстры, и разлитія оныхъ не могутъ быть столь велики, ибо теченіе совершаютъ между горъ, но возвышеніе въ нихъ воды бываетъ всегда, когда только могутъ накопиться, такъ что сильный или продолжительный дождь оную усугубляетъ. Сіи двѣ половины столь одна отъ другой отличаютъ, что до Енисея растенія сходственны съ европейскими, а за онымъ съ азійскими.

На семъ великомъ пространствѣ, исключая ближайшихъ къ восточному океану народовъ [1]), пять главныхъ обитали въ Сибири въ то время, какъ Ермакъ, прешедъ Уральскіе хребты, въ сибирскія спустился долины. Ближайшіе къ Югорскому хребту были къ берегамъ Ледовитаго моря Самояды, единоплеменники живущихъ въ предѣлахъ нынѣшней Архангельской губерніи. Древнія ихъ жилища были, кажется, тѣ же, что и нынѣ, ибо хотя въ южной Сибири существуютъ нынѣ при вершинѣ Енисея и на Саянскихъ горахъ три самоядскіе народа, а именно: Койбалы, Коргасы и Сойоты, равнымъ образомъ хотя Остяки, живущіе по Енисею, суть также самоядскаго про-

---

[1]) Сіи суть: Юкагиры, Коряки, Чукчи, Камчадалы, Курильцы. Юкагиры, когда лучшія о нихъ будутъ имѣть извѣстія, найдутся уповательно самоядскаго происхожденія. Чукчи единородны быть кажутся жителямъ, сосѣдствующимъ Америкѣ; можетъ быть, тоже можно сказать о нѣкоторой части Коряковъ. Прочіе Коряки, Камчадалы, а паче того Курильцы имѣютъ, вѣроятно, происхожденіе отъ народовъ, жившихъ на твердой землѣ или великихъ островахъ Восточнаго и Южнаго океана, коихъ остатки находятся на многочисленныхъ сихъ морей островахъ. (*Примѣчаніе автора*).

исхожденія, но одна паства оленей доказываетъ, что отечество ихъ, какъ и сего животнаго, есть сѣверная часть земного шара.

Въ сосѣдствѣ Самоядовъ, въ близости Югорскаго хребта и вдоль Оби, почти до устья Тома, жили народы финскаго племени, кои и донынѣ извѣстны подъ именемъ Вогулитей, Остяковъ Березовскихъ и Обскихъ. Третьяго племени народы были татарскіе. Сіи суть извѣстны подъ разными именованіями; начиная отъ Уральскихъ горъ, они селитьбами и кочевьями своими распространилися по Южной Сибири до Оби и вершинъ Енисея. Опричь собственно татарами именуемыхъ, живущихъ по рѣкамъ Турѣ, Тоболу, Иртышу, Оби, Чулыму, Тому, Кему, Енисею и пр., роды ихъ въ Сибири суть: 1) Киргизцы, 2) Бухарцы, переселившіеся уже въ Сибирь во время владѣнія россійскаго, 3) Барабинцы, такъ названные по мѣсту ихъ пребыванія, 4) Телеуты, живущіе при вершинахъ рѣки Тома; 5) Качинцы, такъ названные по рѣкѣ Качѣ, въ сосѣдствѣ коея они кочуютъ; 6) Бѣльтиры, кочующіе по вершинѣ Абакана и 7) Якуты, кои сами себя называютъ *Сохъ*, живущіе по Ленѣ и другимъ рѣкамъ, ниже Якутска.

За сими слѣдуютъ народы мунгальскаго племени. Сіи суть: 1) собственно Мунгалы, живущіе въ окрестностяхъ Селенгинска; 2) Буряты, или братскіе, живущіе въ окрестностяхъ Байкала и ближайшихъ къ оному рѣкахъ; 3) Калмыки, коихъ число очень мало и разсѣяно.

Пятаго поколѣнія народы суть: Тунгусы, единоплеменники подвластнымъ Китаю Даурамъ и правительствующимъ въ ономъ государствѣ Манжурамъ или Манджу. Тунгусы, раздѣляющіеся на многіе роды и поколѣнія, къ которымъ

принадлежатъ Ламуты [1]) то есть поморскіе жители; кочуютъ отъ Енисея до предѣловъ Китайскихъ и до береговъ Охотскаго моря.

Судя по пребыванію различныхъ сихъ племенъ, усматривается, что преселенія въ Сибири были весьма частыя и дальныя. Татары и Мунгалы пришли съ юга, финскіе народы съ запада, самоядскія племена отъ береговъ сѣвернаго океана, а Тунгусы, отдѣляся отъ Дауровъ и Манжуровъ, разсѣялися по восточной части Сибири. Гдѣ первобытныя всѣхъ сихъ народовъ были жилища, того опредѣлить точно невозможно. Происшествія, до нихъ касающіяся, можетъ быть, и не весьма древнія, но за неимѣніемъ памятниковъ покрыты завѣсою непроницательнѣйшею. Но то вѣроятно, что Сибирь никогда великаго населенія не имѣла, а менѣе того вѣроятно, чтобъ процвѣтали въ ней великія области и государства, славящіяся просвѣщеніемъ, отъ многолюднаго общежитія происходящимъ.

Относительно геологіи Сибирь имѣетъ многія достопамятности. Вся плоскость отъ горъ Уральскихъ до Енисея, а паче Бараба и степь Киргизская свидѣтельствуютъ, что море покрывало сію землю и, можетъ быть, позже другихъ мѣстъ. Растерзанныя нѣдра горъ, наклонное и понурое положеніе слоистыхъ горъ доказываютъ, сколь сильны въ заенисейскихъ странахъ были землетрясенія. Кости великихъ животныхъ, которыя нынѣ обитаютъ токмо въ жаркихъ странахъ, знойному поясу сосѣдственныхъ, и такихъ, какихъ нынѣ нигдѣ не находится, обрѣтаемыя, на многія сажени земляными слоями покрытыя, доказываютъ,

---

[1]) Лама по тунгусски значитъ море (*Примѣчаніе автора*).

что или ось земли потряслася, или, что вѣроятнѣе, обращеніе земли было отъ сѣвера къ югу, какъ то оно нынѣ отъ востока къ западу.

Но относительно исторіи человѣка или народовъ памятники суть бѣдны, нищи. То, что письменныя сохранили преданія въ лѣтописяхъ татарскихъ, касается до самыхъ послѣднихъ народовъ, въ Сибирь пришедшихъ. Остатки зданій въ близости крѣпостей Усть-Каменогорской и Семипалатной древностію прежнихъ не превосходятъ; тѣ и другія суть младшія времени славнаго Чингиса. Могильные холмы и камни при вершинѣ Енисея и другихъ ближнихъ рѣкъ, хотя и древнѣе быть кажутся нашествія татаръ въ Сибирь, но древнѣе ли они Могольскихъ племенъ, то неизвѣстно. Они доказываютъ, что остатки суть народовъ, коимъ дѣланіе мѣди и серебра было извѣстно. Къ той же эпохѣ относить должно и древніе рудники, найденные въ горахъ Алтайскихъ и Аргунскихъ. Древнѣе сихъ еще тѣ острые и твердые камни, которые близъ рѣкъ находятъ, служившіе вмѣсто топоровъ и ножей.

Если мы сообразимъ и повѣствованіе, и памятники, и нынѣшнее состояніе народовъ, въ Сибири живущихъ, то найдемъ: 1) что татары въ Сибирь пришли прежде Мунгаловъ; 2) что, хотя они еще и были народъ кочевой и скотоводный, но начинали уже переходить изъ сего положенія къ земледѣлію. Въ сію эпоху своей исторіи они пришли въ Сибирь; 3) что Мунгалы или Моголы хотя и были токмо скотоводы въ то время, какъ вошли въ Сибирь, но имѣли многія художества и рукодѣлія, свойственныя народамъ земледѣльнымъ и, вѣроятно, быть можетъ, что рудокопи на Алтайскихъ горахъ суть ихъ дѣло; 4) что народы самоядскіе кажется

были всегда кочевые, жившіе всегда на сѣверѣ, ибо и тѣ, кои живутъ на югѣ, водятъ оленей, что по нашему мнѣнію есть собственное самыхъ сѣверныхъ жителей упражненіе; 5) финскаго племени народы въ Сибирь преселились, вѣроятно, избѣгая утѣсненія сперва татаръ, а потомъ россіянъ; 6) что первыя жилища тунгусскихъ племенъ, кажется, были всегда въ восточной Сибири и Дауріи, и что недальное ихъ ремесло было то же, что и нынѣ; что Дауры, или забайкальскіе и китайскіе Тунгусы скотоводству научились отъ сосѣдственныхъ имъ Мунгаловъ, а Манжуры подражать стали въ художествахъ, приближаяся къ Китаю, который, наконецъ, и покорили.

Всѣ сіи народы въ то время, какъ россіяне вступили, въ Сибири жили обществами опредѣленными. Древніе жители были въ угнетеніи, а царствовали пришельцы. Хотя отъ самыхъ Уральскихъ горъ по южной Сибири до восточнаго океана владычествовали тѣ же народы, кои столь страшно во время Чингиса прославились, но духъ сего завоевателя въ потомкахъ его исчезъ. Многія царства, основанныя потомками сего славнаго завоевателя изъ удѣловъ его завоеваній, уже погибли; многія были немощны и въ разстройкѣ. Забайкальскія страны, гдѣ было первое пребываніе Чингиса, потомками его безъ уваженія оставлены, и Буряты, хотя Мунгаламъ единоплеменны, но къ нимъ не присоединены, и, избѣгнувъ сна Чингисова, пребывали въ первенственномъ состояніи, раздѣленные на разные роды, изъ коихъ каждый повиновался избранному или наслѣдному начальнику; нѣкоторые однако же изъ живущимъ за Байкаломъ платили дань Мунгаламъ или паче китайцамъ. Укряты, или Елеуты, извѣстные въ Россіи подъ именемъ

Калмыковъ, хотя и были подданные Чингисовы, но при входѣ россіянъ въ Сибирь имѣли своего особаго государя, и тѣ, кои освободились отъ ига мунгальскаго, составляли разныя одно отъ другого независимыя княжества. Нѣкоторые изъ ихъ владѣльцевъ покорили себѣ разныя малыя, разсѣянныя въ южной Сибири, племена татарскія, самоядскія и другія и брали отъ нихъ дань. Якуты, Тунгусы, Остяки и другіе народы, живущіе по разнымъ странамъ пространнѣе, жили всѣ раздѣленными обществами, изъ коихъ иное больше, иное меньше въ зависимости общей не были и хотя возставали общимъ согласіемъ на угнетеніе, однако же сіе соединеніе было мгновенно, и едва общая опасность миновалась, то нарушалась и связь, оною воздвигнутая. Но по теченію Иртыша и при берегахъ впадающихъ въ него рѣкъ распростерлось владычествованіе одного государя, которое изъ всѣхъ сибирскихъ царствъ хотя сильнѣйшее, стремленію россійскихъ завоевателей противиться не могло, столь превозмогаетъ мужество, отважность надъ властію; столь превыше стоитъ устройство воинское надъ безправильностію, а паче всего огнестрѣльное оружіе превозможетъ всегда худо вооруженную толпу, и хотя Ермакъ съ товарищами своими Сибирскимъ народамъ не казалися быть богами, носящими огнь и молнію по превосходство Ермакова оружія, сколь тогда оно несовершенно ни было, сильно были чувствуемы страхомъ и трепетомъ.

Какого племени были прежніе татарскіе владѣльцы при берегахъ Иртыша и другихъ рѣкъ, не есть наше дѣло для разысканія, но мы скажемъ только то, что не въ давномъ времени до пришествія въ Сибирь россіянъ ханъ Кучумъ

потомства Чингисова, жившій въ Киргисъ-Кайсацкой ордѣ или въ Бухаріи, побѣдилъ прежнихъ татарскихъ владѣльцевъ, покоривъ державѣ своей всѣ земли по Иртышу, Тоболу, Турѣ и другихъ и всѣ живущіе при оныхъ рѣкахъ народы—татары остяки, вогуличи были его подданники.

Возвратимся къ Ермаку, котораго мы оставили переходящаго Уральскіе хребты, разогнавъ вогуличей, препятствовавшихъ ему плаваніе по Чусовой. Онъ съ вершинъ Серебрянки перешелъ на рѣчку Боракчу, а съ сей на Тагиль, впадающую въ Туру, преодолѣвая всѣ опасности, превозмогая всѣ препятствія, побивая встрѣчающагося непріятеля, а паче всего увѣщевая своихъ товарищей къ терпѣнію и убѣждая желающихъ возвратиться въ Россію къ продолженію предпріятаго, Ермакъ приплылъ на устье Тобола и, побѣдивъ хана Кучума при Чувашскомъ мысу, принудилъ его удалиться бѣгствомъ и, наконецъ, овладѣлъ столицею ханскою, впустѣ оставленною.

Побѣжденный Кучумъ испыталъ все то, что влечетъ за собою превратное счастіе. Народы, бывшіе его подданные или данники, не только отъ него отложились и не помышляли о защищеніи своего государя, но предались добровольно побѣдившему его. Въ бѣгствѣ сопутники его были одни татары, да и, можетъ быть, только его единоплеменники, то есть тѣ только, которые пришли съ нимъ по завоеваніи Сибири или ихъ дѣти. Сіе вѣроятно быть кажется изъ того, что татарскія семьи, удалившіяся изъ жилищъ своихъ при нашествіи казаковъ, изъ лѣсовъ, гдѣ крылись, возвратилися.

Разбивъ еще татарское войско, подъ предводительствомъ царевича Маметкуля бывшее, Ермакъ видѣлъ себя облада-

телемъ весьма пространныя области. Уже на четвертый день по въѣздѣ его въ столицу ханскую князь Бояръ Остяцкій, тогда при рѣкѣ Демьякѣ бывшій, пришелъ къ нему съ великимъ множествомъ народа и принесъ дары, состоящіе изъ съѣстныхъ припасовъ и дорогой мягкой рухляди. Сіи остяки находились въ войскѣ Кучумовомъ, когда оно разбито было казаками подъ Чувашскимъ мысомъ и, не ожидая насильнаго порабощенія, Ермаку покорились добровольно. На ласковый его пріемъ сихъ добровольныхъ подданныхъ, обѣщаніе защиты отъ озлобленія и содержанія житія спокойнаго и неугнетеннаго имѣли то дѣйствіе, что ушедшіе изъ жилищъ своихъ татары въ оныя возвратились и не токмо мирные были подданные, но впослѣдствіи въ россійскомъ войскѣ находились противъ самаго хана Кучума и его дѣтей. Все сіе доказываетъ, что владычество Кучума основано было силою, и что побѣжденные имъ народы мало къ нему имѣли привязанности. Столь истинно, что иго мягкосерднѣйшаго завоевателя, доколѣ не утвердится въ мнѣніи слѣдующихъ поколѣній, что право есть, тягчитъ и несносно. Но слава подвиговъ казацкихъ и ужасъ ихъ оружія привлекъ въ подданство имъ народы отдаленные. Лѣтописцы повѣствуютъ, что пришли къ Ермаку съ великими подарками два князя, одинъ съ рѣки Суклемы, впадающей въ Тоболъ, другой съ вершинъ Кояды изъ-за болотъ Ескалбинскихъ, именемъ Ишбердей, и сихъ покоряющихся принялъ Ермакъ благосклонно, стараясь утвердить мягкосердіемъ то, что пріобрѣлъ жестокостію, и на мѣсто боязни старался водворить повиновеніе непринужденное.

Какія постановленія и учрежденія Ермакъ дѣлалъ въ завоеванныхъ имъ областяхъ, то неизвѣстно, и вѣроятно,

что они не могли быть обширны. Подданнымъ своимъ онъ, кажется, оставлялъ полную свободу жить по-прежнему, не стѣсняя ихъ свободы ни въ чемъ, довольствуяся тѣмъ, что обязалъ ихъ въ вѣрномъ подданствѣ присягою и налагалъ на нихъ дань, которая большею частію состояла въ соболяхъ, яко драгоцѣннѣйшемъ произведеніи странъ пустынныхъ. Малая часть дани состоять могла въ съѣстныхъ припасахъ, ибо количество воиновъ Ермаковыхъ уже временно убавлялось и самыми побѣдами.

Войско Ермаково, при входѣ его въ Каму, состояло изъ 7000 человѣкъ. По другимъ же извѣстіямъ изъ 5000. Во время плаванія его по Тоболу у него было немного больше 1000 человѣкъ. Когда же Ермакъ побѣдилъ хана Кучума подъ мысомъ Чувашскимъ, то казаковъ было не болѣе, какъ 500. Вѣроятно, что въ семъ сраженіи многіе казаки погибли, ибо если вѣрить должно, что въ два сраженія, которыя Ермакъ имѣлъ съ татарами во время плаванія своего по Тоболу, онъ потерялъ 500 человѣкъ, то есть половину своего войска; если вѣрить должно, что у Кучума были двѣ пушки, которыя достались казакамъ въ добычу, то думать должно, что сраженіе подъ мысомъ Чувашскимъ дорого стоило казакамъ. Итакъ, сколь побѣда, ими одержанная надъ татарами, ни была совершенна, сколь слѣдствія оныя благоуспѣшны ни были, но великое умаленіе войска заставляло Ермака и его товарищей помышлять о своей сохранности и тѣмъ паче, что въ воинскихъ снарядахъ, что истинную ихъ составляло силу, начиналъ оказываться недостатокъ. Не надѣясь получить помощи ни откуда, ибо если и могли отъ Строгановыхъ получить еще воинскіе припасы, но главной нуждѣ, то есть недостатку въ людяхъ,

пособить было нечѣмъ, Ермакъ съ товарищами своими вознамѣрился прибѣгнуть къ царю русскому. Можетъ быть, и того опасалися, если къ царю дойдетъ извѣстіе о ихъ завоеваніяхъ, что онъ вознамѣрится ихъ оныхъ лишить, и они, будучи совсѣмъ въ безсиліи, противиться ему не возмогутъ и потеряютъ плоды всѣхъ своихъ трудовъ и подвиговъ; сіе также было не невозможно, ибо знали властолюбіе царя Іоанна, знали, сколько онъ любилъ завоеванія; и то могло быть извѣстно имъ, что до прихода хана Кучума въ Сибирь нѣкоторые сибирскіе владѣльцы давали царю русскому дань, и царь, услыша о сдѣланномъ казаками завоеваніи, почитать станетъ ихъ принадлежащими ему и вознамѣрится ихъ отнять по той токмо причинѣ, что завоеватели были въ числѣ его подданныхъ. Казакамъ могло также справедливости казаться, что тотъ, кто изъ Россіи за ними вслѣдъ пойдетъ, не будетъ имѣть тѣхъ препятствій въ пути, которыя они имѣли, ибо, если въ новомъ какомъ-либо дѣлѣ первый шагъ труденъ, второй и всѣ послѣдующіе легки. Для открытія Америки въ Колумбѣ нужно было соитіе многихъ великихъ качествъ и дарованій, за нимъ нынѣ всякій простой кормчій ведетъ корабль свой въ Новый свѣтъ безпрепятственно. Толико всякій изобрѣтатель далеко отстоитъ отъ послѣдователей, въ совершенствѣ его превосходящихъ.

Водимый столь сильными побужденіями, Ермакъ отправилъ къ царю атамана Ивана Кольцова съ 50 человѣками казаковъ. Отписка ихъ къ царю, которую лѣтописцы и ихъ послѣдователи называютъ челобитною [1]), содержитъ одно

---

[1]) Миллеръ. Гл. 2. (*Примѣчаніе автора*).

токмо извѣстіе о покореніи Сибири и приведеніи жителей къ Шертѣ и наложеніи на нихъ ясака, то есть дани, въ мягкой рухляди состоящей. Сія отписка сопровождаема была 60 сороками соболей, 20 черными лисицами и 50 бобрами. Кольцовъ принятъ былъ съ отмѣнною отъ царя ласкою, всѣ прежнія казацкія досады забыты, всѣ казаки одарены щедро, и тотъ самый, который незадолго предъ симъ за столь же храбрыя дѣла почитался разбойникомъ, нынѣ почтенъ былъ отлично за то только, что насильственные его поступки были удачны и сходны съ пользами общественными. Столь величіе и низкость близятся во мнѣніяхъ человѣка.

Между тѣмъ Ермакъ помышлялъ о истребленіи совершенномъ татарскихъ силъ и о покореніи новыхъ народовъ. Напавши на оплошныхъ, онъ разбилъ войска царевича Маметкуля при Вагаѣ и его взялъ въ плѣнъ. Съ другой стороны, всѣхъ жившихъ остяковъ по Иртышу и многихъ, жившихъ по Оби, также и вогуличей, жившихъ по Тавдѣ, покорилъ и наложилъ обыкновенную дань мягкою рухлядью.

Съ атаманомъ Кольцовымъ пріѣхалъ изъ Москвы воевода князь Болховской въ Сибирь съ 500 человѣками для умноженія казацкаго войска, но нигдѣ не упоминается, чтобъ Ермакъ лишенъ былъ власти, да и воевода не долго пожилъ послѣ своего пріѣзда въ Сибирь. Умноженіе народа въ семъ городѣ истощило весь казацкій запасъ, котораго вновь получить было невозможно, ибо всѣ почти покорившіеся татары паки возмутились до пріѣзда воеводы съ войскомъ, будучи въ томъ подкрѣпляемы однимъ татарскимъ мурзою, именемъ Карача.

Недостатокъ съѣстныхъ припасовъ столь былъ у русскихъ въ Сибири великъ, что многіе изъ нихъ померли, а оставшіеся ѣли тѣла умершихъ своихъ товарищей. Въ такихъ обстоятельствахъ, возмутивши противъ россіянъ побѣжденныхъ татаръ и остяковъ, мурза Карача осадилъ Сибирь, надѣясь принудить голодомъ россіянъ къ сдачѣ, но Ермакъ его отбилъ и станъ его взялъ. Сія побѣда, обративъ паки въ подданство русскихъ побѣжденные ими народы, возобновила паки къ нимъ изобиліе, и Ермакъ помышлять сталъ о утвержденіи власти своея въ завоеванной имъ землѣ.

Ханъ Кучумъ съ своей стороны помышлялъ о отмщеніи россіянамъ за причиненныя ему бѣдствія, а какъ не надѣялся ихъ побѣдить явно, то прибѣгнулъ къ хитрости и подослалъ одного татарина къ Ермаку съ ложнымъ извѣстіемъ, что ханъ Кучумъ остановилъ бухарскій торговый караванъ, ѣдущій въ Сибирь къ казакамъ для торга. Ермакъ, повѣривъ сему ложному извѣстію, отправился оному каравану навстрѣчу, сперва вверхъ по Иртышу, а потомъ по Вагаю. Но, шедъ долгое время, никого не встрѣчая и видя, что извѣстіе о караванѣ было ложное, обратился назадъ и, не опасаясь ни отъ кого непріятельскаго нападенія, присталъ къ берегу и вознамѣрился на ономъ ночевать. Непрестанные въ пути труды, утомивъ казаковъ, заставили забыть осторожность и повергли ихъ въ крѣпкій сонъ. Въ семъ случаѣ первую, можетъ быть, Ермакъ показалъ оплошность, не поставивъ около своего ночлега отводныхъ карауловъ, и сія оплошность стоила ему жизни, ибо ханъ Кучумъ недреманно ему преслѣдовалъ и, улучивъ сей удобный оплошностію казаковъ случай, напалъ на спящихъ и

всѣхъ почти побилъ. Ермакъ, не оторопѣвъ въ опасности, но пробившись сквозь татаръ до берега, соскочилъ въ лодку, которая, по несчастію его, находилась тогда въ небольшомъ отъ берега разстояніи. Ермакъ упалъ въ воду. Темная ночь и тяжелые его доспѣхи препятствовали ему достигнуть до лодки, и сей смѣлый и твердый въ предпріятіяхъ своихъ мужъ скончалъ скачкомъ жизнь свою, которую смерть щадила доселѣ на сраженіяхъ съ непріятелемъ.

Едва извѣстіе о смерти Ермака Тимофеевича дошло въ Сибирь, какъ письменный голова Иванъ Глуховъ, не надѣясь быть безопаснымъ между непріязненныхъ народовъ, вознамѣрился возвратиться въ Россію съ оставшимъ войскомъ, но, боясь скораго преслѣдованія въ пути отъ хана Кучума, онъ обыкновенную дорогу вверхъ по Тавдѣ почелъ опасною въ разсужденіи медленности плаванія противъ теченія воды, и, сѣвъ въ суда съ остальными 150 казаками, поплылъ внизъ по Иртышу и Оби и чрезъ Югорскія горы приплылъ на Печору.

Между тѣмъ отправленъ былъ изъ Москвы новый воевода Иванъ Мансуровъ со 100 человѣками и нѣсколько пушекъ въ Сибирь. Приплывъ по Тоболу до Иртыша, онъ узналъ отъ татаръ, что казаки Сибирь оставили и что вся земля паки подвластна князьямъ татарскимъ. Мансуровъ, побуждаемый тѣми же причинами, какъ и Глуховъ, не хотѣлъ испытывать счастія оружія, оставаясь въ сей землѣ, ниже возвращаться по Тоболу въ разсужденіи медленности; онъ поплылъ внизъ по Иртышу, но, воспрепятствуемый въ плаваніи зимою, построилъ при устьѣ оныя рѣки на берегу Оби городокъ, гдѣ пробылъ зиму въ немаломъ отъ остяковъ обезпокоиваніи. Съ наступившею весною онъ отпра-

вился внизъ по Оби и возвратился въ Россію тѣмъ же путемъ, какъ и Глуховъ. Итакъ завоеванная казаками земля обратилась паки въ подданство татарскихъ владѣтелей, и ни одного русскаго въ ней не оставалось.

Сибирь оставленная не была совсѣмъ забыта. Едва Глуховъ привезъ въ Москву извѣстіе о смерти Ермака Тимофеевича и о исходѣ русскихъ, какъ царь велѣлъ нарядить войско для пріобрѣтенія потеряннаго. Дорогая мягкая рухлядь, присланная къ царю завоевателемъ Сибири, та, которую, вѣроятно, привезъ съ собою Глуховъ, новое титло и пріобрѣтеніе великой области малыми средствами были для царя довольныя побужденія не забывать Сибири, и для того отправилъ для возвращенія оныя двухъ воеводъ Сукина и Мяснова и письменнаго голову Чулкова съ 300 казаковъ.

Сіи новые вожди россійскихъ воиновъ премѣнили образъ прежнихъ военныхъ дѣйствованій и послѣдовали надежнѣйшему въ незыблемомъ укорененіи въ Сибири россійскаго владычества.

Ермакъ, вступая въ Сибирь, не имѣлъ нужды стараться о сообщеніи съ Россіею. Отторгнутый отъ своего отечества безъ возвратныя надежды, ища лучшія страны, которая бы его вмѣсто отечества воспріяла; избѣгая мщенія Іоаннова, не надѣясь на подкрѣпленіе ни откуда, развѣ своего мужества, онъ устремлялся токмо на завоеваніе, стараясь силы свои имѣть совокупными, и, вѣроятно, побѣды его не дороги ему становились. Еслибъ слѣпое суевѣріе не отдаляло его отъ вступленія въ родство съ побѣжденными, заключая съ дочерьми ихъ брачные союзы, Ермакъ не помыслилъ бы о извѣщеніи царя и о своемъ завоева-

ніи, основалъ бы въ Сибири область, отъ Россіи независимую, и утвердилъ бы въ ней свое владычество. Новые же начальники отъ царя, на возвращеніе Сибири посланные, наставленные примѣрами Глухова и Мансурова и отправленные съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы утвердить въ Зауральской странѣ владычество Россіи и удержать навсегда въ подданствѣ обитающихъ во оной народовъ, долженствовали прежде всего помышлять, какимъ образомъ можно утвердить сообщенія Россіи съ Сибирью и проѣздъ во оную оградить отъ набѣговъ сосѣдственныхъ народовъ.

Было ли таковое дано воеводѣ Сукину наставленіе, или онъ слѣдовалъ своего разума расположенію, но едва вступилъ съ войскомъ своимъ въ татарскіе предѣлы, то вознамѣрился имѣть при самомъ въѣздѣ въ ихъ область мѣсто укрѣпленное для сохраненія всѣхъ своихъ припасовъ и воздержанія остающихся назади вогуличей. Нашедъ для онаго удобнымъ мѣсто на возвышенномъ берегу рѣки Туры, гдѣ прежде былъ татарскій городъ Цимги, онъ тутъ построилъ укрѣпленіе и жилища и назвалъ оное Тюменемъ.

Въ то время, какъ россіяне по смерти Ермака Тимофеевича вышли изъ Сибири, воспослѣдствовала въ правленіи оной великая перемѣна. Кучумъ ханъ, изгнанный изъ своея столицы и много разъ побѣжденный, находился въ тѣсныхъ обстоятельствахъ. Князь Сейдякъ, потомства прежнихъ сибирскихъ владѣтелей, коего родители были побѣждены Кучумомъ, пользуясь его отдаленіемъ, возвратился изъ своего изгнанія въ Сибирь, былъ принятъ и признанъ государемъ. Народъ татарскій, укорененный въ порабощеніи, мыслилъ, что платить ясакъ не можно иначе, какъ хану; но сія не одна была причина воспріятія Сейдяка. Сибир-

скіе татары искали защищенія противъ россіянъ. Хотя Кучумъ былъ ихъ завоеватель, но былъ ихъ единоплеменникъ, былъ единаго съ ними исповѣданія, былъ отрасль славнаго поколѣнія, то хотя для сибирскихъ татаръ и былъ чужестранецъ, но иго его легче казаться могло ига россіянъ; сіи представлялися имъ ужасными, и еслибы ничто другое между ими вперяло различіе, какъ исповѣданіе, то отвращеніе татаръ къ россіянамъ должно было быть велико.

Владѣніе князя Сейдяка, хотя новое, имѣло однако же двѣ не малыя опоры. Одинъ ханскій сынъ казачей орды пришелъ къ нему съ изряднымъ войскомъ; другая состояла въ томъ, что сильный мурза Карача, отложившійся отъ Кучума, но россіянамъ врагъ непримиримый, былъ вспомоществователь Сейдяку. При такихъ обстоятельствахъ царскіе воеводы не разсудили за благо нападать на татаръ, но истребовали отъ царя новаго войска, и пришелъ царскій указъ, сопровождаемый пятью стами казаками, съ повелѣніемъ построить городъ въ близости ханскія столицы, что письменный голова Чулковъ исполнилъ весною 1587 года безъ малѣйшаго отъ татаръ препятствія, построивъ укрѣпленіе при устьѣ рѣки Тобола, въ Иртышъ впадающей, и сіе было началомъ первыя россійскія столицы всея Сибири, Тобольска. На сказку нѣсколько похоже то повѣствованіе, что Чулковъ, зазвавъ къ себѣ въ гости Сейдяка, царевича казачей орды, и мурзу Карачу, сдѣлалъ ихъ своими плѣнниками, но какъ бы они въ руки россіянъ ни попались, то истинно, что послѣ того остальные татары, ихъ подданные, удалились отъ Табольска и Сибири и болѣе оныхъ не безпокоили. Плѣнники же отосланы были въ Москву.

Утвердившись такимъ образомъ въ срединѣ земли, россіяне помышлять стали о распространеніи своего владычества, слѣдуя принятому ими правилу заводить въ новопріобрѣтенныхъ земляхъ укрѣпленныя мѣста для защиты и храненія всякихъ припасовъ. Они прежде всего старались сообщеніе съ Россіею сдѣлать наивящше способнѣйшимъ и безопаснѣйшимъ, въ семъ намѣреніи построенъ былъ городъ Лозвинъ [1]), который потомъ запустѣлъ и уничтоженъ, когда лучшій путь вмѣсто Тавды открытъ былъ съ вершинъ Туры.

Для усмиренія и удержанія въ подданствѣ вогуличей построенъ Пелымъ (а), для владычествованія надъ Обію построенъ Березовъ (б) и Сургутъ (в) для охраненія подвластныхъ татаръ, вверху Иртыша живущихъ, отъ набѣговъ хана Кучума, который не преставалъ обезпокоивать Россіи подданныхъ весей, и для распространенія владычества ея надъ жителями Барабы въ 1594 году построенъ городъ Тара.

Сосѣдственность сего города со многими народами побудила оный населить паче другихъ сибирскихъ городовъ, и снабженъ всѣмъ нужнымъ для продолженія побѣдъ и завоеваній. Дѣйствіе соотвѣтствовало намѣренію. Ханъ Кучумъ былъ побѣжденъ совершенно, дѣти его взяты въ плѣнъ и отведены въ Москву, и онъ самъ едва могъ спастись бѣгствомъ. Барабинцы были покорены, и сколь предпріятый противъ нихъ походъ труденъ ни былъ [2]), однако

---

[1]) Около 1590 году. (а. б. в.) 1592. (*Примѣчаніе автора*).

[2]) Бараба, какъ извѣстно, покрыта вся болотами и озерами, то иначе нельзя въ сей походъ отправиться, какъ зимою. То учинено было въ 159... году на лыжахъ. (*Примѣчаніе автора*).

ничто не могло противостать мужеству россіянъ, корыстолюбіемъ подкрѣпляемому. Съ другой стороны, Ургутскіе казаки владычество россійское распространили вверхъ по Оби, что поводомъ было къ построенію Нарыма въ 1596 году.

Ничто алчности прибытка въ россіянахъ противиться не могло. Презирая всѣ трудности и препятствія, превозмогая самую естественность, жители Березова, покоривъ всѣхъ окрестныхъ народовъ, извѣстилися, что суть другія великія рѣки, въ Ледовитое море впадающія, при коихъ обитаютъ разные народы. Сего уже было довольно, и, вслѣдствіе развѣданнаго березовскими жителями, отправлены были князь Шаховской и Хрипуновъ и письменные головы съ 100 казаками изъ Тобольска для строенія на сихъ рѣкахъ города. Сіи, спустясь отъ Березова въ Обскую губу, а оттуда на лыжахъ на рѣку Тазъ, построили въ 1600 году городъ Мангазею.

Обыкновенная дорога изъ Россіи въ Сибирь чрезъ Чердынь и Лотву на рѣку Тавду найдена многотрудною, и для того, ее оставя, стали ходить по Турѣ, и для того городъ Лозва уничтоженъ, а построены Верхотурье, для ямщиковъ же Туринскъ; сію новую дорогу отъ Соликамской на верховье рѣки Туры отыскалъ и прочистилъ нѣкто житель соликамскій Артемій Бабиновъ, коего потомки и донынѣ живутъ въ окрестностяхъ города Верхотурья, за что онъ отъ царя Годунова и Михайлы Ѳеодоровича пожалованъ землею при рѣкахъ Енвѣ и Чикманѣ въ вотчину и освобожденъ былъ со дворомъ своимъ и деревнею отъ всѣхъ податей. О семъ грамата царская хранится у нихъ и донынѣ и любопытна для всякаго любителя отечественной исторіи.

Укрѣпясь на рѣкѣ Оби изъ Нарыма, россіяне владычество свое простерли даже до вершины Кети и почти до устья Тома, и вся сія область состояла въ вѣдомствѣ Сургута, опричь одного татарскаго рода, Еушта называемаго, которые надъ другими татарскими близъ живущими поколѣніями власть себѣ присвояли. Начальникъ сего рода, именемъ Тоянъ, видя силы россійскія, до него досязающія, и желая избѣгнуть жребія побѣжденныхъ, поѣхалъ въ Москву къ царю и добровольно покорился его державѣ, предложивъ, чтобы въ улусѣ его построенъ былъ городъ. Сіе его предложеніе исполнено, и отряженный для сего строенія казачій голова Писемскій былъ основателемъ города Томска въ 1604 году, откуда власть россіянъ скоро простерлась по всему теченію Тома и Чулыма, и покорены были, хотя съ сопротивленіемъ, Кузнецкіе татарскіе роды, и для удержанія ихъ въ подданствѣ въ 1617 году построенъ городъ Кузнецкъ. Что же касается до Тояна и Еуштинцевъ, то они по желанію ихъ ясакомъ не обложены, а поверстаны въ казацкую службу. Тояновы потомки управляли онымъ родомъ до нашего времени.

Колико тщательны были россійскіе военачальники въ покореніи новыхъ земель державѣ царской, толико со своей стороны цари россійскіе прилагали стараніе о безопасности, о внутреннемъ устроеніи покоренныхъ въ Сибири земель и снабженіи всѣмъ нужнымъ содержащихъ въ подданствѣ царскомъ сибирскіе народы воиновъ. Не излишнее будетъ здѣсь пройти сокращенно всѣ предметы государственнаго управленія въ новозавоеванныхъ странахъ [1]).

---

[1]) Этотъ отдѣлъ не былъ написанъ Радищевымъ.

О человѣкѣ, о его смертности и безсмертіи.

ДРУЗЬЯМЪ МОИМЪ.

Le temps présent est gros de l'avenir.
Leibnitz.

КНИГА ПЕРВАЯ.

Начато 1792 года генваря 15.
Илимскъ.

Нечаянное мое преселеніе въ сторону отдаленную, разлучивъ меня съ вами, возлюбленные мои, отъемля почти надежду видѣться когда-либо съ вами, побудило меня обратить мысль мою на будущее состояніе моего существа, на то состояніе человѣка, когда разрушится его составъ, прервется жизнь и чувствованіе, словомъ, на то состояніе, въ которомъ человѣкъ находиться будетъ, или можетъ находиться по смерти. Не удивляйтесь, мои возлюбленные, что я мысль мою несу въ страну невѣдомую и устремляюся въ область гаданій, предположеній, системъ; вы, вы тому единственною виною. Въ необходимости лишиться, можетъ быть, навсегда надежды видѣться съ вами, я уловить хочу, пускай, не ясность и не очевидность, но хотя правдоподобіе, или же токмо единую возможность, что нѣкогда, и гдѣ—не вѣдаю, облобызаю паки друзей моихъ, и скажу имъ (какимъ языкомъ—теперь не понимаю): „люблю васъ по прежнему!“ А еслибы волшебная нѣкая сила пренесла меня въ сіе мгновеніе въ обитаемую вами храмину, я бы прижалъ васъ къ моему сердцу; тогда все будущее и самая вѣчность исчезли бы, какъ сонъ.

Обратимъ взоръ нашъ на человѣка; разсмотримъ самихъ себя; проникнемъ окомъ любопытнымъ во внутренность нашу и потщимся изъ того, что мы есть, опредѣлить или, по крайней мѣрѣ, угадать, что мы будемъ или быть можемъ; а если найдемъ, что бытіе наше или, лучше сказать, наша единственность, сіе столь чувствуемое *я* продлится

за предѣлъ дней нашихъ на мгновеніе хотя едино, то воскликнемъ въ радованіи сердечномъ: „мы будемъ паки совокупны; мы можемъ быть блаженны; мы будемъ!“—Будемъ?.. Помедлимъ заключеніемъ, любезные мои! сердце въ восторгѣ нерѣдко ввергало разумъ въ заблужденіе.

Прежде нежели (какъ будто новый нѣкій провидецъ) я прореку человѣку, что онъ будетъ или быть можетъ по разрушеніи тѣла его, я скажу, что человѣкъ былъ до его рожденія. Изведши его на свѣтъ, я провлеку его полегоньку чрезъ терніе житейское и, дыханіе потомъ исторгнувъ, ввергну въ вѣчность. Гдѣ былъ ты, доколѣ члены твои не образовалися; прежде нежели ты узрѣлъ свѣтило дневное? что былъ ты, существо, всесилію и всевѣдѣнію сопричастное въ бодрственныя твои лѣта? Измѣрялъ ли ты обширность небесныхъ круговъ до твоего воплощенія? или пылинка, математической почти точкѣ подобная, носился въ неизмѣримости и вѣчности, теряяся въ безднѣ вещества?—Вопросы дерзновенные, возлюбленные мои! но вопросы, подлежащіе моему слову.

Удалимъ отъ насъ всѣ предразсудки, всѣ предубѣжденія и, водимые свѣтильникомъ опытности, постараемся, во стезѣ, къ истинѣ ведущей, собрать нѣсколько фактовъ, кои намъ могутъ руководствовать въ познаніи естественности. Не во внутренность ея проникнуть настоитъ намъ возможность, но развѣ условить малую нить для руководствованія въ постиженіи постепеннаго ея шествія, оставляя существамъ, человѣка превышающимъ, созерцать ея внутренность и понимать всю связь ея дѣяній. Но сколь шествіе въ испытаніи природы ни препинаемо препятствіями разнородными, разыскатель причину вещи, дѣянія или дѣйствія не въ воображеніи отыскивать долженствуетъ или, какъ древній гадатель, обманывая самъ себя и другихъ, не на вымыслѣ какомъ-либо основать ее имѣетъ; но, разыскивая, какъ вещь, дѣяніе или дѣйствіе суть, онъ обнаружитъ тѣсныя и неявственныя сопряженія ихъ съ другими вещами, дѣяніями или дѣйствіями; сблизитъ фак-

ты единородные и сходственные, раздробитъ ихъ, разсмотритъ ихъ сходственности и, раздробляя паки проистекающія изъ того слѣдствія, онъ, поступая отъ одного слѣдствія къ другому, достигнетъ и вознесется до общаго начала, которое, какъ средоточіе истины, озаритъ всѣ стези, къ оной ведущія.

Поищемъ таковыхъ въ природѣ фактовъ, до предрождественнаго существованія человѣка касающихся, и обратимъ вниманіе наше на нихъ.

Человѣкъ зачинается во чревѣ жены. Сіе есть естественное происшествіе. Онъ зачинается во чревѣ жены; въ немъ растетъ и, дозрѣвъ, по девятимѣсячномъ въ утробѣ матерней пребываніи, исходитъ на свѣтъ, снабженный всѣми органами чувствъ, глагола и разума, которые усовершенствованія достигать могутъ постепенно: сіе всѣмъ извѣстно. Но дѣяніе пророжденія, т.-е. образъ, какъ зародышъ дѣлается, растетъ, совершенствуетъ, есть и пребываетъ доселѣ таинствомъ, отъ проницательнѣйшихъ очей сокровеннымъ. Любопытство наше въ познаніи сего таинства удовлетворяемъ по возможности, и не токмо могли видѣть, какъ постепенно животное растетъ по зачатіи своемъ, но счастливые случаи, любопытствомъ неутомимымъ соглядаемые, послужили наукамъ въ пользу, и въ Россіи имѣемъ прекрасное собраніе растущихъ зародышей отъ перваго почти дня зачатія даже до рожденія. Какимъ же образомъ происходитъ зачатіе и питаніе или приращеніе, остается еще вопросомъ, который въ однѣхъ токмо догадкахъ доселѣ имѣлъ рѣшеніе. Но при семъ, во мракѣ погруженномъ дѣяніи естественнномъ можемъ провидѣть нѣчто поучительное и лучъ слабый на испытаніе изливающее. Мы видимъ, что сѣмя, отъ котораго зародышъ зачинается, въ нѣкоторыхъ животныхъ существуетъ въ матери до плододѣянія; но для разверженія, для рощенія безсильно. Сіе въ животныхъ пернатыхъ видимъ ясно. Яйцо есть сіе сѣмя, и до плододѣянія содержитъ въ себѣ тѣ же, существенность его составляющія, части—бѣлокъ и жел-

токъ. Но если мы обратимъ взоры наши на существа, единою степенью на лѣствицѣ твореній отъ животныхъ отстоящія; если мы разсмотримъ земную собратію нашу, растенія, отличающуюся отъ животныхъ лишеніемъ мѣстомѣняющейся способности и, слѣдствіемъ, можетъ быть, оной способности чувствованія,—то мы увидимъ ясно, что для произведенія высочайшаго кедра, сосны или дуба равно нужно зерно или сѣмя, какъ для произведенія малѣйшія травы, на дернѣ стелющейся, или по голомъ камени растущаго мха.

Итакъ, о растеніяхъ и о птицахъ можно не токмо сказать съ вѣроятностію, но почти съ убѣдительною ясностію, что сѣмя существуетъ не токмо до зачатія, но и до плододѣянія. Сіе однакоже для тѣхъ и для другихъ необходимо, и самка безъ самца [1]) сѣмя даетъ безплодное. Заключенія выводя по правилу сходственности, сказать можно то же о всѣхъ животныхъ и о самомъ человѣкѣ. Итакъ заключимъ, что человѣкъ преджилъ до зачатія своего или, сказать правильнѣе, сѣмя, содержащее будущаго человѣка, существовало; но жизни, т.-е. способности расти и образоваться, лишенно. Слѣдуетъ, что нужна причина, которая воззоветъ его къ жизни и къ бытію дѣйствительному; ибо бытіе безъ жизни хотя не есть смерть, но полуничтожество и менѣе почти смерти.

Восходя такимъ образомъ отъ факта извѣстнаго до вѣроятнаго, можно почти безошибочно сказать, что человѣкъ существуетъ въ женѣ до зачатія своего, но въ полуничтожномъ своемъ видѣ; и нужна необходимо плододѣятельная влажнось мужеская, чтобы воззвать сѣмя отъ бездѣятельности къ дѣянію, отъ полуничтожества къ жизни.

---

[1]) Славный естествоиспытатель Линней привелъ въ ясность различіе половъ въ растеніяхъ и плододѣяніе ихъ посредствомъ цвѣточной пыли, безъ коей цвѣтъ въ плодъ превратиться не можетъ.

Прим. авт.

Сѣмя мужеское есть средство, коимъ сѣмя жены становится зародышъ, какъ то изъ предыдущаго слѣдуетъ: оно даетъ жизнь. И если нужно, чтобы бездѣйственная вещественность для полученія движенія имѣла начальное удареніе, то для данія жизни нужно также удареніе плододѣтельнаго сока. Если мы разсмотримъ сопутствующія дѣянію зарожденія обстоятельства въ животныхъ (даже въ растеніяхъ сіе примѣтно, хотя не столь явственно), а паче въ человѣкѣ, то удареніе, которое мужескій плододѣятельный сокъ впечатлѣваетъ сѣмени, не можетъ почесться простымъ или единственно механическимъ. Сверхъ того, что сокъ сей имѣетъ свойство весьма подстрекающее и способное возбуждать раздраженность сѣмени женскаго, что онъ его проницаетъ, кормитъ и образуетъ, но воззри, до коликой степени возвышенна раздраженность и чувственность во время плотскаго соитія; воззри, колико живоноснымъ веселіемъ оно сопутствуемо; измѣрь, если можешь, на вѣсахъ естественности и сіе веселіе, и притяжаніе плотское, и любовь. Или сія такъ же естественна и въ естественности имѣетъ свое начало; но, какъ пища, поглощенная желудкомъ, превратяся въ питательное млеко или хилъ, умножа груду крови въ животномъ, протекаетъ неисчисленными и неудобозримыми ходами, и очищаяся въ нечисленныхъ железахъ, достигаетъ самаго мозга, возобновляетъ его составъ, и, протекши и прешедъ тончайшіе его каналы, производитъ нервенную жидкость, едва понимаемую, но никогда незрѣнную. Но сего мало. Кусокъ хлѣба, тобою поглощенный, превратится въ органъ твоея мысли. Тако любовь, пріявъ начало въ тѣлесности, въ дѣйствіи своемъ столь же далеко отстоитъ отъ начала своего, какъ кусокъ, снѣдаемый, отъ дѣйствія мозга въ мысленной силѣ. О ты, вкушавшій въ объятіяхъ возлюбленныя супруги кратчайшее, но величайшее веселіе на земли, на тебя ссылаюся: вѣщай, не казалося ли тебѣ, что се конецъ бываетъ твоея жизни! Я не сладострастную здѣсь картину начертать намѣренъ, но дѣйствіе. Раздражен-

ность всѣхъ частей тѣла, ею одаренныхъ, чувствительность тѣхъ, коимъ она свойственна[1]), возвышаются въ сію минуту до такой степени, что, кажется, тутъ предѣлъ бываетъ жизни. И дѣйствительно, были примѣры, что люди въ соитіи жизни лишались[2]). Иначе быть тому нельзя: се настоитъ прехожденіе отъ ничтожества къ бытію, се жизнь сообщается. Неудивительно, что послѣ соитія слабость примѣтна въ животномъ: онъ удѣлилъ жизни своея, коея нужное количество для своего состава онъ паки пріобрѣтетъ пищею, извлекая жизнь изъ того, чѣмъ питается; ибо все, его питающее, есть живо.

Но въ семъ безжизненномъ состояніи человѣка, когда онъ не есть еще зародышъ, но сѣмя или зерно, можетъ ли онъ почесться человѣкомъ, можетъ ли причтенъ быть къ тварямъ разумнымъ? Вопросъ самый пустой и не стоящій отвѣта, еслибы за нимъ не слѣдовалъ другой, болѣе казистый и видъ сомнѣнія имѣющій. Что есть человѣкъ, и гдѣ онъ есть до произведенія сѣмени, изъ коего родиться имѣетъ? Ибо, если можемъ понять, что сѣмя предсуществуетъ зачатію, то оно предсуществуетъ въ самкѣ извѣстной; но гдѣ оно было, доколѣ въ ней не образовалося въ видѣ сѣмени?

Дерзновенный, ты хочешь взойти до безконечности; но воззри на свое сложеніе: ты едва отъ земли отдѣленъ, и еслибы око твое не водило тебя до предѣловъ, солнечной системѣ смежныхъ, и мысль твоя не летала въ преддверіе вѣчности, могъ ли бы ты чѣмъ-либо отличенъ быть отъ пресмыкающихся? Вооружай зрѣніе твое телескопами, за дальнѣйшія неподвижныя звѣзды досязающими; вооружай его микроскопами, въ милліоны милліоновъ разъ увеличивающими: что узришь ты? что ты ни на единую черту отъ даннаго тебѣ пребыванія отдѣлиться не можешь,

---

[1]) Славный Галлеръ доказалъ, что иныя части чувственны, другія только раздражительны.

Прим. авт.

[2]) Не говоря о другихъ, можно въ примѣрѣ привести извѣстнаго живописца Рафаэля.

Прим. авт.

не взирая на недавное твое и столь величественное воскресеніе. И узришь хотя часть органа, мысль тебѣ дающаго; но какое стекло дастъ узрѣть тебѣ твое чувствованіе? Безумный! оно ему не подлежитъ. Устремляй мысль свою; воспаряй воображеніе; ты мыслишь органомъ тѣлеснымъ, какъ можешь представить себѣ что-либо опричь тѣлесности? Обнажи умствованіе твое отъ словъ и звуковъ, тѣлесность явится предъ тобою всецѣла; ибо ты она, все прочее догадка.

Но дадимъ отвѣтъ на предыдущіе вопросы, сколь нелѣпы они бы ни были. Если не достовѣрно, но хотя вѣроятно, что человѣкъ предсуществовалъ зачатію въ сѣмени, то суть двѣ возможности, гдѣ существовало сіе сѣмя, опричь той вѣроятности, что оно въ женѣ начиналося, а сіе есть вѣроятнѣйшее другихъ предположеніе. Но скажемъ хотя слово о нихъ. Или сѣмя содержалося одно въ другомъ, изъ разверзшихся прежде его въ бытіе, и содержитъ въ себѣ всѣ сѣмена, сколько ихъ быть можетъ одно въ другомъ до безконечности. Или сѣмя сіе есть часть прежняго, которое было часть другаго, прежде его къ жизни воззваннаго, и можетъ дѣлиться паки на столько частей или новыхъ сѣмянъ, сколько то быть должно и можетъ; равномѣрно и отдѣленныя отъ него части паки дѣлимы быть имѣютъ до безконечности. Безконечность... О, безумные мы! все, чего измѣрить не можемъ, для насъ есть безконечно; все, чему въ продолженіи не умѣемъ назначить предѣла, вѣчно. Но для чего не утверждать, какъ то сказали мы выше, что сѣмя образуется въ женѣ? Ибо, если чувствительность, мысль и всѣ свойства человѣка (не говоря о животныхъ и растеніяхъ) образуются въ немъ постепенно и совершенствуютъ, то для чего не сказать, что и жизнь, которая въ сѣмени, яко въ хранилищѣ пребывать имѣетъ[1]), доколѣ не изведетъ на развер-

[1]) Не возможно ли уподобить душу металлу минерализованному? Когда огонь руду проникнетъ, металлъ отдѣляется и явится въ своемъ блескѣ: такъ и огнь жизни, проникнувъ сѣмя, являетъ душу.

Прим. авт.

женіе, образуется въ органахъ человѣка. Ибо всякая сила, не токмо дѣйствующая въ человѣкѣ, но въ вселенной вообще, дѣйствуетъ органомъ; по крайней мѣрѣ, мы иначе никакой силы постигать не можемъ. Когда Всесильный восхотѣлъ, чтобъ движеніе и жизнь намъ явны быть могли, онъ поставилъ солнце: вотъ чувственный его органъ! Почто же дивиться, что смертные его боготворили?

Прейдемъ къ другому вопросу. Сѣмя до зачатія, или человѣкъ въ предрождественномъ своемъ состояніи, могъ ли почесться тварью разумною или, другими словами, сопряжена ли была душа съ сѣменемъ, доколѣ не прешло сѣмя въ зародышъ? Какое слабое удовлетвореніе твоему высокомѣрію, если и согласимся дать сѣмени душу! но что сія душа? свойство ея жизни или въ совершенномъ возрастѣ человѣка есть чувствовать и мыслить, а понеже вѣдаемъ, что чувственныя орудія суть нервы, а орудіе мысли, мозгъ, есть источникъ нервъ, что безъ него или же только съ его поврежденіемъ или болѣзнію тѣла исчезаетъ понятіе, воображеніе, память, разсудокъ; что нервы толико тупѣть могутъ, что суть иногда въ болѣзненномъ состояніи тѣла почти безчувственны; если же общій законъ природы есть, что сила не иначе дѣйствуетъ (для насъ по крайней мѣрѣ), какъ органомъ или орудіемъ, то скажемъ, не обинуяся, что до рожденія, а паче до зачатія своего человѣкъ есть сѣмя и не можетъ быть что-либо иное. Безчувственъ, нѣмъ, не ощущаяй, какъ можетъ быть разумною тварію? И хотя бы (согласимся и на то), хотя бы душа жила въ сѣмени до начатія вѣковъ; но когда она начинаетъ дѣйствовать и мыслить, того не знаетъ, не воспоминаетъ, что она когда-либо быта жива. А поелику не помнитъ о своемъ предрождественномъ состояніи, то человѣкъ настоящій, *я* настоящее, *я* отличающееся отъ всѣхъ другихъ собратныхъ мнѣ существъ, не есть то *я*, что было; а хотя бы я нынѣшнее то же *я* было, которое было въ предрождественномъ состояніи, но что въ томъ мнѣ пользы? Нѣтъ тожественности души въ двухъ состояніяхъ, т.-е. въ нынѣш-

немъ и предрождественномъ[1]): не все ли равно, что она не существовала до зачатія или рожденія.

Но нѣтъ ли какой-либо возможности, что душа можетъ существовать съ сѣменемъ сопряженна до зачатія зародыша? Вы видѣли, мои возлюбленные, что всѣ предыдущія умствованія суть предположительныя или паче гадательныя, то и сіе мнѣніе о предрождественномъ существованіи души, поелику противорѣчія въ себѣ не заключаетъ, есть возможно. А если къ тому присовокупимъ, что поелику всякая сила дѣйствуетъ свойственнымъ ей органомъ, и сѣмя есть органъ, для дѣйствія души опредѣленный, но не разверженный, то можно сказать, что сила живетъ въ органѣ и душа въ сѣмени; ибо если органъ или сѣмя не разверженно и неустроенно, то изъ того не слѣдуетъ, чтобы оно было мертво; ибо смерть есть разрушеніе или, паче, какъ то увидимъ далѣе, смерть не существуетъ въ природѣ, но существуетъ разрушеніе; а слѣдствіе одно токмо преобразованіе. Присовокупимъ къ сему предварительно, что какъ изъ опытовъ знаемъ, что по разрушеніи каждая частица отходитъ къ своей стихіи или началу, да паки въ сложеніе прейдетъ, то сила жизни не отойдетъ ли къ своему началу или стихіи; и поелику стихія каждая одинакова, то частица оной можетъ пребывать сѣмени совокупна.

Вотъ что возможно сказать о предрождественномъ состояніи человѣка; но и тутъ, какъ видите, друзья мои, много предположеній, системъ, догадокъ. Таково есть положеніе наше, что мы едва ли можемъ удостовѣрены быть

---

[1]) Нельзя ли сказать: нѣсть тожественности души въ рожденномъ ея состояніи и по смерти, ибо душа есть сила, дѣйствующая органомъ, а органъ разрушится. Душа, лишенная воспоминовенія воплощеннаго ея состоянія, будетъ особенна, будетъ высшее существо, потому что напоминовенія лишеніе лишитъ ее всего, что насъ терзаетъ: она будетъ *я*. И такъ, соединится ли она со своимъ началомъ или пребудетъ особенна, но будетъ высшее существо?

Прим. авт.

о томъ токмо, что предлежитъ нашимъ чувствамъ. Свѣдѣніе о вещахъ внутрезрительное нѣсть свойство нашего разума. Если чего не ощущаемъ, то заключаемъ по сходствію. И дабы вамъ сіе изъяснить примѣромъ: мы по сходствію токмо заключаемъ, что рождены и смертны есмы. И такъ о прошедшемъ и будущемъ своемъ состояніи человѣкъ судитъ по сходствію. Блаженъ, если жребій его не есть блужденіе!

Се насталъ часъ бытія и жизни! О Всесильный! Отпусти дерзновеніе мое; я умствованіемъ однимъ угадать тебя тщуся, доколѣ не воззванъ къ жизни! Но я живу и тебя чувствую. О Всесильный! въ томъ нѣтъ дерзновенія!

Представимъ себѣ мужа и жену въ цвѣтущихъ силою лѣтахъ, горящихъ взаимною любовію; представимъ себѣ невинныя ихъ лобзанія, преддверіе веселія. Представимъ ихъ, на непорочномъ ложѣ вкушающихъ его пріятности,— ужели думаешь, что восторгъ, изступленіе, забвеніе самого себя (во время соитія) суть напрасны и должны существовать безъ намѣренія? Когда есть цѣль малѣйшему микроскопическому звѣрьку, ужели думаешь, что величайшее плотское веселіе не имѣетъ оной? И можно ли въ ней ошибиться! намѣреніе есть чувствованіе, цѣль жизнь.

Уже жена зачала во чревѣ; уже зародышъ живъ. Сердце, сей источникъ крови и въемлище ея, въ немъ біетъ даже съ перваго дня соитія. Началося кормленіе,[1]) рощеніе. Уже мало-по-малу члены его образуются. Каждое волокно ищетъ своихъ подругъ, съ коими согрудится[2]), и составляются мышцы. Но паче всего образуется голова,

---

[1]) Человѣкъ во чревѣ образуется подобно растенію: онъ кормится пуповиною, какъ растеніе корнемъ.

Прим. авт.

[2]) Peut-être les affinités suivent les loix de la force magnetique ou électrique; ne pourrait on pas dire que l'affinité est universelle par les intermédiaires. S'il y a des affinités doubles n'y peut il y avoir des triples etc.

Прим. авт.

растетъ больше и величаетъ. Въ ней пребываніе чувствій и умственныхъ силъ!—Пребывъ во чревѣ жены предопредѣленные девять мѣсяцевъ, зародышъ сталъ дитя[1]). Орудія движенія, чувствія, голоса и жизни получили свое дополненіе; основаніе уже положено разумнымъ силамъ, органъ ихъ уже готовъ, какъ гладкая таблица готова на воспріятіе впечатлѣній. Упругость, содрогательность существуютъ уже въ образованномъ, да нѣкогда произведутъ страсти, притяженіе и отвращеніе. И се раждается дитя—человѣкъ да будетъ.

Итакъ исшелъ на свѣтъ совершеннѣйшій изъ тварей, вѣнецъ сложеній вещественныхъ, царь земли, но единоутробный сродственникъ, братъ всему на землѣ живущему, не токмо звѣрю, птицѣ, рыбѣ, насѣкомому, черепокожному, полипу, но растенію, грибу, мху, плеснѣ, металлу, стеклу, камню, *землѣ*. Ибо, сколь ни искусственно его сложеніе, начальныя части его слѣдуютъ одному закону съ родящимся подъ землею. Если кристаллъ, металлъ или другой какой-либо камень образуется вслѣдствіе закона смежности, то и части, человѣка составляющія, тому же слѣдуютъ правилу. Если онъ зараждается и растетъ во чревѣ матернемъ, прилежное разысканіе показуетъ (хотя еще вниманія на то не обращено), что для образованія чего-либо и въ царствѣ ископаемомъ нужна матка; и если въ животныхъ то издревле извѣстно, что матка безъ мужского сообщенія безплодна, то нынѣ явно уже о растеніяхъ и о подземныхъ вѣроятно [2]). Но если кристаллизація, если руденѣніе далеко от-

---

[1]) Легкое его еще не дышитъ, а большая грудная железа сосетъ: кажется, и у человѣка нѣтъ еще правыя сердечныя камеры, и вмѣсто крови, бѣлый сокъ протекаетъ его жилы. Сердце потомъ образуется, кровь краснѣетъ, и хотя легкаго не касается, но обращеніе ея живѣе. Все въ немъ пульсъ; и какъ скоро выходитъ на свѣтъ, воздухъ и молоко составляютъ его пищу; самая боль и всякая потребность даютъ ему случай всосать теплоту тысячью стезями. *Прим. авт.*

[2]) Что есть металлическая жила, что земля купоросная, селитряная, если не матки? что пары металлическіе, купоросный и селитряный газъ, если не мужескій сокъ? *Прим. авт.*

стоятъ отъ зачатія, питанія и рожденія, не образованіе ли есть цѣль того и другого? Образованіе есть видимое дѣйствіе;—но причина? не сомнѣвайся! то же начало, которое жизнь тебѣ даетъ, дѣйствуетъ и въ законѣ смежности.

Мы не унижаемъ человѣка, находя сходственности въ его сложеніи съ другими тварями, показуя, что онъ въ существенности слѣдуетъ одинаковымъ съ ними законамъ. И какъ иначе то быть можетъ? не вещественъ ли онъ? Но намѣреніе наше, показавъ его въ вещественности и единообразности, показать его отличеніе; и тогда не узримъ ли мы сопричастность его высшему порядку существъ, которыхъ можно токмо угадать бытіе, но ни ощущать чувствами, ни понимать существеннаго сложенія невозможно.

Человѣкъ, сходствуя съ подземными, наипаче сходствуетъ съ растеніями. Мы не скажемъ, какъ нѣкоторые умствователи: человѣкъ есть растеніе; ибо, хотя въ обоихъ находятся великія сходства, но разность между ими неизмѣрима. Въ растеніи находимъ мы жилы, питательной сокъ, въ оныхъ обращающійся; находимъ различіе половъ, матку, плододѣяніе мужеское, сѣмя, зачатіе, рощеніе, дѣтство, мужественныя лѣта, произведеніе, старость, смерть; слѣдовательно, растеніе есть существо живое, а, можетъ быть,— и чувствительное, (да не остановимся при словахъ!) Но чувственность сія есть другого рода, можетъ быть, одна токмо раздражительность. А паче всего вертикальное положеніе растеній сходственно единому человѣку. Хотя въ растеніяхъ чувствительность не явна (и самая чувственница изъ сего не исключается), но согласиться нельзя, чтобы обращеніе соковъ дѣйствовало въ нихъ по простымъ гидростатическимъ правиламъ. Въ нихъ существуетъ истинная жизнь. Они на земли не для обновленія токмо родовъ своихъ, но служатъ въ пищу высшей степени существамъ. Сіе есть одна простая догадка, но поелику органическое тѣло сохраниться можетъ токмо пищею, то каждый родъ органическихъ веществъ питается веществами органическими же въ разныхъ ихъ видахъ и сложеніяхъ; а, питаяся

сходствующими съ органами его веществами, не жизнь ли онъ принимаетъ въ пищу, которая, почерпаяся изъ нижняго рода веществъ, протекши и процѣдясь, такъ сказать, сквозь безчисленные каналы, единообразуется той, которая органы его движетъ.

Паче всего сходственнность человѣка примѣчательна съ животными. Равно какъ и они, онъ отличествуетъ отъ растеній тѣмъ, что имѣетъ уста. Растеніе, стоя въ нижней степени существъ земныхъ, есть вся уста, по израженію одного извѣстнаго писателя. Сокъ изъ земли кореніями, росу же небесную сосетъ оно листвіемъ. Человѣкъ уже отличествуетъ, какъ и другія животныя, отъ насѣкомыхъ, ибо и сіи, какъ гниды, суть токмо ротъ, желудокъ и его продолженіе. Всѣ органы, коими одаренъ человѣкъ, имѣютъ и животныя, разумѣя въ назначенной ихъ постепенности. Слухъ, обоняніе, вкусъ, осязаніе, взоръ, все они имѣютъ. Побужденіе къ пищѣ равно терзательно и усладительно для всѣхъ живущихъ на лицѣ земли, не исключая и растеній. Исторгни его изъ нѣдра земного или замкни токмо источники небесные, цвѣтъ увянетъ, изсохнетъ корень, отпадетъ листвіе, и вмѣсто красящагося зеленостію листовъ и всѣми цвѣтами раздробленнаго луча солнечнаго въ цвѣту своемъ узришь его поросшее мхомъ и плѣснію подернутое, преходящее въ разрушеніе. Равномѣрно, отыми яства отъ животнаго и человѣка, возбуди алчбу и жажду въ нѣдрахъ его, лиша его всего того, что обновляетъ въ немъ кровь, дыханіе и жизнь, ты скоро узришь страшные признаки смерти, окрестъ его летающіе. Шествіе будетъ токмо, доколѣ не изнеможетъ. Взоры поникли, коими жизнь, кажется, по малу изступаетъ, глаза въямившіеся, тѣло все обвисло морщинами; но вскорѣ остатки жизни превращаются въ болѣзни лютыя, въ нестерпимыя корчи и судороги, и будто жизнь, сіе невѣдомое нами существо, въ каждой фибрѣ, въ каждой нервѣ заключенное и растворенное, такъ сказать, во всѣхъ сокахъ и твердыхъ частяхъ тѣлесъ животныхъ,—жизнь начнетъ отдѣляться сперва съ

великимъ возбужденіемъ чувственности, раздражительность вникаетъ при конечномъ разслабленіи, чувствительность живѣетъ при исчезаніи, и жизнь, сей безвещественный огнь, давъ животному вздохнуть въ послѣдніе, излетаетъ. Трупъ хладѣетъ, кровь, лимфа и водяность приходятъ въ согнительное воскипѣніе, всѣ члены распадаются, каждое начало отходитъ къ своей стихіи, каменородная часть животнаго, кости, противятся нѣсколько времени проникшему въ него тлѣнію; но скоро могущественность воздуха, разрушивъ извѣстное ихъ сложеніе, раздѣлитъ ихъ на составляющія ихъ части и, изсосавъ въ воздухообразномъ видѣ содержащуюся въ нихъ кислость, остатки предастъ землѣ.

Человѣкъ, сходствуя въ побужденіи къ питанію съ животными, равно сходствуетъ онъ съ ними и растеніями въ плодородіи. Съ большими и многими малыми животными онъ даже сходственные имѣетъ уды дѣтородные. Они всѣ отстоятъ отъ главы въ отдаленности, а вслѣдствіе возниченнаго положенія человѣка они лежатъ въ нижней его половинѣ. Напротивъ того, они суть глава растеній и ихъ краса. Цвѣтокъ—О ты, возмогшій проницательностію твоею узрѣть сіе таинство природы, безсмертный Линней, не возгнушайся жертвоприношеніемъ желающаго тебя постигнуть!—цвѣтокъ есть одръ любовный, ложе брачное, на коемъ совершается таинство порожденія.—Хотя многія животныя, какъ то всѣ птицы, разнствуютъ отъ человѣка въ порожденіи, но сходствуютъ съ нимъ всѣ живораждающія. Многія самки носятъ девять мѣсяцевъ; родятъ обыкновенно одного, и дитя своего воскармливаютъ сосцами своими.

Внутренность человѣка равномѣрно сходствуетъ со внутренностію животныхъ. Кости суть основаніе тѣла; мышцы—орудія произвольнаго движенія; нервы—причина чувствованія; легкое равно въ нихъ дышитъ; желудокъ устроенъ для одинаковыхъ упражненій; кровь обращается въ артеріяхъ и венахъ, имѣя началомъ сердце съ четырьмя его отдѣленіями; лимфа движется въ своихъ каналахъ,

строеніе железъ и всѣхъ отдѣлительныхъ каналовъ, чашечная ткань и наполняющій ее жиръ; наконецъ, мозгъ и зависящія отъ него дѣянія: понятіе, память, разсудокъ. Не унизитъ то человѣка, если скажемъ, что звѣри имѣютъ способность размышлять. Тотъ, кто ихъ одарилъ чувствительностію, далъ имъ мысль, склонности и страсти; и нѣтъ въ человѣкѣ, можетъ быть, ни единыя склонности, ни единыя добродѣтели, коихъ бы сходственности въ животныхъ не находилося.

Нашедъ многочисленныя сходственности между животными и человѣкомъ, нужно намъ видѣть и то, чѣмъ онъ отличествуетъ отъ всѣхъ другихъ животныхъ, живущихъ на землѣ. Возниченный его образъ отличаетъ его внѣшность примѣтнымъ образомъ и есть ему одному на землѣ свойственъ. Хотя медвѣдь становится на заднія лапы, а обезьяны ходятъ и бѣгаютъ на нихъ, но сложеніе ногъ человѣческихъ доказываетъ, что ему одному прямо ходить должно. Хотя сіе хожденіе есть слѣдствіе искусственнѣйшаго ученія, хотя были примѣры, что человѣкъ имѣлъ четвероножное шествіе [1]), но изъ того не слѣдуетъ, что оно ему свойственно вслѣдствіе его сложенія.

Широкая его ступня, большой у ноги палецъ и положеніе другихъ съ движущими ступню мышцами суть явное доказательство, что человѣкъ не пресмыкаться долженъ по землѣ, а смотрѣть за ея предѣлы. Но сіе то и есть паче всего человѣка отличающее качество, что совершенствовать онъ можетъ, равно и развращаться; предѣлы тому и другому еще неизвѣстны. Но какое животное толико успѣвать можетъ въ добромъ и худомъ, какъ человѣкъ? Рѣчь его и всѣ оныя слѣдствія, звѣрство его неограниченное, убивая братію свою хладнокровно, повинуяся власти, которую самъ создалъ,—и какой звѣрь снѣдаетъ себѣ подобнаго изъ лакомства, развѣ не онъ? Напротивъ,

---

[1]) Примѣръ младенца и дикихъ.

Прим. авт.

какое великодушіе, отриновеніе самого себя; но о семъ говорить еще не мѣсто.

Оставя теперь всѣ слѣдствія возниченнаго положенія человѣка, мы находимъ, что сложеніе его паче всѣхъ животныхъ беззащитнѣйшее, а хотя нѣжнѣйшій имѣетъ составъ, но твердѣйшее имѣетъ здравіе. Всѣ звѣри или паче животныя живутъ въ свойственномъ для нихъ климатѣ. Слонъ живетъ подъ жаркимъ поясомъ, медвѣдь бѣлый на льдинахъ Сѣвернаго Океана; но человѣкъ разсѣянъ во всѣхъ климатахъ. Гладкая и безшерстная, но твердая его кожа противостоитъ всѣмъ непогодамъ и водворяется во всѣхъ странахъ свѣта. Но самая сія беззащитность родила вымыселъ, и человѣкъ облекся въ одежду. Но не отъ единыя нагости воспріялъ онъ свой покровъ. Если она была къ тому побужденіемъ въ холодномъ климатѣ, живучи подъ равноденственнымъ кругомъ, не токмо казалася ненужна одежда, но тягостенъ и малѣйшій на тѣлѣ покровъ. Однакожъ мы противное тому видимъ. Жители Гвинеи, Сенегала, Нигера, Конго, носятъ опоясье. Сколь чувствованія народовъ сихъ ни притупленны, но стыдливость есть корень сего обыкновенія. Сіе сужденіе не есть произвольное или догадка; когда самки нѣкоторыхъ звѣрей дубравныхъ чувствуютъ сіе движеніе, когда многихъ родовъ самки ждутъ прислуги самца и обуздываютъ, такъ сказать, свою похотливость, то ужели самкѣ человѣческой стыдъ будетъ чуждъ? Возниченное положеніе, открывая дѣтородныя части въ человѣкѣ, влечетъ, кажется, за собою неминуемое слѣдствіе—опояску.

Паче всего кажется человѣкъ къ силамъ умственнымъ образованъ [1]). Горизонтальное положеніе всѣхъ звѣрей,

---

[1]) Онъ превратилъ климаты, въ холодной полосѣ онъ зной ощущаетъ; онъ подверженъ многимъ болѣзнямъ, но живетъ долѣе земныхъ звѣрей. Дѣтство, отрочество, юность долѣе въ немъ. Онъ долѣе всѣхъ учиться долженъ, ибо долженъ имѣть болѣе знанія другихъ.

Прим. авт.

обращая зрѣніе ихъ, обоняніе и вкусъ книзу, кажется, наипаче опредѣляетъ ихъ блаженствовать въ насыщеніи желудка; ибо и другое чувственное блаженство, соитіе, всѣмъ звѣрямъ есть временно [1]). Самую обезьяну, и совершеннѣйшую изъ нихъ и наиболѣе на человѣка похожую, Органъ - Утанга, изъ сего исключать не должно. Руки ея и ноги не сходствуютъ съ человѣческими такъ, какъ и вся почти внѣшность. Сколь нѣкоторые роды людей, напримѣръ, Эскимы [2]) и другіе, внѣшностію ни уродливы (если можно разнообразіе природы почесть уродствомъ), но члены ихъ соразмѣрнѣе обезьяны. Бюффонъ называетъ родъ обезьянъ животнымъ четверорукимъ; но, не взирая на слабое сходствіе очертаній у нихъ съ человѣкомъ, причтемъ и ихъ къ четвероногимъ, ибо по ихъ сложенію не имѣютъ они той точки равновѣсія, которая, воздымая человѣка отъ земли, шествіе его дѣлаетъ возниченнымъ и видъ пріятнымъ. Черепъ его круглѣетъ, лобъ воздымается, носъ становится острѣе, двѣ ровныя губы составляютъ уста, гдѣ обитаетъ улыбка.

Казалося бы, что понеже человѣкъ, наипаче къ мысленнымъ дѣйствіямъ опредѣленный, имѣть долженствовалъ отмѣнное во всемъ образованіе головнаго мозга, въ которомъ, какъ то всякому чувствуемо, обитаетъ мысль; и хотя находятся нѣкоторыя въ немъ отмѣны противъ мозга другихъ животныхъ, но доселѣ сіе различіе столь найдено, повидимому, маловажно, что нельзя сказать, въ чемъ точно состоитъ преимущественная отмѣна въ сложеніи мозга человѣческаго противъ мозга большихъ животныхъ. Сверхъ же того, анатомія не была еще руководительницею къ познанію, отъ чего въ мозгу зависитъ память, воображеніе, разсудокъ и другія умственныя силы. Сколь на сей конецъ опыты Галлеровы ни были многочисленны, но свѣта дѣй-

---

[1]) Одному человѣку не поставлено въ немъ мѣры.

Прим. авт.

[2]) Эскимосы.

ствія умственныя человѣческія главы не распростерли. Доселѣ оно кажется трудно, а, можетъ быть, совсѣмъ невозможно, если разсудишь, что дѣйствіе разума есть нераздѣлимо. И хотя толкователи сихъ дѣйствій рѣшатъ оныя нѣкіимъ (ими вымышленнымъ) движеніемъ малѣйшихъ фибръ мозговыхъ, но гдѣ находится среда, въ которую всѣ сіи движенія стекаются, никто не видалъ, ибо пинеальная железа, мозольное тѣло суть ли истинное пребываніе души, о томъ только прежде сего гадали, а нынѣ молчатъ. Распространеніе просвѣщенія и общій разумъ показали, что опыты суть основаніе всего естественнаго познанія. Итакъ, можетъ быть одно соразмѣрное сложеніе мозга, изящнѣйшее его положеніе, такъ какъ пріятная внѣшность человѣка суть истинное отличіе человѣческаго мозга въ его образованіи.

Нѣкоторые писатели, представивъ себѣ мысленныя линіи, по человѣческому образу проведенныя, находили въ большемъ или меньшемъ углу, отъ пресѣченія сихъ линій происходящемъ, различіе человѣка отъ другихъ животныхъ, даже различіе между народами; а извѣстный Лафатеръ, въ углѣ, также мысленно начертанномъ, не токмо находилъ различіе разумовъ между людей, но оное выдавалъ за непреложное правило. Но оставимъ правила вѣроятной, но далеко распростертой и отъ того безсущественной его физіогноміи; скажемъ нѣчто о другихъ. Камперъ проводитъ линію чрезъ утлость уха до основанія носа, и другую линію съ верхняго края лобныя кости до наиболѣе изсунувшейся части бороды. Въ углу, гдѣ пресѣкаются сіи линіи, онъ находитъ различіе животныхъ отъ человѣка, а наипаче различіе народовъ и опредѣленіе ихъ красоты. Птицы начертаютъ, говоритъ Камперъ, самый малѣйшій уголъ. Чѣмъ болѣе уголъ сей расширяется, тѣмъ животное сходственнѣе становится въ образѣ своемъ человѣку. Обезьяны имѣютъ въ образѣ своемъ сей уголъ отъ 42 до 50 степеней; сія послѣдняя степень уже человѣкообразна. Европейцы 80, а Греческая вообразимая красота отъ 90

степеней восходитъ до 100. Гердеръ, стараяся показать естественную сему причину, говоритъ, что она состоитъ въ отношеніи животнаго къ его горизонтальному или перпендикулярному строенію и таковому положенію его главы, отъ котораго зависитъ счастливое положеніе головного мозга и красота и соразмѣрность всѣхъ личныхъ частей. Протяни, говоритъ онъ, линіи отъ послѣднія шейныя кости, первую до точки, гдѣ кончится затылокъ, другую до высоты темя, третію до самаго переда лба и линію до окончанія бороды, то явно будетъ не токмо различіе въ образованіи головы, но и самая причина оныя; то есть, что все зависитъ отъ строенія и направленія сихъ частей къ горизонтальному или перпендикулярному шествію.

Вотъ какъ человѣкъ пресмыкается въ стезѣ, когда онъ хочетъ уловить природу въ ея дѣйствіяхъ. Онъ воображаетъ себѣ точки, линіи, когда подражать хочетъ ея образомъ; воображаетъ себѣ движеніе, тяжественность, притяженіе, когда истолковать хочетъ ея силы; дѣлитъ время годами, днями, часами, когда хочетъ изразить ея шествіе, или свой шагъ ставитъ мѣрою ея всеобъемлющему пространству. Но мѣра ея не шагъ есть и не милліоны милліоновъ шаговъ, а безпредѣльность; время есть не ея, но человѣческое; силы же ея и образы суть токмо всеобщая жизнь.

Гельвецій не безъ вѣроятности утверждалъ, что руки были человѣку путеводительницы къ разуму. И по истинѣ, чему одолженъ онъ изобрѣтеніемъ всѣхъ художествъ, всѣхъ рукодѣлій, всѣхъ пособій, для наукъ нужныхъ? Но сіе въ человѣкѣ изящнѣйшее чувство осязанія неограничено на единые персты рукъ. Примѣры видѣли удивительнѣйшіе, что возможетъ человѣкъ, лишенный сихъ нужныхъ для него членовъ. Если чувство его осязанія не столь изощренно, какъ осязаніе паука, то нѣтъ ему въ томъ нужды; оно бы было ему безполезно, ибо несоразмѣрно бы было другимъ его чувствамъ и самому понятію его. Равнымъ образомъ, отдѣляся отъ лица земли, вслѣд-

ствіе своего строенія, чувство обонянія и вкуса въ немъ притупѣли; ибо прокормленіе не стало быть его первѣйшею цѣлію. А хотя оно ему необходимо, то рука его, вооруженная искусствомъ, замѣняетъ стократно недостатокъ его въ изящности помянутыхъ двухъ чувствъ. Но и тутъ съ лучшимъ правдоподобіемъ сказать можно, что вкусъ и обоняніе суть въ человѣкѣ изящнѣе, нежели въ прочихъ животныхъ. Если онъ не равняется обоняніемъ со псомъ, слѣды звѣря онымъ угадывающаго, то сколь изыскателенъ онъ въ благовоніи слѣдовъ. Сравни сладострастнаго сибарита или жителя пышныхъ столицъ въ дѣйствіяхъ вкуса и обонянія съ дѣйствіемъ тѣхъ же чувствъ въ животныхъ, и скажи, гдѣ будетъ перевѣсъ.

Человѣкъ равно преимуществуетъ предъ другими животными въ чувствахъ зрѣнія и слуха. Какое ухо ощущаетъ благогласіе звуковъ паче человѣческаго? Если оно въ другихъ животныхъ (пускай слухъ и былъ бы въ нихъ изящнѣйшій) служитъ токмо на отдаленіе опасности, на открытіе удовлетворительнаго въ пищѣ, въ человѣкѣ звукъ имѣетъ тайное сопряженіе съ его внутренностію. Однѣ, можетъ быть, пѣвчія птицы могутъ быть причастны чувствованію благогласія[1]). Птица поетъ, извлекаетъ звуки изъ гортани своей, но ощущаетъ ли она, какъ человѣкъ, всѣ страсти, которыя онъ единъ токмо на землѣ удобенъ ощущать при размѣрномъ сложеніи звуковъ? О вы, душу въ изступленіе приводящіе, Глюкъ, Паизелло, Моцартъ, Гайденъ, о вы, орудіе сихъ изящныхъ слагателей звуковъ, Маркези, Мара, неужели вы не разнствуете съ чижомъ или соловьемъ? Не птицы благопѣвчія были учители человѣка въ музыкѣ: то было его собственное ухо, коего вглубленное передъ другими животными въ головѣ положеніе[2])

---

[1]) Могли ли бы онѣ пѣть благогласно, не чувствуя благогласія?
Прим. авт.

[2]) Уши звѣрей заостренныя и всѣ лежащія. Разсмотрѣніе уха пѣвчихъ птицъ будетъ когда-либо сему яснымъ доказательствомъ.
Прим. авт.

всякій звукъ, съ мыслію сопряженный, несетъ прямо въ душу.

Орелъ, паря превыше облаковъ, зритъ съ высоты своего возлетѣнія кроющуюся подъ травнымъ листіемъ свою снѣдь. Человѣкъ не столь имѣетъ чувствіе зрѣнія дальновидно, какъ онъ; милліоны животныхъ ускользаютъ отъ его взора своею малостію; но кто паче его возмогъ вооружить свое зрѣніе? Онъ его расширилъ почти до безпредѣльности. Съ одного конца досязаетъ туда, куда прежде единою мыслію достигать могъ; съ другого превышаетъ почти и самое воображеніе. Кто можетъ сравниться съ Левенгукомъ, съ Гершелемъ?

Но изящность зрѣнія человѣческаго наипаче состоитъ въ созерцаніи соразмѣрностей въ образахъ естественныхъ. Не изящность ли зрѣнія, изощреннаго искусствомъ, произвела Аполлона Бельведерскаго, Венеру Медицейскую, картину Преображенія, Пантеонъ и церковь Св. Петра въ Римѣ и всѣ памятники живописи и ваянія?

Но всѣ сіи преимущества обведены бы, можетъ быть, были тѣсною чертою, еслибы не одаренъ былъ человѣкъ способностію, ему одному свойственною, — рѣчью. Онъ единъ въ природѣ велерѣчивъ, всѣ другія живыя его собратія нѣмы. Онъ единъ имѣетъ нужные для рѣчи органы. Хотя многія животныя звуки гортанію производятъ, хотя птицы паче другихъ въ органахъ голоса сходствуютъ съ человѣкомъ и нѣкоторыя изучиться могутъ произносить слова человѣческія рѣчи; но сорока, скворецъ или попугай не что иное суть въ семъ случаѣ, какъ обезьяны, человѣку подражающія въ его тѣлодвиженіяхъ. Но если попугай можетъ подражать въ произношеніи нѣкоторыхъ словъ человѣку, если снѣгирь или канарейка подражаютъ своимъ пѣніемъ пѣнію человѣческому, то человѣкъ въ подражаніи всѣхъ звуковъ пѣнія превышаетъ всѣхъ животныхъ; и справедливо его одинъ англинскій писатель назвалъ *насмѣшникомъ* между всѣми земными тварями.

Рѣчь есть, кажется, средство къ собранію мыслей вое-

дино; ея пособію одолженъ человѣкъ всѣми своими изобрѣтеніями и своимъ совершенствованіемъ. Кто бъ помыслилъ, что столь малѣйшее орудіе, языкъ, есть творецъ всего, что въ человѣкѣ есть изящно. Правда, что онъ можетъ безъ него обойтися и вмѣсто рѣчи говорить тѣлодвиженіями; правда, что въ новѣйшія времена искусство, такъ сказать, мысли распростерто и на лишенныхъ того чувства, которое къ рѣчи есть необходимо; но сколь бы шествіе разума безъ звучныя рѣчи было томно и пресмыкающееся! О ты [1]), возмогшій рѣчію одарить нѣмого, ты, содѣлавшій чудо, многія превышающее, не возмогъ бы ты ничего, еслибы самъ былъ безгласенъ, когда бы рѣчь въ тебѣ силы разума твоего не изощрила! Если нѣмой, тобою наставленный, можетъ причастенъ быть въ твоихъ размышленіяхъ, невѣроятно, чтобы разумъ его воспарилъ до изобрѣтеній рѣчію одареннаго. Хотя и то истинно, что лишеніе одного чувства укрѣпляетъ какое-либо другое; но вообще разумъ лишеннаго рѣчи болѣе изощряться будетъ подражаніемъ, нежели собственною своею силою; не имѣющій слуха коликихъ внутреннихъ чувствованій будетъ лишенъ, и, кажется, изъявленія оныхъ ему мало быть могутъ свойственны.—Итакъ, рѣчь, расширяя мысленныя въ человѣкѣ силы, ощущаетъ оныхъ надъ собою дѣйствія и становится почти изъявленіемъ всесилія.

Осмотрѣвъ такимъ образомъ человѣка во внѣшности его и внутренности, посмотримъ, каковы суть дѣйствія его сложенія, и не найдемъ ли, наконецъ, чего-либо въ нихъ, что можетъ дать вѣроятность безсмертія, или что, обнаруживъ какое-либо противорѣчіе, идею вторыя жизни покажетъ нелѣпостію. Если заблужденіе предлежитъ намъ въ стезѣ нашей, источникъ истины, Всеотче, простри лучъ на разумѣніе наше! Желаніе наше въ познаніи нелицемѣрно и не тщеславіемъ вождается, но любовію.

---

[1]) Аббе де Л'епе.

Прим. авт.

Изъ внѣшняго сложенія человѣка видѣли мы, что менѣе всѣхъ другихъ животныхъ онъ способенъ къ хищности. Пальцы его не вооружены острыми когтями для раздиранія своея снѣди, какъ у тигра; нѣтъ у него серпообразныхъ клыковъ на отъятіе жизни; напротивъ того, зубы его суть, кажется, доказательство, что пища овощная сходственнѣе его сложенію, нежели мясная; да когда онъ и сію вкушаетъ, то прежде измѣнитъ ея существенность вареніемъ. Итакъ, человѣкъ не есть животное хищное. Съ другой стороны, сложеніе его рукъ препятствуетъ ему укрываться темъ, гдѣ могутъ животныя, когти имѣющія. Стоящее его положеніе препятствуетъ ему избѣгать опасности бѣгствомъ; но искуственные его персты доставляютъ ему оборону издали. Итакъ, человѣкъ, вслѣдствіе тѣлеснаго своего сложенія, рожденъ, кажется, къ тишинѣ и миролюбію. О, какъ онъ удаляется отъ своея цѣли! Желѣзомъ и огнемъ вооруживъ руки свои, на произведеніе искусственныхъ дѣйствій сложенныя, онъ возсвирѣпѣлъ паче льва и тигра; онъ убиваетъ не въ снѣдь себѣ, но на увеселеніе, не гладомъ въ отчаяніе приведенный, но хладнокровно. О, тварь, чувствительнѣйшая изъ всѣхъ земнородныхъ! на то ли тебѣ даны нервы?

Уже въ нѣкоторыхъ животныхъ примѣчается опрятность и благопристойность. Птица ощипываетъ носомъ своимъ перья, звѣрь лижетъ шерсть свою языкомъ, а болѣе всѣхъ другихъ человѣкъ любитъ соблюденіе своего благообразія. Хотя нерѣдко страсти и неумѣренность его обезображаютъ, но примѣры единственные не отвергаютъ правила общаго. Я прейду здѣсь охоту, примѣченную во всѣхъ дикихъ народахъ къ украшенію своего тѣла; умолчу о той степени, на которой она находится въ ученѣйшихъ народахъ; не скажу ничего, сколь всѣ украшенія уродуютъ тѣло вмѣсто усугубленія его красоты; но что человѣку благолѣпіе сродно. то, съ одной стороны, вообразимъ, что когда онъ изящнѣйшія черты изобразить хочетъ, онъ изображаетъ нагость. Облеки въ одежду Медицейскую Вене-

ру, она не что иное будетъ, какъ развратная жеманка Европейскихъ столицъ; лѣвая рука ея цѣломудреннѣе всѣхъ вообразимыхъ одеждъ. Съ другой стороны, представь себѣ видъ безобразный: власы растерзанные, лицо, изпещренное жженіемъ, колоніемъ и краскою, уши или носъ дырявые, губы разрѣзанныя и зубы непокровенны, шея и чрево задавленныя, ноги и персты сжатые. Привычка насъ заставляетъ находить украшеніемъ то, что сами съ нѣкоторою отмѣною почитаемъ безобразностію. И такъ свойственная человѣку опрятность и благопристойность учили бы его сохраненію своего образа въ природномъ его видѣ, еслибы превратность не учила другому. А ты, о превратнѣйшій изъ всѣхъ, ибо употребляешь насиліе власти, о законодавецъ тигръ! почто дерзаешь уродовать благообразіе человѣка? Онъ хотя преступникъ, но тотъ же человѣкъ. Вникни въ его естественность, увидишь, что благообразіе ему дано Тѣмъ, Кто жизнь ему далъ. Ты уничижаешь его паче всякія твари, отъемля у него образованіе. И какая въ томъ польза?

Слѣдствіемъ нѣжности въ нервенномъ сложеніи и раздражительности въ сложеніи фибровъ, человѣкъ паче всѣхъ есть существо соучаствующее. Соучаствованіе таковое въ животныхъ уже примѣчается: звѣри стекаются къ испускающему жизнь брату ихъ. Но паче всѣхъ одаренъ имъ человѣкъ. Жаль видѣть обезображеніе даже неодушевленнаго. Вздохнешь, видя великолѣпныя развалины; вздохнешь, видя слѣды опустошенія, когда огонь и сталь распростираютъ смерть по лугамъ и нивамъ. Преселись на мѣсто, гдѣ позыбнулись земли до основанія. Хотя бы животныя избѣгли бѣдствій естественныхъ и гнѣва стихій, но глубокопроницающая печаль обойдетъ твое сердце, и ты, если не камень, потрясешься и восплачешь.

Наипаче таковое чувствованіе возбуждается въ насъ, взирая на скорбь и терзаніе животнаго. Стрѣла болѣзни пройдетъ душу, и она содрогнется. Обыкнувъ себя примѣнять ко всему, человѣкъ въ страждущемъ зритъ себя и

болѣзнуетъ. Все чувствіе таковое, проникающее насъ посредствомъ органовъ глазныхъ, производитъ въ насъ страхъ и ужасъ. Но томящееся журчаніе, но воздыханіе, но стонъ, крикъ, визгъ, хрипленіе, выводитъ насъ изъ насъ самихъ, возбуждаетъ изступленіе. Чувствованіе предваряетъ разсудку, или, паче, человѣкъ во мгновеніе сіе становится весь чувствованіе, разсудокъ молчитъ и страждетъ естественность. Человѣкъ сопечалится человѣку, равно онъ ему и совеселится. Войди во храмину, гдѣ веселіе распростерло жизнодательную масть свою въ сердца, гдѣ около торжествующихъ все блещетъ радостію, гдѣ руки плещутъ и ноги сопутствуютъ восторгу, а паче грудь, исполненная утѣхи, образуетъ гласъ въ радованіе, вздыхаетъ отъ нѣжности или испускаетъ крикъ веселостей; когда сердце и душа, исполнясь блаженства, явить хочетъ свое наслажденіе и гортань постъ; скажи, если ты не Альцестъ или не Тимонъ [1]), не воспоешь ли съ поющими, не умножишь ли хоровода пляшущихъ? Когда развѣ дряхлость отъяла силу движенія въ ногахъ, и лишила голосъ твой пріятности, то не будешь участвовать въ веселіи общемъ. Но знай, что ты не токмо существо, соучаствующее всему чувствующему, но ты есть существо подражательное. Если можешь съ безумными обезумѣть, то тамъ, гдѣ ѳирсъ [2]) Вакховъ вооруженъ блистаетъ, какъ не быть тебѣ вакхантомъ?

Сіе соучаствованіе человѣку толико сосущественно, что на немъ основалъ онъ свое увеселеніе, къ не малой чести изобрѣтенію разума человѣческаго служащее. Скажи, не жметъ ли и тебя змій, когда ты видишь изваяніе Лаокоона? Не увядаетъ ли твое сердце, когда смотришь на Маврикія, занесшаго ногу во гробъ? Скажи, что чувствуешь, видя произведеніе Корреджія или Альбана, и что возбуждаетъ въ тебѣ кисть Ангелики Кауфманъ? Изслѣдовалъ ли ты все, что въ тебѣ происходитъ, когда на по-

---

1) Мизантропы.
2) Тирсъ.

зорищѣ видишь безсмертныя произведенія Вольтера, Расина, Шекспира, Метастазія, Мольера и многихъ другихъ, не исключая и нашего Сумарокова?—Не тебѣ ли Меропа, вознесши руку, вонзить хочетъ въ грудь кинжалъ? Не ты ли Зопиръ, когда изступленный Сеидъ, вооруженный сталью, на злодѣяніе несется? Не трепещетъ ли духъ въ тебѣ, когда востревоженный сновидѣніемъ Ричардъ требуетъ лошади? „Нѣтъ у него дѣтей!“ размышляетъ во мрачно-тихомъ мщеніи Макбетъ; что мыслишь, когда онъ сіе произноситъ? О чувствительность, о сладкое и колющее души свойство! тобою я блаженъ, тобою стражду!

Я не намѣренъ здѣсь распространяться примѣрами о томъ, что каждому извѣстно; но представьте себѣ и очарованное око театральнымъ украшеніемъ и ухо, отсылающее дрожаніе въ составъ нервовъ и фибровъ, возбужденное благогласіемъ; представьте себѣ игру, природѣ совершенно подражающую, и слово, сладости несравненныя исполненное, представьте все сіе себѣ, и кто сказать можетъ, что человѣкъ не превыше всего на землѣ поставленъ? Увеселеніе юныхъ дней моихъ, къ которому сердце мое столь было прилѣплено, въ коемъ никогда не почерпалъ развратности, отъ коего отходилъ всегда паче и паче удобренный, будь утѣшеніемъ чадъ моихъ! Да прилѣпятся они къ тебѣ болѣе другихъ утѣхъ! Будь имъ истиннымъ упражненіемъ, а не тратою драгоцѣннаго времени!

Мы сказали, что человѣкъ есть существо подражательное, и сіе его свойство есть не что иное, какъ послѣдованіе предыдущаго или, лучше сказать, есть отрасль соучаствованія. Я не разыскивалъ того прежде, но и теперь того же воздержуся, какой существуетъ механизмъ въ подражаніи и соучаствованіи, какъ образъ, внѣ насъ лежащій, какъ звукъ, постороннимъ существомъ произнесенный, образуютъ внутренность нашу? Происходитъ ли то въ первомъ случаѣ какими-либо лучами, отражающимися отъ внѣшнихъ тѣлъ, какъ будто электрическое вещество, исходящее завостреніями, и несущими образъ на сѣть

глазную посредствомъ свѣтильнаго вещества; производитъ ли, въ другомъ случаѣ, звукъ, раздающійся въ ухѣ нашемъ, и тимпанъ онаго ударяющій производитъ ли въ нервахъ дрожаніе, струнному орудію подобное (что вѣроятно); или нервенный сокъ, пріявъ въ себя внѣшніе образы, внутренною чувственную имъ сходственность содѣлываетъ? Я уже сказалъ, въ познаніяхъ сихъ многія суть догадки; и мы, прешедъ причины, ибо намъ онѣ неизвѣстны, не скажемъ, *какъ* то происходитъ, ибо того не вѣдаемъ, но скажемъ: *оно есть*. Давно всѣмъ извѣстно, что человѣкъ, живучи съ другими, пріемлетъ ихъ привычки, походки и проч., даже самыя склонности. Въ семейственной жизни сіе наибольше примѣтно бываетъ. Не токмо дѣти имѣютъ иногда привычки своихъ родителей или наставниковъ, но имѣютъ нерѣдко ихъ страсти.

Примѣры сему не токмо изъ исторіи почерпнуть бы можно было, но можно имѣть ихъ изъ ежедневнаго общежитія. И неудивительно уже, что частое долговременное повтореніе одинаковаго дѣйствія всегда имѣя предъ собою, можетъ въ привычку преобратиться; но подражательность столь свойственна человѣку, что единое мгновеніе оную приводитъ въ дѣйствительность. На семъ свойствѣ человѣка основывали многіе управленіе толпы многочисленныя. Первый Сципіонъ, обвиняемый предъ народомъ въ злоупотребленіи своея власти во время предводительствованія Римскими войсками: „Народъ!“ воскликнулъ онъ: „сей день вожденіемъ моимъ вы побѣдили непріятеля, воздадимъ благодареніе богамъ!“ и, не ждавъ ни мало, пошелъ въ Капиталію, народъ ему послѣдовалъ, и обвинитель его посрамленъ остался. Ужели думаете, что убѣжденный благоразсужденіемъ народъ Римскій шествовалъ за Сципіономъ? Нимало! ни десятой долѣ бывшимъ въ собраніи не было слышно его изреченіе. Онъ пошелъ, друзья его за нимъ, и всѣ машинально ему слѣдовали. Въ магнетизмѣ Месмеровомъ видѣли самое явное доказательство подражательности непреоборимой. Сидящіе около его чана едва

одного изъ среды своей зрѣли въ содроганіи, всѣ приходили въ таковое же. Воображеніе ли надъ нимъ дѣйствовало или что другое, до того нѣтъ намъ нужды; но что всѣ чувствовали въ нервенной системѣ потрясеніе, то истинно. И сей новаго рода врачъ, основавъ искусство свое на семъ естественномъ подражаніи, приводилъ симъ простымъ способомъ въ движеніе, казалося, силу неизвѣстную. Но еслибы помыслили, что буде въ собраніи, гдѣ наипаче объемлетъ скука, одинъ зѣвнетъ, то всѣ зѣваютъ, то бы Месмерово чудо таковымъ не казалося.

Различіе половъ, какъ то мы прежде уже видѣли, есть постановленіе природы повсемѣстное, на которомъ она основала сохраненіе родовъ не токмо животныхъ, но растеній, а, можетъ быть, и ископаемыхъ. Постановивъ различіе родовъ, она, можетъ быть, столь же общимъ закономъ, возродила въ нихъ одного къ другому побужденіе; и можемъ ли вѣдать, что сила притяженія, дѣйствующая въ химическихъ смежностяхъ, не дѣйствуетъ и въ тѣлахъ органическихъ? Животное иначе живетъ, нежели растеніе; но кто отвергнетъ, что растеніе не живо? Чѣмъ болѣе вникаютъ въ дѣянія природы, тѣмъ видима наиболѣе становится простота законовъ, коимъ слѣдуетъ она въ своихъ дѣяніяхъ. И такъ на различіи половъ основала она въ человѣкѣ склонность къ общежитію, изъ коея паки проистекаютъ различныя человѣческія склонности и страсти. Но послѣдуемъ ея постепенности.

Изъ различія половъ слѣдуетъ склонность ихъ одного къ другому, склонность непреоборимая, столь сладостная въ сердцѣ добродѣтельномъ, столь звѣрская въ развратномъ. Толико могущественно, толико глубоко положила природа корень сея склонности, что единое произвольно кажущееся движеніе въ растеніяхъ относится къ ней. Я говорю здѣсь о такъ называемомъ снѣ растеній.

Въ животныхъ склонность сія временное имѣетъ дѣйствіе, но въ человѣкѣ всегдашнее. Въ немъ склонность сія хотя столь же почти необходима, какъ и въ живот-

ныхъ, но подчинена очарованіямъ пріятности и оставлена его управленію, выбору, производу и умѣренности. Въ человѣкѣ склонность сія хотя въ младости разверзается, но позже нежели во всѣхъ другихъ животныхъ, а потому самому, можетъ быть, она въ немъ и продолжительнѣе. Она въ человѣкѣ отличествуетъ тѣмъ, что сопрягаетъ оба пола во взаимный союзъ непринужденно и свободно, не рѣдко на цѣлый ихъ вѣкъ. Кто изъ животныхъ, развѣ не человѣческіе супруги, могутъ сказать: мы два плоть едина, мы душа единая! — О сладостный союзъ природы! почто ты толико и столь часто бываешь уродованъ?

Отъ любви супружней проистекаетъ любовь матерняя. Зачавъ во чревѣ своемъ, родивъ въ болѣзни, питая своими сосцами[1]), дитя есть, по истинѣ, отпрыскъ матери, отрасль совершенная, не по уподобленію токмо, но въ самой существенности. Союзъ ихъ есть почти механическій. Да не унизимъ его таковымъ изреченіемъ; онъ есть органическій и будетъ нравственный и духовный, когда воскормленіе разверзетъ всѣ новорожденнаго силы и образуетъ его внутренность и внѣшность. О, чувствованія преизящныя! въ васъ лежитъ корень всякія добродѣтели. Наилютѣйшее чудовище мягчится семейственною любовію. Преторгла ею природа скитаніе звѣрообразнаго человѣка, обуздала его нѣжностію, и первое общество возникло въ домѣ отеческомъ. Продолжительное младенчество, продолжительная въ неопытности юность пріучаетъ его къ общежитію непримѣтно. Сопутникъ неотлучный матери, лежа у сосцовъ ея и пресмыкаяся на землѣ, онъ, воспрянувъ на ноги, отвѣсно бѣжитъ во слѣдъ отцу, естественному своему учителю. Малолѣтство его подчиняетъ его родителямъ въ разсужденіи его слабости; юность тоже производитъ неопытностію. Привычка, благодарность, уваженіе, почтеніе дѣлаютъ сей

---

[1]) Примѣчанія достойно, что изъ видимыхъ членовъ въ человѣкѣ зубы совершаются послѣ всѣхъ другихъ.

Прим. авт.

союзъ наитвердѣйшимъ. Вотъ первое общество, вотъ первое начальство и царство первое. Человѣкъ рожденъ для общежитія. Поздое его совершеннолѣтіе воспретитъ, да человѣки не разыдутся, какъ звѣри. О, Руссо! куда тебя завлекла чувствительность необъятная[1])?

Человѣку и, можетъ быть, животному вообще кажется быть свойственно, вслѣдствіе его чувственнаго состава, внутреннее ощущеніе праваго и неправаго. Не дѣлай того другому, чего не хочешь, чтобы тебѣ случилося, если не есть правило, изъ сложенія чувствительнаго человѣка проистекающее, то развѣ начертанное въ насъ перстомъ Всевѣчнаго. Всѣ превратности, всѣ лжи, всѣ неправды, злобы, убивства не въ силахъ опровергнуть сего чувствованія. Возникшая страсть запираетъ гласъ чувствительности, но ужели нѣтъ ея, когда лежитъ попранна?

Единому человѣку между всѣхъ земныхъ тварей удалося познать, что существуетъ Всеотецъ, всему начало, источникъ всѣхъ силъ. Я здѣсь не буду говорить, что онъ доходитъ до сего познанія силою разума, возносяся отъ дѣйствій къ причинамъ и, наконецъ, къ высшей изъ всѣхъ причинъ; не разыщу, что познаніе Бога проистекло отъ ужаса или радости и благодарности; понятіе о всевышнемъ существѣ въ немъ есть; самъ онъ его себѣ сложилъ или получилъ откуда, того мы не разсматриваемъ. Но то истинно, что когда разумъ, а паче сердце страстями незатменно, вся плоть, всѣ кости ощущаютъ надъ собою власть, ихъ превышающую. Называй сіе, кто какъ хочетъ; но Гоббесъ, но Спиноза ее ощущали; и если ты не извергъ, о человѣкъ, то отца своего ты чувствовать долженъ, ибо онъ повсюду; онъ въ тебѣ живетъ, и что ты чувствуешь, есть даръ Вселюбящаго.

И такъ, познаніе Бога можетъ проистекать изъ единыя нашея чувствительности, и познаніе сіе есть ея упраж-

[1]) Смот. Discours sur l'origine de l'inégalité parmi les hommes.
Прим. авт.

ненiе: упражненiе, ведущее къ вершинѣ земного блаженства, внутренняго удовольствiя, добродѣтели.

О, смертный, познавай Бога! утѣшишься, если страждешь, возблаженствуешь паче, если блаженствуешь. Онъ живъ, и ты дышишь; онъ живъ будетъ вовѣки, въ тебѣ живетъ надежда, что и ты причастенъ будешь безсмертiю. О, смертный! Отверзи очи твои, и узришь Всеотца во свѣтѣ [1]).

Обозрѣвъ человѣка въ его чувствованiяхъ и дѣйствiяхъ, оттуда проистекаемыхъ, порядокъ требовалъ бы, чтобы мы показали его во всей его славѣ, возносящагося превыше всего творенiя, постигающаго начертанiе созданiя, и симъ возвышающимъ его дарованiемъ, разумомъ божеству уподобляющемуся. [2]) Но для постиженiя, колико человѣкъ великъ, нужно токмо воззрѣть на всѣ его изобрѣтенiя, на всѣ вымыслы и творенiя. Науки, художества, общественная связь, законы суть доказательства избыточныя, что человѣкъ превыше всего на земли поставленъ. Но, разсматривая и удивляяся величественности его разума и разсудка, увидимъ, что сiе существо, Творцу вселенныя сопричащающееся, проникалъ незыблемыми стопами естественность[2]), нерѣдко уродствуетъ, заблуждаетъ; да и столь заблужденiе ему почти сродно, что прежде нежели истины досягнуть можетъ, бродитъ во тьмѣ и заблужденiяхъ, раждая нелѣпости, небылицу, чудовищей. И въ томъ самомъ, о гордое существо, чѣмъ наипаче возноситься можешь, тѣмъ паче являеться смѣшонъ. Всѣ однакоже заблужденiя человѣка и нелѣпости суть доказательство

[1]) Въ семъ мѣстѣ Сочинитель начерталъ только предметы, о которыхъ разсуждать былъ намѣренъ; вотъ они.—О различiи людей въ ихъ чувствованiяхъ и страстяхъ и о степени оныхъ въ каждомъ человѣкѣ. Отъ чего зависть, темпераменты? Откуда различiя въ представленiяхъ божества? Что оно часто похоже на человѣка, то неудивительно: человѣкъ его изображаетъ; и поелику онъ человѣкъ, за человѣка зрѣть не можетъ. Различiе нравовъ, правленiй, и проч.

Прим. авт.

[2]) Текстъ испорченъ.

мыслящаго его существа, и что мысль есть наисвойственнѣйшее качество его.

Второе, что при разсмотрѣніи умственныхъ силъ человѣка явно становится, есть то, что многія его умственныя силы слѣдуютъ законамъ естественности. Что сила воображенія, напримѣръ, зависитъ отъ климата, и что люди совсѣмъ бы иначе намъ предъявлялися, еслибы естественное житіе, правленіе, законы, нравы и обычаи не дѣлали его совсѣмъ отъ того, какъ рожденъ, отмѣннымъ. Одна теплая храмина, климатъ преображаетъ, и какія изъ того послѣдствія? Не изъ того ли проистекаютъ и несообразности, которыя видны часто въ людскихъ нравахъ и законоположеніяхъ?

Третіе, что при разсмотрѣніи умственныхъ силъ человѣка явственно становится, есть различіе, въ оныхъ примѣчаемое, не токмо у одного народа съ другимъ, но у человѣка съ человѣкомъ. Но сколь одинъ народъ отъ другаго ни отличествуетъ, однако, вообразя возможность, что онъ можетъ усовершенствоваться, найдемъ, что можетъ онъ быть равенъ другому, что Индѣйцы, древніе Греки, Европейцы суть по средѣ на стезѣ совершенствованія, изъ чего заключить можно, что разверженіе народнаго разума зависитъ отъ стеченія счастливыхъ обстоятельствъ. Но совсѣмъ иначе судить должно о различіи разумовъ между единственными человѣками, и сколь Гельвецій ни остроуменъ, доказательства его о единосиліи разумовъ суть слабы.

Четвертое, что замѣчается при разсмотрѣніи разумныхъ силъ человѣка, есть то, что силы сіи ничто при рожденіи, разверзаются, укрѣпляются, совершенствуютъ, потомъ тупѣютъ, ослабѣваютъ, нѣмѣютъ и исчезаютъ; что сія постепенность слѣдуетъ постепенности въ разверженіи и уничтоженіи силъ тѣлесныхъ, и что тѣсное есть сопряженіе между плододѣятельнаго сока и человѣческихъ умственныхъ силъ. Свидѣтельствуютъ тому брада или безуміе, слѣдствіе несчастнаго саморастлѣнія [1]). Но прежде

---

[1]) Скопчество и онанизмъ.

всего скажемъ нѣчто о умственныхъ силахъ человѣка, о дѣйствованіи оныхъ и о чудесности ихъ.

Человѣкъ имѣетъ силу быть о вещахъ свѣдому. Слѣдуетъ, что онъ имѣетъ *силу познанія,* которая можетъ существовать и тогда, когда человѣкъ не познаетъ. Слѣдуетъ, что бытіе вещей независимо отъ силы познанія о нихъ и существуетъ по себѣ.

Мы вещи познаемъ двояко: 1-е, познавая перемѣны, которыя вещи производятъ въ силѣ познанія; 2-е, познавая союзъ вещей съ законами силы познанія и съ законами вещей. Первое называемъ *опытъ,* второе *разсужденіе.* Опытъ бываетъ двоякій: 1-е, поелику сила понятія познаетъ вещи чувствованіемъ, то называемъ чувственность, а перемѣна, въ оной происходимая, чувственный опытъ; 2-е, познаніе отношенія вещей между собою называемъ разумъ, а свѣдѣніе о перемѣнахъ нашего разума есть опытъ разумный.

Посредствомъ памяти мы воспоминаемъ о испытанныхъ перемѣнахъ нашей чувственности. Свѣдѣніе о испытанномъ чувствованіи называемъ представленіе.

Перемѣны нашего понятія, производимыя отношеніями вещей между собою, называемъ мысли.

Какъ чувственность отличается отъ разума, такъ отличается представленіе отъ мысли.

Мы познаемъ иногда бытіе вещей, не испытуя отъ нихъ перемѣны въ силѣ понятія нашего. Сіе назвали мы разсужденіе. Въ отношеніи сей способности называемъ силу познанія умъ или разсудокъ. Итакъ, разсужденіе есть употребленіе ума или разсудка.

Разсужденіе есть не что иное, какъ прибавленіе къ опытамъ, и въ бытіи вещей иначе нельзя удостовѣриться, какъ чрезъ опытъ.

Вотъ краткое изображеніе силъ умственныхъ въ человѣкѣ; но всѣ сіи виды силы познанія нашего не суть различны въ существованіи своемъ, но она есть едина и нераздѣлима.

Однакожъ, раздробляя, такъ сказать, силу познанія или,

паче, прилагая ее къ разнымъ предметамъ, ей надлежащимъ, человѣкъ воздвигъ пространное знаніе своей науки. Не оставилъ отдаленнѣйшаго края вселенныя, куда бы смѣлый его разсудокъ ни устремлялся; проникъ въ сокровеннѣйшія нѣдра природы и постигъ ея законы въ невидимомъ и неосязаемомъ; безпредѣльному и вѣчному далъ мѣру; исчислилъ неприступное; преслѣдовалъ жизнь и твореніе и дерзнулъ объять мыслію самого Творца [1]). Часто человѣкъ ниспадалъ во глубину блужденія и животворилъ мечтанія, но и на косвенной стезѣ своей великъ и Богу подражающъ. О, смертный! воспряни отъ лица земли и дерзай, куда несетъ тебя мысль, ибо она есть искра божества!

Сколько есть способовъ познавать вещи, только же путей и къ заблужденію. Мы видѣли, что познаніе человѣческое есть двояко: 1-е *опытъ*, 2-е *разсужденіе*. Если въ первомъ случаѣ мы ложно познаемъ перемѣны, происходящія въ чувственности нашей, ибо заблужденіе сего рода всегда происходитъ не отъ вещи и не отъ дѣйствія ея надъ нашими чувствами (поелику внѣшнія вещи всегда дѣйствуютъ на насъ соразмѣрно отношенію, въ которомъ онѣ съ нами находятся), но отъ расположенія нашей чувственности. Напримѣръ: болящему желтухою всѣ предметы представляются желтѣе; что бѣлое для него было прежде, то нынѣ желтое; что было желтое, то кирпичнаго цвѣта, и такъ далѣе. Правда, что раздробленіе луча солнечнаго есть седьмично, какъ и прежде, и болящему желтухою отъ рожденія различіе цвѣтовъ будетъ равное со всякимъ другимъ; но тотъ, кто видѣлъ предметы въ другомъ видѣ, тотъ можетъ судить о семъ.—Напримѣръ: колоколъ бьетъ; глухой, не чувствуя перемѣны въ ухѣ своемъ, понятія имѣть не будетъ о звукѣ, но другой скажетъ: „слышу звонъ!“ И если звонъ колокола есть знакъ какого-либо сборища, то слышащій пойдетъ, а глухой скажетъ: „мнѣ

---

[1]) Срав. стихотвореніе Радищева „Осьмнадцатое столѣтіе“.

не повѣщали", и чувства его обманутъ. Постепенность въ таковыхъ заблужденіяхъ и всѣ слѣдствія оныхъ, бывающія новыми заблужденіями по чредѣ своей, суть неудобоопредѣляемы и многочисленны.

Если знаемъ ложно отношеніе вещей между собою, то опять заблуждаемъ. Отношеніе вещей между собою есть непремѣнно, но ложность существуетъ въ познаніи нашемъ. Напримѣръ: два предмета предстоятъ глазамъ моимъ, но не въ равномъ разстояніи. Естественно, вслѣдствіе законовъ перспективы, что ближайшій предметъ долженъ казаться больше, а отдаленнѣйшій меньше; но необыкшимъ очамъ они покажутся равны, и сравненіе ихъ будетъ ложно, ибо величина не есть сама по себѣ, но понятіе относительное и отъ сравненія проистекающее. Число сихъ заблужденій, изъ познанія отношенія вещей проистекающихъ, происходитъ отъ разсужденія, и нерѣдко заключая въ себѣ оба рода предыдущихъ, тѣмъ сильнѣе бываетъ ихъ дѣйствіе, тѣмъ оно продолжительнѣе и преодолѣніе ихъ тѣмъ труднѣе, чѣмъ они далѣе отстоятъ отъ своего начала.

Къ разсужденію требуются двѣ вещи, кои достовѣрными предполагаются: 1, союзъ, вслѣдствіе коего мы судимъ, и 2, вещь, изъ союза коея познать должно вещи, не подлежавшія опыту. Сіи предположенія называются посылки, а познаніе, изъ оныхъ проистекающее, заключеніе. Но какъ всѣ посылки суть предложенія опытовъ и изъ оныхъ извлеченія или заключенія, то *заключенія* изъ посылокъ, или разсужденіе, есть токмо прибавленіе опыта; слѣдственно, познаемъ такимъ образомъ вещи, коихъ бытіе познано опытомъ.

Изъ сего судить можемъ, коликократны могутъ быть заблужденія человѣческія и нигдѣ столь часты, какъ на стезѣ разсужденія. Ибо, сверхъ того, что и чувственность обмануть насъ можетъ, и что худо познать можемъ союзы вещей или ихъ отношеніе, ничего легче нѣтъ, какъ ложно извлекаемое изъ посылокъ заключеніе и разсужденіе пре-

вратное. Тысячи тысячей вещей претятъ разсудку нашему въ правильномъ заключеніи изъ посылокъ и преторгаютъ шествіе разсудка. Склонности, страсти, даже нерѣдко и случайныя внѣшности, вмѣщая въ среду разсужденія посторонніе предметы, столь часто раждаютъ нелѣпости, сколь часты шаги нашего въ житіи шествія. Когда разсматриваешь дѣйствія разумныхъ силъ и опредѣляешь правила, коимъ онѣ слѣдуютъ, то, кажется, ничего легче нѣтъ, какъ избѣжаніе заблужденія; но едва изгладилъ ты стезю своему разсудку, какъ вникаютъ предубѣжденія, возстаютъ страсти и, налетѣвъ стремительно на зыблящееся кормило разума человѣческаго, несутъ его паче сильнѣйшихъ бурь по безднамъ заблужденія. Единая лѣность и нерадѣніе толикое множество производятъ ложныхъ разсужденій, что число ихъ ознаменовать трудно, а слѣдствія исторгаютъ слезы.

Сверхъ прямо извлекаемаго разсужденія изъ предпосылаемыхъ посылокъ, на опытахъ основанныхъ, человѣкъ имѣетъ два рода разсужденія, которые, возводя его къ свѣтлѣйшимъ и предвѣчнымъ истинамъ, паки къ неисчисленнымъ и смѣшнѣйшимъ заблужденіямъ бываютъ случаемъ. Сіи суть: уравненіе и сходственность. Онѣ основаны на двухъ непреложныхъ (сами въ себѣ) правилахъ, а именно: 1-е, равныя и одинаковыя вещи состоятъ въ равномъ или одинаковомъ союзѣ или отношеніи; 2-е, сходственныя вещи имѣютъ сходственное отношеніе или въ сходственномъ состоятъ союзѣ. Сколь правила сіи изобильны истинами, сколь много всѣ науки имъ одолжены своимъ распространеніемъ, столь обильны онѣ были заблужденіями. Кто не знаетъ, что мы наипаче убѣждаемся сходственностію, что наши обыкновеннѣйшія сужденія ее имѣютъ основаніемъ; что мы о важнѣйшихъ вещахъ иначе судить не можемъ, какъ вслѣдствіе сходственности, и если надобенъ вамъ примѣръ, то войдемъ во внутренность нашу на одно мгновеніе. Кто можетъ, чувствуя токмо себя, разсматривая токмо себя, сказать: „составъ мой разрушиться

имѣетъ, я буду мертвъ!" напротивъ того, продолженію чувствованія или жизни мы мѣры въ себѣ не имѣемъ, и могли бы заключить, что сложеніе наше безсмертно есть. Но, видя окрестъ насъ разрушеніе всеобщее, видя смерть намъ подобныхъ, мы заключаемъ, что и мы той же участи подвержены и умереть должны. Итакъ, заблужденіе стоитъ воскрай истинѣ, и какъ возможно, чтобы человѣкъ не заблуждалъ! Еслибы познаніе его было нутрозрительное, то и разсужденіе наше имѣло бы не *достовѣрность,* но *ясность,* ибо противоположность была бы во всякомъ разсужденіи невозможна. Въ таковомъ положеніи человѣкъ не заблуждалъ бы никогда, былъ бы Богъ. Итакъ, воздохнемъ о заблужденіяхъ человѣческихъ, но почерпнемъ изъ того высшее стремленіе къ познанію истины и огражденію разсудка отъ превратности.

Мы видѣли, что заблужденія наши основаніе свое нерѣдко имѣютъ въ чувственности нашей; но если мы покажемъ что разумныя наши силы опредѣляются внѣшностію, то заблужденія человѣка суть почти неизбѣжны, и будемъ имѣть вящшее побужденіе снисходительно взирать не токмо на всѣ заблужденія рода человѣческаго, но и на самыя его дурачества. Блаженны, если можемъ за словомъ нашимъ на мѣстѣ строгости сужденія возродить соболѣзнованіе и человѣколюбіе.

Все дѣйствуетъ на человѣка. Пища его и питіе, внѣшняя стужа и теплота, воздухъ, служащій къ дыханію нашему (а сей сколь много имѣетъ составляющихъ его частей), электрическая и магнитная силы, даже самый свѣтъ. Все дѣйствуетъ на наше тѣло, все движется въ немъ. Вліяніе звѣздъ, столь глупо понимаемое прежде сего, неоспоримо. Что могутъ лучи солнечные или ихъ отсутствіе, тому доказательствомъ служатъ негры и эскимы [1]). Что можетъ луна, то явствуетъ изъ періодическаго женскаго истеченія и видно надъ многими ума лишенными. Хижина,

---

[1]) Эскимосы.

поставленная надъ болотомъ и топью, дебрію или на горѣ вознесенная, различіе производитъ въ насъ, и мѣстоположеніе жилища нашего хотя не есть образователь единственный человѣка, но къ образованію его много способствуетъ. Все, что взоры наши ударяетъ, что колеблетъ слухъ, что колетъ языкъ или что ему льститъ, все пріятное и отвратительное обонянію,—все образуетъ чувства. Наконецъ, образователи осязанія столь многочисленны, сколь различно бываетъ положеніе человѣка.

Изъ сего можно судить, сколь съ чувственностію нашею и мысленность превращеніямъ подвержена. Она слѣдуетъ въ иныхъ мѣстахъ и случаяхъ тѣлесности примѣтнымъ образомъ. Однимъ примѣромъ сіе объяснить возможно. Въ Каирѣ, даже въ Марсели, когда подуетъ извѣстный вѣтеръ, то нападаетъ на человѣка нѣкая лѣность и изнеможеніе: силы тѣлесныя худо движутся, и душа разслабѣваетъ, тогда и мыслить тягостно. Вотъ примѣръ дѣйствія внѣшней причины. Дадимъ примѣры внутреннихъ. Вольтеръ, сказываютъ, пивалъ великое множество кофію, когда хотѣлъ что-либо сочинять. Живя многіе годы съ нѣмцами, я примѣтилъ, что многіе изъ ученыхъ людей не могли вдаваться упражненіямъ безъ трубки табаку; отними ее у нихъ изъ рта, разумъ ихъ стоитъ, какъ часы, отъ коихъ маятникъ отъятъ. Кто не знаетъ, что Ломоносовъ нашъ не могъ писать стиховъ, не напиваяся почти въ полпьяна водкою виноградною? Кто не имѣлъ надъ собою опытовъ, что въ одинъ день разумъ его дѣйствуетъ живѣе, въ другой слабѣе! А отъ чего зависитъ сіе? Нерѣдко отъ худого варенія желудка. Еслибы мы дѣйствіе сего прилежнѣе отыскали въ исторіи, то съ ужасомъ усмотрѣли бы, что бѣдствія цѣлыхъ земель и народовъ часто зависѣли отъ худого дѣйствія внутренности и желудка.

Физическія причины, на умственность человѣческую дѣйствующія, можно раздѣлить на два рода. Однѣ дѣйствуютъ повременно, и дѣйствіе оныхъ наипаче примѣтно бываетъ надъ единственными людьми, какъ то изъ преды-

дущихъ примѣровъ очевидно. Другія же причины дѣйствуютъ непримѣтнымъ образомъ, и сіи суть общественны, и дѣйствія оныхъ примѣтны надъ цѣлыми народами и обществами. Хотя смѣялися надъ славнымъ Монтескьё, что онъ мнѣніе свое о дѣйствіи климата основалъ на замороженномъ телячьемъ языкѣ, но если вникнемъ, что климатъ дѣйствуетъ на всѣ тѣла безъ различія, а паче на всѣ жидкости, на воздухъ, лучи солнечные и проч., что роза, пресаженная изъ одной страны въ другую, теряетъ свою красоту, что человѣкъ хотя вездѣ человѣкъ, но сколь онъ отличенъ въ одной своей внѣшности и видѣ своемъ, то дѣйствіе климата если не мгновенно, но оно чрезвычайно, и что оно человѣка погубляетъ, такъ сказать, непримѣтно и безъ явнаго принужденія. Возьми въ примѣръ европейцевъ, переселяющихся въ Индію, Африку и Америку: какая въ нихъ ужасная перемѣна! Агличанинъ въ Бенгалѣ забылъ великую хартію и habeas corpus; онъ паче всякаго индѣйскаго набоба.

Наипаче дѣйствіе естественности явно становится въ человѣческомъ воображеніи, и сіе слѣдуетъ въ началѣ своемъ всегда внѣшнимъ вліяніямъ. Еслибы здѣсь мѣсто было дѣлать пространныя сравненія, то бы въ примѣръ списалъ нѣкоторыя мѣста изъ *Гюлистана* Саадіева, изъ европейскихъ и арабскихъ, мнѣ извѣстныхъ стихотворцевъ, что-либо изъ Омира и Оссіана. Различіе областей, гдѣ они живали, всякому явно бы стало; увидѣли бы, что воображеніе ихъ образовалося всегда окрестъ ихъ лежащею природою. Воображеніе Саадіево гуляетъ, летаетъ въ цвѣтящемся саду, Оссіаново несется на утломъ деревѣ, поверхъ валовъ. А если кто захочетъ сдѣлать сравненіе исповѣданій и миѳологіи народовъ, въ разныхъ концахъ земли обитающихъ, то сколь воображеніе каждаго образовалось внѣшностію, никто не усомнится. Индѣйскіе боги купаются въ водахъ молочныхъ и сахарныхъ; *Одинъ* пьетъ пиво изъ черепа низложеннаго врага.

Но если климатъ и вообще естественность на умствен-

ность человѣка столь сильно дѣйствуютъ, паче того образуется она обычаями, нравами, а первый учитель въ изобрѣтеніяхъ былъ недостатокъ. Разумъ исполнительный въ человѣкѣ зависѣлъ всегда отъ жизненныхъ потребностей и опредѣляемъ былъ мѣстоположеніями. Живущій при водахъ изобрѣлъ лодію и сѣти; странствующій въ лѣсахъ и бродящій по горамъ изобрѣлъ лукъ и стрѣлы и первый былъ воинъ; обитавшій на лугахъ, зеленію и цвѣтами испещренныхъ, удомовилъ миролюбивыхъ звѣрей и сталъ скотоводитель. Какой случай былъ къ изобрѣтенію земледѣлія, опредѣлить невозможно; пускай была то Церера или Триптолемъ, или согнанный съ пажити своея скотоводитель подражать сталъ природѣ сѣяніемъ злаковъ для питанія своего скота, и послѣ, возревновавъ его обилію, насадилъ хлѣбъ. Какъ бы то ни было, земледѣліе произвело раздѣлъ земли на области и государства, построило деревни и города, изобрѣло ремесла, рукодѣлія, торговлю, устройство, законы, правленія. Какъ скоро сказалъ человѣкъ: „сія пядень земли моя!“ онъ пригвоздилъ себя къ землѣ и отверзъ путь звѣрообразному самовластію, когда человѣкъ повелѣваетъ человѣкомъ. Онъ сталъ кланяться воздвигнутому имъ самимъ богу и, облекши его багряницею, поставилъ на алтарѣ превыше всѣхъ, воскурилъ ему фиміамъ; но, наскучивъ своею мечтою и стряхнувъ оковы свои и плѣнъ, попралъ обоготвореннаго и преторгъ его дыханіе. Вотъ шествіе разума человѣческаго. Такъ образуютъ его законы и правленіе, содѣлываютъ его блаженнымъ или ввергаютъ въ бездну бѣдствій.

Животное, нагбенное къ землѣ, слѣдуетъ своему стремленію въ насыщеніи себя и въ продолженіи своего рода. Примѣченный въ немъ слабый лучъ разсудка ограничивается токмо на два сказанныя побужденія, и въ удовлетвореніи оныхъ состоитъ его блаженство, если можно назвать блаженствомъ тупое услажденіе своея потребности. Животное исполняетъ сіе, направляемо къ тому непреоборимымъ стремленіемъ. Но возниченный образованіемъ своимъ

человѣкъ, слабый въ своемъ сложеніи, имѣя многочисленные недостатки, нудяся къ изобрѣтенію способовъ на свое сохраненіе, свободенъ въ своемъ дѣйствіи; стремленіе его и всѣ склонности подчинены разсудку. И хотя сей, для опредѣленія своего, имѣетъ побужденія, но оныя возвѣсить можетъ всегда и избирать. Такимъ образомъ онъ есть единое существо на землѣ, вѣдающее худое и злое, могущее избирать и способное къ добродѣтели и пороку, къ бѣдствію и блаженству. Свободное его дѣяніе сопрягло неразрывнымъ союзомъ съ женою, а съ семейственною жизнію перешелъ онъ въ общественную, подчинилъ себя закону, власти, ибо способенъ пріять награду и наказаніе; и, ставъ на пути просвѣщенія помощію общественнаго житія, сцѣпляя дѣйствія съ причинами за предѣлы зримаго и незримаго міра, то, что прежде могъ токмо чувствовать, тутъ позналъ силой умствованія, что есть Богъ.

Различіе, примѣчаемое въ разумныхъ силахъ человѣка, тѣмъ явственнѣе становится, чѣмъ долѣе одно поколѣніе отстоитъ отъ другого. Общественный разумъ единственно зависитъ отъ воспитанія, а хотя разница въ силахъ умственныхъ велика между человѣка и человѣка и кажется быть отъ природы происходящая, но воспитаніе дѣлаетъ все. Въ семъ случаѣ мысль наша разнствуетъ отъ Гельвеціевой; и какъ здѣсь не мѣсто говорить о семъ пространно, то, сократя по приличности слово наше, мы постараемся предложить мысли наши съ возможною ясностію.

Изящнѣйшій учитель о воспитаніи, Ж. Ж. Руссо, раздѣляетъ его на три рода. „Первое, воспитаніе природы, то есть разверженіе внутреннее нашихъ силъ и органовъ. Второе, воспитаніе человѣка, то есть наставленіе, какъ употреблять сіе разверженіе силъ и органовъ. Третіе, воспитаніе вещей, то есть пріобрѣтеніе нашея собственныя опытности надъ предметами, насъ окружающими. Первое отъ насъ независимо вовсе; третіе зависитъ отъ насъ въ нѣкоторыхъ только отношеніяхъ; второе состоитъ въ нашей волѣ, но и то токмо предположительно, ибо какъ можно

надѣяться направить совершенно рѣчи и дѣянія всѣхъ, дитя окружающихъ?"

Сколь Гельвецій ни старался доказывать, что человѣкъ разумомъ своимъ никогда природѣ не обязанъ, однакоже для доказательства противнаго положенія мы сошлемся на опытность каждаго. Нѣтъ никого, кто съ малымъ хотя вниманіемъ примѣчалъ разверженіе разумныхъ силъ въ человѣкѣ, нѣтъ никого, кто бъ не былъ убѣжденъ, что находится въ способностяхъ каждаго великое различіе отъ другого. А кто обращался съ дѣтьми, тотъ ясно понимаетъ, что поелику побужденія въ каждомъ человѣкѣ различествуютъ, поелику различны въ людяхъ темпераменты, поелику вслѣдствіе неравнаго сложенія въ нервахъ и фибрахъ, человѣкъ разнствуетъ отъ другого въ раздражительности, а все сказанное опытами доказано, то и силы умственныя должны различествовать въ каждомъ человѣкѣ неминуемо. И такъ, не токмо разверженіе силъ умственныхъ будетъ въ каждомъ человѣкѣ особо, но и самыя силы сіи разныя должны имѣть степени. Возьмемъ въ примѣръ память: посмотри, сколь одинъ человѣкъ превосходитъ другого симъ дарованіемъ. Всѣ примѣры, приводимые въ доказательство, что память можетъ быть пріобрѣтенная, не опровергнутъ, что она есть даръ природы. Войдемъ въ первое училище и въ самый первый классъ, гдѣ побужденія къ ученію суть весьма ограниченны; сдѣлай одинъ токмо вопросъ, и убѣдишься въ томъ, что природа бываетъ иногда нѣжною матерью, иногда мачихою завистливою. Но нѣтъ, да отдалимся хуленія! Природа всегда едина, и дѣйствія ея всегда одинаковы.—Что различіе между умственными силами въ человѣкахъ явны бываютъ даже отъ младенчества, то неоспоримо; но тотъ, который степенію или многими степеньми отстоитъ отъ своего товарища въ ученіи, вслѣдствіе шествія естественности и законовъ ея, сотовариществовать бы ему не долженствовалъ; ибо сѣмя, отъ него же рожденное, не могло достигнуть равной съ тѣмъ организаціи, съ коимъ оно сравнивается; ибо чело-

вѣкъ къ совершенству доходитъ не однимъ поколѣніемъ, но многими. Парадоксомъ сего почитать не должно, ибо кому не извѣстно, что шествіе природы есть тихо, непримѣтно и постепенно. Но и то нерѣдко бываетъ, что начеиншееся разверженіе останавливается, и сіе бываетъ на счетъ разсудка. Еслибы въ то время, когда Ньютонъ полагалъ основаніе своихъ безсмертныхъ изобрѣтеній, препятъ былъ въ своемъ образованіи и преселенъ на острова Южнаго Океана, возмогъ ли бы онъ быть то, что былъ? Конечно, нѣтъ. Ты скажешь: онъ лучшую бы изобрѣлъ лодію на преплытіе ярящихся валовъ, и въ Новой Зеландіи онъ былъ бы Ньютонъ. Пройди сферу мыслей Ньютона сего острова, и сравни ихъ съ понявшимъ и начертавшимъ путь тѣлесамъ небеснымъ и доказавшимъ ихъ взаимное притяженіе, и вѣщай!

Сіе наипаче явственно, когда поставишь въ сравненіе одинъ народъ съ другимъ, или пройдешь исторію умообразія одного народа чрезъ нѣсколько вѣковъ. Кажется, что сему можно бы было дать доказательства, на естественности человѣка основанныя. Но здѣсь тому не мѣсто и далеко отвело бы насъ отъ предмета нашего. Случалося, и сей опытъ повторять можно довольно часто, что взятому иногда во младенчествѣ дикому европейцы старалися дать сходственное со своимъ воспитаніе; но оно не бывало удачно. Я здѣсь многихъ видалъ тунгузовъ, воспитанныхъ въ русскихъ домахъ: но на возрастѣ тунгузъ въ силахъ умственныхъ всегда почти далеко отстоялъ отъ русскаго. Кажется, изъ сего заключить можно, что надобно природѣ нѣсколько поколѣній, чтобы уравнять въ человѣкахъ силы умственныя. Органы оныхъ будутъ нѣжнѣе и тончѣе; кровь, лимфа, а особливо нервенная, лучше преработанныя, прейдутъ отъ отца въ зародышъ, и поелику есть въ природѣ всеобщая постепенность, то и въ семъ случаѣ она вѣроятна.

Какъ въ постепенности таковой отстоитъ народъ отъ народа, равно можетъ отстоять человѣкъ отъ человѣка.

Первый имѣлъ воспитаніе естественное и нравственное лучше своего отца; сыну своему могъ дать лучшее своего; третій того же семейства, вѣроятно, изощреннѣе и понятнѣе будетъ первыхъ двухъ.

Такимъ то образомъ воспитаніе въ поколѣніяхъ можетъ остановиться. Одинъ произойдетъ постепенно и непрерывно, пользуяся всѣми воспитанія выгодами, другой, котораго воспитаніе не было окончено, остановится на пути. Могутъ ли они быть равны? Природа содѣйствуетъ въ семъ случаѣ человѣку. Возьмемъ примѣръ животныхъ, коихъ водворить хотимъ въ другомъ климатѣ. Перемѣщенное едва ли къ нему привыкнетъ, но родившееся отъ него будетъ съ онымъ согласнѣе, а третьяго по происхожденію можно почитать истиннымъ той страны уроженцемъ, гдѣ дѣдъ его почитался странникомъ.

Такимъ образомъ, признавая силу воспитанія, мы силу природы не отъемлемъ. Воспитаніе, отъ нея зависящее, или разверженіе силъ, останется во всей силѣ; но отъ человѣка зависѣть будетъ ученіе употребленію оныхъ, чему содѣйствовать будутъ всегда въ разныхъ степеняхъ обстоятельства и все насъ окружающее.

Приступимъ теперь къ постепенности, которая примѣчается въ природѣ, и обозримъ ее въ разверженіи силъ умственныхъ въ человѣкѣ, которыя, сказали мы, слѣдуютъ во всемъ силамъ тѣлеснымъ. Будемъ воспріемниками новорожденному, не оставимъ его ни на единое мгновеніе чрезъ все теченіе его жизни, и когда дойдемъ съ нимъ до мѣты его, пребудемъ ему неотступны до послѣдняго его воздыханія.

Четыре или пять мѣсяцевъ послѣ зачатія зародышъ движется; сердце и глава образовалися уже прежде и исполняли свое назначеніе. До девяти мѣсяцевъ и до самаго того мгновенія, когда дитя исходитъ на свѣтъ, члены его и органы разверзаются и совершенствуютъ и, достигнувъ степени, превыше коей дальнѣйшее разверженіе и совершенствованіе невозможно въ матерней утробѣ, онъ

лучшея требуетъ пищи, свободнѣйшаго движенія, лучшея жизни. Легкое проницается воздухомъ атмосферы, уста пріемлютъ пищу, глаза пріучаются къ блеску и уши къ звуку; но дитя едва ли въ сіи минуты можетъ равняться съ растеніемъ. Чувства его ударяемы внѣшними предметами, всѣ жизненные соки обращаются, онъ уже чувствуетъ. Нельзя, чтобы мозгъ былъ безъ дѣйствительности, но онъ еще токмо источникъ чувственности, а не органъ мысленный.—Итакъ, дитя не мыслитъ; болѣзнь учитъ его, что онъ существуетъ, но сіе чувствованіе едва можетъ сравниться съ движеніемъ чувственницы. Болѣзнь, а потомъ голодъ нудятъ его изъявлять ихъ крикомъ.—Помалу члены его укрѣпляются, движенія его становятся сильнѣе, потребности величаютъ; тогда дѣлаются примѣтными въ младенцѣ побужденія. Онъ кричитъ сильнѣе и тѣмъ старается изъявлять свое желаніе. Если неудовольствованъ, то приходитъ въ ярость, и сія страсть первѣе всѣхъ поселяется въ сердцѣ. Всѣ внѣшніе предметы дѣйствуютъ на органы чувственные младенца неотступно, и примѣтно становится въ немъ начальное образованіе умственныхъ силъ. Онъ начинаетъ познавать различіе между вещей; знаетъ, что вкусу его льститъ и что ему противно; глаза его учатся размѣру, слухъ привыкаетъ ко звукамъ; онъ начинаетъ распознавать вещи едиными наименованіями; знаетъ уже свое имя, слѣдовательно, органъ памяти также разверзся. Но хотя во всѣхъ сихъ случаяхъ видна умственность, но сколь слаба она, сколь недостаточна и хуже звѣринаго стремленія! Иначе быть нельзя: онъ еще пресмыкается, ползаетъ, четвероноженъ есть. Но уже возстаетъ онъ отъ земли. Онъ зритъ на выспренность; измѣреніе ему становится свойственнѣе, слухъ тончаетъ, прилѣпленіе къ дающей ему пищу становится сильнѣе. Онъ уже изучился изъявлять свою радость, изъявленіе скорби было первое его движеніе. Улыбка его преходитъ въ смѣхъ, ярость становится нетерпѣлива, всѣ побужденія стремительнѣе. Память его расширяется, примѣтно становится сужденіе, но весьма

недостаточно. И языкъ его, произносившій доселѣ неявственные токмо звуки, начинаетъ произносить слова. Съ того времени, какъ младенецъ научается говорить, разверженіе его умственныхъ силъ становится примѣтнѣе, ибо онъ можетъ изъявлять все, что чувствуетъ, и все, чего желаетъ, словомъ, все, что доселѣ могъ обнаруживать токмо крикомъ и слезами; самыя слезы проливаетъ онъ рѣже, и помалу младенецъ становится дитя. Силы тѣлесныя его укрѣпилися, а съ ними и умственныя; онъ же превышаетъ оными другихъ животныхъ во многомъ, но точности въ сужденіяхъ его нѣтъ. Понятія его становятся отвлеченны, хотя слѣдуетъ наипаче чувственности и примѣру: сей его образуетъ болѣе всего. Страсти въ немъ разверзаются; разсудокъ начинаетъ снискивать опору или въ слышанномъ, или въ испытанномъ, и дитя становится отрокъ. Силы тѣлесныя укрѣпилися; отрокъ обыкъ уже употребленію своихъ членовъ, чувствъ и органовъ; умственныя его силы острятся; онъ испыталъ уже свободу, уже дерзаетъ разсуждать, но опытность его мала, и разсужденія превратны и косвенны. Блаженъ, какъ то вѣщаетъ Руссо, если отрокъ ничего еще не мыслилъ, не зналъ ничего, былъ чуждъ разсудку! Онъ удаленъ ложныхъ понятій, предразсужденій, превратности мнѣній и склонностей! И всѣ члены его достигли уже своего совершенства, всѣ сосуды исполнены влажностей, начинаютъ уже избыточествовать. Въ юношѣ возникаетъ новое нѣкое чувствованіе. Грудь его вздымается чаще и сильнѣе, весь составъ его ощущаетъ необычайное движеніе, чувственность его потеряла свою плавность, она зыблется и недоумѣваетъ; тихая грусть обходитъ его; разумъ, начинавшій дѣйствовать, затмевается; нижняя половина лица его покрывается власами; у женщинъ же является временное истеченіе: человѣкъ уже готовъ для пророжденія. О любовь! о чувствованіе, паче всѣхъ сладчайшее! Кто возможетъ стремленію твоему противиться? Не безумно ли бы было таковое сопротивленіе? Природа вліяла тебя во всю нашу чувствен-

ость на наше услажденіе и на соблюденіе рода человѣческаго.

Едва познаетъ онъ вину необычайнаго движенія своея чувственности, какъ старается прилѣпить ее къ достойному предмету, и не успокоится, доколѣ его не сыщетъ. Тогда самая сія чувственность, тогда родившаяся страсть начинаютъ напрягать силы умственныя. Онѣ получаютъ новую отъ страсти упругость и, какъ лучи свѣта, изливаются отъ среды своея во всѣ точки круга, въ которомъ дѣйствуютъ. Вотъ возмужалость, вотъ время страстей, укрѣпленіе силъ умственныхъ и возвышеніе ихъ до степени для нихъ возможной. Вотъ время достиженія величайшихъ истинъ и заблужденій; время, въ которое человѣкъ уподобляется Всевышнему, или ниспадаетъ ниже нижайшей степени животныхъ.

Какъ треніе стончеваетъ пружины, такъ и силы тѣлесныя притупляются употребленіемъ. Человѣкъ начинаетъ разслабѣвать въ силахъ своихъ тѣлесныхъ; душевныя слѣдуютъ за ними. Страсти исчезаютъ, а съ ними и рвеніе къ познаніямъ. И хотя разсудокъ еще не ослабѣлъ, но вновь не дѣлаетъ пріобрѣтеній. Новое его не движетъ, ибо чувства его притупѣли; память ослабла, и воображеніе потеряло крыліе. И такъ разсудокъ вращается надъ постигнутыми истинами, но оныя уже стоятъ всѣ на высшемъ кругѣ и не для него. Настаетъ старость. Сія истинная зима человѣческаго тѣла и разума, сія безнадежная зима обвеснованія, простирая мразъ свой во весь составъ человѣка, полагаетъ предѣлъ всѣмъ силамъ его. Гибкіе доселѣ члены начинаютъ цѣпенѣть; око померкло, ухо уже не слышитъ, не обоняетъ носъ, и вкусъ остается на пряныя и колющія языкъ яства; осязательность почти уже увяла; раздражительность фибровъ онѣмѣла и ярость свою потеряла; чувствительность притупѣла и ослабѣла; жизненные соки изсякли въ источникѣ ихъ, сердце бьетъ слабѣе, мозгъ твердѣетъ; силы умственныя угасаютъ, понятіе померкло, память совсѣмъ исчезла, разсудокъ пресмыкается

и, наконецъ, истлѣваетъ совершенно. Тѣлу для движенія нужна оборона, разумъ низшелъ до степени младенчества. Но и нить жизни преторглася! Грудь перестаетъ дышать, сердце не бьетъ болѣе, и свѣтильникъ умственный потухъ.

Безумные! Почто слышу вопль вашъ, почто стенанія? Или вы хотите превратить предвѣчный законъ природы и шествіе его остановить на мгновеніе едино? Рыданія ваши и молитвы суть хуленіе. Вы мните, что Всеотецъ вамъ подобенъ—вы скорбите, о несмысленные!—Жизнь погасшая не есть уничтоженіе. Смерть есть разрушеніе, превращеніе, возрожденіе. Ликуйте, о други! болѣзнь исчезла, терзаніе миновалось; злосчастію, гоненію нѣтъ уже мѣста; тягостная старость увяла, составъ рушился, но возобновился.—Въ восторгѣ алчныя души васъ видѣть едва не впалъ въ погрѣшность, и заключеніе извлекъ, не давъ ничего въ доказательство.

Блаженъ, о человѣкъ, если смерть твоя была токмо естественная твоя кончина, если силы твои тѣлесныя и умственныя токмо изнемогли, и умреть могъ отъ единыя старости. Житіе твое было мудрственно, и кончина—легкій сонъ! Но таковая кончина рѣдко бываетъ жребіемъ человѣка. Восхищенный страстями, онъ носится по остріямъ; неумѣренность раздираетъ его тѣло, неумѣренность лишаетъ его разсудка; состарѣвшись въ бодрствующія свои лѣта, не ветхость дней замыкаетъ ему очи; болѣзни, внѣдрившіяся въ его тѣло, преторгаютъ его дыханіе безвременно и раскаивающагося на одрѣ смертномъ подавляютъ отчаянна. Во младости неумѣренность любовныя страсти, въ различныхъ ея видахъ, разслабляетъ силы тѣлесныя и умственныя. О, юноша! читай Тиссо объ онанизмѣ и ужаснися. О, юноша! войди въ бѣдственное жилище скорбящихъ отъ неумѣренности любострастія; воззри на черты лицъ страждущихъ:—се смерть летаетъ окрестъ ихъ.—Гдѣ разумъ, гдѣ разсудокъ, когда терзается чувственность? Они возникаютъ, но мгновенно и едва блещутъ въ простершемся мракѣ. Или думаешь, что органъ умственный цѣлъ пребудетъ, когда органы жизни нарушены?

Но единая ли сія болѣзнь неумѣренности снѣдаетъ человѣка въ силахъ его тѣлесныхъ и умственныхъ! Посмотри на болящаго огневицею[1]), воззри на того, у коего повредился органъ умственный.—Гдѣ ты, о даръ божественный? О разсудокъ! Гдѣ ты?...

---

[1]) Лихорадка, горячка.

КНИГА ВТОРАЯ.

И такъ достигли мы, странствуя чрезъ житіе человѣческое, до того часа, когда прерывается мѣра шествію, когда время и продолженіе превращаются для него, и настаетъ вѣчность. Но остановимъ на мгновеніе отходящаго къ ней, заградимъ врата ея надеждою и воззримъ на нее окомъ безпристрастнымъ. Да не улыбнется кто-либо при семъ изреченіи! Сколько возможно имѣть пристрастія къ вещественности, равно возможно и къ единой мысленности, хотя бы она не что иное была, какъ мечта. Воззри на описаніе рая, или жилища душъ, во всѣхъ извѣстныхъ религіяхъ; разыщи побужденіе страдавшихъ за исповѣданіе; устреми взоръ твой на веселящагося Катона, когда не оставалося ему ни вольности, ни убѣжища отъ побѣдоноснаго Юліева оружія: увидишь, что и желаніе вѣчности равно имѣетъ основаніе въ человѣкѣ со всѣми другими его желаніями.

Надежда, бывшая неотступною сопутницею намѣреній въ человѣкѣ, не оставляетъ занесшаго уже ногу во гробъ. Надежда путеводительствуетъ его разсудку, и вотъ его заключеніе: „я живъ, не можно мнѣ умереть! я живъ и вѣчно жить буду!“ Се гласъ чувствованія внутренняго и надежды вопреки всѣхъ другихъ доводовъ. Кто можетъ убѣдиться, если убѣжденіе свое захочетъ основать един-

ственно на внутренномъ чувствованіи, что онъ мертвъ быть можетъ? Чувствовать и безчувственну быть, жизнь и смерть суть противорѣчія; если бы, какъ то мы видѣли, не имѣли мы основаніемъ къ разсужденію правила сходственности, то сего заключенія намъ сдѣлать бы было невозможно, ибо познанія не суть нутрозрительны. Но я зрю, что все, окрестъ меня существующее, измѣняется: цвѣтъ блекнетъ и валится, трава изсыхаетъ, животныя теряютъ движеніе, дыханіе, тѣлесность ихъ разрушается; то же вижу и въ подобныхъ мнѣ существахъ. Я зрю вездѣ смерть, то-есть разрушеніе; изъ того заключаю, что и я существовать престану. И кажется, если бы удалено было отъ мысленности нашей понятіе о смерти, то живый ея бы не понималъ; но смерть всего живущаго заставляетъ ожидать того же жребія.

Представимъ себѣ теперь человѣка удостовѣреннаго, что составъ его разрушиться долженъ, что онъ долженъ умереть. Прилѣпленный къ бытію своему наикрѣпчайшими узами, разрушеніе кажется ему всегда ужаснымъ. Колеблется, мятется, стонетъ, когда, приближившись къ отверзтію гроба, онъ зритъ свое разрушеніе. Ты есть!... Часъ бьетъ, нить дней твоихъ прервется, ты будешь мертвъ, бездыханенъ, безчувственъ, ты будешь ничто!—Ужасное превращеніе! чувства содрагаются, колеблется разумъ! трепещуща отъ страха и неизвѣстности мысль истлѣвающая носится во всѣхъ концахъ возможнаго, ловитъ тѣнь, ловитъ подобіе, и, если удалося ей ухватить какое-либо волокно, гдѣ она уцѣпиться можетъ, не размышляя, вещественность ли то или воображеніе, прицѣпляется и виснетъ. И возможно ли человѣку быть житія своего ненавистникомъ? Когда вознесу ногу, да первый шагъ исполню въ вѣчность, я взоры обращаю вспять. „Постой, помедли на одну минуту! О ты, составлявшій блаженство дней моихъ, куда идешь?“.. О гласъ разительнѣе грома! Се гласъ любви, дружбы! мой другъ, вся мысль мятется! я умираю, оставляя жену, дѣтей!—Свершайся, жестокое рѣшеніе, я лишаюся друга! Не

малодушіе, возлюбеннѣйшій мой, заставитъ меня вздохнуть при скончаніи теченія дней моихъ. Если я равнодушно не терплю отсутствія твоего, каково будетъ мое лишеніе, если то будетъ въ вѣчность.

Имѣя толикія побужденія къ продолженію житія своего, но не находя способа къ продолженію онаго, гонимый съ лица земли печалію, грустію, прещеніемъ, болѣзнію, скорбію, человѣкъ взоры свои отвращаетъ отъ тлѣнія, устремляетъ за предѣлы дней своихъ, и паки надежда возникаетъ въ изнемогающемъ сердцѣ. Онъ опять прибѣгаетъ къ своему внутреннему чувствованію и его вопрошаетъ, и лучъ таинственный проницаетъ его разсудокъ. Водимый чувствованіемъ и надеждою, имѣя опору въ разсудкѣ, а, можетъ быть, и въ воображеніи, онъ прелетаетъ непримѣтную черту, жизнь отъ смерти отдѣляющую, и первый шагъ его былъ въ вѣчность. Едва ощутилъ онъ или, лучше сказать, едва возмогъ вообразить, что смерть и разрушеніе тѣла не суть его кончина, что онъ по смерти жить можетъ, воскреснетъ въ жизнь новую, онъ восторжествовалъ и, попирая тлѣніе свое, отдѣлился отъ него бодрственно и началъ презирать всѣ скорби, печали, мучительства. Болѣзнь лютая исчезла, какъ дымъ, предъ твердою и безсмертія коснувшеюся его душою; неволя, заточеніе, пытки, казнь, всѣ душевныя и тѣлесныя огорченія легче легчайшихъ паровъ отлетѣли отъ духа его, обновившагося и ощутившаго вѣчность.

Таковыя были, вѣроятно, побужденія человѣка, да возникнетъ въ разумѣ и сердцѣ его понятіе будущія жизни. Многіе ее чаютъ быть; иные слѣдуютъ въ томъ единственно изступленію; другіе, и сіи суть многочисленны, увѣренію своему имѣютъ основаніемъ единое предубѣжденіе и наслѣдованное мнѣніе; многіе же мнѣніе свое и увѣреніе основываютъ на доводахъ. Но каково бы ни было основаніе сего мнѣнія, всѣ вообразительныя возможности будущаго человѣческаго бытія не ускользнули отъ ловственнаго его проницанія. Но были, и суть многіе, которые,

отметая свое чувственное увѣреніе и надежду и оспоривая у человѣка будущее его бытіе, старалися находить доводы, что смерть въ человѣкѣ есть его послѣдняя и совершенная кончина; что онъ, совершивши теченіе дней своихъ, умретъ навсегда и не возможетъ возстать, существовать, быть ни въ какой вообразительной возможности. Доводы ихъ суть блестящи и, можетъ быть, убѣдительны. Возвѣся, по силѣ нашей, обѣ противоположности, я вамъ оставлю избирать, любезные мои, тѣ, кои наиболѣе имѣютъ правдоподобія или ясности, буде не очевидности. А я, лишенный васъ, о друзья мои, послѣдую мнѣнію, утѣшеніе вливающему въ душу скорбящую.

Доселѣ почитали быть въ природѣ два рода возможныхъ существъ. Всѣ, къ первому роду относящіяся, называютъ тѣла, а общія, или отвлеченное о нихъ понятіе, назвали вещество, матерія. Вещество есть само въ себѣ неизвѣстно человѣку; но нѣкоторыя его качества подлежатъ его чувствамъ, и на познаніи оныхъ лежитъ все его о веществѣ мудрованіе. Къ другому роду относящіяся существа чувствамъ нашимъ не подлежатъ, но нѣкоторые феномены въ мірѣ были поводомъ, что оныя почли не дѣйствіемъ вещественности, но существъ другого рода, коихъ качества казались быть качествамъ вещественности противорѣчащими. Таковыя существа назвали духи. При первомъ шагѣ въ область неосязательную находимъ мы сужденіе произвольное; ибо, если духъ чувствамъ нашимъ не подлежитъ, если познанія наши не суть нутрозрительныя, то заключеніе наше о бытіи духовъ не иначе можетъ быть, какъ вѣроятное, а не достовѣрное, а менѣе того ясное и очевидное. Кто вникалъ въ дѣянія природы, тотъ знаетъ, что она дѣйствуетъ всегда единовременно или вдругъ, и въ сложеніяхъ, ею производимыхъ, мы не находимъ черты, отличающей составляющую часть отъ другой, но всегда совокупность. Напримѣръ, человѣкъ назвалъ противорѣчащими качествами тепло и стужу, находя дѣйствія ихъ противорѣчащими; но природа и то, что тепло производитъ,

и то, что производитъ стужу, вмѣстила въ единое смѣшеніе и, положивъ законъ дѣйствованію ихъ непремѣняющійся, явленіе оныхъ таковымъ же учинила. По истинѣ, въ природѣ меньше существуетъ противоположныхъ дѣйствій, нежели думали прежде; и то, что мы таковыми назвали, существуетъ не рѣдко токмо въ нашемъ воображеніи.

Различіе духа и вещественности произошло, можетъ быть, отъ того, что мысль свойственна одной главѣ, а не ногѣ или рукѣ. Различіе таковое есть самоизвольно; ибо, не вѣдая, ни что есть духъ, ни что вещественность, долженствовали ль бы ихъ поставлять различными существами, да и столь различными, что если бы сложеніе человѣка не убѣждало очевидно, что качества, приписанныя духу и вещественности, въ немъ находятся совокупны, то бы сказали, что духъ не можетъ тамъ быть, гдѣ тѣло, и наоборотъ. Но какъ сопряженіе таковое очевидно, то вмѣсто того, чтобы сказать: существо человѣческое имѣетъ слѣдующія качества, напр., мыслить, перемѣнять мѣсто, чувствовать, пророждать и проч.,—вмѣсто того сказали: человѣкъ состоитъ изъ двухъ существъ, и каждому изъ нихъ назначена своя область для дѣйствованія; вмѣсто того, чтобы сказать, что то, изъ чего сложенъ міръ (а кто исчислилъ всѣ существа, оный составляющія?), имѣетъ тѣ и тѣ свойства, сказали, что въ немъ находятся существа разнородныя. О, умствователи! неужели не видите, что вы малѣйшую токмо частицу разнородности ихъ ощутили, но что онѣ всѣ въ единъ гнѣздятся составъ. Вѣдаешь издревле, сколь лучъ солнечный далеко отстоитъ отъ простыя глины или песка; вѣдалъ, что лучъ солнечный тебя грѣетъ и освѣщаетъ, что глина даетъ тебѣ сосудъ на пищу; а нынѣ вѣдаешь, что они находиться могутъ въ одномъ составѣ существенно. Ты вѣдаешь, что мысль находится въ твоей главѣ, но вѣдаешь ли, съ чѣмъ она еще можетъ быть сопряжена? Тотъ, Кто силою своего слова могъ вселить ее въ мозгъ твой, ужели безсиленъ былъ вмѣстить ее въ другое что-либо опричъ тебя? О надменность!

Но обозримъ быстротечно свойства, присвоенныя вещественности, и свойства мысленности, и что въ нихъ можетъ быть противорѣчное; или, нѣтъ ли слѣда, что они одинакородному существу свойственны быть могутъ?

Свойствами вещественности вообще почитаются слѣдующія: непроницательность, протяженность, образъ, раздѣлимость, твердость, бездѣйствіе. Свойствами духовныхъ существъ почитаются: мысль, чувственность, жизнь. Но сіи свойства, духовнымъ существамъ присвояемыя, поелику являются намъ посредствомъ вещественности, почитаются токмо видимыми дѣйствіями или феноменами, происходящими отъ духовнаго существа, которое можетъ само по себѣ имѣть сіи свойства и чувствамъ не подлежать. И такъ вопросъ настоять будетъ: можетъ ли вещественность имѣть жизнь, чувствовать и мыслить, или духовное существо имѣть пространство, образъ, раздѣлимость, твердость, бездѣйствіе? Въ обоихъ случаяхъ произведеніе будетъ одинаково. Если сіе доказать возможно, то раздѣленіе существъ на вещественныя и духовныя исчезнетъ; если же доводы будутъ недостаточны, и найдутся доводы, противное сему доказывающіе, то нужно, и нужно необходимо, поставлять бытіе двухъ существъ разнородныхъ, духа*) и вещественности.

Вещественностію называютъ то существо, которое есть предметъ нашихъ чувствъ, разумѣя, есть или быть можетъ предметомъ нашихъ чувствъ. Ибо, если оно имъ не подлежитъ теперь, то происходитъ оно отъ малости или тонкости своей, а не вслѣдствіе своего естества. Поступимъ теперь къ изъясненію свойствъ вещественности.

Непроницательностію разумѣемъ то, что двѣ частицы вещественности, или два тѣла, не могутъ существовать въ одномъ мѣстѣ въ одно время.—Сіе есть аксіома, ибо противное предложеніе есть противорѣчіе.—Или, что нераз-

*) Говоря о духахъ, я разумѣю токмо одну, такъ называемую душу человѣческую.

Прим. авт.

дѣлимая частица вещественности, или атомъ, встрѣтившаяся на пути другой такой же частицы, сія послѣдняя не можетъ продолжать своего пути, доколѣ первая не уступитъ ей мѣста. *Протяженность* есть то свойство вещественности, вслѣдствіе коего она занимаетъ мѣсто въ пространствѣ; а поелику протяженность имѣетъ предѣлъ, то *всякую ограниченную протяженность называютъ образомъ.* Въ отношеніи опредѣленности говорятъ, что протяженность имѣетъ образъ. Итакъ непроницательность, протяженность и образъ суть свойства нераздѣльныя всякаго существа, чувствамъ нашимъ подлежащаго. Образъ даетъ вещественности опредѣленность—протяженность, мѣсто, а непроницательность—отдѣленность.

Химическіе опыты доказываютъ чрезмѣрную *раздѣлимость* вещественности. Но естествословы разумѣютъ, что есть возможность, чтобъ малѣйшая частица вещественности раздѣлена была до безконечности достаточною на то силою. Ибо, воображая вещественность протяженною, сколь бы частица оныя мала ни была, разумъ себѣ представить можетъ частицы еще того меньше до безконечности, разумѣя, что будетъ достаточная сила на ихъ раздѣленіе.

Но какъ сіе раздѣленіе существуетъ токмо въ возможности, и что нѣтъ естественныя силы на раздѣленіе началъ вещественности, то въ разсужденіи сего приписуютъ ей свойство *твердости.*

Бездѣйствіе въ отношеніи вещественности есть двояко. 1-е Вещественность въ состояніи покоя пребываетъ въ немъ или можетъ пребыть вѣчно, доколѣ какая-либо причина не дастъ ей дѣйствія. Замѣтимъ заранѣе, что сіе свойство не есть качество существенное вещественности, но относительное, поелику ее почитать можно лишенною движенія. 2-е Понятіе о вещественности есть частица вещественности, въ движеніе приведенная, которая продолжитъ движеніе свое съ одинакою скоростію и въ одинаковомъ направленіи вѣчно, доколѣ что-либо не воспретитъ сему продолженію, или оное не преобразитъ.

Движеніе есть свойство премѣнять мѣсто. Иные говорятъ, что свойство сіе вещественности существенно и отъ нея неотдѣлимо. Другіе почитаютъ, что причина движенія въ вещественности не существуетъ, а нѣкоторые утверждаютъ, что причина движенія, для продолженія онаго, должна быть присносущна и происходитъ отъ существъ, отличныхъ отъ существа, имѣющаго непроницательность, протяженіе, образъ, раздѣлимость и твердость; словомъ, что причина движенія въ вещественности не существуетъ и быть въ ней не можетъ.

Тяжесть есть свойство, вслѣдствіе котораго тѣло падаетъ къ срединѣ земли, и частицы вещественности стремятся къ ихъ средоточію. Послѣдственностями оныя почитаютъ притяженіе и отраженіе.

Притяженіе есть свойство, вслѣдствіе котораго тѣла или частицы вещественности сближаются одна съ другою. *Отраженіе* есть свойство сему противоположное, и вслѣдствіе котораго тѣла или частицы одна отъ другой отдаляются.

Тѣ, которые дѣлаютъ движеніе вещественности сосущественнымъ, тѣ оной не отрицаютъ ни тяжести, ни притяженія, ни отраженія. Но другіе почитаютъ сіи свойства не свойствами, но явленіями и дѣйствіями причинъ, внѣ вещественности находящихся и ей несосущественныхъ.

Разсмотримъ поодиночкѣ сіи, вещественности приписываемыя свойства; побудимъ себя умствовать надъ сими остатками древняго ученія, которое распространившіеся опыты, и съ ними лучшее познаніе естественности, опровергнутъ неминуемо. Свойства веществъ столь разновидны, начала оныхъ столь разнородны, смежность же ихъ, посредственная по крайней мѣрѣ, столь размножена и, можетъ быть, всеобщая, что разсужденія объ общихъ свойствахъ, вещественности приписуемыхъ, основанныхъ на отвлеченныхъ понятіяхъ, вѣроятно, порастутъ мхомъ забвенія и презрѣнія, какъ нынѣ Аристотелевы категоріи и сокровенныя качества алхимистовъ. Ибо вопроси каждаго

безпристрастнаго: что есть вещественность? Отвѣтъ будетъ: не вѣдаю! А если къ сему присовокупимъ, что химія доказуетъ, что начала первенственныхъ веществъ суть весьма различныхъ свойствъ, и хотя она еще держится древняго раздѣленія стихій, но то, что мы называемъ земля, вода, огонь, воздухъ суть сложности. Стихійной земли никто еще не видалъ, и надежда нѣкоторыхъ видѣть ее въ алмазѣ исчезла съ того времени, какъ опыты доказали, что онъ сгараетъ и возлетается. Кто возжигалъ огонь стихійный? Лучъ солнечный, раздробленный призмою, не есть одинакороденъ*). Самая электрическая искра, премѣняя цвѣтъ подсолнечной окраски, сѣрный ея запахъ, не суть ли доказательства ея сложности, и нѣтъ ли вѣроятности, что удачные опыты отдѣлятъ когда-либо свѣтъ отъ теплоты? Опыты одного доктора Пристлея, не говоря о послѣдствующихъ, показали, сколь вещество, нами вдыхаемое, есть сложно, и что то вещество, которому можно оставить имя воздуха, не самую большую часть составляетъ воздуха атмосферическаго. Кто скажетъ нынѣ съ прежнимъ убѣжденіемъ, что упругость есть свойство воздуха собственно, а не другого какого вещества воздухообразнаго? Не говоря о водяныхъ частицахъ, въ воздухѣ содержащихся, не говоря о веществахъ обонятельныхъ и всѣхъ другихъ, изъ тѣлъ истлѣваемыхъ испаряющихся, а наипаче алкалическихъ, нынѣ вѣдаютъ, что такъ называемая кислость или твердый воздухъ, кислость селитренная, воздухъ горячій**), раздѣленны плаваютъ въ воздухѣ атмосферическомъ, ибо ихъ

---

*) Лучи солнечные имѣютъ два свойства: теплоту и свѣтъ. Но свѣтъ отъ теплоты доселѣ отличить можно было тѣмъ, что вещество свѣта есть мгновенно, а теплота пребывающа. Поелику же флогистонъ есть основаніе цвѣтовъ, то и лучъ солнечный его содержитъ въ летучемъ состояніи.

Прим. авт.

**) Зарожденіе селитры ясно доказываетъ ея въ воздухѣ присутствіе.

Прим. авт.

можно изъ него извлечь; и что они суть его части существенныя, ибо отдѣли ихъ отъ него, воздухъ уже измѣнился. Что такое есть вода, нынѣ стало извѣстно. Отсутствіе изъ нея огня дѣлаетъ ее твердою, такъ нельзя ли сказать, что она, по существу своему, тѣло твердое? Отрѣши давящіе ее столпы воздуха, увидишь, что она растянется, увеличится, воспарится и сама представится въ видѣ воздуха. Вообрази себѣ пустоту вмѣсто атмосферы окрестъ земного шара, водимый опытами, ты землю узришь безводну и изсякшую, все, на ней живущее, исчезнетъ, растущее увянетъ и сгоритъ, распадется самая кристаллизація, и всѣ явленія, въ слѣдъ дѣйствіямъ воды идущія, минуютъ. О ты, основаніе земли, гранитъ, громада необъятная! ты разсядешься, и шаръ земный воспылится.

Но обратимся къ свойствамъ вещественности, и прежде всего посмотримъ, столь ли приписуемая ей непроницательность и твердость ей нужны и необходимо истекаютъ изъ понятія о вещественности. Если въ понятіи непроницательности заключается только то, что два тѣла, или атома, или двѣ частицы того, что составляетъ вещественность, не могутъ находиться въ одно врамя на одномъ мѣстѣ, то сіе можно разумѣть не токмо о вещественности, но и о всякомъ существѣ, какого бы рода оно ни было. Ибо, поелику чувственностію имѣемъ мы представленіе о вещахъ, а разумомъ получаемъ понятія, то есть познанія ихъ отношеній; и поелику *общее* всѣхъ представленій есть *пространство, общее* всѣхъ понятій есть *время,* а *общайшее* сихъ *общихъ* есть *бытіе,* то что себѣ ни вообрази, какое себѣ существо ни представь, найдешь, что *первое,* что ему нужно, есть *бытіе,* ибо безъ того не можетъ существовать о немъ и мысль; *второе,* что ему нужно, есть *время,* ибо всѣ вещи въ отношеніи или союзѣ своемъ понимаются или *единовременны,* или *въ послѣдованіи* одна за другою; *третіе,* что ему нужно, есть *пространство,* ибо существенность всѣхъ являющихся намъ существъ состоитъ въ томъ, что, дѣйствуя на насъ, возбуждаютъ они понятіе о простран-

ствѣ и непроницательности, и все, что ни дѣйствуетъ на нашу чувственность, имѣетъ мѣсто и производитъ въ насъ представленіе о протяженіи посредствомъ своего образа, равномѣрно производитъ въ насъ представленіе о *непроницательности,* поелику одна вещь, дѣйствуя на насъ изъ мѣста, даетъ намъ чувствовать, что не есть другая, что заключаетъ въ себѣ понятіе *непроницательности;* общее же понятіе *непроницательности* и *протяженія* есть *пространство.* И такъ все, что имѣетъ *бытіе* во *времени* и *пространствѣ,* заключаетъ въ себѣ понятіе *непроницательности,* ибо и познанія наши состоятъ токмо въ свѣдѣніи бытія вещей, въ пространствѣ и времени.

Одна первая причина всѣхъ вещей изъята изъ сего быть долженствуетъ. Ибо, поелику опредѣленныя и конечныя существа сами въ себѣ не имѣютъ достаточной причины своего бытія, то должно быть Существу неопредѣленному и безконечному, поелику существенность являющихся существъ состоитъ въ томъ, что они, дѣйствуя на насъ, производятъ понятіе о пространствѣ и, существуя въ немъ, суть самымъ тѣмъ опредѣленны и конечны, то существо безконечное существенностію понято быть не можетъ и долженствуетъ отличествовать отъ существъ, которыя мы познаваемъ въ пространствѣ и времени. А поелику познаніе первыя причины основано на разсужденіи отвлеченіемъ отъ испытаннаго и доказывается правиломъ достаточности, поелику воспящено и невозможно конечнымъ существамъ имѣть удостовѣреніе о безусловной необходимости Высшаго существа, ибо конечное отъ безконечнаго отдѣленно и не одно есть, то понятіе и свѣдѣніе о необходимости бытія Божія можетъ имѣть Богъ единъ.—Увы! мы должны ходить ощупью, какъ скоро вознесемся превыше чувственности.

Но понятіе непроницательности заключаетъ въ себѣ и то свойство, которымъ означается, что одна вещь чрезъ другую проходить не можетъ. Приложивъ сіе къ тѣламъ, едва ли сіе свойство какому-либо приписать возможно, ибо

опыты доказываютъ, что наитвердѣйшія проницаются воздухомъ и водою, а огню нѣтъ ничего непроницаемаго. Если бы здѣсь было мѣсто приводить въ доказательство опыты физическіе, то можно бы показать было, сколь трудно привести тѣло съ другимъ въ совершенное соприкосновеніе. Сверхъ того извѣстно, что во всякомъ тѣлѣ гораздо болѣе находится пустоты, нежели согружденія. Сіе особливо явствуетъ изъ жидкихъ тѣлъ, кои удивительно растягиваться и сжиматься могутъ, что и было поводомъ утверждать многимъ, что все твердое вещество, въ системѣ солнечной содержащееся, можно вмѣстить въ одну орѣховую шелуху: столь велика пустота въ наигустѣйшихъ тѣлахъ въ сравненіи ихъ твердыхъ частей. Если же къ сему разсудимъ, сколь, посредствомъ химическихъ смежностей, разныя вещества смѣситься могутъ, и изъ таковыхъ смѣшеній происходятъ совсѣмъ новыя вещества, то едва ли не вѣроятно, что непроницательность въ послѣднемъ смыслѣ есть токмо вымышленное, а не дѣйствительное свойство вещественности.

Что мы сказали о непроницательности, какъ могущемъ быть свойствѣ всякаго вещества, то же можемъ сказать о *протяженности* и о *образѣ,* который есть опредѣленность протяженія. Ибо, сколь скоро какое-либо вещество занимаетъ мѣсто въ пространствѣ, то занимать его долженствуетъ опредѣленно; сколь скоро имѣетъ мѣсто въ пространствѣ опредѣленное, то имѣетъ уже образъ, то есть протяженно, ибо образъ есть опредѣленіе протяженія. Сіе понятіе протяженности и образа столь свойственно нашему разуму, наиотвлеченнѣйшія свои понятія почерпающему изъ веществъ, чувствамъ подлежащихъ, что понятіе, имъ противолежащее, онъ представляетъ себѣ токмо отрицательно.

Вслѣдствіе даннаго изъясненія, безконечная раздѣлимость вещественности есть свойство токмо воображенное, а не существующее, въ чемъ признаются сами тѣ, кои ей оное приписываютъ, говоря, что оно ей существенно, пое-

лику возможно, и если бы достаточная была сила на произведеніе сего раздѣленія, то бы оно произошло дѣйствительно. Я не возьмусь опровергать возможности, ибо несуществующее есть токмо мечта и опроверженія не заслуживаетъ. Если бы кто захотѣлъ сію раздѣлимость распространить на Самого Бога, то стоилъ ли бы онъ единаго на опроверженіе слова?—Улыбнемся безумію и замолчимъ.

Впрочемъ, можно сію раздѣлимость распространить и на умственное вещество, ибо, поелику оно въ протяженномъ заключено, а протяженность не токмо мыслію, но и дѣйствительно раздѣлить можно, то для чего же нераздѣлимымъ почитать вещество мыслящее, хотя дѣйствіе онаго нераздѣлимо есть? Прейдемъ замысловатыя бредни, ибо сколь ни замысловаты они, но все бредъ.

Твердость есть то свойство вещественности, которое препятствуетъ ея безконечной раздѣлимости. Нѣтъ силы въ мірѣ вещественномъ, говорятъ естествословы, которая бы возмогла раздѣлить стихійныя начала. Согласимся на сіе охотно, ибо опыты благопріятствуютъ сему мнѣнію и дѣлаютъ его аксіомою. Кто не видитъ теперь, что твердость есть свойство, раздѣлимости противорѣчащее, и что они въ одномъ существѣ не могутъ быть совокупны. Ибо, съ одной стороны, раздѣлимость представляетъ разрушеніе малѣйшихъ частицъ до безконечности, то есть доколѣ разумъ себѣ ее вообразить можетъ (возможно ли такъ заблуждать и воображеніе пустое дѣлать бытіемъ?), съ другой стороны, твердость препятствуетъ раздѣленію и, содержа стихійныя начала плотными, представляетъ разрушенію оплоту непреоборимую (дѣйствіе воображенія и здѣсь явно). Скажите, о вы, у коихъ разсудокъ не затьмился предубѣжденіями учебными и предразсудками школы, скажите ваше о семъ рѣшеніе!

Оставя теперь воображенное свойство, скажемъ нѣчто о дѣйствительномъ, и посмотримъ, твердость тѣлъ столь ли имъ свойственна и необходима, какъ то увѣряютъ учители.

Непрекословно надѣюся, согласятся, что тѣло, занимаю-

щее мѣсто въ пространствѣ, имѣя протяженность и непроницательность, имѣетъ также образъ, ибо образъ есть не что иное, какъ опредѣленіе протяженности. Но сей образъ не можетъ иначе существовать, какъ вслѣдствіе сцѣпленія или притяженія взаимнаго частей, какъ то скажутъ физики; или вслѣдствіе законовъ смежности, какъ то назовутъ химики. Слѣдственно, сила, содержащая части въ тѣсномъ или въ отдаленномъ сцѣпленіи, нужна для того, чтобы части были вмѣстѣ, и нужна необходимо, потому что, если бы она не существовала, то не было бы и самыя твердости; если сцѣпленіе уничтожится, то все развалится. Сколь далеко завести можетъ таковое предположеніе, всякъ понять можетъ, и не довольно того, что разрушатся тѣла и прейдутъ въ хаосъ, но въ семъ разрушеніи, гдѣ никакая сила не дѣйствуетъ, едва ли возродится ничтожество и истинная смерть. Какая пустая мысль! уродливое воображеніе!

И такъ нужна сила, чтобы какія-либо части вмѣстѣ находилися во взаимной проницательности, или хотя просто одна близъ другой. Все равно гдѣ бы сила сія ни находилася, въ самомъ ли веществѣ, или дѣйствуетъ снаружи, она дѣйствуетъ, она содержитъ въ сцѣпленіи, она даетъ образъ: слѣдовательно, образъ безъ нея быть не можетъ; уничтожается сцѣпленіе, и вещество исчезаетъ: слѣдовательно, сила сія всякому веществу сосущественна, и одного безъ другой вообразить не можно или не должно. И такъ твердость есть слѣдствіе какія-либо силы: слѣдуетъ, что сила сія есть причина, а существо дѣйствіе, отъ нея происходящее.

Сколь протяженіе свойственно вещественности, столь свойственно ей и отраженіе. Опыты доказываютъ, сколь трудно, а, можетъ быть, и совсѣмъ невозможно привести два вещества въ истинное прикосновеніе; и сія отраженность есть ничто [1]), отъ твердаго вещества совсѣмъ отмѣн-

---

[1]) Нѣчто?

ное, дѣйствующее даже въ отдаленности отъ тѣла, къ коему оно принадлежать имѣетъ. Что дѣлаетъ, что наиплотнѣйшія тѣла и сильнѣйшимъ сцѣпленіемъ стверженныя столь проницательны? Что производитъ упругость, сжиманіе и растяженіе? До какой удивительной степени нѣкоторыя вещества растяжены суть или быть могутъ, кто не убѣжденъ опытомъ, тому не легко повѣрить можетъ. Отъ чего одно вещество въ стѣсненіи становится упружѣе! Отъ чего другое въ растяженіи! Отраженіе существуетъ вездѣ, какъ и притяженіе, и вещества, въ соразмѣрности дѣйствія одной силы, ощущаютъ дѣйствіе и другой. И такъ нѣкоторые справедливо заключаютъ, что въ самомъ дѣлѣ въ вещественности существуютъ токмо притяженія и отраженія безъ всякой твердости. Ибо, для чего предполагать твердое, если части его сплотиться не могутъ никогда? Заключимъ, что есть мѣсто въ пространствѣ, гдѣ каждая сила существуетъ, и откуда дѣйствительность ея простирается, составляя дѣйствованію ея округу, могуществу ея соразмѣрную. Локкъ, или его истолкователь, желая изъяснить созданіе, говоритъ: вообразимъ себѣ пустое пространство, и всемогущество, вращающееся надъ нимъ, рекло: да раздѣлится оно и отвердѣетъ! и се явилась непроницательность, протяженность, образъ. Дополнимъ сію стихотворную и метафизическую картину и, вмѣсто слова, явимъ мысль всемогущую. О дерзновеніе! изрекать словомъ, звукомъ, зыбленіемъ воздуха мысль предвѣчную!—Да будетъ сила въ каждой точкѣ пространства! и се дѣйствіе началося. Притяженіе и отраженіе простерлися изъ среды своей дѣйствіемъ, явился образъ и протяженность, вещественность пріяла существо. Удѣлъ ли былъ въ силахъ сихъ Силы всемогущія, или новыя созданы, Тотъ знаетъ, Кто ихъ явилъ; а мы, во тьмѣ непроницаемой хождая, ловя мечту или блужденіе, речемъ, какъ нѣкогда Аяксъ Омировъ: отрѣши мракъ отъ очей моихъ, и узрю!—Удивительно, говоритъ Пристлей, путеводительствующій намъ въ сихъ сужденіяхъ, что поелику твердость столь мало, кажет-

ся, имѣетъ мѣста въ системѣ сей, удивительно, что мудрствовавшіе давно не разсудили, что она и совсѣмъ не кстати!—

Друзья мои! раздробляя свойства вещественности, да не исчезнетъ она совсѣмъ и да не будемъ сами тѣнь и мечта.

Бездѣйствіе, вслѣдствіе даннаго нами изъясненія, есть то состояніе существа, изъ коего оно изступить не можетъ, доколѣ что-либо ее изъ онаго не извлечетъ. Послѣ всего, нами сказаннаго, утверждать, что бездѣйствіе есть свойство природы, кажется нелѣпо. Безразсудный! Когда зришь въ превыспренняя и видишь обращеніе тѣлъ лучезарныхъ; когда смотришь окрестъ себя и видишь жизнь, разсѣянную въ тысящи тысящей образахъ повсюду,—ужели можешь сказать, что бездѣйствіе вещественности свойственно, и движеніе ей несродно? Когда все движется въ природѣ и все живетъ, когда малѣйшая пылинка и тѣло огромнѣйшее подвержены перемѣнамъ неизбѣжнымъ, разрушенію и паки сложенію, ужели найдешь мѣсто бездѣйствію и движеніе изымешь вонъ? Если ты ничего не знаешь бездѣйствуемаго, если все видишь въ движеніи, то не суемудріе ли говорить о томъ, что не существуетъ, и полагать не быть тому, что есть? На что намъ знать, что до сложенія міра было, и можно ли намъ знать, какъ то было? вещественность движется и живетъ; заключимъ, что движеніе ему сродно, а бездѣйствіе есть вещество твоего воспаленнаго мозга, есть мгла и тѣнь. Сіяетъ солнце, а ты хочешь, чтобъ свойство его была тьма; огонь жжетъ, а ты велишь ему быть мразомъ. Отступи со своимъ всесиліемъ, оно смѣхъ токмо возбуждаетъ.

Итакъ, показавъ неосновательность мнѣнія о бездѣйствіи вещественности, мы самымъ тѣмъ показали, что движеніе отъ нея неотдѣлимо. И по истинѣ, не напрасное ли умствованіе говорить о томъ, что могло быть до сотворенія міра? Мы видимъ, онъ существуетъ, и все движется; имѣемъ право неоспоримое утверждать, что движеніе въ

мірѣ существуетъ, и оно есть свойство вещественности, ибо отъ нея неотступно.

Неужели послѣ всего, что мы сказали о движеніи, притяженіи и отраженіи, нужно еще говорить о *тяжести*, дабы показать, что свойство сіе есть сосущественно вещественности? Сію всеобщую силу въ природѣ (притяженіе и отраженіе въ ея понятіи заключаются), предузнанную Кеплеромъ и доказанную Ньютономъ, ужели не свойствомъ почтемъ естественности, потому только, что причина ея сокрывается отъ проницанія нашего, являя очамъ токмо свое дѣйствіе? Но сила сія, дѣйствуя соразмѣрно плотности или сгружденію тѣлъ и отстоянію ихъ, увеличиваяся по мѣрѣ плотности и уменьшаяся по квадратамъ отстоянія, да будетъ дѣйствіе нѣкоего упругаго вещества, которое эѳиромъ назвалъ Ньютонъ, или что другое, мы скажемъ, что она есть и дѣйствуетъ съ вещественностію нераздѣльно, слѣдовательно, она ей сосущественна. Да и самый эѳиръ, сколь жидокъ, сколь тонокъ, сколь проницателенъ онъ бы ни былъ, не вещественность ли онъ самъ? Но Ньютонъ, дѣлая его причиною, кажется, его къ веществу не причелъ, ибо, будучи причиною, онъ не можетъ имѣть свойство того, что производитъ; ибо, кажется, нелѣпо сказать, что причина тяжести или притяженія сама имѣетъ тяжесть и притяжательна. Но бытіе эѳира есть токмо предположенное, а не доказанное, изобрѣтенное для объясненія ипотезы, хотя и блестящія, но ничего другого, какъ предположенія безъ опытности. Если къ сему прибавимъ, что есть тѣла (ибо и жидкости суть тѣла), осязанію подверженныя, коихъ свойство есть не тяжесть, а сила средодалящаяся, какъ то огонь, воздухообразныя вещества, или газы, и самая вода; и кажется, что если онѣ слѣдуютъ иногда закону тяжести, то токмо въ совокупленіи своемъ и отвердѣніи. Ихъ свойство не есть тяжесть, не сцѣпленіе, но растяженіе и возлетаніе или, лучше сказать, онѣ суть и то и другое вслѣдствіе законовъ смежности. Я съ трепетомъ возражаю что-либо изобрѣтенію остроумія и, дерзая противорѣчить Ньютону, по-

кажусь несмысленнымъ, но какъ сказать можно, что огонь имѣетъ тяжесть, и гдѣ притяженіе воспаряющейся воды, лишенной воздуха и безъ давленія атмосферы?

Сіи то суть общія свойства вещественности, предлогъ общаго естествословія, или она метафизическая часть. Видите, сколь ненадежны сужденія человѣческія, сколь противорѣчимы, сколь оспориваемы, ибо все въ оныхъ зависитъ отъ перваго изъясненія. Часто спорящіяся другъ друга не понимаютъ отъ того, что разныя о вещи имѣютъ понятія, а чаще того желаніе заслужить имя остроумнаго и великаго ввергаетъ насъ въ область воображенія, а потому и блужденія. Случается, и очень часто, что, нашедъ на пути опытовъ своихъ или наблюденій одинъ фактъ новый, или новообразный, стараются привязать къ нему всѣ испытанные прежде, и составляютъ систему; а поелику сіе названіе стало нѣсколько смѣшно, то изображаемымъ доводамъ даютъ имя ѳеоріи, или умозрѣнія. О умствователи! Держитесь опытности и пользу свою почерпайте изъ нея. Не тщитесь угадать, чего невозможно. То, къ чему стремитеся, есть мысль всевышняя, а вы что? Ньютонъ, сопрягая изобрѣтенную имъ тяжесть съ измѣреніемъ и исчисленіемъ, далъ ей блестящее правдоподобіе, и никто не смѣетъ ему противорѣчить, ибо почтеніе къ его изобрѣтенію изсосаемъ почти со млекомъ матернимъ. Тяжесть существуетъ въ природѣ, или, паче, притяженіе неоспоримо, но тяжесть небесныя системы и притяженіе тѣлъ небесныхъ, движущихся въ направленіи прямой линіи, едва ли не рушится, когда столь же замысловатый, столь же дерзновенный разумъ сопряжетъ новыя откровенія воедино и тяжесть оспорить захочетъ. Если можно истину предчувствовать, то сіе предчувствованіе вѣроятно.

Но обратимся къ нашему предлогу и разыщемъ: свойства вещественности могутъ ли быть свойства разумнаго вещества, или человѣческія души? Мы не скажемъ, да и нелѣпо то было бы, что чувствованіе, мысль суть то же, что движеніе, притяженіе или другое изъ описанныхъ

выше сего свойствъ вещественности. Но если мы покажемъ, что всѣ они могутъ быть или суть по истинѣ свойства вещества чувствующаго и мыслящаго, то не въ правѣ ли будемъ сказать, что оно и вещественность суть едино вещество; что чувственность и мысль суть ея же свойства, но поколику она образуется въ тѣлахъ органическихъ, что суть силы въ природѣ, чувствамъ нашимъ подлежащія токмо въ ихъ сопряженіи съ тѣлами, отъ чего бываютъ явленія; что вещество, коему силы сіи суть свойственны, намъ неизвѣстно; что жизнь, сіе дѣйствіе неизвѣстнаго также вещества, вездѣ разсѣянна и разновидна; что она явственнѣе тамъ становится, гдѣ наиболѣе разныхъ силъ сопряжено воедино; что тамъ ихъ болѣе, гдѣ превосходнѣе является организація; что тамъ, гдѣ лучшая бываетъ организація, начинается и чувствованіе, которое, восходя и совершенствуя постепенно, досязаетъ мысленности, разума, разсудка; что всѣ сіи силы, и самая жизнь, чувствованіе и мысль являются не иначе, какъ вещественности совокупны; что мысленность слѣдуетъ всегда за нею, и перемѣны, въ ней примѣченныя, соотвѣтствуютъ перемѣнамъ вещественности, то заключимъ, что въ видимомъ нами мірѣ живетъ вещество одинакородное, различными свойствами одаренное; что силы въ немъ всегда существуютъ, слѣдственно, ему искони присвоены. Но какъ союзъ сей произведенъ, то намъ неизвѣстно, ибо понятіе наше вознестися можетъ токмо до познанія первыя причины, но тутъ и нашъ предѣлъ. И прежде всего, непроницательность сколь свойственна вещественности, равномѣрно и мысленности. Уже я зрю заранѣе толпы, на насъ возстающія; улыбки презрѣнія, осмѣяніе - - о, если бы было одно опроверженіе доводовъ! - - - Пребудемъ въ стезѣ нашей, и да молва не отвратитъ насъ отъ нашея цѣли.— Непроницательность, видѣли мы, есть то свойство какого-либо вещества, вслѣдствіе коего оно съ другимъ не можетъ находиться на одномъ мѣстѣ въ одно время. Если сіе свойство приписано вещественности, вотъ какъ оно разумѣется, или какъ можно разу-

мѣть о умственности. Хотя здѣсь повторимъ прежніе доводы, но изъ порядка, нами принятаго, ихъ исключить нельзя.

Все, что существуетъ, не можетъ иначе имѣть бытіе, какъ находяся гдѣ-либо, ибо хотя пространство есть понятіе отвлеченное, но въ самомъ дѣлѣ существующее, не яко вещество, но какъ отбытіе онаго. А дабы убѣдиться въ семъ, то, если неоспоримо, что нужна пустота (какъ можетъ безъ нея быть движеніе?), то мѣсто, или точка, гдѣ она есть, дать можетъ понятіе о пространствѣ, то есть о вмѣстилищѣ бытія. Слѣдуетъ, что мысленное вещество должно гдѣ-либо находиться. А поелику каждое изъ нихъ есть вещество особенное, особымъ бытіемъ снабженное, то два таковыхъ вещества не могутъ быть на одномъ мѣстѣ въ одно время. Смѣйся, если лучше разумѣешь, но воззри на себя и убѣдися. Гдѣ мысль твоя живетъ? Гдѣ ея источникъ? Въ главѣ твоей, въ мозгу: сему учитъ опытъ ежечасный, ежемгновенный, всеобщій. Но разумъ, но мысль стоящаго близъ тебя неужели въ тебѣ, въ мозгу твоемъ, для опроверженія моихъ доводовъ? Всякъ имѣетъ свою главу, свою мысль, и мысль единаго не есть мысль другого, и наоборотъ. Вы оба, или мысленности ваши, существуютъ не въ одномъ мѣстѣ, слѣдовательно, непроницательны суть. Не возражай мнѣ, что мозги ваши суть различны, или органы мысленности суть непроницательны. Напрасно, мысленность ваша такова. И если скажешь, мысленность наша отвлекаетъ насъ отъ тѣлесности, и двѣ особыя мысленности могутъ быть совокупны относительно мысленію, согласенъ; но осмотримъ. Твое воображеніе клокочетъ и кипитъ, и гдѣ бы ты мысленно ни носился, пускай возницы твои легчае звука и быстрѣе свѣта, о тварь, се точка, и ты на ней!

Ступимъ шагъ еще въ изъясненіи площадныхъ нашихъ доводовъ. Я скажу, мысленность твоя протяженна, мысленность твоя имѣетъ образъ. Вижу, вижу, смѣешься, хохочешь, влечешь за собою мѣру и вопрошаешь: которой

геометрической фигурѣ она подобна? Помедли и суди самъ.

Протяженность есть то свойство вещества, вслѣдствіе коего оно занимаетъ мѣсто въ пространствѣ. Дадимъ еще оружіе противъ себя. Протяженность есть то, что измѣренію подлежитъ. А поелику все, что измѣренію подлежитъ, имѣетъ предѣлъ, то опредѣленная протяженность, или измѣримость, есть образъ. Что мысленность твоя въ мозгу заключена, о томъ, надѣюся, не будешь спорить; что она не извнѣ на мозгъ дѣйствуетъ, и то, кажется, уступишь мнѣ безъ прекословія; но во всемъ ли она мозгу, или въ нѣкоторой онаго части, того сказать не можемъ. По вскрытіи черепа головного нигдѣ знаковъ пребыванія ея не оказывалось. Но она въ мозгу, и сіе для насъ довольно. Положимъ теперь, что кубическое содержаніе мозга есть сто дюймовъ, то мысленность твоя, въ которой бы части ни была, сколь бы мала ни была, хотя бы была точка математическая, содержится во сто, ибо мозгъ измѣрить, свѣсить можно*), Если цѣлое велико кажется, ставь дроби, ставь $\frac{1}{100}$, $\frac{1}{1000}$, $\frac{1}{100000}$, до возможнаго: все будетъ извѣстная для нея дробь и измѣримая.

Давъ протяженность мысленности твоей, дадимъ ей образъ,—сколь ни нелѣпо тебѣ то кажется; ибо, поелику образъ есть опредѣленіе протяженности, мозгъ есть протяженъ, а потому и все, содержащееся въ немъ. Сверхъ того, мозгъ имѣетъ самъ по себѣ опредѣленный образъ, слѣдуетъ, что и содержащееся въ немъ образованно. *Ваятель дѣлаетъ сперва глиняную форму, да образуетъ своего Аполлона.* Но каковъ можетъ быть образъ твоей мысленности, до того мнѣ нужды нѣтъ, да и опредѣлить того не могу. Или извѣдаемъ, что воздухъ и подобное ему вещество

---

*) Кто знаетъ, что не отъ тяжести ли или легости происходитъ различіе умовъ?

Прим. авт.

да и всякое жидкое тѣло образуется по сосуду, въ коемъ содержится. Если воздуха никто на сажень не мѣрилъ, то, кажется, для того, что содержащееся его количество въ кубической сажени можетъ содержаться, равно въ кубическомъ дюймѣ и растянуться на сто кубическихъ саженъ. Но если воздухъ неудобоизмѣримъ, то возвѣсить его можно. Не бойся, не бойся, я мысленности твоей на безмѣнъ не положу. Сила электрическая, собранная въ Лейденской скляницѣ, взвѣшена. Кто знаетъ протяженіе и образъ силы магнитныя, кто взвѣшивалъ ее? Но кто отрицать станетъ, что она не вещественна?

О другихъ свойствахъ вещественности, поколику они могутъ почитаться свойствами мысленности, нужды говорить не имѣемъ; ибо, 1-е, раздѣлимость есть свойство воображенное и несуществующее; 2-е, твердость есть свойство не столь ясно утвержденное, какъ то кажется при первомъ взглядѣ; 3-е бездѣйствіе есть мечта; 4-е, движеніе,—мысленность одинъ изъ его источниковъ разнородныхъ; 5-е, тяжесть, или паче притяженіе и отраженіе. Имѣетъ ли мысленность стремленіе къ центру земли, того не вѣдаю; но питаніе, пророжденіе, жизнь, любовь и ненависть что суть?

Но если надобно кому-либо на сіе доказательство, то не нужна ли сила притяженія на какое бы то сложеніе ни было? А если сила сія имѣетъ точку, откуда дѣйствуетъ, то что, паче мысленности, можетъ быть дѣйствія средою? Оно таково въ самомъ дѣлѣ. . . . . .

. . . . . .

Если мы окомъ размышляющимъ проникнемъ дѣйствія природы и, собравъ опыты, вознамѣримся отыскать въ веществахъ различія, то не будетъ нужды напрягать воображеніе, дабы имѣть какое-либо понятіе о томъ, что едвали мысль постигать можетъ. Не будемъ творители новыхъ веществъ, а, паче, возстановивъ все на единой лѣствицѣ, мы явимъ неисчисленное вещественности разнообразіе и могущество Всеотца безконечное.

Свойства вещественности, доселѣ предлогомъ нашего слова бывшія, суть токмо, такъ сказать, метафизическія, заключалися въ отвлеченнѣйшихъ понятіяхъ. Но есть свойства вещественности, или паче веществъ, поелику онѣ намъ извѣстны, кои, проистекая отъ ихъ коренного сложенія, заимствуютъ свойства состоятельныхъ или начальныхъ частей веществъ. Для познанія таковаго нужно говорить о началахъ веществъ, или стихіяхъ, и о нѣкоторыхъ явленіяхъ, первое мѣсто въ природѣ занимающихъ.

Показавъ, что свойства вещественности суть свойства мысленности, покажемъ, поколику вѣроятно, что и мысленность есть вещественности свойство, и прежде всего вопросимъ, какія суть свойства вещества мыслящаго, не поколику мы оное предполагаемъ гадательно, но поколику мы оное познаемъ самымъ дѣломъ.

Свойства мысленнаго вещества, или явленія, кои къ дѣйствію его относиться могутъ, суть: жизнь, чувствованіе, мысленіе. Сіи свойства суть нѣчто болѣе, нежели просто движеніе, притяженіе и отраженіе, хотя сіи силы въ произведеніи сихъ свойствъ много участвуютъ, вѣроятно. Но поелику почитаютъ, что движеніе и проч. не суть свойства веществъ, чувствамъ нашимъ подлежащихъ, то да позволятъ мнѣ удалиться отъ моего предмета и войти въ нѣкоторое разсмотрѣніе о составленіи тѣлъ вообще.

Начальныя части всѣхъ тѣлъ называемъ мы стихіи. Сіи суть: земля, вода, воздухъ, огонь. Но въ стихійномъ ихъ состояніи мы ихъ не знаемъ; мы видимъ ихъ всегда въ сопряженіи одна съ другою; да и всѣ стихіи, опричь земли, ускользали бы, можетъ быть, отъ чувствъ нашихъ, если бы земляныхъ частицъ въ себѣ не содержали. Сколь стихіи въ чувственномъ ихъ положеніи ни сложны, однако свойства имѣютъ, отличающія ихъ одни отъ другихъ совсѣмъ; и если не дерзновенно будетъ оныя опредѣлить, то скажемъ, что огонь, а, можетъ быть, воздухъ и вода суть начала движущія, а земля, или твердѣйшая изъ стихій, разумѣя всѣ ея роды, есть движимое. Я не утверждаю, что

вода, воздухъ и огонь, въ самомъ ихъ стихійномъ состояніи, суть вещества, движеніе производящія сами по себѣ, или суть токмо, такъ сказать, орудіе другого вещества, дѣятельность имъ сообщающаго; но они суть то самое, что въ тѣлахъ движеніе производитъ, что всякое сложеніе и разрушеніе безъ нихъ существовать не могутъ, и что они гораздо болѣе мѣста занимаютъ, нежели твердая стихія земля; что въ стихійномъ ихъ состояніи, сколько то изъ опытовъ понимать можно, они чувствамъ нашимъ подлежать не могутъ, и что земляная стихія есть единая, которой, по истинѣ, и мы вещественности принадлежать можемъ.

Но опыты являютъ намъ, что есть вещества, движеніе производящія, или входящія въ составъ тѣлъ органическихъ и другихъ, кои, кажется, къ веществамъ, стихіями называемымъ, не принадлежатъ. Напримѣръ: свѣтъ, хотя онъ есть огню совокупенъ; сила электрическая, хотя и имѣетъ свойство огня; сила магнитная; *стихія соли*, которая, кажется, есть всеобщій раздѣлитель, а особливо соединяяся съ воздухомъ и, водою; и можетъ быть, многія другія. Наблюдая ихъ прилежно, найдешь, что они истинную имѣютъ силу или *энергію,* но что она есть? То можетъ быть ей одной извѣстно, или Давшему ее стихіямъ.

Дабы показать, сколь раздѣленіе веществамъ, нами сдѣланное, на движущія и движимыя, есть истинно и на опытахъ основано, войдемъ въ нѣкоторыя подробности о стихіяхъ и о ихъ сложеніяхъ. . . . . .

. . . . . .

Говоря о стихіяхъ и о нѣкоторыхъ явленіяхъ, въ природѣ примѣченныхъ, которыя, кажется, принадлежатъ къ дѣйствованію веществъ, отъ четырехъ признанныхъ стихій отличествующихъ, мы видѣли, что онѣ, совокупляяся одна съ другою, столь естество свое измѣняютъ, что почти кажутся быть совсѣмъ другими веществами. Вода становится землѣ подобна, огонь твердѣетъ, становится осязателенъ, не жжетъ и не свѣтитъ, а присутствіе воздуха явно еди-

ною тяжестію. Въ другихъ сложеніяхъ, а особливо сохраняя свою жидкость, они удерживаютъ отчасти свои свойства, отчасти, измѣняяся, паки представляютъ совсѣмъ новыя явленія.

Средства, употребляемыя природою на сложеніе стихій, кажутся быть многочисленны и различны, но часто въ разнообразіи своемъ, какъ намъ извѣстно, слѣдуютъ одинаковымъ законамъ. Естествословы, не входя въ дальнія разсмотрѣнія, уобщая понятія и восходя отъ одной отвлеченности къ другой, а паче сдѣлавъ себѣ систему и возгнѣждая въ нее всѣ извѣстные факты, сказали, что общій законъ, вслѣдствіе коего дѣлаются всѣ сложенія, есть притяженіе. Но хотя Бюффонъ и говоритъ, что образъ производитъ великую разность, но кристаллизація или стекловаціе суть ли одно? То и другое производитъ сцѣпленіе, но сколь оно разновидно, сколь разнообразно въ дѣйствіи! Говорятъ, что всѣ тѣла находятся въ сложеніи своемъ токмо вслѣдствіе сцѣпленія, и для доказательства сего употребляютъ извѣстный всѣмъ опытъ двухъ весьма гладкихъ поверхностей; но сіе сцѣпленіе есть одно изъ слабѣйшихъ, и если не была другая сила, что удержало бы золото подъ молотомъ, что дало бы ему столь ужасное растяженіе? Ужели сцѣпленіе въ стеклѣ сильнѣе золота?

Одно изъ главныхъ средствъ, природою на сложеніе стихій и измѣненіе ихъ употребляемое, есть организація. Въ ней дѣйствуютъ всѣ стихіи совокупно; въ ней и другія силы явственны. Анализисъ частей животнаго даетъ всѣ стихіи. Но тѣло органическое почесть можно химическою лабораторіею, въ коей происходятъ разнаго рода амальгамы, сложенія, раздѣленія и проч. и производятъ почти новыя вещества. Не говоря ни о чемъ другомъ, воззримъ на сложеніе мозга и на продолженіе его нервовъ. А если и то истинно, что въ нихъ существуетъ такъ названная нервенная влажность, сколь отмѣнное я существо отъ всего другого! Одно, что въ ней сходственное примѣчается, есть то, что она похожа на силу электрическую и

магнитную. Можетъ быть и то, что сіи оба вещества, всосанныя въ тѣло, въ немъ амальгамируются и передвоятся, и съ другими стихіями составляютъ нервенную жидкость.

Что сія существуетъ въ организаціи животныхъ, вѣроятно, и разные на то отыскаться могутъ убѣдительные факты.

Мы сказали, что свойства мысленнаго вещества суть— жизнь, чувствованіе, мысленіе. Жизнь есть то дѣйствіе явленія, чрезъ которое сѣмя разверзается, растетъ, получаетъ совершенное дополненіе всѣхъ своихъ силъ, производитъ паки сѣмя, подобное тому, изъ коего зачалося; потомъ начинаетъ терять свои силы и приближаться къ разрушенію. Сія сила если единственно простое произведеніе, изъ сложенія стихій происходящее, то можно будетъ утверждать тогда, когда искусствомъ можно будетъ производить тѣла органическія. Жизнь свойственна не однимъ животнымъ, но и растеніямъ, а, вѣроятно, и ископаемымъ, что побуждаетъ заключать, что сила, жизнь дающая, есть одинакова, или, паче, одна является различною въ разныхъ сложеніяхъ. А поелику явное присутствіе огня съ дѣйствіемъ жизни совокупно *), то и не безрассудно заключать можно, что огонь есть одно изъ необходимыхъ началъ жизни, если онъ не есть самая она.

Раздраженность примѣчается въ тѣлахъ въ ихъ раздѣленіи, воскипѣніи. Квасъ и все, что ферментаціею называемъ, не есть начало раздраженности. Раздраженность примѣчательна уже въ растеніяхъ, а, паче, въ чувственницѣ. Есть ли она произведеніе силы электрическія и какой другой, то неизвѣстно, но вѣроятно. Посмотри, какъ чувственница увядаетъ отъ малѣйшаго прикосновенія.

Чувственность есть свойство ощущать. Опыты доказываютъ, что она есть свойство нервовъ, а физіологи припи-

*) По отдаленіи солнца вся природа мертвѣетъ. Не умираютъ животныя, ибо въ себѣ заключаютъ больше огня, нежели растенія. *Прим. авт.*

сывають ее присутствію нервенной жидкости. Чувственность всегда является съ мысленностію совокупна, а сія есть свойственна мозгу и въ немъ имѣетъ свое пребываніе. Безъ жизни же и онѣ бы намъ не были извѣстны. Итакъ возможно, что жизнь, чувствованіе и мысль суть дѣйствованіе единаго вещества, разнообразнаго въ разнообразныхъ сложеніяхъ, или же чувственность и мысль суть дѣйствіе вещества отличнаго, въ сложеніе котораго однако же входитъ если не что другое, то сила электрическая или ей подобная. Итакъ, если мысленность мы тамъ только обрѣтаемъ, гдѣ обрѣтаемъ чувственность, если чувственность неразлучна съ жизнію, то не въ правѣ ли мы сказать, что сіи три явленія тѣлъ суть дѣйствія единаго вещества? Ибо, хотя жизнь находимъ мы безъ чувственности, а чувственность безъ мысли, однако кажется быть жизни сопутницею раздраженность, что есть нижайшая токмо, можетъ быть, степень чувственности, и если чувственность и мысль не сопутницы всегдашнія жизни, то по той токмо причинѣ, что нѣтъ всегда свойственныхъ имъ органовъ, нервовъ; ибо есть и таковыя вещества, стоящія, такъ сказать, на смежности единыя жизни и чувственности, которыя для того кажутся быть мысли лишенны, что не имѣютъ ея органа, мозга.

Прибавимъ еще и то: понеже въ существо жизни входитъ частію составительною и, кажется, необходимою огонь; понеже въ чувственности примѣчать можно явленія, электрической силѣ подобныя, что она дѣйствуетъ на наши нервы, какъ то и сила магнитная; понеже чувственность кажется быть продолженіемъ токмо мысленности, ибо и понятія и мысли всѣ происходятъ отъ чувственности и органы сея суть продолженіе органа мысленнаго, то не ясно ли, что мысль, чувственность и жизнь суть свойства вещества непроницательнаго, протяженнаго, образованнаго, твердаго, и проч., ибо огонь и сила электрическая и магнитная суть свойства того же вещества, или оное само?

Присовокупимъ къ симъ общимъ разсужденіямъ о вещественности нѣкоторыя подробности, которыя объяснятъ и дополнятъ все, что о сей матеріи сказать можно.

„Приписывать дѣйствію особаго вещества то, что можетъ принадлежать другому, въ полномъ дѣйствованіи веществующему, есть совсѣмъ излишнее и ненужное. Давать тѣлу человѣческому душу, существа, совсѣмъ отъ него отмѣннаго и непонятнаго, есть не только излишне, но и неосновательно совсѣмъ. То, что называютъ обыкновенно душою, то есть жизнь, чувственность и мысль, суть произведеніе вещества единаго, коего начальныя и составительныя части суть разнородны и качества имѣютъ различныя и не всѣ еще испытанныя. Если стихіи толико могутъ измѣняться въ сложеніи своемъ, что совсѣмъ непохожи на свою первобытность, то почто заключать толико неосновательно и отрицать имъ дѣйствіе того, гдѣ онѣ части составительныя? Успѣхи наукъ, а паче химіи и физики, доказываютъ, что не возможно когда-либо счастливыми опытами уловить природу въ ея творительномъ, производительномъ стану. И хотя бы чувственность и мысль были силы отъ всѣхъ извѣстныхъ намъ отличныя, то какъ быть столь скорымъ въ рѣшеніяхъ нашихъ и отрицать, что не вещественности онѣ суть свойства и сей никакъ принадлежать не могутъ, ибо ей суть будто противорѣчащи?“

„Не удивительно, что тѣ, которымъ природа, такъ сказать, чужда, кои никогда на нее не обращаютъ ока внимательнаго,—не удивительно, что возмечтали быть себя безсмертными. Не удивительно, что бѣдствіемъ гонимые, преслѣдуемые скорбію, болѣзнію, мученіемъ ищутъ прибѣжища превыше жизни. Но то казаться будетъ всегда страннымъ, что тѣ, коихъ природа есть упражненіе всегдашнее, тѣ, кои наипаче проникли въ ея сокровенности, тѣ, кои въ разысканіи ея таинствъ находятъ свое увеселеніе,—что и тѣ, когда дойдетъ до рѣшенія между конечныя смерти и возрожденія, всегда къ нему прилѣпляются. Столь слабость наша велика, столь возлюбляетъ человѣкъ

бытіе свое, столь боится разрушенія! Сему и быть такъ должно, ибо во младенчествѣ, въ дѣтствѣ, въ юности, во младости мы окружены всегда предметами, къ жизни насъ прилѣпляющими, окружены предубѣжденіями, о будущей жизни твердящими. И когда наступаютъ возмужалыя лѣта, то совершенство жизни затьмеваетъ разрушеніе и его или представляетъ почти невѣроятнымъ, или отвлекаетъ мысли отъ сихъ предметовъ. Да и тѣ, которые убѣдятся въ противномъ, приспѣвъ ко гробу и чувствуя нѣчто необычайное, вдругъ обращаются къ мыслямъ, пріобрѣтеннымъ въ лѣта безразсудительныя. Тотъ, кто совершенно и безпрестанно былъ блаженъ, тому жаль разстаться съ утѣшительною и веселія исполненною жизнію, и для того мнитъ продолжать ее безсмертіемъ. Тотъ, который изнемогаетъ подъ тяжестію превратнаго счастія, тотъ въ кончинѣ своей зритъ онымъ конецъ и, вкушавъ утѣхи когда-либо, мнитъ, что и оныя возродятся, и сердце, надеждою упоенное, отлетаетъ въ вѣчность."

„Но повторю: какъ отыскатели дѣяній природы могутъ ошибаться въ ея дѣйствіяхъ! Пройди всю жизнь человѣческую отъ рожденія его до кончины: чувственность и мысль слѣдуютъ тѣлесности въ развержении ея, укрѣпленіи, совершенствованіи, разслабленіи, изнеможеніи, и когда пушится [1]) одна, престаетъ дѣйствіе и другія."

„Что мыслитъ родившійся, что чувствуетъ онъ? Мысли совсѣмъ непричастенъ, чувственность весьма слабая. Но тѣло начинаетъ приращаться, и съ нимъ чувственность и мысль. Оно укрѣпляется, и купно съ нимъ чувственность и мысль. Не лучшее ли время для мысли и чувственности есть то, когда тѣло, получивъ полное свое приращеніе и укрѣпившись всѣми силами своими, находится въ полномъ и цвѣтущемъ здоровіи? Но болѣзни объемлютъ тѣло, скорбь мозжитъ его и сверлитъ, силы его ослабѣваютъ, съ ними

---

[1]) Рушится?

и душевныя. Посмотри на совершившаго теченіе жизни: какая степень осталась въ немъ чувственности и мысли? Одна изгладилась, другая равняется младенчеству. Почто рыдаешь? Се образъ твой, се покой тѣла твоего! всѣ начала состава его притупилися, и рушиться имъ должно. Почто же плачешь о неизбѣжномъ, почто убѣгаешь неминуемаго? когда жизнь прервется, увянетъ и чувственность, изсякнетъ мысль, и всякое напоминовеніе прелетитъ, яко легкій дымъ. Жалѣешь о блаженствѣ своемъ, то ужели жалѣешь и о бѣдствіи и скорбяхъ? Возвѣсь всѣ минуты печали, болѣзни и превратностей, и противоположи имъ минуты радости, здравіе, и благоденствіе, увидишь, что чаша злосчастія всегда претянетъ чашу блаженства. То и другое суть удобоисчисляемы, и заключеніе вѣрно. О чемъ же сѣтуешь? Воскликни: „се часъ мой!“ скажи: „Прости! и отыди“.

„Но прежде, нежели приступимъ къ другимъ предметамъ, радованія и надежды исполненнымъ и отгоняющимъ отчаяніе изъ сердца и разума, истощимъ всѣ доводы и притупимъ, такъ сказать, тѣмъ самымъ стрѣлы, душу умерщвляющія.“

„Защитники души безвещественныя, несложныя и по тому безсмертныя, говорятъ: человѣкъ имѣетъ два уха, два глаза; осязательность его разсѣяна по всей поверхности его тѣла; но чувствованіе внутреннее, отъ разныхъ чувствъ происходящее, но мысль, отъ чувствъ раждающаяся, есть нераздѣлима, но свѣдѣніе самого себя, столь живое, столь ясное, всегда едино, просто, нераздѣлимо, а сіе побуждаетъ заключать, что вещество, къ коему оно принадлежитъ, также есть простое и нераздѣлимое. А поелику не раздѣлимое разрушиться не можетъ, то заключить должно, что душа, по разрушеніи тѣла, пребудетъ нераздѣлима, слѣдовательно, она есть безвещественна, а потому и безсмертна“.

„Скажи, возражатель, нераздѣлимость и вѣчность мечтающій, скажи и истолкуй мнѣ: какъ вещество простое

можетъ дѣйствовать на сложное; какъ дѣйствуетъ непротяженное на протяженность? И еще того непонятнѣе: какъ непротяженное заключается въ протяженности, ибо вѣдаемъ, что понятіе протяженности есть нераздѣлимому противорѣчащее? какъ безвещественная и непротяженная твоя душа заключена въ протяженное твое влагалище, того я не знаю и молчу; да и ты не знаешь, и быти ей утверждаешь. Желая сдѣлать душу, отъ тѣла твоего совсѣмъ отличную, простую, нераздѣлимую, ты ее дѣлаешь веществомъ совсѣмъ мысленнымъ. Она уже не вещество, единственно отвлеченіе, точка математическая, слѣдовательно, воображеніе, сонъ, мечта. Вещество нераздѣлимое, простое, словомъ, душа твоя, есть ничтожество, безсущественность, небытіе, ибо кто видалъ, кто ощущалъ, если не въ мечтаніи, что-либо несложное, простое, нераздѣлимое? Да и какъ намъ себѣ его представить? Когда хотимъ изобразить точку, то говоримъ, что она есть конецъ линіи. Чему же душа твоя есть окончаніе? Мнѣ кажется, о ты, безсущественность утверждающій, что житіе, что услажденіе тѣлесныя и мысленныя тебѣ наскучили: оставь же насъ и отыди въ своя превыспренняя и веселися".

„Скажи, о отрицатель вещественныя души! Скажи, отъ чего находишь столь невозможнымъ согласное дѣйствіе чувствъ твоихъ и всѣхъ органовъ? Все, что существуетъ, имѣетъ свою цѣль, и всѣ его части, способности и силы суть къ оной обращены. Не въ мысленности ли ты существуешь? Для чего же ты думаешь, что чувства твои, что органы не для нея суть, и она не отъ нихъ? Или скажешь, что мусикійское благогласіе невозможно, ибо звукъ единственный, *нота* мусикійская, неблагогласны суть? Изъ того, что пальцы твои на струнахъ скрипичныхъ не умѣютъ двигаться искусственно [1]), ты заключаешь, что стройная звучность ей несвойственна. Не заключишь ли, что поелику единственная частица воздуха не можетъ производить зву-

---

[1]) искусно.

ка, что онъ не есть произведеніе воздуха? или, что синяя или красная отдѣленность луча неудобна на произведеніе свѣта, что всѣ семь отдѣленностей, составя лучъ, свѣтъ производить неудобны? Безумный! ты скоро скажешь, что и жизнь въ человѣкѣ есть невозможность, ибо каждая часть тебя не есть жизнь. Смотри, куда ты забрелъ! не завидую тебѣ, по истинѣ, ни твоей мысленности. Кто рыщетъ въ мечтаніи, недостоинъ, чтобы онаго былъ отлученъ. Чувственность местію не замедлитъ; вощаныя твои крылія растаютъ отъ ея жаркости, и, новый Икаръ, залетѣвшій, куда самъ не вѣдаешь, падешь".

„Скажи, вопрошу паки, какъ могли въ мозгъ твой войти сія чрезъестественная души твоей простота и нераздѣлимость? Возьми столь художественно изобрѣтенное орудіе на показаніе и дѣленіе времени, ударь его о камень, гдѣ будетъ сей почти разумный времени указатель? Или въ каждой части? Металлъ, изъ коего онъ сложенъ, не возможетъ того безъ соразмѣрности въ частяхъ его, колесахъ и пружинахъ. Но ты паки говоришь, что душа твоя нераздѣлима. Но звукъ, но благогласіе раздѣлимы ли суть? Орудія, оные производящія, суть раздѣлимы, суть сложны; но не дѣйствіе ихъ, не произведеніе. Не отъ чувствъ ли ты мысль свою получаешь? Мысль твоя нераздѣлима, но неужели нераздѣлимы твое ухо, око, носъ? Итакъ, произведеніе твоихъ чувствъ нераздѣлимо, и скажемъ твоими словами: душа твоя нераздѣлима. Согласенъ, что изъ одной души нельзя сдѣлать двухъ душъ, но слѣдуетъ ли изъ того, что съ разрушеніемъ твоихъ органовъ и душа разрушиться не можетъ? Разрѣжь, говоритъ Пристлей, одинъ шаръ на двое, выйдутъ ли изъ того два шара? Выйдутъ двѣ половины, но шара не будетъ".

„Ужели такъ трудно тебѣ вообразить единственность чувствованія и мысли, и того, что ты душою называешь, не саму по себѣ единственную, простую и нераздѣлимую, но единственну и нераздѣлиму, яко дѣйствіе твоихъ органовъ и твоего сложенія? Вообрази себѣ сіе нравствен-

ное, сіе соборное вещество, которое мы называемъ общество; представь себѣ сенатъ Римскій или Аѳинскую площадь. Колико частей! Колико пружинъ! Колико дѣйствій! Но все идетъ къ единой цѣли, всѣ общественнаго житія стяжаютъ, всѣ мыслятъ одно, одного желаютъ. Я примѣръ тебѣ даю, уподобленіе представляю, а не сравненіе. Но всѣ твои усилія, чтобъ отдѣлить душу твою отъ тѣла, напрасны суть и безсильны".

„Не съ тѣломъ ли растетъ душа, не съ нимъ ли мужаетъ и крѣпится, не съ нимъ ли вянетъ и тупѣетъ? Не отъ чувствъ ли ты получаешь всѣ свои понятія и мысли? Если ты мнѣ не вѣришь, прочти Локка. Онъ удивитъ тебя, что всѣ мысли твои, и самыя отвлеченнѣйшія, въ чувствахъ твоихъ имѣютъ свое начало [1]). Какъ же душа твоя безъ нихъ можетъ пріобрѣтать понятія, какъ мыслить? Почто безплодно дѣлать ее особымъ отъ чувственности веществомъ? Ты похожъ въ семъ случаѣ на того, кто бы захотѣлъ дать душу носу твоему, дать душу уху, дать ее глазу, а въ осязательности твоей было бы столько душъ, сколько точекъ есть на поверхности твоего тѣла. Неужели на всякое дѣяніе тѣла дадимъ ему душу? Гортань моя возгласитъ пѣснь, и я скажу, что есть во мнѣ вещество поющее; отверзу уста и возглаголю, а ты скажешь, что есть во мнѣ вещество говорящее, и только для того, чтобы отъ тѣлесности отбыть. Странникъ! Ты чуждаешься матери твоей, отрицаешь чувствамъ, мысленности происхожденіе. Всѣ познанія твои приходятъ къ тебѣ отъ чувствъ твоихъ, и ты хочешь, чтобъ мысленность моя была имъ чужда, имѣла существо, имъ совсѣмъ противорѣчащее".

„Но откуда возмечталъ ты, что душа твоя не есть дѣйствіе твоихъ органовъ, что она безтѣлесна? Вниди въ себя

---

[1]) Здѣсь противорѣчія нѣтъ противъ сказаннаго выше, гдѣ говорится, что *отвлеченіе* есть дѣйствіе разсудка. Мы здѣсь говоримъ, гдѣ корень понятій отвлеченныхъ.

Прим. авт.

и воньми, колико тѣлесностей на нее дѣйствуютъ. Всѣ чувственные предметы, всѣ страсти, болѣзнь, жаръ, стужа, пища, питіе, — все душу твою измѣняетъ. Все тѣлесно есть; она страждетъ, а не тѣло. Можетъ ли знать душа твоя, сіе высшія степени вещество, какая мысль въ ней возродится чрезъ одно мгновеніе, чего она возжелаетъ? Можетъ ли она, если она тѣла твоего управитель, можетъ ли знать, какое будетъ его движеніе чрезъ часъ единъ, и какое языкъ его произнесетъ слово? Окруженная со всѣхъ сторонъ предметами, она есть то, что они ей быть опредѣляютъ. Если бы они не извѣщали чувства твои, что ты существуешь, если бы ты чувствъ лишенъ былъ (но того ли ты и желаешь, желая безсмертія?), не извѣстенъ бы ты былъ, что ты есть, что существуешь, ибо никакая мысль въ тебѣ не могла бы возродиться".

„Не токмо внѣшность, но вся внутренность царствуетъ надъ твоею душою. Когда страсти возжгутъ огонь въ крови твоей, когда невѣдомое какое безпокойствіе обыметъ всего тебя, и ты, презирая все на свѣтѣ и самую жизнь, течешь во слѣдъ предмету, страстію вожделѣнному, гдѣ тогда душа твоя? Гдѣ сей устроитель твоея тѣлесности, сей судія твоихъ дѣяній, сей царь, гдѣ онъ? Иногда, иногда возвыситъ онъ гласъ, и мечта всемогущества думаетъ страсть усмирить мановеніемъ единымъ, какъ Эолъ усмирялъ бунтующіе вѣтры. Но сіи непокорливые его поданники, возставъ съ новою на него свирѣпостію, влекутъ его и, какъ новая Армида, заключаютъ въ цвѣтящіяся и неощущаемыя оковы".

„Но не токмо страсти умерщвляютъ твою душу: всѣ потребности твои, всѣ недостатки властвуютъ надъ нею произвольно. Ощущалъ ли ты когда-либо терзаніе глада? Вѣдаешь ли всю власть желудка твоего надъ твоею мысленностію? Когда онъ тощъ, тѣло твое изнеможетъ, и душа разслабѣетъ. Но ты скорѣе знаешь дѣйствіе пресыщенія. Когда избыточныя соками питательными яства обильный хилъ вліютъ въ твои жилы, и естественность въ тебѣ

обновляться начнетъ, ты знаешь то, сколь слаба тогда мысль твоя. Но вижу то, пресытился питіемъ: обезображено лице, искажены взоры, языкъ коснѣетъ, или и душа твоя причаствовала въ чашѣ Вакха? О, вещество безтѣлесное! если чему другому ты неподвластна, то пьяные пары, конечно, сильно на тебя дѣйствуютъ. Когда ты, о любитель духовныхъ веществъ, усомнишься въ своей вещественности, то войди въ сонмъ пьяныхъ. Вѣрь мнѣ, скоро, скоро убѣдишься, что съ тѣломъ и душа пьянѣетъ".

„Мнѣ скучно становится собирать еще доводы на то, что столь ясно кажется. Но я еще обращу взоръ твой на тебя самого. Если ты не убѣдился о своей вещественности тѣмъ, что видѣлъ душевныя силы возрастаемы съ тѣлесными, что онѣ расширены стали удобреннымъ воспитаніемъ; что воображеніе есть плодъ страны, гдѣ жительствуешь; что память твоя единственно зависитъ отъ твоего мозга, и когда онъ старится и твердѣетъ, тогда и память теряетъ свою способность; что суть способы тѣлесные на ея расширеніе, и что вниманіе твое утомляется напряженіемъ: если все сіе не есть тебѣ доказательствомъ, войдемъ со мною во храмину, уготовленную человѣколюбіемъ для страждущаго человѣчества, въ хранилище болѣзней. Не содрагается ли, не нѣмѣетъ ли вождь твой духовный отъ сего зрѣлища? Если ты нетрепетно восходилъ на стѣны градскія и презиралъ тысячи смертей, окрестъ тебя летавшихъ, то здѣсь весь составъ твой потрясется! ты зришь твое разрушеніе, ты зришь конечную и неминуемую твою смертность. Не тужи о воспаленномъ огневицею, не жалѣй о лишенномъ ума: они варяютъ въ мечтаніяхъ. Вѣрь, они нерѣдко насъ блаженнѣе. Болѣзни своей они не вѣдаютъ, и душа веселящихся полна мечтаній. Но содрогнись на бѣснующагося, вострепещи, взирая на имѣющаго въ мозгу чирей! О, душа, существо безвещественное! Что ты и гдѣ ты? Если всѣ доводы Епикура, Лукреція и всѣхъ новыхъ ихъ послѣдователей слабы будутъ на сверженіе твое съ возмечтаннаго твоего престола, то желающій убѣдиться въ

истинномъ ничтожествѣ своемъ найдетъ ихъ въ первой больницѣ въ великомъ изобиліи".

„Если и сего тебѣ мало, то соглядай вседневное свое положеніе, когда утомленное твое тѣло ищетъ покоя. Воззри на сонъ. Если хочешь вообразить, что душа твоя есть рабъ твоего тѣла, и каково будетъ состояніе ея по смерти, то разсмотри, что есть сонъ, и познаешь. Первое, когда мечты исполняютъ главу твою, скажи, властенъ ли ты на ихъ произведеніе? Сновидѣнія твои столь же мало отъ тебя зависятъ, какъ и отъ твоего понятія. А если можно тому вѣрить, что сновидѣніе есть начало пробужденія и производится внѣшнимъ чѣмъ-либо, то предварено твое возраженіе, когда хотѣлъ сновидѣніе отнести къ дѣйствованію твоей души. Но разсмотри себя, когда пары, подъемлющіеся отъ желудка твоего, не тревожатъ мозга, когда сонъ твой покоенъ и крѣпокъ, ты не токмо не чувствуешь, но и мысль твоя недѣйствительна. А если и то тебя не убѣждаетъ, посмотри на тѣхъ, коимъ болѣзни даютъ сонъ долговременный: спроси у нихъ, мечтали ли они что-либо. Или думаешь, что въ рѣшеніи задачъ математическихъ упражнялися? Впослѣдніе скажу, воззри на объятаго обморокомъ и чувствъ лишеннаго. Если когда-либо излишне испущенная кровь повергала тебя въ таковое положеніе, то знаешь ты, что смерть есть, и что душа твоя отъ жала ея не ускользнетъ. И какъ хочешь ты, чтобъ я почелъ душу твою существенностію, отъ тѣла твоего отдѣленною, веществомъ особымъ и самимъ по себѣ, когда сонъ и обморокъ лишаютъ ее того, что существо ее составляетъ".

„Скажи, о ты, желающій жить по смерти, скажи, размышлялъ ли ты, что оно не токмо невѣроятно, но и невозможно? Вообрази себѣ на одно мгновеніе, что ты уже мертвъ, что тѣло твое разрушилося. Ты говоришь, что душа твоя жива. Но она лишена чувствъ, слѣдственно, лишена орудій мысли, слѣдственно, она не то, что была въ живомъ твоемъ состояніи. И если состояніе ея измѣнилося, то вѣроятно ли, что она ощущать и

мыслить можетъ, чувствъ лишенна? А если душа будетъ въ другомъ положеніи, то слѣдуетъ, что ты въ душѣ своей будешь не тотъ человѣкъ, который былъ до смерти. Вѣдаешь ли, отъ чего зависитъ твоя особенность, твоя личность, что ты есть ты? Помедлимъ немного при семъ размышленіи. Сіе мгновеніе ты, посредствомъ чувствъ, получаешь извѣщеніе о бытіи твоемъ; въ слѣдующее мгновеніе то же чувствуешь; но дабы увѣренъ ты былъ, что въ протекшее мгновеніе чувствованіе происходило въ томъ же человѣкѣ, въ которомъ происходитъ въ настоящее мгновеніе, то надлежитъ быть напоминовенію; а если человѣкъ не былъ одаренъ памятію, то сверхъ того, чтобы онъ не могъ имѣть никакихъ знаній, но не вѣдалъ бы, что онъ былъ не далѣе, какъ въ протекшее мгновеніе. Если по смерти твоей память твоя не будетъ души твоея свойство, то можно ли назвать тебя тѣмъ же человѣкомъ, который былъ въ жизни? Всѣ дѣянія твои будутъ новы и къ прежнимъ не будутъ относиться, то что успѣешь, жилъ ли прежде или живъ будешь по смерти? Жизни сіи не суть единое продолженіе; онѣ прерываются. Жить вновь и не знать о томъ, что былъ, есть то же, что и не быть. Забвенное для насъ не существовало. Что не можно душѣ твоей сохранить памяти, о томъ читай многочисленные и убѣдительные примѣры въ книгахъ врачебныхъ. Памяти престолъ есть мозгъ; всѣ ея дѣйствія зависятъ отъ него, и отъ него единственно; мозгъ есть вещественность, тѣло гніетъ, разрушается. Гдѣ же будетъ память твоя? Гдѣ будетъ прежній *ты*, гдѣ твоя особенность; гдѣ личность? Вѣрь, по смерти все для тебя минуется, и душа твоя исчезнетъ.

„По смерти все ничто
И смерть сама ничто.
Ты хочешь знать то, гдѣ
Будешь по кончинѣ?
Тамъ будешь ты, гдѣ
Былъ ты до рожденья“.

Сенека, въ трагедіи „Троада“.

„И такъ, если мозгъ и глава нужны для мысленія, нервы для чувствованія, то какъ столь безразсудно мечтать, что безъ нихъ душа дѣйствовать можетъ? Какъ можетъ она быть, когда она ихъ произведеніе, а они къ разрушенію осуждены? Не токмо не можно вообразить себѣ, что есть такое вещество простое, нераздѣлимое, духъ, но и того вообразить нельзя, что̀ бы они были по разрушеніи, хотя бы и существовали".

„Вѣдай, что всякое состояніе вещества, какого бы то ни было, естественно предопредѣляется его предшедшимъ состояніемъ. Безъ того послѣдующее состояніе не имѣло бы причины къ своему бытію. И такъ предрожденное состояніе человѣка опредѣляло его состояніе въ жизни, а жизненное его состояніе опредѣляетъ, что онъ будетъ по смерти. До зачатія своего человѣкъ былъ сѣмя, коего опредѣленіе было развѣрженіе. Состояніе жизни пріуготовляло распложеніе и разрушеніе. Когда же жизнь прейдетъ, почто мечтать, что она можетъ продлиться? Человѣкъ вышелъ изъ сѣмени, и составъ его разсѣменится по сложенію стихій, его составлявшихъ. И если по справедливости заключить можемъ изъ состоянія человѣка до начатія его жизни о состояніи по скончаніи ея, то поелику онъ не имѣетъ воспоминанія, что существовалъ въ сѣмени, то не можетъ имѣть воспоминанія по смерти о томъ, что былъ въ жизни".

„И такъ, о смертный, оставь пустую мечту, что ты есть удѣлъ Божества! Ты былъ нужное для земли явленіе вслѣдствіе законовъ предвѣчныхъ. Кончина твоя приспѣла, нить дней твоихъ прервалася, скончалося для тебя время, и настала вѣчность!" ———

О, ты, доселѣ гласомъ моимъ вѣщавшій, тиранъ лютѣйшій, варваръ неистовый, хладнокровный человѣконенавидецъ, изыскательнѣе паче всѣхъ мучителей на терзаніе! Жестокостію твоею и звѣрствомъ ты превышаешь Тиверія, Нерона, Калигулу, всѣхъ древнихъ и новыхъ терзателей человѣчества! Чѣмъ свирѣпствовать могли они надъ без-

защитною слабостію? Могущество ихъ простиралось на мгновеніе токмо едино; владычество ихъ за жизнь не заграбляло. Терзанію, болѣзнямъ, изгнанію, заточенію, всему есть предѣлъ непреоборимый, за которымъ земная власть есть ничто. Едва духъ жизненный излетитъ изъ уязвленнаго и изможденнаго тѣла, какъ вся власть тирановъ утщетится, все могущество ихъ исчезнетъ, раздробится сила; ярость тогда напрасна, звѣрство ничтожествовать принуждено, киченіе смѣшно. Конецъ дней несчастнаго есть предѣлъ злобѣ мучителей и варварству осмѣяніе. Но ты, простирая алчнотерзательную твою десницу за кончину дней моихъ, не мгновеннаго лишаешь меня блаженства, не скоропретекающаго радованія, не веселія бреннаго и скоролетящаго. Подавляющая меня твоя рука тяжелѣе гнететъ увядающее сердце, нежели всѣ тяжести земныя, свинецъ и злато и чугунъ. Жестокосердый! Ты лишаешь даже надежды претертую злосчастіемъ душу, и лучъ сей единственный, освѣщавшій ее во тьмѣ печалей, ты погашаешь. Лишеннаго на землѣ утѣхъ, не ожидающаго веселія ни на мгновеніе уже едино, ты ограбляешь его надѣянія возродиться на радость и на воздаяніе добродѣтели, ты лишаешь его будущія жизни. Ужель гонители Сократа на равную съ нимъ участь осуждены? Ужель ничтожество есть жребій всѣхъ добродѣтельныхъ и злосчастныхъ?—Но откуда твое дерзновеніе, откуда власть твоя, откуда веселіе, разрушающее покой мой и надѣяніе? Или не вѣдаешь, что можетъ отчаяніе человѣка, лишеннаго семейства, друзей и всякія утѣхи? Не скроютъ тебя отъ карающія руки ни вертепы, ни лѣса дремучіе, ни пустыни! мщеніе тебя преслѣдуетъ, настигнетъ тебя, веселіемъ упоеннаго, и, отъемля у тебя даже средства въ утѣхѣ, радованію и упокоенію, исторгнетъ изъ сердца твоего болѣе самыя жизни. Я мысль даже въ тебѣ претру надежды будущаго, и вѣчность отлетитъ——но что успѣю я? О, тигръ! ты ея не чаешь!

КНИГА ТРЕТЬЯ.

Доселѣ, возлюбленные мои, я, собирая всѣ возможные и употребительные доводы, смертность души утверждающіе, старался дать имъ возможную ясность и поставить ихъ во всей ихъ блистательности и прелестности, дабы тѣмъ явнѣе могла быть ихъ слабая сторона, если она есть, и оказалось неправильное сужденіе, если гдѣ оно возгнѣздилось. Обтекши всю мысленность и тѣлесность человѣка и проникнувъ даже до незримыхъ началъ вещей, мы видѣли только то, что нужно было видѣть, дабы снискать доказательство предложенной задачи. Теперь возвратимся паки къ протекшему пути и соберемъ все, что найти можемъ на подкрѣпленіе противнаго мнѣнія и постараемся возстановить человѣчество въ ту истинную лучезарность, для коей онъ кажется быть созданъ. О истина! непреложный органъ Всевышняго! спусти на блуждающаго во мнѣніяхъ хотя единый лучъ предвѣчнаго твоего свѣта, да отлетитъ отъ меня блужденіе, и тебя да узрю!

Желающему вникать въ размышленія о смертности и безсмертіи человѣка, я бы нелицемѣрный подалъ совѣтъ стараться быть часто при одрѣ умирающихъ своею или насильственною смертію. А тому, кто самъ находился въ преддверіи вѣчности, имѣя полный и ненарушенный разсудокъ, тому въ совѣтъ бы я далъ въ сужденіяхъ своихъ о смертности и безсмертіи человѣка быть гораздо осто-

рожнымъ. Первый научиться бы могъ познавать, что есть смерть, другой, бывши ея близокъ, могъ бы разсужденія свои сопровождать внутреннимъ своимъ чувствованіемъ, ибо вѣрьте, въ касающемся до жизни и смерти, чувствованіе наше можетъ быть безобманчивѣе разума. А тотъ, кто ее не предчувствовалъ николи, хотя и можетъ иногда угадать то, что другой всею внутренностію ощущаетъ, но чаще, основавъ убѣжденіе свое на слышанномъ и изученномъ, онъ ему токмо изыскивать будетъ доказательства для убѣжденія другихъ въ томъ, въ чемъ самъ убѣжденъ былъ не чувствованіемъ, не разсудкомъ, а токмо, такъ сказать, наслышкою.

Я всегда съ величайшимъ удовольствіемъ читалъ размышленія стоящихъ на воскраіи гроба, на прагѣ вѣчности и, соображая причину ихъ кончины и побужденія, ими же вождаемы были, почерпалъ многое, что мнѣ въ другомъ мѣстѣ находить не удавалося. Не разумѣю я здѣсь воображенныя таковыя положенія, плодъ стихотворческаго изобрѣтенія, но истинныя таковыя положенія, въ коихъ, по несчастію, человѣкъ случается нерѣдко. Вы знаете единословіе или монологъ Гамлета Шекеспирова и единословіе Катона Утикскаго у Аддисона. Они прекрасны, но одинъ въ нихъ порокъ—суть вымышлены.

Посторонній, а не вы, можетъ меня вопросить вслѣдствіе моего собственнаго положенія: какое право имѣю я говорить о смерти человѣка?—Вопросъ не лишній! и я ему скажу... Но, друзья мои, вы дадите за меня отвѣтъ вопрошающему, а я возвращусь къ моему слову.

Вопросимъ паки, что есть смерть.—Смерть есть не что иное, какъ естественная перемѣна человѣческаго состоянія. Перемѣнѣ таковой не токмо причастны люди, но всѣ животныя, растенія и другія вещества. Смерть на землѣ объемлетъ всю жизненную и нежизненную естественность. Знаменіе ея есть разрушеніе. Итакъ, куда бы мы очей своихъ ни обратили, вездѣ обрѣтаемъ смерть. Но видъ ея угрюмый теряется предъ видомъ жизни; стыдящаяся кроется

подъ сѣнь живущаго, и жизнь зрится распростерта повсюду.

Но, дабы въ незыблемомъ паки утѣшеніи устремить взоры наши къ неизсякаемому источнику жизни и къ непрестанно обновляющемуся ея началу, отвратимъ око наше отъ жизни и прилѣпимъ его къ тому, что свойство смертности составляетъ. Въ изъясненіи, данномъ нами смерти, мы назвали ее перемѣною, и понеже смертная перемѣна есть общая въ природѣ, то разсмотримъ, что есть перемѣна вообще.

Вещь, говоримъ, перемѣняется, когда изъ двухъ противоположныхъ опредѣленій которыя въ ней произойти могутъ, одно перестаетъ, другое же начинаетъ быть дѣйствительнымъ; напримѣръ: темно и свѣтло, легко и тяжело, порокъ и добродѣтель. Итакъ, перемѣна вообще есть прехожденіе отъ одного противоположнаго опредѣленія вещи къ другому. Но изъ шествія природы явствуетъ, что во всѣхъ перемѣнахъ, въ оной случающихся, находится между противоположностями всегда посредство, такъ что если въ ней преходитъ что изъ одного состоянія въ другое, первому противоположное, то между сими двумя состояніями находится всегда третіе, или состояніе среды, которое не иное что быть кажется, какъ продолженіе перваго состоянія и измѣненіе вещи постепенное, доколѣ не дойдетъ она до состоянія противоположнаго. Но и сіе состояніе, поелику есть токмо послѣдствіе изъ предыдущаго, можно назвать продолженіемъ. Итакъ, утвердительно сказать можемъ, что будущее состояніе вещи уже начинаетъ существовать въ настоящемъ, и состоянія противоположныя суть слѣдствія одно другого неминуемыя. Если мы хотимъ сіе представить себѣ чувственно, то вообразимъ что-либо начинающее свое движеніе колообразно, которое, двигаяся въ одинаковомъ всегда отъ центра отдаленіи, движется до тѣхъ поръ, пока, дошедъ до того мѣста, откуда началося его движеніе, останавливается. Слѣдственно, между первою точкою, гдѣ началось движе-

ніе, которую назовемъ настоящимъ состояніемъ вещи, до той точки, гдѣ движеніе ея скончалося, которую назовемъ состояніемъ противоположнымъ, существуютъ столько состояній, чрезъ которыя вещь проходить имѣетъ, сколько суть въ окружности точекъ. Слѣдовательно, когда движеніе вещи началося отъ одной точки и быть долженствуетъ колообразно, то безъ препятствія особой силы движеніе вещи колообразное продолжится до точки послѣдней, слѣдовательно, послѣдняя точка есть произведеніе первой. Или желаете другой примѣръ. Возьмите яицо; вы знаете, что оно посредствомъ насиженія можетъ оживотвориться и быть птицею. Но виденъ ли въ яицѣ цыпленокъ, хотя не сомнѣваемся, что онъ въ немъ содержится? А если захотимъ преслѣдовать прехожденіе яица въ цыпленка и ежедневно будемъ наблюдать его, то увидимъ постепенное его приращеніе. Сперва окажется начало жизни—сердце, потомъ глава, потомъ станъ и другія части тѣла постепенно до того часа, какъ чрезъ 21 день, созрѣвъ на исшествіе, онъ проклюнетъ скорлупу яичную и, явяся предъ Создавшимъ свѣтъ живымъ уже существомъ, воскликнетъ аки бы: „се азъ на прославленіе Твое!“ Изъ сего примѣра усматриваете, сколько состояній пройти имѣетъ яицо, дабы быть цыпленкомъ. Изъ сего же видите, что всѣ сіи состоянія суть непрерывны и выходятъ одно изъ другого естественно. Слѣдственно, состояніе яица и цыпленка суть проистекающія одно отъ другого; слѣдственно, насиженіемъ изъ яица цыпленокъ выйдетъ, если въ томъ что не воспрепятствуетъ. Таково есть шествіе силъ естественныхъ, что онѣ, пріявъ единожды свое начало, дѣйствуютъ непрестанно и производятъ перемѣны постепенныя, которыя намъ по времени токмо видимы становятся. Ничто не происходитъ скокомъ, говоритъ Лейбницъ, все въ ней постепенно.

Изъ всего предыдущаго слѣдуетъ, что все перемѣняющееся не можетъ быть непремѣнно ни на единое мгновеніе. Ибо все перемѣняющееся (буде оно таково въ самой

вещи) имѣть долженствуетъ силу дѣйствовать или способность страдать, но дѣйствуя или страдая становится оно не то, что было. Итакъ, что можетъ воспятить стремленію перемѣны? Кто можетъ? Развѣ Тотъ, Кто далъ природѣ силу, Кто дѣйствіе ей далъ, движеніе и жизнь. Вообрази себѣ напряженіе всего, вообрази глубоко насажденную въ естественности дѣйствительность и вѣщай, что можетъ ей противостать. Катится время безпрерывно, усталости не знаетъ, шлетъ грядущее во слѣдъ протекшему, и все перемѣняющееся язляется намъ въ новый образъ облеченно.

О, мѣра теченія, шествія, премѣнъ и жизни! о, время! помедли, помедли на мгновеніе хотя едино! — —Се безразсудное желаніе многихъ, се желаніе внимающихъ гласу своихъ страстей и прихотей и отвращающихъ разсудокъ свой отъ познанія вещей. Но время, не внемля глаголу безумія, течетъ въ порядкѣ непрерывномъ. Нѣтъ ни единаго въ немъ мгновенія, которое бы возможно было себѣ представить опредѣленно, и нѣтъ двухъ мгновеній, коихъ бы предѣла ознаменовать возможно было. Не въ слѣдъ текутъ они одно другому, но одно изъ другого раждается и всѣ имѣютъ предѣлъ единъ и общій. Наималѣйшее мгновеніе раздѣлить можно на части, которыя всѣ свойству времени причастны будутъ; и нѣтъ двухъ мгновеній, гдѣ третіе вогнѣздить было невозможно. А поелику время есть мѣра дѣянію и шествію, то нѣтъ двухъ состояній вещи, между коими бы не можно было вообразить третіе, или, паче сказать, нѣтъ двухъ состояній, между которыми бы назначить можно было предѣлъ, ибо едва одно скончалося, другое уже существуетъ. И сіе шествіе столь стѣсненно, столь неразрывно, что мысль наша за нимъ идти можетъ токмо во слѣдъ, а не одинаковою высотою, ибо вообрази себѣ мгновеніе и состояніе вещи въ немъ, какъ оно уже претекло, и ты мыслишь уже въ другомъ мгновеніи, и вещь находится уже не въ томъ, въ коемъ о ней ты мыслить сталъ, и мгновеніе уже позади тебя.

Приложимъ сіе понятіе о перемѣнѣ къ смертности человѣка. Жизнь и смерть суть состоянія противоположныя, а умираніе средовое, или то состояніе, чрезъ которое скончавается жизнь, и бываетъ смерть. Мы видѣли, что во времени нѣтъ и быть не можетъ отдѣленія; мы видѣли, что и въ состояніяхъ вещи раздѣленія существеннаго нѣтъ, и когда движеніе началось, то непрерывно есть, доколѣ не скончается. И поелику перемѣна есть прехожденіе изъ одного состоянія въ противоположное ему чрезъ состоянія среднія, одно изъ другого раждающіяся, то жизнь и смерть, поелику суть состоянія противоположныя, суть слѣдствія одного другого, и можно сказать, когда природа человѣка производитъ, она ему готовитъ уже смерть. Сія есть слѣдствіе той и слѣдствіе неминуемое. И еслибы мы имѣли о вещахъ познанія нутрозрительныя, то бы сія великая перемѣна въ одушевленномъ, какъ то прешествіе отъ жизни къ смерти, намъ менѣе отдѣляющеюся казалася, нежели отдѣленія дня отъ нощи *), ибо и сіи существуютъ для того, что не можемъ имъ преслѣдовать. Но представь себѣ текущаго по поверхности земли къ западу ея, то-есть въ противную страну ея обращенія; представь шествіе свое шествію земли равно скорое, то, начавши теченіе свое во время, напримѣръ, полуденное, пребудешь въ полудни чрезъ цѣлыя сутки и, пришедъ паки на то мѣсто, откуда началось твое шествіе, найдешь паки время полуденное. Изъ сего примѣра видимъ, что перемѣны суть только для насъ столь отдѣленны въ прехожденіяхъ своихъ, а не суть таковы по существу вещи.

Итакъ, не безразсудны ли наши стенанія и вопль при умираніи человѣка, если мы знаемъ и если увѣрены, что, родившись единожды, умереть ему должно? Сколь справедливѣе было нѣкогда обыкновеніе рыдать при рожденіи младенца, по смерти же радоватися и разстаніе съ умерши-

*) Примѣры чувствъ. Увеличь взоры микроскопомъ, увидишь на рукахъ диры; въ чистой водѣ суть чудовища живыя (*Примѣч. автора*).

ми препровождать въ пиршествахъ и веселіяхъ. Когда неумолимая смерть простретъ на чело мое мразное свое покрывало, и узрите меня бездыханна, не плачьте, о, возлюбленные мои, не плачьте! Помыслите, что смерть уготована была при рождествѣ, что она неизбѣжна, что яко бдѣніе уготовляетъ сонъ, а сонъ уготовляетъ бдѣніе, то почто не мыслить, что смерть, уготованная жизнію, уготовляетъ паки жизнь?—Столь въ мірѣ все непрерывно. О возлюбленные мои! восторжествуйте надъ кончиною моею: она будетъ конецъ скорби и терзанію. Исторгнуты отъ ига предразсудковъ, помните, что бѣдствіе не есть уже жребій умершаго.

Поелику душа и тѣло находятся въ тѣснѣйшемъ союзѣ, какъ то явствуетъ изъ всѣхъ ихъ взаимныхъ дѣяній, то вѣроятно, что смерть или скончаніе жизни равно касается того и другого, и если смертію измѣняется тѣло, что видимъ изъ простого наблюденія, то должно думать, что измѣняется и душа, а поелику тѣлесности отторженная душа чувствамъ нашимъ подлежать не будетъ, то, что ей послѣдуетъ по отдѣленіи ея отъ тѣла, надлежитъ постигать единымъ разсудкомъ.

Опыты намъ показываютъ, что во всѣхъ органическихъ тѣлахъ суть три состоянія или время въ ихъ бытіи. Первое, когда органическое тѣло начинаетъ подлежать чувствамъ нашимъ, то есть рожденіе его и жизнь; второе, когда чувства наши не ощущаютъ въ тѣлѣ органическомъ жизненныхъ движеній, то есть смерть, и третіе, когда видъ и образъ органическаго тѣла измѣняются и отъ понятія чувствъ исчезаютъ—сіе называемъ разрушеніе, согнитіе. Но сіи состоянія суть для чувствъ нашихъ токмо отдѣленны, въ естественности же каждая изъ нихъ есть токмо звено непрерывной цѣпи перемѣнъ, то есть постепенныя развертенія и облеченія одной и той же вещи въ несчетные виды и явленія. Итакъ повторимъ, что жизнь и смерть и даже разрушеніе въ своей существенности не столь раздѣленны, какъ то кажется нашимъ чувствамъ: они суть

токмо сужденія нашихъ чувствъ о перемѣнахъ вещественныхъ, а не состоянія сами по себѣ. Се первый лучъ надежды, о, возлюбленные! да торжествуютъ несчастные! се смерть имъ предстоитъ, се конецъ терзанію, се жизнь новая!

За смертію тѣла слѣдуетъ его разрушеніе. По разрушеніи же тѣла человѣческаго части, его составлявшія, отходя къ своимъ началамъ, какъ то мы сказали прежде, дѣйствовать и страдать не престанутъ, ибо не исчезнутъ. Между бытія и небытія есть посредство вслѣдствіе того, что сказали выше: слѣдовательно, одно не есть слѣдствіе другого непосредственное; слѣдовательно, послѣ бытія небытіе существовать не можетъ, и природа равно сама по себѣ не можетъ ни дать бытія, ни въ небытіе обратить вещь, или ее уничтожить.

Душа, находяся въ тѣснѣйшемъ союзѣ съ тѣломъ, слѣдуетъ всѣмъ перемѣнамъ, съ тѣломъ случающимся, и, участвовавши въ веселіяхъ его и печаляхъ, въ здравіи его и болѣзни, достигнетъ постепенно до того мгновенія, когда тѣло умретъ. Но умретъ ли душа съ тѣломъ, и есть ли на сіе возможность? Буде умереть она долженствуетъ, то или всѣ силы ея и могущества, всѣ дѣйствія ея и страданія перестанутъ вдругъ, и она исчезнетъ въ одно мгновеніе, или, яко тѣло, подверженное тысячѣ перемѣнъ, испытаетъ она разныя образованія, и въ семъ послѣдствіи перемѣнъ будетъ эпоха, когда душа, измѣняся совсѣмъ, не будетъ душа болѣе и, яко тѣло, раздѣляяся на части, прейдетъ въ другія сложенія. Третіе кажется быть невозможнымъ, ибо природа, какъ то мы видѣли, ничего не уничтожаетъ, и небытіе или уничтоженіе есть напрасное слово и мысль пустая.

Обезпокоенные въ невозможности небытія, мы разсмотримъ вѣроятность разрушенія души.

Еслибы душа подвержена была всѣмъ перемѣнамъ, которымъ подвержено тѣло, то бы, какъ то мы сказали, можно было назначить мгновеніе, когда она совсѣмъ измѣнится и, яко тѣло, разрушаяся, не будетъ тѣло, такъ и

душа, теряя всѣ свои силы по-малу, распадется и не будетъ болѣе душа. Но когда имѣетъ быть сіе мгновеніе? Развѣ тогда, когда не нужна она болѣе тѣлу, въ коемъ испорченные органы, неспособные на содержаніе жизни, отчудятся и души, тогда развѣ душа исчезнетъ. Но мы видѣли, что тѣло не исчезаетъ, что нельзя почти сказать теперь: умираетъ животное, ибо видѣли, что рожденіе его смерть уже ему уготовляло и разрушеніе. Итакъ, развѣ душа, теряя по-малу свои силы, съ тѣломъ будетъ подвержена единому жребію. Когда тѣло здраво и въ крѣпости, равно и душа; тѣло изнемогло и заболѣло, равно и душа; тѣло умираетъ и распадается на части, что же будетъ съ душою? Орудія ея чувствованія и мысли разрушились, ей уже не принадлежатъ. весь составъ уже разрушился, но ужели въ ней все опустѣетъ, всѣ пропадутъ въ ней мысли, воображенія, всѣ желанія, склонности, всѣ страсти—все, и ни малѣйшаго слѣда не останется? Не можно сего думать, ибо не иное сіе бы было, какъ совершенное ея уничтоженіе. Но поелику силы природныя, какъ то мы видѣли, на уничтоженіе не возмогаютъ, то душа пребудетъ навсегда неразрушима, во-вѣки не исчезнетъ. И по истинѣ, какъ себѣ вообразить, какъ себѣ представить части души и неминуемое ихъ прехожденіе, преобразованіе (полагая, что онѣ суть)? Части тѣла разрушаются, раздѣляются на стихіи, изъ коихъ составлены были, которыя паки преходятъ въ другіе составы. Части тѣла могутъ по чредѣ быть земля, растеніе въ снѣдь животному, которое будетъ въ снѣдь человѣку; слѣдовательно, человѣкъ, умершій за нѣсколько лѣтъ прежде, будетъ частію существовать въ другомъ послѣдующемъ человѣкѣ. Но что будетъ изъ частей души? Какія суть стихіи ея сложенія, еслибы она сложенна быть могла? Куда прейдутъ сіи стихіи?—Не время еще отвѣтствовать на сіи вопросы, но можете видѣть, сколь отвѣты гадательны быть долженствуютъ.

— Слѣдствіе всего предыдущаго есть, что душа во-вѣки не разрушится, не исчезнетъ, что существовать будетъ во-

вѣки, ибо, какъ бы далеко небытіе отъ бытія ея ни отстояло, но таковое прехожденіе не можетъ основываться ни въ существѣ единыя вещи, ни въ существѣ сложенныхъ. Но если душа во-вѣки жива пребудетъ, то будетъ ли она страдать и дѣйствовать? Страдать и дѣйствовать для души есть мыслить, желать и чувствовать, ибо сіи суть дѣйствія и страданія мыслящаго вещества. Но какъ возможно душѣ, отъ тѣла отдѣленной, чувствовать и мыслить, ибо орудія чувствованія и мысли будетъ она лишена? Сіе такъ кажется. Но понеже душа уничтоженію не можетъ быть причастна, то мысль свойственна ей пребудетъ, какъ и бытіе, ибо, какое вещество то бы ни было, всякое дѣйствуетъ вслѣдствіе своихъ силъ и способностей, то неужели одна душа будетъ силъ лишена и, яко первобытная вещественность, недвижима и не дѣйствуяй?

Въ дополненіе вышесказаннаго присоедините и слѣдующее размышленіе. Что научаетъ насъ, что мы безъ чувственности не могли имѣть понятій, что сіи суть единственно произведенія ея, и что самыя отвлеченнѣйшія понятія первое начало свое имѣютъ въ чувственности? Отвѣтъ на сіе самый легкій и простой—учитъ тому насъ опытъ. Но какіе же имѣемъ мы опыты, чтобы заключить, что душа въ отдѣленности отъ тѣла будетъ лишенна чувствованія и мысли? Никакихъ, по истинѣ, не имѣемъ и имѣть не можемъ, то и заключеніе наше о семъ неправильно будетъ, и мы отрицать станемъ силу въ природѣ потому только, что она намъ неизвѣстна. Точно бы такъ сіе было, еслибы житель Египта, видя всегда зыбкую поверхность Нила, заключалъ, что невозможно вообще, чтобы поверхность воды твердѣла. Сколь сіе сужденіе нелѣпо, участвующимъ жаркаго и мразнаго небеснаго пояса внятно. Но оно основано на существѣ вещей и понятій нашихъ, отъ опытовъ происходящихъ. Такъ и мы, заключая о безмысліи души въ отдѣленіи ея отъ тѣлесности, заключимъ сходственно понятій нашихъ, въ опытности почерпнутыхъ, но истинность заключенія сего можетъ равняться

заключенію жителя Египта о невозможности замерзанія водъ.

Изъ всего вышеписаннаго если не можно намъ заключить съ увѣреніемъ, что душа безсмертна, если въ доводахъ нашихъ нѣтъ очевидности, то могло бы, можетъ быть, для любящихъ добродѣтель найтися что-либо убѣдительное, дающее доводамъ перевѣсъ побѣдоносный. Но изъ самыхъ доводовъ раждаются возраженія, которыя, оставшись безъ отвѣта, могутъ почтены быть доказательствами противоположности того, что доказать стараемся. Еслибы одна была возможность, что душа есть вещество само по себѣ, то убѣжденіе изъ того послѣдовало бы очевидное. Но доколѣ не опровергнутся, столь же вѣроятностію почтется и то, что душа или то, что мысленнымъ существомъ называемъ, есть свойство искусно сложеннаго тѣла, подобно какъ здравіе или жизнь суть свойства тѣлъ органическихъ. И сіе возраженіе тѣмъ сильнѣе кажется, что оно осязательно быть зрится, а потому требуетъ прилежнѣйшаго разсмотрѣнія и опроверженія яснѣйшаго и ни малѣйшаго по себѣ сомнѣнія не оставляющаго.

Что обрѣтаемъ мы въ сложенномъ? Не то ли, что вещи, которыя въ нѣкоторомъ находились отдаленіи, соблизятся? Не то ли, что вещи, которыя находилися въ раздѣленіи, сообщаются, вступаютъ въ союзъ и составляютъ цѣлое, сами становятся составительными его частями? Изъ сего сопряженія раждается: 1, нѣкоторый порядокъ въ образѣ сложенія составительность частей; 2, силы [1]) и дѣйствительныхъ частей чрезъ то измѣняются, ибо въ дѣйствіи новаго сложенія то препинаемы, то споспѣшествуемы или перемѣняемы въ направленіи своемъ. Но можетъ ли въ цѣлости сложеннаго явиться новая сила, которыя начало не находилося бы въ дѣйствительности составляющихъ его частей? Невозможно, по истинѣ невозможно. Еслибы всѣ части, всѣ начала, всѣ стихіи вещественности

---

[1]) Въ подлинникѣ „сила“. Выше „составительность“ вм. „составительныхъ“?

были бездѣйствующи и въ покоѣ бы находилися смертномъ, то сколь бы сложеніе ихъ искусственно ни было, сколь бы ни изящно, погрязши въ недѣйствіи и неподвижности пребыли бы навсегда мертвы, не возмогаяй на произведеніе движенія, отраженія или какія-либо силы. И сіе положеніе хуже было бы хаоса древняго, еслибы быть ему возможно; нощь вѣчная была бы ея сопутница, и смерть—свойство первое.

Однако же примѣчаемъ мы въ сложеніи цѣлаго благогласіе или согласіе, соразмѣрность, хотя въ частяхъ его нѣтъ ни того, ни другого. Напримѣръ, звукъ одинаковый благогласія не имѣетъ, но сложеніе многихъ нерѣдко производитъ наивелелѣпнѣйшее. Стеклянный колоколъ, на которомъ мокрый перстъ движется, едва ли, кажется, производитъ скрыпъ, но кто слыхалъ гармонику, тотъ вѣдаетъ, колико внутренность вся отъ игры ея потрясается. Кирпичъ, камень, кусокъ мрамора и мѣди какую имѣютъ правильность, какую соразмѣрность? Но взгляни на храмъ Св. Петра въ Римѣ, взгляни на Пантеонъ, и не почувствуешь ли, что и мысль твоя изящною соразмѣрностію сихъ зданій благоустрояется? Но причина сего чувствованія явствуетъ изъ того, что уже сказали. Благогласіе, соразмѣрность, порядокъ и все тому подобное не могутъ безъ различія быть понимаемы, ибо они не что иное значатъ, какъ отношеніе разныхъ чувствованій между собою въ томъ порядкѣ, какъ они намъ предлежали. Итакъ, къ симъ понятіямъ принадлежитъ сравненіе разныхъ чувствованій, которыя вообще составляютъ цѣлое, частямъ особенно не принадлежа. Могло ли бы родиться благогласіе, еслибы каждый звукъ не оставлялъ по себѣ впечатлѣнія? Могла ли бы быть соразмѣрность, еслибы каждая оныя часть не дѣйствовала на органъ глазной? Не можно сего и вообразить, ибо дѣйствительность въ цѣломъ не можетъ возродиться, если начало ея не въ частяхъ находится. Итакъ, во всякомъ сложенномъ замѣчать нужно: 1, послѣдованіе и порядокъ частей составительныхъ въ пространствѣ или времени; 2,

сопряженіе начальныхъ силъ и порядокъ, въ которомъ онѣ являются въ ихъ сложеніи. И хотя въ сопряженіи своемъ силы ограничиваются взаимно, измѣняются, уничтожаются или паче препинаются, никогда изъ сложенія, какое бы оно ни было, сила возродиться не можетъ. Равно, какъ бы кто, смѣшивая синюю краску съ желтою, ожидалъ бы явленія не зеленой, но красной. Частицы синія и желтыя измѣнилися, но въ зеленомъ онѣ суть присносущны, а красное явиться бы не могло, ибо красныя частицы суть другого совсѣмъ существованія.

Итакъ, заключеніе извлекая изъ предыдущаго, сказать можно: если душа наша или мыслящая сила не есть вещество само по себѣ, но свойственность сложенія, то оная происходитъ подобно благогласію и соразмѣрности изъ особаго положенія и порядка частей, или же, какъ сила сложеннаго, которая начало свое имѣетъ въ дѣйствительности частей, цѣлое составляющихъ. Третьяго, кажется, мыслить нельзя.

Благогласіе, какъ то мы видѣли, проистекаетъ изъ сравненія простыхъ звуковъ, а соразмѣрность изъ сравненія разныхъ неправильныхъ частей, ибо не имѣютъ ни одинаковые звуки благогласія, ни отдѣленныя части соразмѣрсти, слѣдовательно, благогласіе и соразмѣрность основаніе свое имѣютъ въ сравненіи. Но гдѣ въ природѣ существуетъ оно, гдѣ можетъ существовать, развѣ не въ душѣ? Что есть оно, развѣ не дѣйствіе мысленныя силы, и можетъ ли оно быть дѣйствіе чего другого? Нигдѣ всемѣрно, ибо звуки сами по себѣ слѣдуютъ токмо одинъ за другимъ; въ строеніи камни лежатъ токмо одинъ возлѣ другого, существуя каждый въ своей особенности, имѣя бытіе отдѣленное, а благогласіе и соразмѣрность суть принадлежности мысли, понятія отвлеченныя и безъ мысли бытія не были бы причастны *). Но не токмо благо-

*) Пантеонъ равенъ бы былъ Ивану Великому, еслибы не было разумнаго вещества (*Примѣчаніе автора*).

гласіе и соразмѣрность, но красота, изящность всякая и самая добродѣтель не иначе, какъ въ сравненіи, почерпаютъ вещество свое и живутъ въ мысли.

Скажите, можно ли изъ дѣйствія какой-либо вещи истолковать ея происхожденіе, и можетъ ли причина, вещь произведшая, понимаема быть изъ дѣйствія вещи или въ немъ существовать? Видя тѣнь протяженную непрозрачнаго тѣла, можемъ ли что-либо заключить о причинѣ, тѣло произведшей, или сказать, что она есть вина существованію тѣла? Такъ и все, что есть дѣйствіе сравненія, не можетъ почесться причиною, оное производящею. Если сказать можемъ, что насвистъ снѣгиря или пѣсня канарейки родили канарейку и снѣгиря, то и соразмѣрность, порядокъ, красота суть сами по себѣ, а не произведенія сравненія. Заключимъ, возлюбленные мои, не обинуюся, что поелику всѣ вышесказанныя свойства суть произведенія сравненія, а сравненіе предполагаетъ сужденіе, а сіе разсудокъ и мысль, то все, что есть произведеніе сравненія, не можетъ иначе быть, какъ въ силѣ мыслящей, и въ ней токмо одной; итакъ, все сложенное, поколику къ сравненію относится, начало свое имѣетъ въ мысленной силѣ. Засимъ возможно ли, чтобы мысленная сила, причина, вина и источникъ всяческаго сравненія,—возможно ли, чтобы она была дѣйствіе самой себя, чтобы была, какъ соразмѣрность или благогласіе, чтобы ея цѣлость состояла изъ частей, лежащихъ одна внѣ другой? ибо все сіе дѣйствіе мысли предполагаетъ и не иначе можетъ пріять дѣйствительность, какъ чрезъ нее. Итакъ, поелику всякое цѣлое, состоящее изъ частей, одна внѣ другой находящихся, предполагаетъ сихъ частей сравненіе, поелику сравненіе есть дѣйствіе силы мысленныя, то не можно силу сію приписывать цѣлому, изъ частей состоящему, ибо сказать сіе то же будетъ, если скажемъ, что вещь происходитъ отъ своего собственнаго дѣйствія. Нелѣпость сія столь велика, что дальнѣйшее о семъ распложеніе не что иное, какъ скуку навлечь можетъ.

Вторая и послѣдняя возможность, что душа, или мыслящее существо, проистекаетъ отъ сложенія тѣлесныхъ органовъ, состоитъ, какъ то видѣли, въ томъ, что она есть сила или дѣйствительность сложеннаго. Дадимъ себѣ сіе въ задачу и разсмотримъ оныя существенность, а потому и истинность.

Дѣйствительность, или сила сложеннаго, основаніе свое имѣетъ въ силахъ, составляющихъ частей его. Напримѣръ, шаръ Монгольфьеровъ имѣетъ силу вознести человѣка превыше облаковъ, превыше области грома и молніи, но еслибы оный не былъ наполненъ веществомъ легче воздуха, нижнюю атмосферу наполняющаго, еслибы не былъ сдѣланъ изъ ткани, для вещества сего непроницаемой, еслибы количество его не было соразмѣрно подъемлемой имъ тяжести, то не могъ бы онъ вознестися, не могъ бы сдѣлать то дѣйствительнымъ, что до того времени едва ли возможнымъ почитали. Слѣдовательно, сила цѣлаго, или сложнаго, проистекаетъ изъ дѣйствительности частей его. Силы же частей, цѣлое составляющихъ, или сходствуютъ съ силою цѣлаго, или съ оною суть несходственны. Что такое силы частей, сходствующія съ силою цѣлаго, довольно ясно. Напримѣръ, возьми свѣтильникъ, сплетенный изъ десяти свѣщей, изъ коихъ каждая имѣетъ свѣтильню отдѣленную. Въ сложеніи своемъ свѣтильникъ даетъ свѣтъ, но свѣтъ сей происходитъ отъ того, что каждая свѣтильня горитъ. Раздѣли свѣщи, онѣ дадутъ каждая свѣтъ, сложи ихъ, дадутъ всѣ свѣтъ совокупно, но онъ будетъ сильнѣе. Но здѣсь не разсуждается о усугубленіи великости силъ, а о ихъ сходственности. Взгляни на Кулибинскій реверберъ: горитъ предъ нимъ одна лампада, а вдавленная за нимъ поверхность отражаетъ ея свѣтъ [1]). Но сіе отраженіе составлено изъ отраженія всѣхъ зеркальныхъ стеколъ, реверберъ составляющихъ. Возьми одно изъ сихъ стеколъ – оно свѣтъ отразитъ; составь всѣ вмѣстѣ, они также свѣтъ

[1]) Рефлекторъ.

отразятъ, но многочисленно: все будетъ свѣтъ, но ярче. Но мы разсуждаемъ, повторю, о сходственности силъ, а не о великости ихъ. Итакъ, силы частей могутъ съ силою цѣлаго быть сходственны или же силы частей не сходствуютъ съ силою цѣлаго и суть отъ нея отличны. Примѣръ благогласія, происходящаго отъ единственныхъ и по себѣ особыхъ звуковъ и въ особенности своей ничего опричь простого звука не производящихъ, можетъ здѣсь быть въ объясненіе. Слыхали ли вы, любезные мои, роговую егерскую музыку, которыя изобрѣтатель у насъ былъ Оберъ-егермейстеръ Нарышкинъ, и которая въ дѣйствіи своемъ съ церковными органами столь можетъ быть сходственна? Вамъ извѣстно, что она исполняется посредствомъ охотничьихъ роговъ. Каждый рогъ производитъ одинъ звукъ, и нерѣдко звукъ весьма грубый, но искусствомъ доведено, что хоръ роговой можетъ играть разныя музыкальныя сочиненія. И столь ясно дѣйствіе, отъ общихъ роговыхъ звуковъ происходящее, что буде находишься очень близко того мѣста, гдѣ на нихъ играютъ, то вмѣсто благогласія слышны почти нестройные звуки. Удались отъ нихъ: зыбленіе воздуха, становяся плавнѣе въ отдаленіи, отъемлетъ грубость роговыхъ звуковъ, и благогласіе явно. Сіе можетъ служить примѣромъ, поколику сила цѣлаго не сходствовать можетъ съ силами частей. Сіе правило можетъ имѣть сотичныя приложенія, и примѣры оному могутъ быть многочисленны.

Вслѣдствіе сего скажемъ: силы частей, изъ коихъ происходитъ сила мыслящая, суть съ нею сходственныя, то есть такъ же, какъ и она, суть силы мысленныя, или же онѣ съ нею не сходствуютъ, то есть, что силы частей, коихъ сила мысленная есть произведеніе, суть другого существа и не мысленны. Третіе посредство кажется быть невозможно. Но мы видѣли прежде, что всякое цѣлое происходитъ отъ сравненія, отъ соображенія мыслящаго существа и существовать можетъ только въ немъ, ибо части суть сами по себѣ, силы частей суть сами по себѣ,

существуя въ своей особенности, дѣйствуя каждая сама по себѣ, но въ сложенiи измѣняяся токмо и ограничиваяся взаимнымъ дѣйствiемъ, сохраняя однако же начальную свою свойственность. Упражняющимся въ химiи довольно извѣстно, что соль кислая съ солью алкалическою есть качества совсѣмъ отмѣннаго; произведи изъ нихъ смѣшенiе, то выйдетъ изъ нихъ совсѣмъ соль новая или соль средняя, и хотя дѣйствiе соли средней не есть дѣйствiе соли кислой, ни соли алкалической, однако она сохраняетъ въ смѣшенiи своемъ начальное свое происхожденiе, заимствуя свойства обѣихъ солей. Итакъ, невозможно, чтобы сила новая въ цѣломъ произошла единственно отъ дѣйствiя взаимнаго силъ частныхъ. Но если таковая сила новая и отъ частныхъ силъ отличная должна понимаема быть въ цѣломъ, то нужно, чтобъ было мыслящее существо, которое оную составило изъ сравненiя или соображенiя частныхъ силъ. Примѣръ выше приведенный о смѣшенiи краски синей съ желтою сiе объяснитъ. Увеличивательное стекло показываетъ ихъ особенными и въ самомъ ихъ смѣшенiи, но глазъ въ смѣшенiи семъ зритъ зеленость. Таковыхъ примѣровъ можно изъ чувственности нашей почерпнуть несчетное количество. Итакъ, поелику происхожденiе силы цѣлаго, не сходствующей съ силами частей, предполагаетъ сравненiе или соображенiе, а сiи предполагаютъ существо мыслящее, то слѣдуетъ, что сила мысленная не можетъ проистекать изъ частей, таковой же силы не имѣющихъ: слѣдуетъ, что сила мыслящая въ цѣломъ или сложенномъ должна проистекать изъ частей, силами равными одаренныхъ, т. е. изъ силъ мыслящихъ. Сiе будетъ предлогъ нашего разысканiя.

Сiе мнѣнiе, что мысленная сила, а потому и чувственная, есть произведенiе частей, съ нею сходствующихъ, при первомъ взглддѣ покажется вѣроятнымъ, ибо, 1, пребыванiя чувствъ нашихъ суть различны. Очи видятъ, уши слышатъ, языкъ вкушаетъ, носъ обоняетъ, осязанiе распростерто по всей поверхности тѣла. 2, Когда враждебное

орудіе уязвитъ руку, боль чувствую въ рукѣ; когда огонь приближится ногѣ моей—въ ней жженіе чувствую; когда яства вкушаю, пріятность оныхъ чувствуема въ моей гортани; воздухъ благорастворенный, растягивая легкое безъ раздиранія, даетъ чувствованіе пріятное; любовное услажденіе чувствуемо наипаче въ органахъ, на даяніе жизни устроенныхъ. 3, Мы чувствуемъ, что мысль наша пребываніе имѣетъ въ головѣ, и опытами знаемъ, что разстроенный мозгъ раждаетъ разстроенный разсудокъ, но мозгъ есть тѣло сложное, имѣющее части, слѣдовательно, и мысли могутъ находиться въ немъ частно. Вслѣдствіе сего опытъ учитъ, что чувствіе распростерто по всѣмъ членамъ, а умствованіе скажетъ, что и мысль также распростерта. Но рука, отъ туловища отдѣленная, носъ отъ главы отъятый, что чувствуютъ? Но были примѣры, что и безъ руки рука была чувствуема. Не обоняемъ ли часто то, что отъ насъ отдаленно? Воззри на предстоящій тебѣ предлогъ, зажмурь потомъ глаза: не зришь ли его предъ собою? Отдѣленный отъ васъ, о возлюбленные мои, на цѣлую четверть окружности земного шара, когда захочу васъ видѣть, воззову изъ внутренности мысленнаго хранилища образы ваши, я зрю васъ предъ собою, бесѣдую съ вами. Правда, се мечта, но глубоко она во мнѣ насажденна, и, отдаленный, я живу съ вами.

Разсудимъ еще и сіе. Въ душѣ нашей находится несчетное количество понятій, познаній, склонностей, страстей, которыхъ безпрестанная дѣятельность упражняетъ насъ безпрестанно. Гдѣ находятся онѣ? Въ коихъ частяхъ тѣла лежатъ разсѣянны? Или находятся раздѣленны иныя тамъ, иныя индѣ, воспрянувъ единожды и никогда не повторяемы, или же всѣ онѣ въ единую часть собираются, сопрягаются и составляютъ связь? Одно изъ двухъ: или каждая часть тѣла имѣетъ силу мыслящую, слѣдственно, столько въ человѣкѣ мыслящихъ силъ, сколько въ немъ членовъ или паче стихійныхъ началъ, или же она есть едина. Если силы сіи многочисленны, пускай каждая изъ

нихъ душа есть совершенная, то нужно, чтобы всѣ сіи разсѣянныя души свои понятія и чувствованія относили въ единую среду, дабы составлялося цѣлое, а безъ того разсѣянныя вездѣ одна къ другой не будетъ принадлежать, мысль не будетъ слѣдовать мысли, ни заключеніе изъ посылокъ; не возможемъ мы ни воспоминать, ни сравнивать, ни разсуждать; одни могутъ быть понятія, но и то всякое по себѣ, отдѣленно, особенно, не входя ни въ какую связь, и человѣкъ сего мгновенія не будетъ вѣдать, тотъ ли онъ, что былъ за одно мгновеніе. Онъ не будетъ нынѣ то, что былъ вчера. Итакъ, нужно, чтобы для составленія нашея единственности, нужно, чтобы была въ насъ единая мысленная сила, и при томъ нераздѣлимая, непротяженная, частей не имѣющая, ибо если въ ней подозрѣваемы хотя будутъ части, то паки выйдетъ разгласіе частей, единую среду требующихъ; нужно паки прибѣгнуть къ тому, нѣчто соображающему, соединяющему въ едино, что частями производимо, дѣйствуемо, чувствуемо, мыслимо. Слѣдовательно, стремяся въ противную стезю, мы обрящемъ себя тамъ, гдѣ были прежде. И что претитъ намъ, да назовемъ сіе существо, особеность нашу составляющее, сію силу нашей мысленности, сіе могущество, соединяющее во едино наши понятія, склонности, желанія, стремленія, сіе существо простое, несложное, непротяженное, сіе существо, извѣстное намъ токмо жизнію, чувствованіемъ, мыслію,—что претитъ, да существо сіе назовемъ душою?

Не можно, друзья мои, не можно послѣ всего сказаннаго усомняться болѣе, чтобы душа въ человѣкѣ не была существо само по себѣ, отъ тѣлесности отличное, дающее ему движеніе, жизнь, чувствованіе, мысль. Она такова и есть въ самомъ дѣлѣ—проста, непротяженна, нераздѣлима, среда всѣхъ чувствованій и мыслей, словомъ, есть истинно душа, то есть существо, отъ вещественности отмѣнное, и хотя между сими двумя и есть сходствія (дѣйствіе ихъ взаимное то доказываетъ), но силы, извѣстныя намъ, одной суть отъ силъ другой отличны. А хотя бы кто еще и

хотѣлъ назвать душу вещественною, то сіе будетъ напрасное слово: вещь сама въ себѣ, и то, что составляетъ мысль, что особенность каждаго изъ насъ составляетъ, наше внутреннее *я* пребудетъ ни сила магнитная, ни сила электрическая, ни сила притяженія, но нѣчто другое. А хотя бы она была въ источникѣ своемъ съ ними одинакова, то, проходя въ тѣлѣ органическомъ, въ тѣлѣ человѣка, проходя столь искусственные его органы, столь къ усовершенствованію способна, что въ соединеніи съ тѣломъ она является силою лучше всѣхъ другихъ извѣстныхъ силъ, паче всѣхъ, лучше всѣхъ, а какова можетъ быть, усовершенствовавшись въ тѣлесности нашей, то едва намъ понимать возможно. И какъ бы то ни было, всегда нужно мыслящее существо, чтобы было понимаемо протяженное и образованное; понимающее предшествуетъ всегда понимаемому, мысленное идетъ во слѣдъ мыслящему; нужно мыслящее существо для составленія цѣлаго; безъ мыслящаго существа не было бы ни прошедшаго, ни настоящаго, ни будущаго; не было бы ни постепенности, ни продолженія; исчезло бы время, пресѣклося бы движеніе, хаосъ возродился бы ветхій, и паки бы настала вѣчность.

Для ищущаго истину нелицемѣрно, доказательства о безсмертіи души могутъ распложаться по мѣрѣ желанія его познать сіе таинство, ибо они разсѣяны вездѣ, и можно сказать, что вся природа свидѣтельствуетъ о безсмертіи человѣка. Но паче всего онъ въ себѣ носитъ не токмо доводы и доказательства, что въ смерти не есть его кончина, но онъ о истинѣ сей имѣетъ убѣжденіе, убѣжденіе столь сильное, что за слабостію умственныхъ доказательствъ оно одно становится для него увѣреніемъ. А хотя и не имѣетъ онъ о безсмертіи своемъ маѳематическія ясности, но гласъ внутренняго его чувствованія, но столь явная его личность, столь единственное его *я*, отъ всего въ немъ отдѣленное и все въ себя собирающее, едва ли о семъ, столь многимъ распрямъ подверженномъ предложеніи, едва ли не рождаетъ въ немъ очевидность.

Доселѣ доводы мои были просто метафизическіе, единственно умозрительные, основанные на общемъ разсмотрѣніи веществъ, и хотя для кого-либо изъ васъ убѣдительными быть могутъ, для другихъ они покажутся слабы. Я самъ знаю, чувствую, что для убѣжденія въ истинѣ о безсмертіи человѣка нужно нѣчто болѣе, нежели доводы умственные, и по истинѣ касающееся до чувствованія, чувствованіемъ должно быть подкрѣпляемо. Когда человѣкъ дѣйствуетъ, то ближайшая причина къ дѣянію его никогда есть умозрительна, но въ чувствованіи имѣетъ свое начало, ибо убѣжденіе наше о чемъ-либо рѣдко существуетъ въ головѣ нашей, но всегда въ сердцѣ. Итакъ, для произведенія убѣжденія о безсмертіи человѣка нужны чувственные и, такъ сказать, сердечные доводы, и тогда, увѣривъ въ истинѣ сей разумъ и сердце, увѣреніе наше о ней тѣмъ будетъ сильнѣе, тѣмъ будетъ тверже. Но прежде нежели мы обратимъ взоры наши на самихъ себя для отысканія доводовъ о безсмертіи нашемъ, обозримъ окомъ любопытнымъ всю окрестъ насъ лежащую природу, соберемъ разсѣянные ея виды, о безсмертіи человѣка увѣряющіе, потомъ, сошедъ во внутренность нашу, положимъ вѣнецъ нашему разсужденію.

Воззри на все, окрестъ тебя живущее, простри любопытство твое и на то, что мы почитаемъ неодушевленнымъ: отъ камени, гдѣ, кажется, явственна единая сила сцѣпленія, гдѣ части, прилѣпленныя одна къ другой, существуютъ, какъ будто одна близъ другой токмо положены,— отъ камени до человѣка, коего составъ столь искусственъ, въ коемъ стихіи являются въ толико различныхъ сложеніяхъ, въ коемъ всѣ дѣйствователи, въ природѣ извѣстные, суть сложенные во едино, являютъ организацію превыше всего, чувствамъ нашимъ подлежащаго; въ коемъ явны кажутся быть силы, вещественность превышающія и дѣятельностію своею, скромностію и энергіею участвующіе силѣ всезиждущей; отъ камени до человѣка явственна постепенность, благоговѣйнаго удивленія достойная, явствен-

на сія лѣствица веществъ, древле уже познанная, на коей всѣ роды оныхъ единъ отъ другого столь мало, кажется, различествуютъ, что единаго другому собратнымъ почесть можно съ увѣреніемъ; лѣствица, на коей гранитъ, рубинъ и адамантъ, желѣзо, ртуть и злато суть единородны алою, тюльпану, кедру, дубу; гдѣ по чредѣ сіи суть братія мотыльку, змiѣ, орлу, жаворонку, овцѣ, слону, человѣку; лѣствица, на коей кристаллизація и минерализація заимствуютъ уже силы растительной, на коей кораллъ, губа, мохъ различествуютъ токмо утробою, въ ней же заграждаются; лѣствица, на коей сила растительная, расширяя въ другомъ сложеніи свою энергію, преходитъ по-малу въ раздраженность, а изъ сея въ чувствительность, гдѣ чувственница и полипъ содѣйствуютъ; лѣствица, гдѣ чувствительность, распложаяся въ чувственности, совокупляется съ умственною силою; гдѣ орангъ-утангъ и пешери кажутся быть единоутробны: потомъ всѣ силы сіи, тѣсняся воедино и расширивъ свою энергію, отверзаютъ уста въ человѣкѣ на глаголаніе и, влеча его насильственно въ общественное сожитіе, дѣлаютъ его способнымъ постигать даже вселенныя Зиждителя. О, смертный! воззри на свою тѣлесность! ты еси земля, прахъ, сложеніе стихій, коего дивность толика же въ камени, какъ и въ тебѣ! трупъ твой, столь благолѣпый въ жизни, жизненныя искры лишенный, есть снѣдь червію и участокъ согнитія и разрушенія. Но воззри на разумъ свой всеобъемлющій,— алтарь тебѣ готовлю: ты Богъ еси! Итакъ, двухъ конечныхъ свойствъ заимствуя, вознесися превыше всея твари, надъ нею же поставленъ, но не мечтай на земли быти болѣе. нежели еси. Но ты человѣкъ, есть въ тебѣ надежда, и се степень къ восхожденію; ты совершенствуешь и можешь совершенствовати паче и паче, и что тебѣ быть опредѣлено, гадай!

Если сія постепенность, если сія лѣствица восхожденія въ веществахъ не есть пустой вымыселъ и напрасное воображеніе, то неминуемо надлежитъ предполагать веще-

ства превыше человѣка и силы невидимыя. Отъ самаго неодушевленнаго даже до человѣка образы организаціи возрастаютъ, и по мѣрѣ искусственнѣйшаго образа многообразнѣе становятся въ немъ дѣйствующія силы, но далѣе человѣка, изящнѣе и искусственнѣе его сложенія мы не знаемъ. Онъ кажется быть вѣнецъ сложеній на земли. Но сіи сложенія, сколь они ни кажутся быть различны, имѣютъ сходственность удивительную. Во всѣхъ трехъ царствахъ растеніе и соблюденіе твари есть усвоеніе, да и самое питаніе въ животныхъ не что есть иное, какъ усвоеніе; во всѣхъ трехъ царствахъ различіе половъ кажется быть для распложенія необходимымъ, и что сіе различіе въ царствѣ ископаемыхъ нужно, кажется, зарожденіе селитры и металловъ суть тому доказательства. Но сіи сходственности вообще возрастаютъ, такъ сказать, постепенно къ совершенствованію отъ неодушевленнаго даже до человѣка, и если захочешь преслѣдовать единую изъ начинающихся силъ и обрабатываніе ея въ различныхъ организаціяхъ, то, взявъ въ примѣръ единое усвоеніе, увидишь, что въ ископаемыхъ производитъ она охрусталеніе, не говоря о другихъ ея дѣйствіяхъ: въ растеніяхъ цвѣты и плодъ, въ животныхъ органы чувственные, органъ мысли, мозгъ. Вообрази же разстояніе кристалла отъ органа разума и помысли, что можетъ единой изъ силъ естества.

Восхожденіе сіе явно во всѣхъ сложеніяхъ. Чѣмъ сложеніе искусственнѣе, тѣмъ части, его составляющія, многообразнѣе, различнѣе и болѣе заимствующія отъ нижнихъ сложеній. Всѣ возможныя силы, сколь намъ онѣ извѣстны, соединены въ человѣкѣ и дѣйствуютъ совокупно: въ камени примѣчается простое усвоеніе, въ растеніяхъ сила растущая и плодящаяся; въ животныхъ и то и другое, но паче чувствительность, мысль, а человѣкъ познаетъ уже первую всему причину. Но неужели человѣкъ есть конецъ творенію? Ужели сія удивленія достойная постепенность, дошедъ до него, прерывается, остановляется, ничтожествуетъ? Невозможно! и еслибы другихъ не было при-

чинъ, то и для того только сіе было бы невозможно, что человѣкъ тѣлесностію своею столь много различествуетъ отъ умственности своей, что, находя одной его половинѣ сходственность съ веществами нисходящею, нельзя не утверждать бытіе восходящей сходственности съ другою его половиною.

Увѣреніе наше, что человѣкъ въ настоящемъ своемъ видѣ не есть организаціи окончаніе, что есть существо двуестественное, увѣреніе сіе, почерпнутое изъ постепенности видовъ организаціи, почерпнутое также изъ постепенности въ сложеніи естественныхъ силъ, получитъ немалое подкрѣпленіе, если мы разсудимъ, вождаяся въ томъ прилежнымъ природы наблюденіемъ, что, 1, никакая въ природѣ сила не дѣйствуетъ безъ органа, безъ свойственнаго ей орудія; 2, что никакая сила въ природѣ не можетъ пропасть, исчезнуть, а если въ томъ и въ другомъ послѣдовать можетъ убѣжденіе, то явственно будетъ, 1, что въ человѣкѣ есть сила, которая тѣла его есть токмо орудіе; 2, что сила сіе и по разрушеніи тѣла не уничтожается, что можетъ всегда существовать, можетъ жить отъ тѣла отдѣленна, слѣдовательно, что она есть безсмертна.

Что сила не есть органъ и, наоборотъ, что сила не есть дѣйствіе органа, что сила безъ орудія, ей свойственнаго, намъ не можетъ быть извѣстна, что сила существуетъ безъ органа, все сіе доказываетъ опытъ. Напримѣръ, сила магнитная отлична отъ куска стали, чрезъ который явны намъ ея дѣйствія, ибо, соверши извѣстные съ оною силою опыты, выставь завостренное желѣзо перпендикулярно, оно будетъ магнитъ; ударь по острію, магнитную силу имѣющему, она въ немъ исчезаетъ; три его паки въ одинаковое направленіе, и паки пріобщится къ нему прежняя сила. Изъ сихъ опытовъ явствуетъ, 1, что сила магнитная существуетъ намъ невидимо и въ желѣзѣ; 2, что она намъ явна бываетъ токмо тогда, когда приходитъ въ желѣзо; слѣдуетъ 3, что желѣзо есть органъ силы магнитныя, а не дѣйствіе его; слѣдуетъ 4, что сила магнитная есть сама по себѣ.

То же можно сказать и о силѣ электрической и проч. И кажется, 1, что всѣ силы естественныя невидимы суть и намъ явственны бываютъ токмо, дѣйствуя чрезъ свое орудіе; 2, что онѣ, нашедъ оное, къ нему прилѣпляются.

Если же мы обратимъ взоры наши на силы явственныя въ организаціяхъ, то болѣе еще убѣдимся, что свойственный имъ органъ нуженъ, да явственны будутъ, что онѣ къ органу своему прилѣпляются, и что онѣ оный устрояютъ, да сами паки явятся во всемъ совершенствѣ. Когда зерно, разверженное теплотою, начнетъ расти, когда яйцо начнетъ образоваться въ птицу насиженіемъ матки, когда животное зачнется во утробѣ самки, не можно ли сказать, что имъ сообщается теплота жизненная, какъ то желѣзу сила магнитная? Но се и различіе силы подчиненной, единственной, какова есть магнитная, отъ силы жизненной. Едва сія нашла свойственный ей органъ, то, прилѣпяся къ нему, усвояетъ себѣ всѣ стихіи, всѣ силы подчиненныя, разверзаетъ или паче творитъ органъ свой посредствомъ усвоенія, совершеннѣе. Органъ ея совершенствуетъ, и она съ нимъ могуществуетъ и достигаетъ той вершины совершенства, которое органъ ея дать ей можетъ. Что есть сила сія, жизнь дающая? Едва ли угадать можемъ, если скажемъ, что она есть свѣтъ, эфиръ или что-либо имъ подобное. Она ли есть посредство между души и тѣла? Она ли есть ея вожатый на образованіе тѣла? Что бы то ни было, силѣ нуженъ органъ, да дѣйствуетъ, да явится въ дѣяніяхъ своихъ; слѣдуетъ, что тѣло наше есть органъ нашея души, въ коемъ дѣйствія ея разнообразно являются. И положимъ, что душа наша есть вещественна; положимъ, что она не иначе дѣйствуетъ, какъ и другія силы; положимъ и то (и сіе вѣроятно), что онѣ въ тѣлѣ посредствомъ нервовъ чувствовать изучилися, что посредствомъ мозга изучились мыслить; положимъ и то, что она есть та же сила, которая является намъ въ другихъ образахъ, напримѣръ, въ движеніи, въ притяжаніи, въ раздражительности,—но можетъ ли сила какая-либо пропасть, уничто-

жится? Ибо, что такое назовемъ силы уничтоженіе? Мы видѣли, что сложенное можетъ токмо разрушиться, но остаются части; но какъ вообразить разрушеніе силы? Даже понятіе о семъ есть противорѣчіе само въ себѣ, болѣе противорѣчіе, нежели сказать, что нѣчто въ ничто обратится. Что Всеоживляющій, говоритъ Гердеръ, къ жизни воззвалъ,— живетъ; что дѣйствуетъ единожды—дѣйствуетъ вѣчно.

И понеже вообразить себѣ не можемъ, какъ сила какая-либо уничтожится, кольми паче нелѣпо есть воображать, что начало, въ человѣкѣ дѣйствующее, что мыслящее его существо, что душа его уничтожиться долженствуетъ, когда она есть сила, когда сила отъ органа отлична и не можетъ быть его дѣйствіе, то какъ вообразимъ ея уничтоженіе, уничтоженіе силы изъ всѣхъ на земли благолѣпнѣйшія, себя самою познающія, собою управляющія, въ дѣяніяхъ своихъ уподобляющіяся силѣ Творчей? Она ли можетъ уничтожиться, когда ни единая пылинка, атомъ единый, не могутъ изыдти изъ предѣловъ творенія! ибо что есть уничтоженіе? Изъятіе изъ вселенныя, претвореніе въ ничто. То и другое суть пустыя слова, и опровергать ихъ будетъ токмо времени потеря безплодная и невозвратная. Нѣтъ! не токмо сила въ человѣкѣ чувствующая и мыслящая не исчезнетъ, но вслѣдствіе непрерывнаго шествія, въ природѣ явнаго, она прейдетъ въ другой вещей порядокъ. Ибо, если въ природѣ явно, что нижняя организація служитъ для высшей; если грубыя земныя части въ растеніяхъ претворяются въ тончайшія; если сіи суть снѣдь животнымъ, а все служатъ человѣку, по изреченію одного автора, наивеличайшему убійцѣ на земли; если въ животныхъ низшія и простыя силы претворяются въ сложнѣйшія и тончайшія; если сія элаборація столь примѣтна въ нижней естественности, ужели она остановится при человѣка? Если растенія и самыя животныя служатъ человѣку въ снѣдь, къ чему же нуженъ его мозгъ и нервенная влажность и то, что раздраженность мышцъ дѣлаетъ? Всѣ силы стремятся выше, да въ человѣкѣ соединены будутъ,—ужели

силы, въ немъ усовершенствованныя, ни къ чему не послужатъ? Ужели наилучшая организація опредѣлена разрушиться, не оставляя по себѣ ни малѣйшаго слѣда? или же всѣ силы, тѣснившіяся въ сложеніи человѣка, будутъ напрасны и токмо разойтися опредѣлены? Нѣтъ, столь безразсудно Божество неопредѣляло! тутъ не было бы цѣли, ни намѣренія, и мысль всесовершенная, всемогущая, предвѣчная была бы ненацѣленна! Се хуленіе!

Нашедъ для насъ самихъ, по крайней мѣрѣ, въ общемъ шествіи естественности нѣкоторое увѣреніе, что душа наша, яко единая изъ силъ естественныхъ, исчезнуть не можетъ по разрушеніи тѣла, къ нему же здѣсь живетъ прилѣпленна, мы постараемся отыскать въ насъ самихъ чувственныхъ доводовъ, которые бы водворять могли въ душѣ нашей ближайшее убѣжденіе о ея нетлѣнности, дабы изъ того усмотрѣть, угадать, или же предощутить токмо, хотя несовершенно, каково будетъ ея состояніе по отдѣленіи ея отъ тѣла.

1. Сколь ни искусственны суть доводы Гельвеціевы, что всѣ дѣянія разума суть не что иное, какъ простое чувствованіе; что способность понимать, судить и заключать не что иное, какъ чувствовать способность, но хотя бы то такъ и было, изъ того слѣдовать только можетъ, что чувственность есть токмо орудіе разумныя силы, но не дѣйствуетъ, что чувствовать (то есть получать на чувства наши ударенія предметовъ) есть самая сила, чувствованіямъ и мысли дѣйствительность дающая. Но паче наблюденія чувствованій нашихъ учатъ насъ, что мысль отъ чувствъ совсѣмъ есть нѣчто отдѣленное, ибо когда предметъ какой-либо предстоитъ очамъ моимъ, каждое око видитъ его особенно, ибо зажмурь одно, видишь другимъ весь предметъ нераздѣлимо; открой другое и зажмурь первое, видишь тотъ же предметъ и такъ же нераздѣлимъ. Слѣдуетъ, что каждое око получаетъ особое впечатлѣніе отъ одного предмета. Но когда я на предметъ взираю обѣими, то хотя чувствованія моихъ очей суть два, чувствованіе въ

душѣ есть одно, слѣдовательно, чувствованіе очей не есть чувствованіе души, ибо въ глазахъ два, въ душѣ одно. Или же, я вижу колоколъ, я слышу его звонъ, я получаю два понятія—образа и звука, я его осязаю, осязаю, что колоколъ есть тѣло твердое и протяженное. Итакъ, я три чувствованія имѣю вдругъ, совсѣмъ разныя, ибо получены мною разными чувствами, но вдругъ, въ одно мгновеніе; но я себѣ изъ трехъ чувствованій составляю единое понятіе и, изрекши „колоколъ," всѣ три чувствованія заключаю въ немъ. Итакъ, хотя всѣ три чувствованія различны, я вдругъ ихъ понимаю, и хотя понятіе объ образѣ, звукѣ, твердости и протяженіи суть различныя, но существуютъ въ душѣ совокупно. Итакъ, чувствованіе или удареніе предметовъ на чувства наши суть отъ понятія нашея мысленныя силы отличны.

Если же отличны суть понятія отъ чувствованія и дѣянія силы отъ органовъ чувственныхъ отличны, то наипаче отличествуютъ отъ чувственныхъ впечатлѣній наши сужденія, а паче того еще заключенія. Сужденіе есть сравненіе двухъ понятій, или познаніе отношеній, существующихъ между вещами. Но вещи существуютъ сами по себѣ, каждая въ своей особенности, познаніе же отношеній ихъ, сравненіе оныхъ предполагаетъ сравнителя. А какъ вещи производятъ на чувства наши простыя токмо ударенія, то сужденія отъ чувствованій суть отличны. Не имѣю нужды распложать слова о заключеніяхъ и разсужденіяхъ, которыя суть извлеченія изъ сужденій. И хотя всѣ наши понятія, сужденія и заключенія и самыя отвлеченнѣйшія идеи корень влекутъ отъ предметовъ чувственныхъ, но можно ли сказать, что отвлеченная идея есть чувственна? Онѣ суть истинныя произведенія мысленныя силы; и еслибы она въ насъ не существовала, еслибы она быть могла токмо слѣствіе нашея чувственности, то не токмо наука числъ и измѣренія не могли бы возродиться, но исчезла бы вся нравственность, великодушіе, честность, добродѣтель были бы слова безъ мысли и—о Всесильный!—погубилося бы

Твое всемогущество. Да не возразятъ намъ примѣромъ отроковицы, обрѣтенной въ лѣсахъ Шампаніи: что я покоюся и сплю, изъ того слѣдуетъ ли, что уже руки мои не осязаютъ и ноги ходить перестали? Когда бы сила умственная не была сила по себѣ, Ньютонъ былъ бы не лучше самоѣда, и падшее на него яблоко расшибло бы ему токмо носъ, и притяженіе небесныхъ тѣлъ осталося бы неугаданнымъ. 2. Душа въ человѣкѣ не токмо имѣетъ могущество творить понятія, какъ то мы видѣли, но она есть истинный оныхъ повелитель. Когда чувства отнесли ей собранные образа предметовъ, на нихъ ударявшихъ, когда память соблюла ихъ въ своемъ хранилищѣ, кто можетъ самъ у себя отрицать силу воздавать соблюденную мысль въ дѣйствительность? Отъ сна аки бы воспрянувъ, велѣніемъ моея души, мысль облекается паки во образъ свой и выходитъ на зрѣлище предъ возвававшую ее. Но сего еще мало. Протекая всѣ исполненныя образами вещей хранилища памяти, сила умственная не токмо можетъ ихъ пожеланію своему воззывать на дѣйствительность, но, аки новая Медея, разсѣкая на части всѣ образы соблюденные, творить изъ смѣшенія ихъ образъ совсѣмъ новый, прекраснѣйшій. „Энеида", „Генріада" суть ли простыя изреченія чувствованій? Законоположеніе Ликургово, паче всѣхъ земныхъ законоположеній согласнѣйшее во всѣхъ частяхъ своихъ, есть ли произведеніе чувствъ? Иль ухо или глазъ, или носъ были ихъ творители? Когда ты читаешь картину лобзанія перваго мужа и жены во Эдемѣ; когда ты воззришь на изображеніе послѣдняго суда и не почувствуешь, что сотворить могла ихъ единая токмо сила, что сила ихъ образовала во главѣ Мильтона и Михаила Анжела [1]), то и я на то согласенъ, отрицаю во главѣ твоей быть силѣ — ты кукла Вокансонова.

3. Ничто, помнѣнію моему, толико не утверждаетъ, что душа есть сила, и сила сама по себѣ, какъ могущество ея

[1]) Микель Анджело.

прилѣпляться по произволенію своему къ одной идеѣ. Сіе называемъ вниманіемъ. И, по истинѣ, когда возникнетъ въ душѣ воля, и велѣніемъ ея воззовется отъ покоя идея на дѣйствительность, воззри, какъ душа ее обозрѣваетъ, какъ она ее раздробляетъ, какъ всѣ ея виды, стороны, отношенія, слѣдствія она обтекаетъ. Всѣ другія мысли воззываются только для того, чтобы та, на которую устремлено вниманіе, становилася яснѣе, блистательнѣе, лучезарнѣе. Сравни устремляющаго на идею все свое вниманіе съ тѣмъ, коего вниманіе въ разныя расторжено стороны. Одинъ изъ нихъ Эйлеръ [1]), другой большого свѣта стрекоза, расчесанный въ кудри и ароматами умащенный щеголь.—Что душа мыслями повелѣвать можетъ, доказательство тому имѣемъ въ состояніи сна и болѣзней, не исключая и самаго безумія.

4. Сонъ есть то, худо еще познанное, ежедневно возобновляющееся состояніе животнаго, въ которомъ дѣйствіе внѣшнихъ предметовъ на всѣ или на нѣкоторыя его чувства ему бываетъ неизвѣстно. Въ семъ положеніи мысленность его на пріобрѣтеніе новыхъ понятій неспособна, ибо чувства внѣшнія покоятся, но творительная ея сила не коснѣетъ. Проходя хранилище своихъ мыслей, она отвлекаетъ отъ сохраненныхъ понятій свойства по произволенію своему и, сопрягая ихъ вслѣдствіе совсѣмъ новыхъ правилъ, производитъ образы, коихъ единая возможность для бдящаго есть неистощимая загадка. Нѣтъ для нея невозможнаго: свойства, которыя противорѣчащими быть кажутся для силы умственной, отвлеченной отъ чувствъ, суть сходственны; изъ неправильнаго она въ сновидѣніи творитъ правильное, изъ уродливаго благолѣпое; то, что во бдѣніи она едва ли подозрѣвать быти возможетъ, во сновидѣніи воззываетъ въ дѣйствительность. Происшествія цѣлыхъ столѣтій вмѣщаетъ она въ единую минуту; предѣлы пространства почти уничтожаетъ своею быстротечно-

---

[1]) Знаменитый математикъ (XVIII в.).

стію; безпредѣльное она измѣряетъ единымъ шагомъ и, преторгнувъ теченіе времени, объемлетъ вѣчность. О, сонъ! братъ смерти и смежность вѣчности! простри мрачный покровъ твой на томящееся сердце! да возникнутъ образы возлюбленныхъ моихъ предо мною! Да лобжу ихъ и блаженствую!

5. Если мысли сновидящаго кажутся быть разстроенны по той единственной, можетъ быть, причинѣ, что чрезъ мѣру живы суть, то съ удивленіемъ взирать должно на лунатиковъ, или ночныхъ бродягъ. Всѣ извѣстные о нихъ примѣры доказываютъ, что они въ сонномъ своемъ хожденіи не только слѣдуютъ правильному расположенію мыслей, но что въ семъ положеніи власть мысленности надъ тѣлесностію не исчезаетъ, ибо лунатики имѣютъ употребленіе своихъ членовъ подобно бдящимъ. Что они въ семъ состояніи предпріемлютъ, по истинѣ удивленія достойно. Чужды всякаго устрашенія восходятъ на высоты, на которыя во бдѣніи съ ужасомъ взираютъ. Сказать, какъ нѣкоторый нѣмецкій писатель, что они для того отважны, что не знаютъ опасности, въ которую вдаются, есть не что иное, какъ мнить, что можемъ всему назначить ясную причину. Конечно, лунатикъ, идущій по кровлѣ высокаго строенія, не знаетъ опасности, но опасность существуетъ ли для него, или кто его отъ нея блюдетъ? Если тотъ, кто по веревкѣ ходить изученъ, опасности въ томъ не знаетъ, то слѣдуетъ ли, что и другой оныя отчужденъ? Опытность, искусство даютъ сему лучшее шествіе. Лунатикъ, коего чувства внѣшнія въ бездѣйствіи, вождается источникомъ чувствованія и мысли душою.

6. Въ состояніи сна, когда душа чувствъ лишенна, тогда простая идея толико же жива, толико же явственна, какъ наиживѣйшее чувствованіе. То же самое происходитъ и въ нѣкоторыхъ болѣзняхъ. Отторженная насильственно, такъ сказать, отъ союза своего съ тѣломъ болѣзнію его она съ вящшею дѣйствительностію вращается сама въ себѣ. Наиудивительнѣйшія тогда бываютъ явленія, коими вра-

чебныя лѣтописи изобилуютъ. А чтобы не искать дальнѣйшаго примѣра, будучи я боленъ жестокою лихорадкою, бывали мгновенія, въ которыя я со врачомъ, предпріявшимъ тогда мое пользованіе отъ сея болѣзни, говорилъ латинскимъ языкомъ столько плавно и правильно, что когда по прошествіи моей болѣзни о томъ мнѣ сказывали, я дивился тому немало; ибо хотя я разумѣлъ языкъ древняго Рима, но весьма посредственно, дабы не сказать худо, и никогда не изъяснялъ на ономъ моихъ мыслей, и всегда мнѣ стоило великаго труда сложить періодъ единый. И такъ посредствомъ хотя мозга, но внутреннею своею силою душа, въ какомъ бы ни была состояніи, не можетъ отчудиться своея дѣятельности въ твореніи мысли и если не можетъ творить что-либо правильное, творитъ хотя урода, но творитъ, созидаетъ, зиждетъ.

7. Воззри на лишеннаго разсудка, воззри на бѣснующагося. Ты скажешь, что душа ничтожествуетъ въ нихъ, что нѣтъ ея, что органъ мысли разстроенный равняетъ ихъ скоту, звѣрю. Но наблюди шествіе его мысли. Пораженный единою идеею, онъ все относитъ къ ней, все къ ней прилѣпляетъ; онъ не такъ судитъ о вещахъ, какъ онѣ ему представлялися, послѣдованіе его мысли не сходствуетъ съ чувствованіями, ихъ родившими; онъ все сочетаетъ новымъ порядкомъ, все наклоняетъ подъ властвующую надъ нимъ мысль. Се бѣснованіе его! судитъ же самъ. Се вышняя токмо степень вниманія, и для того, различныя ради хотя причины, по просторѣчію речемъ: юроде! ты еси человѣкъ Божій!

8. Наблюдали ли вы когда-либо, какому направленію слѣдуетъ сочетаніе нашихъ идей? Примѣтили ли вы, какъ съ дѣтства душа ваша училася сравнивать, измѣрять, училася совершенно и посредствомъ чувствъ? Но какъ можно сказать, что чувства наши чувствовать училися? Не онѣ, но душа, ибо образъ, въ глазу начертанный, былъ съ перваго дня таковый же, какъ днесь. Но вѣдало ли дитя, что есть сей образъ? Взирая на Ивана Великаго, чувствуетъ

ли оно уродливую его соразмѣрность? Или: разсматривая Баженовы образцы зданій, понимаетъ ли, что въ зодчемъ семъ присутственъ духъ Браманта? Когда бы я не имѣлъ убѣжденія ни откуда, что сила душевная, что разумъ есть особое что-либо отъ тѣлесности, то вообразилъ бы я себѣ Фридрика II въ его дѣтствѣ, взирающаго на устроеніе войскъ Принцомъ Ангальтскимъ, и потомъ стоило бы мнѣ токмо взглянуть на его размѣреніе долины при Молвицѣ. Тамъ взоръ веселящагося куклами; здѣсь око орлиное, одушевленное славы алчбою. Тамъ есть токмо простое чувствованіе; здѣсь мысль ироя, преходящая въ дѣйствительность. О, еслибы, великій мужъ, слава твоя не стоила толикихъ слезъ человѣчеству, толикихъ стенаній!

9. Мнѣ кажется, одно изъ сильнѣйшихъ доказательствъ о безтѣлесности души можемъ мы почерпнуть изъ нашея рѣчи. Она есть наилучшій и, можетъ быть, единственный устроитель нашея мысленности: безъ нея мы бы ничѣмъ отъ другихъ животныхъ не отличалися, и сіе доказываютъ жившіе нечаянно отъ людей въ отдаленіи совершенномъ. Кто сказать можетъ, что рѣчь есть нѣчто тѣлесное? Тотъ развѣ, кто звукъ и слово почтетъ за одно. Но поелику различествуютъ сіи, тако различествуетъ и душа отъ тѣла. Звукъ ознаменуетъ слово, слово возбуждаетъ идею; звукъ есть движеніе воздуха, ударяющаго въ тимпанъ органа слышанія, но слово есть нѣчто живое, до тѣла нашего не касающееся; слово идетъ въ душу; звукъ въ ухѣ исчезаетъ.

10. Чувственное расположеніе тѣла всякаго животнаго увѣдомляетъ, что оно существуетъ, что оно живетъ. Равно чувства напоминаютъ человѣку о его чувственности, но сіе познаніе своего бытія въ животномъ столь тупо, столь мрачно, такъ сказать, что съ самопознаніемъ человѣка ни въ какое сравненіе войти не можетъ. Онъ одинъ столь живо, столь ясно ощущаетъ, и что онъ существуетъ, и что онъ мыслитъ, и что его мысль принадлежитъ ему. Когда душа его возносится къ познанію истины, и онъ ее

уловляетъ въ ея святилищѣ, тогда то наипаче возрождается въ немъ яснѣйшее познаніе бытія своего, и сія ясность его особенности, столь живая, столь единственная, столь нераздѣлимая, знаменуетъ внутреннее его могущество, силу въ немъ живую.

Возражаютъ утверждающимъ души безтѣлесность, а потому и безсмертіе, что тѣло дѣйствуетъ на нее всемогущественно, но внимали ли вы когда, колико власть души надъ тѣломъ оное превышаетъ? Мы видѣли, что мыслями она повелѣваетъ, что рождаетъ она ихъ, но она толико властвуетъ или можетъ властвовать надъ нашими желаніями, но не токмо надъ желаніями, но надъ самою болѣзнію тѣлесною она владычествовать можетъ, и не токмо владычествуетъ надъ нею, но, яко сонъ, производитъ то невольнымъ образомъ, человѣкъ можетъ сложить съ себя чувствительность самопроизвольно и жить безтѣлесенъ въ самомъ тѣлѣ. Разсмотримъ все сіе порознь и прейдемъ потомъ къ способности совершенствованія въ человѣкѣ, въ которой мы обрящемъ корень будущія нашея жизни.

1. Ежедневно и ежемгновенно испытуемая власть мысли надъ тѣлесностію столь стала обычна, что мы въ ней едва ли что-либо выше простого механизма обрѣтаемъ. Скажи, какъ дѣйствуетъ рука твоя? скажи, что движетъ твои ноги, въ главѣ родится мысль, и члены ей повинуются? Или какая раздражительность, въ мышцахъ присутственная, то производитъ,—или электръ протекаетъ твои члены? Конечно, и то и другое, или тому подобное. Но какъ бываетъ, что мысль, и всегда почти неясная, движетъ членъ? Ты скажешь: не вѣдаю; и я скажу то же. Но въ томъ согласиться долженъ, что сколь бы махина ни была искусственна, какая бы изъ вещественныхъ силъ, опричь мысли, ей ни была дана, то никогда не произведетъ дѣйствія подобнаго твоему: ей будетъ нуженъ источникъ движенія, который живетъ въ тебѣ: она себѣ велѣть не можетъ. Толки ее, она движется, а безъ того стоитъ; но движеніе твое принадлежитъ тебѣ: ты еси единый отъ источниковъ онаго.

И что даетъ всему дѣйствительность? Мысль—слово безмолвное; речешь „хощу“, и будетъ. Подобно, какъ предъ началомъ времени, предвѣчна мысль возникла на дѣйствованіе; Всесильный рекъ: „да будетъ свѣтъ“, и бысть. И ты речешь себѣ: „иди“, и шествуешь. О человѣкъ! въ округѣ своей ты всесиленъ, ты еси сынъ мысли! ты сынъ Божій!

2. Колико человѣкъ властенъ надъ своими мыслями, толико же онъ властенъ и надъ своими желаніями и страстями. Хотя мы видимъ, что большая часть людей предаются стремленію оныхъ, но суть и были примѣры, что люди страсти свои совсѣмъ попрали, и хотя оно безуміемъ кажется и казаться можетъ и нерѣдко то быть можетъ, но тутъ видима власть души надъ тѣломъ, и власть сія есть самодержавна. Протеки житіе древнихъ пустынножителей и скажи, что тѣло ихъ было душѣ не подвластно. Если удивляешься воздержанію Сципіона, не хотѣвшаго зрѣть своея прекрасныя плѣнницы, то для чего же не дивиться воздержанію пустынножителей? Умерщвленіе страстей совершенное есть уродливо, ибо противорѣчитъ цѣли естественной, но есть явное и сильное доказательство власти души надъ тѣлесностію. Еслибы и душа была тѣлесности дѣйствіе и произведеніе организаціи, то примѣры толикаго безумія не могли быть никогда. И се видишь, что и въ самомъ отчужденіи разсудка душа дѣйствуетъ, вслѣдствіе особыхъ правилъ, и не тѣлесно.

3. Но самыя страсти, самыя желанія наши суть дѣйствія нашея души, а не тѣлесности. Хотя корень ихъ вещественъ есть, хотя и цѣль оныхъ нерѣдко такова же, но что даетъ страсти въ человѣкѣ толикую энергію и силу? Что силы даетъ ему на преодолѣніе препятствій? Все, что дѣлаетъ тѣло, все вяло, все тяжко. Душа дѣйствію даетъ жизнь, и все легко. Воззри на влюбленнаго, воззри на сребролюбца, воззри на алчущаго славы. Или думаешь, что одна тѣлесность ихъ вождаетъ? И дабы менѣе усомниться, что не токмо душа даетъ страстямъ ту удивительную дѣй-

ствительность, которая въ нихъ примѣчается, то возьмемъ въ примѣръ наитѣлеснѣйшую изъ страстей, любовь. Кто не знаетъ, что любовь платоническая на землѣ есть бредъ, что источникъ и цѣль любви суть тѣлесны? Но вообрази себѣ все, что человѣкъ любви ради подъемлетъ; пройди примѣры многочисленные, гдѣ любовь, отдѣляяся своего начала, гдѣ цѣль свою теряя изъ виду, даетъ душѣ влюбленной (ей! душа влюбленна есть) столь силу превосходную, энергію толико божественную и плоти отчужденную, что любовь тогда становится мысленна. А дабы убѣдиться, что страсть есть дѣйствіе, и дѣйствіе ея единственное, то сколь скоро тѣло становится части причастно, то страсть исчезаетъ. Изъ сего судить можемъ, чѣмъ предметъ страсти менѣе веществен есть, тѣмъ она живѣе быть можетъ и продолжительнѣе; чѣмъ удовлетвореніе страсти безтѣлеснѣе, тѣмъ продолжительнѣе. О дружба! о страсть души усладительная! если ты на землѣ бываешь надежнѣйшая отрада сердца, то что будешь ты, когда душа, отрѣшенная отъ чувствъ внѣшнихъ, сосреждаяся сама въ себѣ, вознесетъ дѣйствительность свою на превыспреннѣйшую возможность? Какое будетъ наше чувствованіе, когда усрѣтимся за предѣлами міра сего? Гдѣ взять ему имя, когда едва ли мысль можетъ его постигнуть? Пускай я брежу, но бредъ мой мое блаженство есть; и развѣ зависть, развѣ мучительство захочетъ прервать мое сновидѣніе! не бойтеся, мгновеніе сіе изъято изъ предѣловъ міра, и кто за нихъ возможетъ?

4. Что душа или мысленность властвуетъ надъ болѣзнями тѣла, то можетъ быть и бываетъ двояко. Болѣзнь возможетъ она дать тѣлу и болѣзнь отъяти. Я не утверждаю, что всѣ болѣзни въ мысленности имѣютъ свое начало: сіе было бы нелѣпо и опытамъ противорѣчаще. Но если во множествѣ неисчисленномъ оныхъ суть нѣсколько, которыя суть мысленности дѣйствіе непосредственное, то утверждаемое мною уже болѣе, нежели вѣроятно; равно не утверждаю, что на всѣ болѣзни лѣкарство существуетъ

въ мысленности или душѣ. Но если имѣемъ примѣры явные, что многіе единственнымъ и простымъ дѣйствіемъ души были исцѣляемы, то кажется, чтобы и сіи духовныя лѣкарства достойны равное въ диспеисторіяхъ заслуживать мѣсто, какъ то: хина, меркурій и весь прочій аптекарскій припасъ. Если кто спроситъ у меня: какимъ образомъ душа даетъ болѣзнь тѣлу, и какъ она его лѣчитъ? Лѣчитъ она его, не щупая пульса и не смотря на языкъ; болѣзнь же даетъ, не отравляя. Болѣе не скажу, ибо не знаю, но то, что всѣмъ извѣстно быть можетъ, на томъ основанъ будетъ мой доводъ.

О вы, на коихъ печаль простирала свое жало, свидѣтельствуются вами. Васъ видѣлъ я въ изнеможеніи тѣлесномъ, васъ безчувственными я зрѣлъ, когда разящая вѣсть блаженства васъ лишенныхъ объявляла. Или единое слово столь могущественно быть можетъ, что угражаетъ жизни? Но что оно? Зыбленіе воздуха! Ужели онъ толико мгновенно можетъ исполнятися ядомъ и отравою, что шлетъ смерть и болѣзни? Какая зараза разсѣетъ въ немъ мгновенно; какое вещество, какое химическое дѣйствіе воздухъ жизненный можетъ претворить въ воздухъ горючій и смертоносный?—Но на что печали посредство зыблющагося воздуха, да произведетъ въ тебѣ болѣзнь, обморокъ, безчувствіе? Се листъ, се хартія дается тебѣ въ руку; черты изображенія на ней произвольныя, И се чело твое блѣднѣетъ, мутятся взоры, нѣмъ сталъ языкъ, мразъ обтекаетъ всю твою внутренность, и трупъ твой валится долу. Или паче ядовитаго взора баснославнаго василиска хартія сія и черты отраву носятъ? Или же зеліемъ паче мышьяка и сулемы онѣ упитаны? Не манкательное ли се древо, мертвящее всѣхъ, подъ листвіемъ его покоющихся? Но почто же одинъ ты страдаешь? Почто электризуемъ ты одинъ?—Возлюбленные мои! нѣтъ нужды намъ искать рѣшенія задачи сей индѣ: она имѣетъ корень въ мысли. Слово изреченное или начертанное возбуждаетъ волненіе мысленности. Разстроенность произведетъ болѣзнь. Душа болитъ,

душа страждетъ: отъ того болитъ и страждетъ тѣло. Когда источникъ отравленъ, возможетъ ли истеченіе его быть здраво? Я прехожу здѣсь многочисленные и неисчетные примѣры дѣйствія души надъ тѣломъ, коего конецъ была болѣзнь. Но дабы временно хотя улыбаться, говоря о страданіяхъ человѣка, мнѣ помнится, гдѣ-то я читалъ, что женатый мужъ ощущулъ всегда страданіе, когда женѣ его время приспѣвало разрѣшаться отъ беременности. Находятъ въ семъ примѣрѣ иные отмѣнно сходственное сложеніе нервовъ, но я признаюсь, сего истолкованія не понимаю, другіе же, разрѣшая узелъ, говорятъ: се вымышленное!

Прейдемъ на мгновеніе къ увеселительнѣйшимъ предметамъ и ощутимъ души надъ тѣломъ дѣйствія благотворного. На всѣхъ сослатися въ томъ можно, да и кому того испытать не случилося, или быть свидѣтелемъ самому или же слыхать отъ свидѣтелей достовѣрныхъ, сколь существительныя иногда бываютъ дѣйствія души надъ тѣломъ. Кому не случилося быть больнымъ и получить или же чувствовать хотя мгновенное облеченіе при посѣщеніи возлюбленныхъ нами? Древность сохранила намъ примѣръ (жаль, что исторія часто не что иное есть, какъ разсказы), сколь душа возможетъ дать болѣзнь тѣлу и сколь могущественно она его исцѣлить можетъ.

Юноша въ бодрственныхъ и цвѣтущихъ лѣтахъ началъ изнемогать во здравіи своемъ; увяла лица его живость, твердость мышцъ его онѣмѣла, смертная блѣдность простерлась по челу его, и, лишенный силъ, на одръ возлегъ. Всѣ врачебныя средства, всѣ лѣкарства были напрасны, и болѣзнь его ускользала отъ проницанія врачующихъ; возсѣдая при одрѣ болящаго, единый отъ нихъ, совокупляя съ искусствомъ своимъ духъ любомудрственный, столь рѣдкій въ семъ соединеніи, примѣтилъ въ юношѣ движеніе необычайное, когда приходила младая Стратоника, жена отца его, а его мачиха, къ нему на посѣщеніе; кровь текла быстрѣе, взоры яснѣе становилися, и юноша воз-

зывался къ жизни; когда же она отходила во свои чертоги, то паки истощевалися его силы, и смертовѣщательная слабость обымала его паки, и каждый разъ съ вящшимъ стремленіемъ влекла его ко гробу. Удостовѣряся въ истинѣ сей, онъ гласъ утѣшительнаго дружества простеръ во уши болящаго и, воззывая надежду въ отчаявшееся блаженства сердце, извлекъ изъ стенящаго сердца таинство, которое добродѣтель сама отъ себя скрывать тщалася подъ густѣйшимъ мракомъ. Краснѣть, стыдитися уже немощенъ, вѣщаетъ юноша ко утѣшающему врачу: „кровь мерзнетъ, чувствую, и отлетаетъ жизнь; се вожделѣнная смерть!... Прійди, о жизни моей жизнь! услышь послѣднее прощаніе! твой взоръ остановитъ отлетающую душу; произнесу имя твое и умолкну навѣки“!—Подавъ надежду умирающему, врачъ увѣдомляетъ немедленно отца о испытанномъ таинствѣ. Любя жену, но любя сына, любовь отца въ хладномъ уже отъ старости тѣлѣ премозмогла слабую, можетъ быть, страсть и тѣмъ паче, что онъ зрѣлъ, сколь любовь сына его была цѣломудренна и, сокровенна въ единомъ его сердцѣ, довела его до преддверія гроба. „Почто скрывалъ ты скорбь свою отъ отца своего“? вѣщаетъ старецъ: „живи, если жить можешь, съ Стратоникою: она твоя“!— О любовь! боговъ и человѣковъ услажденіе! ты къ смерти юношу приближила, ты паки ему жить повелѣваешь.—Онъ сталъ здравъ и вѣрный супругъ возлюбленныя Стратоники, былъ блаженъ. Если примѣръ сей есть не что иное, какъ изобрѣтеніе стихотворческое, то и тогда онъ истиненъ, ибо въ предѣлахъ лежитъ естественности; есть не чрезмѣрный и не токмо возможный, но вѣроятный.

Множество есть примѣровъ исцѣленія болѣзней безъ всякаго врачевательнаго посредства. Тѣ, кои разсудить не хотятъ или не умѣютъ, находятъ въ нихъ всегда чудесность, и чѣмъ менѣе просвѣщенія, тѣмъ чудесъ больше. Многія повѣсти о таковыхъ чудесахъ суть лживы, но многія могутъ быть вѣроятны; если то истинно, какъ то уви-

димъ, что мысль можетъ человѣка лишать чувствительности, то для чего дивиться, что надежда излѣченія излѣчить можетъ? Примѣры таковые бывали и бываютъ и, отложа все баснословное изъ произшествія излѣчившейся дѣвки въ Москвѣ послѣ сновидѣнія, что она выздровѣла безъ лѣкаря, то правда. Приписываютъ то непосредственному содѣйствію Божества, то есть противоестественному дѣйствованію Его могущества. О, Всевышній! уста мои заграждены на таковое существа Твоего уничиженіе! Дѣйствіе то Божественныя силы, то истинно; оно есть непосредственно или является чрезъ посредство какое-либо, того не вѣдаю; оно чудесно, ибо необыкновенно. Но какъ быть ему чрезъестественну? Всеотче! Ты еси повсюду! Почто ищу Тебя, скитаяся? Ты во мнѣ живешь, и если мы помыслимъ, то чудеса твои ежечасно возобновляются, но не исходя за предѣлы естественности; въ ней намъ Ты явенъ, явенъ впослѣдствіе непреложныхъ и непремѣнныхъ ея законовъ, Тобою положенныхъ. Естественность Твоя есть чувственность; что Ты безъ нея, какъ вѣдать намъ?

4. Что мысленность и тѣлесность въ тѣсномъ находятся сопряженіи, то всякъ ощущаетъ, что дѣйствія ихъ суть взаимныя, то всякому извѣстно, но что человѣкъ забывать можетъ свою тѣлесность и жить почти въ своей душѣ или мысленности, тому не всѣ вѣрятъ, да и не всякъ толико властвующъ надъ собою, чтобы таковую въ себѣ отдѣленность производить могъ. Возьмите всѣ примѣры древніе и новѣйшіе, въ коихъ мысленность столь является блестяща и пренебрежена тѣлесность; вспомните Курція, во хлябь разверзстую низвергающагося, вспомните Опдама, Сакена, съ кораблями своими возлетающихъ, приведите на память многочисленные примѣры отторгнувшихся жизни и возлюбившихъ смерть; соберите всѣ примѣры отъявшихъ у себя жизнь изъ единаго оныя пресыщенія—примѣры въ Англіи столь частые; болѣзнь *сплинъ* почитается тому причиною. Но что бы то ни было, вездѣ явна власть души надъ тѣломъ. И по истинѣ, нужно великое, такъ сказать,

сосрежденіе себя самаго, чтобы рѣшиться отъять у себя жизнь, не имѣя иногда причины оную возненавидѣть. Ужель скажутъ, что и тутъ дѣйствуетъ единая тѣлесность? Какъ можетъ сгущеніе соковъ или другая какая-либо погрѣшность въ жизненномъ строительствѣ произвести рѣшимость къ самоубійству, того, думаю, никто не понимаетъ. Но, когда душа вѣщаетъ тѣлу: ты узы мои! ты моя темница! ты мое терзаніе! я дѣйствовать хощу, ты мнѣ воспящаешь! да рушится союзъ нашъ, прости во-вѣки! то сколько бы жало смерти болѣзненно ни было притуплено единою мыслію, сладостнѣе, увеселительнѣе становится паче всѣхъ утѣхъ земныхъ. Если покажется кому-либо, что лишить себя жизни не столь много требуется твердости духа, какъ кажется, ибо прехожденіе сіе есть мгновенно, мигъ единъ, то сомнѣвающимся еще во власти души приведемъ въ примѣръ тѣхъ, которые не токмо смерть пренебрегли и равнодушно на нее взорами [1]), но толико мысленностію отдѣлялися отъ тѣла, что всякое мученіе для нихъ было легко и терзаніе нечувствительно. Воспомяните Амвросія, умирающаго подъ повторяемыми ударами разъяренной и суевѣріемъ подстрекаемой Московской черни [2]). „Господи! отпусти имъ“! былъ глаголъ праведнаго: „не вѣдаютъ бо, что творятъ“! Воспомните Корнелія де Вита, поющаго Гораціеву пѣснь среди бунтующей Амстердамской черни, Ораніанскими общниками [3]) прельщенной. Примѣры мучениковъ, примѣры дикихъ, смѣющихся среди терзаній, вамъ извѣстны, и если не власть души тутъ явна, то гдѣ жъ она быть можетъ? А если и сіе не убѣдительно еще, то кто не знаетъ, что Руссо многія изъ своихъ безсмертныхъ сочиненій написалъ среди болѣзни непрестанной. Мендельсонъ, страдавшій отъ несказанныя слабости нервовъ многія лѣта, могъ терпѣніемъ, напряженіемъ мысли еще

---

[1]) Взирали?
[2]) Во время чумы.
[3]) Сторонники Оранскаго.

въ старости своей вознестись паки на высоту своея юности. Гарве чрезъ долгое время не могъ ни читать, ни писать, даже мысленіе его было ему тягостно, превозмогъ оное и написалъ потомъ изящныя примѣчанія свои на Цицерона; но се его слова: „благословенна будетъ“, вѣщаетъ онъ, „и самая немощь болѣзнующаго тѣла, толико часто меня научавшая, сколь духъ надъ тѣломъ возмогаетъ! Вѣрьте, то вѣдаю отъ опыта моего, что напряженіе духовныя силы можетъ подкрѣпить разслабленное тѣло и до извѣстныя степени дать ему жизнь новую. Также вѣдаю, когда душа покоится, то и волнующаяся кровь тихое пріемлетъ обращеніе, и востревоженные соки жизни смиряются; самая болѣзнь, если она не превышаетъ мѣры, бѣжитъ отъ продолжающагося отпорствующія ей души терпѣнія“. Я своего примѣра дать по толикихъ не дерзаю, но то истинно, когда мысль, нами уловленная, мысль, всю душу исполнившая, всю ее объемляющая, отторгаетъ, такъ сказать, мысленность отъ тѣлесности, тогда, забывая все чувствуемое, все зримое, забывая самъ себя, человѣкъ несется въ страну мысленную; время и пространство исчезаютъ предъ нимъ; онъ сокрушаетъ всѣ предѣлы, и занесшему ногу въ вѣчность вселенная уже тѣсна.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ.

Вотъ, мои возлюбленные, все, что вѣроятнымъ образомъ въ защищеніи безсмертія души сказать можно. Доводы наши, какъ то вы видѣли, были троякіе: первые почерпнуты были изъ существа вещей и единственно метафизическіе. Они намъ непрерывнымъ послѣдствіемъ посылокъ, одной изъ другой рождающихся, показали, что существо въ насъ мыслящее есть простое и несложное, а потому неразрушимое, слѣдовательно, безсмертное, и что оно не можетъ быть дѣйствіе сложенія нашего тѣла, сколь искусственно оно ни есть; вторые, основываяся на явственной восходящей постепенности всѣхъ извѣстныхъ намъ существъ; но возглавія сія постепенности, сея лѣствицы въ твореніи зримой явили намъ человѣка совершеннѣе всѣхъ земныхъ сложеній и организацій; въ немъ явны видѣлися намъ всѣ силы естественныя, тѣснящіяся во едино, но видѣли въ немъ силу отъ всѣхъ силъ естественныхъ отличную. Изъ того вѣроятнымъ образомъ заключали, что человѣкъ по разрушеніи тѣла своего не можетъ ничтожествовать, ибо если невозможно и само въ себѣ противорѣчащее, что какая-либо сила въ природѣ исчезала, то мысленность его, будучи всѣхъ силъ естественныхъ превосходнѣе и совершеннѣе, исчезнуть не можетъ. Третьяго рода доводы, заимствованные изъ чувственности нашей, изъ насъ самихъ извлеченные, показали намъ, что мыслен-

ная въ насъ сила отъ чувственности отлична, что она хотя всѣ свои понятія отъ чувствъ получитъ, но возмогаетъ творить новыя сложныя, отвлеченныя, что она властвуетъ надъ понятіями нашими, воззывая ихъ на дѣйствительность или устремляяся къ единой;—что въ отвлеченіи случайномъ отъ тѣла, мысленность не забываетъ творительную свою силу, какъ то бываетъ во снѣ, или въ нѣкоторыхъ болѣзняхъ; что сочетаніе нашихъ идей съ дѣтства; что рѣчь наша, а, паче всего, что явственное наше о насъ самихъ познаніе суть убѣдительныя доказательства, что мысленность наша не есть явленіе нашея тѣлесности на дѣйствіе нашего сложенія. Наконецъ, показали мы, дабы отразить зыблющееся хотя, но казистое доказательство о всевластвованіи тѣла нашего надъ душою, показали мы, повторю, что власть души надъ тѣломъ оную гораздо превышаетъ, и для сего привели примѣры изъ опытовъ ежедневныхъ, утвердивъ неоспоримо, что вина и корень всѣхъ движеній тѣлесныхъ есть мысленность, ибо въ ней есть источникъ движенія, а потому не можно ли сказать, что въ ней есть и источникъ жизни; привели мы примѣры, колико человѣкъ мысленностію своею властвующъ надъ своими желаніями и страстями, что она возмогаетъ дать тѣлу болѣзнь и здравіе, и присовокупимъ, и самую смерть; что напряженіе мысленности отвлекаетъ ее отъ тѣлесности и дѣлаетъ человѣка способнымъ на преодолѣніе трудовъ и всего, подъ чѣмъ тѣло изнемогаетъ безъ содѣйствія души. Утвердивъ такимъ образомъ души неразрушимость, дерзнемъ подъяти на самую малѣйшую дробь тяжелую завѣсу будущаго; постараемся предузнать, предчувствовать хотя, что можемъ быть за предѣлами жизни. Пускай разсужденіе наше воображенію будетъ смежно, но поспѣшимъ уловить его, потечемъ ему во слѣдъ въ радованіи; мечта ли то будетъ, или истинность; соблизиться съ вами когда-либо мнѣ есть рай. Лети, душа, жаждущая видѣти друзей моихъ, лети во срѣтеніе и самому сновидѣнію: въ немъ блаженство твое, въ немъ жизнь.

Три суть возможности человѣческаго бытія по смерти: или я буду существо таковое же, какое я есмь, то есть, что душа моя по отдѣленіи ея отъ тѣла паки прейдетъ и оживитъ тѣло другое; или же состояніе души моея по отдѣленіи ея отъ тѣла будетъ хуже, то есть, что она прейдетъ и оживитъ нижняго рода существо, напримѣръ, звѣря, птицу, насѣкомое или растеніе; или душа моя, отдѣленная смертію отъ тѣла, прейдетъ въ состояніе лучшее, совершеннѣйшее. Одно изъ сихъ трехъ быть долженствуетъ, ибо хотя и суть вообразимыя возможности иного бытія (чего не настроитъ воображеніе!), но на повѣрку всегда выходить будетъ или то же, или хуже, или лучше, четвертаго вообразить не можно, но одному изъ трехъ быть должно, буде удостовѣрилися, что сила мыслящая въ насъ и чувствующая, что душа не исчезнетъ. Всѣ сіи возможности имѣли и имѣютъ послѣдователей, всѣ подкрѣпляемы доводами. Разсмотримъ основательность и вѣроятность оныхъ и прилѣпимся къ той, гдѣ вѣроятность родить можетъ если не очевидность, то хотя убѣжденіе. Блаженны, если вступимъ въ путь истинный, сожалѣнія будемъ достойны, но не наказанія, если заблудимъ, ибо мы во слѣдъ течемъ истинѣ, мы ищемъ ея со рвеніемъ и нелицемѣрно.

Для удостовѣренія, что человѣкъ или кто-либо отъ человѣковъ бывалъ уже человѣкъ, но подъ образомъ другимъ или же что кто-либо изъ человѣка бывалъ звѣремъ или чѣмъ другимъ, но не человѣкомъ, нужно, кажется, ясное о томъ воспоминовеніе; нужно, чтобы оно часто было повторяемо, чтобы было, такъ сказать, ощутительно, ибо примѣръ единственный не можетъ быть доводомъ или, лучше сказать, свидѣтельство того или другого доказательствомъ не почтено, да хотя бы сто таковыхъ было свидѣтельствъ, для того, что могутъ быть причины таковому свидѣтельству, основанныя на предубѣжденіяхъ или выгодахъ.

Хотя мнѣнія сіи не заслуживаютъ почти опроверженія, но взглянемъ на нихъ любопытства ради и возвѣсимъ на

вѣсахъ безпристрастія. Древніе Гимнософисты и Бракманы и нынѣшніе Брамины говорятъ, что человѣческая душа въ награжденіе за добрыя дѣла, на землѣ содѣланныя, по отдѣленіи ея отъ тѣла смертію, преселяется въ овцу, корову или слона бѣлаго; въ возмездія же за дѣла злыя преселяется въ свинью, тигра или другого хищнаго звѣря. Древніе Египтяне также думали, что души ихъ преходили въ животныхъ и растенія и для того столь тщательно избѣгали убіенія животныхъ, дабы не убить отца своего или мать или не съѣсть ихъ въ тюрѣ.

Сію гипотезу можно наравнѣ поставить со всѣми другими вымышленіями, для награжденія добрыхъ дѣлъ и для наказанія худыхъ. Тартаръ и поля Елисейскія и Гуріи всѣ одного суть свойства, бредни. Древніе Кельты чаяли въ раю пить пиво изъ череповъ своихъ непріятелей. Спроси русскаго простолюдима: каковъ будетъ адъ?—Языкъ нѣмѣетъ, скажетъ онъ въ отвѣтъ: будемъ сидѣть въ кипячей—въ котлѣ смолѣ. Всѣ таковыя воображенія суть одного рода, разница только та, что одна другой нелѣпѣе. Случалося вамъ видѣть картину страшнаго суда не Михаила Анжеля, но продаваемую въ Москвѣ на Спасскомъ мосту? Посмотрите на нее и въ заключеніи своемъ не ошибетеся; и смѣло распространяйте оное на всѣ изобрѣтенія, представляющія состояніе души хуже нынѣшняго, хуже нежели въ сопряженіи съ тѣломъ.

Что иные люди бывали люди же прежде сего, тому находятъ будто правдоподобіе имѣющіе доводы. Великіе мужи, говорятъ они, суть всегда рѣдки; нужны цѣлыя столѣтія, да родится великій мужъ. Но то примѣчанія достойно, что великій мужъ никогда не бываетъ одинъ. Всегда являются многіе вдругъ, какъ будто воззванные паки отъ мрака къ бытію, какъ будто отъ сна возстаютъ пробужденные, да воскреснутъ во множествѣ.

Если бы произведеніе великаго мужа для природы было дѣло обыкновенное, то бы равно было для нея, да произведетъ его, когда бы то ни случилося, и тутъ и тамъ,

одно, двухъ. Но шествіе ея не такъ бываетъ. Великій мужъ одинъ не родится, но если обрѣли одного, должны быть увѣрены, что имѣемъ многихъ сопутниковъ. И, кажется, иначе тому быть нельзя; они всегда родятся на возобновленіе ослабѣвающихъ пружинъ нравственнаго міра; родятся на пробужденіе разума, на оживленіе добродѣтели. Подобно, какъ то увѣряютъ, что землетрясеніе есть нужное дѣйствіе.

Естественнаго строительства на возобновленіе усыпляющихся силъ природы [1]), такъ и великіе люди, яко могущественные рычаги нравственности, простирая свою дѣятельность во всѣ концы оныя, приводятъ ее во благое сотрясеніе, да пробудятся уснувшія души качества и силы ея да воскреснутъ. Если же еще помыслимъ, что не прилежаніе, не стараніе, не воспитаніе дѣлаютъ великаго мужа, но онъ бываетъ таковъ отъ природы врожденнымъ нѣкіимъ чувствованіемъ или высшимъ будто вдохновеніемъ, то не подумалъ ли помыслить, что почти невозможно единаго житія теченія на произведеніе великаго мужа, но нужны многія, ибо извѣстно всѣмъ, сколь мѣшкотно, сколь тихо бываетъ шествіе наше въ ученіи нашемъ, и распространеніе знаній не однимъ дѣлается днемъ. Итакъ, можно, вѣроятно, заключить, что великій мужъ не есть новое произведеніе природы, но паки бытіе, возрожденіе прежде бывшаго, прежняя мысленность, въ новые органы облеченная. Даже исторія сохранила примѣры о воспоминавшихъ о прежнемъ своемъ бытіи. Пиѳагоръ помнилъ то ясно, Архій, Аполлоній Тіанейскій, и еслибъ мнѣніе таковое не было нашему вѣку посмѣялищемъ, то можно подумать, чтобы многіе о таковомъ прежняго ихъ бытія воспоминовеніи дали бы знать свѣту, но паче сего можно сослаться на каждаго собственное чувствованіе, если только кто захочетъ быть чистосердеченъ. Не имѣли ли мы всѣ или многіе изъ насъ напоминовенія о прежнемъ состояніи,

---

[1]) Текстъ испорченъ (повидимому, излишня выше точка и красная строчка).

которое не знаемъ, гдѣ вклеить, въ теченіе жизни нашей? Въ начальные дни житія нашего случалося бывать на мѣстахъ, видать людей, о коихъ по истинѣ сказать бы могли, что они уже намъ извѣстны, хотя удостовѣрены, что ихъ не знаемъ, откуда такія напоминовенія? Не изъ прежняго ли бытія, не прежнія ли жизни? Не для того ли они бываютъ иногда столь же сладостны, что уже были чувствуемы? Если всякій о семъ вспоминать не можетъ, то для того, что прилѣпленный къ тѣлесности чрезъ мѣру не можетъ отъ нея отторгнуться. Но тѣ, кои упражняются въ смиренномудріи и мысленности, тѣмъ таковое напоминовеніе легко быть можетъ, чему и дали примѣры: Пиѳагоръ, Аполлоній и другіе. Такими то доводами, любезные мои, стараются дать видъ правдоподобія нелѣпости и смѣхотворному даютъ важность.

Колеблюся, нужно ли опроверженіе на таковыя надутыя доказательства, ибо извѣстно, что нужно Пиѳагору о себѣ сказать, что онъ былъ прежде Евфорбій, для того, что онъ утверждалъ преселеніе душъ. Можно было и Апполонію говорить то же, ибо если могъ дѣлать чудеса, всѣми зримыя, то вѣрили ему, что онъ облеченъ уже въ новый образъ. Но нынѣ успѣхи разсудка мыслить заставляютъ, что всякое чудо есть осмѣяніе Всевышняго могущества, и что всякій чудодѣятель есть богохульникъ. Вотъ для чего Шведенборгъ почитается вралемъ, а Сенъ-Жермень, утверждавшій безсмертность въ тѣлѣ своемъ, есть обманщикъ. Какое пустое доказательство, что для произведенія великаго мужа прерожденіе нужно, да и въ чемъ состоитъ таковая прерожденія необходимость! Тотъ, кто можетъ произвесть великаго мужа, можетъ его произвесть въ одинъ разъ, равно, какъ и въ два. Исторія свидѣтельствуетъ, что обстоятельства бываютъ случаемъ на разверженіе великихъ дарованій, но на произведеніе оныхъ природа никогда не коснѣетъ, ибо Чингисъ и Стенька Разинъ въ другихъ положеніяхъ, нежели въ коихъ были, были бы не то, что были, и не царь во Греціи Александръ, былъ

бы, можетъ быть, Картушъ. Кромвель, дошедши до протекторства, явилъ великія дарованія политическія, какъ то: на войнѣ великія качества военнаго человѣка, но, заключенный въ тѣсную округу монашескія жизни, онъ прослылъ бы безпокойнымъ затѣйникомъ и часто бы былъ битъ шелепами. Повторимъ: обстоятельства дѣлаютъ великаго мужа. Фридрикъ II не на престолѣ остался бы въ толпѣ посредственныхъ стихоплетчиковъ, и, можетъ быть, ничего болѣе.

Что многіе великіе мужи родятся вдругъ, то естественно есть и быть такъ долженствуетъ. Изъятія тому есть, но рѣдкія. Рѣдко возмогаетъ тотъ или другой вознесется превыше своего времени, превыше окружностей своихъ. Уготовленія да будетъ мѣсто на разверженіе, великія души влекутся издалека, и да явится Ньютонъ, надлежало, да предшествуетъ Кеплеръ. Естественно, говорю, чтобы великіе мужи являлися вдругъ, а не поодиначкѣ. Малѣйшая иксра, падшая на горячее вещество, произведетъ пожаръ велій; сила электрическая, протекая вездѣ непрерывно и мгновенно, гдѣ найдетъ только вожатаго. Таково же есть свойство разума человѣческаго. Едва единъ возмогъ, осмѣлился, дерзнулъ изъятися изъ толпы, какъ вся окрестность согрѣвается его огнемъ и, яко желѣзныя пылинки, летятъ прилѣпится къ мощному магниту. Но нужны обстоятельства, нужно ихъ поборствіе, а безъ того Іоганъ Гусъ издыхаетъ во пламени, Галилей влечется въ темницу, другъ вашъ въ Илимскъ заточается. Но время, уготовленіе, отъемлетъ всѣ препоны. Лутеръ сталъ преобразователь, Декартъ преобразователь, и яко вслѣдствіе законовъ движенія ударъ, данный единому шару, сообщается всѣмъ, на пути его стоящимъ, въ единомъ ли то направленіи или раздѣльно, такъ и Электръ души, возродяся единожды, изливается во всѣ окрестности и стремится, подобно жидкостямъ, къ равновѣсію (hiveau) и уравненности.

Сколь тоще, сколь пусто доказательство, взятое изъ напоминовенія, когда виды, новые предметы, кажется, будто

видимъ видѣнные! столь вѣрно, что сіе напоминовеніе происходитъ отъ видѣнныхъ, но подобныхъ, хотя не самыхъ тѣхъ, сколь вѣрно, что всѣ наши понятія происходятъ отъ чувствъ нашихъ. Сочетаніе мыслей на яву имѣетъ то же шествіе, какъ и во снѣ; разность только та, что разсудокъ останавляетъ уродливое сочетаніе, но если вдашься воображенію своему, то всѣ чудесности небывалаго Эльдороды будутъ скоро дѣйствительны. Та же сила, которая напоминаетъ при воззрѣніи на новые предметы, будто они уже суть видѣнные, сочетая во едино видѣннаго по частямъ, та же сила могла произвести Армиду, солнышкина рыцаря и въ потерянный рай вмѣстить всѣ изящности и всѣ нелѣпости. Кто на яву ссылается на воображеніе, находится въ опасности, что скоро забредитъ.

Но если предыдущія двѣ возможности о посмертномъ нашемъ бытіи суть произведенія дѣтства, а, можетъ быть, и дряхлости разсужденія человѣческаго, что столь же, кажется, нелѣпо думать, что я буду по кончинѣ моей слонъ бѣлый, какъ новый Чингисъ, Европы завоеватель; возможность третія, то есть, что состояніе наше посмертное удобриться долженствуетъ, во всемъ нами прежде сказанномъ многіе имѣла доводы и, дабы ее утвердить паче и паче, войдемъ еще въ нѣкоторыя подробности. Можетъ быть, я заблуждаю, но блужденіе сіе меня утѣшаетъ, подая надежду соединиться съ вами. Подобно, какъ будто привлекательное какое повѣствованіе, въ истинности никакой основательности не имѣющее, но живностію своихъ изображеній, блескомъ картинъ и сходствіемъ своихъ начертаній удаляя, отгоняя даже тѣнь печальнаго, влечетъ воображеніе, а за нимъ и сердце въ царство хотя мечтаній, но въ царство веселій и утѣхъ.

Мы видѣли и для насъ по крайней мѣрѣ доказаннымъ почитаемъ, что въ природѣ существуетъ явная постепенность, что, восходя отъ единаго существа ко другому, мы находимъ, что одно другого совершеннѣе или, сказати точнѣе, одно другого искусственнѣе въ своемъ сложеніи;

что въ семъ веществъ порядкѣ, человѣкъ превышаетъ всѣхъ другихъ равно искусственнѣйшимъ своимъ сложеніемъ, совершеннѣйшею своею организаціею, въ которой толико явственно соединены многія силы воедино, а паче всего умственною своею способностію; тщательное наблюденіе человѣческаго воспитанія показываетъ намъ, сколь способности въ немъ угобжаются, ширятся, совершенствуютъ; исторія учитъ, колико народы могутъ въ общемъ разумѣ своемъ совершенствовать.

Природа, люди и вещи суть воспитатели человѣка; климатъ, мѣстное положеніе, правленіе, обстоятельства суть воспитатели народовъ. Но начальный способствователь усовершенствованія рода человѣческаго есть рѣчь. Я того разыскивать не намѣренъ, рѣчь наша есть ли что-либо намъ данное или самими нами изобрѣтенная. Мнѣ кажется, все равно сказать, что Всеотецъ научилъ насъ говорить какимъ-либо посредствомъ, или, давъ намъ органы рѣчи. Онъ далъ и способность говорить. Но, кажется, не лишнее будетъ разсмотрѣть, какимъ образомъ, поколику рѣчь къ совершенствованію нашему способствуетъ, ибо изъ того и явствовать будетъ, что водитель рѣчи, мысленность, возлагать будетъ орудіе, рѣчи лишенная.

Ничто для насъ столь обыкновенно, ничто столь просто кажется, какъ рѣчь наша, но въ самомъ существѣ ничто столь удивительно есть, столь чудесно, какъ наша рѣчь. Правда, что радость, печаль, терзаніе имѣютъ изъявляющіе ихъ звуки, но подражаніе онымъ было руководителемъ къ изобрѣтенію музыки, а не рѣчи, если мы помыслимъ, что звукъ, то есть движеніе воздуха, и звукъ произвольный изображаетъ и то, что глазъ видитъ, и то, что языкъ вкушаетъ, и обоняетъ носъ, и что слышитъ ухо, и всѣ осязанія тѣла, и всѣ наши чувствованія, страсти и мысли; что звукъ сей не токмо можетъ изразить все сказанное, всякую мысль, но что звукъ, самъ въ себѣ ни чего не значащій, можетъ возбуждать мысли и мысленности представить картину всего чувствуемаго, то въ другомъ

порядкѣ вещей сіе совсѣмъ показалося бы нелѣпымъ, невозможнымъ, ибо разсмотри прилежнѣе служеніе рѣчи. Время, пространство, твердость, образъ, цвѣтъ, всѣ качества тѣлъ, движеніе, жизнь, всѣ дѣянія, словомъ: все... И ты, о Всещедрый Дарователь, и Ты, о Всесильный, не изъемлемъ... все преобразуемъ въ малое движеніе воздуха, и аки нѣкіимъ волхованіемъ звукъ поставленъ на мѣсто всего сущаго, всего возможнаго, и весь міръ заключенъ въ малой частицѣ воздуха, на устахъ нашихъ зыблющагося. О вы, любители чудесъ, внемлите произнесенному вами слову, и удивленіе ваше будетъ нечрезмѣрно, ибо чудесно есть, кто воззвалъ родъ человѣческій къ общежитію изъ лѣсовъ и дебрей, въ нихъ бы скиталися, аки звѣри дубровни и не бы были человѣки? Кто устроилъ ихъ союзъ? Кто далъ имъ правленіе, законы? Кто научилъ гнушаться порока и добродѣтель сотворилъ любезную? Рѣчь, слово; безъ нея онѣмѣлая наша чувствительность, мысленность остановившаяся пребыли бы недѣйствующи, полумертвы, какъ сѣмя, какъ зерно, содержащее въ себѣ древо величайшее, которое и дастъ покоющемуся сѣнь, и согрѣетъ охладѣвшаго, и пищу дастъ прохладную утомленному, и покровомъ будетъ отъ зною и непогоды, и пренесетъ по валамъ морскимъ жаждущаго богатства или науки до концовъ вселенныя, но которое безъ земли, безъ влажности мертвѣетъ, ничтожествуетъ. Но едва Всесильный рѣчь привиталъ къ языку нашему, едва человѣкъ изрекъ слово единое и образъ вещи превратилъ въ звукъ, звукъ сдѣлалъ мыслію, или мысль преобразилъ въ чертоносное лепетаніе, какъ будто окрестъ вращающагося среди густѣйшія мглы ниспадаетъ мракъ и темнота, очи его зрятъ ясность, уши слышатъ благогласіе, чувственность вся дрожитъ, мысль дѣйствуетъ, и се уже можетъ онъ постигать, что истинно, что ложно; дотолѣ же чуждъ былъ и того и другого. Се слабое изображеніе чудесъ, рѣчію произведенныхъ. Мнѣ кажутся аллегоріи тѣхъ народовъ весьма глубокомысленными, кои представляютъ первую причину всяческаго бытія произведшее прежде всего

слово, которое, одаренное всесиліемъ Всевышняго, раздѣлило стихіи и міръ устроило. Если оно въ человѣкѣ столь чудесно, столь чудодѣятельно, то что возможетъ рѣчь Предвѣчнаго? Какой ея органъ, какое значеніе, кто можетъ то вѣдать?

Но сія божественность, намъ присвоенная, сія степень къ совершенству, сей толико блестящій даръ Всеотца, рѣчь наша столь сама въ себѣ малосущественна, столь зыблющаяся, столь летуча, что несовершеннѣе средства къ нашему устроенію, что бреннѣе союза между людьми почти себѣ нельзя представить. Конечно, и естественность наша здѣсь и земли толико несовершенна, что лучшее средство ее бы превышало, тяготило, словомъ, выше бы было человѣчества, ибо разсуди: рѣчь изражаетъ токмо имена, а не вещи, а потому человѣческій разумъ вещей не познаетъ, но имѣетъ о нихъ токмо знаменія, которыя начертаваетъ словами. Итакъ, вся человѣческая натура не что иное есть, какъ изображеніе знаменій вещей, есть роспись словъ, да иначе и быть неможно. Внутреннее существо вещей намъ неизвѣстно; что есть сила, сами въ себѣ не знаемъ, какъ дѣйствіемъ слѣдуетъ изъ причины, не знаемъ, да и не имѣемъ чувствъ на постиженіе всего того. О человѣкъ! когда, возгордившись паче мѣры, ты возлетаешь въ чувствованіи твоемъ, помысли, что знаніе твое, что наука твоя есть плодъ твоея рѣчи, или, паче, что она есть собраніе различныхъ звуковъ, помысли, и усмирися.

Вотъ, возлюбленные мои, вотъ на чемъ основаны человѣческія познанія. Мысли наши суть токмо знаменія вещей, изражаемыя произвольными звуками; слѣдовательно, нѣтъ существеннаго сопряженія или союза между мыслію и словомъ; ибо все равно было назвать дурака дуракомъ или вашимъ; въ семъ ни малѣйшаго сомнѣнія не можетъ быть. Сколь скоро два языка тому извѣстны, то сіе явно. И се обильный источникъ нашихъ заблужденій, ибо поелику во всѣхъ языкахъ каждая вещь имѣетъ уже названіе, и всѣ несложныя мысли свои знаменія, то, когда возро-

дится мысль новая, то [1]) даютъ ей знаменіе, сложенное изъ прежнихъ. Если ты разумѣешь подъ знаменіемъ то, что я, то мы другъ друга разумѣемъ; если же ты понимаешь иначе, то и выходитъ разгласіе, вздоръ. Равно, какъ бы одинъ говорилъ по-Еврейски, а другой по-Русски. Таковы то однако же суть большею частію всѣ мнѣнія философическія, всѣ исповѣданія. Одинъ сказалъ: да, другой разумѣлъ: нѣтъ, а третій и то и другое, отъ чего случается, что отъ перваго изрекшаго знаменіе вещи оно хотя переходитъ въ томъ же звукѣ заключенное чрезъ многія столѣтія, но мысль, съ нимъ сопряженная, различествуетъ отъ первой, какъ день отъ нощи. Таковы суть и были наипаче мнѣнія человѣческія о высшей силѣ. Люди назвали ее Богомъ, не имѣя о ней яснаго понятія. Вотъ, какъ разумъ человѣческой бродитъ, ищетъ истину, но вся мудрость его, все глубокомысліе заключены въ утломъ звукѣ, изъ гортани его исходимомъ и на устахъ его умираемомъ.

Не мѣсто здѣсь говорить о письмѣ, которое не что иное есть, какъ произвольно начертанные знаки, кои означаютъ звукъ, нами произносимый, слово. Но да позволено намъ будетъ слѣдущее токмо разсужденіе: поелику звукъ, изражающій знаменіе вещи, есть произвольный, то на мѣсто сего звучнаго израженія, слуху нашему внятнаго, поставь израженіе произвольное, подлежащее другому чувству, то будешь имѣть рѣчь, не гласомъ произнесенную, но зримую, но вкушаемую, но обоняемую, но [2]) осязаемую. И се понимать можемъ, какъ изобрѣтены письмена, которыя суть истинная рѣчь для органа зрѣнія. Примѣры лишенныхъ нѣкоторыхъ чувствъ доказываютъ ясно, что рѣчь, или произвольное израженіе знаменія вещей, можетъ вмѣсто

---

[1]) Доколѣ вещи не дано имя, доколѣ мысль не имѣетъ знаменія, то она разуму нашему чужда, и онъ надъ нею не трудится. Дабы усвоить разуму какое ли познаніе, нужно прежде всего ее ознаменовать.

Прим. авт.

[2]) Во всѣхъ четырехъ случаяхъ вмѣсто но—на (конечно, опечатка).

звучныхъ знаковъ вмѣщаться въ знаки, другимъ чувствомъ подлежащіе. Глухіе, а потому и нѣмые изъясняются знаками и мысли свои заключаютъ въ знакахъ, подлежащихъ зрѣнію. Изъ сего понятна [1]) возможность изучить ихъ разумѣть рѣчь писанную, что Аббатъ де л'Епе произвелъ въ дѣйство съ удивительнымъ остроуміемъ, а, можетъ быть, взирая, какимъ образомъ нѣмые изъясняютъ свои мысли, и видя, что они на мѣсто звучныхъ знаковъ поставляютъ знаки зримые, изобрѣтатель письменъ внялъ, что имъ подражать можно, и начерталъ азбуку. А хотя онъ, по изреченію одного славнаго нѣмецкаго сочинителя, дѣйствовалъ между человѣками, яко Богъ, но, заключая летущій умъ въ букву, онъ былъ не первый, который изобрѣлъ рѣчь зримую. Живописецъ прежде его бесѣдовалъ уже съ нашими взорами, начертаніе образовъ зримаго. Картина была первое зримое израженіе, рѣчь звучную замѣняемое; живопись родила Іероглифы, а сіи гораздо уже позже буквы.

Если бы другія наши чувства столь же удобны были на пониманіе [2]) рѣчи, какъ ухо и глазъ, то бы, конечно, можно было сдѣлать азбуку обоняемую, вкушаемую или осязаемую. Хотя и видали примѣры, что слѣпые могли различать цвѣты посредствомъ осязанія, и, можетъ быть, возможно было двухъ слѣпо и нѣмо-рожденныхъ изучить сообщать другъ другу свои мысли, но рѣчь обоняемая, рѣчь вкушаемая и даже рѣчь осязаемая не могутъ быть толико совершенны, какъ рѣчь зримая, а паче того рѣчь звучная, ибо сія едина въ произношеніи своемъ есть разновиднѣйшая и соотвѣтствующая истинному органу слова. Но едва человѣкъ могъ соединить рѣчь звучную съ рѣчью зримою, то потекъ на изобрѣтенія, дерзнулъ на возможность, и успѣлъ. Итакъ, сколь ни бренна, сколь ни зыбка есть рѣчь наша, яко средство совершенствованія, однако къ оному была она одно изъ сильнѣйшихъ. Подраженіе, рѣчь, разсудокъ были руководители его къ изобрѣтенію и расширенію

---

[1]) Въ подл. «понятно». [2]) Въ подл. «поминаніе».

наукъ и художествъ. Да и въ самомъ дикомъ состояніи человѣка, въ первенственномъ его состояніи, въ состояніи естественномъ сіи руководители его не оставляютъ. Сила мысленности его столь же могущественна, какъ живущаго въ просвѣщеннѣйшихъ государствахъ, ибо, что языкъ одного народа искусственнѣе, изглаженнѣе другого, что мысленная округа его расширеннѣе, пространнѣе, обильнѣе, изъ того не слѣдуетъ, что всѣ особенники народа суть разумнѣе, въ мысленности могущественнѣе на имѣніе [1]) совершеннѣйшихъ народовъ. Изобрѣталъ мысль единъ, другіе же, яко плѣнники, къ колесницѣ торжествователя сего пригвожденные, бредутъ ему во слѣдъ. Они говорятъ говоренное, мыслятъ въ мысли другого, и нерѣдко не лучше суть младенца, лепечущаго во слѣдъ своея няньки.

Итакъ, въ какомъ бы то состояніи ни было, человѣкъ удобряетъ свою чувственность, остритъ силы мысленныя, укрѣпляетъ понятіе, разсудокъ, умъ, воображеніе и память. Онъ пріобрѣтаетъ несчисленное количество понятій, и изъ сравненія его раждаются понятія о красотѣ, порядкѣ, соразмѣрности, совершенствѣ. Побужденіе его къ сожитію ввело его въ общественное житіе, и се разверзаются въ немъ новыя совершенства. Права и обязанности, въ общежитіи имъ пріобрѣтенныя, возводятъ его на степень нравственности; се уже раждаются въ немъ понятія о честности, правосудіи, чести, славѣ; уже изъ побужденій къ сожитію раждается любовь къ отечеству, къ человѣчеству вообще, а за ними слѣдуетъ тысящи добродѣтелей или паче сія изъ многихъ раждается, и сожалительность его претворилась въ великодушіе, щедроту, милосердіе. Такимъ образомъ достигаетъ онъ до вершины своего чувствованія, до совершенства всѣхъ своихъ качествъ, до высшаго понятія о добродѣтели.

Хотя сказанное не на всѣхъ распространить можно, но различіе между людьми состоитъ токмо въ одной степени,

---

[1]) Текстъ испорченъ.

не въ существенности. Да и тотъ, кто устраняется назначеннаго пути, устраняется, стремяся къ совершенствованію, къ блаженству, ибо все, что живетъ и мыслитъ, все стремится къ расширенію своихъ качествъ, къ совершенствованію; и сія есть мета мысленнаго существа. Хотите ли въ томъ быть убѣжденны? Воззрите на то, что онъ на земли исполняетъ. На свѣтъ исходитъ, не имѣя никакой способности, ни умѣнія, и является паче всѣхъ животныхъ беззащитнѣе, безпомощнѣе, немощнѣе, и то природное стремленіе, которое другимъ животнымъ явно руководствуетъ, въ человѣкѣ не существуетъ. Но воззри на него: едва ощутилъ недостатки свои, едва возопилъ „немоществую", уже вся природа стремится ему на вспомоществованіе. Чувства его изощряются, разсудокъ укрѣпляется; недостатки раждаютъ склонности, рѣчь ведетъ его бесѣдовати съ Богомъ, и рожденный слабѣе, немощнѣе, тлѣннѣе, словомъ, хуже всѣхъ другихъ тварей, вслѣдствіе способности совершенствованія человѣкъ возвышается выше всѣхъ существъ на земли и явенъ становится ея властитель.

Итакъ, стремленіе къ совершенствованію, приращеніе въ совершенствованіи кажется быть метою мысленнаго существа, и въ семъ заключается его блаженство, но сему стремленію къ совершенствованію, сколь оно ни ограниченно есть, предѣла и конца означить невозможно, ибо чѣмъ выше человѣкъ восходитъ въ познаніяхъ, тѣмъ пространнѣйшіе открываются ему виды. Подстрекаемый [1]) всегдашнимъ стремленіемъ, мета его есть шествіе безпрестанное, почти безконечно, и поелику мысленности существенно, то и сама вѣчность на достиженія сея меты недостаточна. Оттуда всѣ старанія наши, всѣ наши стремленія безпредѣльны. Желаніе наше объемлетъ безконечность, и вѣчностію его развѣ измѣрить можно, а не временемъ. Склонности и страсти удовлетвореній не знаютъ, и чѣмъ болѣе угобжаются, тѣмъ сильнѣе возрастаютъ. Всѣ благо-

---

[1]) Въ подл. „подстрекаемы".

родныя склонности и всѣ скаредности едину носятъ на себѣ печать. Рвеніе къ наукѣ ненасытимо, возродяся единожды; любочестіе все алчно, желало всю землю зрѣть своимъ подножіемъ, и даже мерзкое сребролюбіе жаждѣ своей къ имѣнію не знаетъ ни конца, ни предѣла. Всякую мысль, всякую мечту мы тщимся поставить мѣръ превыше, гдѣ мы обрѣтаемъ предѣлъ и ограду, тамъ будто чувствуемъ плѣнъ и неволю, и мысль наша летитъ за предѣлы вселенныя, за предѣлы пространства, въ царство неиспытаннаго. Даже тѣлесность наша тщится во слѣдъ мысли и жаждетъ безпредѣльнаго, ибо едва коснется пресыщенія, то и наивеличайшее услажденіе мерзитъ.

Поступимъ теперь къ другому. Мы въ предвидящемъ [1]) изъяснили, что понятія о красотѣ, благогласіи, соразмѣрности, даже добродѣтели рождаются изъ сравненія: слѣдовательно, несутъ понятія сами по себѣ; мы видѣли, что сравненіе есть дѣяніе вещества мыслящаго: слѣдовательно, дабы что-либо по истинѣ могло назваться прекраснымъ, изящнымъ, нужно дѣяніе умственное, да произойдетъ сравненіе. А какъ безъ умственности сравненіе быть не можетъ, то не должны ли заключать, что и вся красота міра ничтожествовала, не бы были вещества мыслящія, разумныя: слѣдовательно, они въ *начертаніи* сложенія міра суть необходимы. Какъ же можно вообразить себѣ ихъ уничтоженіе, а особливо тогда, когда дѣятельною мысленностію они усовершенствовали, слѣдовательно, удобнѣе еще стали постигать все изящное, все превосходное, всю красоту.

Почерпая изъ сего новыя еще доказательства о безсмертіи души нашея, мы также научиться изъ нихъ можемъ, что цѣль, что мета человѣчества есть совершенствованіе и блаженство, которое есть слѣдствіе добродѣтели единыя отъ совершенствъ. И неужели блаженство наше есть мечта, обольшеніе? Ужели Всесильный, Всеблагій Отецъ хотѣлъ сдѣлать изъ насъ игралище куколокъ.—Таковыми бы мы

---

[1]) Предыдущемъ?

почтены быть должны, еслибы блаженство наше съ жизнію нашею скончавалося, ибо недостатки тѣлесности нашея претятъ, да можетъ быть совершенно. Теперь время уже, возлюбленные мои, поспѣшать къ концу нашего предпріятія и, удостовѣрившись всякими мѣрами, что душа наша безсмертна, что жить будетъ и не умретъ, то есть не разрушится, — теперь надлежитъ оказать, что съ душою останется, когда она отъ тѣла будетъ отдѣленна. Многіе суть случаи въ жизни нашей, въ которыхъ намъ показывается сходственность, съ первою степенію кончины нашея. Какъ скоро жизнь прервется, то послѣдуетъ безчувственность, забвеніе самаго себя. Подобныя тому состоянія суть: обморокъ, изступленіе, сонъ и множество другихъ состояній; въ таковыхъ положеніяхъ человѣкъ забываетъ самъ себя, теряетъ о себѣ свѣдѣніе и лишается на время своея чувственности. Итакъ, можно бы заключить, что подобно, какъ во снѣ, отъемляющемъ внѣшную нашу чувственность, остается въ насъ чувственность внутренняя, то есть мысленность; подобно ослу, говорю, и по смерти будемъ чувственности внѣшнія лишены, но сохранимъ мысленность. Но пребудетъ ли она такова въ насъ по смерти, какъ въ состояніи сна? При первомъ взглядѣ сіе таковымъ и покажется, и могло бы въ нихъ произвести увѣреніе, но оно противорѣчитъ нашему существу, противорѣчитъ метѣ нашего бытія, слѣдственно, противорѣчитъ намѣренію Творца въ Его твореніи. Постараемся отразить сіе казистное доказательство и возвести мысленность нашу, по отлученіи ея отъ тѣла, въ то достоинство, на которое она кажется быть опредѣленна.

Изъ предыдущаго видѣли мы, что мысленность человѣку сосущественна, что она его составляетъ особенность, что человѣкъ и можетъ по ней назваться человѣкъ, а безъ нея равнялся бы скотамъ. Мы видѣли также, что совершенствованія ея есть свойство неотдѣлимое, а потому и мета наша на земли относится къ устроенію нашему, изъ чего слѣдствіе бываетъ блаженство. Вслѣдствіе сихъ пред-

посылокъ человѣкъ во время житія своего даетъ всѣмъ силамъ своимъ всю возможную расширенность. Способность мыслить, съ коею раждается, бываетъ разумъ, чувства наши изощряются, научаются, искусствуютъ; склонности наши производятъ дѣятельность необъятную и, яко понятія, чувственностію принятыя, претворяются въ мысли, тако и склоности, въ душѣ преобразовавшись и получивъ всю свою расширенность, становятся добродѣтели или пороки. Побужденія наши, сосреждаяся, такъ сказать, въ душѣ, яко въ средоточіи зажигательнаго зеркала, родивъ въ насъ волю, даютъ столь широкую, столь твердую подножность, что еслибы и она не въ человѣкѣ пребыла, то казалася бы божественною. Мы видѣли потомъ, что печать безпредѣльности наложена всему, что человѣкъ предпріемлетъ; въ самыхъ силахъ его видна бываетъ толика энергія, что предѣлъ имъ назначить было бы отважно. Хотите ли сему примѣры: Скалигеръ Омира выучилъ наизусть въ три недѣли и въ четыре мѣсяца всѣхъ греческихъ стихотворцевъ. Валлисъ извлекалъ въ головѣ коренное число пятидесяти трехъ цыфирей. И таковые примѣры отмѣнныя энергіи въ силахъ умственныхъ суть часты; незамѣченны теряются, и для того не всякъ о нихъ знаетъ. Изъ предшедшихъ доказательствъ убѣдилися, что мысленность наша, что сила наша разумная, что душа наша разрушиться не можетъ, ибо, не яко тѣло, несложенна, слѣдовательно, не пропадетъ, не исчезнетъ, не уничтожится, пребудетъ, поживетъ во-вѣки. Итакъ, изъ всего сказаннаго не ясно ли слѣдуетъ: 1. Поелику мысленность наша или душа не разрушится, то пребудетъ жива и по разрушеніи тѣла. 2. Поелику существенность ея состоитъ въ непрестанномъ совершенствованіи, то по отдѣленіи отъ тѣла душа ее сохранитъ, ибо еслибы сія существенная ей способность измѣнилася, то бы она въ худшее прешла состояніе, не была бы душа, что также противно [1]) намѣренію, въ сотвореніи

---

[1]) Въ подл. противна.

человѣка явствующему. 3. Поелику же состояніе сна лишаетъ насъ яснаго о самихъ насъ познанія, а потому не столь есть состояніе совершенное, какъ состояніе бдѣнія, то смерть уподобится сну относительно человѣка развѣ въ томъ только, что обновитъ силы его душевныя, какъ то сонъ обновляетъ тѣлесныя, а не въ томъ, что лишитъ душу яснаго о себѣ познанія, въ чемъ состоитъ преимущество человѣка предъ другими животными. 4. Поелику въ силахъ душевныхъ является безпредѣльность, и ограниченность ея происходитъ отъ ея тѣлесности, то, отрѣшенная отъ нея, она въ дѣятельности своей будетъ свободнѣе. И, наконецъ, 5. Поелику душа сохранитъ свою способность совершенствованія, то паче и паче будетъ совершенствовать. А если бы захотѣлъ ты имѣть сему совершенствованію мѣру, то помысли, каковъ человѣкъ родится и что онъ бываетъ въ его возмужалости, помысли, что въ совершенствованіи не будетъ препинаемъ ни обстоятельствами, ни страстями, ни болѣзнями, ни всѣми препонами, тѣлесностію душѣ налагаемыми; помысли, сколь уже разумъ человѣческій отстоитъ теперь отъ дикаго, отъ грубаго состоянія человѣка, питающагося ловитвою,—помысли и, начавъ отъ нынѣшняго совершенства, измѣряй восхожденіе и знай, что не житіемъ тѣлесности то исполнять должно, но, отрѣшая мѣру времени; помысли все сіе и скажи: гдѣ есть предѣлъ совершенствованія души? О, человѣкъ! не ясно ли, ты, есть сынъ Божества, не Его ли въ тебѣ живетъ сила безпредѣльная! Какъ можно думать, чтобы состояніе человѣка посмертное было сну подобное, чтобы человѣкъ сталъ лишенъ чувствованія, самопознанія и жилъ бы, такъ сказать, въ непрестанномъ мечтаніи? Когда здѣшнее состояніе человѣка цѣль имѣетъ совершенствованіе, когда въ посмертное прейдемъ совершеннѣе, нежели рождены были, то какъ мыслить, чтобы будущее состояніе было возвратно, ниже, хуже теперешняго, какъ то непрестанное состояніе сну подобное. Если то истинно, что всякое настоящее состояніе предопредѣляетъ состояніе

слѣдующее (ибо сіе не имѣло бы достаточныя причины къ существованію), а наше состояніе на земли есть состояніе совершенствованія, въ чемъ состоитъ мета нашего здѣсь пребыванія, то не слѣдуетъ ли изъ того, что состояніе будущее человѣка, поелику, опредѣляемо совершенствованіемъ, будетъ совершеннѣе? Слѣдуетъ, что противорѣчіе бы было въ метѣ нашего бытія, чтобы слѣдующее состояніе человѣка подобно было сну, забвенію, когда теперешнее состояніе, будущее опредѣляющее, есть состояніе совершенствованія. Возьмемъ извѣстное уподобленіе, на прехожденіи человѣка отъ одной жизни къ другой приложеннное; послѣдуемъ хотя косвенно въ семъ употребленіи умственному исполину, и да будетъ онъ намъ опорою.

Лейбницъ сохраненіе животнаго по смерти и прехожденію человѣка уподобляетъ прерожденія червяка въ бабочку и сохраненію будущаго строенія бабочки въ настоящемъ червякѣ. Посмотрите, колико оно сходственно. Зри убо скареднаго на чревѣ своемъ пресмыкающагося червяка; алчба его единственное побужденіе; прилѣпленный къ листвіямъ, ихъ пожираетъ и служитъ единой своей ненасытимости, но се уже его кончина: смертная немощь объемлетъ его, сжимается, корчится, и се уже лежитъ бездыханенъ; но сила, внутрь его живушая, не дремлетъ. Животное спитъ, покоится во смерти. И се происходитъ его прерожденіе. Ноги его растутъ, всѣ члены претворяются, и едва новое его рожденіе достигла своего совершенства, то въ жизни паки является, или паче пробужденный. Но какое превращеніе: вмѣсто червяка является бабочка, простираетъ блестящія всѣми цвѣтами лучей солнечныхъ крылія, возносится и, гнушаяся прежнія своея пищи, питается нѣжнѣйшею. Уже новое совсѣмъ имѣетъ существо, другая его мета, другія побужденія. Червякъ служилъ токмо своего чрева, а бабочка, вознесенна до общія меты животныхъ, служитъ прерожденію. Кто бы могъ вообразить въ червякѣ бабочку, что они суть единое животное, и что превращеніе его есть токмо другое время его жизни? О

умствователь! поставляй предѣлъ природѣ; она, смѣяся безсилію твоему, въ житіе единое соцѣпляетъ многіе міры.

Если худшее состояніе человѣка по смерти противорѣчитъ его метѣ и его существенности, то паче противорѣчитъ оно намѣренію Творца въ Его твореніи, ибо поелику мета его есть совершенствованіе, то состояніе, оному возвратное, худшее, будучи оной противорѣчаще, противорѣчитъ и намѣренію Творца потому, что въ томъ и было Его намѣреніе, да совершенствуемъ.

Всемогущее Существо въ самомъ дѣлѣ ни награждаетъ, ни наказываетъ, но Оно учредило порядокъ вещамъ непремѣнный, отъ котораго онѣ удалиться не могутъ, развѣ измѣня свою существенность.

Итакъ, добродѣтель имѣетъ сама въ себѣ возмездіе, а пороки наказаніе. Что можетъ быть сладостнѣе, какъ быть увѣрену, что пребыли всегда въ стезѣ, намъ назначенной? Что превышаетъ удовольствіе, какъ знать, что ничѣмъ мы сами себѣ упрекнуть не можемъ? Если бы вознялася легкая мгла, затмевающая зерцало совѣсти добродѣтельнаго человѣка, напоминовеніе содѣланнаго добра разгонитъ мгновенно. Напротивъ того, злые принужденны ежечасно упрекать себѣ свои злодѣянія, терзается, казнится среди благоденствія.—Почто искать намъ рая, почто исходить намъ во адъ: одинъ въ сердцѣ добродѣтельнаго, другой живетъ въ душѣ злыхъ. Какъ ни умствуй, другого себѣ вообразить не можно. Если же себѣ представимъ, что всѣ человѣки сходствуютъ въ ихъ силахъ и способностяхъ, суть во всемъ одинаковы, и черта, одного отъ другого отдѣляющая, незрима. Въ различіяхъ своихъ они восходятъ или нисходятъ непремѣнною постепенностію, но всѣ суть единаго рода. Слѣдовательно, и опредѣленіе ихъ, мета ихъ, цѣль должны быть одинаковы. Если кто изъ нихъ, употребляя во зло данныя ему способности, устраняется предопредѣленія своего, то всѣ слѣдствія злыхъ дѣлъ налягаютъ на него. Ѣдкая совѣсть грызетъ его сердце и не отступитъ отъ него, дондеже не истребитъ въ немъ все пре-

ступное, все злое. Яко врачебное нѣкое зеліе, совѣсть есть лѣкарство злыхъ дѣлъ, и если въ жизни она насъ не исцѣляетъ, то, конечно, по смерти. Излѣченныхъ совѣстію ужели Всеотецъ исключитъ изъ Своихъ объятій? Почто мы бываемъ толико жестокосерды? Преступникъ не братъ ли нашъ? И кто можетъ столь самъ предъ собою оправдаться и сказать: никогда во мнѣ ниже мысль злая не возникала?

Если возможно, сцѣпляя многія истины, постигнуть, что совершенствованіе есть цѣль человѣка, не токмо цѣль его на земли, но и по смерти, то весьма трудно, дабы не сказать—невозможно, вообразить себѣ, какимъ образомъ продолжится совершенствованіе человѣка по смерти, ибо если на земли была въ томъ ему пособіемъ тѣлесность и его органы, то какъ то можетъ быть, безъ оной чувства его дали ему понятіе, а безъ нихъ ихъ бы онъ не имѣлъ. То два средства: или вновь понятія уже пріобрѣтать душа не будетъ, а дѣйствовать будетъ надъ прежними, или человѣкъ будетъ имѣть новую организацію. Боннетъ старается доказать, что душа человѣческая всегда будетъ сопряжена съ тѣломъ, что, по смерти оставшися сѣмени сопряженна, человѣкъ изъ онаго сопряженія родится паки двусуществен. Основываетъ онъ сіе разсужденіе на томъ, что поелику человѣкъ, да всякая тварь содержится въ сѣмени до зачатія своего, то какъ оное сѣмя кажется быть душѣ сосущественно, то она съ нимъ навѣки пребудетъ сопряженна. Если сіе предположеніе невѣроятно, но возможно, ибо то истинно кажется, какъ то мы видѣли въ началѣ сего слова, что сѣмя зачатія было предсущественно. Но запутнѣніе не совсѣмъ развязано, ибо сѣмя, коему предъ зачатіемъ душа была союзна, зачатіемъ и рощеніемъ разверзлося и произвело новыя сѣмена, коихъ разверженіе новыя произвело существа, но прежнее сѣмя, сѣмя отчее, уже разверженное, должно пребыть паки сѣмя, что есть противорѣчіе, то надлежитъ предполагать, что сѣмя разверженія произведетъ самого себя вновь. Вотъ кругъ, и затрудненіе не рѣшено.——Таковы суть слѣдствія сѣ-

меннаго любомудрія, какъ то ее называютъ, но сколь ни слабо сіе разсужденіе, оно имѣетъ казистую сторону и находило послѣдователей. Мнѣ кажется, что всѣ таковыя системы суть плодъ стихотворческаго болѣе воображенія, нежели остроумнаго размышленія. За таковое же изобрѣтеніе выдаю и слѣдующее предположеніе: примѣтно или паче явственно, что есть въ природѣ вещество или сила, жизнь всему дающая. Чувствительность наша, электръ и магнитная сила суть, можетъ быть, ея токмо образованія (modification), то не сіе ли вещество, которое мы назвать не умѣемъ, есть посредство, которымъ душа дѣйствуетъ надъ тѣломъ?— А поелику оно есть средство къ дѣйствованію души, то не вѣроятно ли, что, отступая отъ тѣлосмертія, душа имѣть будетъ то же посредство для своего дѣйствованія? Но дабы дѣйствовать, нужны кажутся ей быть органы, а поелику душа въ сожитіи своемъ съ тѣломъ стала совершеннѣе, то и органы нужны ей совершеннѣйшіе. И для чего сего вѣроятнымъ не почитать, когда и самая сила творчая явна токмо посредствомъ вещественности, посредствомъ органовъ? Какое противорѣчіе мыслить, что можетъ быть въ семъ же мірѣ и можетъ быть на земли другая организація, но нами не ощущаемая, намъ невѣдомая, да и по той только причинѣ, что она чувствамъ нашимъ не подлежитъ? А если бы чувства наши были изощреннѣе и совершеннѣе, то и сія бы намъ невѣдомая организація была бы извѣстна. Что чувства наши или, лучше сказать, что чувственность можетъ быть изощреннѣе, то доказывали примѣры чувствъ, изъ соразмѣрности своей болѣзнію выведенные; дай глазу быть микроскопомъ или телескопомъ, какіе новые міры ему откроются! И какъ сомнѣваться въ возможности лучшей организаціи? Тотъ, Кто могъ дать человѣку око на зрѣніе красоты и соразмѣрности, ухо на слышаніе благогласія; Тотъ, Кто далъ ему сердце на чувствованіе любви, дружбы; Кто разумъ ему далъ на постиженіе Дателя; Тотъ, Кто огнь, воздухъ, землю и воду сплелъ воедино; Тотъ, Кто самую летучесть огня

претворяетъ въ твердость и свѣтъ вмѣщаетъ въ части составительныя веществъ, можетъ, конечно, можетъ произвести новыя смѣшенія; благость Его къ творенію Его не изсякнетъ, любовь къ произвожденію Своему горячности Своей не потеряетъ, и если единое Его слово рождаетъ чудесность, то оно и паки ее родить можетъ. Или на что предполагать быть новому творенію? Вся возможность прешла въ дѣйствительномъ предъ началомъ уже временъ, и что будетъ, уже было въ незыблемомъ порядкѣ съ того мгновенія, какъ возблистало солнце и время отдѣлилося отъ вѣчности.

Для чего предполагать невозможность быть другимъ организаціямъ, опричь нами чувствуемыхъ на самой землѣ, по той единственной причинѣ, что они намъ нечувствительны? Сколько веществъ, ускользающихъ отъ нашихъ чувствъ, иныя своею малостію, иныя своею прозрачностію или другими свойствами, чувствамъ нашимъ неподлежащими, и если мы въ малостяхъ видимъ, что пресыщеніе одной вещи не исключаетъ въемлемость другой. Вода, насыщенная обыкновенно солію, и не пріемля ее болѣе, пріемлетъ и растворяетъ другую. Истолкуй сію возможность, и если бы не опытъ то доказывалъ, ты бы оному не вѣрилъ.

Не такъ далеко, кажется, отстоять должно будущему состоянію человѣка отъ нынѣшняго, какъ то иногда воображающаго не за тридевять земель оно, и не на тридесятомъ царствѣ.

Если должно вѣрить сходственности аналогіи (да не на ней ли основаны большая часть нашихъ познаній и заключеній?), если должно ей вѣрить, то вѣроятно, что будущее положеніе человѣка или же его будущая организація проистекать будетъ изъ нашея нынѣшнія, какъ то сія проистекаетъ изъ прежнихъ организацій. Поелику къ сложенію человѣка нужны были стихіи, поелику движеніе ему было необходимо, поелику всѣ силы вещественности въ немъ дѣйствовали совокупно, поелику по смерти его и разруше-

ніи тѣла стихіи,вышедъ изъ ихъ союза, пребудутъ тѣ же, что были до вступленія въ сложеніе человѣка, сохраняя всѣ свои свойства; поелику и силы, дѣйствовавшія въ немъ, отрѣшась отъ тѣла, отойдутъ въ свое начало и дѣйствовать будутъ въ другихъ сложеніяхъ; поелику же неизвѣстно, что бываетъ съ силою или стихіею, чувствующею, мыслящею, то нельзя ли сказать, что она вступитъ въ союзъ съ другими стихіями по свойству, можетъ быть, смежности, намъ неизвѣстной, и новое произведетъ сложеніе? О, возлюбленные мои, я чувствую, что несуся въ область догадокъ, и, увы, догадка не есть дѣйствительность!

Повторимъ все сказанное краткими словами: человѣкъ по смерти своей пребудетъ живъ; тѣло его разрушится, но душа разрушиться не можетъ, ибо несложная есть; цѣль его на земли есть совершенствованіе, та же пребудетъ цѣлію и по смерти, а изъ того слѣдуетъ, какъ средство совершенствованія его была его организаціею, то должно заключать, что онъ имѣть будетъ другую, совершеннѣйшую и усовершенствованному его состоянію соразмѣрную.

Возвратный путь для него не невозможенъ, и состояніе его по смерти не можетъ быть хуже настоящаго, и для того вѣроятно или правдоподобно, что онъ сохранитъ свои мысли пріобрѣтенныя, свои склонности, поколику онѣ отъ тѣлесности отдѣлены быть могутъ; въ новой своей организаціи онъ заблужденія свои исправитъ, склонности устремитъ къ истинѣ; поелику сохранитъ мысли, коихъ расширенность рѣчь его имѣла началомъ, то будетъ одаренъ рѣчію, ибо рѣчь, яко составленіе произвольныхъ знаковъ, знаменіе вещей означающее, и можетъ внятна быть всякому чувству, но какая бы организація будущая ни была, если чувствительность будетъ сопричастна, то будетъ глаголомъ одаренна.

Положимъ конецъ нашимъ заключеніямъ, да не зримся ищущими единственно мечтаній и чуждаемся *) истины. Но

*) Въ подл. „чуждается“.

какъ бы то ни было, о, человѣкъ, хотя ты есть существо сложное или однородное, мысленность твоя съ тѣломъ разрушится не опредѣленна. Блаженство твое, совершенствованіе твое есть твоя цѣль. Одаренный разными качествами, употребляй ихъ цѣли твоей соразмѣрно, но берегись, да не употребишь ихъ во зло. Казнь живетъ сосмежна злоупотребленію. Ты въ себѣ заключаешь блаженство твое и злополучіе. Шествуй во стезѣ, природою начертанной, и вѣрь: если поживешь за предѣлъ дней твоихъ, и разрушеніе мысленности не будетъ твой жребій, вѣрь, что состояніе твое будущее соразмѣрно будетъ твоему житію, ибо Тотъ, Кто сотворилъ тебя, Тотъ существу твоему далъ законъ на послѣдованіе, коего устраниться или нарушить не возможно; зло, тобою содѣланное, будетъ зло для тебя. Ты будущее твое опредѣляешь настоящимъ, и вѣрь, скажу паки, вѣрь, вѣчность не есть мечта.—

— — —

Дневникъ путешествія изъ Сибири.

(1797).

Домъ Радищева въ Илимскѣ (посрединѣ).

1797 февраля 20.

Разпродавъ или раздавъ всѣ въ Илимскѣ, на что употребилъ я 10 дней, мы выѣхали при стеченіи всѣхъ почти Илимскихъ жителей въ 3 часа по полудни.

О колико возрадовалося сердце наше... и еслибы непредстояла горесть о потеряніи Анютушки, которую заранѣе предъ узнаваютъ, то выѣздъ нашъ былъ бы торжественной. Провожали насъ: Исправникъ, климъ малышевъ, сынъ его Иванъ съ женою, которой мнѣ далъ вина на дорогу. Какія ихъ были виды. Испр. изъ благопристойности, другія изъ тупаго чувствованія благодарности; но всѣ до того что я еще могъ писать въ Иркутскъ и встрѣчуся съ Г. Губернаторомъ.

Пріѣхали въ Зимовьѣ къ Лукичу отъ Илимска на Ирейкѣ—21 вер., уже смерклось. Тутъ угостила Семеновна насъ чаемъ, женщина приветливая. Дѣти ужинали, а меня позвала анютушка, слезы мои тѣкли; таковъ былъ ужинъ. Егоръ Лукичь, сынъ его Фома и три дѣвки живутъ бѣдно, кажется лень тому причиною. Ѳома хотя промышляитъ но другаго не знаетъ, и питаются сборнымъ хлѣбомъ отъ проѣзжающихъ съ Оки, Ангуры, Нижнеилимскихъ, за сборомъ коего ѣздятъ зимою, что называютъ тѣпловымъ, тоесть воздаеніе за тѣплую избу. Проѣзжихъ некормятъ ибо нечимъ; ничего несѣятъ, огородовъ почти нѣтъ. Опредѣлены зимовщиками изъ давна.

21-е.

На разсвѣтѣ уже отправился въ путь, простясь съ провождавшими, какъ по обыкновенію учтиво, а на умѣ увсякаго свое. На тѣхъ же лошодяхъ.

Къ Суворкинымъ доѣхали въ половинѣ дня—22 вер. тутъ двѣ избы стоятъ по концамъ мостика чрезъ рѣчьку по которой много широкихъ заводей и сенокосовъ. Сіи Зимовщики живутъ бѣдные [1]) прежняго. Иногда продаютъ вино, ибо поблизости ихъ приходятъ Тунгусы, которые чрезъ Илимскъ иногда ходятъ на Леиской волокъ къ хрѣбтовому или на Луку. Тутъ видно сколько къ бѣдности вѣдутъ лѣность, нераденіе и другіе тому подобные.

У Суворкиныхъ пообѣдавъ подорожному, доѣхали уже смерклось до Ѳилипа Каймонова гдѣ живетъ отецъ съ двумя сыновьями—28 вер. У Суворки сходятся такъ же нѣкоторыя Илимскія промышленики, имѣющія тутъ свои ухожья; но промыслы какъ ихъ такъ и Лукичовы были въ 1795 г. столь худы что многія и плашекъ не сторожили. Отъ Илимска до самой Ангары Волокъ идетъ болѣе на гору и отлогости всѣ къ илимску около Каймонова много кедру въ 1796 онъ продалъ пудовъ 10 орѣховъ по одному рублю но NB не прибавлиноли по обыкновенію древнему и нынешнему еще Сибирскому, ибо вообще примѣтить можно, что существуютъ многія древнія обычаи, изрѣченія, слова, которыя во многихъ мѣстахъ Россіи уже истребилися.

22-е.

Отъ Кайманова выѣхавъ на разсвѣтѣ пріѣхали на мамырье въ 2 часа пополудни 33 вер.

При прощаньи верхъ и нижне Илимскіе просили ихъ вспомнить. Каймоновъ записался въ мещанѣ и крестьяне хотятъ отъ нимать покосы. Знакъ, что ихъ мало.

---

[1]) Бѣднѣе?

На Мамырье пообѣдавъ, до кежмы ангарою 20 вер. съ кежмы ангарою до Филипова острова 22 вер. до братскаго 22 вер., братской острогъ стоитъ на мѣстѣ гдѣ ока впадаетъ въ Ангару. Предѣлы оки суть отроги гранитныхъ горъ которые пересѣкаютъ Ангару и въ пяти верстахъ отъ братскаго начинаютъ составлять пороги числомъ пять изъ которыхъ падунъ есть самой большой. Тутъ суда разгружаются и проходятъ порожнія въ ворота шириною мѣнѣе 10 саженъ. всю реку можно перейти пешкомъ, еслибы валъ непрепятствовалъ описаніе пороговъ.

23-е.

Отъ братскаго дорога идетъ ко рѣкѣ до деревни долгаго лугу 25 вер., потомъ берегомъ до большой деревни 10. до Шамановой 30. до сей деревни дорога идетъ возвышеннымъ мѣстомъ порозшимъ рѣдкимъ березникомъ, а мѣстами берегъ оки хотя низкой являетъ гранитъ, что побуждаетъ думать что и вся подстилка сего возвышенія суть гранитъ. Берегъ оки ведутъ за собой сосновой лѣсъ. Отъ Шамановой въ 10 или 14 верстахъ въ Оку въ падаетъ ія. Дорога удаляется отъ теченіи оки и идетъ перелесками до Коби—44 вер. По дорогѣ есть селенія хорошія. Хлѣбъ у нихъ продаютъ по 12 ко., нынешній годъ непокупаютъ на дощаники для плавки по Тунгускѣ до Кежмы.

Въ братскомъ начевали у Попа Ильи, котораго я лечилъ отъ лихорадки. Она будто за нимъ ходила и недавала ему покоя. Болѣзнь его была чрезмѣрное движеніе нервовъ. Причины немогъ узнать. Изъ благодарности онъ насъ угостилъ, велѣлъ сдѣлать починку и невелѣлъ брать прогоновъ. Кажется что онъ у прихожанъ въ почтеніи. Такъ бы и должно. О семъ разсужденіе. Прогоновъ небрали до шамановой—жалоба на Исправника—въ мнѣніи что могу пособить просили объ облехченіи, особо ямщины—какъ и другіе Удинскіе платятъ по 5 р. въ годъ опричь Чрезвычайностей.

NB. Въ Шамановой живетъ купецъ Протасовъ старой, торгуетъ бѣлкою и хлѣбомъ.

NB. Въ Братскомъ живутъ мѣщанѣ, крестьяне и нашные (sic).

24-е.

Отъ Коби до боды 16 верстъ тутъ лошадей неперемѣняли но угнали въ передъ на теленгуи. Дорога до боды перелѣсками. Бода селеніе монастырское бывшаго выше братскаго острога монастыри въ 4 верст. Гдѣ живалъ Епископъ, и Инокентій тутъ погребенъ. Съ Боды до Теленгуя Іею берега плоскія и гдѣ возвышенны тамъ глина шиферная.

Въ Тангуй пріѣхали въ 11 часовъ деревня небольшая.

Отъ боды до Тангы станокъ—14 вер.

Въ Тангуѣ пообѣдавъ ѣхали рѣдкимъ лѣсомъ неподалеку отъ Ія и перелесками до Темы—14 вер. жалобы на исправника, отъ темы удалясь отъ рѣки Ія обширные полями и березникомъ рѣдкимъ до Илира—16 вер. Сія деревня стоитъ на рѣчькѣ Илирѣ въ 5 вер. отъ Іи. Здѣсь перемѣнивъ лошадей поѣхали чрезъ Волокъ тоесть лѣсъ.

За Илирской станокъ плотятъ по 170 р. въ годъ и 200 пудъ хлѣба а ѣздитъ одинъ исправникъ и беретъ иногда по 15 и 20 лошадей. Такъ же и Илимской для исправника и пр.

Съ Илира на Бурухунъ волокъ 45 вер. тутъ живутъ и братскіе.

25-е.

Съ Бурхуна чрезъ Курзанъ до Тулуна 35 вер. По Курзану много деревень и въ верхъ по Іѣ.

Въ Тулунѣ пообѣдавъ поѣхали по большой дорогѣ очень скоро. Около Тулуна въ 50—40 и ближе качуютъ братскіе. Отъ Тулона до Курзана на тойже Курсанѣ рѣчкѣ 26 вер., дорога идетъ перелесками березникомъ пашни много. Изъ Тулуна лучшія крестьяне живутъ по заимкамъ.

Отъ Курзана до Чубартая—22 вер. дорога идетъ перелесками наконецъ болотнымъ Ельникомъ и деревня въ лѣсу, но пашни много вокругъ.

Отъ Чебортая до Хинуя—35 вер. дорога идетъ березниками, пашни много но сами покупаютъ хлѣбъ. Бѣлка есть непромышляютъ, ловятъ сохатыхъ. Подъ гору два раза на гору нѣтъ.

Напившись чаю поѣхали до Удинска . . . . [1]). 31 вер. Дорога гориста лѣсомъ соснягомъ и пр. все подгору на гору мало, до самаго Удинска что показываетъ великое возвышеніе Иркутска и Ангары противъ Удинска.

NB. Въ братской волости говорили что купили присягу.

Изъ Удинска поѣхавъ ночью до Ука 26 вер. Горы крутые съ лѣсомъ болѣе подгору.

26-е.

Отъ Ука до Замзора горы пологіе и перелески, березникъ, пашня близь хрѣбта за 15 верстъ; дорога идетъ долго близь рѣчьки Топорка которая впадаетъ въ Замзоръ.

На Укѣ промыслы бѣлка сахатые козы коихъ мы видѣли бѣгущихъ чрезъ дорогу.

На Замзорѣ стрѣляютъ соболей, бѣлку, бьютъ мѣдведей, лисицъ, сохатыхъ и козъ множество, но большая гоньба мешаетъ имъ.

Отъ Ука до Замзора 35 вер. отъ Замзора до Авзамая 32 вер. дорога идетъ на Заимки пригорками и лѣсомъ съ березниками. Тутъ есть плашки. Стрѣляютъ бѣлку, собобей выдръ разсамаховъ, ловятъ ямами сохатыхъ, гоняютъ по насту козъ; пашни довольно.

До зимовья разгонъ 20 вер. тутъ стоятъ одни ямщики, дорога таковаже горы прикрыты спусками. Постой гора. Подумай гора. До Бояровки дорога нестоль гориста 25 вер.

---

[1]) Въ подлинникѣ пропускъ.

тутъ много было посельщиковъ но померли, отданы иные въ заводъ за недоимку, промыслы какъ преждѣ.

Отъ Бояроновки до Бирюсы 21 вер.

27-е.

Дорога негориста, березниками. По Бирюсѣ есть деревни въ низъ и въ верхъ. Село сіе было большее, но многіе разъѣхались жить по заимкамъ, вездѣ гдѣ земель много крестьяне пашутъ сколько хотятъ и земли имъ никто неотводитъ. Промыслы таковыеже какъ преждѣ. Соболи отъ 2 до 5 руб. есть кузнецы.

Отъ Бирюсы дорога идетъ плоскими мѣстами и деревнями, бѣрезниками рѣдкими съ сосихтомъ до зимовья—20 вер. Такимъ же лѣсомъ до деревни ключей 21 вер. хотя на бирюсѣ и въ слѣдующихъ станкахъ пашенъ довольно, но изъ Кайскаго возятъ хлѣбъ ибо пашутъ мало въ иныхъ мѣстахъ ради большаго разгона которой производится наймомъ изъ волостей ангарскихъ.

Отъ Ключей до деревни тины 28 вер. дорога идетъ Еланями и пригорками, пашенной земли и покосовъ довольно, промыслы какъ преждѣ. Отъ тобы до пойминской на рѣкѣ поймѣ—19 вер. дорога идетъ соснягомъ прорублена и мостъ длинной, но потомъ Еланями то есть рѣдкимъ березникомъ промыслъ есть

Отъ Пойминской до Елани 33 вер. дорога идѣтъ перелѣсками гладкая такъ и до Канскаго—27 вер. Около Канскаго поля великія по Кану есть селенія, живутъ отъ пашни; промысловъ нѣтъ до Ура часть поденьщиковъ—25 вер.

28-е.

До Ключей посельщики—21. дорога вездѣ одинакова, пашутъ а промысловъ нѣтъ.

До Рыбинскаго села 32 вер. обширныя поля, промышлять невелятъ а есть соболи и другой звѣрь, промышляютъ плашками.

Отъ Рыбинска до Упра 26 вер. до балая 24 вер. Дорога идетъ перелесками; въ сихъ двухъ деревняхъ живутъ посельщики довольно хорошо. Держатъ почту за которою имъ платятъ изъ округи красноярской, въ дали видны съ обоихъ сторонъ горы идущія отъ Енисея.

Отъ балая до Кускуна 33 вер. дорога идетъ перелесками березникъ съ Соснягами и Ельникомъ. Горы видны ближе.

Отъ Кускуна до Ботоя—24 вер. дорога идетъ перелесками Соснягомъ Ельникомъ и березникомъ, потомъ выходитъ въ лощину въ которой течетъ рѣчька Ботой. По сей рѣчькѣ много селеній.

Отъ ботоя черезъ пригорки дорога идетъ полями, наконецъ близъ Енисея до красноярска 25 вер. Мимо села березовки и деревни.

1 Марта.

Красноярская округа изобилуетъ хлѣбомъ; по пашнямъ родится карлыкъ, родъ дикой грѣчи. Около Красноярска находятся большія стѣпи и мѣста удобныя къ хлѣбопашеству. Хотя снѣгу падаетъ мало но озима не вымерзаютъ. По всходѣ ихъ пускаютъ осенью на нихъ скотину. Соль въ Красноярскъ доставляютъ съ соляныхъ козенныхъ варницъ.

Въ Красноярскѣ былъ у Коменданта, купили повозку, обѣдъ у него жъ. тутъ старой маіоръ о пруской службѣ, пьяной сосѣдъ постоялецъ у казацкаго головы. У прежняго хозяина. Комендантъ и онъ провожали.

NB. На дорогѣ близъ Авзамая Исправникъ подарилъ стерлядь и стоялъ все безъ шапки.

Для Евдокіи и воскресенья много пьяныхъ.

Отъ Красноярска до Залѣда[1])евой 25 дорога идетъ прекрасная долиною въ верхъ по рѣкѣ Катѣ или Качѣ. Слѣ-

---

[1]) Выправлено изъ „е“.

дующія сію рѣчьку возвышенности становятся ниже; наконецъ едучи отъ Залѣдаевой въ 15 вер. въ ѣзжаетъ въ лѣсъ и березниковъ до Малаго кемурга (Кемчуга) 31 вер.

2 м.

Пашенной земли около сей посельщичей деревушки довольно но они совсѣмъ пахать перестали, а какъ они такъ и слѣдующія хлѣбъ покупаютъ отъ Красноярской округи, изъ коей его возятъ на винокуренныя заводы въ Ачинскую Округу. Промыслы по симъ всѣмъ станкамъ есть опричь соболей, но мало промышляютъ.

До большаго кемчуга 35 вер. къ нему спускъ съ горы самой худой Петра. Тутъ Елани великія для пашни но мало пашутъ и непромышляютъ А сіе дѣлаютъ живущія по Юсу за хрѣбтомъ Татара, дорога идетъ все березниками рѣдкими и Еланями до Черноречинской 38 вер. Около оной поля великія но пашутъ мало. Посельщики иные богаты, продаютъ овесъ и сено. Они нанимаются гонять почту а цѣна по дорогѣ отъ 50 до 90 р. за пару. Пьютъ довольно. въ сей округѣ въ питейныхъ домахъ сидятъ по выбору мещане, а ненаемные. NB. Колыванская Казенная полата взыскала съ могистрата красноярскаго за недостающее вино за Сидельца котораго сама наняла.

До Арчинска 32 вер. Около сего города находятся чулямскія Татара которые платятъ ясакъ. Пріѣхавъ ночью пили чай и поѣхали; очередь на почтѣ не исправна. Въ Черноречинской я много кричалъ и пр.

Ачинскъ стоитъ на возвышенномъ берегу чулыма, по которому нынѣ плаваютъ три года съ хлѣбомъ въ Тобольскъ. NB. Мошна много. На Ачинскъ выходитъ Енисейская дорога. NB. изъ Красноярска можно проѣхать до Борноула въ верхъ по Енисею, но дорога трудная. Красноярскъ похожъ на городъ, на Арчинскъ деревня.—Наѣхалъ сержантъ стряпчаго съ 2 возами хлѣба, отъ того очень учтивъ. Отъ Арчинска до Красноречинской перѣехавъ чулымъ поля обширнѣйшія.

Селенія есть по чулыму а въ низъ подалѣ Сатара. NB. Краснорѣченской заводъ которой въ 5 верстахъ возятъ хлѣбъ изъ Красноярской округи по 27 к. пудъ. 70 казановъ тожъ и на боготольскомъ.

До красной рѣчьки, волость—28 вер.

3 м.

До Села Боготольскаго—29 вер. дорога идетъ полями, Еланями и березниками, Танги (sic) остаются въ низъ по Чулыму сперва нешироки, потомъ около сусловой во 100 верстъ ширины, но выломаны по годой, и выгорели а нынѣ зверя совсѣмъ нѣтъ, а прежде были хорошія промыслы. Въ сихъ мѣстахъ за 2 года появилась воздушная язва и мерли люди, но лѣкарства незнаютъ. Тѣ кои были собственныя крестьяня къ Колывановскимъ заводамъ, не приписаны, ни посельщики, но нѣкоторыя около Ачинска и Кіискія, а гоняютъ почту.

До Итати 34 вер. Здѣсь обѣдали. до Тажинъ 33 вер. До Суслова 28 вер. На Итати встрѣтились съ совѣтникомъ масаловымъ, которой сказывалъ, что Г. Г. Селифонтовъ возвратился изъ Тобольска; Привезъ два письма. NB. За Красноярскимъ визитъ отъ Воинова и Комарова, съ ними былъ Голяковъ но его не видали.

Участь Селифонтова и пр. Въ Итати и далѣе почту держатъ Табольскія ямщики, платятъ за пару по 100 и 105 р. обывателямъ, но несами, а купецъ у нихъ снялъ, а самъ можетъ быть взялъ дороже, здѣсь держатъ 12 почтовыхъ, и недѣльныхъ еще, а въ Красноярской округѣ 12 почтовыхъ и 16 Ямскихъ. Въ Удинской 20 почтовыхъ и недѣльныя. Въ Тулунѣ 50 лошадей на стану, вездѣ разница въ цѣнахъ и лошадяхъ и пр.

4-е М.

Отъ Суслова до Кіискаго на рѣчькѣ кіѣ 24 вер. Дорога вѣздѣ одинакова, по рѣчькамъ бываетъ лѣсъ соснякъ

и ельникъ. По Кіѣ есть деревушка сторожиловъ. Тутъ былъ споръ о нашихъ подорожныхъ. Дорогу вѣздѣ замѣло и ѣхали медленно.

До Подъельничьей 24 вер. Тутъ и въ слѣдующихъ пріѣхали селится 80 душъ изъ окрестностей Екатеренбурга, которыя были приписаны къ демидовымъ заводамъ. NB. другія тогожъ хотятъ.

Отъ Подъельничьей въ 18 вер. въ деревушкѣ Тюменево Зимовье жилъ крестьянинъ богатой Тюменевъ, которой разбойничелъ или лучьше давалъ пристанище разбойникамъ около Томска поиманы въ Берскѣ.

Доберикулы 30, до Почитанки 26, до Килыека 22 вер. во всехъ посельщики, которые за великою гоньбою по симъ станамъ мало пашутъ, хотя пашни много. Въ Тюменевомъ зимовье за большой домъ и 20 десятинъ хлѣба заплатилъ посельщикъ 900 р.

Въ Калыевѣ нашелъ понамаря балагура отъ церкви спаса на яѣ въ сторонѣ. Ему на вино онъ хотѣлъ поминать въ церквѣ-или-на кабакѣ. Воды берутъ въ ямахъ за 2 верс. отъ Колыева до Ишимы на яѣ, гдѣ есть нѣсколько старожиловъ и по Яѣ селенія. Дорога таковаже березниками и Еланями.

До Ишимы, старожилы и посельщики, 22 вер. за разгонами и худой дорогой ѣдемъ тихо. Передъ Почитанкою встрѣтились съ Дьяконовымъ бывшимъ секретаремъ Г. Г. пиля насилу разъѣхались.

5-е М.

Въ Ишимахъ пили чай, время выяснивало.

До Торунтаевой 22 вер. Гдѣ есть сторожилы и посельщики ѣли печеную рѣпу съ великимъ апетитомъ и перемѣнивъ лошадей поѣхали до Халдѣевой 23 вер. Тутъ Полинька говорилъ, что мы ѣдимъ къ Халдѣямъ и Вавилонянамъ мудрецамъ, въ оной обѣдали у тогоже старика гдѣ ночевали ѣхавъ въ Иркутскъ.

У посельщиковъ много сиротъ въ лахмотьяхъ.

До Семилужнаго села, гдѣ есть церковь старожилы и мало посельщиковъ—15 вер., а отъ туда до Томска 30 вер. Въ томскѣ стали на квартиру къ томуже хозяину гдѣ жили преждѣ. Приняты ласково. Онъ голова городовой.

6-е М.

Отобѣдавъ у Шумилова поѣхали до Калтоя 25 вер. деревня Татарская а въ верстѣ отъ нея руская, стоитъ на возвышенномъ берегу протока рѣки тома. Дорога отъ Томска до Перевоза идетъ пространнымъ полемъ подлѣ возвышеннаго древняго берега рѣки, къ которому она отъ перевоза оклоняится; тутъ питейной домъ и крѣстъ надъ утопшимъ. На угу возвышеннаго берега выходятъ Аспидъ, Гранитъ, кварцу бѣлаго много валяется; земля черная изъ коей купоросъ и квасцы. Подлѣ того бѣлая фарфоровая глина изъ коей посуду дѣлаютъ, но худо. За рѣкою лѣсъ темной идетъ въ правой сторонѣ и въ лѣвой поля и луга и деревень много Татарскихъ и ѣдутъ мимо ихъ кладбищъ.

Почту Варюхинскія гоняютъ однѣ безъ подмоги.

До варюхинской на черной речькѣ 22 вер. дорога идетъ перелесками соснягомъ и полями. Тутъ село и волость, долго ждали лошадей ночью, или подмоги нѣтъ, такъ же на черновской и Елизаровской, ибо къ нимъ были для гоньбы приписаны три волости по Оби а они предъявляютъ указъ Петра Перваго подъ твержденной Елисаветою. Хотятъ прошеніе посылать въ тобольскъ.

Отъ Варюхинки до Черновскаго 34 вер. ѣхали ночью, дорога идетъ лѣсомъ соснягомъ, гдѣ мало Еланей и горы для пашни и сенокосовъ.

7-е М.

До Елизаровой 19, до Ершова Зимовья гдѣ посельщики 22 вер. Дорога идетъ березниками и рѣдкимъ сосня-

гомъ. Прежняя перемена лошедей была въ деревнѣ карасевой за две версты до Ершовой и щитали отъ Варюхиной 33 версты.

На Ершовой гоняютъ сообща окольныя три селенія до Аяшенской, тутъ волость—25 вер. Дорога идетъ полями и рѣдкимъ соснягомъ. Въ сихъ мѣстахъ обь отъ томи верстахъ въ 80 и меньше и пообѣимъ рѣкамъ много деревень рускихъ и татарскихъ. Промыслы звериные есть: бѣлка, мѣдведи, и особливо много Оленей. Но крѣстьянѣ становятся бѣдны. Промыслы худы и всѣ ходятъ въ заводъ работать сверхъ подушныхъ 4 р. 8 к. рубятъ дрова на 1 р. 70 к. и въ работѣ выходитъ душа на душу. NB По ту сторону Томска посельщики сверхъ подушныхъ и запаснаго хлѣба платятъ еще мукою.

Отъ Аяши дорога идетъ къ оби. Въ Аяшѣ обѣдали у мужика которому было въ первую Резанова ревизію 18 лѣтъ нынѣ уже пятая. Онъ себѣ щитаетъ 90 л. бодръ, нѣтъ ни малой сѣдины ни въ головѣ ни въ бородѣ.

Ѣхавъ къ Ташерѣ повстречали 3хъ человѣкъ посельщиковъ, которые исправляли дорогу, но для виду только. Сіе дѣлаютъ и въ другихъ мѣстахъ.

Дорога къ Оби идетъ лѣсомъ Соснягомъ.

До Ташеры на берегу Оби 21 верст. переѣхавъ черезъ Обь на коей много островов и противномъ (sic) берегъ низкой, идѣтъ дорога пространнымъ лугомъ до дубровны гдѣ лѣтомъ бываетъ перевозъ 20 вер. до Арскаго зимовья 20 вер. дорога идетъ лугомъ по Оби, а потомъ за зимовье чрезъ боръ до деревни Иліаула Татарскаго Оръ, а отъ оной по Чаусѣ лугами до Чаускаго 19 верстъ, въ ономъ живутъ крестьяне приписанные къ Колывановоскрѣсенскимъ заводамъ гдѣ они работу производятъ сверхъ подушныхъ денегъ цѣною каждой душе на 2 р. 70 к. а платятъ буде сами нехотятъ отъ 12 до 15 р. и самой радивой можетъ оную едва окончать въ 10 недель. Питаются однимъ хлѣбопашествомъ. NB Землю около Томска навозить нельзя, ибо родится на пашне одна трава пырей. Посельщики пониже

ташеры дѣлали всякія опыты неудачно. NB. Въ чаускомъ бывали изъ крестьянъ казаки временные, называемые бѣломѣстные. NB росписки въ работахъ даютъ будто волнонаемнымъ.

8-е М.

Въ Чаускомъ видѣли чеботаря Томскаго которой ходилъ надощеникахъ; шьетъ женскіе башмаки хорошо для парутчиковой жены, которой исправляетъ должность пищика.

Отъ Чаускаго до старожиловъ Тыришкиной на Аіоше 26 вер. тутъ волость. Дорога идетъ по чаусѣ полями и лугами мимо многихъ деревень Село Аіошъ на устье сей рѣчьки. За симъ селомъ на одной возвышенности видъ прекраснѣйшей. Поля обширнѣйшія, луга съ перелесками, рѣка Чауса и множество деревень. Въ лево въ дали по горѣ густой лѣсъ, составляющей берегъ Оби, а во кругъ горы неочень высокія сопровождающія берегъ одинъ чаусы. Переѣхавъ Аіошъ близъ деревни сидящей на высокомъ красивомъ берегу, дорога склоняяся въ право идетъ чрезъ обширнѣйшую степь, едва ли гдѣ поросшую мелкимъ березникомъ до Тырышкиной. Отъ Тырышкиной до крутыхъ логовъ 20 вер. переѣхавъ несколько уваловъ дорога вступаетъ въ Барабинскую степь. Для глаза путешествіе по оной всегда [1]) . Нѣтъ нетокмо страшныхъ утѣсовъ или навислыхъ каменныхъ каменныхъ [2]) разселыхъ [3]), но ниже малаго при горка. Земля вездѣ равна, и доказываетъ несомнѣнное пребываніе на ней тихихъ водъ. Дабы имѣть понятіе о барабѣ представь себѣ обширнѣйшую долину, мѣстами усѣянную, то мелкимъ, то высокимъ но рѣдкимъ березникомъ, рѣдко гдѣ есть осина, а того рѣже маленькой соснякъ. Ельнику невидалъ, во многихъ мѣстахъ находятся озера которыя отъ нѣсколькихъ саженъ въ діаметрѣ бываютъ до многихъ верстъ. Иткуль въ 4 версты, Убинское въ 60 верстъ. Съ тѣхъ поръ какъ Рускіе житель-

---

[1]) Пропускъ въ рукописи. [2]) Sic. [3]) Разсѣлинъ?

ствуютъ на Барабѣ, озера иные высохли, берега ихъ поросли камышемъ и многіе мѣста онымъ поросшія доказываютъ, что тутъ были озера. Въ большихъ много рыбы, а въ тѣхъ которые поменше рыба задыхается. Чаны въ сторонѣ отъ большей дороги. Озеро весьма рыбное и пространное и ловъ рыбы великъ.

Въ крутыхъ логахъ купили щукъ 1 пудъ 60 к. Ловленая въ Убинскомъ. Мужикъ кажется богатъ. Изъ посельщиковъ живущихъ иные довольно зажиточны. Плачевнаго зрѣлища, старыхъ и дряхлыхъ обнищавщихъ становится гораздо меньше, и можно предсказать, что если разорительная рука начальства частнаго непростретъ свое опустошеніе, если равняющаяся огню для сельскаго жителя приписка къ заводамъ не распространится на Барабинскихъ жителей, то благосостояніе ихъ будетъ лучьше и лучьше.

Отъ крутыхъ логовъ до Овчинниковыхъ 26 вер. до Секты 18 вер. отъ сюда ѣхали ночью. Лошади худо мѣдленно.

Отъ Секты до Села Иткулы 26 вер. Тутъ волость, блись озера; вѣздѣ водятъ гусей. Тутъ церковь для всѣхъ селеній поселенныхъ до Касинска.

До Каргатской дубровы ѣхали скоро 21. до Каргата изрядно 25 вер. пріѣхали при всходѣ солнца чрезъ обширныя, низкія и мокрыя долины, мимо озеръ. Пили чай и хозяйка благосклонна у которой добродушіе на лицѣ написано. Противъ обыкновенія крестьянскаго двѣ комнаты рядомъ; избы съ трубами. Глину набѣленіе берутъ, бѣлою которою капаютъ на каргатской дубровѣ и оною бѣлятъ избы. NB Колодники ходятъ отъ селенія до селенія одни; сіе безъ опасно.

9 М.

Отъ Каргата на рѣчькѣ въ коей вода пахнетъ, чай пили изъ льда до Карганской при—27 вер.—Озеро Карганъ коему длина 17 верстъ, въ немъ есть рыба но нѣсколько какъ въ Убинскомъ, которое отъ онаго очень близко, и

близъ котораго стоитъ деревня Уба или Убинская гдѣ нынѣ волость—28 вер.

При поселенiи и послѣ всѣ посельщики въ сей сторонѣ управлялись управителемъ, которой жилъ въ Иткулѣ. Всѣ вспоминаютъ управленiе блея нынѣшняго Каинскаго городничего, и желали бы имѣть его опять. По другую сторону Каинска былъ другой управитель. Нынѣ еще приходятъ къ Блею разбираться. NB Въ Удинскѣ помнятъ Богаевскаго которой былъ при таможнѣ. Въ Убинскомъ озерѣ и Каргатѣ ловятъ больше всего щукъ, караси есть Язи, лини, окуни и все сiи рыбы отмѣнной величины. Во всѣхъ сихъ мѣстахъ печи и многiя потолки бѣлятъ глиною, которую копаютъ на Иткулѣ близь небольшаго озерка или болота.

Убинское озеро измѣрено было, длины имѣетъ 60 а ширины 40 верстъ; но болѣе того есть озеро Чаны, лежащее между Каниской Томской, берской и [1])
округъ но исполнено островов; живутъ около онаго крестьяне и много промышляютъ рыбы, которую возятъ даже на вятку; такъ какъ въ Казань и Россiю гоняютъ лошадей изъ Сагайской степи.

Отъ Убинской до Калмыковой 30 вер. смѣнили лошадей въ деревушкѣ на 15 верстахъ, потомъ отъ Калмаковой ѣхали до основской 31 вер. а отъ сей остановясь немного въ [2]) . . . . . въ деревнѣ Половинной до ѣхали до Канскаго на Омѣ 31 вер. По сей дорогѣ и отъ Канска есть малые при горки или холмики, такъ же по мхамъ какъ и въ другихъ мѣстахъ соснякъ.

Канискъ прежде острогъ лежитъ на омѣ чрезъ которую лѣтомъ перевозъ. Мѣсто вѣсьма плоское, одна церковь въ срединѣ города, строятъ каменную. Исправникъ грубiянъ. Почти вездѣ они славятся взятками. Какъ нихудо а съ тѣхъ поръ какъ Конскъ городъ; То строится Зиновьевъ.

Примѣчанiя достойно что нынѣ Сибиряки нестоль ста-

---

[1]) Пропускъ въ рукописи. [2]) Одно слово неразборчиво (вѣроятно, искажено переписчикомъ—„Сувiр:“).

новятся гостепріимны. Причина можетъ быть великой проѣздъ. Въ Убѣ взяли съ насъ за каврригу хлѣба 10 копеекъ, а пудъ муки ржаной продаютъ въ 25 к. Овесъ же 35 и 40. прошлаго года былъ овесъ и мука въ 1р.-20к. во всѣхъ почти мѣстахъ почтовыхъ 12 лошадей содержатъ ямщики Тобольскіе, Туринскіе и пр. платя на пару въ годъ по 100 и 150 р. На Барабѣ рѣпа родится въ $^1/_2$ арш. въ діаметрѣ и что мудрено сладкая.

10 М.

Прождавъ до полудни по неблаговоленію исправника лошадей. Ѣхали до Каменки или булатовой 31. довольно скоро, равнымъ образомъ и до Антошкиной, 18 вер. въ которой квасъ пахнетъ гнилыми яйцами или какъ испорченная зелдцерская вода; переѣзжая чрезъ озеро изъ котораго жители берутъ воду, обоняли тотъ же запахъ. Въ Антошкиной много бѣдныхъ стариковъ, во многихъ мѣстахъ они уже померли. Примѣтно что по сію сторону Каниска, въ коемъ есть такъ же посельщики, они бѣдные. Ѣдучи къ Покровскому сѣлу гдѣ есть и старожилы—23 вер. обоняли гнилой запахъ. Село Покровское стоитъ на рѣкѣ ичѣ. Ночевали, барыня занемогла. NB у Старика которой слѣсарничаетъ. Былъ серебряникъ боровской, 90 лѣтъ, помнитъ дѣда моего; имя его Иванъ Щукинъ. Живетъ зажиточьно въ Ирбитѣ отъ пускаетъ до 12 лошадей, ѣздитъ его пріимышъ.

Простоявъ 11е число по причинѣ болѣзни Е. В. [1])-12е, выпивъ чаю поѣхали до Турумовой или Турунги—17 вер. Сія деревня стоитъ на рѣчькѣ Амѣ въ верстѣ отъ нее есть деревня того же имени въ 30 дворахъ, въ ней живутъ ямщики, дорога идетъ по прежнему. Озеро при дорогѣ надъ коемъ была Татарская деревня 40 дворовъ, но отъ рускихъ уѣхали на другое озеро, въ окольностяхъ Татаръ много. Въ семъ Озере ловили съ начала зимы рыбы и поимали 50 возовъ щукъ и карасей, пудъ продавали по 10 коп.

---

[1]) Вторая жена Радищева (и сестра первой).

До Голопупова села старожилы на Тартасѣ 18. Домы сосновые и кедровые. По сей рѣкѣ много деревень и составляютъ волость. Другая волость по Оми въ которую Тартасъ впадаетъ неподалеку. Близъ сей деревни ѣдешъ мимо превеликаго луга на 50 вер. на коемъ разливается Омь. Видно что сіе есть дно озера. Въ сухой годъ когда сѣна выгорѣли, изъ дальнихъ мѣстъ съѣхалися нѣсколько сотъ людей косить сено.

По Тартасу держатъ много скота, особо овецъ, два года язвы небыло, а предъ темъ на коней язва, на коровъ валежи, балели языки на овецъ оспа или шолуди, даже куры мерли люди отъ коней заражались.

Въ голупуповой пьяной ямщикъ спорилъ о лошадяхъ и говорилъ непрежнѣе вамъ время, васъ возятъ подъ чахломъ, впереди ведутъ 60 генераловъ на канатѣ.

Видно огорченіе противъ дворянъ и начальства. NB проѣздъ великъ.

До Вознесенскаго села—23 вер. тутъ обѣдали у ямщика. Е. В. не выходила изъ возка. Село большее, посельщиковъ 100 дворовъ и дѣсятокъ старожиловъ. Хлѣбъ вездѣ дорогъ.

До Камышевой или Хохлова—20 вер. дорога идетъ мимо великаго озера чрезъ которое въ суходонномъ мѣстѣ мостъ, ему верстъ 30 длины. Ѣдучи камышемъ запахъ дурной. Пытали жечь камышъ но незагарался. NB если бы жгли камыши то можно думать что воздухъ на Барабѣ былъ бы здоровѣе. Язвы небыло двагода. Въ озерахъ рыбы много.

До назаровой или Кушаги 19. мѣста вездѣ одинаковыя, озера болота перелески.

До Муравьева или мурашей—12 верстъ почтовыя въ Назаровой поостанавливаются.

До Резина—24 вер.

13 М.

Въ Резинѣ выпивъ чаю поспѣшали ѣхать и ѣхали до Копьева 20. здѣсь дорога идетъ надвое въ лѣво на Ом-

скую крѣпость куда возятъ съ Барабы хлѣбъ по подряду въ 70 к. пуд. На заводъ винной гдѣ цѣна такъ же по 70 к. закупаютъ изъ Канска. Дорога таже идетъ и на Ишимъ и выходитъ на Тюмень ближе нежели на тобольскъ 300 вер. по сей дорогѣ проѣздъ превеликой, обозы Ирбитской ярморки тутъ ходятъ. За 3 вер. отъ Артыка боръ, и конецъ Барабы.

До Артыша на рѣчькѣ того жъ имяни двѣ версты отъ Иртыша 33. на Артыкѣ живетъ старикъ блиновъ весьма добродушной. Въ 1795 году когда хлѣбъ на барабѣ продавали въ рубль и 1 р.-20 ко. онъ продавалъ бѣднымъ по 50 к. и продалъ болѣе 700 пудовъ. У него 4 сына и одинъ только пьетъ мало вина. Промышляютъ.

На Артыкѣ отобѣдавъ у крестьянина долматова. NB. кровлѣ на избѣ боится дѣлать ипансею (sic), не будетъ ли запрещенія. Новая изба доски половые 13 верш. столъ такъ былъ какъ липовой, хозяинъ ногу порубилъ, ему лекарства далъ. Въ 3 хъ верстахъ есть мостъ во 100 саженяхъ отъ Иртыша къ которому пристаютъ паромы въ высокія весеннія воды. Его тянутъ отъ слободы (село) такмыцкой, а въ низъ плыветъ по Иртышу. До Такмыцкой отъ мосту 7 верстъ. Лѣтомъ въ ней перевозъ стоитъ на возвышенномъ берегу Иртыша и на углу взвоза церковь. Половина слободы въ низу. Видъ отъ оной прекраснѣйшій.

Поднявшись на гору отъ Такмыцкой дорога идетъ древнимъ берегомъ Иртыша до коего мѣстами досязаетъ его разлитіе, что составляетъ мѣстами озерки, въ кои заходитъ рыба даже осетры. Лѣтняя дорога до самой Тары, идетъ возвышенностію, зимнія частію рѣкою, [1]) частію лугами мимо многихъ деревень сидящихъ при Иртышѣ, изъ коихъ полѣтамъ всѣ разъѣзжаются по заимкамъ совсѣмъ скотомъ и деревни остаются почти пустыя.

Отъ Артыка до Мешкова 27—до Устаръ 29-вер. Здѣсь

---

[1]) Начиная отъ „идетъ“, вписано поверхъ строки.

перемѣна только назиму а лѣтомъ въ серпеневой на высокомъ берегу.

До Тары отъ Устаръ—32 вер.

14 М.

Въ Торѣ:-пріѣзжалъ комендантъ Зеленовъ. Имѣетъ нѣкоторыя знанія. Штабъ Лѣкарь Козловской. Базаръ. Петръ укралъ 50 ко.

Городъ Тора построена на высотѣ берега отдалившагося уже Иртыша. Другая половина въ низу.

На Барабѣ видѣли пользу изъ Економическаго хлѣба въ время послѣдняго не уражаю. такъ же и въ другихъ мѣстахъ.

Воскрес. 15 М.

Въ Торѣ: понедельникъ 16-е въ Торѣ. записка отъ сержанта ссыльнаго.-17-го проѣхалъ И. Ф.- 18-го лѣкарю отказъ. 19-е люди поѣхали въ Тобольскъ. 20-е Таня захотѣла тафты на каподъ. 21. исповѣдавалась Ленту купилъ ненадѣла. Ссыльнаго поляка Охотскаго визитъ. NB. жилину несъ чемъ ѣхать, баба ворту мажетъ, инбирь, калганъ, ярь, нашатырь, крымза. NB. Купилъ на копейку, кисло вкусъ металической. Причастье принесли изъ церкви. Соборованіе масломъ. Всѣ довольны, одинъ попъ казалося недоволенъ.- 22-е визитъ порутчика ловцова ѣдущаго въ Иркутскъ, онъ былъ въ Японіи, недоволенъ что не даютъ лошадей Визитъ отъ смененнаго виннаго пристава изъ Туруханска. NB. Если правда все что оказываетъ, то истинно нещастливъ. 24-го былъ у купца Келейникова.-

Пробывъ въ торѣ долѣ нежелибы желаніе наше было мы выѣхали 27 числа въ половине дня до села Будакова 30 вер. дорога идетъ по возвышенному древнему берегу иртыша, правой онаго берегъ ведетъ за собою сосновой лѣсъ, лѣвой низкой березникъ и въ даль болота, таковая же дорога продолжается до Знаменскаго погоста или че-

редова-20 вер. лежащего на озерѣ изюкѣ которой ничто есть какъ заливъ изъ Иртыша. Въ семъ озере а паче въ другомъ въ десять верстъ. О (sic) Тары ловятъ много рыбы даже [1]) и зимою. весьма вкусной. ѣдучи отъ чередова дорога почтовая идетъ въ лѣво на Аевъ рѣку а другая ближайшая, по которой бываетъ проѣздъ обозамъ идетъ вдоль Иртыша большею частію чрезъ татарскія селенія. Здѣланы для лѣтней дороги просѣки но зарастаютъ и листы сноситъ водою. Для того по нѣй и неѣздятъ лѣтомъ.

Аевская слобода гдѣ живетъ много богатыхъ раскольниковъ, въ 18 верстахъ отъ Чередова стоитъ на Аевѣ, тутъ нынѣ почты нѣтъ а переменяютъ лошадей въ завьяловой въ-26 вер. отъ Чередова. Тутъ живутъ посельщики. По Аеву селенiй довольно и челунина отъ Чередова въ-25 вер. Такъ же на Аевѣ. Тутъ за обѣдомъ крѣстьянинъ расказывалъ, какъ ловили они разбойниковъ, изъ которыхъ Атаманъ ушедшей изъ острога Иркутскаго, и подговорилъ партiю въ заводѣ винномъ близь Торы. (NB. перевощикъ вина имѣетъ позволенiе выкуривать на заводѣ 4 на сто для усышки изъ своего хлѣба). Нынѣшней исправникъ былъ наономъ смотрителемъ. NB. крестьянѣ за него внесли хлѣба недостающаго 20 тысячь отъ чего недоставало знаетъ Варлашовъ.

28-е М.

Отъ Челуниной до Фирстовой на Аевѣ 21 вер. до Рыбинской на Аевѣ 21, становка, посельщики на Аевѣ 20. Въ Зудиловскомъ форпостѣ деревня большая налевѣ станка нынѣ нѣтъ а перемѣняютъ въ верхъ аевской въ 22 вер. тутъ живутъ посельщики. Вся дорога идетъ березниками и мѣсто плоское здѣсь начинается зудиловской Волокъ, мѣсто весьма болотистое, до избушекъ-24 вер.

---

[1]) Пропускъ въ рукописи.

29-е М.

До Ачимовой—29 вер. и такъ волоку 53 версты, то есть отъ вершины Аева до реки барсука. По сей рѣчькѣ селеній довольно; окольныя мѣста блись рѣки возвышеннѣе другихъ, а въ прочемъ одинаковы.

До Коточеговской на барсукѣ 25 вер. Съ сей реки переѣзжаютъ на Ашимъ на которомъ лѣтомъ перевозъ подъ селомъ, воробьево Городище или викулова 21 вер. въ сію деревню приѣхали мы въ вербное воскресенье. Тутъ всегда бываетъ остановка въ лошедяхъ. мужики пьяныя. Запрягли много лошадей, и переднія уѣхали прогоны взяли впередъ. Ямщикъ грамотей въ широварахъ хвастаетъ своимъ капиталомъ.

До голопупова наишимѣ 31 вер. по Ишиму лѣсъ березникъ мѣста плоскіе. Въ голопуповой такаяже бы была остановка какъ въ Викуловой но я перекрестясь сказалъ что ѣхавъ въ ссылку меньше было остановки нежели когда возвращаюся по указу Императорскому. Тогда не стали шуметь. Отъ нее начинается Кусерянской волокъ 56 верстъ на серединѣ, перемѣна въ частяковой, въ ней пять дворовъ 29. до деревни кусерякъ лежащей на балаклаѣ въ которою малая рѣчька кусерякъ въ падаетъ—27 верстъ.

30-е М.

Въ доль Балаклая доѣдешъ до деревни балаклаевской Татара—18. Тутъ я видѣлъ сколь много огорченіе, людей выводитъ изъ памяти. Лошадей ямскихъ въ одну [1]) изъ моихъ повозокъ недоставало, а обыватели недали, но татаринъ Мителейка, нѣхотѣлъ ничему повиноваться и увѣдъ весь сходы. До Истяцкой татара при вагаѣ 23. въ нѣсколькихъ верстахъ начинается боръ которой сопровождаетъ все теченіе вагая, 15 верстъ ѣдешъ боромъ до деревни

[1]) Приписано сверху.

дресвяной—31 вер. дорога уже по теченію вагая поворотила къ севѣру прямо до копотиловой—31 вер. по Вагаю селеній много, правой онаго берегъ покрытъ соснягомъ а лѣвой много березнику, но пашенной земли мало; все болоты.

31-е М.

Проѣхавъ Копотилову дорога идетъ отъ Вагая прочь, которой склоняяся въ право идетъ для соединенія съ Иртышемъ до стараго погоста—30 вер. стоитъ на горѣ, деревень много проѣзжаешъ. Отъ него перемѣняли до маишевской отъѣхавъ 10 верстъ. До Маишевской на Иртыше—25 вер. отъ Маишевской зимнію дорогою по болотамъ и заливамъ изъ Иртыша Иртыша мимо татарскихъ селеній до Тобольска—32.

Въ тобольскъ пріѣхали на разсвѣте 1-го Апрѣля. Сыскали заготовленную квартиру. О! колико первое мое въ Тобольскѣ пребываніе было пріятнѣе. Въ горести свидится, съ тѣми кого всѣхъ больше на свѣтѣ любишь, или разстатся съ нимъ на вѣки . . . . . Сей городъ навѣки будетъ имѣть для меня притяжательность. 3-е, Обѣдалъ у Губернатора. 4-е былъ у вице Губернатора. 5-е у Губернатора. 6-е у вице Губернатора. 7-е Смерть. 9-е погребеніе, дѣтей невидалъ, Исторіи о притесненіяхъ, грабежахъ и пр. Уши въ Уголовной Полатѣ. NB. Для чего на пирогъ созывъ у Ушакова. NB. Проѣхали много несчастныхъ, кассиръ банковой, Тетеринъ, и пр. 9-е вечеру былъ курьеръ привезшей обо мнѣ Указъ, сказывалъ о покраже своей и пр.

Изъ Тобольска выѣхали 22 Апрѣля въ 11 часовъ ночью. Съ нуждою ямщики поѣхали. Ѣхали зимникомъ весьма трудною дорогою по иртышу и тоболу; въ Шишкиной кормили и 23-го уже числа ямщики нехотѣли было вѣзти, написалъ письмо къ Губернатору; поѣхали болотомъ потомъ мимо кремлевой заимки чрезъ озеро до Карачинской волости гдѣ присудили платить по копейки—24 вер. До Кутарбитки на рѣчькѣ того же имѣни 30 вер. и 24-го числа

ѣхали до Баткаловой—24 вер. отъ нея на полдороги стоитъ село Липовское на горѣ при Тоболѣ.

До Бачиловой—22 вер. до Иевлева перевозъ—26 вер. Дорогда идетъ не подалеку отъ Тобола, то возвышеннымъ берегомъ берегомъ, то лугами, перелесками, ближе къ рѣкѣ тоболу есть боръ.

Первыя двѣ и три станціи отъ тобольска лошади хороши а прочіе столь худы что на послѣднихъ двухъ станціяхъ кормили на половинѣ и едва доѣхали.

Отъ обѣдавъ и переѣхавъ Тоболъ, по льду а закраины на плотахъ ѣхали 25-го Ч. до южековой низкими мѣстами близъ тобола—23 вер.

Отъ Южековой ѣхали нѣсколько еще близъ Тобола, потомъ къ турѣ въ щукино или Покровское—24 вер.

26-го Ап.

Въ Созоново на турѣ—31 вер. Въ Созоновѣ писарь умникъ изъ Сенатскихъ курьеровъ, управляетъ умами. Пообѣдавъ ѣхали до Велижанки волость близь туры—25 вер. Тутъ дѣвка продавала ковры изъ Каменскаго села гдѣ всѣ ихъ дѣлаютъ и продаютъ оные проѣзжимъ какъ баранки въ Валдаяхъ; а ея умыселъ можетъ быть другой. Изъ оной до Тюмены 22. ѣхали полдни и вовсю почти ночь лугами, которыя Тура потопляетъ.

27-е А.

Пріѣхалъ въ Тюмень на разсвѣтѣ, поставили насъ на квартиру гдѣ пировали помолвку свадебную. На сей сторонѣ города всѣ кажевни и ихъ очень много. Юфта дешевлѣ всей Сибири. Во обще въ тюмени и въ округѣ онаго много всякаго ремѣсла, и цѣлая деревня имѣетъ всегда одно; Неудивительно изъ первыхъ городовъ въ Сибири.

Переѣхавъ по утру на квартерѣ у мѣстнаго точильщика Одинъ почти въ Сибирѣ. былъ у Коменданта, которой

отправлялъ казаковъ, всѣ татара. Письмо отъ Варлошова къ исправнику бакулину. Въ Велижанкѣ говорили что онъ уволилъ отъ гоньбы Татаръ. Отобѣдавъ уѣхали до Ушаковой—25 вер.

До Лучинкина послѣдняя Тобольская станція—22 вер.

28-е Ап.

По утру пріѣхали на перевозъ пышмы къ Кылѣ 22 вер. пермской губерніи. Пышма разлилась на версту, переѣзжали въ Ветръ крѣпкой съ трудомъ.

До Тарасовой—28 вер.

Въ Пермской Губерніи наѣхали почту порядочнѣе, на всякомъ станкѣ солдатъ, платятъ всѣ по двѣ копейки хотя неправильно, но неостанавливаютъ. Различія недѣлаютъ между почтовыми и уѣздными. Но почтовые возятъ почту и Курьеровъ.

На семъ станѣ встретили курьера везетъ указъ о неработаніи въ воскресенье и пр.

До Елани 24 вер.

29-е Ап.

До лылаевой—25 вер. на полудорогѣ сего станка перевозъ чрезъ Пышму переѣзжали съ ветромъ.

До Черемы 22 вер.

Въ Камышловъ пріѣхали около вечера—23 вер. Пивъ чай у городничаго, которой хотя чтобы я его уважилъ, сказалъ что хочетъ видѣть сына моего, потомъ что мнѣ дастъ лошадей, пускай и губернаторъ на него осердится.

Отъ Камышлова въ 5 верстахъ переѣхавъ Пышму, въ началѣ ночи ѣхали до Першина—26 вер.

30. Апр.

На разсвѣтѣ выѣхали. Перевозъ на Пышмѣ на пяти ботахъ однодеревныхъ. До Бѣляйки—26 вер. Пышма остава-

лася въ правой сторонѣ но выѣхали къ оной въ селѣ Бѣлоярскомъ гдѣ смѣнили лошадей — 25 вер.

Въ Бѣлоярскомъ по шумевъ съ пьяными мужиками поѣхали до Косулиной—24 вер. Тутъ стоитъ на станкѣ сержантъ. Дорога идѣтъ на двое на Шадринскъ и Камышловъ. Отъ военной команды были больные.

Отъ Касулиной до Екатеренбурга—24 вер. Сія послѣдняя станція отъ части грязна отъ части камениста.

Отъ Тюмени до Пышмы мѣста равные, какъ и всѣ мѣста до Оби; но за Пышмою становятся нетаковы. Уже начинаетъ дорога итти къ верху и хотя Екатеренбургъ стоитъ въ лощинѣ но поверхность пруда его, отъ поверхности Пышмы уже гораздо возвышенна, ибо разстояніе по дорогѣ около трехъ сотъ верстъ, а по теченію рѣки можетъ быть до 500. Къ сему прибавимъ что и возвышеніе до самой Билимбаихи но (не?) велико а тутъ уже течетъ Чусовая, изливающая воды свои въ Каму, слѣдовательно по задъ хребта раздѣляющаго воды Сибирскія отъ водъ Россійскихъ. Надлежитъ думать, что землетрясеніи сію страну болѣе премѣнили нежели другую и склонили въ семъ мѣстѣ вершины Уральскія; Сіе темъ больше вѣроятно что отъ части станціи отъ Каулиной до Екатеренбурга опще (sic) станція отъ сего города до решотъ усыпано величайшими кварцовыми каменьями, къ Билимбайхѣ гранитомъ и самъ Екатеренбургъ стоитъ на крѣпкомъ каменистомъ грунтѣ.

Къ Тюмени ѣхавши видѣли мы еще мѣстами снѣгъ за Тюмень безснежіе но трава желтая; около Камышлова верстъ около ста въ ту и другую сторону, озими зеленелися, земля была подъ яровое вспахана осенью и еіо сѣяли и боронили, вездѣ желѣзными боронами. Таковые вездѣ и около Перми. Въ Екатеренбургѣ жъ куда пріѣхали 1-го маія, огородовъ еще не воздѣлывали. Въ Тюмени и Камышловѣ отъ нихъ югу мѣста гораздо хороши удобны и для дерева плодовитыхъ. NB. Пчелы могутъ тамъ водится. NB. по сію сторону Урала примѣчена язва сибирская.

Выѣхали 4-го послѣ полудни въ Билимбаиху; 5-го поутру выѣхали (задержаны, команда увѣла лошадей) въ ночь, и переѣхавъ чусовую 6-го въ гробовскую поутру гдѣ у исправника порецкаго, пили чай и ѣли, поѣхали съ командою приѣхали въ Киргишанскую, съ командой гдѣ пили чай у копитана. Исправникъ насъ знаетъ. До Кленовской гористо и грязно. Въ Бисертскую приѣхали 7-го, часу въ 9-мъ переѣхали бисерть быструю рѣку и обѣдали въ Ачинской, сварили курокъ.

Сторона восточная уральскихъ горъ около Екатеренбурга плоски, но даже отъ Камышлова есть пригорки и Екатеренбургъ хотя ненагорахъ ностоитъ на шиферномъ грунтѣ. До Решотъ дорога камениста, лежатъ большія каменья кварца мрамора, а потомъ даже до Билинбаихи гранитъ за Чусовою мѣста низки. Пашни нѣтъ до Кленовской, тамъ пашутъ помалу. Въ 5 верстахъ заводъ бисертой Демидова, отъ Киргишанской до Бисертой и нѣсколько дале горы частые и грязно. есть долины мокрыя, гдѣ косятъ сено; отъ Бисертской до Ачинской долины съ пашнею; и около живутъ Татары а отъ Киргишинской, до Бисертской по обоимъ сторонамъ селенiй нѣтъ, хлѣбъ дешевлѣ въ Ачинской. За Бисертскою держатъ пчолъ.

Въ деревню Быковскую прiѣхали вечеру. Горы видны въ дали въ лѣвой сторонѣ а отъ нихъ долины на коихъ бывалъ лѣсъ, изъ рѣдко стоятъ сосны, много бортней; отъ Быковской въ ночь полями, пашнями перелесками, спуски въ село Ключи приѣхали по утру 8-го числа. Сiе селенiе протекаетъ рѣка Иресна очень быстрая, чрезъ нея мостъ. Селенiе версты на три или четыре отъ Ключей чрезъ поля возвышенные къ рѣкѣ Сюксунъ, которую переѣзжаютъ въ селенiи по мосту близъ мельницы, въ правой сторонѣ прудъ версты на 4, на версту шириною принадлежащей Сюксюнскому мѣдиплавиленному Демидовскому заводу. Проѣхавъ селенiе близь церкви поднявшись на высокую и крутую гору ѣхали полями рощами, окруженными, до Сабарки лежащей въ яминѣ. Видъ пруда окруженнаго селенiями,

пашнями, рощами и сосновыми чистыми рощами приводилъ на умъ женевское озеро. Изъ Сабарги напившись чаю, часу въ десятомъ поѣхали въ Кунгуръ, пріѣхали въ 5. Городничей [1]). . . . . копія съ моей книги.

Видъ Кунгура лежащаго на высокомъ берегу Сыленги, въ которую при городѣ впадаютъ Ирена. Берега бѣлаго извѣстнаго плитника. За разливомъ рѣки Бабки, дорога идетъ другою дорогою.

Переночевавъ выѣхали 9-го въ Николинъ день, перевозъ въ городѣ партикулярной, платятъ что хотятъ. Въ пяти верстахъ переѣзжали рѣчьку Шахву при селѣ. Тутъ мужикъ говорилъ, что у нихъ купцы землю пашутъ на что дала казенная палата указъ, ѣхали до станка Зарубина 15. Отъ зарубиной дорога идѣтъ высокимъ берегомъ и выходитъ къ сылвѣ, гдѣ видъ прекрасной, потомъ до Сергинской слободы чрезъ лѣсъ, близъ Силвы. Шаховскаго и К. М. Голицыну принадлежали Бара [2]) Строгоновымъ.

Простоявъ долго въ Серги поѣхали лугами до горы весьма крутой потомъ чрезъ лѣсокъ до Закоптеловой и заней до перевоза чрезъ Сыкваръ. Ночью на берегу переменивъ лошадей ѣхали лѣсною и мокрою дорогою до сельца кольцова принадлежащему К. Шаховскому, мужики разорены и деревни въ опѣки. Поутру 10-го числа напившись чаю въ Кольцовѣ ѣхали перелѣсками 14 верстъ до обыкновенной дороги Кунгурской которая выходитъ при деревнѣ Лобановой, тутъ много попадалося работниковъ съ Коломенокъ плывшихъ по Чусовой. Ѣхали, пашнями, лугами, перелесками до Перми.

От 10 до 15 Маія.

Пробывъ въ Перми съ немалымъ удовольствіемъ въ дому И. Д. и получивъ письмы, согласился плыть по Камѣ до

---

[1]) Пропускъ въ рукописи.
[2]) Пропускъ въ рукописи.

Лаишева. Отвалили послѣ полудня, но не могли по причинѣ возставшей паки погодѣ отплыть далѣе верстъ 30-ти.

16. М.

Простоявъ по ниже села нижнихъ муловъ въ 25-ти верстахъ сухимъ путемъ отъ Перми плыли уже тихою погодою даже за Оханскъ.

Берега камы всѣ лѣсисты, нагорной берегъ то идетъ по правою, то лѣвую сторну рѣки. Лѣсъ былъ голой. Зелени небыло, только набрали по вспаханному полю много пестиковъ родъ дикой спаржи не очень вкусной которую простой народъ приготовляетъ въ пирогахъ; малые ребята брали его по полямъ, можетъ быть ради крайней бѣдности.

17.

Проплыли осу въ трехъ верстахъ отъ Камы на возвышенномъ берегу, при тихой погодѣ.

18.

Плыли при маломъ ветеркѣ, бѣрега лѣсисты, но есть поля расчищенные. Чемъ далѣе плыли темъ зелень начала показываться, сей день видѣли первой дубнякъ. По разчищеннымъ полямъ ибо степей невидно, думать надлежитъ что люди уже живутъ въ сихъ мѣстахъ давно.

19.

По утру рано ѣздилъ на лодкѣ въ Сарапуль. Нашелъ дальнюю родню. До Сарапуля въ разныхъ мѣстахъ заводскіе пристани. Въ Сарапулѣ пристань хлѣбная, отъ куда попадалися суда идущія въ Перьмь, ибо заводы современи неурожая хлѣба за Ураломъ довольствуются отъ сюда. Много хлѣба съ Камы идетъ въ Россію. На базарѣ или рынкѣ,

пусто было рано. Чемъ далѣе плыли темъ болѣе видѣли зелени. Озими большія и лѣсъ одѣвался.

Возставшій ветръ понудилъ начевать близь села; ибо боялися проплывать устье рѣки Бѣлой, въ 4-х верстахъ отъ сего мѣста, гдѣ Кама разлилась верстъ на 20 и бываютъ разбойники. вечеромъ слышенъ свистъ соловьевъ.

20.

Снявшись съ якоря до восхода солнца проплыли устье бѣлой благополучно. Кама становилася шире, а воды нынешней годъ очень высоки какъ и въ чусовой. NB. отплыли на ночлегъ. Алекс. П. NB. несогласіе въ Перми. Управленія караванной Голицынъ примѣчанія достоинъ. Плаваніе по Чусовой. По Камѣ. Караваны съ желѣзомъ. Невъянской заводъ. Турчаниновской. NB. Серебреная руда въ погребу, офицеръ для того посланной. Соляныя суда или лодки, разшивы съ хлѣбомъ. Ниже Сарапуля пристань гдѣ грузятъ лѣсъ дубовой на строеніе карабельное и мачты въ Астрахань, на ко ломенкахъ. Оснастка разныхъ судовъ. Екинувъ (sic) и пр.

По камѣ селеній много, рѣдко проѣдешь десять верстъ чтобъ небыло жилья. NB. сего числа привезли первую рыбу; съ трудомъ находили молока, яицъ и пр. боятся военныхъ людей, которые все берутъ даромъ.

На устьѣ бѣлой Кама разлилась очень широко, такъ же на устьѣ Ика, сіи рѣки выпали съ лѣвой стороны. Противъ устья Ика стоитъ на правомъ высокомъ берегу сѣло Усть Ика. Далѣ на той же сторонѣ сѣло Тихіе Горы гдѣ Кама узка и течетъ глобоко (sic) и тихо. Потомъ на правой сторонѣ сѣло Чалны. А въ сторонѣ есть Татарскія чалмы. По устью Ики и Бѣлой луга затоплены верстъ на 20 принадлежатъ Татарамъ которые ихъ отдаютъ въ наемъ. Недоѣхавъ Чалновъ за 3 версты стали на якорь, въ челнахъ хотѣли грузить хлѣбъ но небыло его ниже въ вѣткахъ.

Снявшись съ якоря предъ восхожденіемъ солнца проплыли мимо Чалновъ потомъ мимо села вятки на лѣвой же сторонѣ. Тутъ рѣка поворотивъ въ право проходитъ отъ Елабуги лежащей на правомъ берегу въ 2-хъ верстахъ отъ Камы. Чертово городище. восшедъ на высокую извѣстную гору противъ города Елабуги на которомъ стоитъ оное городище, я нашелъ что то былъ башня или теремъ въ два жилья, гдѣ уже потолока не было но видны только мѣста для балокъ. Строеніе вышиною сажени четыре поперешнику съ небольшихъ двѣ, кругло въ низу двери надъ которыми вмѣсто верхняго косяка положенъ песочной мягкой камень. NB. (До тихихъ горъ отъ Перми берега были сперва глинисты, потомъ пещаны а съ ихъ мѣстъ орлецы, извѣстнякъ, глиненой шиферъ, пещаникъ) въ верху окно одно другое отъ башни проведено. стѣна вышиною теперь въ сажень, длиною сажени въ три и поконецъ оной круглая храмина въ діаметрѣ неболѣе сажени. Зданіе складено изъ небольшихъ извѣстныхъ каменіевъ, а циментъ, извѣсть смѣшенная съ крупно разбитымъ Алебастромъ, отъ вывѣтренія уже мѣстами стано (sic) ноздревато. Видно что зданіе было съ наружи и въ нутри штукатурено. внутри видны еще стукатурные возвышенные дорожки, снаружи, снаружи (sic) карнизъ около окна. Тутъ нашелся молодой чичеронѣ и повѣтствовалъ что сіе зданіе построено точьно Діаволомъ очемъ въ духовномъ правленіи имѣются записки, что замокъ сей, какъ то онъ былъ дѣйствительно осождаемъ былъ нѣкакимъ богатыремъ, которому по приступѣ отрубили ногу, и оная до селѣ хранится на папарти церковной.

Отъ ѣхавъ нѣсколько верстъ выѣзжали смотреть святой ключь находящейся въ лѣсу въ срединѣ горы. Ключь течетъ изъ вышины изобильной водою. Часть онаго проведена въ родѣ бассейна или ямы окладенной извѣстнымъ камнемъ, подлѣ онаго часовня, кружка для събору, а изъ

ямины сдѣланъ протокъ гребнемъ въ три пальца шириною и въ два вершка глубины, по которому вода стекаетъ въ Каму. Вода весьма чистая и вкусная, по ключу ростетъ кресъ которой уже цвѣлъ; тутъ были и другіе ключевые травы. Отъ ключа поворотя въ лѣво ѣхали узкою Камою до деревни Сентюхъ стоящей въ ущельѣ; тутъ дѣлаютъ лодки изъ одного дерева. Оныхъ лодокъ на караваны покупаютъ великое множество. На нашъ куплено до 20 по 3 и до 5-ти рублей. За сей деревней слѣдовало сѣло Котловка приписное къ заводамъ воткинскимъ принадлежавшимъ нѣкогда Шувалову Петру. Тутъ промышлютъ дѣхтемъ даже до Астрахани. До ѣхавъ до сѣла Свиногорья стали къ берегу тутъ покупается наибольшее число лодокъ для каравановъ. Оно построено на высокомъ берегу Камы. Весьма велико какъ и всѣ села Россійскіе. Во всѣхъ сихъ мѣстахъ видно много одоньевъ хлѣба. Пріѣхавшей за лодками расходчикъ сказывалъ, что есть воры. Весьма примѣчательно что бурлаки съ ними знакомы и водятъ дружбы и знакомые ими пощажены. Селифонтова была атакована. Тутъ стоялъ караванъ Ширяевской съ бѣлой. Позадъ сего села впадаетъ въ Каму вятка. Тутъ многія напились пьяны.

NB. Городъ Елабуга довольно великъ стоитъ на посредственномъ берегу залива камы и рѣка Елабуга впадаетъ въ Каму съ правой стороны, по лѣвую сторону города.

Отваливъ отъ берега рано плыли верстъ съ 20, мимо устья вятки и на силу прибилися къ лѣсу въ разсужденіе возставшей погоды. Тутъ простояли цѣлой день. NB. Въ Свиногорье видѣли на кабакѣ воровъ. Оныхъ боялися на стоянкѣ, и я неспалъ до утренней зари безплодно. NB. Неуменье сплавщика при причалиніи. NB. Воры съ пашпортами изъ вятки ихъ получаютъ легко отъ казначея. Работники судовые съ ними знакомы расказывали про живущаго въ Орловѣ городкѣ, вятской губерніи. Стояло вмѣстѣ много судовъ.

23-е.

Отвалили по всходѣ солнца. Но проѣхавъ немного мимо большаго села Амары стали на якорѣ близь высокаго плитнаго берега, къ которому пристали болѣе 20 коломенокъ. Тутъ въ половинѣ берега на площадкѣ нашли бывшей [1]) станъ разбойничей. Онъ состоитъ въ яминѣ, въ срединѣ которой выкладенъ очагъ изъ дикаго камня. Я былъ у Караваннаго. Повѣсть о разбойникѣ Иванѣ Ѳадѣевѣ, какъ онъ мучивалъ дворянъ которые своихъ нещадили крестьянъ, а щедилъ добрыхъ. Угрозы его дворянину, которой имѣлъ воспитанницу, застали его у мужика, онъ ему далъ 500 руб. чтобъ зажегъ свой домъ и поскакалъ на тройкѣ.

Будучи постигаемъ, началъ кидать ассигнаціи по дорогѣ и тѣмъ спасся. Взяли съ нимъ до 40 тысячь. Что случилося съ Голицынымъ неподалеку отъ Ярославля. Простоявъ почти до вечера поплыли при тихой погодѣ со множествомъ судовъ вмѣстѣ. мимо села Теики или покровскаго, гдѣ грузятъ дубъ на казенное корабельное строеніе и плыли при тихой погодѣ или маломъ вѣтрѣ во всю ночь, и проплыли мимо города чистополья, отъ куда много отпускается хлѣба въ Россію. На разсвѣтѣ были на весьма широкомъ плесѣ.

24-е.

(день сошествіе святаго духа)

Возшедшу солнцу проплыли мимо села Рыбнаго Економическаго въ 30 вер. отъ Лаишева и мимо многихъ господскихъ селъ и деревень.

Въ Лаишевъ приплыли около вечера.

25-е.

Поѣхалъ въ Казань. Отъ Лаишевъ 57 вер. Дорога идетъ сперва сквозь дубовой древней лѣсъ, гдѣ мѣжду онымъ

---

[1]) Приписано вверху.

растетъ молодой вязъ кленъ, береза, ольха, орешникъ и пр. Цвѣтовъ еще мало; рожь въ трубкѣ. въ 11 вер. перевозъ чрезъ Міошу речька въ 10 саженъ ширины но разлилась на полверсты, плывутъ сквозь кусты. Тутъ встретили бухарскаго посланника (чинъ полковничей) которой привелъ въ прошломъ году слона. На другомъ берегу село Покровское Государево, гдѣ ямщикъ останавливался у тѣстя. Отъ толѣ дорога идѣтъ расчищенными полями и видны многія села и деревни, наконецъ въ левой сторонѣ показывается волга и высокой противной ея берегъ. Выѣзжаютъ въ село Іерусалимъ гдѣ домъ Архіерейской на прекрасномъ мѣстѣ и видъ отъ толѣ отмѣнной. Спустясь съ горы доѣзжаютъ до казани. NB. Села нелучьшаго вида, и домы нестоль опрятны, какъ Сибирскіе.

Съ Утра странствовалъ въ Казани. Уже чувствовалъ удовольствіе ѣхавъ туда, воображая что проѣзжаешъ не пустыни, а ходилъ по городу почти въ восхищеніи. NB. У Губернатора; Прокуроръ демесовъ верхомъ и большіе перчатки. Обѣдъ, на Арскомъ полѣ было празднество цѣлую недѣлю. Видъ подъ Казанкою. Озеро Булакъ, на ономъ лодки. Пристань, шлюбки, спускъ фрегатъ. Поѣхалъ вечеромъ и возвратился по утру. NB. Книжная лавка, Демидовскія служители.

26-е.

У Городничего собраніе. Газеты.

27.

Вечеру у караваннаго Его сочиненіе о Табакѣ.

Лаишевъ небольшой городокъ въ 30 вер. отъ устья Камы, отъ Казани въ 57 вер. Улицы имѣетъ прямыя. Дома порядочьнаго нѣтъ ни одного. По берегу построено нѣсколько лавокъ, въ которыхъ товары продаютъ пріѣзжающія Казанскія купцы [1]). Въ связи съ лавками часовня

---

[1]) Дальше—другой почеркъ и менѣе выцвѣтшія чернила, до конца рукописи.

съ образами и въ ней монахъ. Церковь одна въ городѣ каменная, въ оградѣ часовня въ которой виденъ гробъ монаха Варсонофія Убіеннаго въ старые времена. Стеченіе народа превеликое, какъ пріѣхавшіе съ каравана такъ и приходящіе наниматься. Плата отъ Перми до Лаишева работнику 10 р. отъ казны—14 р. Сплавщику 15 р. Коснымъ съ чусовой до Рыбинскаго по 33 р.—Лоцману на томъ же мѣстѣ 50 и 60 р.—бурлаку 26 и 28 р.—Сіи нанимаются зимою въ Вятской губерніи. Оснастка судовъ казенные караваны. Ревдинской всѣхъ проворнѣе. Пониже Лаишева въ 4-хъ вер. живутъ крестьянѣ которые тѣмъ промышляютъ, что вытаскиваютъ потопшее желѣзо. Въ верху и въ низу. На устьѣ камы по росказамъ Голицына живетъ мужикъ, которой по цѣлому часу можетъ жить подъ водою.

Изъ Лаишева выѣхали 3-го Іюня около вечера, и по причинѣ крѣпкой противной погоды стояли ночь въ Ивановскомъ, верстахъ въ 9-ти отъ устья Камы.

4-го Ч. Выплыли въ волгу противъ села Богородскаго. Тутъ множество соляныхъ анбаровъ кои нынѣ всѣ пусты. NB. Въ оное село много съѣзжается бурлаковъ кои ходятъ на соленыхъ лодьяхъ. Анбары стоятъ на высокой крутой горѣ. Проплывъ все за челомъ верстъ 5. переѣхали на ходовую или на горную сторону волги при маломъ вѣтрѣ и отъ ѣхавъ еще немного но въ виду Богородскаго начевали. 5-е Ч. Плыли до села Монастырскаго въ 20 верстахъ и нѣдоѣхавъ онаго немного остановилися за противною погодою. Я сходилъ въ село въ которомъ много садовъ съ яблоками. Есть садъ Архерейской нашли еще яблокъ, которые очень свежи. Отъѣхавъ версты три, стали ради наченшіяся бури въ которою предъ утромъ толико усилились, что была чрезмѣрна. Изъ тучь была молнія, громъ и дождь ее смяхчили. Прошла скоро и чрезъ полчаса стало тихо.

6-го Ч. Доѣхавъ до горы по выше села Тюньки принадлежащего нарышкину пошли бечевою, а досели шли завозами. Ѣхали мимо селъ и деревень Нарышкиныхъ и ночевали у села имъ принадлежащего, противъ мѣста гдѣ жгутъ

извѣску, печей до 15. Сіи мѣста были Семена Кирилови ча и Марьи Павловны; она брала оброку по 5 р. а племянники ее до 10 р. NB. Въ печькѣ до 600 четвертей, по 20 к. четверть распущенной на мѣстѣ а нераспущенной по 25-ти и меньше сажень. 7-го. Поплыли уже взошло солнце. Ветръ воставъ въ крепкой въ 2 часа времени, проводя насъ мимо многихъ селеній довелъ насъ до Верхняго услона, село Государево.

Въ услонѣ: предъ вечеромъ ходили на высокую гору отъ куда видъ прекраснѣйшій. Позадь горы деревня въ верстѣ, которая видна когда заворотишъ, мысъ выше услола. Въ ущелье сквозь которое видна сія деревня много печей извѣстныхъ, извѣсть идетъ и въ Симбирскъ.

Около вечера вышедъ на берегъ, всѣ малые и большіе пошли на гору которая повыше селенія, поросла густымъ орѣшникомъ. На [1]) крутой всходъ, ни густота лѣса ни комары и мошки невоспрепятствовали нашему восхожденію. Возшедъ на самую вершину оной открывается великолѣпное зрѣлище. Гора въ задъ начинаетъ опускаться и въ лощинѣ сидитъ большая деревня; Вокругъ видны поля обработанныя и представляютъ обширнѣйшій коверъ, простирающійся поверхъ неровныя поверхности скатами, холмами, и долинами вольнообразно, коверъ и черныя красоты коего бархатная зелень столь уже была велика, что ветръ производилъ на ономъ водамъ подобное зыбленіе. Въ не весьма большомъ разстояніи кругозреній препоясано было дубовыми рощами. Къ рѣчьной сторонѣ въ лѣвую сторону виденъ былъ высокій волскій берегъ [2]). . . . . коего излучины изсуновшися мысами одна предъ другою, наконецъ завѣшивалися нѣжною синевою, въ коей всѣ предмѣты смѣжалися во едино. Прямо чрезъ волгу простирался низкой берегъ густымъ покрытъ лѣсомъ, въ которомъ малыя видны были дѣревушки; по кустамъ разлившаяся еще волская вода и ближе пещаное прибрежіе, на коемъ многіе

---

[1]) Ни? [2]) Пропускъ въ рукописи.

толкалися групы рыбаковъ вытягывающихъ невода. Въ правую сторону видны были извивающіяся протоки Казанки, близь коихъ на холму изъ среды круглыхъ древесныхъ развѣсистыхъ вершинъ, изсунувшися возвышалися главы церквей Зилантова Монастыря; позадь его видна была Казань. Впереди всего бѣлая стѣна кремля съ боинацами (sic); подлѣ крѣмля впереди простиралася строеніе, домы, коихъ верхи уравнивали отдаленность. Въ заду и мѣжду ими возвышалися только храмы молитвѣ посвященные. Гораздо въ дали въ правую сторону виденъ былъ каменной Архерейской домъ въ Іерусалимѣ съ церковью, яко бѣлое пятно за зеленою завѣсою. По казанкѣ и волгѣ разсѣянно видны были лодки, а дальныя какъ движущіяся черныя пятна.

На устье казанки стояли многіе новопостроенные галіоты, а въ низъ по волгѣ плыли большія барки съ лѣсомъ въ Астрахань назначенные, съ низу всплывали подъ парусами разшивы и коломенки и самые отдаленные при отраженіи лучей солнечьныхъ, бѣлыми и желтыми полушарами являлися; края сей картины въ сію сторону была волнистая зеленоголубая линія пресеченная изтекающею въ низъ волгою въ видѣ зерцалообразнаго отверстія отъ поверхности коего поднимаяся паки на горной вольской берегъ, и приближаяся къ подножію нашему сопудствуемъ волгою въ двухъ большихъ протокахъ раздѣляемыхъ [1]) не весьма великимъ низкимъ островомъ. Ока блудя въ отдаленности сея картины опускаяся въ низъ почти отвѣсно останавливается на селеніи услонскомъ на стоящихъ вдоль его берега судахъ и на степеняхъ и утѣсахъ тоя горы на которой мы стояли. Нижней самы берегъ наполненъ былъ работниками съ двадцать или болѣе судовъ, кои съ мѣста гдѣ мы были казалися пигмеями, токмо слышенъ былъ шумъ скопившейся толпы предъ домомъ радости и плача, предъ кабакомъ.

---

[1]) Приписано сбоку.

8-е Ч. Ѣздилъ въ Казань; Галіоты. Адмиралтейство на Казанкѣ. Зилантовъ монастырь. Пороховые. Кремль, пристань на Булакѣ. Гауптвахта. Часовые. (Ив. Вершининъ боится ѣхать въ Уржумъ. Рыбной рядъ и домъ купца рыбака). Въ Перми мальчикъ у бутки. Лодка съ лимономъ изъ Петербурга, съ посудою глиняною изъ Москвы. Колочи перестали продавать для того, что всякъ обижаетъ. Всѣ они и хорчевники ярославцы. въ годъ вырабатываютъ по 100 р.

9-е. Ходилъ по Услону. Веревки лышные на самоловы прочнѣе. Веревки воронятъ для крѣпости дубовымъ уверомъ. Много огурцовъ садятъ. Сабакъ мало. Якорей много по дворамъ Барки и другіе суда. Стерледей продаютъ въ Москву. Прорезные лодки.

Выѣхали въ 5 часу. Голицынъ поѣхалъ. Едва выѣхали то подняли парусы и шли при тихомъ вѣтрѣ. Берегъ вскорѣ сталъ весьма крутой, сперва извясть, потомъ плитнякъ плотной. Стали начевать въ 7 верстахъ отъ Услоги при деревнѣ, гдѣ много печей извѣстныхъ. Причаливъ суда я послалъ за виномъ. Вино съ водой и цѣловальникъ обмѣрилъ. 10-е Ч. При восхожденіи солнца пошли бечевой. Завтракали на устье Свіяги. Въ волгу перетягивались завозомъ на якорѣ, шли бечевою и шестами. Свіяжскъ виденъ былъ въ лѣвой сторонѣ не на весьма высокомъ берегу. Въ полуторѣ верстѣ отъ судоваго хода; многіе каменные церкви даютъ ему видъ красивой, но тѣни нѣтъ. По задь его мѣста плоскіе пашни, деревни и близь горы села вязовые, гдѣ бываетъ перевозъ обыкновенной на большой дорогѣ; вѣсною же въ Услонѣ. Еслибъ когдалибо нужда востребовала въ Свіяжскѣ сдѣлать крѣпость, то бы она могла быть трудною для взятія. Проѣхавъ низкимъ берегомъ, гдѣ волга въ высокую воду бываетъ очень быстра. Проплыли мимо села Вязовыхъ гдѣ уже перевозили за Волгу. На берегу множество телегъ пріѣхавшихъ за железницею. все Чуваша. Ее солятъ и валятъ сотня стоитъ 60 ко.

Въ вязовыхъ анбары хлѣбные гдѣ грузятъ весною.

За вязовыми берегъ возвышается и чрезъ нѣсколько

верстъ на высокомъ берегу видна деревня, и околица аки вѣнецъ горы при захожденіи солнца стали начевать въ верстѣ деревни гдѣ бываетъ воровская пристань.

11-го ч. Утромъ проплыли мимо деревни лежащей въ низу горы и мимо деревни козловки гдѣ грузятъ много хлѣба и построено много анбаровъ. У сей деревни высокой берегъ склонился и сдѣлалась лощина широкая. Правая сторона волги вся лѣсна и селеній нѣтъ по берегу. Козловка принадлежащая Ѳ. Ѳ. бывшему вятскому губернатору желтухину Жена его ищетъ. Сказываютъ что уѣхалъ онъ изъ С. Петерб. куда неизвѣстно. Много рыбныхъ промышленниковъ.

За симъ деревня на высокомъ берегу гдѣ виденъ домъ господской въ низу вытекаетъ рѣчька надъ коей видны въ вѣрстѣ анбары хлѣбныя. NB. близость чувашъ и черемисъ ихъ строитъ. NB. Сихъ простяковъ обманываютъ.

Вольская гора пресечена лугомъ верстъ на 5-ть на которомъ лежало великое множество мережъ, а къ горѣ поросъ лѣсомъ. Потомъ начинается опять высокой лѣсистой берегъ и селеніи, уже мало живутъ посторонамъ чуваши и черемисы. Лѣсъ дубовой и пр. Купили стерледей за $^{3}/_{4}$ 50 к. за 21 въ $^{1}/_{4}$ и $^{6}/_{10}$ 15 к. Начевали на якорѣ въ 10 саженяхъ отъ берега близь деревнюшки 4 двора и часовня въ которой образъ богородицы.

12 Июня поднявъ якоря на восходѣ солнца пошли бечевою при тихой и ясной погодѣ. По право лѣсъ на низкомъ берегу, на лѣво высокой берегъ поросши лѣсомъ. На пустомъ мѣстѣ въ срединѣ горы видна худая изба гдѣ зимою живутъ харчевники; ибо дорога зимняя идетъ въ доль реки. И такъ сія рѣка зимой и лѣтомъ полезна. Ѣдучи мимо луга видели выѣхавшихъ изъ лѣса 34 человѣка чувашъ мущинъ и женщинъ, ѣдутъ зарыбой, а сами продавъ всякое съѣстное-поѣхалъ корованъ почти весь. Ивановской выгружающей потопшую коломенку на поносѣ.—Село Кушвино невелико а въ 2-хъ верстахъ деревня въ углу залива а другая еще далѣе на горѣ. Ходъ мимо сихъ селе-

ніи протокомъ гдѣ долго шли по мелямъ. Въ правой луговой сторонѣ видѣли городокъ Кокшайскъ. Напротивъ его деревня съ господскимъ домомъ на высокомъ берегу. Шли подъ парусами при изрядномъ ветрѣ. Опережены коломенкою у которой парусъ ярусомъ рогожъ больше и тонсейль полотняной. Ѣхали мимо сѣла сундиргъ, село весьма большее двѣ цѣркви каменные видны еще сказываютъ двѣ. Домы крестьянскіе очень хорошіе, мельницы и пильня. Видны пристани.

Назакатѣ солнца ветръ затихъ и пошли бечевою дабы настичь казенную но отошедъ съ версту начевали близь деревни.

13 Іюня при всходѣ солнца пошли бечевою и настигли, парусъ подняли почти при безветріи ибо сталъ худой бечевникъ. NB. По Камѣ одинъ разъ при тихой погодѣ обѣ казенные плыли счалившись. NB. На Волгѣ много мошекъ и комаровъ, ветръ сталъ крепкой и въ половинѣ дня доѣхали до Чебоксаръ гдѣ вѣтръ за тихъ. Ходили въ городъ. Онъ построенъ половина на сгорье а больше понизу нерегулярной. Церквей каменныхъ до семи. Монастырь. Домовъ много каменныхъ купеческихъ старинной архитектуры. На базарахъ или въ лавкахъ только крестьянскіе товары. видѣлъ много больныхъ отъ ставшихъ работниковъ, недаютъ имъ пашпортовъ, много имъ притесненія. Въ услонѣ видѣлъ какъ работника били нещадно, за то что отлучился. Стоятъ долго понапрасну хотя и есть договоръ, чтобы за часъ платить 25-ко и съ работника вычитать 50-к. за день.

Работники пошумѣвъ перестали. Отошли до пустыни въ оной дворовъ до 10 въ полуверстѣ, дабы больные не просили пашпортовъ. Ходилъ на гору отъ куда видъ изрядной. Въ низу ключь и на ней часовня. Были у заутрини отъ комаровъ. Тутъ начевали дожидались судна.

14-го ч. воскресенье: пошли уже взошло солнце бечевои. NB. у пустыни лежатъ доски дубовые съ казеннаго судна которое лоцманъ поставилъ на тальникъ. NB. съ устья

Камы берегъ извѣстнякъ и местами алебастръ, а около Сундыря красная глина и песокъ, за Сундыремъ виденъ пещаной [1] . . . . . слонецъ. Подлѣ Чебоксаръ видны слои извѣстнягу и глиною окаменелой въ видѣ.

Отъѣхавъ нѣсколько, горы береговые становятся ниже неутесисты а окаты и всѣ покрыты лѣсомъ. Цѣлой день отошли верстъ 15, ибо шли завозами мимо протоковъ и мелей, и начевали на якорѣ среди рѣки, неуспѣвъ дойти до берега.

15-е Ч. Поднявъ якорь дотянулись завозомъ до берега, потомъ бечевой до бурлацкаго обѣда, и на берегу было много чувашъ продающихъ орехи, рубахи, порты, онучи, лапти. Завѣсили Ильнискую пристань, въ 20 верст. отъ Космодаміянска. Проѣхавъ верстъ пять, волскія горы стали гораздо пологи и видны были зеленеющіяся нивы, а рѣка отошла далеко въ право, и недошедъ до города въ 10 верстахъ начевали на якорѣ со многими судами.

16-е Утромъ ветръ крѣпкой препятствовалъ ходу. У берегу гдѣ начевали палубы руль судна разбитаго средь рѣки на поносѣ нашедшимъ судномъ съ зади. NB. на Чусовой суда разбиваетъ о камни, о берега, на Камѣ о берега подводные или деревья занося теченіями разлитіями, на Волгѣ почти всегда поносами иль поставитъ на мель, или ударитъ въ берегъ, или на бѣжитъ съ зади другое, а все отъ того что править не могутъ. Работники на Волгѣ всегда желаютъ попутнаго вѣтра; хорошо но нѣкрепкаго, ибо ихъ неумѣніе и худая оснаска наносятъ бѣды. Пошли но $^1/_2$ версты и стали до вечера, потомъ прошли нѣсколько и начевали на якорѣ въ 6 верстахъ отъ Козмодоміанска. По лугамъ беремъ щевель для кушанья. Находили у которой сверхъ трегранныхъ среднихъ есть пять лапочекъ.

17-е Середа: По восхожденіи солнца шли при тихой погодѣ до Космодоміанска, а тутъ на бечевой. Сей городъ стоитъ на скатѣ горы, церквей 6, меньше гораздо Чебок-

---

[1] Пропускъ въ рукописи.

саръ и видно купечество незажиточьно; одинъ домъ получьше и тотъ деревянной. Неостановясь плыли мимо. За городомъ берегъ возвышается. Противъ города за рѣкою лежитъ село, изъ города тутъ перевозъ и столбовая вятская дорога. NB. У Кокшанска выходилъ (выходитъ?) къ волгѣ боръ. Противъ сего города такъ же видно что по Кокшагѣ онъ есть. А здѣсь видимой идетъ можетъ быть отъ ветлуги которая впала въ волгу противъ села Юнги 7 верстъ выше сего города. По низу бани, куда зовутъ плывущихъ. Анбаровъ хлѣбныхъ мало. Есть набойщики. Прошедъ городъ полдневали.

NB. Лоцманъ боится городовъ ибо ходитъ на разбой.

Отъ города на семи верстахъ сочли село и 4 деревни; противъ села малыя юнги и сѣла покровскаго или большіе Юнги Государево. Шли весьма крепкимъ ветромъ и вошедъ въ истокъ ветлуги [1]) суда понѣслись одно на другое ихъ было до 15. Мы зацепилися райнами, но слава Богу разошлись. Въ Юнгахъ много бань гдѣ проѣзжіе на судахъ парятся. Какъ Волдай. Вятчане называютъ ихъ второй Москвой. Тѣмъ же вѣтромъ проплыли село сумки, Господское, близь котораго въ прежнія времена, такъ повѣствуютъ еще Лоцмана, бывали разбои, въ третьемъ году противъ села хотѣли ограбить лодку, но она взбѣжала на косу и люди вышедъ на берегъ темъ спаслися, двухъ разбойники ранили. NB. въ Лаишева украдена лодка будто ворами, которые хотѣли разбить Ивановскую казенную, за то что прикащики просили чтобъ отдать лоцмана одного въ солдата, которой бѣжавъ сдѣлался Атаманомъ. NB. на шелковомъ затонѣ много грабили и прозваніе шелковымъ потому что жители, такъ и воры единственнаго селенія на семъ заливѣ, столь отъ грабежей избыточествовали всѣхъ что шелковыя носили онучи. Про сумскихъ повѣствуютъ что столь разбойничали въ явь, что жены и дѣти сіи видя съ берегу, крикивали имъ бери и чашки и лошки.

---

[1]) Приписано сверху (начиная отъ и).

NB. Голицынъ сказывалъ что избавилъ лугининскихъ нѣкогда отъ разбойниковъ. Отъ пріѣзжавшихъ къ нему на судно, около рыбнаго, можетъ быть товарищей славнаго вора, которой уже взятъ и которой нелюбилъ дворянъ. Какъ онъ грозилъ одному дворянину у котораго была племянница въ опекѣ.

Плыли до полуночи при весьма уже тихомъ ветрѣ и ночевали отошедъ верстъ около дѣсяти отъ Сумокъ.

18-е Ч. Бечевой при весьма тихой погодѣ и прошедъ мало взмыли село Хмѣлевка, чрезъ которое идетъ большая дорога, и стоитъ на сухой воложкѣ. Тутъ прошедшею вѣсною жили разбойники. По ниже разбило барку на поносѣ, Ивановская, пятная у губы него оторвалася, она рыснула и ударила барку въ бокъ и ее потопила. NB. Ивановскіе нещастны можетъ быть для того чтобъ болѣе было издержекъ. Канаты на пятныхъ не много потолще бечевой. NB. завозные вороненые. для чего несмоленые? Объѣхавъ хмѣлевскую косу пристали у Василя Сурскаго. коего хмѣлевка есть предмѣстіе, въ ней живутъ мещане. Сей городокъ построенъ въ полугоры высокаго холма (до Хмѣлевки отъ Козмодеміанска берегъ неочень высокъ, а за Сурою до Фикиной лощина) Улица почти одна; то примѣчанія достойно что въ немъ небываетъ базара и жители суть большею частію всѣ бурлаки. Предъ обѣдомъ всходили мы на высокую гору, вилъ съ оной прекрасной. Извивающаяся волга видна верстъ на 20. За рѣкою видѣнъ токмо лѣсъ, что тяготитъ мысль и на обширнѣйшемъ пространствѣ селеній невидно въ самой дали подымался дымъ столбомъ яко изверженіе вулкана. Мѣстами по лѣсу были небольшія озера. Въ левой сторонѣ на высокой горѣ надъ волгою видно край селенія а позади онаго на отлогостяхъ видны обширныя нивы на коихъ вѣтръ производилъ зыбь волнамъ подобную. во многихъ мѣстахъ были немалыя селенія. Позадь города поверхъ горы чрезъ Хмѣлевку и потомъ по конецъ города подъ гору-къ Суры гдѣ есть перевозъ идетъ большая до-

рога, сквозь дубовую рощу по гребню горы простирающаяся. Въ ней показываютъ дубъ подъ коимъ Царь Иванъ Васильевичь имѣлъ шатеръ возвращаясь въ Москву по взятіи Казани. По Сурѣ изъ Пензы въ полноводіе возятъ хлѣбъ, вино и лѣсъ на карабельное строеніе. Ждавъ каравана простояли и начевали.

19-е Негодованіе работниковъ что стоимъ, по утру ходилъ съ офицеромъ на верхъ горы. тамъ видны остатки древняго укрѣпленія рвы неглубокія и валъ заросшій, такъ же гдѣ были бойницы. Поновому плану должно было тутъ быть городу и мѣсто размѣрено, было построено нѣсколько домовъ но жителей нѣбыло и они частію сгнили, частію снѣсены внизъ. Наверху только домъ для присудственныхъ мѣстъ и приготовлено кирпича, камня, извѣсти и пѣску. Старался К. Вяземской Генер. Губер. чтобъ здѣлать тутъ торжище но безуспешно. Промыселъ ихъ только холсты, такъ и другихъ селеній которые возятъ къ Макарью. Во всехъ домахъ слышенъ стукъ бердъ. Выѣхали предъ полуднемъ и объѣзжая великой мысъ, полдневали мало. У того мѣста великое множество цвѣло шиповнику и яжевишнику, много щавелю которымъ мы пользовались. Подъѣзжая къ селу Фокину вышли и шли съ версту чрезъ рощу высокаго осокорника; которая вѣсною на сажень стоитъ въ водѣ, такъ какъ и часть нижняго фокинскаго селенія. Оно лежитъ половиною внизу а другая на высокой горѣ на которую взъѣзжаютъ хорошею дорогою. NB. Иныя росшивы отъ смолы все черны даже и мачты а парусъ бѣлой, видъ траура. Избы всѣ почти хорошія и о двухъ жильяхъ, на горѣ церковь деревянная, старинной господской деревянной большой домъ и каменная домовая церковь дворъ обширной и небольшей регулярной садъ въ коемъ липовые и кляновые алей а сіи были крытые и солнцу непроницаемы. Въ саду много вишенъ, яблокъ, мозжевельнику, смородины; по высокой горѣ есть роща превысокая березовая, вязовая и пр. Прекраснѣйшая подобная древнимъ рощамъ блись храмовъ или богамъ посвященнымъ. Въ саду много было статуй чу-

гунныхъ, но новой помѣщикъ жеребцовъ увезъ ихъ въ Боровицкіе пороги. Жена его сестра Кн. Зубова купила ее у молодаго Демидова за 350 тысячь. Сынъ Никита Акинфіе: онъ камеръ Юнкеръ.

Въ Фокинѣ начевали. На берегу множество лежитъ долбленныхъ лодокъ, которые отгоняютъ къ Макарью. При самомъ селеніи обогнали прочіе барки числомъ 15, двѣ барки казенные съ деньгами. Они идутъ чрезъ ихъ бечевни и никто имъ неспоритъ; работниковъ у нихъ въ лямкѣ болѣе, но иногда они ихъ берутъ въ селеніяхъ. Я думалъ что они спѣшатъ въ путь, но въ мѣсто того увидѣлъ что прямо привалили къ кабаку. Офицеры съ Казенныхъ коровановъ наживаютъ тысячи по 3 и до 5-ти. Дарятъ тѣхъ кои ихъ отправляютъ, или лучьше покупаютъ сіе отправленіе. На желѣзномъ ѣдетъ пьяной офицеръ которой мѣня препровождалъ изъ Перми до тобольска; онъ ѣдетъ съ женою и она пьяна же.

20-го. По всходѣ солнца пошли бечевою. Берегъ высокой и въ 20-ти вер. отъ василя село на высокой горѣ Сомовка, тогоже господина. Послѣ полудня шли все на шестахъ и ногда почти въ полъ рѣки, судовъ съ 20 ть вмѣстѣ издали какъ будто галерной флотъ и начевали противъ села бормина, чрезъ которое лежала большая преждѣ дорога.

21-е воскресенье: съ восхожденіемъ солнца при тихой ясной погодѣ шли подлѣ горъ на верху деревни, и обѣдали работники у песку о край канаплянаго затона на нагорной сторонѣ. А проѣхавъ еще на луговой начинается славной шелковой затонъ, можетъ быть и потому что много товаровъ потоплено. Выплывающихъ отъ Макарья, тутъ встречали, пескомъ отъ части его занѣсло. Съ Царствованія Императрицы Екатерины II. разбой вообще становился менше и меньше; илиже что нравы умягчалися, илиже потачька меньше; ибо если еще грабители народные откупалися, но разбойнику труднѣе, илиже надобно откупатся отъ многихъ и больше надобно иждивенія; илиже упущеніе дѣлать разбойникамъ труднѣе, потому, что глазъ за глазомъ

смотритъ, надъ шелковымъ затономъ стоитъ село великое, гдѣ бывало воровское пристанище. Противъ бармина виденъ сосновой лесъ. Знакъ возвышеннаго берега, такъ же и по шелковому затону. Волга течетъ въ срединѣ на нагорной сторонѣ островъ отдѣляетъ отъ гористаго берега конопляным затономъ, а островъ съ луговой стороны отдѣленъ шелковымъ затономъ.

Проѣхавъ шелковой затонъ начевали немного по выше села крѣстовъ на луговой, котораго видна только одна церковь, а въ верстѣ въ виду на высокой горѣ село Просѣки. Прямо видна Макарьевская церковь.

NB. Разбойники которые разбивали противъ хмѣлевки пристань имѣли въ Василѣ у того гдѣ мы смотрѣли стерледей, и офицеръ а можетъ быть и городничей о томъ вѣдали, посылали стариковъ въ погонь. NB. Караванной Иванъ Афонасьевъ сказывалъ что у нихъ есть назаводѣ серебро и золото, и что предъ отъѣздомъ нашимъ изъ Перми они отдали въ Салдаты серебреника которой руду плавилъ, что онъ подалъ объявленіе въ Губернское правленіе. У Графа Пушкина есть штуфы золотые и серебреные съ заводовъ.

22-е Поднявъ якорь и прошедъ мимо просѣковъ дошли до малаго села Исады. Отъ туда я ходилъ въ Лысково верстъ 5, оно въ $1^1/_2$ верстѣ отъ волги, послѣ пожара построено некакъ рускіе села строятся и на крестьянскіе домы непохожи. Базары и въ лавкахъ можно сыскать всего опричь можетъ быть шелковой матеріи, принадлежитъ тремъ помещикамъ. Онъ тутъ живетъ. Мостъ чрезъ лощину которой сноситъ и кузницы всѣ въ водѣ, на вѣсну ихъ разбираютъ. Наберегу множество бревенъ осиновыхъ для дровъ. Крестьяне Голицына половина богатѣе платятъ 6 р. съ души а а (sic) Грузинскаго Бакарова внуки и до 10 р. Трахтиръ съ Билиартомъ гдѣ напился холоднаго мѣду, и слѣдствіе того были ужасны. Возвратясь къ баркамъ я сѣлъ въ лодку и поѣхалъ къ Макарью. На берегу Волги противъ Лыскова бываетъ во время Макарьевской ярмарки торгъ конной, строютъ харчевни и кабакъ.

Вышедъ на берегъ пошли въ монастырь и отходъ обѣдни, почему могли видѣть церковь. Святыя ворота желѣзные, украшены старинною дурною живописью аллегорическою и историческою, отъ части слиняли. Большая церковь о пяти главахъ подъ крышкою живопись. Внутри стоитъ на четырехъ столбахъ и росписанъ. Иконостасъ золотой новой и живопись нестарая лучьше обыкновенной. вокругъ столбовъ по четыре; старинные образа у переднихъ по три, въ переди къ олтарю мѣста. Для пяти сихъ образовъ здѣланы мѣста. Два столба [1]) . . . . . , сверхъ ихъ [2]) . . . . . и корнизъ, сверхъ четыре и три дуги вмѣсто крыши по карнизу цвѣтники [3]) . . . . . на одномъ шапка и посохъ Архимандритской, на другихъ ангелъ. все сіе вызолочено. Рисунокъ дурной, резьба посредственная. Ангелы уроды вызолочены разными золотами хорошо. У северныхъ дверей стоитъ кивотъ или настоящей [4]) . . . . . въ ней статуя христа, на главѣ вѣнецъ терновенной и сіяніе. Подгорюнившись правою рукою, тѣло одѣто лоскутомъ флера. Въ наши дни не подлежало бы терпѣть во храмахъ таковыхъ изображеній, столь они дурны. Домъ Архимандритской деревянной етажъ сверхъ каменной, стоитъ очень высоко. Округъ монастыря стена каменная съ башнями и бойницами и другая низкая стѣнка совсемъ развалившаяся. Подлѣ монастыря къ берегу Волскому стоитъ развалившійся почти гостиной дворъ, на песчаномъ берегу ставятся балаганы или шалашы. За гостинымъ дворомъ множество домиковъ лѣтнихъ необитаемыхъ развѣ во время ярманки; слобода городская хуже всѣхъ волскихъ нагорныхъ деревень, во время сказываютъ у Макарья очень живо.

Ходя по жару и песку ибо монастырь и селеніе стоитъ на песку и отъ холоднаго мѣду столь стало мнѣ дурно что въ лодкѣ мѣня стало рвать и силы совсемъ пропали, на барку меня внесли и положили на постелю, былъ поносъ и су-

---

[1]) и [2]) Пропускъ въ рукописи. [3]) Тоже. [4]) Тоже.

дарга превеликая съ болью въ ногахъ. Сему помогло припарка молошная съ гофманскими каплями.

При маломъ ветрѣ ночевали у села Юркина въ 10 вер. отъ Лыскова.

23-е Ч. Шли по бечевой до Села Татиницы, почтовой станціи. По горному берегу видны деревни. Отъ Юркина луговая сторона начинаетъ возвышатся и лѣсъ отдаленъ, сперва бугры пещаные кои нынѣ вода непонимаетъ, похожи на дюны. Проѣхавъ Татиницъ, противъ деревни стоитъ деревня и на луговой сторонѣ.

Подняли парусъ прошли село работки кажется Генер. Шубина нетоголи которой былъ въ сылкѣ за [1])
Е. П. [2]). Тутъ видѣлъ освященную уже церковь, уродливое жертвоприношеніе, построенное на воздыханіяхъ народа и выкидышахъ. Притомъ же ветрѣ проѣзжали многія села и деревни, село Кадинки. Въ работкахъ много стоитъ разшивъ. Тутъ строятъ ихъ на продажу, и множество плотовъ леса, которой частію пилятъ и срубы рубятъ. Отдаютъ расшивы подъ фрахтъ, потомъ проѣхали лугъ и на немъ соснякъ подлѣ горы, знакъ что вода тута невосходитъ. Село безводное гдѣ жители дѣлаютъ проволку, церковь и часть на горѣ остальное подъ горою и передъ нимъ къ Волгѣ прекрасныя березовые рощи; въ дали уже можно было видеть въ Синевѣ за окинской лѣсъ. Въ безводномъ послѣднія почтовая станція къ Нижнему, водою щитаютъ 25 вер. а дорогою 12. Отъ села большой оврагъ берегъ прямой низкой до села за которымъ видны рощи, поля покрытыя хлѣбомъ села деревни и берегъ склоняется совсемъ или возвышенъ окатистыми буграми досамой слободы блись Нижняго, за которою высокая гора по луговой сторонѣ ничего въ даль невидно. Недоѣхавъ версты $1^1/_2$ подъ городной слободы лежащей подъ горою начевали на якорѣ.

24-е При восхожденіи солнца подняли парусъ проплыли слободу подновья, монастырь и причалили. Ивановъ день. Комендантъ. Нашъ стряпчей. видъ волги. Кремль.

---

[1]) Пропускъ въ рукописи. [2]) Елизавета Петровна.

25-е. У Губернатора. Купецъ Кобановъ [1]) обѣдъ у него и пр.

26. Обѣдалъ у Губернатора. На баркѣ чай пили.

27-е. У Коменданта. видъ изъ его дома.

28-е. У обѣдни, обѣдъ у Губернатора. У Кабанова. Фабрика.

29-е. Петровъ день. Въ Соборѣ. Гробница Минина. Я какъ рѣдкая птица Ночью громъ великой. ходилъ по городу.

30-е. Ходилъ по верху. Воспоминовеніе взятье моего подъ стражу. Визитъ Губернатора и боровина.

6-е Іюля.

Изъ нижняго выѣхали по утру въ 9 часовъ переменили въ доскинѣ—25 вер. въ Лешковѣ 21 вер. въ Богородскомъ 40 верстъ отъ Нижняго дорога идетъ на вязники гдѣ ѣздятъ обозы. Ѣдучи отъ лешкова видѣлъ въ селѣ ворсклѣ стальныя фабрики. Оно и павлово которое видно въ сторонѣ въ 4-хъ верстахъ отъ дороги принадлежатъ Графу Шереметеву. Дорога гориста, мѣста всѣ распаханные безъ лѣсные. Село Ворскла стоитъ надъ островомъ, на острову монастырь, коего положеніе прекрасно. Противъ его на берегу бываетъ ярмонка въ 8-е число до села Погостья черезъ перемену 44 вер. оно разныхъ господъ. Тутъ пьяные ямщики недавали лошадей, но помогъ исправникъ до Монакова 33 вер. ѣхали во всю ночь.

7-е.

Отъ монакова до Мурома 31 вер. до Монакова еще дорога спускается съ высоты, берегъ волскій и окинскъ составляющій. Посва (sic) глиниста. Спустясь лѣсъ по мѣстамъ съ пашнею по переменно и селенія вездѣ частые. Рѣка теша, и наконецъ лугъ гдѣ разливается ока. которую переѣзжаютъ подъ городомъ. Муромъ стоитъ на горѣ вдоль берега. Тутъ встрѣтилъ брата. Радость, обѣдали и поѣхали, я сѣлъ съ нимъ. До Драчева $27^1/_2$ до Мошекъ $26^1/_2$.

---

[1]) Приписано сверху.

8-е.

До Судогды 29. Отъ Мурома посва (sic) песчана и безъ лѣсно, къ Судогдѣ и за Судогду лѣсъ. До новой деревнѣ 24. дорога пещана идѣтъ перелѣсками и полями до Володимера 13. Подъ городомъ переѣзжаютъ клязьму по живому мосту. Володимеръ на горѣ въ самой срединѣ строеніе каменное потомъ улица. Господскихъ дворовъ деревянныхъ и слобода ямская длинная. Поѣхали въ вечеру и ѣхали въ ночь до Ворслы—22 вер.

9-е.

Отъ Ворслы ѣхали до Ундолова; отъ туда поворотили въ Андрѣевское.

У Графа обѣдали и выѣхали въ провожаніи Посникова. Я надрожкахъ на большую дорогу до липокъ 27. до Покрова 26. Сюда пріѣхали ночью и стояли до утра.

10-е.

Выѣхали на зарѣ въ Микулино 20. Посва отъ Володимера глиниста и потомъ пѣсокъ.

Въ Микулинѣ видѣли шелковую фабрику. 15 становъ сборъ 10 тысячь. Въ Буньковѣ платки. Лошадей тутъ не нанели до Богородскаго 28 вер. тутъ нанели по 3 к. Отъ Володимера мѣста всѣ лѣсныя но вездѣ пашня и селенія. До деревни новой 25 вер.

11-е.

Изъ оной поѣхали наразсвѣтѣ и 24 вер. до Москвы переѣхали скоро пріѣхали въ раннія обѣдни, стали въ Рогожской. ходили въ городъ И прочее въ Москвѣ пребываніе.

Любопытный комментарій къ этому дневнику (основанный, вѣроятно, на разсказахъ отца) даетъ сынъ Радищева, П. А. („Русскій Вѣстникъ", 1858, XXIII, стр. 409—417, 412—420). Къ сожалѣнію, за недостаткомъ мѣста, перепечатать его мы не имѣли возможности.

Братъ — Моисей Николаевичъ (управлявшій архангельскою таможнею), выѣхавшій къ возвращавшемуся изъ ссылки А. Н. навстрѣчу. Графъ—Воронцовъ, къ которому по дорогѣ заѣхалъ Радищевъ.

ОПИСАНІЕ МОЕГО ВЛАДѢНІЯ.

Вотъ описаніе моего владѣнія, помѣстья, вотчины, деревни или назови какъ хочешь.

Проѣхавъ нашъ бывшій окружной городокъ, открывается довольно пространное поле, которое по временамъ года то сѣрую единообразную представляетъ поверхность, то оную же, покрытую рѣдкою зеленостію, сквозь поблеклые остатки желтой жатвы просѣдающей. Тутъ видны на тощей пажити скитающіяся небольшія стада, поистинѣ скитающіяся, ибо пасутся чрезъ цѣлый день отъ утренней зари до вечерней, едва ли не тощи возвращаются во свое домовище. Сія сѣрая поверхность поля, воздѣланная и утучненная, покрывается густою зеленостію, которая издали взору бродящему по ней представляетъ величественно распростертый коверъ, какой очамъ Всесильнаго явила юная Природа, на произведеніе любовію Его воспаленная; и возрастая до совершенствованія сѣмени, зеленое быліе желтѣетъ. Зри, возставъ, духъ бури несется по поверхности нивъ, колеблетъ желтые злаки, и оку очарованному океанъ представляетъ бѣлокурый, на коемъ зрѣніе тѣмъ паче услаждается, что зритъ тутъ исполнившуюся уже надежду воздѣлателя и совершившуюся благодать природы на его прокормленіе. Насталъ день жатвы. И се при востеченіи деннаго свѣтила зрится въ селитьбахъ мирная тревога. Селяне оставляютъ дома свои и, вышедъ, яко сильное ополченіе, изъ-за оградъ жилищъ своихъ, распростираются по нивамъ своимъ, гдѣ, согбенны до земли и въ потѣ лица своего, подсѣкаютъ волнующуюся жатву; несутъ ее воедино

и возводятъ изъ нея, да сохранится отъ стихій и непогоды, сіи готическаго зодчества зданія, сіи заостренные конусы, скоро разрушиться долженствующіе на продолженіе житія нашего или воскошенные на утѣшеніе житейскихъ скорбей и печали. Уже радостные раздаются по нивамъ клики. Жители, паки собрашася вкупѣ, возвращаются; торжественные гласы пѣсни побѣдили убо скупую, но равно и милующую природу, и, надежные въ прокормленіи своемъ, воспріемлютъ, возвратяся въ дома, птенцовъ своихъ на лоно свое. Блаженны, блаженны, если бы весь плодъ трудовъ вашихъ былъ вашъ! Но-о горестное наповиновеніе! [1]) ниву селянинъ воздѣлывалъ чуждую, и самъ, самъ чуждъ есть, увы!

До распутія проѣхавъ полемъ симъ (повиновеніе [1]) о коемъ, при первомъ въѣздѣ моемъ [2]), исторгло сіе стихотворческое изображеніе), начинается межа нашего владѣнія, и дорога спускается по пригорку и, подъѣхавъ къ спуску, довольно крутому, едва по мелкому камню текущей рѣчки, по лѣвую сторону виденъ пространный яблонный садъ, плетнемъ огороженный, за нимъ высокая роща, нѣсколько хижинъ, покрытыхъ соломою, между коими видны остатки каменнаго дома, который даже въ развалинахъ своихъ ничего готическаго не представляетъ. Въ правую сторону отъ дороги за рѣчкою построена деревня, изъ 36 дворовъ состоящая. Прямо противъ двора, при въѣздѣ, стоятъ три березы, современницы моего дѣтства, кои напомнили мнѣ о беззаботливомъ началѣ житія человѣческаго, и нерѣдко о горестномъ онаго окончаніи.

Для другого я бы здѣсь окончилъ мое описаніе, но я знаю, ты сказаннымъ удовлетворенъ не будешь; тебѣ нужны всякія подробности, не токмо число земли пашенной и другой, но соразмѣрность оной къ числу поселянъ, имущество оныхъ, способы и орудіе воздѣлыванія, онаго об-

---

[1]) Поминовеніе?
[2]) По возвращеніи изъ ссылки?

ряды и многое другое, не говоря о качествѣ земли. Но вѣдаешь ли, соразмѣрны ли силы мои твоимъ требованіямъ и вмѣсто чего-нибудь удовлетворительнаго не выйдетъ нелѣпое какое твореніе? Но какъ бы то ни было, мой другъ того желаетъ, а желаніе его для меня законъ.

Прежде всего я тебѣ скажу что-нибудь о землѣ и о всемъ до того принадлежащемъ, потомъ крестьянахъ, на оной живущихъ, далѣе домѣ моемъ и себѣ и всѣмъ ко двору моему принадлежащемъ, а, наконецъ, о способахъ къ лучшему хозяйству. То же, что я произведу по устроенному мною плану, буду тебѣ сообщать повременно. Итакъ, слушай и не наскучь.

Земля владѣнія моего вся отмежевана, и состоитъ въ дачѣ, принадлежащей собственно къ селенію, и во многихъ пустошахъ иныя рядомъ съ главною дачею, иныя отдѣленныя другими владѣніями и нѣкоторыя за пять и двѣнадцать верстъ отъ моего селенія. Первое неудобство въ порядочномъ землестроительствѣ. Всѣ сіи земли не одному принадлежатъ въ собственномъ, но разнымъ, и въ селеніи моемъ существуетъ черезполосное владѣніе. Вторая преграда на устроеніе порядочнаго земледѣлія.—

Всей земли моего владѣнія состоитъ около 1400 десятинъ, въ томъ числѣ половина лѣсъ, кустарникъ, луга и земля неудобная. Крестьянъ мужеска и женска пола, то есть всѣхъ поселянъ, на землѣ моей живущихъ и отъ нея пропитаніе свое воспріемлющихъ, 360. Итакъ, на каждую душу, какъ то у насъ говорится, приходитъ пашенной земли едва по 2, а всей, можетъ быть, по 4 десятины указныхъ, то есть на каждыхъ 10000 квадратныхъ саженъ живетъ человѣкъ. На квадратной верстѣ 25, или на квадратной милѣ 175. Какая пустыня въ сравненіи населенія не токмо Мальты, но другихъ государствъ! Со всѣмъ тѣмъ мы говоримъ, земли у насъ очень мало, и нынѣ правиломъ полагается, что на ревизскую душу надобно 15, то есть, по моему исчисленію, на каждаго жителя 18000 квадратныхъ саженъ, то есть едва на квадратную версту 14, а на

милю квадр. 98. Но исчислимъ, что можетъ земля дать воздѣлателю и сколько потребно для его прокормленія. Возьмемъ мѣрою исчисленія квадратную милю, и жителей на ней 100, и будетъ на каждаго жителя 17500 саж. квадр. или $7^1/_2$ десятинъ и болѣе $^1/_3$, что и выйдетъ почти 15 десятинъ на ревизскую душу (изъ 100 жителей положимъ работниковъ 50), положимъ $^2/_3$ оной земли на воздѣланіе, то есть на пашню, коноплянники, огороды и усадьбы. Если земля дастъ плодъ токмо третичный, то каждый селянинъ будетъ имѣть на прокормленіе свое и своего скота 10 четвертей разнаго хлѣба, ибо, полагая на 100 только 50 работниковъ, то на каждаго выйдетъ 8750 или 3 десятины и 1550, то есть меньше указнаго положенія на воздѣланіе, когда на тягло полагается пашни по 3 десятины въ каждомъ полѣ. Но на прокормленіе его и его скота довольно 4 четверти, слѣдственно, остается на продажу 6 четвертей; избытокъ великій, если будетъ возможность на воздѣланіе толикаго числа земли.

Вотъ еще подробности. Дача, къ селенію собственно принадлежащая, составляетъ многоугольный параллелограмъ (въ математикѣ сіе [1]) выраженіе есть, можетъ быть, невѣжды, варвары [2]), по срединѣ оной протекаетъ рѣчка въ довольно узкихъ, но по величинѣ ея довольно глубокихъ берегахъ, и вся почти дача, малое пространство исключая, есть по обѣ стороны скатъ къ рѣкѣ, сопровождаемый многими непродолжительными, но при устьѣ глубокими рытвинами, изъ коихъ большая часть уже поросла травою, которую косятъ на сѣно; въ вершинахъ иныхъ рытвинъ болотины и застои водяные. По одну сторону рѣчки построено селеніе, въ ряды дома по улицѣ довольно тѣсно для деревяннаго и соломою крытаго строенія; позади пространные огороды или, лучше, коноплянники, ибо огородныхъ овощей сѣютъ очень мало. Во стѣ саженяхъ господскій дворъ, съ садомъ, въ коемъ земли огорожено около 8 де-

---

[1]) Повторено два раза. [2]) Варвара?

сятинъ, подлѣ саду роща изрядная. Позадь сей рощи къ востоку примыкаетъ пустошь моего владѣнія, въ коей участника нѣтъ; изъ коей половина пашни, другая поросла лѣсомъ, простирающимся на версту въ длину и 150 саж., можетъ быть, въ ширину; въ немъ мы обильную имѣемъ жатву грибовъ всякаго рода. За симъ лѣсомъ другая примыкаетъ пустошь, которая большею частію принадлежитъ брату и еще другому владѣльцу; на ней поселено нѣсколько дворовъ. За три версты, отъ дома идучи къ сѣверо-востоку, есть земля моего владѣнія, большею частію мелкимъ лѣсомъ поросшая, между онымъ сѣнокосомъ и мочежины. Пашенная земля тутъ почитается доброю; думаютъ потому, что недавно воздѣлана, и мѣсто ровное, препятствуя стекать водѣ, напояемъ коренья прозябеній. Къ востоку за пять верстъ лежитъ небольшая пустошь; по обѣ стороны мокрой весною лощины, дающей рѣдкую траву. Тутъ есть и пашня. Къ юго-востоку находятся двѣ пустоши, одна пашенная, а другая совсѣмъ почти лѣсная, лѣсъ осиновый строевой, но весь почти отъ небреженія вырубленъ. Въ срединѣ его лужайки, на которыхъ косятъ сѣно. Въ немъ много родится орѣховъ и грибовъ. Въ маломъ разстояніи лежитъ небольшая деревня разныхъ владѣльцевъ, въ томъ числѣ пять дворовъ моихъ. Земля владѣнія черезполоснаго. Въ 13 верстахъ отъ селенія прямо къ югу между двухъ небольшихъ рѣчекъ лежитъ лугъ величиною 31 десятина, единственнаго владѣнія, который по причинѣ весенняго разлитія рѣкъ изрядную даетъ траву, и сѣна даетъ отъ 2000 до 2500 пудовъ; заведеній никакихъ нѣтъ, деревня была на оброкѣ. Домъ господскій каменный развалился и всѣ къ оному принадлежащія строенія; садъ огороженъ плетнемъ, подлѣ сада прудъ, за прудомъ садъ другой; оба приносятъ въ годъ оброку за оставшія деревья 125 руб. въ годъ.

Качества земли химически я не слѣдовалъ. Таковые опыты я дѣлалъ надъ черноземномъ Тютнарскимъ, отмѣнно къ плодородію способнымъ; но опыты мои очень еще не-

достаточны. Черноземъ лежитъ очень толстымъ слоемъ, и когда глубже аршина, подъ нимъ глина, а чаще охра желтая, оранжевая; мѣстомъ опока или мергель песчаный; песокъ еще ниже; къ водяному горизонту слои разной толщины глины, содержащей въ себѣ купоросъ; тамъ, кажется, и нѣсколько травяныхъ кореньевъ. По промывкѣ водою нашелъ я въ черноземѣ половину почти бѣлаго кварцоваго песку, и сія то есть истинная причина рыхлости чернозема. Черный илъ, отъ песку отдѣленный, далъ съ селитряной кислотою нѣсколько селитры и желѣзной соли; послѣ вымытый илъ остался сѣръ. Кажется, въ черноземѣ найти можно газовъ разнаго рода. Заключеніемъ и догадками воздержусь, доколѣ не изслѣдую основательно.

Земля моего владѣнія видомъ сѣра, а когда будетъ частымъ проѣздомъ убита, видомъ почти бѣла. Та и другая въ водѣ распускаются и садятся иломъ; свѣжая земля немного посѣрѣе, но, осушившись солнцемъ, крѣпнетъ, отъ воды липнетъ и мнется почти подобно глинѣ, но въ огнѣ не твердѣетъ и разваливается, съ кислотами не кипитъ и песку въ себѣ не содержитъ ни мало. Слоемъ на поверхности лежитъ тонкимъ не болѣе шести вершковъ, подъ нимъ глина желтая, которая иногда съ пескомъ, иногда безъ песку, и сія на воздухѣ крѣпнетъ. Черноземъ Тютнарскій не требуетъ для произведенія навоженія, иногда онъ нуженъ, а во многомъ количествѣ вредитъ. Сѣрая же земля безъ навозу даетъ рѣдко что-либо опричь соломы барыша. Черноземъ пашутъ меньше, а сѣрую больше. Сказавъ, какова земля, скажу теперь образъ оныя воздѣлыванія и способы, къ оному употребляемые. О задаткахъ, даваемыхъ земледѣльцами, ихъ разсчетъ капитала съ доходомъ, отъ воздѣлыванія земли получаемымъ, сказать будетъ нужно что-нибудь, хотя въ Россіи (рѣдко гдѣ исключая) развѣ одни сѣмена почитаются задатки, орудіе и зданія кое-когда, а работа ни за что.

Земля не вся одинаковаго качества, земля огородная и коноплянники лучше всѣхъ, ибо навозится чаще другихъ,

за нею слѣдуютъ полосы издревле крестьянскаго владѣнія, сія земля, исключая коноплянниковъ, лучше другихъ, ибо она унавоживается чрезъ два года въ третій или когда пашется подъ паръ. За сею, лучшею почитается та, которая прежъ сего почиталася господскою пашнею, ибо она тогда, бывая удабримаема, и кажется, что она лучше другой, хотя уже десять лѣтъ на нее навоза не кладутъ. Всѣхъ хуже почитаютъ пашни отдаленныя, на которыя навоза не кладутъ никогда по причинѣ ихъ отдаленности; но и между ими есть разница, ибо то поле, которое лежитъ безъ скатовъ равниною, имѣетъ во мнѣніи земледѣлателей преимущество, по той, можетъ быть, причинѣ, что болѣе можетъ имѣть влажности.

Вся пашенная земля раздѣлена на три части или, по обыкновенному названію, на три поля: называется озимое, другое яровое, третіе паровое, а паровое поле есть то, на которомъ съ начала весны никакой не производятъ работы; яровое есть то, которое начинаютъ пахать, какъ скоро снѣгъ сойдетъ и земля будетъ тала, и по вспаханіи засѣваетъ [1]) яровыми или лѣтними сѣменами и которое начинаютъ обрабатывать, то есть удобривать навозомъ, пахать и боронить послѣ ярового сѣва, которое потомъ послѣ сѣнокоса и по снятіи озимой жатвы, а иногда въ продолженіе оной, то есть въ августѣ мѣсяцѣ, паки вспахиваютъ и засѣваютъ озимымъ хлѣбомъ. Такимъ образомъ паровое поле, въ озимое преобразованное, остается въ слѣдующее потомъ лѣто безъ воздѣланія; итакъ озимое поле есть то, которое ни съ начала весны, ни во все продолженіе лѣта не воздѣлывается, потому что оно уже засѣяно осенью. Изъ сихъ изъясненій виденъ чинъ работъ сельскихъ, до земли относящихся, коихъ чреда въ естествѣ основана, а различія истекаютъ отъ различія почвы, мѣстоположенія [2]), а болѣе всего климата.

---

[1]) Засѣваютъ. [2]) Въ подл. „мѣстоложенія“.

Едва жизнодательною своею теплотою солнце начнетъ сгонять мертвую, но плододѣлательную въ сѣверныхъ краяхъ сѣдину зимы, какъ начнетъ въ земледѣльцѣ, а паче въ Россіи возникать нѣкая благая работливость, ибо зима, поражая преходящею смертію природу, отъемлетъ у земледѣльца хотя частію его дѣятельность. Густѣетъ, твердѣетъ всякая отъ мороза влажность, и житель сѣверныхъ странъ, объятые (-й?) мерзлою атмосферою, чувствуетъ члены свои нѣмѣлыми, позываетъ на лѣность и возлюбляетъ недѣйствіе. Но солнце, возвращая дѣятельность всей природѣ, возвращаетъ ее и человѣку. Священные обряды подкрѣпляютъ въ Россіи веселое начатіе весны, ибо скоро по равноденствіи, когда продолжительное освященіе Отца природы начнетъ мертвить мерзлое дыханіе зимы, учреждено величайшее и наиболѣе почитаемое торжество во всѣхъ греческаго исповѣданія земляхъ Пасхи; изможди въ седьмиседьмичнымъ пощеніемъ тѣло свое, селянинъ обновляетъ силы свои тучною пищею и загустѣвшую кровь свою разжижаетъ и воспламеняетъ крѣпкими восквашенными напитками. Праздникъ Пасхи будетъ въ Россіи долго священъ, хотя бы исповѣданіе ея перемѣнилось; ибо въ сіе время лучи солнечные, падая на землю болѣе въ отвѣсъ прежняго, растворяютъ мерзлую ея внутренность и дѣлаютъ ее удобною на воздѣланіе и на воспріятіе питательныхъ зернъ.

Поверхность земли потемнѣла, внутренность ея уже не мерзла, и земледѣлецъ, исправивъ свои орудія, пріуготовляется къ трудамъ.

Мы опишемъ по чредѣ труды селянина при воздѣланіи на разныхъ поляхъ земли, при кошеніи травъ по лугамъ и по лѣсамъ и при убираніи хлѣба на нивахъ. Земля вся раздѣлена участками или полосами, и каждый крестьянинъ или, лучше сказать, дома каждаго хозяинъ владѣетъ по мѣрѣ, сколько считается у него душъ, не ревизскихъ, но полагая двѣ души на тягло.

Нивы пашутъ больше и меньше, смотря по хлѣбу, какой на нихъ сѣется; слѣдующіе суть роды хлѣба, употреб-

ляемые земледѣльцами моими для посѣва яроваго: ячмень, овесъ, греча, горохъ, ленъ и конопли; подъ ячмень и ленъ избирается земля лучше другихъ, подъ овесъ похуже, а гречу сѣютъ на самой худой; думаютъ, какъ то и въ другихъ земляхъ, что греча землю удабриваетъ, и по истинѣ греча, будучи болѣе свойства трявяного, нежели зернистые злаки, хотя не удобряетъ, но не истощеваетъ ниву. Солома гречневая почитается хорошимъ зимнимъ кормомъ, по крайней мѣрѣ лучше соломы ржаной, но на Тютнарѣ говорятъ, что отъ нея скотина шелудивѣетъ, а потому и въ пищу скоту ее не употребляютъ, думать надобно потому, что она тучную даетъ пищу, подобно дятлевинѣ; сему удивляться не надлежитъ, ибо если скотина много наѣстся озимей, то желудокъ не сваритъ сей тучной пищи, и скотину, какъ говорятъ, раздуетъ, отъ чего и умираетъ, а лошади однакоже озимь ѣдятъ невредимо. Наконецъ, конопли сѣютъ на наиболѣе навозомъ удобренной землѣ. Пашутъ подъ разные хлѣбы различнымъ образомъ: подъ ячмень три раза, подъ овесъ два раза, подъ горохъ два раза, подъ ленъ два, подъ конопли два раза, подъ гречу одинъ разъ. Пахать начинаютъ въ самомъ исходѣ апрѣля мѣсяца, и пашня и сѣвъ продолжаются болѣе двухъ недѣль; гречу сѣютъ всего позже, ибо она холоду не терпитъ, хотя сибирская греча или карлыкъ можетъ быть озимая. Предавши такимъ образомъ надежду свою землѣ, земледѣлецъ приступаетъ къ другимъ работамъ. Въ семъ случаѣ жители низовыхъ странъ предъ здѣшними облегчены гораздо, ибо: 1) вмѣсто двукратной и троекратной пашни низовой земледѣлецъ сѣетъ яровой хлѣбъ прямо по жниву и рѣдкій запахиваетъ сѣмена два раза, а чаще одинъ разъ вспашетъ и заборонитъ. Искусство его состоять должно только избирать лучшую для посѣва погоду, но о благопоспѣшной или противной погодѣ будемъ говорить послѣ.

По совершеніи всего сѣва, земледѣлецъ начинаетъ обрабатывать паровое поле, да удобнымъ его сдѣлать на произведеніе плода въ будущій годъ, и прежде всего земледѣлецъ удобриваетъ ниву навозомъ, но сколь они въ семъ

случаѣ мало свѣдущи, можешь судить изъ слѣдующаго. Прежде всего старается онъ унавозить коноплянники, что дѣлаетъ съ начала весны, остальной навозъ вывозитъ весь безъ остатку. Но лучшій дворъ, то есть наиболѣе скотомъ изобилующій, въ одно лѣто унавозитъ развѣ десятину; на оную полагается телѣгъ до 400. Вывозивъ навозъ на нивы, разбиваютъ его по всей поверхности елико возможно равнѣе и, разостлавъ оный, запахиваютъ, стараяяся, чтобы онаго на поверхности не оставалося ни мало. Сія есть вторая работа земледѣльца. Унавоженіе и паханіе сіе продолжается недѣли двѣ, а тогда луговыя травы, получивъ полный свой возрастъ, зрѣлы становятся для скошенія; передъ Петровымъ днемъ или немного послѣ онаго начинаютъ сѣнокосы. Сіе есть по истинѣ самое пріятнѣйшее и опрятнѣйшее упражненіе изъ всѣхъ работъ земледѣльческихъ. Сѣно косятъ у насъ въ шести мѣстахъ, не говоря о малыхъ лощинахъ, поелику сѣна мало, и дѣйствительно онаго мало въ соразмѣрности скота, то убираютъ его поспѣшно и съ великимъ тщаніемъ. Подкошенное сѣно мужчинами женщины тщательно переворачиваютъ, дабы, обращая, представляя разныя скошенной травы поверхности къ солнцу, она скорѣе высохла и обратилась въ сѣно. Скошенное и высушенное сѣно сгребаютъ въ копны, но на лугахъ никогда не оставляютъ, а свозятъ все домой и сохраняютъ его подъ сараями.

Сѣнокосъ еще не окончался, какъ приспѣла жатва ржи, что бываетъ обыкновенно въ концѣ іюля мѣсяца; если рожь родилась густа и велика, то ее жнутъ женщины серпами, если же рѣдка, то косятъ; вяжутъ снопы и кладутъ въ адоньи, иногда на полѣ, а чаще позади коноплянниковъ. Рожь еще не вся убрана, какъ начинаютъ пахать и боронить паровое поле по одному разу; между тѣмъ сушатъ новосжатую рожь на овинахъ, молотятъ на сѣмена, которыми засѣваютъ вспаханный паръ. Старыми сѣменами хотя сѣютъ, но рѣдко, а никогда сыромолотнымъ зерномъ не сѣютъ, какъ то бываетъ въ низовыхъ мѣстахъ; тамъ таковой хлѣбъ

почитается лучшимъ для сѣва, ибо скорѣе всходитъ, а здѣсь имъ не сѣютъ для того, что родится съ травою. Думать надобно, если и здѣсь хлѣбъ вывѣять чисто, то онъ будетъ для сѣва лучше сушенаго. Вспахавъ землю и посѣявъ рожь, начинаютъ жать хлѣбъ яровой. Сперва ячмень и овесъ, потомъ гречу и горохъ. Убираніе хлѣба ярового происходитъ поспѣшнѣе озимаго, ибо оный жнутъ только тогда, когда мужчинамъ недосугъ, а обыкновеннѣе его косятъ. Снопы вяжутъ не очень великіе, дабы ихъ лучше можно было сушить: между тѣмъ, какъ возятъ съ полей, оный уже молотить начинаютъ; горохъ, конопли, гречу прежде, а потомъ и другіе хлѣбы. Молотьбу производятъ почти чрезъ всю зиму. Еще до заморозовъ мочатъ конопли и стелютъ ленъ, собираютъ то и другое, сушатъ въ избахъ, баняхъ и овинахъ и мнутъ уже женщины въ ноябрѣ большею частію, а въ октябрѣ мало; по свозкѣ хлѣба съ полей ѣздятъ въ лѣса и приготовляютъ дрова, особливо на овины. Во время убиранія хлѣба по воскресеньямъ и праздникамъ бабы ходятъ въ лѣсъ по ягоды, орѣхи и грибы; двухъ послѣднихъ родится у меня очень много.

Если меньшее количество земли даетъ больше плода, нежели пространнѣйшее, то прокормляетъ большее число людей, слѣдственно, предпочесться можетъ въ земледѣліи другой работѣ, которая меньшее число людей прокормить въ состояніи. Въ семъ то разумѣ огородное земледѣліе заслуживаетъ вниманіе не только сельскаго жителя, но и самаго правительства.

Но съ сей стороны работы моихъ земледѣльцевъ ничего не значащія и почти не существуютъ. Огородная работа совсѣмъ предоставлена женскому полу; развѣ когда мужчина вспашетъ огородъ, добы тѣмъ работа была поспѣшнѣе; итакъ огороды сперва унаваживаются, потомъ или пашутъ ихъ грядами, или гряды вскапываютъ заступами. Въ разныя времена полютъ негодную траву руками, насажденные вновь плоды поливаютъ, нося воду или изъ рѣки, или изъ колодезя ушатами или кувшинами, ибо мимоходомъ сказать

можно, что ведры въ селеніи моемъ не употребительны. Первое въ русскомъ огородѣ и наиболѣе другихъ уважаемое растеніе есть капуста, ибо она составляетъ основаніе ежедневной пищи русскаго народа, щей или штей; потомъ рѣдька и лукъ, яко пища постныхъ дней, насаждается предпочтительно; опричь того въ огородахъ садятъ огурцы, морковь, маленько рѣпы, да въ двухъ огородахъ, дворовымъ людямъ принадлежащихъ, садятъ картофели или яблоки земляные; сверхъ того, многіе въ огородахъ своихъ имѣютъ нѣсколько яблонь.

Образъ огороднаго земледѣлія есть таковъ, что не можетъ быть обширенъ ради труднаго образа полонья и поливанья. Еслибы для полонья употребляли скребки, маленькіе заступы, или сохи ручныя, а поливали бы желобками, то великая произошла бы въ семъ земледѣліи перемѣна, но доколѣ сего не будетъ, огородное земледѣліе будетъ всегда во младенчествѣ.

Капустныя сѣмена сѣютъ всегда въ разсадникахъ, то есть въ ящикахъ на четырехъ кольяхъ, вышиною отъ земли аршина въ два. Сіи сѣмена сѣютъ въ исходѣ апрѣля мѣсяца, прилежно поливаютъ, на ночь закрываютъ и даютъ расти цѣлый почти мѣсяцъ, и называется разсадою. Когда растеніе уматерѣетъ, тогда сажаютъ его по одиначкѣ, на три четверти одно отъ другого разстояніемъ, на особыхъ грядахъ; сначала два или три раза въ день поливаютъ, а когда оно хорошо укоренится, тогда уже его болѣе не поливаютъ, но только полютъ. Лукъ, морковь, свеклу и картофель садятъ около Николина дня; огурцы, рѣпу и рѣдьку гораздо позже. Въ близь лежащемъ отъ меня городѣ садятъ брюкву или бушму въ землѣ, которая родится величиною въ человѣческую голову. Садятъ также нѣсколько бобовъ, но мало; но опричь капусты и свеклы, которую рубятъ и квасятъ, всѣ овощи ѣдятъ зеленью. Къ огородному земледѣлію надлежитъ причислить хмель и расположеніе (распложеніе?) онаго. А въ заключеніе, расположеніе плодоносныхъ деревъ, то есть однѣхъ яблонь.

Способы воздѣлыванія у насъ не весьма обильны, а потому и хлѣба родится у насъ мало. Если крестьянинъ не семьянистъ, то онъ близко того, чтобы быть нищимъ; если одинокій, да и почти всякій крестьянинъ богатъ, то, конечно, не отъ земледѣлія. Они не знаютъ, какимъ образомъ оное обогащать можетъ, и вмѣсто того, чтобы прилежать къ оному,—прилежатъ къ торгу, и когда богатѣютъ, то богатѣютъ онымъ, но о семъ будемъ говорить пространнѣе, когда коснемся промысловъ и упражненій крестьянскихъ.

Способъ первый къ воздѣлыванію есть рабочій скотъ. Въ нашей сторонѣ землю воздѣлываютъ лошадьми. Слѣдующая есть соразмѣрность лошадей къ населенію и пашнѣ.

Всего населенія	360
Пашни	700 десятинъ.
Лошадей	150

Итакъ на одну лошадь два селянина, то есть по лошади на работника, считая мужчину и женщину и $4^2/_3$ десятины на лошадь. Исчислимъ всѣ труды ея во время пашни. Вспахать, положимъ, каждую десятину два раза и два раза боронить. Изъ $4^2/_3$ двѣ трети воздѣлываютъ въ лѣто, то есть 47 саженъ въ ширину и 80 въ длину. Полагая на аршинъ три борозды, выйдетъ 423 борозды по 80 саженъ длиною; умноживъ двумя, и такъ лошадь пройдетъ $270^2/_3$ версты сохою и 30 верстъ бороною, полагая двѣ бороны на сажень. Итакъ лошадь въ три раза лѣтомъ, то есть въ 12 дней, совершитъ 300 верстъ, то 25 каждый день; приложи къ сему 50 поѣздокъ за навозомъ, 4 за сѣномъ, изъ коихъ двѣ за 13 верстъ, и всю уборку хлѣба, то удивиться можно, какъ крестьянскія лошади могутъ сію работу исправлять, сообразя съ тѣмъ зимній кормъ—солома съ малою посыпкою, а лѣтомъ трава; приложи къ трудамъ ея всѣ поѣздки въ лѣсъ за дровами и другими нуждами, подводы казенныя, общественныя и господскія, то едва ли должно заботиться, чтобы лошади были у крестьянъ хорошія, ибо

сколь бы она хороша ни была, худому подвержена будетъ жребію.

За лошадьми слѣдуетъ скотъ рогатый: 100 коровъ, телокъ и телятъ, едва ли больше 300 овецъ, 70 или до 100 свиней и боровов. Когда же было господское хозяйство, то было овецъ 200, рогатаго скота 50, лошадей 30; но крестьяне держали по пропорціи лошадей меньше. Отъ лошадей польза въ воздѣлываніи земли и всѣ нами исчисленныя работы; отъ коровъ молоко, выручаемыя деньги за бычковъ; отъ овецъ шерсть и овчины на одежды, мясо для пищи; свиньи для мяса, поросята и кормные борова на продажу. Птицъ держатъ очень мало, и то однѣхъ куръ. А отъ всего скота навозъ, который умножаютъ постилкою ежедневною ржаной соломы, которая, смѣшавшись съ каломъ и уриномъ скотскимъ, перегнивъ, производитъ наилучшее вещество для удобренія пашенъ, но количество онаго очень мало. Каждая лошадь едва ли вывезетъ 50 возовъ, но положимъ 100 на лошадь, то сдѣлаетъ, что всѣ крестьяне вывезутъ навозу 15000 возовъ; раздѣлимъ по 400 на десятину, то выходитъ, что селяне мои унаваживаютъ въ годъ $37^1/_2$ десятинъ; а поелику навозъ возятъ на три поля поперемѣнно, то всей навозной земли въ пашнѣ нашей $112^1/_2$ десятинъ, то есть изъ всей пашни немного больше седьмой доли. Какое бѣдственное хлѣбопашество, но со всѣмъ тѣмъ, если бы къ сему земледѣлію присовокупляли селяне земледѣліе огородное, то обильное бы имѣли прокормленіе, ибо, положимъ, урожай самъ четвертый, то озимаго хлѣба будетъ 320, а ярового вдвое, то и придетъ всякаго хлѣба на жителя почти по 3 четверти. Употребляя затѣмъ зимнее время въ работу или промыселъ, состояніе земледѣльца трудолюбиваго можетъ быть сносно, но только сносно, безъ избытка. Таковъ счетъ крестьянъ Ярославскихъ, Костромскихъ и нѣкоторыхъ другихъ.

Говоря о скотѣ рабочемъ и другомъ, яко способѣ воздѣланію и удобренію земли и размноженію хлѣбопашества, я не липнимъ почитаю сказать нѣсколько словъ о ското-

водствѣ нашемъ вообще. Изъ предыдущаго видно соразмѣрность нашего скотоводства къ земледѣлію, теперь скажу о образѣ прокормленія и воспитанія скота. Лошади въ селеніи моемъ весьма малы цѣною—отъ 6 до 25 рублей, ибо изъ селянъ моихъ мало извозничаютъ и дорогихъ лошадей не держатъ. Итакъ весь капиталъ лошадиный не дороже положить можно, какъ 2000 руб. Жеребцовъ въ селеніи нашемъ нѣтъ и кобылъ очень мало, а потому и жеребятъ; и можно сказать, что скотоводство въ семъ отношеніи ничего не значитъ и почти принужденно, и если бы необходимость того не требовала, что нужны лошади для земледѣлія, то лошадей бы у насъ не было. Теперь лошадей у насъ на убылыя мѣста покупаютъ, да и прокормленіе ихъ таково, что жеребенокъ худо вырасти можетъ, ибо во всю зиму лошади опричь мѣсива ничего не знаютъ, то есть сѣчки съ малою посыпкою. Итакъ солома яровая, а въ недостаткѣ и ржаная, есть главный зимній кормъ. Овесъ и сѣно даютъ только тогда, когда отѣзжаютъ въ дорогу. Весною и лѣтомъ во время пашни лошади питаются травою, растущею около полосъ; по ночамъ отъѣзжаютъ съ ними малые ребята, дѣвки уже довольно взрослыя, а иногда и молодыя бабы въ лѣсъ версты за двѣ или за три. Когда же хлѣбъ уберутъ съ полей, то лошади ходятъ по жнитву, а въ осень нерѣдко и по озимямъ; при таковомъ кормѣ лошади бываютъ тощи, и хотя бы были хорошей породы, то, не возмужая, истощаютъ и къ употребленію слабы.

Быковъ держатъ въ селеніи нашемъ случайно; коровы есть во всякомъ дворѣ. Скотина вся очень малоросла и нехорошей породы, отъ 5 до 12 рублей. Итакъ весь рогатый скотъ стоитъ можетъ 800 или по высокой цѣнѣ 1000 руб. Лѣтомъ всѣ пасутся въ общемъ стадѣ, сперва около лѣсовъ, потомъ по паровому полю, а послѣ жатвы по жнивамъ и луговинамъ. Зимою скотину кормятъ яровою соломою, отелившихся коровъ только сѣномъ. При такомъ худомъ кормѣ скотина тоща, молока даетъ на самую нужду, а масла копятъ только на разговѣнья и на масленицу. Рогатый

скотъ въ работу не употребляется, да и употреблять не умѣютъ.

Овцы лѣтомъ пасутся вмѣстѣ съ рогатымъ скотомъ, зимою кормятъ ихъ сѣномъ, соломою кормить боятся: говорятъ, помрутъ; когда ягнятся, то держатъ матку и ягнятъ съ собою въ избахъ, также телятъ и поросятъ со свиньею. Овецъ держатъ не въ приборѣ, оттого, думаю, ихъ шерсть песиковата, стригутъ ихъ въ началѣ весны и осенью, доить ихъ здѣсь не въ обыкновеніи; хлѣвовъ, или овчаренъ особыхъ, онѣ не имѣютъ. Овца продается отъ 150 коп. до 2 руб. По средней пропорціи капиталъ въ овцахъ немного болѣе 500 руб.

Свиньи лѣтомъ пасутся въ стадѣ, а зимою кормятъ мякиною. Опоросившуюся свинью и взрослыхъ бороновъ, готовящихся на убой, кормятъ нѣсколько хлѣбомъ. Капиталъ въ свиньяхъ стоитъ до 200 рублей. Итакъ весь капиталъ въ скотѣ состоитъ изъ 3700 руб., положимъ 4000. Къ упражненію скотоводства можно присовокупить пчеловодство, пчелы въ 4 дворахъ, ульевъ счетомъ между 40 и 50.

Орудія земледѣльческія суть второй способъ воздѣлыванія. Они самыя простыя, таковы, каковы были, можетъ быть, за сто лѣтъ. Землю пашутъ сохою о двухъ сошникахъ гораздо тупыхъ, да и нужды нѣтъ, чтобы были очень остры, ибо земля столь тоща, что мало травы производитъ. У сохи желѣзная палица, а въ Тулѣ видѣлъ я палицы полированныя. Второе орудіе есть борона: шесть рядовъ или 36 зубовъ деревянныхъ, сплетенныхъ прутьями. Огородное орудіе—заступъ, не очень ловкій, и грабли. Для сѣна грабли и коса; замѣтимъ, что косы всѣ нѣмецкія; одна была фабрика косная, но не знаю, существуетъ ли. Горбушъ или сибирскихъ косъ не знаютъ, которыя тѣмъ только преимущественны, что сѣно сохнетъ скорѣе. При жатвѣ хлѣба употребляютъ серпъ и косу съ пальцами, что гораздо поспѣшнѣе и выгоднѣе. Такими безхитростными орудіями воздѣлывается у насъ земля. Всякому новому заведенію противится и предразсужденіе, и малые крестьянскіе капи-

талы, и нерадивость земледѣльцевъ. Капиталъ, употребленный на таковыя орудія, очень малъ и едва ли стоитъ 200 рублей, считая тутъ телѣги и упряжку конскую.

Въ соразмѣрности совсѣмъ состоятъ и земледѣльческія строенія, не кладу я въ счетъ избу и баню, которыя нужны всякому состоянію, опричь того дворъ, покрытый весною и осенью, очень грязный. Хлѣбъ (хлѣвъ?), сарай сѣнной, довольно непространный и овинъ обыкновенный, весьма дурного и опаснаго сооруженія; стоитъ до 1000 руб.

Способъ послѣдній земледѣлія суть задатки, землѣ даваемые. Сіи суть удобренія земли для сѣмянъ. Удобреніе дѣлается посредствомъ навоза, на дворахъ накопляемаго, онъ ничего не стоитъ, да и купить его нельзя. Другого рода удобренія у насъ не знаютъ.

Сѣмянъ по сказанной нами уже пропорціи въ посѣвѣ на десятину выходитъ въ годъ на 2000 или 2500 руб., въ дорогой годъ можетъ быть на 3000 руб.

Повторимъ:

Капиталъ	скота	4000
„	орудія	200
„	строеніе	1000
„	сѣмянъ	3000
	Всего . .	8200

Работу земледѣльческую за мужчину по 20, женщину 10, дѣвокъ и ребятъ взрослыхъ по 5 на лѣто, можетъ стоить въ лѣто 2500 р.

Сравнимъ мимоходомъ, не разбивая въ разныя стороны доходъ всѣхъ моихъ селянъ съ избыткомъ хлѣба, за исключеніемъ сѣмянъ, въ сей статьѣ заключится также доходъ отъ лошадей и навоза. Сѣмянъ выходитъ ежегодно:

Озимыхъ	250	четверт.
Яровыхъ.	500	„

Урожай мы полагали третичный, то:

Озимаго хлѣба	750
Ярового „	1500
За вычет. сѣмянъ озимаго.	500
Ярового	1000

По средней цѣнѣ за яровой по 2 руб., за озимой 3 руб., будетъ:

За озимой	1500 руб.
„ яровой	2000 „
Итого съ хлѣба. . .	3500

Съ коровъ доходу въ каждый годъ, считая молоко, масло и продажныхъ телятъ . . .	600
Съ овецъ шерсть, битые бараны и овчины .	250
Со свиней, считая битыхъ поросятъ и боровъ.	70
Съ пеньки, поскони и льна	580
Всего крестьянскаго дохода	5000

Что и составитъ болѣе 50 процентовъ.

Исчислимъ также издержки подушныхъ и прочихъ около	230
Рекрутскихъ деньгами въ годъ	100
Прочихъ и общественныхъ.	70
На содержаніе свое хлѣбомъ.	2000
Доходъ съ коровъ почти весь	500
Доходъ съ овецъ	250
Со свиней	40
Посконь и ленъ	280
На мелочи всякія	30
	3500
Господскаго оброка	800
	4300

Остается 700 на 360, почти по 2 рубли, что каждый годъ отъ земледѣлія пріобрѣтается. Къ сему прибавить 50 человѣкъ, ходящихъ въ зимнюю работу и вырабатывающихъ по 15 рублей каждый, будетъ . . . . . 750 руб.

да 700

1450

Итакъ можно считать, что каждый годъ селяне мои около 1500 руб. пріобрѣтали капитала, изъ коего оточтя 500 рублей на праздники, выйдетъ по 25 рублей каждый годъ въ кладъ. Сіе исчисленіе, конечно, не увеличено, но если найдутся дворовъ десять, которые имѣютъ капитала отъ 25 до 200 руб., то у другихъ нѣтъ въ кладу ни копейки, по причинѣ или распутной жизни или несчастныхъ приключеній, какъ-то: скотскій падежъ, совершенный неурожай и прочее тому подобное.

Исчисливъ такимъ образомъ всѣ упражненія селянъ, относящіяся до земледѣлія и скотоводства, яко пособія онаго, теперь разсмотримъ ихъ рукодѣлія и способы пріобрѣтенія, особнящіеся отъ земледѣлія. Рукодѣліе крестьянское всякое, если оно его не отлучаетъ отъ земледѣлія, есть весьма полезно. Слѣдуетъ, что самыя мануфактуры, фабрики, заводы, звѣриные промыслы, извозы, поелику совершаются въ зимнее время, суть весьма полезны, ибо долговременная наша зима, оставляя много празднаго времени, не можетъ лучше употреблена быть, какъ на что-либо полезное или нужное. Но рукодѣліе и ремесло моихъ селянъ таково, что далеко ихъ отвлекаетъ отъ дома, да и на долгое время. Общее рукодѣліе женщинъ есть прясть и ткать; прядутъ ленъ, шерсть, посконь, а конопли обращаютъ въ пеньку, которую продаютъ купцамъ для отвоза на Гжатскую пристань.

Испряденную шерсть употребляютъ на сукно, черное и смурое, на зипуны или кафтаны, бѣлое на онучи. Окрасивъ бѣлую пряденую шерсть, ткутъ изъ нея панёвы, пояса и оборки.

Ленъ и посконь прядутъ и ткутъ холстъ, но всегда не шире десяти или двѣнадцати вершковъ; ткутъ полотенцы съ красными коймами. Холстъ идетъ на рубашки и частію на продажу.

Мимоходомъ замѣтимъ, что въ Россіи вообще три рода женскаго платья въ простомъ народѣ, опричь того, которое носятъ, подражая вышнимъ сословіямъ: сарафанъ, панёва и полушубокъ или тѣлогрѣйка съ юбкою. У насъ носятъ панёвы, то есть, короткая шерстяная юбка, узоры которыхъ доказываютъ финское ея происхожденіе; рубаха шитая. Дѣвки ходятъ въ однѣхъ рубахахъ; лѣтомъ у мужчинъ рубахи съ шитымъ подоломъ, воротомъ и красныя оплечья и ластовки. Все сіе заставляетъ думать, что толико легкое одѣяніе происхожденіе свое имѣетъ изъ теплыхъ климатовъ. Полушубокъ есть греческое; сарафанъ, можетъ быть, славянское; но я удалился отъ моего предмета.

Рукодѣлія мужскія суть различны. Первымъ крестьянскимъ можно почесть плотничную работу, ибо нужда того требуетъ, и въ Россіи, а у меня въ особенности, всякій селянинъ плотникъ, но сверхъ того между ними суть такіе, которые плотничаньемъ пріобрѣтаютъ деньги, и таковыхъ только я поставлю въ счетъ. Слѣдующіе суть роды рукодѣлій: серебренники, канительщики, кожевники, пильщики, кирпичники, каменьщики, овчинники, портные, плотники, извощики, известники, мостовщики, торгаши, пастухи и батраки; лапотники столько, сколько дворовъ.

Въ другихъ земляхъ таковое исчисленіе рукодѣлій имѣетъ мѣсто между городовыми жителями, но въ Россіи долгая зима, малое плодородіе нѣкоторыхъ губерній и худое хлѣбопашество преображаютъ множество деревень въ города.

Разсмотримъ вышесказанныя рукодѣлія, и поколику каждое изъ нихъ полезно въ связи своей съ земледѣліемъ, и которое для него удручительно и расторгающе.

Серебренникъ не есть земледѣлецъ и не вышелъ рукодѣліемъ своимъ изъ своего состоянія. Хотя умѣетъ дѣлать

всякую работу, но упражняется только въ починкахъ окладовъ, дѣлаетъ перстеньки, кресты, серьги и другія для селянъ нужныя вещи серебряныя и мѣдныя; ѣздитъ по ярмонкамъ, продаетъ оныя и покупаетъ выжигу, или изъ чего оную дѣлать можетъ.

Живетъ обыкновенно дома, и еслибы онъ былъ земледѣлецъ, то мастерство его ему бы не было помѣхою въ воздѣлываніи земли. Упражняется съ женою въ огородничествѣ и садоводствѣ; выучился по отцовскому приказу, который заплатилъ деньги; умѣетъ читать и писать.

Канительщикъ выучился самъ; отецъ заплатилъ за него 20 руб., живетъ обыкновенно въ Москвѣ одинъ, имѣетъ жену и дѣтей, живущихъ у его отца; приходитъ въ годъ разъ два или три; прибытокъ получаетъ очень хорошій, но не есть уже земледѣлецъ.

Кожевникъ, отходя на работу, бывалъ на заводахъ кожевенныхъ и выучился самъ, но сей родъ упражненія показался ему невыгоденъ, и онъ оставилъ почти свое ремесло, которое его отъ земледѣлія не отвлекало, ибо и нынѣ лѣтомъ живетъ дома и воздѣлываетъ землю.

Пильщиковъ ремесло почитается за весьма выгодное, ибо они болѣе другихъ достаютъ денегъ. Обыкновенно, когда отходятъ, берутъ съ собою изъ дому рублей до пятнадцати, ибо ходятъ далеко: въ Малороссію, Кіевъ, Херсонъ, Са(ра)товъ, Астрахань и Петербургъ, гдѣ пилятъ корабельный лѣсъ. Пилы имѣютъ свои нѣмецкой, а болѣе англійской работы, но не всякій имѣетъ, и для того не имѣющій идетъ въ товарищи; всегда ходятъ по двое. Въ годъ вырабатываютъ на двухъ до ста рублей и болѣе, но изъ того вычти, что возьметъ съ собою на дорогу, что на мѣстѣ издержитъ. Уходятъ изъ домовъ въ началѣ сентября, когда хлѣбъ убирать начнутъ, возвращаются въ началѣ іюля; итакъ дома не бываютъ отъ 9 до 10 мѣсяцевъ.

Земледѣльческихъ работъ исправляютъ только сѣнокосъ и жатвы двѣ трети. Итакъ сказать можно, что сіи начинаютъ уже выходить изъ званія земледѣльцевъ,

любятъ сію работу по той болѣе причинѣ, что живутъ на волѣ.

Кирпичниковъ было больше, но съ тѣхъ поръ, какъ завелись пильщики, то ихъ немного работаютъ въ Москвѣ во все лѣто и имѣютъ на земледѣліе время только въ апрѣлѣ и въ концѣ августа. Иногда тотъ же, который ходитъ въ Москву лѣтомъ дѣлать кирпичи, зимою ходитъ въ другую работу; итакъ кирпичникъ такъ, какъ пильщикъ и каменьщикъ, есть худой земледѣлецъ. Каждый кирпичникъ въ лѣто вырабатываетъ не болѣе 50 руб., но половину проживаетъ.

Каменьщики работаютъ случайно, но по близости бываетъ работа, и они, находя выгоднѣе въ домъ нанять работника, сами домъ оставляютъ, но сія работа не ежегодная бываетъ такъ же, какъ и мостовая, но сія еще меньше отвлекаетъ отъ земледѣлія, ибо исправляетъ ее по времени.

Сколько есть пильщиковъ, болѣе еще овчинниковъ, и съ сего ремесла начинаютъ всѣ молодые люди, изъ домовъ отходящіе. Многіе изъ нихъ отъѣзжаютъ на лошадяхъ; тѣ, которые ходятъ хозяевами, получаютъ до 60 рублей и кормятъ лошадей во всю зиму, другіе же идутъ въ работники изъ половины, третьей и четвертой доли, сверхъ денегъ получаютъ пищу.

Портные отходятъ отъ домовъ только зимою; шьютъ по большей части только шубы и крестьянскіе кафтаны. Вырабатываютъ неравно.

Плотники работаютъ всегда по близости, по большей части весною и осенью, и сія работа мало ихъ отвлекаетъ отъ земледѣлія.

Извозничаютъ очень мало и совсѣмъ безвыгодно, хотя то и бываетъ зимою.

Лапотниковъ найдешь въ каждомъ дворѣ, ибо кожаную обувь рѣдко увидишь.

Известку ломаютъ и жгутъ, если есть на то случай; ломаютъ весною и осенью, жгутъ и возятъ зимою; сверхъ

сего двое держатъ постоялые дворы, получая въ годъ каждый барыша до 30 руб. Промышляютъ иногда торгомъ, покупая сѣно, и отвозятъ его на торгъ въ городъ, или съ рѣшетами и кадушками въ степныя хлѣбныя мѣста, гдѣ товаръ мѣняютъ на хлѣбъ. Помоложе нанимаются въ пастухи и въ лѣтніе работники, въ лѣто за 10 и 15 руб., иногда и бабы нанимаются въ казачихи.

Изъ всего вышесказаннаго можно видѣть, что пильщики, каменщики, кирпичники суть худые земледѣльцы, потому что не живутъ дома, и можно сказать, что $^1/_4$ работниковъ земли не воздѣлываютъ и не только отъ того вредъ земледѣлію, но вредъ населенію, ибо отлученъ отъ семейства вдается въ пороки, приносятъ болѣзни въ домъ. Бабъ съ двадцать молодыхъ бездѣтны и удивляться не должно, что онѣ (не?) соблюдаютъ вѣрность брачнаго ложа, живутъ однѣ безъ мужей, а сіи имъ въ распутной жизни даютъ примѣръ.

Къ сему предварительному паче многолѣтныя войны опустошенію, коего причина во всегдашней и долговременной отлучкѣ крестьянъ отъ домовъ своихъ, можно другую же оному поборствующую найти причину, то есть несоразмѣрность браковъ. Всеобщее почти у насъ обыкновеніе женить малолѣтныхъ ребятъ на взрослыхъ дѣвкахъ. Отъ того слѣдующее неудобство: если дѣвка 18, 19 и 20 лѣтъ, а парень 14, 15, а иногда 13 и 12 лѣтъ, то сперва молодая баба научится жить распутно, нерѣдко беретъ ее свекоръ для себя; или же мужъ ея, начавъ очень рано, истощать долженъ свои силы и до двадцати еще лѣтъ можетъ стать къ браку уже худо способенъ. Потомъ баба состарѣется, и мужъ станетъ жить распутно, чему, ходя по свѣту, выучивается.

Прививаніе оспы не въ употребленіи.

Если мы разсмотримъ состояніе земледѣльца въ подробности, то величайшія его отношенія и обязанности состоятъ противъ его господина: 1. Сей можетъ продать его оптомъ или подробно, не шуткою сіе сказано, ибо сія подробность можетъ быть такова, что дочь отъ матери, сынъ отъ отца

и, можетъ быть, жена отъ мужа продается. Но съ публичнаго торгу только въ розницу продавать запрещено, а оптомъ. Есть экономы, которые, изнуривъ земледѣльца, продаютъ [1]) его остальныя силы. 2. Господинъ можетъ его заставить работать, сколько хочетъ. Нынѣ только запрещено работать по воскресеньямъ, и совѣтомъ сказано, что довольно трехъ дней на господскую работу, но на нынѣшнее время законоположеніе сіе не великое будетъ имѣть дѣйствіе, ибо состояніе ни земледѣльца, ни двороваго не опредѣлено. 3. Господинъ можетъ его наказывать по своему разсмотрѣнію, онъ судія его и исполнитель своихъ приговоровъ. 4. Господинъ есть господинъ его имѣнія и дѣтей его, даетъ и отъемлетъ по своей волѣ. 5. Распоряжаетъ браками и спаряетъ, какъ хочетъ: слѣдовательно, земледѣлецъ есть рабъ въ семъ отношеніи совершенно; итакъ не можетъ господинъ уволить селянина своего отъ государственныхъ податей, отъ наказанія за преступленія, заставить жениться на роднѣ, и въ посты ѣсть мясо.

Въ отношеніи Государства селянинъ обязанъ жить на одномъ мѣстѣ, но и то доколѣ господинъ его хочетъ; отдавать рекрутъ всякаго рода, какіе бы ни были; платить подати; судиму быть за общественныя преступленія въ судебныхъ мѣстахъ. Итакъ, селянинъ, если имѣетъ употребленіе чего-либо, то дѣлается только изъ благосердія господина. Но, кажется, поелику поселянинъ платитъ подать, то онъ, дая [2]) удовлетворенія тому, долженъ имѣть собственность, и проч.

Показавъ тебѣ, какого рода земля моего владѣнія, какія употребляются средства къ ея удобренію, образъ воздѣлыванія оной и насажденія, орудія, для онаго употребляемыя, какимъ образомъ производится жатва и приготовленія сѣна; словомъ, сказавъ тебѣ все то, что касается до строительства моего селенія и до самихъ поселянъ, я

---

[1]) Въ подл. „продаетъ“.
[2]) Для?

чувствую, что желанію твоему не удовлетворилъ по мѣрѣ твоего любопытства. Ты захочешь имѣть изслѣдованіе химическое верхняго и прозябательнаго слоя земли, да и тѣмъ паче, что, кажется, въ подробности онаго не изслѣдовано, и поколику каждое начало оныя земли дѣйствуетъ на произведеніе былій, слышу, ты вѣщаешь: лучшее средство изслѣдованія есть сдѣлать составъ земли верхнему слою подобный и подражать его плодоносности, но ты требуешь нѣчто отъ меня новаго, и больше, можетъ быть, нежели доколѣ досязается химическое мое знаніе; итакъ, жди, когда я оное изслѣдую и представлю на твое сужденіе сдѣланные мои опыты—вновь ли изобрѣтенные или повторенные.—Ты пожелаешь потомъ узнать, какіе суть лучшіе способы и обряды удобренія земли пахатной, ибо справедливо заключаешь, что нынѣшніе суть весьма недостаточны; количество навоза, на то употребляемаго, есть мало обильно, равно, какъ и способы къ размноженію онаго; захочешь узнать о лучшемъ образѣ воздѣлыванія земли и объ орудіяхъ, лучшему хлѣбопашеству соразмѣрныхъ,—о лучшемъ образѣ засѣванія и собиранія плодовъ, съ исправленными для того орудіями. Вѣдая, что сѣна въ соразмѣрности пашни мало, захочешь узнать о способахъ разможенія онаго, о удобреніи луговъ природныхъ и о разведеніи искусственныхъ, какъ и о размноженіи травъ и овощей или кореньевъ съѣстныхъ для произведенія лучшаго скоту корма и паствъ; захочешь узнать о лучшемъ способѣ въ содержаніи скота, и оттуда проистекающее размноженіе онаго—потребуешь о лучшемъ строеніи для земледѣлія нужномъ и, наконецъ, о средствахъ дать селянамъ упражненіе въ зиму, яко праздное въ деревнѣ время.

I.

Поелику одинъ верхній слой земли есть слой прозябательный и производящій, то мы о немъ только говорить ста-

немъ, и его изслѣдованіе полезно быть можетъ, а прежде всего скажемъ то, что онъ никогда не однороденъ, и кажется, что счастливое и случайное смѣшеніе разныхъ земель дѣлаетъ весьма слой плодороднымъ или безплоднымъ. Къ плодородію много способствуетъ климатъ и попеременное вліяніе дождя, теплоты, вѣтровъ и, можетъ быть, грома и молніи, ибо не было еще толь тщательныхъ наблюденій, чтобы узнать, какая погода есть самоплодороднѣйшая. Иногда она такова, что самыя худыя земли производятъ, какъ хорошія, какъ то въ началѣ 1797 года [1]).

Также во всякой землѣ находятся разные соли и металлы, а изъ сихъ, когда никакой другой, то желѣзо, конечно. Если вѣрно, что почти всѣмъ вещамъ желѣзо даетъ цвѣтъ, травѣ зеленость, румянецъ розѣ, небесную синеву васильку, то не съ вѣроятностію ли заключить можно, что черный и сѣрый цвѣтъ земли отъ повсемѣстнаго расположенія сего металла происходитъ, такъ, какъ цвѣтъ глины, красный, желтый, синій. А поелику горючій *газъ* есть одно изъ составительныхъ веществъ растеній, то или земля содержитъ его въ себѣ въ какомъ-либо измѣненіи или, что вѣроподобнѣе, что онъ производится посредствомъ содержащагося въ прозябательной землѣ желѣза въ кислости какой-либо растворенно, и сіе произведеніе бываетъ наипаче послѣ дождя; тогда при согрѣваніи солнца земля есть истинная песочная баня, но о семъ жди изслѣдованія моего [2]).

Я мало читалъ химическихъ и экономическихъ книгъ; въ первыхъ я находилъ изслѣдованія разныхъ начальныхъ

---

[1]) Важный terminus a quo для опредѣленія времени составленія этого труда Радищева (1799—1801?) Еслибы онъ былъ написанъ въ 1797 или 1798 г.г., авторъ прибавилъ бы, вѣроятно, „нынѣшняго“ или „прошлаго“, чего онъ не дѣлаетъ. На это указаніе мы, къ сожалѣнію, не обратили вниманія во вступительной статьѣ при I томѣ.

[2]) Что кислоты купоросной, вѣроятно, много въ черноземѣ, то явствуетъ на Тютнарѣ, ибо слой земли купоросной лежитъ подъ нею и много охры, которая есть также раствореніе желѣза. *Примѣчаніе автора.*

земель, но не нашелъ изслѣдованія разныхъ земель прозябатенныхъ, ибо оную почитаютъ смѣшеніемъ разныхъ начальныхъ земель. Начальныя или первенственныя земли по Кирвенову раздѣленію суть:

А) 1. Каменная или песочная.
2. Квасцовая, основаніе всѣхъ глинъ.
3. Известковая.
4. Горькая, или магниская, или терпентинная.
5. Тяжелая.

В) Металлическія земли суть толики, колики суть металлы.

С) Солей, сколько изъ составовъ разныхъ кислостей съ землями, металлами и алкаліями быть можетъ.

Д) Газы многообразные.

По наружности земледѣльцы земли раздѣляютъ: на черноземъ, на землю глинистую, песчаную и мѣловую; на всякой глинистой и песчаной есть черноземъ, и онѣ потому плодородны, поколику великъ въ нихъ онаго примѣсъ. Та земля, гдѣ много песку, но не голый песокъ, называютъ супесь, а ту, которая болѣе имѣетъ глины, сухлить. Кажется, нашъ кряжъ, хотя по виду есть глина, но есть иловатая земля, ибо въ огнѣ не твердѣетъ, съ водою хотя льнетъ, но, обгорѣвъ, разваливается. Кряжъ около Петербурга, особливо къ Нарвѣ, каменистъ. Обыкновеннымъ земледѣльцы разговоромъ, говоря про земли, ставятъ противоположности: горяча или студена, мокра или суха, рыхла или плотна, мягка или тверда, легка или тяжела, сочна или тоща; но всѣ сіи названія суть малоопредѣленны, и дабы о нихъ ясное имѣть понятіе, то бы должно было ихъ точнѣе опредѣлить, въ чемъ каждое свойство состоитъ и отъ какого земель смѣшенія зависитъ.

Одинъ россійско-англинскій писатель о земледѣліи преподаетъ слѣдующіе способы къ познанію разнаго свойства земель: положивъ правиломъ, чтобы ниже верхняго слоя никогда ни пахать, ни копать. 1. Вырой яму по произволенію шириною, глубиною во всю толщину слоя, тогда

свойства ея вышепомянутыя будутъ явны, горяча ли она или холодна, и проч. Дай сей вырытой землѣ полежать на воздухѣ день или два, потомъ ввали ее въ ту же яму и утопчи: то тощая и скудная не наполнитъ, средственная наполнитъ, а богатая и тучная преисполнитъ яму, такъ что, какъ ее ни топчи, но не вмѣстится. Я не говорю, для чего бываетъ такъ по его мнѣнію, ибо оно для меня неубѣдительно. 2. Добрая земля бываетъ черна или изъ-черна сѣра, послѣ дождя пріятный запахъ испускаетъ, на языкѣ разсыпается и таетъ и, если потереть ее между пальцами, она къ нимъ льнетъ и мягка, жирна и слизка бываетъ; напротивъ того, худая бываетъ изъ-свѣтла сѣра или желта или ничѣмъ не пахнетъ или пахнетъ худо, на языкѣ даетъ вкусъ горькій, кислый или вязкій, въ рукѣ шероховата, легка и ноздревата. 3. На горахъ, холмахъ и косогорахъ земля хуже, нежели въ долинахъ, лощинахъ, займищахъ, оврагахъ и буеракахъ. 4. Гдѣ растетъ дубъ, кленъ, вязъ, яблонникъ, буквица, роменъ, клубника, тамъ земля добра. Березникъ показываетъ убогую глину, а соснякъ, можжевельникъ и молодиль—сухую супесь, а тростникъ, мохъ, хвощъ, осока—мокрую землю и болотную.

Для изслѣдованія, изъ какихъ веществъ состоитъ верхній слой земли, слѣдующіе суть опыты: на 16 золотниковъ земли налей 4 золотника морской кислости и 39 зол. воды перегнатой: если много кипитъ, то прибавь еще кислости и дай отстояться, доколѣ кипѣть перестанутъ. Подливай кислость, доколѣ кипѣть не перестанутъ. Процѣди сквозь сѣрую бумагу; на землю, въ цѣдилѣ оставшуюся, влей $^1/_8$ ведра воды, жижу храни, а землю изъ цѣдила разведи водою и размѣшай. Песокъ, въ землѣ содержащійся, отсядетъ скоро, съ онаго слей воду мутную и, если въ ней есть глина, то сядетъ послѣ; высуши и узнаешь количество песку и глины. Буде въ землѣ есть колчеданы, тѣ тутъ же отсядутъ; его въ землѣ истребляютъ многократнымъ паханьемъ и известью. Въ цѣжу на 8 золот. кислости прибавь 12 золот. *ѣдкой летучей соли щелочной,* или

водки соли амоніанской съ кипѣлкою; если, цѣдя, замутится, то въ землѣ есть магнистая или квасцовая земля, или металльная, то есть желѣзная или мѣдная известь. Процѣди замутившуюся цѣжу опять и влей раствору *неподвижной травной щелочной соли.* Если цѣжа замутится, то есть въ ней известь; подливай соли, пока мутиться не перестанетъ, процѣди, мой остатокъ въ водѣ и, что отстанетъ, то будетъ известь.—Въ хорошей землѣ обыкновенно $^1/_4$ воды; дабы узнать количество питательнаго сока въ землѣ, отъ согнитія животныхъ и прозябательныхъ вещей происходящихъ, возьми пудъ земли, влей $2^1/_2$ ведра воды, кипяти цѣлый часъ, дай отстояться, слей жижу, сдѣлай то въ другой разъ, жижу выпари до суха; остатокъ сокъ сей, его бываетъ $^1/_{400}$.

Узнать металльную или земляную соль: на 8 фун. влей кипятку $^1/_{32}$ ведра; дай постоять, смѣшавъ, процѣди сквозь бумагу, въ цѣжу влей alcali fixe vegetal разведенной; цѣжа замутится, если есть соль металльная или земляная. Процѣдивъ, паки *ѣдкой алкали летучей.* Процѣди и прибавь alcali vegetal; если замутится, то есть соль известная; если замутится отъ alcali летучей ѣдкой, то какая-либо другая тутъ соль земляная или металльная—въ цѣжу прибавь, наливши орѣшковой; если замутится, то есть квасцы или металльная соль; если почернѣетъ, то желѣзо; если посѣрѣетъ, то мѣдь или квасцы. Если же прибавить alcali, то отъ мѣди посинѣетъ, отъ желѣза позеленѣетъ, а отъ квасцовъ побѣлѣетъ.—Въ цѣжу къ наливкѣ орѣшковой влей *ѣдкой летучей alcali,* то отсядетъ магнисная земля. Соли въ цѣжахъ садятся кристаллами—сіи соли истребляютъ въ землѣ кипѣлкою.

Изъ всѣхъ сихъ опытовъ видно, сколь они недостаточны, и что точно прозябанію лучшему способствуетъ, онымъ не узнаешь. Въ трудахъ Экономическаго Общества переведено небольшое французское сочиненіе, содержащее рѣшеніе задачи, предложенной Бурдовскою Академіею: *какая причина вѣроятнѣйшая къ плодородію*

земному?[1]) Авторъ говоритъ: поелику растенія не изъ однѣхъ водяныхъ состоятъ частей, но и земляныхъ, слѣдовательно, и питательный сокъ состоитъ изъ того и другого. Подъ именемъ земляныхъ частей разумѣетъ авторъ также и соляныя и тучныя частицы, ибо онѣ не токмо смѣшаны (intimement) съ земляными, но и существованіе свое имѣютъ отъ земли. Сіи части, водою растворенныя, входятъ въ корень и питаютъ растенія: слѣдственно, плодородная земля есть та, которая оныя части содержитъ, а безплодная, которая ихъ не имѣетъ, а можетъ оныя получить чрезъ искусство. Для познанія сихъ частей слѣдующій сдѣлалъ онъ опытъ. На плодородную ненавоженную землю наливъ кипятку, далъ стоять нѣсколько часовъ, щелокъ тогда имѣлъ гвоздичный цвѣтъ. Процѣдилъ, цѣжу выварилъ, щелокъ подъ конецъ былъ темногвоздичнаго цвѣта. По краямъ сосуда приставала тонкая и тучная земля, щелокъ покрылся перепонкою. По совершенномъ выпареніи осталося соляное вещество гвоздичнаго цвѣта. По частномъ цѣженіи и выпареніи ничего не осталося; чѣмъ земля плодороднѣе, тѣмъ крѣпче щелокъ. Земля кисловатая, глинистая и песчаная щелока даетъ мало;—перегналъ щелочной экстрактъ; сперва пошла флегма равнаго съ землею запаха и вкуса. При умноженіи огня желтоватая пошла влага крѣпкаго и вонючаго запаха. Если же огонь очень силенъ, то, вспѣнясь, перешла все. На днѣ осталася бѣлая, легкая и ноздреватая земля; выщелочивъ оную, получилъ $^1/_5$ или $^1/_6$ *постоянную соль сложную*, которая съ кислотами не кипитъ, иногда же она сама alcali.

Итакъ, плодородная земля содержитъ 5 частей растворяемой земли и 1 часть соли. (Какая земля и какая соль—не сказано). И авторъ заключаетъ, что она тучна, ибо пѣнится растворяема, ибо расходится въ водѣ до чиста и тонка, ибо проходитъ сквозь сѣрую бумагу и не дѣлаетъ

---

[1]) „Въ „Историческомъ разысканіи“ Неустроева въ перечнѣ „Трудовъ В. Экон. Общ.“ такой статьи нѣтъ.

осадки и пристаетъ къ краямъ сосуда во время варенія.— Соль вываренная бываетъ неодинакова, иногда селитряна, ибо экстрактъ на огнѣ трещитъ и пыхаетъ, а caput mortuum есть соль средняя, ибо не кипитъ; также садятся малые кубики поваренной соли.

Я предварительно сообщу нѣкоторыя замѣчанія въ испытаніи земель и ихъ плодородія. Земля моего владѣнія сѣровата изъ-желта, порастаетъ, если не пахана, елкою и щавелемъ; безъ навоза родитъ яровое, а рожь не всегда; родится всегда ячмень лучше другого хлѣба. Слѣдственно, по правиламъ и практикѣ она самаго худого рода, но бываютъ годы, какъ то 1797, что они родятъ хлѣбъ всякій безъ удобренія, слѣдовательно, одно вліяніе духокружія можетъ доставлять ей плодородіе. Положивъ въ стаканъ кусочекъ сей земли, я наливалъ ее водою и чрезъ нѣсколько времени находилъ, что вода сквозь всю ее проступила, она вся распустилась, сѣла на дно и воду оставила прозрачную безъ всякаго вкуса и запаха; но вода въ нее не такъ скоро проходитъ, какъ въ тютнарскій черноземъ, ибо сей проницаемъ бываетъ мгновенно, а причина тому, что въ тютнарскомъ черноземѣ есть половина песку самаго бѣлаго, довольно крупноватаго. Кажется, что можно заключить, что чѣмъ вода лучше и скорѣе проницаетъ землю, тѣмъ она лучшій даетъ плодъ. Сіе подтверждаетъ опытъ; въ нашей сторонѣ тѣ мѣста, гдѣ пашня не поката, она плодороднѣе другихъ. Земля около Петербурга совсѣмъ сѣра и плоха, но лучше нашей, ибо въ ней много камня, и вода ее проницаетъ удобнѣе. Если пашня у насъ мягко распахана, то вода ее лучше проницаетъ и болѣе способствуетъ къ ея плодородію.

Слѣдующіе опыты я дѣлалъ съ тютнарскимъ черноземомъ. Въ огнѣ обожженный совершенно, но не столько, какъ горшки, онъ пожелтѣлъ, а одинъ разъ обожженный и намоченъ водою испустилъ духъ сѣрной печенки, который однако же скоро разлетѣлся. Сей духъ, думать надобно, произошелъ отъ пережженнаго колчедана. Размѣшанный въ

водѣ, далъ половину бѣлаго песку и нѣсколько весьма чернаго, на желѣзный похожаго, но магнитъ его не притягивалъ. Земля, отдѣленная отъ песка, была очень тонка, какъ бы тончайшая глина, и тихо садилася на дно, но сѣла, и вода осталася прозрачною. На землю налилъ я селитряной кислоты или крѣпкой водки бѣлой, потомъ сливный щелокъ сей и землю омылъ и высушилъ, стала бѣлосѣрая; водка стала желта, сильный испускала запахъ, хотя не дымилася, а сгущенная оставила нѣсколько кристальныхъ иголокъ, коихъ вида опредѣлить было не можно за неимѣніемъ микроскопа. Вкусъ сихъ кристалей показывалъ стягивающее и желѣзистое вещество. Сей опытъ и черный видъ земли доказываютъ, что она много содержитъ желѣза, растворенного неизвѣстною жидкостію, и, вѣроятно, удобно производящее воздухъ горючій, въ составъ всѣхъ растеній входящій. — Купоросная кислость, влитая на сію землю, не извлекла ничего и бѣла осталася.

Но не время еще говорить мнѣ о томъ, чего я не изслѣдовалъ съ точностію, опыты недостаточные могутъ въ вящшее занести заблужденіе. Доселѣ извѣстно то, что можно посредствомъ наипаче навоза сдѣлать землю худую равную хорошей въ произведеніи, но удобреніе сіе есть временное, а черноземъ остается плодороденъ навсегда. Если кто искусствомъ покажетъ путь легкій и мало издержестный къ претворенію всякой земли въ черноземъ, тотъ будетъ толикій же благодѣтель рода человѣческаго, какъ Тритолемъ или Цереро, научившіе смертныхъ воздѣлывать землю, но, хотя бы онъ и явился, благотворный сей геній, правительства наши не уважатъ его трудовъ, и сей жизнодательный новый Ираклій поживетъ неуважаемъ, презрѣнъ, въ изгнаніи, и по истинѣ: не велико ли ослѣпленіе ихъ? Если до сего еще не достигли счастливые или остроумные опыты, то обрѣтеніе хлѣбнаго древа сама природа дала къ благоденствію вящшему неимущаго знакъ, но никто его еще не познаетъ.

II.

Обратимся теперь къ средствамъ извѣданнымъ и въ новыя времена употребляемымъ для удобрѣнія. Въ англійскомъ земледѣліи правиломъ полагается, чтобъ, удобривъ землю, должно стараться сохранять данную доброту землѣ. Сего послѣдняго въ Россіи совсѣмъ не знаютъ; во многихъ странахъ земли не удобряютъ (можетъ быть, и не имѣютъ въ томъ нужды), а гдѣ удобреніе и бываетъ, то оно не на долго. Итакъ, средства сіи мы отыщемъ не дома, но у другихъ народовъ.

Земля удобряется двояко: 1. Воздѣланіемъ или паханіемъ. 2. Навозомъ, то есть примѣсомъ въ пашенную землю какихъ-либо веществъ, силу плодородія умножающихъ.

Хорошее воздѣланіе земли зависитъ отъ повторяемаго паханія, свойству почвы соразмѣрнаго, отъ приличнаго свойству почвы сѣемаго хлѣба и отъ доброты земледѣльческихъ орудій. Тотъ почтется въ семъ отношеніи искуснѣйшимъ, кто въ кратчайшее время воздѣлать можетъ болѣе земли, такимъ образомъ, что извлечетъ изъ нея наибольше возможный плодъ, употребя на то мало убыточныя средства, но все сіе не иначе, какъ относительно понимать можно: ибо тотъ, который, вспахавъ десятину одинъ разъ, въ одинъ день, на одной лошади, получитъ съ нея хлѣба самъ третій, не можетъ въ прибыткѣ равняться съ тѣмъ, который, десятину пахавъ два дни, два раза, на двухъ лошадяхъ, получитъ хлѣбъ самъ шестъ. На одномъ количествѣ земли одинъ противъ другого иждивилъ вдвое, но и получилъ вдвое: слѣдственно, есть лучшій земледѣлецъ. Хотя бы первый второй день употребилъ на другую и прибыльную работу, и капиталъ, на вторую лошадь употребленный, вторымъ употребилъ также съ пользою, но то будетъ не на земледѣліе. Но если получивый съ нивы своей хлѣбъ самъ третій, хлѣбъ его былъ драгоцѣннѣе другого, и онъ продажею его выручилъ болѣе получившаго хлѣбъ самъ шестый, или хотя съ нимъ на равнѣ, то перваго мож-

но почесть лучшимъ земледѣльцемъ или, по крайней мѣрѣ, остроумнѣйшимъ, ибо меньшимъ иждивеніемъ и работою меньшею получилъ прибыль равную.

Въ Англіи начинаютъ думать, что заступъ есть орудіе предпочтительнѣе всѣхъ другихъ для земледѣлія, ибо посредствомъ онаго земля гораздо лучше воздѣлывается, нежели сохою, и на такой землѣ драгоцѣннѣйшіе плоды возвратить [1]) удобно. И по истинѣ, если я съ двухъ десятинъ въ каждомъ изъ трехъ полей съ наилучшимъ воздѣлываніемъ, раченіемъ и удобреніемъ не болѣе получу счастія одинъ годъ за другой, какъ 200 рублей, по другому же раздѣленію съ одной десятины въ шести поляхъ 350 рублей, то есть, что шесть десятинъ по старому наилучшему обряду дадутъ мнѣ 200 рублей, или по новому англійскому манеру 350 рублей, а, употребляя заступъ, и съ двухъ, или же съ одной десятины получу столько же, то вопрошу: что прибыльнѣе? И для того то можно бы въ полуденныхъ у насъ мѣстахъ искуситься въ насажденіи сахарнаго тростника, пшена срачинскаго и проч. А хотя смѣяться будешь, но скажу, что я въ Земцовѣ [2]) намѣренъ садить арбузы и, если можно, сохи всѣ истреблю.

Воздѣлываніе или паханіе (разумѣю употребленіе сохи и бороны) нивъ почесться можетъ трояко: 1. Вспареніе или паръ, то есть пріуготовительное паханіе. 2. Паханіе для посѣва. 3. Паханіе для очищенія и удобренія, какое употребляется въ Англіи и въ другихъ мѣстахъ, гдѣ лучшій введенъ образъ земледѣлія, но у насъ совсѣмъ не употребительное.

Паръ обыкновенно пашутъ въ Россіи только подъ озимь, обыкновенно въ началѣ іюля мѣсяца по окончаніи ярового посѣва, а гдѣ [3]) кладутъ на землю навозъ, тамъ по вывозѣ съ дворовъ навоза. Рѣдко гдѣ случится (да и то дѣлаетъ развѣ какой помѣщикъ, земледѣліе или паче прибытокъ

---

[1]) Возрастить?
[2]) Нѣмцово, имѣніе Радищева? [3]) Повторено дважды.

вой любящій), чтобъ вспаривали поля осенью яровыя или озимыя. Хотя тому, кто сіе дѣлаетъ, довольно извѣстно, сколько сіе для лучшаго урожая въ хлѣбѣ полезно. И то можно назвать паромъ, что пашутъ повторительно, хотя передъ посѣвомъ яровымъ, но всегда съ перемѣшкою.

Озимое поле парятъ одинъ разъ сохою и одинъ бороною; новину или чищебу, можетъ быть, больше; и сіе дѣлаютъ въ Россіи повсемѣстно. Поелику подъ ячмень у насъ пашутъ три раза, подъ овесъ два, то и можно первыя паханья почесть вспареньемъ. Въ Англіи въ иныхъ мѣстахъ подъ пшеницу пашутъ до шести разъ, и всѣ сіи предварительныя воздѣлыванія можно назвать паромъ. Разные овощи, на поляхъ производимые, требуютъ вспареніе пашни.

Засѣвая землю, въ иныхъ мѣстахъ въ Россіи употребляютъ соху, въ иныхъ борону. Вспахавъ и взборонивъ послѣдній разъ подъ яровое, засѣваютъ ниву и сѣмена закрываютъ землею посредствомъ бороны. Вспахавъ и заборонивъ послѣдній разъ подъ озимь, подъ засѣянія земли взрываютъ сохою безъ бороны. На Тютнарѣ яровое сѣютъ по жниву, подпашутъ сохою и боронятъ, а иногда сохою два раза. Подъ озимь предварительно вспашутъ, сѣютъ и паки пашутъ. Слѣдственно, работа въ низовыхъ мѣстахъ гораздо лучше.

Паханье по посѣвѣ, для очищенія пашни, въ Россіи не употребительно. Въ Англіи производятъ то на овощныхъ поляхъ. Луга также сдираютъ скарификоромъ или сглаживаютъ бороною безъ зубцовъ.

Обыкновеннымъ образомъ пашутъ, дѣлая борозду одну подлѣ другой сохою, доѣхавъ до конца полосы, оборачиваетъ сохою и, переложивъ палицу, начинаетъ другую борозду подлѣ уже сдѣланной. Плугомъ же или косулею сдѣлавъ борозду съ одного бока борозды, другую начинаютъ съ другого бока. Послѣднія борозды сходятъ на среднія полосы, и сіе дѣлаютъ для того, что плугъ землю всегда отворачиваетъ на одну сторону. Боронуютъ, ѣздя взадъ и впередъ по полосѣ, иногда и поперекъ; также иногда пашутъ поперекъ, но въ Россіи сіе мало случается.

Предъ нѣкоторымъ временемъ извѣстный земледѣлецъ Толль, утверждая, что земля безъ навоза всякая, но однимъ вліяніемъ воздуха удобна производить всякіе плоды, предложилъ новый образъ воздѣлыванія земли. Онъ велитъ пахать землю высокими, но узкими грядами, и такимъ образомъ вспаханное паровое поле пахать вторично и грядки дѣлать на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ были борозды. Воздухъ, по его мнѣнію, проницая землю, дѣлаетъ ее плодоносною, и тѣмъ лучше она бываетъ, чѣмъ чаще воздѣлывается грядами, ибо новую всегда представитъ на проницаніе поверхность, но опыты таковаго земледѣлія были неудачны, и Толлевы правила мало въ Англіи имѣютъ послѣдователей.

Здѣсь присовокупимъ мы нѣсколько еще правилъ, опытами утвержденныхъ, до воздѣлыванія земли касающихся. Воздѣлывать, утверждаютъ многіе, должно только верхній слой земли, нижняго не касаяся, ибо оный совсѣмъ безплоденъ. Но кажется, что сіе правило не можетъ быть общее и повсемѣстное, ибо если верхній слой глина, а нижній опока или мѣлъ, то смѣшеніе сихъ двухъ земель произведетъ почву плодородную. Если положеніе мѣстъ таково, что требуетъ насажденія лучшихъ родовъ хлѣба, напримѣръ, пшеницы, а извѣстно, что сія любитъ глинистую землю, а верхній слой черноземъ [1]) съ большею частію песка, то нужно воздѣлывать нижній слой земли, если онъ глина, ибо смѣшеніе произведетъ изобиліе плодовъ. Слѣдуетъ, что воздѣлываніе нижняго слоя можетъ служить удобреніемъ.

Если пашня лежитъ по отлогому косогору, то нужно борозды дѣлать поперекъ онаго, дабы снѣговая вода и дождевая бороздами была сдерживаема, если же пашня лежитъ по крутому пригорку, то надобно, нѣкоторыя по крайней мѣрѣ, борозды сдѣлать вдоль, то есть сверху внизъ, дабы вода свободно сбѣгала и не дѣлала бы водомоинъ.

---

[1]) На Тютнарѣ и около черноземъ родитъ обильно рожь, овесъ, гречу, годами просо; съ навозомъ—конопли, но пшеницы не родитъ. На Волгѣ, гдѣ земля рожь родитъ худо, пшеницы родится въ изобиліи. *Примѣч. автора.*

Также кажется, что по свойству земли надлежитъ употреблять и земледѣлательныя орудія. Залоги и землю рыхлую и глубокую лучше поднимать плугомъ, а не сохою, а тотъ, кто захочетъ въ Ингерманландіи пахать плугомъ, тотъ трудъ свой терять будетъ втуне.

Утучненіе [1]) земли въ Россіи въ низовыхъ, степныхъ и украинскихъ мѣстахъ неупотребительны, также въ Сибири по большей части, въ прочихъ же мѣстахъ употребляютъ только скотскій навозъ, но въ ономъ не дѣлаютъ различія никакого. У селянъ весь скотъ, то есть лошади, коровы, овцы и свиньи стоятъ вмѣстѣ, и навозъ ихъ вывозятъ вмѣстѣ, всегда лѣтомъ; на десятину кладутъ по 100 телѣгъ, считая на телѣгѣ по 15 пудъ. Коноплянники и огородныя мѣста навозятъ ежегодно, но нивы не чаще, какъ въ третій годъ, а иногда и того рѣже.

Иные помѣщики дѣлаютъ и другія утучненія, напр., листъ древесный, кожевенная кора, илъ прудовой и золу; но мало. То всѣ селяне знаютъ, что всякое на пашнѣ гноеніе ей полезно и утучнительно. Въ другихъ земляхъ, а паче въ Англіи, въ великомъ употребленіи *опока* или мергель, известь, мѣлъ. Разсуждая, что сіи земли принадлежатъ къ роду солей, что удобно притягиваютъ въ себя сырость изъ воздуха; зная изъ опытовъ, что известка есть матка селитры, то не побуждается ли заключить, что она [2]) суть навозъ потолику, поколику суть притягательны и что плодородная сила земли получается ею изъ атмосферы; навозъ же скотскій, извѣстно то изъ опытовъ, также родитъ селитру, имѣетъ въ себѣ летучую щелочную соль и удобно втягивательною своею силою сообщаетъ землѣ плодородіе, изъ атмосферы оною привлекая. Но черноземъ мало и очень мало соли въ себѣ содержитъ, и опытами извѣстно, что глинистую пашню можно удобрить пескомъ или хрящемъ, и поелику въ Тютнарскомъ черноземѣ содержится на по-

---

[1]) Утучненія? [2]) Онѣ?

ловину песку бѣлаго кварцоваго, то не должно ли съ вѣроятіемъ заключать, что смѣшеніе разныхъ земель также утучняетъ землю, по той причинѣ, что оно дѣлаетъ землю рыхлою и ко вліянію атмосферы удобною?

Селянамъ нашимъ и то извѣстно, что та нива, на которой посѣяна была греча, та земля лучше родитъ рожь. Но не вѣдаютъ, для чего, не понимая, что толстые ея коренья, землю раздиравъ и согнивъ, даютъ навозъ. Слѣдуетъ, что всякая даже трава, сгноенная на нивѣ, ее утучняетъ.

Но навозъ надобно чтобы хорошо былъ раздробленъ по пашнѣ. Изъ чего заключить можно, что онъ пашню дѣлаетъ рыхлою. Итакъ, думать можно, что все то, что пашня [1]) дѣлаетъ рыхлою, какъ то паханіе, дѣлаетъ ее и плодородною. Итакъ, песокъ, положенный на глинистой нивѣ, способствовать будетъ къ ея плодородію, но если къ тому прибавится навозъ, тогда она равняется съ черноземомъ, ибо англинскіе земледѣлатели признаются, что на землѣ, удобренной мергелемъ, если положенъ будетъ навозъ, то она плодъ дастъ гораздо лучшій.

Знаютъ нынѣ средства къ умноженію навоза, способствуя гніенію. Дѣлаютъ въ покрытыхъ отъ зною, дождя, а у насъ и отъ снѣга мѣстахъ кучи, возведенныя по чредѣ изъ скотскаго вымета, земли, хворосту и чего бы то ни было, и дабы скорѣе произошло согнитіе, то оныя кучи ворочаютъ часто. Такимъ образомъ производятъ навоза большее количество.

Количество потребнаго на ниву навоза должно соразмѣряться добротѣ или худобѣ нивѣ (нивы?) и качеству навоза. Около Москвы и Петербурга навозятъ пашни сколь можно. Въ Тамбовской и частію Тульской губерніяхъ навозятъ поменьше, а еслибы въ Симбирской и Саратовской губерніяхъ навозить хорошія земли изобильно, то хлѣбъ никогда бы не созрѣвалъ, ложась отъ силы и изобилія.

Удобряютъ также нивы сутолокою, то есть оставляя

---

[1]) Пашню?

скотъ, а паче овецъ на пашнѣ на полдень, или на ночь, дѣлая около ихъ загородки.

О удобреніи луговъ будемъ говорить послѣ.

Новый родъ сѣнія г. Толли и Дегамеля состоитъ въ томъ что на нивѣ, вспаханной узкими грядами, сѣять рѣдко, или сдѣланною для того нарочно сѣяльницею сѣять рядами на двухъ футахъ три ряда жита, а потомъ оставлять четыре фута пустого мѣста, которое засѣвается въ будущій посѣвъ. Зерно будетъ одно отъ другого на семь и восемь дюймовъ.

Слѣдующею весною вырываютъ восшедшій хлѣбъ, гдѣ онъ меньше четырехъ и пяти дюймовъ въ разстояніи, потомъ пашутъ пустыя мѣста особою сохою, что повторяютъ, когда хлѣбъ начнетъ колоситься.

Многіе изъ земледѣлателей сѣмена хлѣбныя приготовляютъ: иные ихъ коптятъ въ ригахъ, другіе моютъ или вывѣваютъ, иные мочатъ въ щелоку или разсолѣ и послѣ посыпаютъ известью, иные сѣютъ сыромолотныя сѣмена, иные молоченныя изъ сушенаго хлѣба. Но въ томъ согласны всѣ, что мытыя, копченыя или моченыя пшеничныя сѣмена головни не родятъ, а, кажется, опыты удостовѣрили, что на черноземѣ сыромолотъ лучше, а на навозѣ сушеныя сѣмена. Но перемѣна сѣмянъ избавляетъ и отъ головни и лучшую всегда даетъ жатву.

Примѣчено, что когда послѣ обильныхъ осеннихъ дождей бываютъ заморозы сильные, то хлѣбъ родится лучше, также, когда первому снѣгу бываетъ осадка, ибо въ семъ случаѣ земля удобнѣе промерзаетъ. Въ *запискахъ Стокгольмской Академіи* подаютъ совѣтъ: снѣгъ на нивахъ укатывать тяжелымъ каткомъ. Для глинистыхъ земель, кажется, весьма хорошо, чтобы земля промерзала, ибо извѣстно, что глина, приготовляемая горшечниками, кирпичниками, гончарами, бываетъ лучше, когда зиму пролежитъ на морозѣ и онымъ будетъ проницаема.

Количество сѣмянъ, высѣиваемыхъ на извѣстномъ пространствѣ земли, соразмѣряется по добротѣ земли и по качеству хлѣба, или паче по времени сѣянія. Въ томъ всѣ согласны, что на добрыхъ земляхъ меньше надлежитъ ввѣрять сѣмянъ нивѣ, нежели на худыхъ, что озимаго хлѣба въ половину надлежитъ сѣять противъ ярового. Образъ сѣянія г. Толля есть самый рѣдкій—на десятину выходитъ по четверти, въ Россіи моченыхъ сѣмянъ на десятину по десяти и двѣнадцати четвериковъ, озимаго хлѣба отъ двѣнадцати до шестнадцати четвериковъ, ярового—овса и ячменя отъ трехъ до четырехъ четвертей.

Орудія, употребляемыя въ Россіи для воздѣлыванія земли, суть плугъ, косуля, которую можно назвать полуплугомъ, и соха; сверхъ того, у нѣкоторыхъ помѣщиковъ найдутся плуги на иностранный манеръ; также катки гладкіе и съ зубьями, но рѣдко. Борона разныхъ видовъ: бываетъ желѣзная, какъ то въ Камышловѣ и на Тютнарѣ, деревянные зубья сплетенные, сдѣланные изъ еловыхъ сучьевъ. Сохи около Петербурга имѣютъ маленькіе сошники; бороны похожія на грабли треугольныя; но, я думаю, внѣшній ихъ видъ каковъ бы ни былъ, доброты ихъ не прибавитъ, а доброта ихъ зависитъ отъ положенія зубцовъ. Четвероугольную борону, таща съ угла, дѣйствіе ея будетъ двухъ треугольныхъ.

Памятникъ

дактилохореическому витязю.

(1801?).

Памятникъ

дактилохореическому
витязю,
или
драматикоповѣствовательныя бесѣды
юноши съ пѣстуномъ его,
описанныя
составомъ нестихословныя рѣчи отрывками,
изъ ироическія піимы
славнаго въ ученомъ свѣтѣ мужа
N N
поборникомъ его знаменитаго творенія.

Предисловіе, предувѣдомленіе, предъизъясненіе, предъ... и все тому подобное.

Для дополненія стихотворнаго отдѣленія моей библіотеки, вивліоѳики, книгохранилища, книгоамбара, я недавно купилъ Тилимахиду [1]); развернулъ ее (нѣкогда для отдохновенія отъ чтенія торжественныхъ пѣсней), перебиралъ я въ ней листы, и нашелъ, къ удивленію моему, нашелъ въ ней нѣсколько стиховъ посредственныхъ, множество великое стиховъ нестерпимо дурныхъ... нашелъ, подивитесь теперь и вы, нашелъ стихи хорошіе, но мало, очень мало. Въ сію минуту вошелъ ко мнѣ знакомый мой N... Онъ держалъ въ рукахъ „*жизнь моего отца*“ [2]), сочиненія Коцебу. Мысль сверкнула въ умѣ моемъ, и я предпринялъ, на подобіе сказанной книги или нѣсколько на нее похожее, начертать что-либо въ честь впадшаго въ столь уничижительное презрѣніе творца Тилимахиды; попросилъ я моего знакомаго взять перо и писать то, что я ему сказывать буду; а я, перебирая съ начала листы сея тяжеловѣсныя піимы, слѣдующія произнесъ слова:

---

[1]) Тредьяковскаго.

[2]) Русскій переводъ (Алексѣева) вышелъ въ Москвѣ въ 1798 г.

1. Вступленіе. Тилимахида на что-нибудь годится, ни на что не годится. 2. Дядька, буря, мельничная плотина, виноградъ въ боченкѣ, поля, хрустальная лавка. 3. Сновидѣніе, корабль на парусахъ, гора, хохолокъ, мышь, очи ясны, уста красны, сеже, бурный и бурый, небесная планисфера, огненный змѣй, Никола Подкопай, наряды московскіе, алая тѣлогрѣя, закусилъ языкъ, околица, Фалелеюшка мой батюшка, овинъ, пророкъ Валаамъ. 4. Портретъ Цымбалды, охота къ женитьбѣ, сѣчь лозою, Донъ-Кишотъ, страшная пещера, подземная держава, кузница, какъ дураковъ дразнятъ, грязь, группа, дрянь, Лукерья, Енкеладъ, провались ставши, конецъ. 5. Время, силлогизмъ in barbara, комментаріи, смаху, ирой, пчелы, странствованіе, Надворный Совѣтникъ, глава и голова, пѣтухъ, брысь, Зевесъ, узелъ, черти, Овидій, сталъ въ пень и аминь. 6. Заключеніе, или апологія Тилимахиды и шестистоповъ.

Вмѣстивъ всѣ сіи слова въ VI номеровъ или отдѣленій, повѣствованіемъ, изъ Тилимахиды извлеченнымъ, давъ всему нѣкоторую связь, и, сдѣлавъ нѣсколько примѣчаній о шестистопныхъ стихахъ россійскихъ, большимъ поэмамъ приличныхъ, я составилъ слѣдующую диссертацію, разысканіе, разглагольствіе или... нѣчто, дрянь... или памятникъ.—Читатель! если ты разъ хотя одинъ улыбнешься, то цѣли моей я уже достигъ.

I.

ВСТУПЛЕНІЕ,

Тилимахида на что-нибудь годится,
ни на что не годится.

Разговоръ Б. и П.

Б. Предубѣжденіе твое противъ творца Тилимахиды чрезъ мѣру велико. Если ты разсудишь, что вымыселъ сея книги не его, что онъ отвѣчать не долженъ ни за ненужное и къ ироической пѣсни неприличное, ни за мѣста слабыя или растянутыя... то о немъ должно судить, развѣ какъ о человѣкѣ, полюбившемъ страстно Фенелонова Телемака, захотѣвшемъ одѣть его въ русскій кафтанъ, но будучи худой закройщикъ, онъ не умѣлъ ему дать моднаго вида, и для прикрасы обвѣсилъ его колокольчиками.

П. Но его нелѣпые стихи, переставленіе рѣчи столь странное, столь глупое, столь смѣшное...—Невозможно подумать, чтобъ книга сія на иное что годилася, какъ на завивальныя бумажки или на—что пожелаешь.

Б. Согласенъ во всемъ томъ, что ты сказалъ;—да читалъ ли ты Тилимахиду?

П. Читалъ ли?—Можно ли не ради смѣха сдѣлать такой вопросъ?—Или думаешь, что я хочу занемочь?

Б. Занемочь? Развѣ Тилимахида не можетъ служить вмѣсто сиденгамова жидкаго лаудана?

П. Нѣтъ, конечно. Она ни на что негодна, ниже отъ безсонницы. Правда, многія россійскія творенія (а паче стихи) могутъ служить вмѣсто усыпительнаго зелья, но не Тилимахида.

Б. Могу и въ томъ согласенъ быть съ тобою. Но ты не читалъ ея, и для того воздержись отъ рѣшительнаго приговора, и сентенціи ея не подписывай (ибо такъ говоритъ какой-то славный писатель), что нѣтъ столь худого сочиненія, въ которомъ бы не нашлось чего-либо хорошаго.

П. Что можетъ быть въ Тилимахидѣ хорошее? И тому я не вѣрю, чтобы ты въ самомъ дѣлѣ противное моему имѣлъ о ней мнѣніе.

Б. Я истинно думаю, что она не вовсе безполезна—а если можно убѣдить, что она годится на что-нибудь такое, что доставить можетъ удовольствіе, если творецъ Тилимахиды заставитъ тебя улыбнуться, то вѣнецъ ему уже готовъ.

П. Вѣрить не могу, чтобъ возможность была заставить съ Тилимахидою улыбаться! Зѣвать заставишь, зѣвать до ушей!

Б. Зѣвать насъ многіе заставляютъ; но иная зѣвота бываетъ въ пору,—кстати иногда похожа быть можетъ на улыбку—но прочти слѣдующее, потомъ станемъ опять говорить о Тилимахидѣ.

II.

Дядька, языкъ Французскій и Чухонскій, бирюльки, дичь, сказка, буря, роскошная жизнь, мельничная плотина, столпы и кумиры, виноградъ въ боченкѣ, поля, хрустальная лавка, т. е. лавка, гдѣ продаютъ хрустальную посуду, зеленая постеля.

Лѣтописи повѣствуютъ, что у Митрофана Простакова [1]) былъ меньшій братъ, не по росту, не по уму, но по рожденію меньшій, именемъ Фалелей; что матушка его, видя неудачу въ воспитаніи большаго своего сына, вмѣсто няни Еремѣвны, приставила къ меньшему дядьку, котораго назовемъ мы именемъ славнѣйшаго изъ всѣхъ дядекъ, Цымбалдою; и что госпожа Простакова выгнала предварительно изъ дома своего всѣхъ учителей: Кутейкина для того, что онъ не зналъ гражданскихъ письменъ, и что Цымбалда самъ могъ Фалелея учить грамотѣ; Цыфиркина для того, что нужды нѣтъ нималой тому въ ариѳметикѣ, кто умѣетъ считать на счетахъ; Вральмана (выгнали даже Вральмана!) для того, что сыну ея былъ случай учиться съ меньшимъ иждивеніемъ всѣмъ наукамъ и языкамъ иностраннымъ, хотя не по-французски, но все равно, языку древняго финскаго народа у пастора лютеранской церкви, гдѣ крестьяне Простакова были прихожане.

Зане вѣдать надлежитъ, что Простаковы, избавляяся опеки (подъ которую отданы были за лютость поступковъ своихъ съ подчиненными ихъ людьми властію правительства, о чемъ съ „Недорослемъ“ справиться можно), истре-

---

[1]) Въ изданіи 1811 г. (г. IV) все время „Простяковъ“.

бовали дозволеніе продать деревни, и на вырученныя за то деньги купили въ Капорьѣ мызу Наренгофъ, гдѣ крестьянъ было половина русскихъ, половина финновъ или чухонцевъ. Итакъ, извѣстные лютымъ своимъ обхожденіемъ съ крѣпостными своими въ одномъ углу Россійскаго пространнаго государства, жили, какъ добрые люди, въ другомъ углу и, сравнивая обряды новые, которымъ они училися у своихъ сосѣдей, съ обрядами тѣхъ мѣстъ, гдѣ они жили, они находили (по мнѣнію своему), что они оглашены въ жестокостяхъ несправедливо.

Фалелей былъ избалованъ, но не настолько, какъ его большой братъ. Въ куклы уже играть пересталъ, и боялся лозы и своей матушки, которой родительская любовь не отымала еще охоту въ немъ къ ученію, не сдѣлала его еще болваномъ совершеннымъ, или, сказать точнѣе, не поставила его еще на стезѣ быть дуракомъ или повѣсою. Цымбалда былъ дворовый человѣкъ г. Простакова, доставшійся ему по наслѣдству. Онъ когда то учился грамотѣ, не пилъ ни вина, ни водки... но лучшее въ немъ качество было его простодушіе. Прежній его баринъ былъ также грамотей, имѣлъ нѣсколько книгъ, которыя читывалъ только въ праздное время, занятъ будучи всегдашнею карточною игрою, но, незадолго передъ своею смертію, всѣ книги онъ проигралъ, почитая за ненужное ихъ взять съ собою, опричь двухъ томовъ Тилимахиды, которую ни въ какой цѣнѣ разыгрывать не хотѣли, боясь, что принесетъ— къ тому, кому она достанется—въ домъ скуку несносную: столь велико было предубѣжденіе къ сему великому творенію. Итакъ, Тилимахида досталася Цымбалдѣ. Онъ въ домѣ Простаковыхъ былъ доселѣ безъ должности (зане

присмотръ за пѣвчими птицами и очищеніе ихъ клѣтокъ важнымъ именемъ должности нарицать нельзя, хотя и то правда, что раченіе о чижахъ и щеглятахъ доставило ему званіе Фалелеева дядьки), безъ должности Цымбалда и въ скукѣ почти читалъ и перечитывалъ Тилимахиду, выучилъ ее столь твердо наизустъ, что если бы цензура строгость свою на нее простерла и чтеніе ея запретила, то онъ бы какъ Кремуцій Кордъ, во время Тиверія Кесаря, сказать могъ: „запрети и меня".

Цымбалда читать могъ то только хорошо и твердо, что читывалъ много разъ, что, затвердивши, могъ читать безъ книги; писать не иначе могъ онъ, какъ по линейкамъ, не иначе, какъ имѣя всегда пропись предъ глазами. Будучи пожалованъ въ дядьки и профессоры къ Фалелею, обязанъ будучи учить его чему-нибудь, и не зная ничего, опричь Тилимахиды, онъ вознамѣрился преподавать наставленія своему воспитаннику, такъ, какъ то дѣлывали нѣкоторые древніе философы въ Аѳинахъ, то-есть: преподавать ученіе въ разговорахъ, во время прогулки. Встрѣтившись такимъ образомъ мыслію съ Руссо и Базедовымъ, относительно изящности чувственнаго ученія, онъ съ новоманернымъ своимъ Эмилемъ ходилъ въ ясные дни мая и іюня гулять въ даль отъ дома, или, когда ненастливая погода не дозволяла имъ дѣлать Эмилеподобныя представленія по лѣсамъ, лугамъ и нивамъ, то комната ихъ превращалася въ Филантропину, гдѣ недоставало только Вольке и Базедова съ ихъ начальною или стихійною книгою, и нужныхъ для нея картинъ, а то бы мыза Наренгофъ столь же прославилася въ Европѣ, какъ и заведенное въ Германіи училище сими славными педагогами.

Нѣкогда въ одинъ осенній день дождливый, Фалелей съ дядькою не выходилъ изъ комнаты своей никуда и, наскучивъ играть долго въ бирюльки, (какъ употреблять должно бирюльки при чувственномъ воспитаніи, о томъ Цымбалда обѣщалъ издать въ свѣтѣ описаніе), Фалелей и Цымбалда легли спать ранѣе обыкновеннаго.

Полежавъ гораздо долго, повертѣвшись съ боку на бокъ, Фалелей сказалъ:

— Дядька, а дядька!

Цымбалда.—Что ты, батюшка, почивать не изволишь? Завтра, кажется, день будетъ сухой и дождь пересталъ; мы утромъ встанемъ поранѣе и пойдемъ въ рощу.

Фалелей. Не спится, дядька, какъ ты хочешь!.. Дичь такая въ голову лѣзетъ—скажи, пожалуй, мнѣ сказку. Няня Еремѣвна брата Митрофана всегда усыпляла сказками, какое-то финисно ясно перышко, Ѳомка, Тимоня, Бова... Дядька! ты вѣдь читать умѣешь. Пожалуй, разскажи, я засну скорѣе. (Въ бумагахъ сочинителя не нашлось начала повѣсти дядьки).

Фалелей. Нѣтъ, дядька, въ Москвѣ вертепы носятъ деревянные. Помнишь, мы видѣли о святкахъ? Куды какъ хорошо!..

Цымбалда. „Стѣны одѣты младымъ виноградомъ, распускающимъ всюду гибкія свои отрасли“...

Фалелей, вскочивъ, сѣлъ на постели. Дядька! попроси завтра у матушки винограда, я видѣлъ, привезли ей изъ Москвы цѣлый боченокъ; но мнѣ она нынѣ не даетъ ничего, говоря: избалуешься такъ же, какъ Митрофанъ.

Цымбалда продолжавъ. „Животворны зефиры блюли отъ солнечна зноя нѣжну прохладу. Тихо журча, текли ручьи

по полямъ цвѣтоноснымъ и представляли струи водъ чистыхъ, какъ кристаллы".

Фалелей. Помнишь ли, дядька, какъ мы были въ хрустальной лавкѣ, но воды хрустальной я тамъ не видалъ?

Цымбалда съ нетерпѣніемъ. Спи, Фалелей! Говоритъ поспѣшно. „Множество разныхъ цвѣтовъ распещряло зелены постели"...

Фалелей. Знаю, дядька, знаю, у матушки есть приданая штофная зеленая постель.

Цымбалда. Спи, или я перестану. Говоритъ очень скоро. „Въ рощу лучи солнца не могли проникнуть. Слышно было въ ней пѣніе птичекъ, и шумъ быстра потока, который устремлялъ свой бѣгъ съ верховъ многопѣнисто и, по лугамъ пресмыкаяся, въ даль убѣгалъ".

Цымбалда, примѣтивъ, что Фалелей заснулъ, прервалъ рѣчь свою. Правду сказать, онъ не зналъ, какъ взяться за разсказы, и для того связи въ рѣчахъ его мало было. Доволенъ тѣмъ, что усыпилъ Фалелея, онъ легъ. Маковые пары, исторгшіеся изъ Тилимахиды, скоро обременили его вѣжди, и онъ захрапѣлъ, столь же звонко, какъ храпитъ стихъ Тредьяковскаго, или... чей еще, то скажемъ въ другое время.

III.

Сновидѣніе, корабль на парусахъ, гора, хохолокъ, мышь, очи ясны, уста красны, сеже, бурный и бурый, небесная планисфера, огненный змѣй, наряды московскіе, алая тѣлогрѣя, закусилъ языкъ, околица, Фалелеюшка, мой батюшка, овинъ, пророкъ Валаамъ.

На утріе... Цымбалда, пробудившися, былъ смутенъ. Онъ видѣлъ сонъ, и сонъ его безпокоилъ. Лучшіе въ исторіяхъ

и сказкахъ ирои смущалися сновидѣніями—жаль, что нѣтъ предо мною теперь всеобщей какой исторіи. Лежатъ на столѣ моемъ Расинъ, Шакеспиръ, и пресловутая „Россіяда“ [1]). Изъ нихъ возьмемъ примѣры. У Расина, встревоженная видѣннымъ его [2]) во снѣ образомъ юнаго Іоаза, Наѳалія смущенная чрезъ цѣлый день не можетъ подкѣрпить духа своего доводами невѣрующаго въ чудодѣянія разума: „Ужель“, вѣщаетъ она, „мнѣ вѣрить сновидѣнію?“ Но духъ въ ней трепещетъ—у Шакеспира злобный Ричардъ [3]), убоясь сонныя мечты, воспрянулъ отъ ложа своего: „Коня, коня!“ вѣщаетъ. Ему зрится Ричмондъ, и онъ предузнаетъ свою кончину. Въ „Россіядѣ“... Теперь довольно; а о сновидѣніяхъ „Россіяды“ въ другое время.

Цымбалда, смущенный духомъ отъ сновидѣнія...

Вопросъ: Да что же онъ видѣлъ?

Отвѣтъ: Подожди немного, Фалелей еще спитъ—но вижу, что начинаетъ шевелиться и потягиваться: надежда есть, что скоро проснуться изволитъ. Итакъ, подожди, ибо Цымбалда не для насъ отверзаетъ велерѣчивыя свои уста; не для насъ, но для Фалелея, дитяти въ семнадцать лѣтъ. Вѣдомо всѣмъ да будетъ только то, что Цымбалда вѣрилъ снамъ, почиталъ тѣхъ людей, которые сны толковать умѣли, и самъ выучился немного опредѣлять ихъ смыслъ и значеніе по печатному соннику. Дарованіе не малое! которое не иначе пріобрѣсти можно, какъ за двадцать алтынъ съ гривною, или же за цѣлый рубль отъ Гл. . . . ва или

---

1) Хераскова (1779).

2) Ею?

3) III.

Со . . . ва [1]), у коихъ въ телячьихъ, златомъ и разными шарами испещренныхъ ризахъ, хранятся творенія Ч . . . , Лирическое (въ цѣлый томъ) посланіе Н . . . , Земледѣліе Р . . . , Поваренный Словарь, Стихотворенія К . . . . . , между которыми прекраснаго перевода его А—ы печатать видно не дозволено, Тилимахида, Іерихонъ К . . . . ча и пр. и пр. [2]).

Фалелей сперва потянулся, потомъ отверзая глаза. Дядька! ты меня такъ напугалъ вчера бурей или тучей, что мнѣ она и приснилась.

Цымбалда. Сонъ? сонъ? сударь!—Съ нами крестная сила! и тебѣ, батюшка, грезилось?..

Фалелей. Дядька, что ты глаза такъ выпялилъ? Я видалъ точно такую бурю во снѣ, какъ ты мнѣ разсказывалъ.

Цымбалда. Не томи меня, дитятко, разскажи поскорѣе...

Мы уже читателей нашихъ предварили, что Фалелей не столь былъ болвановатъ, какъ братъ его Митрофанъ; разсужденія его, конечно, не были остроумны, но онъ имѣлъ память. Сколько людей, извѣстныхъ намъ, которые, выучивъ только наизусть „Помилуй мя, Боже“, или... что другое, не послѣдними почитаются въ свѣтѣ. Итакъ, Фалелей, забравъ

---

[1]) Глазуновъ и Сопиковъ.

[2]) Ч—Чулковъ? Н—Николевъ. („Лиро-эпическое посланіе кн. Дашковой“), „Земледѣліе“ Р. — вѣроятно, „Земледѣліе“ Разнотовскаго (М., 1794—1800). „Поваренный Словарь“,—Поваръ и кандиторъ или подробный поваренный и кандиторскій словарь“ (СПБ., 1791). К—Карабановъ, переводчикъ „Альзиры“ Вольтера. Его стихотворенія (безъ „Альзиры“—изд. 1785, 1798, 1811) вышли въ 1801 г., что, повидимому, опредѣляетъ время написанія статьи Радищева. „Іерихонъ“ К—ча намъ неизвѣстенъ.

въ память нѣсколько Тилимахидо — дядькиныхъ выраженій, началъ сонъ свой разсказывать, какъ то слѣдуетъ ниже сего:

„Я сидѣлъ на хорошемъ кораблѣ или суднѣ...“—Дядька! что такое корабль или судно? Нѣтъ ли чего на нихъ похожаго у батюшки въ амбарѣ?

Цымбалда. Корабль, есть... корабль; онъ похожъ... самъ на себя; а судно... продолжай, Фалелеюшка! Когда будешь въ Петербургѣ, то увидишь и корабли и суда. У насъ и въ пѣсни про суда поютъ: „по той ли по матушкѣ Камышенкѣ рѣкѣ плывутъ, выплываютъ два суденышка“.

Фалелей [1]). „Вѣтръ надувалъ парусы наши“... Дядька! а чтожъ такое парусы? Я знаю, у матушки дѣвки носятъ парусинныя юбки, у Тараса кучера есть парусинный балахонъ: какъ онъ сядетъ на козлы, то вѣтеръ его развѣваетъ... Вчера я видѣлъ, какъ вѣтръ надувалъ юбку у Лукерьи.—Дядька! который ей годъ?—Она такая хорошенькая! всегда со мной играетъ.

Цымбалда про себя. Какъ не вѣрить снамъ... громко. Что намъ до Лукерьи? Разсказывай, что тебѣ во снѣ видѣлось.

Фалелей. „Гора ужъ намъ хохолкомъ малымъ являлась“—Дядька! какіе на горахъ хохлы бываютъ? Я не видывалъ. У Митрофановыхъ голубей есть хохлы, у Еремѣвниныхъ курицъ есть также хохлы; въ Москвѣ на головахъ у каретныхъ лошадей хохлы ставятъ.—

Цымбалда. Не хохолкомъ изволь говорить, но холмикомъ... херъ-онъ, хо; люди, мыслете, иже—лми, холми; како,

---

[1]) Тил. книга VI, стихъ 318 и слѣд. *Примѣчаніе автора.*

онъ, ко—холмико; мыслете, еръ—холмикомъ; а холмикъ—маленькая горка.

Фалелей. „Всякая мышь“—Дядька! сыщи, пожалуй, кошку: мыши у меня съѣли кусокъ миндальнаго пирога, что матушка мнѣ пожаловала.

Цымбалда. Не мышь, сударь, а мысъ.

Фалелей. Дядька! я не знаю, что такое мысъ. Ну, такъ: „Всякій мысъ и всѣ берега отъ очей исчезали“. Фалелей, прервавъ рѣчь свою, поетъ тихонько: Очи ясны, уста красны, личико бѣленько. Помолчавъ немного: „Се . . . сежь“. Дядька! что такое се?

Цымбалда важно. Слово есть се.

Фалелей. Знаю, дядька, се же.

„Се вдругъ бурый свистунъ омрачилъ синее небо“. Какъ это, дядька, быть можетъ бурый свистунъ? Семка поваръ-свистунъ великій; а бурый—жеребецъ, что батюшка купилъ на ярмонкѣ для завода?

Цымбалда. Не бурый, а бурный...

Фалелей, перерывая рѣчь его, поспѣшно. Дядька! бывалъ ли кто на небѣ?... Какъ туда ѣздятъ?

Цымбалда. Какъ туда ѣздятъ, не знаю. (Извините, если Цымбалда не припомнилъ о воздушныхъ путешествіяхъ, позабылъ Икара, Монгольфіеровъ, Бланшарда и прочихъ, или ихъ не зналъ), но посмотри въ календарь, тамъ говорятъ о небѣ, какъ будто туда ѣздили.

Фалелей. И подлинно чудеса! Ты мнѣ, дядька, разсказывалъ про ту картину, которая осталась въ московскомъ нашемъ домѣ послѣ жильца.

Цымбалда. Помню; подписана небесная планисфера, а что такое, не знаю. На ней были всякіе звѣри, медвѣди, змѣи...

Фалелей. Матушка иногда разсказываетъ, какъ змѣи огненные летаютъ по небу.

Цымбалда. А сонъ мы забыли?

Фалелей. Изволь: „Возмутилась морская вода; день перемѣнился въ ночь—смерть предстала“... Видалъ я, дядька, смерть, сперва написанную, а послѣ видѣлъ настоящую смерть у того же московскаго жильца, который оставилъ картину. Ахъ, дядька, какъ она страшна! одни ребра, ноги, какъ спицы, руки висятъ, какъ плети, голова плѣшивая, глаза—двѣ дыры, носъ также, ротъ страшнѣе всего, до самыхъ ушей; зубы все [1]) наружи; батюшка и матушка такъ испугались, что матушку вынесли безъ памяти, а батюшка ушелъ, боялся, чтобы не съѣла. То-то страху было! Ну, за то жильца матушка сослала со двора на другой же день—теперь еще морозъ по кожѣ подираетъ задумался. Дядька! смерть отбила у меня память, и я сонъ забылъ.

Цымбалда. Изволь вставать съ постельки, пора покушать.

Сонъ не выходилъ изъ головы у дядьки. Ему приснилася Лукерья, которая отняла у него Фалллея, и съ нимъ исчезла. Цымбалда боялся, не беретъ ли его воспитанника охота жениться, какъ то бывало съ Митрофаномъ, и для того онъ испытать захотѣлъ его. Въ такомъ намѣреніи, позавтракавъ немного, повелъ его гулять вкругъ деревни.

Фалелей, идучи. Дядька! что жъ ты молчишь? Разскажи что-нибудь.

Цымбалда не спуская съ него взоровъ [2*]) „Мы приплыли на островъ Кипръ, посвященный богинѣ Афродитѣ“.

---

[1]) Всѣ?

[2*]) Кн. IV, стр. 262 и сл. *Примѣчаніе автора.*

Фалелей. Дядька! какъ мы домой придемъ, сыщи мнѣ въ святцахъ, въ который день ей празднуютъ.

Цымбалда, не прерывая рѣчи. „Сшедъ на островъ, почувствовали воздухъ тихій, вдыхающъ нравъ веселый и игривый. Поля были плодоносны, прекрасны, но вездѣ впустѣ, столь всѣ жители были трудамъ непріятели. Жены и дѣвы, нарядно одѣтыя, шли въ ликахъ, Афродитѣ хвалы воспѣвая. Шли въ ея храмъ посвящать ей свои сердца. На лицѣ ихъ красота, пріятность, миловидность, но притворны онѣ были; ихъ стараніе, ихъ мысли всегдашнія были токмо о нарядахъ; заплетенныя ихъ космы по хребту распущенны; власы завитые возвышались рядами, перемѣнные рясны въ одеждахъ пестротой блестѣли цвѣтовъ".

Фалелей. Ты что-то хорошо разсказываешь; а кто жъ такія нарядныя барыни?

Цымбалда. Нарядныя всѣ живутъ въ Москвѣ, а въ деревнѣ на крестьянкахъ сарафаны, на дворовыхъ—тѣлогрѣи.

Цымбалда примѣтилъ, что Фалелей, противъ своего обыкновенія, рѣчи его мало перерывалъ вопросами, глаза его сверкали, дыханіе было скорое. Цымбалда хотя былъ не Любомудровъ, но практическая философія свойственна можетъ быть, самому простому человѣку; онъ видѣлъ въ питомцѣ своемъ необыкновенную перемѣну, ясно видѣлъ, что хотѣнія начинали тревожить если не его душу, то по крайней мѣрѣ, чувства. Подумавъ немного, онъ сталъ продолжать свое повѣствованіе:

*) На Евхаритѣ одежда Артемиды богини..."

---

*) Книга VII, стихъ 360. *Примѣчаніе автора.*

Фалелей. Не Артемида, дядька, а Артемій.

Цымбалда, не возражая ничего. „Одежды придавали ей пріятности новы...“

Фалелей, прерывая. Ахъ, дядька, въ праздничный день нарядится въ алую тѣлогрѣю и на голову повяжетъ алый шелковый платокъ, то лучше всякой твоей богини.

Цымбалда закусилъ языкъ и умолкъ; Фалелей сколько ни просилъ его, чтобы онъ разсказалъ ему еще что-нибудь, но все безплодно. Дядька сурово на него изрѣдка поглядывалъ и молчалъ.

Между тѣмъ дошли они до воротъ околицы. День былъ воскресный; деревенскія дѣвки, въ праздничныхъ нарядахъ, стоя кучкою, пѣли пѣсни.

Фалелей. Остановимся послушать пѣсенъ; я знаю, что ты охотникъ до нихъ, иногда, слыхалъ, поешь: „Горе мнѣ грѣшнику сущу“.

Но дядька, не отвѣтствуя ни слова, шелъ мимо. Ему предстоялъ другой ударъ, паче прежняго. Фалелей воззрился, какъ гончій выжлецъ, что въ толпѣ дѣвичей была его любимая Лукерья, пустился къ ней на всѣхъ парусахъ, обнялъ ее, хотѣлъ цѣловать; но дѣвка, вырвавшись, побѣжала, прыгнула черезъ заборъ, Фалелей за ней въ угонку; дядька кричалъ ему во слѣдъ: „Фалееюшко, мой батюшка! (старыя его ноги бѣгать уже разучились). Куда изволишь? постой...“ но Фалелей летитъ на крыльяхъ вѣтра; онъ и дѣвка скрылись отъ его взоровъ; чрезъ малое время видитъ онъ ихъ на задворьѣ, на огородѣ, бѣгутъ стремительно, только слышно ему было, что Лукерья смѣялась громко, видно что часто оглядывалась на Фалелея. Уже онъ ее угоняетъ; дядька въ восторгѣ негодованія возды-

маетъ руки свои горѣ... какъ нѣкогда лже пророкъ Валаамъ, видя спасшійся народъ Іудейскій, воздѣлъ руки на небо, да пророчетъ на него проклятіе, и онъ да гибнетъ. Тако дядька стоялъ съ простертыми вверхъ руками и прещеніе или проклятіе готово излетѣть изъ устъ его. Онъ видитъ Фалелея, настигающа бѣгущую дѣвку— —и се, онъ уже ее почти настигъ; бѣгутъ по гумну и въ вертепъ или въ пещеру, тутъ въ видѣ овина стоящую, скрылись. Тутъ дядька, новый Валаамъ, не въ силахъ изрещи прещенія, возопилъ гласомъ веліимъ: „*помогай Богъ*!“

IV.

Портретъ Цымбалды, охота къ женитьбѣ, кузница или входъ въ подземное царство, какъ дураковъ дразнятъ, смерть съ косой, грязь, группа или малая куча, провалитесь вставши, конецъ.

Цымбалда нашъ былъ древенъ *), имѣлъ главу власовъ обнаженну, чело съ морщинами; долгая даже за перси брада сѣдая висѣла; станъ его высокъ, величественъ, цвѣтъ въ лицѣ свѣжъ и румянъ, проницательны очи; голосъ тихъ, слова просты, пріятны; благоразуміемъ зрѣлъ, будущее прозрѣвалъ глубиною мудрости своей, зналъ людей, и къ чему они преклонны, снисходителенъ, веселъ; юность сама толико не имѣетъ пріятностей, какъ онъ въ старыхъ лѣтахъ любилъ молодыхъ *людей*.

Скоро возлюбилъ Фалелея, звалъ его чадомъ, а сей ему по часту говаривалъ: „отче мой дражайшій! Богъ даровалъ мнѣ тебя“.

*) Кн. II, стр. 338 и сл. *Примѣчаніе автора*.

*) Онъ открылся ему, немедля ни мало, о склонности сердца. „Будешь бранить меня“, говорилъ Фалелей, „что склонностямъ я подвергаюсь. Но непрестанно бы сердце меня укоряло, еслибъ я отъ тебя утаилъ, что люблю Лукерью, и не льщуся, что мысли наши срѣтались, и сердце вѣсть подало сердцу. Нѣтъ, страсть сія не слѣпая, имени ея не могу произнесть, чтобъ сердцемъ и духомъ глубоко не возмутиться. Время и отсутствіе не загладятъ ее въ памяти: ибо не пристрастна любовь моя. О коль счастливъ бы я былъ, провождая всю жизнь съ нею! Ежели мнѣ родители избрать жену попустятъ, то она супруга моя будетъ. Нравится мнѣ въ ней молчаніе, скромность, уединеніе и къ трудамъ прилежность, радѣніе о домѣ родителя, послѣ, какъ мать ея скончалась, презрѣніе къ суетнымъ всѣмъ уборамъ и незнаніе красоты своей; счастливъ тотъ человѣкъ, кто сопряжется съ ней. Буду любить ее, доколѣ живъ буду. Если другому она достанется, то пребуду всегда въ горькой печали. Я не хочу говорить о моей любви ни ей самой, ни родителямъ моимъ, но тебѣ единому“.

Цымбалда дивился, откуда взялось краснорѣчіе Фалелеево, не хотѣлъ его огорчить, видя, что страсть его была столь уже сильна, но думалъ, что лучше сдѣлаетъ, если, не противорѣча ему, а паче потакая, онъ, дѣлавъ ему препятствія другого рода и отдаляя о томъ объявлять отцу его и матери, онъ успѣетъ, можетъ быть, и отвратить намѣреніе его жениться на Лушкѣ. И для того, вмѣсто угрозъ и упрековъ, онъ началъ хвалить Лукерью, превоз-

---

*) Кн. XXII, ст. 427. *Прим. авт.*

нося ее до небесъ, желая видѣть, какое дѣйствіе чрезмѣрная похвала произве(де)тъ надъ Фалелеемъ. Итакъ, Цымбалда ему отвѣтствовалъ: „о Фалелей! я не прекословлю: смиренномудра Гликерія твоя, руки ея трудовъ, конечно, не презираютъ, умѣетъ молчать, всякій часъ въ упражненіи, въ родительскомъ домѣ добрый порядокъ, и тѣмъ болѣе красится, нежели красотою. Въ деревнѣ всѣми любима, ибо въ ней нѣтъ никакого пристрастія, ни упрямства, ни легкомыслія, ни своенравія, взоромъ однимъ даетъ себя разумѣть. Правда твоя, Фалелей, Лукерья есть сокровище и достойна жениховъ достойнѣйшихъ. Не величается украшеніемъ, мысли ея быстры, но воздержны: не говоритъ она кромѣ того, что нужно и что должно. А когда отверзаетъ уста къ вѣщанію, то изъ нихъ ліется не притворная и сладкая пріятность. Такъ Лукерья безъ власти и даже не красотою, но будетъ владѣть сердцемъ супруга. Я повторяю, Фалелей, любовь твоя къ ней праведна; но должно ждать, да родители твои на то согласятся“.

Доколѣ Цымбалда продолжалъ рѣчь свою, радость живо изображалась на лицѣ Фалелея, и онъ неоднократно, вспрыгнувъ на шею къ дядькѣ своему, его цѣловалъ отъ всего своего сердца, но, слыша, что послѣ всего одобренія дядька сказалъ, что на то надлежитъ имѣть согласіе г. Простакова и его супруги, то онъ гораздо пригорюнился, бояся, когда о семъ скажутъ любезной его матушкѣ, что она, конечно, изволитъ его высѣчь лозою, какъ дитя, и можетъ быть, очень больно, а Лушку куда-нибудь ушлетъ, или отдастъ замужъ въ дальное мѣсто. Отъ такихъ мыслей Фалелей повѣсилъ голову и шелъ задумавшись. На пути своемъ нашли они кузницу, гдѣ слышенъ былъ стукъ мо-

лотовъ, и искры пламенныя возлетали изъ горна высоко на воздухъ. Цымбалда начитавшися много тѣхъ книгъ, которыя ему достались послѣ барина, хотя не таковъ былъ, какъ Донъ Кишотъ, начитавшись рыцарскихъ романовъ, и и не совершалося то въ очью его, что находилося только въ его воображенiи, и при всякомъ случаѣ, гдѣ онъ малѣйшее находилъ сходство того, что было предъ его глазами, съ тѣмъ, чего начитался, онъ читалъ то сходное мѣсто изъ книги, имѣя на старости память довольно острую. Итакъ, увидѣвъ кузницу еще издали, онъ возгласилъ:

*) „Самая страшная тутъ находилась пещера **) Изъ пещеры исходилъ дымъ черный и густой, и дѣлалъ ночь посреди дня. ***) Сѣрная мгла дышала непрестанно, чрезъ отверзтiе то весь воздухъ вкругъ заражало. Окрестъ не росло ни былинки, ни травочки"...

Фалелей въ грусти идетъ и съ досадой вдругъ прерываетъ рѣчь дядьки. Врешь ты, Цымбалда, видишь, около кузницы трава.

Цымбалда радъ тому, что Фалелей сталъ заниматься его разсказами, продолжалъ. ****) „Прибывъ ко входу пещеры, услышалъ подземну державу, грозно рычащу. Вся земля тряслась подъ его стопами".

Фалелей. Дядька! я не слышу, кто рычитъ, нѣтъ тутъ ни телятъ, ни коровъ; я не чувствую, чтобъ земля дрожала, но я только дрожу: становится холодно, зайдемъ въ кузницу и погрѣемся.

---

*) Кн. XVIII. ст. 92. *Примѣчанiе автора.*

**) Ib. ст. 125. *Примѣчанiе автора.*

***) Ib. ст. 100. *Примѣчанiе автора.*

****) Ib. ст. 150. *Примѣчанiе автора.*

Цымбалда. „Дымъ густой, бывшій при входѣ въ пещеру, когда приближились, исчезъ, и духъ ядовитый престалъ, вшелъ одинъ“...

Между тѣмъ, какъ Цымбалда сіе говорилъ, Фалелей подошелъ ко дверямъ кузницы, когда дядька говорилъ: „вшелъ одинъ“. Онъ впрыгнулъ въ кузницу и (половина шуткою, половина, будучи достойное, хоть не совсѣмъ дитя своей матушки, ради мщенія за послѣднія слова дядькины) дверь затворилъ и заперъ крюкомъ, говоря: „дядька, ты сказалъ: „вшелъ одинъ“,—я одинъ и вошелъ, а ты тамъ стой и мерзни полегоньку, мерзни, старый чертъ!“

Цымбадла приложивъ ротъ къ щелкѣ на дверяхъ, продолжаетъ, и голосъ его, проходя сквозь щелку, звончѣе былъ свистоватъ и завывалъ:

*) „Сидѣлъ на престолѣ изъ чернаго дерева, блѣденъ и суровъ, сверкающи очи и впадшіе; чело браздисто и грозно“.

Фалелей оглянулся назадъ и видитъ кузнеца, сидѣвшаго на наковальнѣ, между тѣмъ, какъ желѣзо калилося въ горну. Слышитъ дядькины слова, и душа въ немъ дрогнула.

Цымбалда, желая немного проучить своего питомца, зная его трусливый нравъ, говорилъ въ щелку въ полкрика хриплымъ голосомъ.

**) „Внизу при престолѣ стояла смерть блѣдная, прибавляя голоса до конца рѣчи, какъ-то въ музыкѣ крещендо, чудовище мозгло, мослисто, и глухо, и нѣмо, и слѣпо, въ рукахъ имѣло преострую косу...

---

*) Кн. XVIII. ст. 298. *Прим. авт.*

**) Ib. ст. 310. *Прим. авт.*

Фалелей уже дрожалъ, слыша дядькины рѣчи, отъ дверей не отходилъ, и давно уже покушался отворить дверь, но, затворивъ ее съ размаха, то не легко было, а въ ту минуту, какъ Цымбалда говорилъ: „въ рукахъ имѣла косу“, кузнецъ, вынувъ каленый желѣзный прутъ, разогрѣвшійся въ горну, махнулъ имъ поспѣшно и, положа на наковальну (въ то самое время, какъ Фалелей оглянулся), ударилъ молоткомъ по желѣзу, каленыя искры посыпались и полетѣли, и одна попала Фалелею на лицо. Онъ, завизжавъ отъ боли и ужаса, размахнулъ двери, разбилъ дядькѣ носъ до крови, самъ упалъ чрезъ порогъ въ бывшую тутъ грязную лужу почти безъ чувства. Кузнецъ, видя барскаго сына въ грязи, дядьку, стоявшаго въ оцѣпенѣлости окровавленнымъ, бросилъ желѣзо въ воду, и сунулся на помощь къ барину. Фалелей, слыша близъ ушей клокотъ и шипѣніе горячаго въ водѣ желѣза и стремящагося къ нему, наклонившись, кузнеца, котораго онъ считалъ въ сію минуту по крайней мѣрѣ сатаною, а съ другой стороны дядьку, наклонившагося съ окровавленною рожею также, чтобы поднять его изъ грязи, кричалъ кузнецу: „помилуй, не буду больше, помилуй, не буду!“ вертѣлся въ грязи и барахтался, не даваяся кузнецу или чорту въ руки. Но, помня свою досаду за прежнія рѣчи, протянутую выю дядьки обнялъ руками крѣпко и, приближась къ его лицу, будто приподымается, укусилъ его столь больно за носъ, приговаривая: „вотъ тебѣ, старый чортъ, за давишнее“, что бѣдный старикъ упалъ безъ памяти, окровавленъ еще больше, упалъ и сшибъ съ ногъ наклонившагося кузнеца, и всѣ трое лежали крестъ накрестъ: Фалелей внизу, кузнецъ на немъ, а Цымбалда наверху.

Прекраснѣйшая группа, которой ниже тѣни никогда ни поверино—Анджелини не могла произвести въ прекрасныхъ своихъ балетахъ и столпообразный Лаокоонъ, гордяся своею лѣпотою въ чертогахъ Ватиканскихъ, были въ сравненіи сея группы дрянь. Для дополненія сея картины, достойной момической [1]) кисти Гогарта, явилась тутъ изъ-за угла прекрасная Лукерья съ кувшиномъ. Созонтъ, кузнецъ, былъ ея отецъ, и она ему несла квасу.—Вообразите Фалелея, барахтающагося въ грязной лужѣ подъ тяжестію кузнеца и дядьки, вымаранная рожа, руки и платье, вообразите положеніе его души, видя чудесное нашествіе его любовницы! Лукерья, едва увидѣла сію неоцѣненную группу, захохотала и вскричала: „мала куча!“ Фалелей, раздраженный сею колкою насмѣшкою, поворотился подъ своею тяжестію паче древняго Енкелада, который могъ только заставить Этну, на груди его лежащую, изрыгнуть огнь, дымъ, пепелъ и лаву,—Фалелей поворотился сильно, свергнулъ бремя, въ грязи его давившее и, вскочивъ, помчался домой, вымаранный въ грязи, какъ чортъ, безъ шляпы; Цымбалда, опомнившись, съ кровавымъ лицомъ и откушеннымъ носомъ, поспѣшалъ, бѣжалъ шагомъ за нимъ вслѣдъ, съ обыкновеннымъ своимъ припѣвомъ: „постой, Фалелеюшка, постой, батюшка!“ а кузнецъ, вставши, плюнулъ съ негодованіемъ въ полсмѣха: „провалитесь вы, вставши“, Лукерья еще усмѣхнулась, а мы?—Мы скажемъ: конецъ.

---

[1]) Шутливая, комическая.

Апологія Тилимахиды и шестистоповъ.

П. Согласенъ въ томъ, что Тилимахида можетъ быть поводомъ къ чему-нибудь смѣшному, но чтобы въ ней было что-нибудь хорошее — — нѣтъ, нельзя.

Б. Да ты ея не читалъ!

П. Что нужды въ томъ, что я ея не читалъ отъ доски до доски; но разверни ее, гдѣ хочешь, то вездѣ найдешь нелѣпость.

Б. А я ее читалъ, правда, случайно, и вотъ, что я о ней думаю. Поелику Тредьяковскій отвѣчаетъ только за стихи, то надлежитъ сказать, во-первыхъ, что, по несчастію его, онъ писалъ русскимъ языкомъ прежде, нежели Ломоносовъ впечатлѣлъ россіянамъ примѣромъ своимъ вкусъ и разборчивость въ выраженіи и въ сочетаніи словъ и рѣчей, самъ понесся путемъ непроложеннымъ, гдѣ ему вождало остроуміе; словомъ: прежде, нежели онъ показалъ свойство языка россійскаго, нашедъ оное забыто въ книгахъ церковныхъ; потому Тредъяковскому и невозможно было переучиваться. Тредъяковскій разумѣлъ очень хорошо, что такое стихосложеніе, и, понявъ нестройность стиховъ Симеона Полоцкаго и Кантемира, писалъ стихами такими, какими писали древніе Греки и Римляне, то есть: для россійскаго слуха совсѣмъ новыми; но, знавъ лучше языкъ Виргиліевъ, нежели свой, онъ думалъ, что и преношенія въ россійскомъ языкѣ можно дѣлать такія, какъ въ Латинскомъ. Несчастіе его было то, что онъ, будучи мужъ ученый, вкуса не имѣлъ. Онъ столь упитанъ былъ чтеніемъ

правилъ стихосложныхъ, употребляемыхъ древними и столь зналъ красоты ихъ благогласія, что явственно тому подражалъ, и въ Тилимахидѣ много стиховъ...

П. Апологія, защищеніе, по реченію какого то автора, и омегъ можно заглушить медомъ;—ты шутишь, защищая нелѣпости перваго нумера.

Б. Не шучу, и въ доказательство разогнемъ Тилимахиду:

„Но на ближнихъ горахъ зеленѣли кусты виноградны,
Коихъ листвія, какъ вѣнки и цѣпочки висѣли,
Грозды краснѣй багреца не могли подъ листомъ укрыться".

П. Правда, стихи изрядные.

Б. Такіе, какихъ очень мало въ лучшихъ сочиненіяхъ.

„Пристанъ и вся земля убѣгать созади насъ казались".

П. Стихъ непосредственный.

Б. Изрядный, если бы не было галлицизма *убѣгать казались.*

„Тā рāзлукā бы́лā мнѣ вмѣстō Пе́рунна ўдāрā".

П. Хорошъ.

Б. Не только хорошъ, но и очень хорошъ, ибо препинаніе стиха первое послѣ слова *разлука*, другое и скорое за тѣмъ послѣ *мнѣ*, а потомъ непрерывно два дактиля, долгая, ударяя или запиная, совсѣмъ на *у* въ *Перунна*, за *у* повторительное и глухое *нна* и за ними привскакивающее краткое *у*, и, наконецъ, падающее, раздающееся въ слухѣ *да* съ окончаніемъ *ра*, дѣлаютъ сей стихъ хорошимъ; поставь его въ другое мѣсто, а не въ Тилимахиду, то всякъ скажетъ „хорошъ".

П. Неужели ты сіе говоришь не въ шутку?

Б. Не шутка, конечно, повтори чтеніе, читай по сто-

памъ словъ, какъ то велитъ читать Клопштокъ, то есть слѣдующимъ образомъ:

„Тā рāзлӯкā | бы̄лā мнѣ̄ | вмѣстō Пēрӯннā ўдāрā“.

И если разыщешь сей стихъ еще больше и раздробишь его, то найдешь, что, сверхъ числительныя звонкости, въ немъ есть еще сіе изящное уподобительное благогласіе, коего столь изобильные примѣры находятся въ Омирѣ [1]), въ Виргиліи и во всѣхъ великихъ стихотворцахъ.

„Дōбры̄ē ждўтъ | пōкā нē взы̄щўтся̄ ӣ прйзōвӯтся̄.
Злы̄ē жъ, | сēмў нāпрōтйвъ, сўть смѣлы̄, ōбмāнчйвы̄, дēрзкй,
Скōрō вкрāсться̄ | вō всēмъ ўгōждāть, прйтвōря̄ться йскӯсны̄.
Сдѣлāть | гōтōвы̄ всē, | чтō прōтйвнō | сōвѣ̄стй, чēстй.

П. Это не стихи.

Б. Первый хотя стихъ, но очень походитъ на прозу, для того, что въ немъ мѣры временъ (rithme) не суть стихотворны. Ибо стопы словъ въ ихъ послѣдованіи одна за другою не суть благогласны, а особливо послѣ долгаго *ждутъ* читать *пока* хореемъ. Если же будешь его читать спондеемъ, а *и призовутъ* не дактилемъ, а триврахіей [2]), что также очень ловко, то стихъ будетъ гораздо лучше. Читай сіи стихи по сдѣланнымъ отдѣленіямъ и поставленнымъ удареніямъ, то они покажутся благогласнѣе. Сказать ли тебѣ мое истинное мнѣніе? У насъ разумѣютъ, что есть дактилій, а не *шестистопъ*, дактилохореическій и дактилоспондеическій (да простятъ мнѣ всѣ школьные учителя и всѣ стиходѣтели употребляемое мною здѣсь наименованіе!) и шестистопъ [3]) дактилотриврахійскій, а изъ шестистоповъ.

---

[1]) Гомеръ.

[2]) Три короткихъ слога.

[3]) Въ подлинникѣ: „шестистоповъ“.

ихъ трехъ названій можетъ быть истинный шестистопъ россійскій, который можно употреблять съ успѣхомъ. Читая Тилимахиду, всегда ищутъ въ ней дактилій и читаютъ ее всегда дактиліемъ. Клопштокъ сіе запрещаетъ именно, и если его „Мессію“ [1]) читать такъ же станешь, то вмѣсто его благогласныхъ стиховъ выйдутъ скачущіе и жесткіе дактилохореи, но, читая по стопамъ словъ, то находишь въ нихъ благогласіе непрерывное, стихъ въ ухѣ не звенитъ, и его гармонія есть точно та, какую въ стихахъ искали греки и римляне.

П. Я никогда не воображалъ себѣ, чтобы въ Тилимахидѣ могъ быть стихъ порядочный! Его смерть и керверъ суть смѣхотворны:

„Дивище мозгло, мослисто и глухо, и нѣмо, и слѣпо;
Чудовище [2]) обло, озорно, огромно, съ тризѣвной и лаяй“.

Б. Конечно, такъ, но отъ чего? не отъ дактилія и не отъ шестистопа, но отъ нелѣпыхъ словъ: *дивище мозгло,* ибо то и другое въ поэму не годится. И Тредьяковскій не дактиліями смѣшонъ, но для того, что не имѣлъ вкуса; онъ сдѣлалъ дактиліи смѣшными, онъ стихотворецъ, но не піитъ, въ чемъ есть великая разница. Если растряхнуть котомки иныхъ нашихъ славящихся парнасскихъ рыцарей, то не лучше, что изъ нихъ вылетитъ, какъ, что излетѣло изъ Пандориной коробки, но не зло, не болѣзни и не недуги, но стихи нелѣпые дерутъ слухи, и достойны помѣститься въ Тилимахидѣ. Но дабы никого не оскорбить, мы воздержимся отъ примѣровъ. Знаешь ли вѣрное средство узнать, стихотворенъ ли стихъ (если такъ изъясниться мо-

---

[1]) „Мессіада“. [2]) Чудище?

жно)? Сдѣлай изъ него преложеніе, не исключая ни единаго слова, то есть, сдѣлай изъ него прозу благосклонную. Если въ преложеніи твоемъ останется поэзія, то стихъ есть истинный стихъ; напр.:

„О ты, что въ горести напрасно“ и пр.

Преложи его, какъ хочешь, перенося, но грамматикально, слова сей строфы, то и въ прозѣ будетъ поэзія. Преложи многія строфы изъ „оды къ Фелицѣ“, а особливо, гдѣ Мурза описываетъ самъ себя [1]), безъ стиховъ останется почти то же поэзія, но преложи... и безъ предубѣжденія скажи, что вышло? Но мы Тилимахиду забыли, а я вижу, ты ее сложилъ, разогни опять, и продолжимъ. Читай здѣсь:

„Тотчасъ й хлынулъ | потокъ мяснобагръ изъ него ˘здышавшй!“

П. Какой нелѣпый стихъ!

Б. Нелѣпъ совершенно, но чѣмъ же?

П. Да тѣмъ, что сказать то же можно лучше:

И се потокъ багровъ течетъ изъ ранъ глубокихъ
Едва онъ живъ, едва онъ дышитъ.
И се потокъ багровый вдругъ хлынулъ изъ ранъ издыхавшй.

Б. Согласенъ. Твое преложеніе сдѣлано съ разборчивостію и со вкусомъ. Но Тредьяковскаго стихъ болѣе картина, но безъ вкуса, а еслибы онъ у него былъ, то бы стихъ его былъ бы, можетъ, слѣдующій:

Я не имѣлъ уже и утѣхи бѣдныя выбрать
Кое-нибудь одно, межъ рабствомъ и смертію въ горѣ;
Надобно стало быть рабомъ и сносить терпѣливо, и пр.

П. Стихи очень слабые!

---

[1]) „Фелица“ и „Видѣніе Мурзы“ Державина. „О ты“ etc.—Ломоносова.

Б. Не толькостихи слабые, но и слабая проза, чего вездѣ довольно. Теперь будь увѣренъ въ томъ, что, читая иначе стихи Тилимахиды, много найдешь стиховъ слабыхъ и стиховъ посредственныхъ: ибо и сама мысль преложить Телемака въ стихи есть неудачное нѣчто. Но теперь постараемся найти стиховъ, хотя нѣсколько, хорошихъ, гдѣ много гармоніи, ибо мимоходомъ замѣтимъ, что въ Тилимахидѣ есть много стиховъ нелѣпыхъ, но благогласныхъ. Вотъ примѣръ стиховъ не гладкихъ, гдѣ благогласія очень много:

„Горъ посрединѣ крутыхъ буераки столь преглубоки,
Что едва осіять глубь можетъ солнце лучами".

Но выслушай слѣдующее:

„Столько жъ | грубыхъ, | сколь та вся земля дика и ребриста".

Читая первое отдѣленіе спондеемъ, второе хореемъ, третіе полудолгими, если такъ ихъ назвать можно, краткодолгими или долго-краткими, то есть: какъ просодія нашего языка требуетъ, и, ударяя сильно на послѣднемъ слогѣ сего отдѣленія, читаешь въ послѣднемъ двѣ краткихъ и хорей. Сколь отъ сего произношенія, то есть, читая стопами словъ по Клопштокову наставленію, стихъ хорошъ! Столь онъ дуренъ, если читаемъ его размѣромъ хореевъ и дактилій.

„Въ сей часъ | я усмотрѣлъ, | что гора | колеблется страшно,
Дубы и сосны | мнѣ казались, | сходящи съ хребтовъ горъ".

Какъ хорошо въ первомъ стихѣ, послѣ начальныхъ спондеевъ и долгаго ударенія, на концѣ третьяго отдѣленія слѣдуютъ четыре почти одинаково краткіе, въ *колеблется*, и полудлинные спондеи въ *страшно*.

Во-вторыхъ: въ первомъ отдѣленіи дактиль и хорей, во второмъ столь поспѣшные пять почти равно краткихъ и въ

окончательномъ три долгія, изъ коихъ первая долга, но двѣ послѣднихъ посредствомъ глухого *о* отъ *ъ*, за нимъ стоящаго, столь же, кажется, тяжелы, какъ хребетъ горный.

„Прѐвōзнѐсѐтся | слāвă дŏ сāмы̆хъ свѣтīлъ, | дŏ звѣ̆здъ пŏднѐбѐсны̆хъ“.

Какой стихъ! я увѣренъ, что и самъ Ломоносовъ его бы похвалилъ. Не только въ немъ числительная красота, красота мѣрная времени, кои самая изразительная гармонія, происходящая отъ повторенія буквъ *е* и *ѣ* съ *д* и *п* сперва въ запинательной стопѣ слова *превознесется* кратко долгими, потомъ ямбъ съ анапестомъ въ окончательномъ отдѣленіи. Язнаю, что кто бы болѣе имѣлъ вкуса, не сказалъ бы: звѣзды поднебесныя.

„Приводитъ въ ледъ всю кровь, текущую въ жилахъ“.

Не порицай, пожалуй, слабаго *приводитъ* вмѣсто *превращаетъ*: ибо первое тянется, мерзнетъ, а другое съ повторительными *р*, послѣ гласной, скорѣ йсходствуетъ съ кипѣньемъ воды на огнѣ, нежели съ охладѣніемъ крови въ жилахъ.

„И къ воздержанію всѣхъ стремленій юности рѣзвой“.

Нѣтъ, кажется, уже нужды замѣчать красоту отъ повтореній *е* и *ѣ*, *и* и *ю*, соединенно со скоростію словъ *воздержаніе*, а паче *стремленій*, въ срединѣ стоящаго.

— — — „Сѣ̄нь смѐртй свŏймй стрѣ̆лāмй“.

Какъ томно! Или:

„Прāзднă ŭжѐ кŏлѐснйцă сāмă свŏй бѣ̄гъ нăпрăвлялă“.

Какая легкость!

„Слы̆шнŏ бы̆лŏ | вѐздѣ̆ | ŏднŏ щѐбѐтāнїѐ птīчѐкъ, |
Иль блăгŏвōны̆й дŭхъ | ŏтъ Зѐфīрŏвъ, | вѣ̆ющйхъ тīхŏ,
Съ вѣ̆твй нă вѣ̆твь | дрѐвѐсъ прѐлѐтāющйхъ | въ шŭмѣ̆ прŏхлāднŏмъ,
Иль жŭрчāнїе | чйстă рŭчья̄ | ŭпăдāющă съ кāмня̆“,

Четыре хорошихъ стиха, послѣ двухъ хореевъ, составляющихъ первое отдѣленіе, и запинаніе легкаго спондея (помните, что я говорю о стопахъ словъ, а не о стихѣ) второго отдѣленія; шесть краткихъ, межъ которыхъ только три долгія; одну и первую изъ нихъ произнести надлежитъ кратко, на вторую чуть опереться и сдѣлать удареніе на третіе, при помощи повторительныхъ сначала *о*, а на концѣ *я*, *и* и *е*, кажется, слышно пѣсни не соловья, не снигиря и не малиновки или пѣночки, но чечета, клеста, а, можетъ, и дикаго чижа и щегленка. Раздробите второй стихъ и найдете, что его красота происходитъ отъ длиннаго перваго отдѣленія, гдѣ гласныя *а*, *о* *ый* ліются, такъ сказать, въ словѣ *благовонный*, преломляемыя мягкими только согласными и препинаются плавно на словѣ *духъ*; потомъ, прешедъ тихо дрожаніе второго отдѣленія, оканчиваютъ точно такъ, что изражаютъ. Въ третьемъ стихѣ посмотрите, сколь изразительны три первыя отдѣленія, а въ четвертомъ два первыя отдѣленія, гдѣ, посредствомъ слоговъ *журч. чис. руч.*, которые одно за однимъ слѣдуютъ, не слышится ли то, что авторъ описываетъ? а въ послѣднемъ отдѣленіи въ слогахъ звучностію похожихъ и съ ними гласное одинаковое *па*, *да*, *ща*, *ка*, *мня*, изражаютъ будто падающія воды на камень.

П. Изъясненіе твое изрядно, но или я ничего въ сихъ стихахъ не слышу, или препятствуетъ тому великое предубѣженіе.

Б. Вѣроятно, послѣднее.

„Воздымало волны, катя, огромны, что горы“.

Еслибъ не было нелѣпаго *что*, то стихъ бы былъ очень хорошъ.

„Издали горъ и холмовъ верхи предъ взворомъ мелькали“.

Но такихъ примѣровъ очень много и, повторяя ихъ, можно наскучить.

П. Еще немного.

Б. Выслушай слѣдующій стихъ и особливо первую столь изразительную половину стиха.

„Дыбомъ поднявъ левъ свою косматую гриву".

А все сіе происходитъ отъ повтореннаго звука *дыб-о-мъ-под-нявъ-левъ.*

„Зѣвъ отворяетъ сухій и пылко пышущій жаромъ;
Ярки лучи его верхи горъ всѣхъ позлащали.
Гора Ливана, коея верхъ, сквозь облаки звѣздъ достигнуть стремится.
Вѣчный ледъ чело ея покрываетъ не тая".

Сіи два стиха, слѣдуя одинъ за однимъ и изображая двѣ картины одного и того же предмета, суть хорошій примѣръ изразительныя гармоніи:

„Въ немъ не находишь теперь кромѣ печальныхъ останковъ
Отъ величія, уже грозяща паденіемъ громкимъ".

Вотъ три стиха, въ которыхъ повтореніе гласной *и* дѣлаетъ одинъ изящнымъ, а два дурными:

„И мы видѣли тамъ всѣ страхи близкія смерти.
Книга, держима имъ, была собраніе имновъ.
Яви стези идти премудрости за свѣтомъ".

Отчего же такъ первый хорошъ, а два другіе дурны? Кажется, все чародѣйство изразительной гармоніи состоитъ въ повтореніи единозвучной гласной, но съ разными согласными. Во второмъ стихѣ, въ началѣ *има, имъ* и на концѣ *ніе, им,* несносную дѣлаютъ какафонію, такъ какъ и въ третьемъ *стези, идти...сти.*

„Тайна и тиха много всѣмъ овладѣла разслаба,
Я возлюбилъ ядъ лестный, лился что изъ жилы въ другую".

Какая сладость при дурномъ выборѣ словъ; или какая легкость въ слѣдующемъ:

„Зрѣлась сія колесница летѣть по поверхности водной“.

А еще легче дѣйствительно, какъ нѣчто легкое, вiющееся по вѣтру:

„И трепетались играньми вѣтра вьясь, извиваясь“.

Сказанное мною, кажется, уже довольно для доказательства, что въ Тилимахидѣ находятся нѣсколько стиховъ превосходныхъ, нѣсколько хорошихъ, много посредственныхъ и слабыхъ, а нелѣпыхъ столько, что счесть хотя ихъ можно, но никто не возьмется оное сдѣлать. Итакъ, скажемъ: Тилимахида есть твореніе человѣка ученаго въ стихотворствѣ, но не имѣвшаго о вкусѣ ни малаго понятія [1]).

---

[1]) Срв. въ „Путешествіи“ („Тверь“): въ „Телемахидѣ“ найдутся добрые стихи, и будутъ въ примѣръ поставляемы“.

Особыя мнѣнія Радищева

въ коммиссіи о составленіи законовъ.

(1802).

I.

О цѣнахъ за людей убіенныхъ.

Когда въ нынѣшнее время и въ кроткое и человѣколюбивое правленіе нынѣ царствующаго въ Россіи Государя Императора Александра Перваго дойдетъ дѣло издавать какія-либо новыя постановленія, то духъ, ими путеводительствовать долженствующій, не можетъ быть тотъ, который руководствовалъ трудившимся надъ соборнымъ уложеніемъ царя Алексѣя Михайловича. Ни пытка, ни казнь смертная нынѣ уже не употребительны, а за ними должны отмѣнены быть и многія постановленія соборнаго уложенія, сообразныя грубости нравовъ тогдашняго времени, сообразныя тогдашнему образу мыслей, но нынѣ уже несовмѣстныя. Тогда казнь торговая, кнутъ были наказанія исправительныя и стыда не приносили наказаннымъ ими, хотя многое, о чемъ законополагаетъ соборное уложеніе, еще существуетъ. Но полтора столѣтія, исполинные шаги въ образованіи россійскаго государства и народовъ, въ немъ обитающихъ, перемѣнивъ общее умоначертаніе, даетъ вещамъ новый видъ, и то, что существуетъ хотя законно, производитъ иногда удобно нѣкоторый родъ невольнаго въ душѣ отвращенія, и чувствительность терпитъ отъ того, что законъ почитаетъ правильнымъ.

Съ сей стороны должно смотрѣть о распоряженіи закона поставляющему (-щемъ?) цѣну за убіенныхъ неумышленно.

Законъ постановляетъ за убитаго помѣщичьяго крестьянина неумышленно—отдать крестьянина, за другихъ же—отдавать деньгами;

за мужчину 100 р.; за женщинъ въ законѣ не положено. Комиссія полагаетъ отдавать за мужчину противъ рекрута, за женщину 100 р.; но за тѣхъ людей, которые, будучи ремесленные, приносили господамъ своимъ прибыль, платить по мѣрѣ прибыли, которую они господамъ приносили, считая труды ихъ процентами, а ихъ — капиталомъ, въ сходственность указа 1798 года, генваря 28 дня.

Если мы, слѣдуя всѣмъ законоучителямъ, разыщемъ цѣны вещей, то мы увидимъ, что *цѣна* вещи есть то опредѣлительное сравненіе вещи, которое мы ей постановляемъ вслѣдствіе пользы, отъ вещи происходящей. Итакъ, польза вещи опредѣляетъ ея цѣну. Если цѣна вещи бываетъ для всѣхъ *одинакова*, то вещь таковая есть *цѣны обыкновенной*. Если же станемъ исчислять пользу, которую можно имѣть отъ вещи, то цѣна уже будетъ *необыкновенная*, ибо время, обстоятельство, нужда и проч. могутъ цѣну возвысить или понизить. Если же вещь ради какихъ-либо причинъ или ради ея качествъ уважается особо, тогда вещь бываетъ драгоцѣнная. Если же качества вещи, или паче ея цѣну, ни съ чѣмъ не можно постановить въ сравненіе, то вещь становится *безцѣнною*. На сіи опредѣленія цѣны вещей дальнѣйшія изъясненія ненужны. Если мы цѣну неумышленно убіенныхъ опредѣлять будемъ по вышеозначеннымъ правиламъ, то она нерѣдко выходить будетъ совсѣмъ не та, какъ то опредѣляетъ ее комиссія. *Какую цѣну можно опредѣлить за довѣреннаго служителя, какой процентъ, если бы несчастіе постигло и былъ убитъ тотъ, который рачилъ о своемъ господинѣ въ его младенчествѣ, въ его отрочествѣ, въ его юности? Какая ему цѣна или той, которая вскормила господина своего своими сосцами и стала вторая его мать?* Мы не войдемъ въ исчисленіе такихъ цѣнъ, опредѣляемыхъ помѣщиками за убіенныхъ и имъ принадлежащихъ людей: *цѣна крови человѣческой не можетъ опредѣлена быть деньгами* [1]).

Если бы можно было помыслить объ удовлетвореніи за убіеніе человѣка, то оно принадлежать долженствовало бы тѣмъ, которые истинно страждутъ, когда бываетъ убіенный. Убіенный можетъ быть отецъ, сынъ, супругъ или мать, жена, дочь и проч. Не остающимся ли

---

[1]) Срв. въ «Путешествіи» о публикаціяхъ относительно продажи людей.

по нихъ—и сіе разумѣть должно о людяхъ низкаго состоянія—принадлежать можетъ всякое удовлетвореніе, по той истинной причинѣ, что они больше, нежели ихъ господинъ, потерею человѣка претерпѣть могутъ: мужъ лишается жены, жена мужа, дѣти отца, отецъ сына или дочери; но чѣмъ таковую потерю замѣнить можно? Сверхъ того, кому неизвѣстно, сколько потерпѣть можетъ крестьянинъ въ своемъ хозяйствѣ, если семья его лишится работника. Итакъ, заключимъ:

1) Цѣны убіенному человѣку, умышленно или неумышленно, опредѣлить не можно, ибо, сверхъ общихъ чувствованій человѣчества, потеря таковая есть всегда неоцѣнимая. Каждый, лишающійся жизни, принадлежитъ къ какому-либо семейству, слѣдственно, кончина его всегда бываетъ чувствительна, и отъ какой бы причины она ни происходила, она равно для чувствующихъ бѣдственна.

2) Если убіеніе бываетъ неумышленно, то наказанія за него быть не можетъ. На что же за него полагать цѣну, ибо платимая цѣна есть родъ наказанія? Но въ отношеніи теряющаго все равно—убитъ ли кто умышленно, или неумышленно. А какъ въ законѣ за умышленно убіеннаго платы не положено, то не должно ей быть и за убіеннаго неумышленно.

3) Хотя убійство въ пьянствѣ не столь виновно, какъ убійство умышленное, или, паче, злостное, однакоже убивающій въ пьянствѣ наказанъ быть долженъ, не по мѣрѣ опасности, въ которой бываетъ жизнь гражданъ отъ злоумышляющихъ на нее, но по мѣрѣ вреда, который отъ того проистекаетъ обществу. Умышленный убійца, ради будущей опасности, долженъ быть изъ общества изъятъ; но вредящій обществу своею невоздержностью, сдѣлавшій убійство въ пьянствѣ, въ сильномъ изступленіи, побуждаемъ страстію, долженъ быть воздержанъ и исправленъ. Слѣдственно, перваго наказаніе должно быть навсегда, другого—временное. Перваго отослать въ ссылку, въ отдаленность отъ людей, которые могутъ заражаться его худымъ примѣромъ. Другого—лишить свободы, посадить въ смирительный домъ на большій или меньшій срокъ, и воздержаніемъ и работою, соразмѣрною состоянію и свойству убійцы, стараться укротить страсть и неумѣренность и воздержаніе(мъ?) преступившаго исправить.

4) Что же касается до потерпѣвшихъ отъ убіенія человѣка, какъ-то дѣтей, жены, то какъ сія статья входитъ въ общее распоряженіе о призрѣніи, то здѣсь о ней говорить невмѣстно; но доколѣ не будетъ сдѣлано о призрѣніи общихъ распоряженій, то терпящіе отъ убіенія человѣка должны быть на попеченіи общества того селенія или города, къ которому убіенный принадлежитъ.

Александръ Радищевъ.

II.

Согласуясь съ мнѣніемъ статскаго совѣтника Прянишникова, что для огражденія безопасности гражданской нужно дозволить при производствѣ дѣлъ уголовныхъ подавать подозрѣніе на судей, я въ дополненіе еще полагаю, чтобы во всѣхъ уголовныхъ производствахъ дозволено было подсудимому не только подавать подозрѣніе, но отвергнуть весь судъ, не приводя причинъ, для чего онъ судей отвергаетъ, и требовать быть судиму иными судьями. Правило Наказа, означенное въ статьѣ 126, мудрое и человѣколюбивое, стремится къ тому, чтобы соблюсти невиннаго—не дать ему пострадать. Нужно, конечно, чтобы преступникъ былъ наказанъ безъ упущенія; но нужно столько же, чтобъ онъ былъ уличенъ, а еще того нужнѣе—чтобы не наказанъ былъ невинный. Можно здѣсь опереться на древнемъ правилѣ законоученія, гласящемъ: лучше отпустить сто виновныхъ, нежели заставить пострадать одного невиннаго. Итакъ, заключаю: если дозволено въ дѣлахъ, касающихся до имѣнія или въ обидахъ гражданскихъ подавать подозрѣнія на судей, когда уже таковое правило постановлено въ воинскомъ уставѣ, то еще нужнѣе, чтобъ оно наблюдаемо было въ тѣхъ судопроизводствахъ, гдѣ идетъ дѣло о жизни, свободѣ или чести. И дабы безопасность личная не могла пострадать и невинность бы не потерпѣла николи, то должно постановить въ производствахъ дѣлъ уголовныхъ слѣдующія правила:

1) Судимому, или обвиняемому въ преступленіи, дозволить избрать себѣ для совѣта, кого онъ хочетъ, а если никого не имѣетъ, то такого человѣка дать ему отъ суда. Сіе тѣмъ паче дозволить можно, что и въ гражданскихъ дѣлахъ не возбранено препоручать оныя, кто кому пожелаетъ.

2) Дозволить судимому отвергнуть всѣхъ судей, которые должны были бы судить о его дѣлѣ, не сказывая причинъ, для чего онъ ихъ отвергаетъ.

3) Дозволить на избранныхъ вновь судей подавать подозрѣніе.

4) Чтобы во всѣхъ уголовныхъ приговорахъ рѣшеніе постановляемо было не по большинству голосовъ, но или единогласно, или, по крайней мѣрѣ, чтобъ согласныхъ мнѣній было двѣ трети. Единогласное рѣшеніе не есть что-либо новое въ россійскомъ законоученіи, ибо оно установлено было для рѣшеній правительствующаго сената. Такимъ образомъ соблюдется правило Наказа императрицы Екатерины II, статьи 127, гдѣ она изъясняется слѣдующими словами: «чтобъ онъ, то есть обвиняемый, не могъ подумать, будто бы попался въ руки такихъ людей, которые въ его дѣлѣ насильство во вредъ ему употребить могутъ». Въ заключеніе прибавимъ еще, что въ сходственномъ уложеніи, гл. 21, ст. 7, можно на уголовныхъ судей производить искъ въ недружбѣ и проволочкѣ.

Александръ Радишевъ.

Письма Радищева.

1.

Лейпцигъ, 16 октября 1771 года. На дорожные расходы, какъ и на приготовленіе къ вояжу получили мы ниже подписавшіеся отъ Его Сіятельства князя Андрея Михайловича Бѣлосельскаго каждый по 200 червонныхъ. Сумма шестьсотъ червонныхъ Александръ Радищевъ, Алексѣй Кутузовъ, Андрей Рубановскій (рукою Радищева).

2.

Прошеніе секундъ-маіора Александра Радищева на Высочайшее имя, заслушанное 30 мая 1779 года:

1. Въ службѣ находился я съ 1762 года при дворѣ Вашего Императорскаго Величества, затѣмъ въ 1766 году посланъ былъ въ лейпцигскій университетъ, по возвращеніи моемъ изъ онаго пожалованъ въ 1771 году титулярнымъ совѣтникомъ, въ 1773 году переименованъ въ штабъ его сіятельства господина Генерала-Аншефа и Кавалера графа Якова Александровича Брюса оберъ-аудиторомъ, въ 1775 году уволенъ отъ службы секундъ-маіоромъ, а въ 1777-мъ году, декабря 22 дня, указомъ Правительствующаго Сената опредѣленъ въ государственную коммерцъ-коллегію на ассессорскую вакансію. 2. Имѣя же нынѣ намѣреніе и склонность продолжать службу мою въ предыдущее время въ статскомъ званіи, прошу, дабы Высочайшимъ Вашего Императорскаго Величества указомъ повелѣно было изъ воинскаго секундъ-маіорскаго чина, яко находящагося уже на асессорской ваканціи, переименовать въ асессорскій чинъ.

3.

Письмо Радищева изъ Нѣмцова къ сыновьямъ въ Кіевъ въ началѣ августа 1797 года:

Nous voici à Moscou, chers et tendres amis de mon âme, et bientôt nous serons chez nous. Comme il me pèse d'être éloigné de vous lors même que nous n'en sommes plus si loin qu'avant et qu'il y aurait la possibilité de Vous voir. Oh mes amis, quand nous pourrons nous jouir de ce bonheur si longtemps désiré qui s'éloigne de nous sans cesse. Hélas il ne sera plus, si parfait que nous l'aurions pu ésperer. Vous savez la perte irrèparable que nous avons faite. Oui, mes tendres amis, nous avons perdue cette mère chérie qui a pris soin de votre enfance. Nous n'avons pas pu vivre heureux avec elle dans notre patrie. Adieu, chers amis de mon coeur, je Vous embrasse un million de fois et je Vous presse contre mon coeur.

4.

Письмо Радищева изъ Нѣмцова къ брату Моисею Николаевичу въ Петербургъ, отъ 18 августа 1797 года:

Письма отъ тебя я жду, любезный мой другъ и братъ Моисей Николаевичъ, какъ жадный любовникъ, желающій видѣть свою дражайшую по годовой отлучкѣ. Считаю дни и часы и ничего не предпринимаю. Въ мѣсяцъ времени поставилъ только двѣ избы безъ крышекъ, изъ которыхъ намѣренъ устроить свои залы и кабинетъ. Жить теперь тѣсно; слава Богу, что погода хороша.

Пиши прямо въ Ярославецъ и Бога ради не лѣнись; пиши каждую почту; письмо твое будетъ для меня услажденіемъ.

Чѣмъ болѣе дѣла мои домашнія становятся извѣстны, тѣмъ болѣе видно плутовство Морозова, и почти необходимо становится мое свиданіе съ батюшкою, если хочу сохранить послѣднее, что имѣю. Постарайся, мой другъ, о семъ. Скажи, познакомился ли съ кѣмъ, и какъ

детъ твое помѣщеніе. Я сижу на одномъ мѣстѣ и былъ только одинъ разъ въ Ярославцѣ.

Прости, мой любезный! Засвидѣтельствуй мое почтеніе Алексѣю Андреевичу и Глафирѣ Ивановнѣ, если они еще напоминаютъ обо мнѣ.

5.

Прошеніе къ Государю Императору Александра Радищева.

Всемилостивѣйшій Государь!

Возвращенный изъ Илимска по Высочайшему и милостивому Вашего Императорскаго Величества повелѣнію, я живу нынѣ въ деревнѣ моей, назначенной мнѣ для пребыванія моего, наслаждаяся сельской жизни спокойствіемъ, которое всещедрая рука Вашего Императорскаго Величества мнѣ даровала. Исполненную имѣя душу живѣйшія благодарности за толь великое благодѣяніе, я благословляю десницу, избавившую меня отъ бѣдствія, перемѣнившую горестную мою участь во благую и даровавшую мнѣ новую жизнь, прося Всевышняго, да продлитъ на многія лѣта Вашего Императорскаго Величества здравіе и царствованіе, подъ которымъ вся Россія спокойствуетъ, счастливѣетъ, благоденствуетъ.

Не имѣя надежды когда-либо пасть лично ко священнымъ стопамъ Вашего Императорскаго Величества, во изъявленіе чувствительнѣйшія признательности, не смѣя о томъ и помышлять, я дерзаю, Всемилостивѣйшій Государь, принести слѣдующую просьбу. Я имѣю отца, старика семидесятилѣтняго, слѣпого, мать имѣю, толикихъ же почти лѣтъ, находящуюся давно уже въ разслабленіи, живущихъ въ Саратовской губерніи. Желаніе видѣть ихъ возрастало по мѣрѣ моего отъ нихъ отдаленія, по мѣрѣ времени отлученія моего, и усугубляемо было терзательною для чувствительныя души мыслію, что безразсуднымъ моимъ поступкомъ, въ несчастіе меня ввергнувшимъ, я навлекъ имъ много скорби, печали и убытка.

Отца моего видѣлъ я незадолго предъ отсылкою моею въ Илимскъ, семь лѣтъ тому назадъ, мать мою не видалъ болѣе двѣнадцати. Болѣз-

ненное ихъ состояніе препятствуетъ имъ пріѣхать видѣться со мною, хотя бы того и желали. Позволь, Всемилостивѣйшій Государь, мнѣ ѣздить къ нимъ на свиданіе, позволь, Великій Монархъ, да могъ бы я, хотя однажды, видѣть родившихъ меня, при истеченіи ихъ житія, и родительскаго себѣ испросить благословенія! Болѣзнь ихъ и древнія ихъ лѣта побуждаютъ опасаться, что недолго могутъ пользоваться благодѣяніемъ жизни; я самъ, хотя еще на пятидесятомъ году отъ рожденія, не могу надѣяться долголѣтняго продолженія дней моихъ, ибо горести и печали умалили силы естественныя. Взглянувъ на меня всякъ сказать можетъ, колико старость предварила мои лѣта. Счастливъ нынѣ, избавленный отъ неволи всещедрою Вашего Императорскаго Величества милостію, наипаче счастливымъ назваться могу, если та же щедрота и милосердіе благоволятъ, да увижу и облобызаю престарѣлыхъ моихъ родителей [1]).

Всемилостивѣйшій Государь
Вашего Императорскаго Величества
вѣрноподданный

Александръ Радищевъ.

1797 года
Декабря 6 дня.

---

[1]) Радищеву было разрѣшено съѣздить къ родителямъ только разъ. Онъ пробылъ у нихъ годъ, съ начала 1798 г. См. П. А. Радищевъ, l. c., стр. 420—422.

6.

Черновое письмо къ Императору.

Всемилостивѣйшій Государь!

Разстроенное мое состояніе во время служенія моего въ таможнѣ разстроилось совсѣмъ, когда судьбѣ угодно было, чтобы я былъ посланъ въ несчастіе. Въ продолженіе моего семилѣтняго бѣдствія, отецъ мой, которому поручена была опека надъ моимъ имѣніемъ, лишился зрѣнія, мать пришла въ разслабленіе, и имѣніе мое оставалося, такъ сказать, безъ хозяина. Половина имѣнія моего, заложеннаго въ осьмилѣтнемъ банкѣ, описана и теперь еще состоитъ въ опекѣ; остальное заложено частію въ банкѣ двадцатилѣтнемъ, частію въ Воспитательномъ Домѣ. Сверхъ того, будучи долженъ за часть того же имѣнія брату моему, я другого средства не находилъ, какъ продать третью долю всего имѣнія, дабы тѣмъ заплатить большую часть долга и избавиться отяготительнаго платежа процентовъ. Конечно, возможно бы было найти покупщика къ моему имѣнію, но я отвлеченъ всегда былъ отъ того тою мыслію, чтобы, доставшися въ другія руки, состояніе крестьянъ моихъ не сдѣлалося хуже. Въ такомъ положеніи я осмѣливаюся прибѣгнуть къ милосердію В. Имп. Величества. Щедроты твои и милости, о Государь, простиралися на всѣхъ, жребіемъ угнетаемыхъ. Простри и ко мнѣ твою милость! Повели взять въ казну часть моего имѣнія, состоящаго въ Калужской губерніи въ двухъ мѣстахъ, всего 60 душъ съ отмежеванною имъ землею. На усмотрѣніе В. Имп. Велич. предаю, какую за то угодно будетъ назначить цѣну

Всемилостивѣйшій Государь
Вашего Имп. Величества
вѣрноподданный [1]).

(1799?)

---

[1]) Срв. „Путешествіе“, изд. „Обществ. Пользы“, стр. 291—292. Г. Павловъ—Сильванскій сближаетъ это прошеніе съ требованіемъ Кашталинскаго уплатить долгъ въ 4000 р. и съ обращеніемъ Радищева къ гр. Воронцову съ просьбою ссудить 300 р. въ апрѣлѣ 1799 г.

Письма къ гр. А. Р. Воронцову. (1782—1800) [1]).

1.

Собирая чрезъ здѣшнюю таможню по приказанію вашего сіятельства извѣстія, не принадлежитъ ли погибшій близъ Франціи корабль кому-либо изъ Россійскихъ морскихъ судовъ содержателей, я увѣдомился, что корабль сей былъ не Русскій, но Португальскій. Дабы въ семъ удостовѣриться, я просилъ Португальскаго, пребывающаго здѣсь консула, г. Веліо, дать мнѣ о томъ извѣстіе. Онъ мнѣ сообщилъ письмо, полученное имъ изъ Шербурга съ послѣднею почтою, съ котораго для усмотрѣнія вашего сіятельства я при семъ прилагаю точную копію. По описанію, сей корабль есть самый тотъ, о которомъ я собиралъ извѣстія, отправленъ былъ изъ Риги, но неизвѣстно кѣмъ, и назначенъ въ Лиссабонъ, а грузъ принадлежитъ Португальскимъ подданнымъ.

Декабря 15 дня 1782 года.

2.

По 15 число текущаго мѣсяца объявлено въ отпускъ въ разныя мѣста и отпущено хлѣба: ржи 111,118 четвертей, муки ржаной и ситной 3,900 четв., пшеницы 14,286 четв., муки пшеничной и крупитчатой 968 мѣшковъ, овса 54,011 четв., ячменю 11,380 четв., гороху 1,387 четв., крупъ гречневыхъ 2,607 четв.; пшеничныхъ 60; ячныхъ 100; овсяныхъ 100; солоду ячнаго 100 четвертей. Страхъ о недостаткѣ хлѣба въ Петербургѣ, кажется, относительно отпуска его за море былъ неоснователенъ. Другія причины могутъ произвести въ немъ

---

[1]) Съ примѣчаніями П. И. Бартенева (изъ «Архива Воронцова»).

дороговизну. Сказываютъ, что низовской караванъ нынѣшній годъ будетъ меньше гораздо прежнихъ по той причинѣ, что барокъ много потонуло на мѣстѣ. Лѣкарство на хлѣбной недостатокъ, запасные провіантскіе магазины просятся къ лѣкарю. Мнѣ то извѣстно, что овса у нихъ въ отдѣлѣ еще мѣсяцъ не было ни куля; что въ прошломъ году поставщикъ одинъ, привезши сюда хлѣбъ для провіантскихъ магазиновъ и нашедъ рыночную цѣну превосходнѣе той, по которой онъ рядился ставить въ магазейнъ, хлѣбъ продалъ, а запасной магазейнъ удовлетворилъ аттестатомъ съ Боровицкихъ пороговъ, что барки его разбило. Другой поставщикъ взялъ въ задатокъ 100.000 руб., хлѣба не поставилъ, а удовлетворилъ также обязательству своему аттестатомъ и, продержавъ деньги у себя года два безъ процентовъ, отъ подряда отказался, а магазейнъ нашелъ выгоднымъ отдать поставку другому по сходной цѣнѣ. Но все сіе суть слухи; послѣдствіе утвердитъ истину, и время оправдаетъ догадку.

О нашихъ дѣлахъ мало что могу сказать вашему сіятельству, ибо съ Петрова дни почти и до сего времени я сижу дома, по причинѣ небольшаго припадка, отъ простуды послѣдовавшаго. При семъ прилагаю письмо отъ брата отъ города Архангельска [1]), которое я получилъ сегодня.

Іюля 16 дня 1784 года. С.-Петербургъ.

3.

Исполняя возложенную на меня отъ вашего сіятельства комиссію, я при себѣ велѣлъ досмотрѣть ящикъ съ каменнымъ десертомъ, изъ Италіи привезеннымъ [2]). Ящикъ совсѣмъ цѣлъ, и вещи въ немъ

[1]) Братъ Радищева, Моисей Николаевичъ, служилъ таможеннымъ чиновникомъ въ Архангельскѣ, куда графъ А. Р. Воронцовъ, въ званіи сенатора, ѣздилъ на ревизію. Ко времени служебныхъ отлучекъ графа Александра Романовича (въ Ригу, Архангельскъ, въ Малороссію и Саратовъ) относятся эти письма Радищева, до его Сибирской ссылки.

[2]) Это былъ подарокъ графу А. Р. Воронцову отъ графа А. И. Моркова.

укладены очень хорошо. Но первая фигура, которую вынули, на подобіе маленькой тарелки, была разбита. Далѣе досматривать не допустилъ, почему и не могу о точномъ состояніи сервиза увѣдомить.

Сборъ нынѣшняго мѣсяца продолжается очень хорошъ, но не думаю и не надѣюсь, чтобы наградить могъ недостатки прошедшаго года. Причина можетъ быть медленность въ отправленіяхъ отъ тѣсноты, въ пакгаузахъ происходящей. Къ непріятностямъ, истекающимъ изъ невозможности дать въ семъ случаѣ пособіе право требовать оныя имѣющимъ, присоединилась еще и та, что кассиръ нашъ заболѣлъ столь тяжко, что болѣе должности своей отправлять былъ не въ состояніи, и мы требовали другого, который уже къ намъ и присланъ и сегодня вступитъ въ свою должность. Въ скорой присылкѣ онаго мы сей разъ одолжены Губернскому Правленію, а паче Городовому Магистрату и бургомистру Кусову [1]).

Вѣдая снисхожденіе вашего сіятельства и терпѣливость слушать таможенныя басни, я упомяну о двухъ, на сихъ дняхъ случившихся. Между разными покушеніями не доплачивать, чтобы не сказать красть пошлину, способъ древній и уже таможеннымъ ребятамъ извѣстный есть дорогія вещи прятать въ мало-пошлинныя или пошлину не платящія. Надѣясь однакожъ на таможенную благосклонность или на слабость зрѣнія управителей (доказательство тому человѣкъ, оное предпріявшій), не промышлявшій заповѣднымъ мастерствомъ, но имѣющій пропитаніе отъ недуговъ ближняго, аптекарь одинъ вознамѣрился, среди живоносныхъ, часто и смертоносныхъ зелій (не по правиламъ, кажется, формакопеи) провезти ящикъ съ блондами, цѣною рублей на 300. Въ самую ту минуту, когда злосчастной ящикъ, извлеченный изъ среды благовонныхъ мастей въ кучу съ другими, на взглядъ ему подобными, клали наравнѣ, неблагопріятствующая Фортуна наперснику Космы и Даміана привела меня въ пакгаузъ. Тогда кипочки, изъ бочки вынутыя, хотя невредимо еще внесенныя, разверзли свою утробу, и явились въ одной изъ нихъ блонды, которыя аптека-

---

[1]) Извѣстному впослѣдствіи представителю Петербургскаго купечества, которому графъ А. Р. Воронцовъ, будучи президентомъ Коммерцъ-Коллегіи, оказывалъ всяческое содѣйствіе.

ремъ названы были уже цвѣтами, но, по счастію таможенниковъ, подъ симъ названіемъ въ реестрѣ еще записаны не были.

Конецъ первой, а вотъ другая.

Изъ многихъ опытовъ и примѣровъ можно видѣть, что купцы, почитающіеся здѣсь лучшими и честнѣйшими въ разсужденіи платежа пошлинъ, не токмо не всегда поступаютъ по правиламъ добродѣтели, но, если гдѣ то возможно, то не соблюдаютъ оной и наружности. Сіе, кажется, есть слѣдствіе существа самыя вещи. Состояніе, благоденствіе свое на прибыткѣ воздвизающее, и мысленно и дѣятельно стремится къ достиженію своего предмета. Кто скажетъ, что способы его положены на камени честности, тотъ скажетъ невозможность въ исполненіи, ибо черту, отдѣляющую прибытокъ отъ ненарушенія (въ собственномъ понятіи) благосостоянія или имущества ближняго должны назначить положительные законы и правила.

Но дѣло идетъ о лентахъ. Способы хорошихъ купцовъ утаивать пошлину состоятъ въ томъ, чтобы цѣновнымъ товарамъ цѣну объявлять низкую; а дабы то непримѣтно было, то производить сіе надъ великими товаровъ партіями, на нѣсколько тысячъ рублей, зная, что таможенные не имѣютъ довольно капитала оные подписать, а хотя бы и имѣли, не захотятъ оной подвергать опасности; посему утайка ихъ не бываетъ примѣтна. Между многими Англичанами, которымъ сей способъ бываетъ удаченъ, многіе годы прибыточенъ былъ для торгующихъ подъ фирмою Крампа и Казалета съ большими партіями лентъ шелковыхъ. Нынѣшній годъ объявили они ящикъ съ лентами цѣною на 5.400 и нѣсколько рублей. По исчисленію 20 процентовъ и пошлинъ съ аршинъ лентъ (которыя кругомъ можно было положить по 25 коп.) аршинъ приходитъ менѣе 11-ти копеекъ. Таможенные служители и намѣрены были подписать, но не нашли столько денегъ, а одинъ сыскался и оныя подписалъ. Не знаю, имѣлъ ли онъ на то деньги или нѣтъ, но купецъ не имѣлъ другаго средства, какъ оныя ленты опять выкупить, давъ барыша 1.200 р. Такой малой барышъ, когда 3.000 рублей почти мало было, навлекаетъ сомнѣніе о соглашеніи купца съ таможенникомъ; а если его не было, то лучше, если бы тотъ, кто подписываетъ товаръ, не отдавалъ ему обратно. Ибо когда купецъ будетъ знать, что онъ можетъ товаръ свой удержать какимъ-либо образомъ, то онъ смѣло объявлять бу-

детъ ниже истинной цѣны, въ твердомъ увѣреніи, что утаенную цѣну, обратя въ прибыль таможенному подписателю, больше убытка ему не будетъ, какъ тотъ, что̀ настоящую заплатитъ пошлину.

Іюня 17 дня 1785 года.

4.

Сборъ прошедшаго мѣсяца окончался съ удовольствіемъ нашимъ и простирался далеко за 700 тысячъ. Дѣла наши текутъ обыкновеннымъ порядкомъ, и отмѣннаго ничего не происходило. Цѣна на нѣкоторые изъ нашихъ товаровъ худа и доселѣ, и думать можно, что и число кораблей нынѣшній годъ будетъ гораздо меньше прошедшаго. До сего дня въ приходѣ 335. Курсъ однакоже стоитъ на 40 штиверахъ. Американскихъ кораблей нынѣшній годъ очень мало. Доселѣ здѣсь только одинъ, пріѣхавшій изъ Лондона. Желательно, чтобы они ѣздить къ намъ не наскучили. Но корреспондентъ ихъ здѣсь человѣкъ не весьма надежный. Г. Крампъ много думаетъ о театральныхъ дѣвкахъ и, играя въ карты, считаетъ тысячами.

Нынѣшнее лѣто весьма изобильно было апельсинами. Было нѣсколько весьма хорошихъ изъ Алгарвіи, но держались очень короткое время.

Мы живемъ здѣсь съ холоднымъ вѣтромъ и съ частымъ дождемъ. Для городскихъ жителей время непріятное, но для земледѣльца весьма хорошее, можетъ быть, поправитъ вредъ долговременныя зимы. Въ Лифляндіи, сказываютъ, хлѣбъ очень дуренъ, и многіе помѣщики озимыя поля вновь засѣяли яровымъ хлѣбомъ.

При семъ осмѣливаюсь небольшую книжицу нынѣшняго года приложить. Больше въ ней словъ, нежели доводовъ; но тотъ, противъ кого она писана, дѣлаетъ ее привлекательною. Сего рода сочиненія почитаю я весьма полезными для человѣчества, хотя бы они и еще хуже были составлены. Лай собачій ночью безпокоитъ, кажется, спящихъ; но воспящаетъ, чтобы воръ не сдѣлался разбойникомъ, ибо лай собачій возбуждаетъ общую предосторожность.

Іюля 1 дня 1785 года.

5.

Позднее начало кораблеплаванія обѣщаетъ намъ, что сборъ пошлинъ нынѣшняго мѣсяца столь великъ быть можетъ, что таковаго еще не бывало. Примѣръ приведу сборъ двухъ денъ. 7-го числа текущаго мѣсяца простирался оной до 64 тысячъ рублей, а 11-го около 50 тысячъ. Съ другой стороны дружное пришествіе кораблей, сдѣлавъ въ пакгаузахъ нашихъ великую тѣсноту, немалое для торгующихъ иностранными товарами навлекаетъ неудовольствіе. Пакгаузы накладены товарами до сводовъ почти, и нерѣдко ходитъ иной дни два и три и товара своего въ тѣснотѣ отыскать не можетъ; другой же, которому товаръ не столь нуженъ, поискавъ товара тщетно, оставляетъ оный отысканіемъ до удобнаго времени. Но сверхъ того, что многіе теряютъ выгодныя цѣны, упускаютъ временныхъ покупщиковъ, на Макарьевскую ярмарку отправляющихся, или теряя случай товары туда отпускать сами, не считая потерянія могущаго быть барыша, что̀ въ пору равно почитается убыткомъ, нѣкоторые могутъ истинный понести убытокъ. Вчера, въ бытность мою въ таможнѣ, послѣ обѣда, пошелъ превеликій дождь; мѣста въ пакгаузахъ столь уже оставалось мало, что съ великимъ трудомъ вмѣщать можно было въ оные товары; выгрузка изъ кораблей умножала оныхъ количество, дворъ наполненъ былъ бочками съ сахаромъ, крупою, красками. Я видѣлъ многихъ бѣгающихъ въ слезахъ, пекущихся по возможности о спасеніи своего имѣнія, подобно какъ среди свирѣпаго пожара, когда отъяты способы сбереженія руки человѣческой, призывающихъ на помощь Бога или Его клянущихъ, не находя въ молитвѣ искупленія.

Причина таковой тѣсноты—великое количество бочекъ съ сахаромъ и недостатокъ на биржѣ въ деньгахъ, чему низкій курсъ немалою причиною.

Худой торгъ на пеньку великое дѣлаетъ въ пенечныхъ анбарахъ утѣсненіе. Никому за низкую цѣну отдать не хочется, и ожидая лучшія, пеньку держатъ въ анбарахъ. Распоряженіе, сдѣланное отдавать прежде Гагаринскіе анбары, а потомъ Голодаевскіе, къ убытку отъ худой цѣны, прибавляетъ убытокъ напраснаго платежа анбарныхъ денегъ. Ибо, платя за Гагаринскіе анбары, всѣ или многіе кладутъ товаръ на Голодаѣ, оставляя платежное мѣсто впустѣ. Я собственно

охуждаю распоряженіе, но самолюбіе не затмевало еще въ глазахъ моихъ истины.

При семъ препроводить имѣю честь письмо отъ брата моего отъ города Архангельска. Онъ дѣлаетъ мнѣ вопросъ, вслѣдствіе Положенія о городахъ, какъ поступать съ содержателями морскихъ судовъ, которые по новому узаконенію къ содержанію оныхъ права не имѣютъ. Онъ дѣлаетъ вопросы, мы оставляемъ вещи въ прежнемъ положеніи. Въ Выборгѣ вышелъ уже споръ у таможни съ магистратомъ о исполненіи нынѣ сего узаконенія. Въ обширной Россійской имперіи, гдѣ тысячи обитаютъ кочующаго народа, и гдѣ съ удовольствіемъ читаютъ Локка, Даламберта, Монтескіе, Реналя, гдѣ жилъ и погребенъ Эйлеръ, понятія объ общихъ положеніяхъ не могутъ быть одинаковы.

Г. Даль до сего времени еще не выѣзжаетъ; кашель мало его безпокоитъ, но чувствуетъ всегдашній холодъ въ ногахъ отъ малаго движенія крови. Надѣюсь, что на будущей недѣлѣ онъ начнетъ выѣзжать. Спокойное положеніе его души во многихъ отношеніяхъ даетъ мнѣ надежду, что онъ скоро отъ болѣзни освободится.

Іюля 12 дня 1785 года.

6.

Торгъ здѣсь продолжается по прежнему, сало и масло въ высокой цѣнѣ, много покупаютъ льна и желѣза, юфти цѣна изрядная, а пенькою завалены всѣ буяны; 13 р. за берковецъ кажется иностраннымъ уже дорогою цѣною. Полотна не идутъ съ рукъ, особливо парусныя, на которыя совсѣмъ цѣны нѣтъ. Изъ привозимыхъ товаровъ много очень сахару головного, другихъ товаровъ не больше прежняго; но миткалей и бѣлыхъ бумажныхъ полотенъ, въ сравненіи прежнихъ лѣтъ, совсѣмъ, можно сказать, не везутъ.

Происшествія по таможнѣ достопамятнаго не было; о товарахъ досматриваемыхъ сдѣланное распоряженіе, чтобы не спросясь того не производить, навлекло нѣкоторое на насъ неудовольствіе отъ обыкшихъ пользоваться низкою товаровъ оцѣнкою по дружбѣ таможенныхъ управителей. Число сихъ людей гораздо больше, нежели обыкновенно думаютъ, и самые тѣ, которые отъ худой молвы ограж-

дають себя чванствомъ и пышностію, съ удовольствіемъ видять, когда повѣренному ихъ обмануть удастся, имѣя на всякій случай то убѣжище, что не онъ то сдѣлалъ, а его повѣренный; всѣ же, почти всѣ безъ изъятія (ибо два или три человѣка правила не дѣлаютъ) скорѣе постараются подкупить таможеннаго служителя для своего облегченія, нежели исполнить предписанное закономъ, по той только причинѣ, чтобы избавить повѣреннаго своего отъ вопросовъ, которые часто отдаются къ повѣряющему.

24 Іюля 1785 года.

7.

Цѣна на пеньку начала помалу возвышаться, доходивъ до 11½ р., если не ниже. Осень наградитъ, можетъ быть, хотя отчасти понесенные купечествомъ убытки. Тѣ, которые имѣли малыя партіи и нужду въ деньгахъ, потеряли безъ возврата. Сказываютъ, что въ Даніи нѣсколько пеньки сгорѣло; но сіе не есть причина возвышенію цѣны сего товара. Если бы въ Англіи побольше пеньковыхъ анбаровъ погорѣло, Россія могла бы знатное дать злодѣю награжденіе, который бы оные зажегъ. Любовь Отечества ищетъ иногда пагубы не токмо пеньки, но милліоновъ людей. Нѣкто изъ извѣстныхъ писателей примѣчаетъ, что Римляне, отличавшіеся любовью къ Отечеству своему, были или истребители народовъ, то есть завоеватели, или жарчайшіе къ тому поощрители. Катонъ хотя на пагубу, какъ то думаютъ, самого Рима повторялъ: да истребится Карѳагенъ!

По таможнѣ достопамятныхъ происшествій не было, но упомяну вашему сіятельству объ одной конфискаціи въ Кронштадтѣ. Охотники провозить товары тайнымъ образомъ, Французы, имѣя еще старый тарифъ въ головѣ, почитаютъ блонды здѣсь запрещеннымъ товаромъ. Одинъ таковый бѣднякъ, желая тѣмъ больше имѣть барыша, чѣмъ товаръ непозволительнѣй будетъ (ибо знаетъ, что, происходя всѣ отъ Адама, всѣхъ болѣе или менѣе запрещенные фрукты прельщаютъ) вздумалъ снабдить Петербургъ 1800 и нѣсколькими аршинами блонды. Для исполненія своего намѣренія наполнилъ оными нижнее свое платье и явился съ онымъ для досмотру въ Кронштадтѣ у га-

веймейстеровъ. Злая его судьбина опредѣлила, чтобы въ таможнѣ былъ гавеймейстеръ Грекъ, который хотя и косъ, но взоръ его проникнулъ одежды и узрѣлъ блонды. Бѣдный Французъ, при первомъ пріѣздѣ въ государство, раздѣлся такъ, какъ, можетъ быть, онъ никогда при пріятеляхъ своихъ не раздѣвался. Но, несмотря на спрятанныя и найденныя блонды и на худую цѣну пеньки, въ прошломъ іюлѣ мѣсяцѣ сборъ простирался до 611,000 р. Каковъ будетъ августъ, того угадать нельзя, ибо въ приходѣ кораблей нѣтъ.

Августа 1 дня 1785 года.

8.

Неосторожность и неопытность въ молодыхъ лѣтахъ наносятъ иногда человѣку несчастіе невозвратное. Примѣръ сему сожалительной имѣли мы въ секретарѣ здѣшней таможни. Сей человѣкъ былъ неизвѣстенъ, думаю, и вашему сіятельству. Въ лѣтахъ будучи такихъ, когда страсти наиболѣе надъ человѣкомъ имѣютъ власти, онъ воздержаніемъ своимъ пріобрѣлъ себѣ почтеніе и отъ тѣхъ, которые его не любили. Невоздержность въ питьѣ, какъ то обыкновенно бываетъ страсть людей, воспитанія не имѣющихъ, ему была чужда. Страсть къ женщинамъ, которыя малые въ свѣтѣ бываютъ непричастны, была въ немъ почти невидима. Страсти къ игрѣ онъ имѣлъ мало; развѣ только назвать можно было его привязанность къ билліарду. Разумное, впрочемъ, его поведеніе и прилежаніе къ своему дѣлу, сопровождаемое всегда разсудкомъ, заставляло молчать и тѣхъ, кои бы его имѣли причину ненавидѣть. Обращаяся въ свѣтѣ, познакомился онъ съ людьми, коихъ единственное упражненіе состоитъ въ томъ, чтобъ начинающихъ вступать въ свѣтъ лишать ихъ имѣнія, а иногда и чести; познакомился онъ съ записными, такъ сказать, игроками. Предъ новымъ годомъ сдѣлалъ онъ сіе знакомство незадолго, и никто о томъ не вѣдалъ, что онъ началъ упражняться въ игрѣ. Скоро послѣ отъѣзда вашего сіятельства онъ пропалъ, и пропалъ безъ вѣсти. Разсматривая оставшія его дѣла, нашлося, что въ оброчной анбарной суммѣ, которой пріемъ ему былъ порученъ, недоставало 705 р. Но на всю сію сумму онъ въ принятіи квитанціи не давалъ.

Купецъ, въ оправданіе свое, не говоря, что онъ ихъ заплатилъ, приносилъ въ извиненіе, что онъ секретарю таможенному далъ еще прошлымъ лѣтомъ 400 р. въ заемъ, съ тѣмъ, чтобы онъ сіи деньги внесъ за него въ таможнѣ въ число оброчной суммы. Наконецъ, извѣстно стало, съ кѣмъ онъ послѣ новаго года игралъ. Сіи люди были сысканы, безъ всякаго прекословія возвратили деньги выигранныя, а купецъ заплатилъ достальныя, въ которыхъ онъ, какъ должникъ, и не отпирался, хотя секретарь Постниковъ и отмѣтилъ въ книгѣ, что онъ всѣ деньги принялъ. Наконецъ, разбирая его оставшія вещи, нашли записку его руки слѣдующаго содержанія. Онъ пишетъ, что онъ проигралъ болѣе 400 р. денегъ, ему не принадлежащихъ, которыя онъ получилъ отъ купца Шопенгауера въ число будущей заплаты анбарнаго оброка, что онъ ихъ проигралъ, именно кому, что одинъ надзиратель судовой тому причиною, ибо онъ игроковъ на погибель его настроилъ. За симъ слѣдуетъ его прощаніе со всѣми и заключаетъ сими словами: «теперь иду себя погубить, и знайте, что игра есть пагубное для человѣка зло. Аминь». До сего времени мы его не находимъ; неизвѣстно, исполнилъ ли онъ надъ собою несчастное свое намѣреніе. Многимъ сіе кажется вѣроятно, ибо имѣлъ въ нравѣ своемъ нѣкоторую горделивость. Г. Даль охотно прощаетъ ему его вину, отъ мгновеннаго заблужденія происшедшую, но ни малѣйшаго извѣстія о немъ еще нѣтъ.

Отъ г. Дубровскаго [1]) я получилъ книгъ съ десять, но не могу еще сказать, какія, ибо еще смерзлися; снаружи видно, что онѣ попортились. Отъ брата изъ Архангельска я получилъ два ящика съ костяными вещами, которыя доставилъ въ домъ вашего сіятельства.

26 генваря 1787 года.

9.

На прошедшей недѣлѣ случилося здѣсь приключеніе, которое, было, здѣшнее правленіе очень встревожило. Прошедшей пятницы

[1]) Пріятель графа А. Р. Воронцова еще по дипломатической его службѣ въ царствованіе Елисаветы Петровны. Дубровскій долго проживалъ въ чужихъ краяхъ и, находясь во Франціи во время революціи, скупилъ много историческихъ документовъ.

въ 10 часовъ поутру, казенные каменные, винные и соляные магазейны вдругъ загорѣлись. Пожаръ сдѣлался внутри, почему команды не прежде собрались 12-го часа, ибо пламя долго было не видно. Скоро послѣ начатія пожара, загорѣлись барки съ виномъ, и огонь протекъ рѣкою съ верхнихъ ярусовъ въ нижніе и съ верхняго этажа въ нижній. Итакъ, спасти строенія почти было невозможно, потому что нигдѣ ни свода, ни поперечной стѣны, ни въ срединѣ строенія, ни на кровлѣ не было. Во второмъ часу я двѣ трети сгорѣвшаго видѣлъ въ цѣлости, но ничего не спасено. Успѣли только выкатить бочки съ виномъ. Словомъ, цѣлая половина магазейновъ сгорѣла, и пожаръ остановился по обѣимъ сторонамъ у воротъ; другая половина осталася невредима. Убытокъ казенный въ винѣ и соли по истиннымъ цѣнамъ считаютъ до 70-ти тысячъ; партикулярнаго вина, привезеннаго отъ поставщиковъ, сгорѣло на 29-ть тысячъ. Причину пожара полагаютъ въ худой трубѣ, отъ которой огонь закрался къ потолку. Въ самомъ дѣлѣ такъ и было; но трубѣ съ очагомъ, гдѣ загорѣлося, тутъ быть не долженствовало, гдѣ она была. Очагъ сей былъ сдѣланъ для взогрѣнія воды, для паренія бочекъ. Но я сіе говорю по слуху, достовѣрнаго же теперь о причинѣ пожара сказать не могу.

При семъ имѣю честь приложить вѣдомость о доходѣ таможенномъ за прошлый генварь мѣсяцъ.

По милости вашего сіятельства мы пользуемся благосклонностію графа Якова Александровича [1]), чѣмъ не всѣ похвастать могутъ, и особливо здѣшній оберъ-полицеймейстеръ.

1787 года февраля 1 дня.

Старика моего, который будетъ, думаю, имѣть честь засвидѣтельствовать вашему сіятельству свое почтеніе, препоручить осмѣливаюсь вашего сіятельства милости [2]).

---

[1]) Брюса, который былъ тогда главнокомандующимъ въ Петербургѣ и имѣлъ особыя полномочія по случаю отъѣзда Государыни на югъ.

[2]) Старикъ отецъ Радищева проживалъ въ своемъ помѣстьѣ Кузнецкаго уѣзда Саратовской губерніи; а графъ А. Р. Воронцовъ ѣздилъ тогда осматривать присутственныя мѣста въ Астрахани и Саратовѣ.

10.

Дѣло намѣревавшаго экспедитора обмануть таможню кончили тѣмъ, что его къ отправленіямъ допускать запрещено. Я и теперь однакожъ думаю такъ, какъ вашему сіятельству честь имѣлъ доносить при отъѣздѣ вашемъ, что сіе сдѣлано было, конечно, съ умысла. Но къ дальнѣйшему разысканію приступить я не могъ; ибо, что и ощутительно, г. Даль въ этомъ дѣлѣ обманутъ былъ и доведенъ до того, что онъ письменно объявляетъ, что велѣлъ дать резолюцію, не справяся съ пакгаузомъ, отъ чего и случилося, что резолюція таможнею дана о прибавкѣ товару мѣры по произведенномъ уже досмотрѣ.

Отправленіе по таможнѣ становится часъ отъ часу меньше, и ничего не происходило, что бы достойно было вниманія вашего сіятельства.

При семъ прилагаю пакетъ, полученный въ таможнѣ изъ Риги на имя вашего сіятельства, и пожелавъ вамъ теплѣе погоды, нежели у насъ вчера было, то есть 24 градуса стужи, имѣю честь быть и пр.

16 февраля 1787 года.

11.

Книги, доставленныя ко мнѣ отъ господина Дубровскаго, суть слѣдующія: Mémoires de Voltaire, Un défenseur du peuple à Joseph, La vie de Voltaire, Le triomphe du nouveau monde 2 vol, Les fastes de Louis XV 2 vol. Сіи послѣднія въ худомъ очень состояніи, такъ что многіе листы слиняли; прочія же хотя на взглядъ нехороши, но внутренніе листы всѣ цѣлы.

Теперь извѣстна съ достовѣрностію причина, отъ чего винные магазейны загорѣлись, и не что иное, какъ оплошность тому причиною. Въ нижнемъ этажѣ сдѣланъ былъ покой со сводомъ безъ печи, въ которомъ по плану назначалося отжигать пробы принимаемаго вина. Нужда востребовала, чтобы было мѣсто для согрѣванія воды на пареніе бочекъ. Для сего и сдѣланъ былъ очагъ въ помянутомъ покоѣ, сводъ проломанъ, и труба проведена подлѣ деревяннаго потолка. Кто приказалъ сдѣлать сей очагъ, того не скажутъ. Какъ скоро начали, по Русскому обыкновенію, то есть жарко, топить, то труба, раскалившись, зажгла потолокъ, а оттуда пожаръ распростра-

нился далѣе. Что брандмауеровъ не было, и то какъ упущено, не знаю, ибо по плану положено въ сгорѣвшемъ мѣстѣ 18.

Г. Даль еще изъ Риги не возвратился; но начинающаяся оттепель принудитъ его, думаю, поспѣшить и возвратиться прежде, нежели имѣлъ намѣреніе. По окончаніи мѣсяца не премину доставить вашему сіятельству извѣстіе о нашихъ сборахъ и обращеніи торга.

20 февраля 1787.

12.

(1787).

Доходы здѣшней таможни въ прошедшемъ мѣсяцѣ простирались до 40,975 р. и 16 ф. 56 золотниковъ серебра. Для нынѣшняго времени сей доходъ весьма великъ и необыкновененъ. Но великъ онъ насчетъ будущихъ мѣсяцевъ. Англійскіе купцы, получивъ изъ Лондона извѣстіе, что министерство тамошнее не намѣрено согласиться на трактатъ съ Россіею касательно вооруженнаго нейтралитета и предвидя близкое окончаніе срока, до котораго они по прежнему трактату судимы, вознамѣрилися воспользоваться, елико то возможно, свободою платить пошлину Россійскими деньгами. Ибо купецъ—всегда купецъ, ищущъ своего прибытка; и изъ ста тысячъ одинъ, можетъ быть, найдется, который бы наистрожайше наблюдалъ законы честности, хотя бъ на счетъ своего кармана. По сей причинѣ Англичане объявили въ таможнѣ столько мануфактурныхъ товаровъ, сколько въ наличности имѣли или найти могли, и тѣмъ увеличили доходъ таможенный сего мѣсяца. Они однакоже надѣются, что къ тому времени, какъ корабли приходить начнутъ, трактатъ приведенъ будетъ къ концу. Ревностные же между ними или тѣ, которые думаютъ, что лучше другихъ проницаютъ темноту будущаго времени, дали уже въ Голландію коммиссію о закупкѣ ефимковъ. Если же, паче чаянія, они вздорожаютъ въ Голландіи, то уповательно, что поддѣлывать будутъ въ Бирмингамѣ, гдѣ, какъ извѣстно, всякія монеты поддѣлывать умѣютъ. Чего Англичане за нѣсколько мѣсяцевъ себѣ не воображали, то случилося вчерась: одинъ изъ ихъ націи платилъ уже пошлину ефимками.

Письмо вашего сіятельства, изъ Астрахани писанное, имѣлъ честь получить; приношу мою искреннюю благодарность за милостивое напоминовеніе.

Рѣка у насъ покрыта еще льдомъ, и уповательно, что простоитъ до половины сего мѣсяца, въ разсужденіи продолжающихся довольно крѣпкихъ ночныхъ морозовъ. Въ Ригѣ равномѣрно Двина еще не прошла, развѣ о томъ получатъ извѣстіе на первой почтѣ.

Дѣло о галліотахъ начинаетъ приходить въ движеніе. Купцы второй и третьей гильдіи, у коихъ здѣшній Магистратъ, въ слѣдствіе предписанія Губернскаго Правленія, отымаетъ право содержать галліоты, требовали отъ таможни въ семъ случаѣ защищенія; мы ихъ послали къ графу Брюсу. Надѣяться можно, что онъ безразсудное или пристрастное положеніе Губернскаго Правленія отмѣнитъ.

Письма А. Н. Радищева къ графу А. Р. Воронцову, съ дороги въ Сибирь и изъ Сибири.

13.

Не сомнѣвавшись никогда въ благодѣтельномъ расположеніи вашего сіятельства ко мнѣ, я въ несчастіи моемъ болѣе нежели когда-либо чувствовалъ все пространство вашея ко мнѣ милости. Еслибы возможно было мнѣ развернуть мое сердце, вѣрьте, нелицемѣрною чертою означена бы явилась на немъ начертана благодарность неизреченная. Когда все, казалося, меня оставляло, я ощущалъ, что благодѣтельная твоя рука носилась надо мною. Но мнѣ кажется, что слова мои излишни. Если вамъ извѣстна душа моя, то увѣренія не нужны мнѣ, чтобы изъявить, сколь она исполнена чувствительнѣйшею къ вамъ признательностію и нѣжнѣйшею дружбою. Простите мнѣ сіе выраженіе: оно наизъявительнѣйшее изъ всѣхъ, которыя люди изобрѣли для изображенія наилучшихъ качествъ, сердца привлекающихъ. На дорогу я получилъ 300 рублей исправно и по надписи узналъ, что сіе благодѣяніе, что сія милостыня происходила отъ того, кому я всѣмъ счастіемъ моимъ обязанъ былъ; и она меня не унизила. Теперь я еще получилъ 200 рублей. Дѣти мои также пользовались

твоею щедротою. О, благодѣтельная душа! Скажи, чѣмъ я заслужилъ, чтобы ты меня благодѣяніями преслѣдовалъ? Слеза благодарности сердечныя, вотъ все, что̀ можетъ тебѣ воздать несчастной. Признаюсь, что чувствительно было видѣть на себѣ желѣзы [1]), но разлука съ дѣтьми моими есть для меня томная смерть. Призри ихъ великодушно, не оставь ихъ твоимъ покровительствомъ, не оставь твоимъ совѣтомъ и ту, которая по смерти жены моей имъ служила вмѣсто матери, не отвергни иногда ея прошеніе, и дай ей наставленіе [2]); она для того только страждетъ, что имѣла привязанность къ женѣ моей, къ моимъ дѣтямъ и ко мнѣ. Я исполню въ точности данные мнѣ совѣты въ письмѣ вашемъ къ Григорію Михайловичу [3]); если возможно быть покойну, то я употреблю всѣ мои на то силы. Еслибы была возможность жить мнѣ въ Иркутскѣ, то почелъ бы сіе за отличное благодѣяніе. Я взялъ съ собою нѣсколько книгъ физическихъ и тому подобныхъ и велѣлъ спросить наставленія вашего сіятельства, можно ли ко мнѣ отправить еще, дабы десять лѣтъ я могъ бы сократить ученіемъ и трудолюбіемъ, и исправиться.

14.

Письмо вашего сіятельства чрезъ его превосходительство Алексѣя Андреевича [4]) и сдѣланныя по приказанію вашему для меня вещи и остальныя деньги отъ Ивана Ивановича Панаева [5]) я получилъ. Если въ долговременное мое пребываніе въ командѣ вашего сіятельства извѣстнымъ сдѣлалось вамъ мое сердце, то вы не усумнитеся въ

---

[1]) Отправленнаго на десятилѣтнее житье въ Сибирь Радищева сначала заковали, по излишеству служебнаго усердія; но Екатерина, увѣдомленная о томъ чрезъ посредство графа А. Р. Воронцова, приказала снять съ него кандалы.

[2]) Это была воспитанница Смольнаго монастыря Рубановская, сестра покойной жены Радищева и его вторая жена. Она умерла на обратномъ пути изъ Сибири.

[3]) Осипову, Тверскому намѣстнику.

[4]) Волкова, Пермскаго намѣстника.

[5]) Служившаго въ Казани. Дѣдъ извѣстнаго писателя.

присной и живо существующей въ немъ признательности за всѣ благодѣянія ваши ко мнѣ. Еслибы и на меня еще не простиралися, но коснулися бы только моего несчастнаго семейства, то алтарь въ душѣ моей тебѣ воздвигнутъ будетъ, и восходить непрестанно наичистѣйшая жертва благодарности.

Пенять, ни сѣтовать мнѣ не на кого совершенно, какъ то ваше сіятельство изволите примѣчать справедливо. Я самъ себѣ устроилъ бѣдствіе и стараюсь сносить казнь мою съ терпѣніемъ; но часто оно бываетъ недостаточно. Вооружуся надеждою и разсудкомъ, но какъ скучно вспомнить, что я живу въ разлученіи отъ дѣтей моихъ [1])! Разсудка уже болѣе во мнѣ нѣтъ, и едва надежда не отлетаетъ. Если кто знаетъ, что дѣйствительнымъ блаженствомъ я полагалъ быть съ ними, тотъ можетъ себѣ вообразить, что скорбь моя должна быть безпредѣльна.

Вашему сіятельству угодно знать о моемъ положеніи относительно моего здоровья, то до пріѣзда моего въ Москву, оно гораздо было хуже, нежели казалось. Выѣхавъ изъ Нижняго, я было занемогъ совершенно, но помощію лѣкарства, которымъ я запасся въ Москвѣ, я до пріѣзда моего въ Казань получилъ облегченіе. Наступившая зима и морозы укрѣпили слабое мое тѣлосложеніе, и я теперь, слава Богу, здоровъ.

Касательно до душевнаго моего расположенія, то я солгу, если скажу, что я покоенъ. Душа моя болитъ и сердце страждетъ. Еслибы не блисталъ лучъ надежды, хотя въ отдаленности, еслибы я не находилъ толикое соболѣзнованіе и человѣколюбіе отъ начальства въ проѣздъ мой черезъ разныя губерніи, то признаюсь, что лишился бы, можетъ быть, и совсѣмъ разсудка.

Разумъ мой старался упражняться, сколько возможно, то чтеніемъ, то примѣчаніями и наблюденіями естественности, и иногда удается мнѣ разгонять черноту мыслей. Благопріятство отличное, которымъ я здѣсь пользуюсь, еще болѣе скуку мою разгоняетъ. Увѣренный, что семейство мое будетъ всегда подъ вашею защитою, увѣренный, что и я забытъ вами не буду, если могу только на мѣстѣ

---

[1]) Младшія дѣти Радищева съ теткою поѣхали въ Сибирь позднѣе его.

моего пребыванія найти всегдашнее упражненіе, которое бы занимало не только силы разума, но и тѣла, то надѣяться могу, что, сдѣлавъ къ спокойствію первый шагъ, время, великій цѣлитель всѣхъ человѣческихъ скорбей, совершитъ мое начинаніе, а тѣмъ скорѣе, если могу имѣть утѣшительное удовольствіе видѣть на мѣстѣ моего пребыванія кого-либо изъ моего семейства.

Извините, ваше сіятельство, долготу моего письма. Изливаю скорбь свою предъ сердцемъ чувствительнымъ; душа отъ оной находитъ облегченіе, и тѣмъ величайшее, что бдительное ваше благодѣяніе, призирая меня въ отдаленности, подкрѣпляетъ и малополучное и бѣдственное мое семейство. Богъ вамъ дастъ за благое; молитва моя къ Нему о васъ можетъ единственное отъ меня быть признаніе.

22 октября 1790 г. Пермь.

15.

Нигдѣ толико не находилъ я, съ тѣхъ поръ, какъ оставилъ Петербургъ, какъ здѣсь въ Иркутскѣ, отъ начальниковъ милости, снисхожденія, отъ всѣхъ благопріятства и ласки. Наипаче другихъ отлично пользовался я дружелюбіемъ и одолженіями господина надворнаго совѣтника Ивана Лукьяновича Долгополова, который, надѣюся, податель будетъ сего письма. Я не могу довольно описать, сколько имѣлъ я въ разныхъ здѣсь случаяхъ пособій отъ него и наставленій, и нашелъ въ немъ столь много человѣколюбія и къ одолженію охотливости, что иначе не могу оное приписать, какъ къ добротѣ его качествъ. Я осмѣливаюсь препоручить его въ милости вашего сіятельства и просить о неоставленіи его въ случаѣ его нуждъ. Ко многимъ причинамъ моего милостей вашихъ признанія присовокупите и благосклонное пріятіе Ивана Лукьяновича.

16.

Si je ne suis point une borne, une masse informe, une bûche de bois; si la plus faible étincelle de sensibilité peut émouvoir mes organes, non seulement je dois (et je le suis en effet) être satisfait, content

au delà de toute expression, mais quand je fais l'énumération de tout ce que votre excellence faites pour moi, je ne trouve point d'expression équivalente à vos bontés, si elle le peut être à mon sentiment. Il y a quinze jours que j'ai reçu une bonne pacotille de livres, une caisse remplie de tout ce qui me peut être nécessaire, pour me vêtir de la tête aux pieds, et à présent encore de l'argent! Mais pensez donc que j'ai touché mille roubles à mon arrivée à Irkoutsk. Si j'ajoute à cela que vous avez bien voulu satisfaire à mes impudentes demandes de livres, croyez-vous donc qu'il soit tout à fait impossible de me faire rougir? Je vous assure (faut-il vous le jurer?) que je ne manque de rien; et le commerce de Kiachta une fois en train, nous serons encore bien plus à l'aise. Depuis que j'ai quitté ma maison, j'ai souvent versé des larmes de dépit, de douleur, de rage; ah, combien de motifs et de causes! Celles qui coulent de mes yeux au moment que je vous écris, vous en dirai-je le principe? Non, toutes pleines du sentiment qui les fait couler, qu'elles se versent sur votre coeur généreux! Vous le sentirez: elles partent du fond du mien.

Mes petits enfants ont été transportés à la vue des petits almanachs que votre excellence a daigné leur envoyer. Je ne fais point écrire eux-mêmes leurs remercîments. Si je conduis leur plume, ce sera quelque chose d'apprêté, et l'esprit du maître se verra dans l'écriture de l'enfant; s'ils écrivent tout seuls, leurs expressions ainsi que leurs sensations seront faibles et embrouillés; dans les deux cas ce n'est que de l'ennui, qu'ils pourraient vous apporter. Un jour ils connaîtront celui qui a sauvé leur père du désespoir; leur coeur le leur fera connaître. A présent ils n'en connaissent que le nom; ils sauront alors tout ce qu'ils lui doivent.

A mes occupations ordinaires s'est jointe une souvent douloureuse, mais douce dans son principe, occupation si non agréable, mais chère à mon coeur: je me suis constitué médecin et chirurgien du lieu. Quoiqu'au fond je ne sois qu'un empirique ou un charlatan, mais ma bonne volonté semble en partie pouvoir suppléer au défaut de connaissances nécessaires, et vos bontés m'ont mis en état de satisfaire à mes désirs. La caisse de médecine intacte presque, est à présent souvent visitée; et puisqu' en effet n'existerait pas sans sa cause suffisante, pensez que c'est à vous dans un éloignement de $^1/_7$ de toute la périphérie de la terre, il y aura des êtres, sinon de raison, au moins des êtres sensibles

et souffrants, qui vous devront tantôt un membre, tantôt l'usage de tous, et quelquefois le prolongement des jours, qui seraient d'autant plus heureux, si même au fond des bois ils étaient plus ignorés. Oui, je le dirai, l'étendue des connaissances des peuples policés ont arraché des millions d'hommes au bonheur primitif, au bonheur de la nature, si je puis m'exprimer ainsi, à une vie tranquille et simple. Car le passage forcé d'un état à un autre, quand même meilleur, n'est sensible par son bon côté souvent qu'après des siécles; et souvent aussi le joug imposé par la transmutation d'une condition, pèse encore dans une génération éloignée qui goûte déjà les fruits provenus de cette transmutation. Tant l'homme de la nature se conserve intact dans l'homme en société.

Vivant dans les vastes forêts de la Sibérie, parmi des bêtes fauves et des peuplades, qui souvent n'en diffèrent que par les articulations d'un langage, dont ils ne savent pas même apprécier la valeur, je finirai, je crois, par devenir l'homme heureux de Rousseau et je marcherai à quatre pattes. Ce m-r Rousseau est, à ce qu'il me paraît à présent, un auteur dangereux pour la jeunesse, non dangereux comme on le prend ordinairement, dans ses principes, mais dans ce qu'il est un maître d'exercice très-habile en fait de sensibilité; et cette qualité estimable qui devrait être respectée même dans ses écarts, ne vaut, ma foi, pas souvent les quatre fers d'un cheval, parce qu'elle s'amalgame le plus ordinairement à la vanité, et Rousseau lui-même a été taxé d'être un autre chien de Diogène. Après tout, ce chien de Diogène ne demandait même à un Alexandre, que de passer son chemin, et de le laisser librement jouir des rayons du soleil. Par ma foi, ce chien valait bien mieux qu'un beau tigre moucheté; il ne mordait point.

Après 8 jours d'un froid au delà de 30 degrés, le temps s'est radouci, et diminué par degré. D'abord 25, ensuite 20, puis 18 ou 17; à présent, il gèle la nuit tout au plus 15 à 16 degrés, et vers midi depuis O jusqu'à 6 ou 8. L'air est pur, le ciel sans nuages. Depuis que nous sommes ici, nous n'avons eu que deux jours de neige; mais aussi presque point de vent, ou si peu que rien. Nous sommes ici comme dans une cave, et si nous sommes bien garantis des vents, en revanche, l'air en été doit être très-étouffant; c'est ce que nous verrons. Le printemps et l'été me promettent des récréations très-satisfaisantes. Comme c'est un pays de montagnes, je trouverai ample matière pour faire des

fouilles. J'y ai pris du goût depuis cette première couche d'huîtres, que j'ai trouvées sur le bord de l'Occa. Que je regrette à présent d'avoir en ma jeunesse négligé l'étude des sciences naturelles, surtout la minéralogie et la botanique. Le peu que j'y ai supplée par mes lectures, je le sens, ne me suffit pas. Je suis fâché d'être parti d'Irkoutsk sans avoir vu m-r Lachsmann, qui est très-versé dans cette partie. Au reste, il me semble que je trouverai ici des choses que l'on ignore encore. J'ai voulu mettre même l'hiver à profit, et gravir la montagne attenante à Ilimsk, mais je n'ai pas pu me servir de patins ou лыжи; je suis enfoncé plusieurs fois dans la neige et j'en restai là. A cet égard j'ai encore recours à votre excellence et je prie bien de vouloir m'envoyer par occasion les voyages des académiciens, nommément ceux de Steller et de Gmelin. Je connais ceux des autres et même celui de Gmelin, qui est en russe; mais ceux-là ne sont point traduits de l'original allemand, autant que je sais, ni la Flora Sibirica du dernier.

Ilimsk ne peut pas devenir plus animé par le commerce des Chinois, comme votre excellence semblait le croire. Tout son commerce de pelleteries, et il n'en a point d'autre, se borne à vendre en gros ce qu'il rassemble en détail de la chasse de ses habitants, à 30 ou 40 mille écureuils ou petits gris, de la plus basse espèce. Deux ou trois bourgeois domiciliés ici font ce commerce, et encore l'un d'eux n'est que commissionaire d'un marchand d'Irkoutsk. Au mois de Novembre et à la fin de Mai on vient enlever ici le produit de la chasse. Les marchands qui viennent ici apportent toutes sortes de menues marchandises dont les gens du peuple ont besoin. Les transports des pelleteries dont votre excellence me parle se fait pour Iénisséisk et Moscou, venant de Iakoutsk. Ilimsk est un port, où l'on embarque les marchandises pour les voitures par eau jusqu' à Iénisséisk. On dit qu'au mois d'Août il vient ici presque à la fois 3 à 400 chevaux chargés de pelleteries, et ils restent ici 10 à 15 jours. Ce sera notre temps de foire, notre beau temps, et j'aurai le plaisir d'en envoyer à votre excellence les détails.

Je crois qu'il est temps de finir ma longue kyrielle, mais votre excellence me met si fort à mon aise par votre indulgence à écouter mes balivernes, que je ne puis quitter la plume, sans remplir plusieurs pages; je finirai donc par où j'ai commencé: par me pénétrer de vos bontés, par ne savoir trouver d'expression analogue à mes sentiments,

enfin par me taire tout uniment, en maudissant de tout mon coeur mon étourderie, qui me confine en la société des ours, des élans et autres bêtes fauves, qui m'a privé du commerce des miens, et de l'homme pour qui je porte un respect réfléchi, une estime sentie, un attachement de l'âme, étourderie... qui... le reste ne vaut pas l'honneur d'être nomme. Toutefois croyez, soit gaîment ou tristement, soit sérieusement ou en badinant, mon sentiment est le même, toujours le même, invariable. Si nos sentiments moraux pouvaient se graver en traits physiques et déchiffrables, à ma mort en me disséquant on trouverait votre image empreinte dans mon coeur: mon sang se ranimerait encore un instant, et je vous assure, avec raison.

Le 17 Février 1792. Ilimsk.

17.

Monsieur. Depuis la dernière lettre que j'ai eu l'honneur d'écrire à votre excellence, j'ai reçu deux des siennes, qui quoique écrites à quinze jours l'une de l'autre, sont parvenues presque en même temps, puisque la dernière en date est venue par le courrier. Outre le plaisir qu'elles me causent toujours de les recevoir, il l'est d'autant plus grand que vous vous portez bien, et que votre santé n'a pas été altérée par la mort de votre soeur, surtout par la douleur de l'avoir vu mourir [1]). Je connais votre coeur sensible, et ce qu'il vous en aura coûté. Vous raisonnez fort bien, quand vous dites qu'il faut se faire une raison sur ces choses-là; mais quand celui qui nous quitte, et pour toujours, nous tenait de bien près, vous l'avez senti, malgré tous les efforts que l'on fait pour se posséder, malgré l'empire que la raison veut exercer sur nos affections, nous sentons, malgré le pouvoir qu'elle voudrait s'arroger en s'affublant de tous les motifs possibles, nous sentons, hélas, que nous sommes des hommes. Et pourquoi ne pas rendre un tribut légitime de larmes quand nous sentons que notre coeur est oppressé; pourquoi vouloir devenir insensible? Loin de moi cette fermeté de roche, cette stupeur de l'âme, pour ainsi dire, qui en dénaturant la faculté de coeur la plus admirable, si elle n'est pas la plus admirée, veut y enraciner l'impassibilité. Celui

---

[1]) Говорится о кончинѣ Елисаветы Романовны Полянской.

qui n'a jamais senti une larme humecter le bord de sa paupière, est pres d'être atroce, il est dur. (Voilà par parenthèse, ce que l'on peut dire des personnes qui n'aiment pas les tragédies). Je me représente comment, assis auprès du lit de la douleur, vous cherchiez à consoler et celle qui se sentait mourir pour alléger ses souffrances, et ceux qui restaient après elle et la larme du coeur s'ouvrait un passage dans vos yeux. Je vous révère, monsieur, non seulement comme mon bienfaiteur, mais d'un sentiment plus grand, comme un homme qui me fait aimer la vie; mais toutes les fois que je vous ai vu payer le tribut à la sensibilité, je vous respectais, non d'un respect vulgaire, mais d'un respect de l'âme.

J'ai reçu les deux paquets, renfermant une lunette d'approche, un portefeuille et une aiguille aimantée. Agréez en mes remercîments. Ce présent m'est d'autant plus cher, qu'il m'est un garant de votre bienveillance pour moi, et une marque que votre excellence veut bien s'occuper d'un homme qui lui fut toujours attaché.

Dans une de vos dernières lettres, votre excellence me reproche que j'ai écrit rarement d'Irkoutsk. Cela peut-être bien vrai; mais il n'a pas dépendu de moi d'écrire plus souvent, à moins de me servir directement de la poste, ce que je n'ai pas cru prudent de faire à Irkoutsk.

Depuis que je suis ici, hier il y a eu trois mois, j'ai eu trois exprès; j'ai donc écrit trois fois; et outre cela il s'est présenté d'autres occasions sûres, j'en ai profité encore autant de fois; mais vis-à-vis de votre excellence je n'ai aucune excuse. Vous écrire est un devoir, et il m'est sacré; et croyez aussi que c'est un plaisir réel et un relâchement à la douleur.

La paix avec les Turcs est un événement dont certainement tout le monde doit se réjouir, et les gens de la campagne surtout. Ils en ont grande raison, car ils ne sentent jamais que les mauvais effets de la guerre. Les bornes de l'empire sont encore reculés. Carthage a éte détruite à la troisième guerre punique; nous avons eu deux guerres avec les Turcs, à la troisième qui commencera d'aujourd'hui à demain, on verra les Russes devant les murs de Constantinople, et c'est peut-être après 1000 ans (à compter depuis le premier siège des Russes de cette ville), qu'il est dit que cette capitale de l'empire de l'Orient doit tomber au pouvoir des descendants des Slavons. Je ne me mêle pas au reste de faire le prophète, mais c'est ce ministre français à Constantinople, qui

a décidé la guerre qui a fini par la paix de Kainardgi, qui a prédit la gloire des Russes et l'abaissement du croissant. Quant à moi je m'en tiens toujours à ce que Necker dit de la guerre; et quoique la mode pour ses écrits soit passée, ainsi que pour sa personne, il ne laisse pas d'avoir dit vrai.

Grâce aux bontés de votre excellence, je jouis ici d'une vie tranquille. Je ne puis assez me louer de la manière d'agir à mon égard des chefs d'ici, surtout de celle du gouverneur-général. Je puis encore dire que je vis, et si je mets dans la balance les moments de douleur et de plaisir, celui-ci l'emporte certainement. Ah! sans vous...

Depuis deux jours il fait ici un temps bien chaud, il dégèle fortement; le thermomètre était hier à midi à 11 degrés au dessus de O. Mais on s'attend encore à des gélées assez fortes. Le vent n'a qu'à changer, et voilà encore l'hiver. C'est aujourd'hui le premier jour de Pâques. A chaque occasion pareille, ma coutume est de prier Dieu de vous donner de la santé et l'accomplissement de vos désirs; une felicitation serait aussi une chose d'usage, mais je sais que votre excellence ne les aime pas; c'est assez trivial. Toutefois permettez moi d'user de l'antique et cordiale félicitation que nos bons aïeux se faisaient à la fête de Pâques. Ils s'embrassaient. Et moi, je le fais du fond de mon âme.

Le 4 Avril 1792. Ilimsk.

18.

La promenade ici n'est guère variée. Point de prairie, ou de bien étroites le long de la rivière. Un bois malpropre et triste. Tous les arbres à aiguilles: des pins, des sapins, des laryx etc.; rien de ce qui pourrait être horrible, et qui cachant ce qui pourrait paraître effrayant, sous un caractère de grandeur, pourrait encore plaire. Il a fallu que pour trouver quelques endroits, où la mémoire des antiques catastrophes de la nature se trouva empreinte, il a fallu que je grimpe des montagnes d'une $^1/_2$ verste de hauteur perpendiculaire, que je m'enfonce dans l'epaisseur des bois, et encore ce que j'ai pu voir ne dédommageait point la peine qu'on se donnait. Rien d'approchant de loin ce qu'on écrit des Alpes ou des Pyrénées. Mais j'avouerai que je m'y suis arrêté

pendant quelques heures à examiner des plantes. Ce plaisir est pour moi tout à fait nouveau; à peine sais-je encore la manière de classifier, que je me crois presque un Linné, dont, à ma honte, je dois le dire, je ne connais que le nom; autant dirai-je de mes occupations minéralogiques. Ce qu'il y a de sûr, c'est que les rochers calcaires des environs d'Ilimsk recèlent dans leurs crevasses du salpêtre, le plus souvent en poudre, et quelque fois en d'assez jolies aiguilles. J'irai bientôt voir une mine de fer, d'un très-pauvre contenu. Mais ce que je ne puis croire encore, c'est qu'on m'a assuré qu'il y après d'ici une mine d'argent. Suivant le récit qu'on m'en a fait, cela pourrait être une mine de plomb, qui contient de l'argent. Mais plutôt c'est une couche de pyrites ou de marcassites, sur une montagne assez élevée et qui jette de l'éclat étant éclairée par les rayons du soleil. On en fait ici un mystère, et les pauvres paysans craignent le voisinage des richesses comme le feu, et non pas sans raison.

Le temps est ici très-variable. Nous avons déjà eu 25 degrés de chaleur, et avant-hier la nuit, l'eau dans certains enfoncements a gelé d'un $^1/_2$ pouce d'épaisseur, de sorte que nous n'avons presque point d'herbe, et les feuilles des arbres ne sont qu'à leur naissance. Les insectes, et surtout le culex reptans des naturalistes ou la мошка dans le langage ordinaire ne paraissent pas encore, et permettent de se promener. Surtout ce dernier est ici si abondant qu'Ilimsk n'est célèbre en Sibérie que par son culex.

Le 24 Mai 1792. Ilimsk.

19.

Je remercie infiniment votre excellence que vous voulez bien satisfaire à mes demandes de livres; je viens de recevoir la description de Pétersbourg de Georgi. J'aime mieux cet auteur que Hermann, avec sa description de la Russie. Quoique l'une et l'autre ne soient que des compilations, au moins Georgi remplit-il mieux son cadre, et s'il ne se permet point de raisonnement, du moins s'interdit-il le moindre qui puisse être, évite les jugements tronqués, et raconte les choses comme un homme qui n'aurait que des yeux et des oreilles. Mais Hermann reste bien au-dessous de la chose qu'il traite, il veut

tirer des conséquences, et ses résultats ne sont pas toujours heureux; il voudrait se permettre un raisonnement et il n'ose: on sent le fourbe, et le flatteur se dévoile. Ses mémoires sont souvent faux, du moins pour le temps présent; il a inséré par exemple sur les fabriques et manufactures des listes du Collège de Manufacture. Si je ne craignais d'ennuyer votre excellence, je pourrais faire bien des citations de son livre, qui feraient voir, combien il avait de démangeaison de faire un livre. Et puis, que penser de ce raisonnement? En parlant de la liberté accordée à tout le monde d'avoir des imprimeries et des livres, il dit: sans doute le dessein de la sage Souveraine était en donnant de l'extension à cet art (imprimerie) d'enflammer l'amour pour les sciences; mais... il finit son article par ce mais, et croit faire du sublime en réticence, tandis qu'il ne dit qu'une injure. On doit pourtant lui rendre justice qu'il entend mieux son affaire quand il parle d'histoire naturelle. Et encore, je soupçonne un peu, que l'art de classifier les objets est réputé un grand art parmi la moyenne classe des naturalistes allemands. Cependant je serais encore importun à votre excellence et la prierai de m'envoyer par occasion la description des montagnes de l'Oural (Mineralogische Beschreibung des Uralischen Erzgebirges), de même que ceux de l'inspecteur de l'école des mines Renowanz, des montagnes Altay et ceux de la Finlande (Mineralogische Beschreibung des Altaischen Ertzgebirges, und Abhandlung vom Finischen Gebirge). Je crois avoir déjà prié votre excellence les voyages en allemand de Falk et de Güldenstät.

Le climat d'ici est rude. Le 12 de ce mois il a gelé $27^1/_2$ degrés, jusqu'au 16 et a toujours gelé au-delà de 20 degrés, c'est à dire la nuit et la matinée, vers midi il n'y avait que 6, 9 et 11 degrés. Depuis ce emps il y a eu du dégel, mais depuis le 20 il gèle encore au-delà de 10 degrés. Un temps aussi rude est cause, que la chasse de l'écureuil est très-mauvaise; et comme le foin manque ici dans la plupart des hameaux, le bétail périt faute de nourriture. Ces deux causes combinées feront grand tort aux habitants d'ici qui ne s'adonnent point du tout ou ort peu à l'agriculture. Je compte l'été qui vient m'y adonner aussi; j'ai affermé de soi-disantes prairies et je compte aussi faire quelques semailles. Il me paraît que l'habitude de la chasse, donnant aux peuples d'ici une subsistance facile, sinon aisée, les détourne de l'application à

l'agriculture. S'ils trouvaient un terrain uni, ils n'auraient pas manqué de le mettre à profit; mais il faut le défricher, il faut le dégarnir des arbres, et cela est pénible. S'ils voulaient le faire, ils tireraient beaucoup de profit du terrain qui n'est montueux que vers les bords des rivières; après l'avoir gravi, le terrain est uni et serait propre pour le labourage. Je puis déjà en parler un peu d'après moi-même. Pendant le dégel j'ai fait quelques petites excursions dans les bois, autant du moins qu'il y a eu du chemin devant moi. J'y ai trouvé un terrain plat, quoique le fond soit un rocher.

Je continue à faire un peu l'esculape, et l'été qui vient je me mettrai à herboriser. J'y serai bien novice, et je prie bien votre excellence de vouloir m'aider en ce cas de quelque bon livre de botanique en quelque langue que cela soit; de même que de la minéralogie de Brûning, ouvrage allemand, dont Georgi a été l'éditeur et l'a enrichi de notes.

Ilimsk, le 24 Mai 1792.

20.

L'avancement de mon frère, que vous avez la bonté de m'annoncer, et auquel vous aurez certainement contribué, me fait d'autant plus de plaisir, que je vois par ses lettres qu'il est décidé à quitter sa place, vu que le vice-gouverneur lui en veut. Hé! Quelle cause, les faveurs d'une femme gagnées ou perdues, je ne le sais pas trop bien. Il est bien de l'homme de se haïr cordialement pour une femme (les animaux ne s'entre-déchirent-ils pas pour une femelle?); mais mêler les affaires du gouvernement dans une intrigue, c'est ce qui ne devrait pas être. Il est vrai qu'il n'appartient pas à chacun de s'isoler, pour ainsi dire, de soi-même, toutes les fois qu'il s'agit d'affaires. Quant à mon frère, je réitérerai à votre excellence ma prière de l'année passée de lui procurer quelque place à Pétersbourg, si mes enfants doivent y aller. Toutefois dans tout ceci je m'en rapporte à vos bontés. Elles ont été inaltérables à mon égard; je n'ai jamais eu besoin de les provoquer par mes prières. Du reste, mes prières ne s'étendent qu'au possible.

Votre excellence a raison de dire que notre contrée doit être abondante en mines. On a fait dans nos environs différentes tentatives pour

les exploiter, mais elles n'ont point réussi, vu la pauvreté des mines et la cherté de la main d'oeuvre. C'étaient des mines de cuivre. Avant l'ouverture du gouvernement, on a, dit-on, envoyé ici des experts pour essayer des mines d'argent; mais soit qu'ils les aient trouvées pauvres ou peu abondantes, soit, comme quelques gens d'ici le prétendent, que les paysans engagèrent à taire la vérité, la chose en resta là, et j'ai déjà eu l'honneur d'écrire à votre excellence que sur ce point les habitants qui en sont proches et qui les connaissent, observent un profond silence, et mes recherches ont été infructueuses. J'espère pourtant de réitérer la tentative, et à l'aide de mon fourneau je n'aurai pas besoin de m'en rapporter sur l'essai à faire à personne, pourvu que je puisse avoir quelques morceaux de la mine. En attendant que je puisse faire quelque chose de mieux, je fais des essais sur le sluda et les argiles. Ainsi, à l'aide d'une occupation suivie, je brave l'ennui, cet ennemi cruel de la vie heureuse. Mais j'avoue que je ne suis pas assez Hercule pour en faire autant de l'éloignement où je vis, et du chagrin de voir des goîtres aux cols de mes enfants. Il est vrai que je fais l'esculape, et m-e la gouverneur-générale a eu la bonté de nous envoyer des médecines, qui ont fait effet à Irkoutsk; mais autant que je m'y entends, ce ne sont que des palliatifs. Oui, je le pressens, et resserant mon coeur d'avance, je leur dis: Adieu! Eh, faut-il qu'ils portent la peine de ma condamnation! Non, et quoiqu'on en ait dit, je ne me sens pas égoïste. Je m'en console aussi d'avance, autant qu'une chétive philosophie peut y fournir de moyens, je m'en console, dis-je, comme jadis Pangloss, d'heureuse mémoire, par un: tant mieux. Et réellement, ne sera-ce point un tant mieux; car si d'un côté les enfants gagnent à être sous les yeux des parents, la tendresse de ceux-là ne permet point qu'ils apprennent à souffrir.

Je vois avec un plaisir infini que votre excellence se plaît à la campagne, mais ce que je ne puis endurer, c'est que votre santé ne se rétablit point. Dès que l'astre qui donne la vie paraît sur l'horizon, alors élevant le coeur vers la source de l'Être Éternel, c'est notre hymne: ô Tout-Puissant, fais le vivre, mais qu'il vive en santé!

Moi et ma soeur.

Ilimsk, le 7 Décembre 1793.

21.

Monsieur. Quoique revenu un peu de l'étourdissement où m'a jeté la dernière lettre de votre excellence, je ne puis pas me faire à l'idée de ne plus revoir mes enfants. L'espérance, cette compagne consolatrice de l'homme en général, et surtout de l'homme malheureux, surnage sur toutes les difficultés, et me berce encore de ses illusions. Vous direz que je suis fou... Eh, oui! Tel qu'un aliéné, je cours après mon idée favorite, je m'en rassasie, elle m'enivre, et comme les buveurs d'opium je goûte en extase le bonheur enfanté par les fantômes de mon imagination; mais revenu à moi je me sens, à leur instar, fatigué de mon délire, rejeté bien plus bas, que d'où je suis parti, sentant plus que jamais le poids du malheur. C'est folie, je l'avoue, mais peut-on m'en vouloir?

J'en étais là avec ma lettre que je voulais envoyer par mon domestique jusqu'à Irkoutsk, quand je reçus de la part de mr. le gouverneur deux de votre excellence, écrites de Moscou. Ah, quel plaisir n'ai-je pas senti en les lisant! Croyez ou ne le croyez pas, mes larmes coulent encore, en vous traçant la réponse.

Au sujet des juges de notre district, je me réserve d'en parler une autre fois à votre excellence; ce que je puis dire pour le moment d'à présent, c'est qu'il n'y a point de milieu quand on a affaire avec le rebut de la société. C'est le plus vil intérêt qui fait agir les gens d'une trempe pareille. Il n'y a que l'épée de Damoclès (si je puis me servir de cette comparaison) qui peut les tenir en respect. Retirez votre main protectrice, je serai bien loin d'être comme je suis, malgré que l'ordre généreux qui m'a ôté les fers à Nowgorod, défende de me traiter avec rigueur. Cependant depuis le voyage de ma soeur à Irkoutsk, on nous laisse plus tranquilles. Une autre fois, un peu plus de détails.

Mr. Lachsmann, votre excellence doit le savoir, est mort. Je le regrette plus qu'un autre, peut-être, et quoique mes regrets ne soient point désintéressés, je puis dire réellement que sa mort m'afflige. C'était une trouvaille pour moi, surtout dans ces contrées, que d'avoir un commerce de lettres avec un homme à qui la réflexion a débrouillé les idées. Amateur et profondément versé dans l'histoire naturelle, je l'aurais attiré dans notre coin; eh! quel profit pour moi, et surtout

pour mon fils qui paraît avoir beaucoup de goût pour cette science; faute de secours, mon fils et moi, restons souvent courts dans nos études, surtout en botanique, dont je n'ai qu'une connaissance la plus superficielle.

La mort de Schélékhoff m'a aussi affligé, je puis le dire. Je ne juge point de ses qualités morales; mais je puis dire que c'était un homme serviable. En général j'ai été assez heureux dans mes liaisons en Sibérie, excepté les malotrus de la contrée que j'habite.

Mes enfants m'écrivent que votre excellence leur conseille de quitter le service des gardes. Je ne connais point vos intentions à cet égard, mais elles ne peuvent qu'être bonnes, et vos conseils sont pour nous des lois. Toutefois vous le savez qu'il serait bien plus profitable de devenir officier aux gardes, si l'on est tout près, et de sortir après, quand bon semblerait. Je juge sur les anciens rapports. Vous êtes le maître de disposer, car tout ce que vous ferez sera pour le mieux.

Le 9 Juin 1796. Ilimsk.

22.

Monsieur. J'ai bien des grâces à rendre à votre excellence pour votre lettre du 17 Décembre que j'ai eu l'honneur de recevoir par mon domestique; vous avez bien voulu acquiescer à ma prière et envoyer de l'argent à mes enfants, et quoiqu'ils soient partis de Kiew, sans attendre ma réponse, ma reconnaissance pour vos bontés n'en est pas moindre.

Pendant que j'adressais ma prière à votre excellence à leur sujet, ayant reçu leurs passeports, ils se mettaient déjà en route avec des извощикъ et leurs propres chevaux et sont venus chez moi la veille du jour de l'an.

Par des lettres que j'ai reçues hier de Pétersbourg, on me fait espérer que je pourrais aller voir mon père. Quelle satisfaction pour moi, si elle était illimitée, et qu'à cette occasion, je pouvais avoir le bonheur, oui le bonheur de vous voir!

Le 9 Janvier 1798. Нѣмцово [1]).

---

[1]) Подъ Мало-Ярославцемъ, неподалеку отъ имѣнія княгини Дашковой, села Троицкаго. Радищеву позволено было выѣхать изъ Си-

23.

La réponse à la lettre que j'ai adressée àl'Empereur n'a pas tardé, et j'ai reçu la permission d'aller chez mon père une seule fois. Par la copie de la lettre du procureur-général écrite à ce sujet, que je joins ici, votre excellence verra, que mon itinéraire n'est pas déterminé, comme l'était celui que j'ai fait en revenant d'Irkoutsk, et je crois, que je ne ferai point une faute, si je passe par Moscou, qui est notre route ordinaire. S'il y a un autre chemin pour aller d'ici à Saratoff, il n'est certainement pas le plus court. Je pourrais donc avoir la satisfaction si douce pour mon âme de voir celui qui m'a procuré des jours heureux au sein de l'infortune. C'est pour accélérer mon départ que j'ai envoyé mon fils à Moscou, le rendant porteur de ma lettre à votre excellence.

En allant chez mon père par le traînage, je compte y passer l'été et revenir au commencement de l'hiver prochain. Dans l'attente du moment qui me permettra de me présenter chez votre excellence, je vous présente le porteur de celle-ci. Veuillez bien l'accueillir comme l'enfant de celui qui ne cesse de vous bénir.

Ce de Janvier 1798. Nemtzowo.

24.

(Изъ Саратовской деревни).

Monsieur. Je profite d'une occasion sûre pour écrire à votre excellence. Jusqu'à présent il ne s'en est point présenté du tout, et j'ai tant de fois expérimenté l'infidélité de la poste, qu'elle m'a tout à fait dégoûté; d'ailleurs vos ordres à ce sujet sont précis. Que prétend-on après tout en ouvrant mes lettres? Jamais elles n'ont contenu la moindre des choses qui pût choquer; elles n'en contiendront jamais.

Je passe ici assez mal mon temps quant à ma santé. Depuis que je suis ici, j'ai ressenti des attaques de maladies qui m'étaient inconnues jusqu'à présent. Je sens que j'ai bien vieilli depuis mon retour. Cependant j'engraisse, et ma veste m'en avertit chaque jour. Du reste je suis ici à rien faire, si ce n'est à lire quelques songes creux des tra-

---

бири въ это имѣніе его; но сначала онъ не имѣлъ права изъ него отлучаться, и лишь при Александрѣ Павловичѣ получилъ полную свободу.

vaux de la Société Oeconomique de St.-Pétersbourg. La plus importante lecture a été le Messie Klopstok, et l'Enéide en latin; et celle-ci m'a réellement donné de la satisfaction, puisque depuis l'école je n'y avais pas mis le nez.

J'ai reçu il y a quelques jours une lettre de m-r Nagel datée du 28 Avril (non en réponse de la lettre que je lui ai écrite d'ici, mais en réponse d'une lettre écrite vers la fin de l'année passée), par laquelle il m'annonce qu'il partira d'Irkoutsk vers la fin du mois de Mai et qu'il a laissé mes livres à Irkoutsk chez le délégué du commissariat; il me dit de lui écrire à son passage à Kazan, ce que j'ai fait. Je ne compte partir d'ici qu'au commencement de l'hiver prochain à moins que quelque chose ne m'y oblige, et alors ayant dit adieu à mes vieux parents, probablement pour la dernière fois, j'aurais avant d'arriver chez moi (si vous le permettez) le plaisir et la satisfaction de vous voir peut-être aussi pour la dernière fois.

Je rends infiniment grâce à votre excellence pour les journaux que vous avez eu la bonté de m'envoyer. De toutes les feuilles périodiques, soit en français, soit en allemand, qui depuis dix ans me sont tombées entre les mains, pas une n'est écrite avec un style aussi concis, aussi nerveux, aussi approprié à la chose, que celle du Mercure de Londres. Si on pouvait ne le pas soupçonner d'être à gage du ministre anglais, il pourrait, malgré qu'il ne soit qu'un folliculaire, trouver une place honorable parmi les historiens du temps. Et si cette complaisance trop marquée pour le gouvernement anglais empêche la postérité de le nommer un autre Tacite, comme quelques louangeurs hâtifs l'ont décoré, du moins il sera digne de ce surnom, quant à ce qu'il dit avec beaucoup de raison de l'hydre pentacephale et omnihostile du gouvernement français.

Nous avons eu jusqu'à présent un temps assez froid, et comme tout l'hiver a été sans dégel, cela a causé une grande cherté dans les fourrages. On vendait une charrette de paille de printemps 150 et un poud de foin à 30 copecks. La cherté a diminué avec la neige.

25.

Monsieur. Dans toutes mes détresses, dans toutes mes sollicitudes, c'est à vous que j'ai toujours eu recours. Vous n'avez jamais refusé de

me faire du bien, me refuserez vous à présent? Me taxerez vous de mendier? Je ne le crois pas. Si j'avais affaire à un autre qu'à vous, ma langue aurait été paralysée, plutôt que de proférer une parole, que de dire: secourez moi de trois cents roubles.

Votre excellence pourra croire qu'ayant une campagne je m'arrange mal dans mon ménage; mais mon cas n'est pas tel. Mon revenu ne consiste qu'en..... [1]) dont 560 sont annuellement payés à la banque. Ma maison de Pétersbourg n'est pas encore vendue (au départ de mon frère j'ai fait partir mon fils aîné pour m'en défaire à quelque prix que cela soit, puisque son loyer ne suffit pas pour les charges). Je n'ai pas pu obtenir les dix mille roubles, qui me reviennent après la mort de mon amie, pas même une sûreté, par dessus tout une grande famille,— ah, malgré toute la sérénité de l'âme, qu'un peu de philosophie nous peut départir; malgré le souvenir d'une vie, dont toutes les vicissitudes ne peuvent se rapporter qu'à plus ou moins d'imprudence, dont les fautes n'étaient qu'une suite d'une sensibilité exaltée, l'homme paie toujours un tribut à l'humanité faible, et criblée par la douleur, et le parfait stoïcisme est une chimère, ou tout au plus un orgueil philosophique. Sans cela Empédocle ne se serait pas jeté dans l'Etna, Diogène aurait quitté son tonneau, Marc Aurèle... ne bâtirait pas un temple à Antinoüs, et Rousseau n'écrirait pas de musique. Ne me refusez pas ma prière; ah, monsieur, ne me faites pas rougir!

Le 17 Avril 1799.

C'est mon séjour de Tambow et la maladie de mon fils qui m'ont si fort mis en arrière dans mes finances.

26.

Милостивый мой государь, графъ Александръ Романовичъ.

Препровождаю къ вашему сіятельству нѣкоторыя примѣчанія, которыя угодно вамъ было приказать мнѣ написать; надѣяся на ваше снисхожденіе, я все писалъ, что̀ мнѣ въ голову придти могло, и отъ пространства моего маранья произошло, что я умедлилъ сіе доставить къ вашему сіятельству, въ чемъ покорнѣйше прошу меня извинить,

---

[1]) Въ подлинникѣ прорвано.

поставя сію непоспѣшность на счетъ природной медленности разума, нежели на счетъ лѣности. Счастливъ буду, если ваше сіятельство удостоите приложенное при семъ прочтенія, а еще болѣе, если найдется въ немъ что-либо хотя видъ полезнаго имѣющее. Съ глубочайшимъ почтеніемъ имѣю честь быть вашего сіятельства, милостиваго моего государя, покорнѣйшій слуга

А. Радищевъ.

Письмо безъ означенія времени.

27.

Милостивый мой государь, графъ Александръ Романовичъ.

Всякая моя строка къ вашему сіятельству не долженствовала бы заключать въ себѣ ничего иного, какъ изъявленіе чувствительнѣйшей благодарности. Съ полученія милостиваго въ Новѣгородѣ указа, снявшаго съ меня оковы, благодѣянія ваши не престаютъ мнѣ преслѣдовать, и если бы не несносная сердцу моему печаль разлученія моего отъ дѣтей моихъ не была толико отяготительна, то вѣрьте, что опричь сего мнѣ кажется, что я нахожусь въ обыкновенномъ какомъ-либо путешествіи. Вотъ чѣмъ я обязанъ вашему сіятельству. Сердце чувствуетъ таковое благодѣяніе во всемъ его пространствѣ. Простите, если рѣчь моя не обильна на изъявленіе моего чувствованія. Въ доказательство, что снисходительное обхожденіе начальниковъ губерній, чрезъ которыя я проѣзжалъ, имѣло благое дѣйствіе на мою душу, я скажу вашему сіятельству, что разумъ мой можетъ иногда заниматься упражненіемъ. Когда я стою на ночлегѣ, то могу читать; когда ѣду, стараюсь замѣчать положеніе долинъ, буераковъ, горъ, рѣкъ; учусь въ самомъ дѣлѣ тому, что̀ иногда читалъ о исторіи земли; песокъ, глина, камень, все привлекаетъ мое вниманіе. Не повѣрите, можетъ быть, что я, съ восхищеніемъ, переѣхавъ Оку, вскарабкался на крутую гору и увидѣлъ въ разсѣлинахъ оной слѣды морскихъ раковинъ! Не почтите, ваше сіятельство, сіе какимъ-либо хвастовствомъ; я выхватить стараюся, по часту безплодно, изъ челюстей скорби спокойную хотя минуту, и если не могу утѣшаться чѣмъ-либо существеннымъ, то стараюся заняться бездѣлкою.

Но что можетъ разсудокъ надъ чувствованіемъ? Я по себѣ теперь вижу, что разумъ идетъ чувствованіямъ въ слѣдъ, или нечто иное

есть, какъ они: по системѣ Гельвеціевой, вертится онъ около одной мысли, и все мое умствованіе, вся философія исчезаютъ, когда воспоминаю о моихъ дѣтяхъ. Призрите ихъ, милостивый государь; если милости ваши обращалися и нынѣ еще не престаютъ изливаться на несчастнаго ихъ отца, не лишите ихъ таковыхъ же, наставьте, накажите. Я чувствую, что, лишась своего отца, они лишаются и многаго чего, о чемъ бы и мыслить я не могъ. Избавьте ихъ худого примѣра, который на будущее ихъ житье можетъ дурное имѣть дѣйствіе. Большія мои дѣти, если ваше сіятельство изволите ихъ вопросить наединѣ, могутъ уже сказать, что сообщество съ братомъ моимъ Петромъ Николичемъ для нихъ вредно. Я предъ чувствительною душою изливаю мою печаль и для того не убоялся. Еще возобновивъ мою просьбу къ вашему сіятельству о неоставленіи той, которая заступаетъ при моихъ дѣтяхъ мѣсто матери[1]), имѣю честь быть съ истиннымъ и глубочайшимъ почтеніемъ и чувствительнѣйшею благодарностью вашего сіятельства, милостиваго государя моего, покорнѣйшій слуга

Александръ Радищевъ.

Нижній,

Октября 20 1790 года.

Permettez que je fasse une prière impudente, c'est si votre excellence voudra bien de me faire tenir un thermomêtre et un baromêtre à mercure, l'un pour faire des observations météorologiques, l'autre pour mesurer les hauteurs. On prétend que le terrain d'Irkoutsk est si élevé, que la colonne d'air ne pesant plus sur un baromêtre ordinaire, il ne ferait plus ses fonctions. Il serait intéressant de savoir pour moi, à quelle hauteur baromètre est le niveau du golfe de Finlande. Je me paîe peut-être de chimères sur mon train de vie futur; que sais-je à quoi je serai réduit!

---

[1]) Воспитанницы Смольнаго монастыря дѣвицы Елизаветы Васильевны Рубановской, которая была родная сестра покойной жены Радищева.

28.

Милостивый мой государь, графъ Александръ Романовичъ.

Исполняя приказаніе Ивана Алферьевича [1]), чтобы чрезъ него доставить къ вашему сіятельству о мнѣ увѣдомленіе, а болѣе слѣдуя чувствованію моего сердца, я съ охотою и сей продолжительный путь для моего письма употребилъ въ пользу. Изъ Иркутска, при письмѣ его превосходительства, я получилъ семь пакетовъ съ письмами и газетами. Опричь того, что̀ ваше сіятельство сдѣлали, дѣлаете и знаю, что̀ сдѣлать намѣрены для облегченія моего горестнаго жребія, я виноватымъ себя почитаю и тѣмъ, что рѣдко писалъ къ вашему сіятельству; но если вѣрите, что искра признательности живетъ въ моей душѣ, что чувствительность сердцу моему свойственна, то сіе приписать можете къ тому, что я имѣлъ въ томъ опасеніе, нежели нежеланіе. Кому, кому лучше желалъ бы я открывать мою душу, кому отдавать на разсмотрѣніе мысли и дѣянія, какъ кто и самъ чувствуетъ, и мыслитъ здраво, и живетъ добродѣтельно? Вашему сіятельству, думаю, что еслибы я льстивъ былъ, то мало бы въ томъ вамъ было нужды, а ласкаюсь, что вы меня знали нелживымъ и нельстецомъ. Но говаривалъ я прежде, говорю и нынѣ, что худо могъ бы ладить съ другими начальниками; но вамъ свойственно было прощать и снисходить на странности моея головы и быть къ онымъ терпѣливу; я то всегда чувствовалъ, а теперь попрошу въ томъ прощенія у васъ. Чего же я себѣ не прощу, то что я попалъ въ бѣду, въ которую бы себя не ввергнулъ, еслибы въ семъ случаѣ не потаилъ отъ васъ моего безразсудства. Я не стыжусь въ томъ признаться, а самому предъ собою стыдно.

Я словъ довольно не имѣю, чтобъ вашему сіятельству возблагодарить за все; но съ чувствованіемъ сердечнымъ есмь и буду истинно и съ глубочайшимъ почтеніемъ вашего сіятельства, милостиваго государя моего, покорнѣйшій слуга Александръ Радищевъ.

Марта 1-го 1791.

Тобольскъ.

---

[1]) И. А. Пиль, генералъ-губернаторъ Иркутскій и Колыванскій.

29.

Чужою рукою карандашомъ: «въ печку».

Monsieur. Depuis quelques jours mon cœur criblé, pour ainsi dire, de douleur semble se dilater et se rouvrir à la joie; mon esprit inactif paraît pouvoir encore reprendre un peu de vigueur. Ma bonne amie, ma sœur, est arrivée ici le 2 de ce mois avec mes deux petits enfans, accompagnés de mon frère. Il était donc dit, qu'emmené par un concours de circonstances inexplicables presque à moi-même jusqu'au bord du précipice, que dis-je au bord, abimé dans un gouffre d'autant plus affreux qu'il me menaçait d'une extinction du sentiment, je me trouve tout d'un coup surnageant sur l'abime et capable encore d'approcher de l'idole commun à tous les individus du genre humain, du bonheur, que chacun revêt des formes, que son imagination se plaît à parer de fleurs ou entourer de poignards ou de breuvages mortels. Capable de bonheur? Oui, monsieur, je le suis. Avec d'autant moins d'ambition que, plus avide de gloire, avec une âme accoutumée à ne s'émouvoir qu' à l'approche des objets qui n'effarouchent pas le sentiment, inconnu à l'univers, avec des êtres qui me sont chers, je puis vivre content. Oui, vivre; oui, je vivrai encore, et je ne végéterai pas. Un changement si subit dans mon être, une nouvelle vie, pour ainsi dire, du bonheur, et à qui le dois-je? Uniquement à Votre Excellence. Vous vous êtes plu à accabler de bienfaits un homme dont tout le mérite n'a éte que de devenir malheureux par une étourderie impardonnable à son âge. Que vous dirai-je? Quelle reconnaissance attendez vous? S'il ne faut que vous aimer... vous adorer est encore trop peu... Une larme devant votre portrait que je reçois des mains de ma bonne amie... Sentez la, monsieur; voilà tout ce que vous pouvez avoir de moi.

La dernière lettre que j'ai eu l'honneur d'écrire à Votre Excellence, n'est point partie, comme je l'apprends, par l'occasion qui y est énoncée, mais par une autre aussi sûre. Je crains, après tout ce que j'ai entendu de ma sœur, qu'elle ne vous déplaise. Oh, comme je voudrais être loin de tout ce qui en a l'apparence! Grondez moi, donnez moi quelquefois, et même souvent, des conseils d'ami, de père; car je jure à Votre Excellence, que j'en ai besoin plus que jamais. J'avais osé demander à Votre Excellence le Voyage de Lesseps. Je l'ai reçu de Moscou avec les miens.

J'ai demandé que vous vouliez bien vous charger de me faire passer la Bibliothèque Physico-économique qui est parmi mes livres, mais j'apprends qu'ils sont emmenés à Moscou. Je demande bien pardon de la peine inutile que j'ai pu donner à Votre Excellence. Je borne ma prière à présent à deux almanachs dont j'avais coutume de faire présent à mes petits au nouvel an: un de Gotha en français, un de Gœttingue ou de Berline en allemand, le tout avec des estampes.

Après ce que Votre Excellence a fait pour moi et les miens, vous vous plaignez encore du refus que ma belle sœur a fait à l'offre que vous lui avez fait à son départ. Vous voulez que cela soit de sa part une fausse délicatesse. Vous ne m'avez pas fait rougir en acceptant vos bienfaits. Mais quel homme êtes-vous donc? Vous voulez qu'on abuse de votre bienveillance, ou, pour mieux dire, vous prétendez qu'il est tout-à-fait impossible d'en abuser.

Quant à mes deux aînés, je suis et serai tranquille: ils vivront sous vos auspices. Il m'est douloureux d'avoir été privé d'eux, sans avoir pu achever leur éducation. Elle peut avoir péché par quelques côtés, mais ce n'est que dans 4 ou 5 ans q'on pourrait juger des principes sur lesquels elle se dirigeait. Le Ciel en a ordonné autrement, et sans être Pangloss, peut-être est-ce pour le mieux; car on a vu très souvent les éducations les plus soignées produire des monstruosités, uniquement pour avoir péché ou plutôt pour n'avoir pas eu attention à des circonstances quelquefois imperceptibles. Ainsi je me console que dans un âge où la raison tâte à abandonner la béquille de l'enfance, ils aient senti le malheur, leçon toujours admirable qui ramène l'homme à son état primitif, qui d'un être trop orgueilleux des grandeurs de convention en fait un être simple, et d'un être dégradé fait un homme.

Dans mes heures de loisir je me propose de faire quelque chose pour l'instruction de mes aînés. Mais comme j'en ai fait serment ou donné parole à Votre Excellence, car cela équivaut, de ne rien faire dont vous n'ayez connaissance, ils ne l'auront que par vos mains, et vous aurez la bonté d'en retrancher ce qui ne sera pas convenable.

Depuis que mes amis sont arrivés, je suis devenu plus sédentaire, et je crois que je fais mieux. Nous ne pourrons partir d'ici qu'au printemps; on m'offre même de me laisser ici jusqu'à l'hiver qui vient, mais je ne ferai en ceci que ce que Votre Excellence décidera. Quoique

j'ai retardé mon voyage pour cause de lassitude et que je désirais avoir des nouvelles des miens, j'ai réellement été malade pendant trois semaines: une fièvre catarrhale et une saignée de nez abondante. Daignez, monsieur, me donner de vos nouvelles, et soyez persuadé que je serai toute ma vie avec les sentimens de la reconnaissance la plus vive et le respect le plus profond etc.

Tobolsk,
Le 8 Mars 1791.

Mon frère part aujourd'hui pour retourner chez lui, et c'est avec lui que j'envoie cette lettre.

30.

Получивъ въ горести моей великую отраду пріѣздомъ моихъ друзей, я чувствую, что существо мое обновляется. Разумъ, въ недѣйствіе почти приведенный, испытываетъ паки свои силы, и сердце, обыкшее повторительною печалію содрогаться ежечасно, трепещетъ еще, но отъ радости. О ты, виновникъ моего утѣшенія! Прими паки слезу благодарности и не поскучай, когда повторительное слово изъявитъ тебѣ только то, что̀ душа чувствуетъ; изъявитъ, но слабо. Сердце обыкло во мнѣ предварять разсудокъ. Нерѣдко текутъ слезы, а языкъ нѣмъ.

Время моего здѣсь пребыванія я, по возможности, стараюся употребить себѣ въ пользу пріобрѣтеніемъ безпристрастныхъ о здѣшней сторонѣ свѣдѣній. Если я столь счастливъ могу назваться, что въ глазахъ вашего сіятельства я почитаюся зрителемъ безъ очковъ, то я и нынѣ тщуся все видѣть обнаруженно, ни въ микроскопъ, ни въ зрительную трубу. Но, признаюсь, трудно уловлять истину, когда къ достиженію оной ведутъ одни только разногласныя повѣствованія, изрекаемыя обыкновенно пристрастіемъ, огорченіемъ и всѣми другими страстьми, сердце человѣческое терзающими.

Издавна не нравилось мнѣ изреченіе, когда кто говорилъ: *Такъ водится въ Сибири*; *то или другое имѣютъ въ Сибири* — и всѣ общія изреченія о осьмитысячномъ пространствѣ верстъ; теперь нахожу сіе вовсе нелѣпымъ. Ибо какъ можно одинаково говорить о землѣ, которой физическое положеніе представляетъ толико разнообразностей, которой и нынѣшнее положеніе толикоже по мѣстамъ между собою

различествуетъ, колико различны были перемѣны, нынѣшнее состояніе ея основавшія; гдѣ и политическое положеніе, и нравственность жителей слѣдуютъ неминуемо положенію естественности; гдѣ подлѣ дикости живетъ просвѣщеніе, подлѣ звѣрства мягкосердіе; гдѣ черты, пороки отъ ошибокъ и злость отъ остроумія отдѣляющія, теряются въ неизмѣримомъ земель пространствѣ и стужѣ за 30 градусовъ?

Уральскія горы столь существенно различествуютъ въ своей естественности отъ степи Барабинской, сколько жители оныхъ отъ жителей степныхъ. Крестьянинъ заводской есть совсѣмъ другой человѣкъ, нежели земледѣлецъ Тарской и Ишимской округи, и если Сургутъ, Туруханскъ изобилуютъ соболями, то почто дивиться, что въ Ялуторовскѣ ихъ нѣтъ? А обыкновенно говорятъ: соболи родятся въ Сибири. Если Березовскій житель кормится отъ табуна оленей, а Томскій уѣздный крестьянинъ можетъ только успѣвать въ земледѣліи, то хотя они оба Сибиряки, однакоже во многихъ вещахъ они между собою толико же различествуютъ, какъ Агличанинъ отъ Француза, proportion gardée.

Передъ глазами моими на стѣнѣ прибита генеральная карта Россіи, въ коей Сибирь занимаетъ почти $^3/_4$. Хорошо знать политическое раздѣленіе государства; но еслибы весьма учебно было въ Великой Россіи сдѣлать новое географическое раздѣленіе, слѣдуя въ томъ чертамъ, природою между народами назначеннымъ, гораздо бы еще учебнѣе [1]) и любопытнѣе было, еслибы Сибирь раздѣлена была (на картѣ, разумѣется) на округи, естественностію означенныя. Тогда бы изъ двухъ губерній вышла иногда одна, а изъ одной пять или шесть. Но къ сочиненію таковой карты не исправниково искусство нужно, но головы и глаза Палласа, Георги, Лепехина, да безъ очковъ, и вниманія не на одни цвѣтки и травы.

Городъ здѣшній или, лучше сказать, остатки погорѣвшаго Тобольска стоятъ частію на прекрасномъ и здоровомъ, частію на выгодномъ, но нехорошемъ и вредномъ для здоровья мѣстѣ. Часть, построенная на горѣ, возвышается надъ другою частію города по крайней мѣрѣ на 20 саженъ. Верхняя часть города стоитъ надъ поверхностію Иртыша 26 саженъ, когда нижняя часть разлитіемъ онаго

---

[1]) Т. е. наукообразнѣе, научнѣе?

иногда затопляется. Но близость воды и проистекающія отъ того въ домашнемъ быту удобности толико превѣшиваютъ выгоды здраваго воздуха во мнѣніи здѣшнихъ жителей, что домъ, стоящій построителю 1000 р. подъ горою, продается за 2000 р., а построенный на горѣ за 2000 р.—за 1000 р. не скоро найдетъ купца.

Говоря о построеніи города, не могу не разсказать вашему сіятельству то, что слышалъ о бывшемъ здѣсь пожарѣ, который истребилъ лучшія $^4/_5$ частей города. Тѣ, которые огнемъ лишилися своихъ домовъ, лишилися по большей части своего имѣнія. Всѣхъ больше потерпѣлъ здѣшній губернаторъ [1]). Счастливымъ себя почиталъ онъ тѣмъ, что осталася въ домѣ его овчинная шуба, въ которую кутали трехъ его дѣтей при случившейся тогда холодной погодѣ. Но обстоятельства, тронувшаго меня до слезъ, пропустить не могу. На другой день по пожарѣ, въ городѣ большая часть людей не только бѣдныхъ, но посредственныхъ, не имѣли хлѣба. Народъ здѣшній, хотя не столько, какъ Иркутскій, но столь же, какъ и въ столицахъ шаткій, скоро бы вышелъ изъ терпѣнія. Но скоро увидѣли со всѣхъ сторонъ водою и сухимъ путемъ привозимые печеные хлѣбы, которые сельскіе жители голоднымъ и неимущимъ посылали горожанамъ безденежно; и цѣлую недѣлю ближайшія селенія кормили городъ безденежно. Сія черта существенно означаетъ доброту души Сибирскихъ многихъ округъ поселянъ. Безъ внутренняго удовольствія сего слышать не можно. Но если сельскіе жители толикое соболѣзнованіе оказали къ страждущимъ горожанамъ, о городовомъ сего я не слыхалъ ни объ одномъ. Если разумъ въ городѣ острится, то сердце ослабѣваетъ.

Говоря о городѣ и деревняхъ, не могу не упомянуть вашему сіятельству объ общемъ или почти общемъ желаніи возобновленія Китайскаго торга. Пользы, отъ него проистекающія, велики, согласенъ. Но какъ я часто раскольникъ бывалъ во многихъ мнѣніяхъ, то и въ семъ случаѣ мнѣ вредъ отъ пресѣченія торга съ Китаемъ не столь кажется повсемѣстнымъ. Думаю, что есть и нѣкоторая полезность. Но мысли мои о семъ еще не зрѣлы, и я ихъ не осмѣливаюсь предложить вашему сіятельству.

---

[1]) Александръ Васильевичъ Алябьевъ.

Сего 10 марта окончалась славная во всей Сибири Ирбитская ярманка. Торгъ, или бывшая на ней мѣна, была въ накладъ Сибирскихъ купцовъ. Особливо много тѣ потеряли, которые торговали соболями, да и вся мягкая рухлядь была въ низкой цѣнѣ, разумѣя въ соразмѣрности закупной цѣны на мѣстѣ. Многіе иностранные товары здѣсь не дороже Московскаго. Сахаръ покупали 15 руб. пудъ; шелковые и шерстяные товары умѣренной цѣны, вино изрядное посредственной дороговизны. Но водка Французская продается отъ 40 до 60 р. анкерокъ; чай по 5 и 7 р. Если иногда малое количество товара дѣлаетъ его дороговизну, то нерѣдко и большій онаго расходъ держитъ его въ высокой цѣнѣ. Когда придешь въ гости къ Сибиряку, то безъ 6 и 8 чашекъ чаю не выѣдешь, а безъ пуншу здѣсь дружеской нѣтъ бесѣды.

Какъ здѣсь, такъ и обыкновеніе есть на Ирбитской ярманкѣ вѣрить всѣмъ почти, не зная иногда человѣка. Алчность прибытка, сопряженная съ простодушіемъ, могутъ быть тому причиною. Сіе на ярманкѣ произвело одинъ искусный обманъ, который, какъ то должно, обратился во вредъ обманщика. Нѣкто Дебональ назывался графомъ, набравъ товаровъ, уѣхалъ изъ города. Имя его записано было у купцовъ. Какъ скоро его не увидѣли, то стали искать и нашли его уже за 200 верстъ отъ города. Нерѣдко повсюду кафтанъ бросалъ пыли въ глаза: чему дивиться, что и въ Сибири тожъ.

Но я примѣчаю, что я уже превысилъ предѣлы вашего сіятельства терпѣнія и для того, оканчивая, есмь и пр.

Тобольскъ,
15 Марта 1791 года.

Елисавета Васильевна [1]) и маленькіе мои свидѣтельствуютъ вашему сіятельству свое почтеніе.

31.

Какое утѣшеніе человѣку, несчастіемъ угнетенному, находить соболѣзнованіе въ сердцѣ чувствительномъ! Какое удовольствіе въ горести находить утѣшителя въ томъ, коего одобреніе въ дни блаженства почиталъ для себя счастіемъ! Петръ Дмитріевичъ Вонифантьевъ

---

[1]) Рубановская, свояченица Радищева, потомъ его вторая жена.

вчера здѣсь былъ и вручилъ мнѣ ваши письма и книги. Еслибы ваши благодѣянія мнѣ (*sic*) не преслѣдовали, то бы одни слова долженъ бы почитать благодѣяніями: столь они утѣшительны. Но если я все исчислю, чѣмъ я вашему сіятельству обязанъ, что среди бѣдствія я блаженство чувствовать могу, тогда все, что я сказать могу, не соразмѣрно будетъ, что бы сказать должно, не соразмѣрно тому, что чувствую.

Съ тѣхъ поръ, какъ я живу не одинъ, душа моя обновляется, здоровье укрѣпляется, даже внѣшность моя пріяла лучшій видъ. Я теперь крайне сожалѣю, что я здѣсь такъ долго остановился, и такъ какъ теперь вѣдаю, что вашему сіятельству угодно, чтобы я поспѣшалъ достичь мѣсто моего пребыванія, то уже мнѣ прискорбно, что я не тамъ; ибо вѣрьте, что величайшее для меня сѣтованіе есть сдѣлать что-либо вамъ неугодное.

Время становится здѣсь довольно теплое, снѣгъ отъ солнца очень таетъ, и г. Вонифантьевъ съ трудомъ, думаю, доѣдетъ едва до Томска на саняхъ. Если же весна его настигнетъ ближе, то онъ много непріятностей, безпокойствъ и убытка потерпитъ. Надежда ему только та, что здѣсь, сказываютъ, весной дождей не бываетъ, которые въ Россіи пособляютъ землѣ отъ снѣга очищаться. Вообще сказать, какъ то мнѣ кажется, погода здѣсь гораздо постояннѣе, нежели въ Россіи.

За присылку газетъ и Меркюра усерднѣйше вашего сіятельства благодарю. Кажется таковъ то человѣкъ,—что бумажка его переселяетъ на мѣсто происшествій, и за 6000 верстъ я прошедшее зрю настоящимъ и на самомъ мѣстѣ дѣянія. Блаженъ, сказалъ я, живущій въ воображеніи!.. Посредствомъ Меркюра я не раззнакомлюся съ Французскою литературою. Еслибы я смѣлъ просить вашего сіятельства о снабженіи меня Нѣмецкимъ какимъ подобнымъ журналомъ, то бы я и съ Нѣмцами не раззнакомился.

Теперь нужно мнѣ просить извиненія у вашего сіятельства за одно изъ моихъ писемъ, гдѣ писалъ я о покупкѣ книги Нѣмецкой. Между книгами, привезенными г. Вонифантьевымъ, она находится.

По просухѣ мы постараемся отправиться отсюда, а что потяжелѣе, то отпустимъ водою. Дорога лѣтомъ хотя пріятнѣе зимней, но чрезмѣрно, сказываютъ, безпокойна, въ разсужденіи невообразимо-

великаго числа мухъ и комаровъ. Капоръ, сѣтка, деготь, курёво,— вотъ противъ нихъ защита. За малѣйшее ненаблюденіе осторожности они наказываютъ очень строго и больно. Но все сіе препятствіемъ для продолженія пути весною быть не можетъ, и еслибы ваше сіятельство захотѣли меня удостоить отвѣтомъ на сіе письмо, то оно меня здѣсь уже не найдетъ.

Марта 29 дня
1791 года,
Тобольскъ.

32.

Monsieur. En attendant la belle saison pour pouvoir continuer notre voyage et me rendre à ma destination, je tâche d'employer mon temps un peu autrement que je ne l'avois fait à mon arrivée à cette ville. L'état pénible dans lequel je me trouvois et que Votre Excellence aura pu se l'imaginer par mes lettres, ne me permettoit pas de m'occuper de quelque chose. Rendu en quelque façon à moi-même par l'arrivée de mes amis, je sens qu'il est possible, au sein même du malheur, d'avoir des moments heureux. C'est à Votre Excellence que je dois ce sentiment, et quelque part que je me tourne, je me trouve environné de vos bienfaits.

La matinée (et c'est chaque jour) est employée avec mes enfants, les après-diners, les soirées—à lire. Et pour en dire quelque chose à Votre Excellence, j'ai lu ici de livres nouveaux: *le Voyage de Lesseps*, qui est vraiment un ouvrage d'un homme qui voyage en courrier; *les Mémoires de Wagner*, qui ont été trouvés souvent fautifs; *les Masques arrachés* me paraissent écrites non par un acteur de la pièce, comme il se le dit, mais il semble que le nom et quelques faits sont supposés. *La Vie de Vergénnes* par mr. Mayer est peut-être véridique, mais elle a été lue par Louis XVI avant d'être imprimée. Elle diffère essentiellement du *Portrait* de cet homme celèbre que j'ai lu, il y a un an. Les cahiers du Journal Encyclopédique pour 1789 que l'on m'a prêté pour lire, me mettent au fait de la littérature française. En compagnie avec ma sœur j'ai lu du Voltaire. Zadig ou la Destinée est tombé sous main. Ah, dis-je, chacun a la sienne. Ensuite: Candide. Pangloss disoit que nous habitons dans le meilleur des mondes possibles. Mais ce bon philosophe, après avoir été pendu, fut racheté de la galère. J'ai pensé aux

vicissitudes de ce monde. Courage, patience!.. Belle devise! J'aurais désiré seulement que cela me procure un jour le bonheur de voir celui, à qui je dois le petit souffle, qui me fait vivre.

Ma sœur est malade depuis dix jours et j'ai eu un sujet à cette occasion de rendre à Votre Excellence des actions de grâce pour les médecines qu'elle m'a envoyé. Ma sœur vous présente ses respects; elle se ressouvient de vous avec plaisir et reconnaissance. Hé! peut-on sans attendrissement penser à celui qui donne la vie. Si notre sentiment réveille en nous l'idée de l'être, qui nous a formé et le fait bénir, ne doit-il pas aussi en réveillant notre reconnaissance faire bénir aussi celui qui nous fait passer des momens de bonheur? C'est avec ces sentiments que j'ai l'honneur etc.

Tobolsk, le 5 Avril 1791.

33.

Весна здѣшняя отличествуетъ, кажется, отъ весны, не токмо въ полуденныхъ странахъ бывающей, но и отъ той, къ какой мы привыкли въ Россіи. Морозы по ночамъ продолжаются, хотя солнце въ полдень гораздо грѣетъ; вѣтеръ всегда холодный, но снѣгу таять не препятствуетъ, — онъ весь уже почти сошелъ. Тура прошла, но Иртышъ еще стоитъ. Если будутъ продолжаться морозы, то кажется, что онъ простоитъ нынѣшній годъ долѣе, нежели когда; ибо, сказываютъ, что позже 23 апрѣля онъ не вскрывался. Третьяго дня, т.-е. въ ночи 16 числа, морозу было 10 градусовъ; въ слѣдующую ночь 8 град., вчера къ вечеру пошелъ снѣгъ и сегодня продолжается, но мокрый, и то же дѣйствіе имѣетъ, какъ въ другихъ мѣстахъ дождь. Май здѣсь также бываетъ холоденъ,—выпадаетъ снѣгъ на четверть аршина и мерзнетъ временемъ до 10 градусовъ. Кто здѣсь садитъ въ огородѣ въ половинѣ мая, у того бываютъ лучшія овощи; кто же поторопится садить, у того все поспѣваетъ позже, ибо принужденъ бываетъ садить въ другой разъ. Когда здѣсь рѣки разливаются, то мнѣ еще неизвѣстно.

Вотъ худое изображеніе Тобольскаго климата. Лѣто здѣсь бываетъ мокрое и жаркое. Осень ясная, сухая, но холодная, зима безъ оттепли. Многіе изъ здѣшнихъ старожиловъ доживаютъ до глубокія старости; но на здоровье, не привыкшее къ суровости здѣшняго воз-

духа, оный неблагопріятственное можетъ имѣть дѣйствіе. Мы всѣ то чувствуемъ. Я вашему сіятельству уже доносилъ, что сестра моя занемогла почти съ ея сюда пріѣзда. Она, слава Богу, выздоровѣла. Я на прошедшей недѣлѣ столь сильно простудился, что кашель совсѣмъ лишилъ меня сна, и столь силенъ и упоренъ, что, думаю, принужденъ буду пустить кровь, дабы предупредить худшія слѣдствія. Сынъ мой кашляетъ сильно, четвертая тому недѣля. Изъ людей моихъ также трое больныхъ,—двѣ женщины и одинъ мужчина.

Сколь мало здѣшніе жители любятъ огородничество, я вашему сіятельству того описать не могу. Здѣсь никакого овощу купить не достанешь, — опричь огурцовъ и капусты въ здѣшнихъ огородахъ не найдешь ничего. Говорятъ, что у иныхъ бываютъ годами дыни и арбузы. Въ двухъ мѣстахъ есть спаржа, вѣроятно, что тарелки двѣ въ годъ; въ двухъ огородахъ знаютъ, что̀ такое бобы Турецкіе. Парники здѣсь не въ употребленіи, а оранжереи нѣтъ ни одной. Не удивительно, что здѣшніе коренные жители къ сему не прилежатъ, полагая вершину своего блаженства въ снисканіи прибытка; въ часы отдохновенія пьютъ чай и спятъ, въ какой бы часъ дни то ни было; веселье ихъ и забавы поставляютъ въ пьянствѣ. На святой недѣли три раза играли комедію; первый—Мельника, второй—О время!, и третій—Нѣмаго; но опричь райка зрителей по сложности изъ трехъ разъ въ одинъ (если исключимъ губернаторскую ложу) было 12 человѣкъ, въ райкѣ было около 30-ти. Безъ качелей никакой Россійскій городъ о Святой недѣлѣ существовать не можетъ, то вашему сіятельству извѣстно. Сіе веселіе здѣсь отмѣны противъ другихъ городовъ ни въ чемъ не имѣетъ. При качеляхъ находятся и всѣ другія принадлежности: вино, пиво, чай, сбитень, пряники, орѣхи, пироги, оладьи. Всякъ по своему, но безъ питья и пищи веселье на умъ не идетъ.

Домашнее или семейное здѣшнее житье у людей, причитающихся къ дворянскому обществу, образуется по столицамъ, соразмѣрно способностямъ каждаго. Но, если исключимъ одного или двухъ, то здѣсь никто не живетъ въ долгъ, слѣд. роскоши здѣсь не знаютъ; да и спокойствія, въ житіи нашемъ необходимыя, здѣсь до губернаторства Чичерина совсѣмъ были не извѣстны. До него люди между собою мало имѣли сообщенія. Онъ здѣшнихъ жителей силою, сказываютъ, возилъ къ себѣ на собранія. До него судьи въ присутствіе ѣзжали

въ тулупахъ и халатахъ (теперь еще нѣкоторые изъ купцовъ тулупъ носятъ вмѣсто шубы сверхъ кафтана). Часовые стояли въ балахонахъ. До пріѣзда сюда извѣстнаго Пушкина [1]), за столомъ всѣ пивали изъ одной кружки и ѣдали изъ одной чашки. Вообще сказать, все, что здѣсь входитъ въ употребленіе, заимствуется отъ несчастныхъ, сюда присылаемыхъ на жительство, и съ открытія намѣстничества, отъ помѣщенныхъ пріѣзжихъ изъ Россіи въ губернскомъ штатѣ. Но сихъ помѣщенныхъ очень мало.

Я надѣялся, что можно мнѣ будетъ отправиться отсюда въ началѣ Мая мѣсяца, но теперь вижу, что сіе невозможно. Май уже близокъ, но дороги худы чрезмѣрно. Послѣдняя почта пришла сюда пять дней позже обыкновеннаго.

Если ваше сіятельство не изволите доскучать, то я буду о моемъ здѣшнемъ пребываніи частыя давать увѣдомленія.

Тобольскъ.

Апрѣля 19 дня 1791.

34.

Письмо вашего сіятельства чрезъ здѣшняго вице-губернатора Ивана Осиповича я получилъ и съ чувствительностію пріемлю участіе, которое оказывать изволите о моей болѣзни. Я въ равномъ нахожусь положеніи, какъ и прежде; кашель мой хотя меньше, но не проходитъ. За холодною погодою здѣсь было тепла 21 градусъ, какъ то я вашему сіятельству имѣлъ честь доносить; сего же дня опять мерзнетъ. Но со всѣмъ тѣмъ погода здоровая, ибо частые вѣтры разгоняютъ влажность и туманы, которые здѣсь безъ того были бы часты. Рѣки здѣшнія начинаютъ наполняться водою, и разлитіе ихъ послѣдуетъ въ половинѣ сего мѣсяца и продолжится почти до половины іюня, чѣмъ дороги дѣлаются здѣсь затруднительны, нерѣдко и опасны. По стеченіи же водъ нигдѣ, сказываютъ, дороги таковы не бываютъ, какъ въ Сибири,—ровны, гладки и безопасны. До прошедшаго года неизвѣстно было, чтобы происшелъ по дорогѣ разбой. Въ прошломъ году разбита почта съ деньгами. Говоря о деньгахъ, вашему сіятельству угодно было знать, довольно ли въ Сибири мѣдныхъ денегъ. Въ

---

[1]) Михаила Алексѣевича, съ 1771 года. См. выше.

Казани на пятирублевую ассигнацію трудно сыскать мѣдныхъ денегъ; напротивъ того, уже въ Перми на сторублевую даютъ мѣдь охотно. Несомнѣнно, чтобы нашлись предпріимчивые люди, которые могли бы изъ Перми зимою и лѣтомъ по Камѣ возить деньги для промѣну; но строгое смотрѣніе въ Казани, дабы не брали ажіо, много тому препятствуетъ. Здѣсь не только нѣтъ въ мѣдныхъ деньгахъ недостатка, но на мелкія ассигнаціи даютъ промѣнъ. Что меня однакоже удивляетъ, что здѣсь много обыкновенныхъ мѣдныхъ денегъ; слѣдственно, и изобиліе оныхъ происходитъ не отъ того, что здѣсь особая монета, но отъ того, что часть денегъ, въ Екатеринбургѣ вытискаемыхъ, обращается въ Сибирь. Но сколько могъ примѣтить, то здѣсь денегъ больше стараго тисненія, а въ Перми новаго.

Хотя я вашему сіятельству и писалъ, что камней здѣсь нѣтъ, однако видѣлъ дикій камень, которой ломаютъ за 15 верстъ отсюда. Какъ мнѣ безъ поврежденія здоровья моего опасности туда съѣздить будетъ можно, то оную осмотрю.

Изъ полученнаго мною вашего сіятельства письма изъ Иркутска я усматриваю, что, не преставая ко мнѣ ваши благодѣянія, вы изволили для меня еще переслать 500 рублей. Чѣмъ могу я вамъ за то воздать? Вы мнѣ сохранили остатки томной жизни, и вы еще стараетесь, чтобъ она мнѣ была не въ тягость! Вѣрьте, что еслибы и отъяли отъ меня благодѣтельную вашу руку, то не меньше я о васъ напоминать буду со благоговѣніемъ. Съ таковыми чувствованіями семья моя и я есмь и будемъ, въ глубочайшемъ почтеніи именуюся *и пр.*

Тобольскъ,
мая 2 дня, 1792 года.

P. S. Que de grâces n'ai-je point à rendre à Votre Excellence pour les gazettes; vous m'en avez fait parvenir de plus d'une sorte, et quoiqu'elles traitent souvent la même chose, mais chacune à sa manière, et bien souvent il y a des anecdotes dans l'une, ce qu'il n'y a pas dans l'autre. Ainsi je supplie, Votre Excellence de ne me point refuser cette grâce et de continuer l'envoi de toutes les gazettes que vous avez bien voulu commencer à envoyer, puisque je crois qu'après avoir lu la feuille, Votre Excellence ne s'en soucie plus. Le Mercure m'a fourni aussi une récréation et le Journal Encyclopédique jusqu'en Octobre de l'année 1790, que j'ai ici emprunté pour lire, ne peut ne pas plaire pas sa variété. Si la plupart

des journaux ne sont destinés qu'à une existence éphémère, ils présentent au moins toutes les fois une espèce de tableau chronologique (si l'on peut s'exprimer ainsi) de l'état de la littérature chez telle ou telle nation, et non seulement de la littérature, mais aussi un tableau, à la vérité, souvent marqué de l'esprit général d'une nation et de sa marche progressive ou rétrograde dans la carrière des différentes branches des connaissances humaines. Et si on rapproche et que l'on compare ces tableaux de l'esprit des différens peuples, avec quel plaisir ne verra-t-on pas les concurrens *en génie* entrer comme en lice, s'élancer dans la carrière et, redoublant de force et d'émulation, se devancer, se dépasser mutuellement; d'autres fois battre la campagne et se perdre dans le vague des raissonnemens en croyant courir au but. C'est là qu'on voit le costume du génie chez les différens peuples, à plus ou moins de hardiesse, et les différentes entraves que l'on met souvent à la course rapide de ce coursier indomptable.

Il faut avouer que la lecture des papiers périodiques est un peu fastidieuse par le grand nombre de rapports d'écrits et de faits relatifs aux affaires de la France. Une de ces brochures dont le gazétier d'Hambourg fait mention est remarquable par son titre. Le voici: *Le père Du Chesne bougrement patriote*. C'est du tout drôle, mais les personnages le méritent souvent. La plaisanterie du Courrier de Londres d'après un pamphlet anglais intitulé *Times* ou *le temps*, quoiqu' un peu plumpudding, mais leur va assez. Il dit que l'Assemblée va décréter qu'il faudra désormais appeler la main gauche la main droite, parceque le cœur est placé du côté gauche des poumons et qu'il ne sied pas de nommer gauche l'endroit où gît une partie nondle du corps humain. Néanmoins on trouve de bons ouvrages. La partie politique et celle de la législation est celle que les Français traitent le plus. L'ouvrage de Des-Brosses sur *la manière de simplifier la perception et la comptabilité*, autant qu'on peut juger par un extrait, présente une méthode claire et fait répartir les objets sur lesquels on doit porter son attention. *La situation politique de la France par Peyssonel* [1]), ouvrage que j'ai lu encore à Pétersbourg est bien écrit, et d'un homme maître de sa matière; mais comme la

[1]) Сочиненіе это издано въ 1789 г. въ 2 т. въ Невшателѣ, и потомъ 1790 г. въ Парижѣ.

situation politique d'un état change presque à chaque administration ces ouvrages sont destinés dans quelques années à ne remplir qu'une case de bibliothèque.

La *Bibliothèdue de l'homme public*, quoique ouvrage périodique, se fait distinguer par le choix des matières, et le nom seul de Condorcet est une approbation de l'ouvrage. J'avoue que je l'aurais désiré de lire, ainsi que ses commentaires sur le livre de l'Anglais Smith.

L'année 1790 a vu paraître des mémoires particuliers de deux hommes célèbres—du duc de Richelieu et du duc de Choiseul. On se demande, quand on rencontre dans l'histoire un personnage comme l'était le duc de Richelieu, pourquoi un homme aussi futile est-il si célèbre? Le comment n'est pas si difficile à saisir; mais on peut demander, comment un duc de Richelieu peut-il faire des chosses qui ont l'air d'être grandes? A Athènes Richelieu aurait été un autre Alcibiade, en France il a été à la Bastille et maréchal. Les *Mémoires d'un Ferrières-de-Sauveboeuf* [1]) peuveut être intéressans parcequ'ils contiennent sur les Turcs. Il a résidé à l'armée du grand-vizir en l'année 1788.

En voyant l'annonce de la Gàlerie Universelle des grands hommes, l'idée de la collection de portraits que Votre Excellence a à Mourino [2]) me vint en tête. Il me semble qu' une fois vous étiez aussi d'avis qu'elle peut être gravée. Le vôtre aurait été à la tête de la collection. Et si c'était à moi à faire l'inscription, j'y aurais mis: *Chef rare....* et laissez moi penser tout ce que je n'oserais mettre ici pour ne pas blesser votre délicatesse. C'est celui qui d'un bout de l'hémisphère à l'autre tâche de donner la vie à une malheureuse famille. Ah, monsieur, croyez que ce n'est pas de la flatterie.

Si je ne craignais de paraître impudent aux yeux de Votre Excellence, je vous aurais prié de me mettre au courant de la littérature des différentes langues dans lesquelles je lis. A Pétersbourg j'avais le journal allemand de Berlin, *Berlinische Monatsschrift*, et les catalogues des foires, *Messcatalog*, pour l'anglais un journal anglais dont je n'ai avec moi

---

[1]) Mémoires historiques et politiques de ses voyages, faits depuis 1782 jusqu'en 1789, en Turquie, en Perse et en Arabie. Maëstricht et Paris. 1779. 2 vol. in-8.

[2]) Деревня графа Воронцова подъ Петербургомъ.

que la première année; pour le français le Journal Encyclopédique, pour le russe je ne sais.

Je jouis ici, grâce aux recommandations de Votre Excellence, d'un très bon accueil chez le gouverneur et le vice-gouverneur. Croyez, monsieur, que je tâcherai de m'en rendre toujours digne; et si dans un temps prospère ce n'est que votre seule approbation que je briguais, vous vous persuaderez aisément que dans un état malheureux je ne voudrais pas perdre votre bienveillance.

Si le porteur de celle-ci, qui est un courrier, repartira bientot, daignez, Votre Excellence, m'honorer d'une réponse, qui pourra me parvenir assez vite.

35.

Monsieur.

Depuis deux jours nous avons ici un tems d'été. Le passage du chaud au froid a été très subit. Avant hier on portoit pellisse, hier un surtout étoit une chose insupportable. La direction des vents semble ici commander au tems froid et chaud. Le vent de Béresow, comme on l'appelle ici, vient toujours chargé d'un froid mortel pour les végéteaux; le vent du sud les fait fleurir en été et est toujours accompagné d'un tems serein en hyver; car passant par des continens il ne peut s'imprégner d'humidité et souffle toujours sec.

J'avois cru que l'Irtisch se démentirait cette année, comme j'ai eu l'honneur de l'écrire à Votre Excellence, et qu' il feroit faux bond à l'unique pari d'un rouble qu'il y a eu ici sur la débacle; mais la nature, constante dans sa marche, sans nous en indiquer le pourquoi, a vérifié encore l'observation, que le dernier terme du départ des glaces de l'Irtisch à Tobolsk ne passe jamais le 23 d'Avril. Son terme ordinaire est du 19 au 23, sans les exceptions. Cette année-ci, il a commencé a charrier le soir du 21 5 jours avant ce terme le Tobol avoit charrié, et l'eau dans l'Irtisch avoit augmenté de $^3/_4$ d'archine. Depuis que les neiges ont commencé de fondre, l'eau de la rivière est extraordinairement bourbeuse et impotable. On fond la glace pour avoir de l'eau passable. Le peuple s'abreuve de l'eau des neiges qui fond dans les ravins. En général il est difficile, si ce n'est en hyver et dans les plus grandes gelées, d'avoir de la bonne eau. Il n'y a pas de source, dans tout les environs de Tobolsk, il n'y a pas une seule pierre pleine dans tout l'Irtisch, ni dans la mon-

tagne qui le borde d'un côté, il n'y a pas de sable, si ce n'est un sable bien fin, gris et mêlé d'argile. Comme on est assez insouciant sur cet article, et que le Russe boit le quasse, la disette de bonne eau n'est pas si sensible. Ce que je n'ai pas assez vérifié, mais il me semble que la qualité de l'eau d'ici n'est pas même insalubre. Pour moi, enfant gaté et infirme, je me trouve fort à la gène pour ma boisson; mais je tâcherai de me tirer d'affaire en faisant filtrer l'eau ordinaire, que je transformeroi en eau selst par la méthode de Pristely. Aussi en ai-je grand besoin, car la toux me suffoque et les remèdes ordinaires ne m'apportent aucun soulagement.

Les rhumathismes, la goûte, la goûte volante, les fièvres atritiques, sont très communes à Tobolsk et en général, dit-on, dans ce gouvernement et sont, à ce qu'il semble, une suite de la rigueur du climat. Les fièvres chaudes sont ici communes qu'en Russie; mais une fièvre tierce étoit une chose inconnue à Tobolsk. On n'en a eu d'exemple que depuis deux ans.

Quelle en peut être la cause? D'ou vient qu'une maladie inconnue commence à se manifester? Est-ce le climat qui change, ou la manière de vivre? C'est une chose à vérifier. S'il est démontré que le climat d'un pays s'adouicisse par la culture, la somme de nos maladies augmente aussi, à mesure que nous échangeons une vie dure et active contre une vie molle et sédentaire. En voilà je crois assez parler de maladie. L'homme est si affaibli pas tous les maux physiques et moraux, qu'il sembleroit, qu'il n'appartient ou ne devrait appartenir qu'à des gens du métier de parler fièvre, asthme, paralisie etc. Mais Votre Excellence me le pardonnera avec votre indulgence accoutumée. L'homme aime à parler de ce qui le touche de près; et moi, toussant, crachant, éternuant.... Votre Excellence ne s'étonnera pas que je me place sur les rangs des disci. ples d'Esculape, et que je parle fièvre....

J'aurai désiré parler à Votre Excellence d'une matière plus intéressante et revenir sur une matière que j'ai touché en passant dans une de mes lettres; c'est le commerce de la Chine. Mais je ne pourrai à présent que porter un jugement provisoire. Plusieures données me manquent pour faire un calcul appréciatoire de l'utilité d'un commerce étranger, qui à mon avis n'est jamais bon autrement qu'il sert à alimenter le commerce intérieur. Plus une marchandise, soit du crû du pays ou

étrangère, passe par différentes mains, plus elle doit être précieuse aux yeux de l'administration. Une marchandise qui, en entrant dans un pays, va droit au consommateur, n'est pas et ne doit pas être un objet précieux. Je ne me permettroi ici qu'une seule considération; à mon avis il n'y a que le grand manque de thé, dont l'usage est devenu necessité première, qui feroit désirer le commerce avec la Chine. L'extraction du kitaika est plus pernicieuse pour la Russie qu'utile. Le manque absolu des ґабы, espèce de grosse toile de coton, des kitaika et des petites étoffes de soie de Chine, a fait que l'on commence à cultiver le lin en Sibérie: culture qui y étoit tout à fait étrangère. Si on allégue en faveur du commerce chinois qu'il enlevoit toute nos pelleteries, je dirais que *presque tout* ce qu'on recueille de cette marchandise dans la Sibérie se débite en Russie; la meilleure et celle que les Chinois demandent se tire des iles Aleoutiennes et autres. Un commerce qui ôte à l'agriculture les bras, qui pourraient lui être consacrés, un commerce de rapines, qui étouffe dans le cœur de l'homme le germe de la pitié... tirons le rideau. Et ne vous y trompez pas; le roitelet Chélekhoff n'a pas demandé des soldats pour rien. On m'a dit, et la chose est, dit on, certaine, le colonel Bentham lui a donné 100 hommes de son bataillon pour suivre ses conquêtes. Je finis; mais je ne le puis sans vous rendre des actions de grâce; car, de quelque côté que je me tourne, je me vois entouré de vos bienfaits. Dieu fait lever le soleil pour éclairer l'univers; mais c'est à vous que je dois mon existence. Si j'ai un moment heureux, c'est à vous que je le dois, et si je n'ai pas de place pour faire la finale ordinaire, je vous dirai voyez mon âme.

A. Radischeff.

8 May.

Le courrier, qui n'est pas encore parti, me donne le moyen de donner une réponse à la lettre de Votre Excellence du 5 Avril que je viens de recevoir. Je suis très convaincu de la justesse des raisons que Votre Excellence dit exister pour presser mon départ et me rendre au lieu de ma destination. Je le ferai sans balancer et ne tarderai qu'autant qu'il faut pour se procurer des voitures de voyage. Persuadé des bontés de Votre Excellence, je suis assuré que je ne serai point oublié, dans le coin que je vais habiter: mais vû les raisons qui m'ont fait condamner, je sais très bien que ma situation ne peut pas changer tout de suite.

Si je puis alléguer quelque chose en faveur du retard de mon voyage, je ne ferai que récapituler ce que j'ai dit à Votre Excellence, ce que j'ai dit dans mes précédentes lettres. A mon arrivée ici, la situation de mon âme et de mon esprit étoit tout a fait différente de ce que je me sens aujourd'hui. Croyant toujours devoir vivre tout seul, je vous avoue que je ne fesais plus cas de moi, et si je n'ai pas douté une seule fois de vos bontés pour moi, j'avoue encore que la sortie de ce pays me paraît difficile. En y mettant le pied, il m'a semblé que je lisois sur les physionomies l'inscription que Dante met au dessus de la porte de son Enfer: Lasciate ogni speranza voi ch' intrate.

Je ne voulois dans les commencemens qu'attendre la fin des grandes geléees pour me remettre en route; mais je tombai malade de la fièvre, qui dura un peu moins d'un mois. Sur ces entrefaites j'eus l'avis certain que mes amis vouloient partager ma solitude; j'avoue, que je désirai qu'ils me trouvassent encore ici. J'étais convalescent quand ils arrivèrent. Il ne restoit que trois semaines de trainage et, pour en profiter, il auroit fallu aller en courrier. Dailleurs il auroit aussi fallu passer tout l'été à Irkutsk, parcequ'on dit que jusqu'a l'endroit de mon séjour il n'y a d'autres voies en eté que par eau. Ainsi j'ai cru que rester pour rester cela revenoit au même.

Mais que Votre Excellence ne croye pas que je veuille me disculper; je me prépare déjà. Deux voitures sont déjà achetées et, avant que May finisse, je serai en route. Les inondations qui durent ici pendant un mois mettront quelque retard à notre voyage. L'eau ne déborde pas encore. Mon seul souhait que Votre Excellence continue à avoir des bontés pour moi; ma satisfaction est de croire que vous puissiez dire de moi: il fut homme de bien.

36.

Письмо вашего сіятельства чрезъ здѣшняго вице-губернатора я получилъ, и не иначе пріемлю каждое, какъ знакомъ вашего ко мнѣ благоволенія и милости. Сожалѣю и истинно прискорбно мнѣ, что не могу вашему сіятельству сказать, что я уже выѣхалъ. Остатокъ пресильнаго кашля не былъ бы для меня препятствіемъ вступить въ путь; но, не взирая на всѣ мои старанія и дѣлаемыя пособія, повозки мои еще не исправлены. Однако надѣюся, что не замѣшкаюсь; да и

сказать истину, мнѣ уже здѣсь довольно скучно: деревенская жизнь любящему покой болѣе принесетъ удовольствія.

Время здѣсь очень постоянное и не подвержено такимъ перемѣнамъ, какъ въ Петербургѣ. Нынѣшнія, какъ зима, такъ и весна— необыкновенныя. Обыкновенно въ исходѣ ноября начиналися здѣсь большіе морозы и продолжалися весь декабрь. Прошлую зиму, напротивъ того, въ сіе время не болѣе мерзло, какъ отъ 12 до 15 градусовъ. Бывали морозы часто за 30 градусовъ; прошлую зиму дни два или три были 27 и 28. Апрѣль здѣсь бывалъ обыкновенно хорошъ, май дуренъ и холоденъ, іюнь жарокъ, іюль дождливъ, августъ и сентябрь прекрасны. Нынѣ апрѣль дуренъ, май прекрасный. Можетъ быть, и слѣдующіе мѣсяцы не будутъ обыкновенны, что вѣроятно. Иртышъ нынѣшній годъ изъ береговъ не выходилъ, и всѣ рѣки, въ него впадающія. Сѣна будетъ мало, но уповательно и мухъ. Урожай хлѣба, всѣ уповаютъ, будетъ хорошъ, а потому и нынѣ мука здѣсь дешева, пудъ по 11 коп.; овса 13 коп. четверикъ; мясо 2 коп. пудъ; обѣщаютъ въ три. Рыба дешева чрезмѣрно. Люди мои ѣдятъ стерледей. За 5 к. можно купить 20, хотя небольшихъ, но столько, что 10 человѣкъ сыты будутъ. Сказываютъ, что крестьяне здѣшніе недовольны будутъ, если родится много хлѣба: уплата податей будетъ для нихъ затруднительна. Чрезмѣрное пространство, на коемъ населеніе разсѣяно, и недостатокъ сообщенія водянаго съ Россіею, дѣлаютъ сіе вѣроятнымъ. Пособить первому можетъ время, другому трудно или совсѣмъ невозможно. Уральскія горы, отдѣляя Сибирь отъ Россіи, дѣлаютъ ее особенною во всѣхъ отношеніяхъ.

При отъѣздѣ моемъ отсюда, я не премину еще писать къ вашему сіятельству. Но тогда, теперь и когда бы то ни было, сердце мое всегда будетъ исполнено чувствованіями къ вамъ благодарности, признательности, почтенія, коими честь быть имѣю и пр.

Мая 29-го 1791 года,

Тобольскъ.

37.

Письмо мое къ вашему сіятельству на почту уже было отправлено, какъ я получилъ отъ васъ другое, отъ 5-го Мая писанное; и такъ я, пользуяся дозволеніемъ послать другое въ письмѣ Ивана Осиповича, не хотѣлъ пропустить случая увѣдомить вашего сіятельства

о полученіи. Сколь много всякій разъ я, получая оныя, имѣю утѣшенія, то лучше могу чувствовать, нежели изъяснять. Если можете вѣрить, сколько прискорбно сердцу моему быть лишенну пользоваться обхожденіемъ съ вашимъ сіятельствомъ, вашими совѣтами, наставленіями, то можете убѣдиться, что въ теперешнемъ моемъ положеніи всякое слово ваше есть для меня въ утѣшеніе. И если ваше сіятельство хотя мало удостоите воспоминать о человѣкѣ, который васъ почиталъ искренно, то не лишите и впредь меня вашихъ писемъ. Я, слѣдуя совѣту вашего сіятельства, поспѣшу отсюда выѣхать, какъ я о томъ писалъ во вчерашнемъ моемъ письмѣ, и истинно желаю быть на назначенномъ мнѣ мѣстѣ.

Какъ зимою здѣшній городъ пользуется мукою изъ ближнихъ селеній, такъ лѣтомъ изъ полуденныхъ округъ водою. Но ничего я не видывалъ простѣе, какъ суда, въ которыхъ возятъ въ Тобольскъ хлѣбъ. Представьте себѣ четвероугольную лачужку, въ которую лазятъ въ слуховое окно: вотъ истинная форма здѣшнихъ хлѣбныхъ барокъ. Во многихъ отношеніяхъ здѣсь люди цѣлымъ столѣтіемъ отдѣлены отъ Великороссіянъ. Большія суда, на Сибирскихъ водахъ употребляемыя, точнаго такого же построенія, какъ Волгскія, но не столь хорошей отдѣлки. Доски боковыя у нихъ я мѣрилъ, въ $5^1/_2$, 6 и $6^1/_2$ вершковъ. Бичевою въ Сибирскихъ рѣкахъ не ходятъ, но вверхъ по водамъ подымаются завозными якорями. Судно, подымающее отъ 6 до 8000 пудовъ, имѣетъ до 70 работниковъ. Отъ Тобольска до Енисея, то-есть до волока Енисейскаго, платятъ нынѣшній годъ по 1 р. съ пуда. Я предъ отъѣздомъ моимъ не премину доставить вашему сіятельству о себѣ извѣстіе, а теперь, какъ и всегда, есьмь и буду со всегдашнимъ, истиннымъ и глубочайшимъ почтеніемъ *и пр.*

Мая 30 дня 1791 года,

Тобольскъ.

38.

Сколь желаніе мое ни велико оставить Тобольскъ и отправиться въ путь, но я не прежде могу того исполнить, какъ чрезъ двѣ недѣли, но не далѣе. Вашему сіятельству покажется то, можетъ быть, невѣроятно; но рабочіе люди столь здѣсь лѣнивы, что собственный ихъ прибытокъ, который сильно надъ людьми дѣйствуетъ, надъ ними мало дѣйствующъ. Если они сыты и пьяны, что по дороговизнѣ здѣсь

всякихъ издѣлій легко они быть могутъ то и другое, то не стараются о пріобрѣтеніи излишества. Причина тому хотя не очень явствевна, но угадывается. Здѣсь любятъ хорошую работу, но за дешевую цѣну.

Двѣ вещи, о которыхъ я къ вашему сіятельству писалъ, по разсказамъ другихъ, нашлись не вѣрны: первая, что есть здѣсь близко дикій камень; другая, что здѣсь нѣтъ ключевой воды. Первое неправда, а второе, хотя ключи не велики, но ихъ много. Что вода въ нихъ чиста и студена, то обыкновенно; но они всѣ содержатъ въ себѣ желѣзо. Выходятъ они у самой подошвы, немного повыше поверхности воды, изъ высокаго яру, берегъ Иртыша составляющаго, пробиваяся сквозь синюю землю или илъ, котораго, кажется, пространный слой лежитъ простертъ далеко подъ высокою горою. Для натуралистовъ и философскихъ угадчиковъ, для создателей міровъ, предлежитъ задача къ разысканію: отчего слой желѣзистой земли находится подъ слоями одинаковой сѣрой земли, толщиною въ двадцать пять саженъ. Угадка за угадку. Если соленыя озера въ Ишимской степи происходятъ изъ горъ, лежащихъ за Киргизскою степью, въ 1000 верстахъ разстояніемъ, то здѣшніе желѣзистые ключи и земля, сквозь которую протекаютъ, происходятъ, конечно, изъ Уральскихъ горъ, которыя въ прямой линіи не далѣе 400 верстъ отстоятъ и содержатъ много желѣза. Во всѣхъ вещахъ человѣкъ много слѣдуетъ догадкамъ, для того что легче выдумать что-нибудь, нежели изслѣдовать, и предразсужденіямъ, для того что легче слѣдовать мнѣніямъ утвержденнымъ, нежели установлять новыя. И для того я повѣрилъ зимою, что здѣсь нѣтъ ключевой воды, и для того я безъ увѣренія говорю въ слѣдъ ученымъ, что для подземнаго путешествія 1000 верстъ то же, что̀ одинъ шагъ.

Удостойте, ваше сіятельство, вашея милости и напоминовенія того, кто есть со всегдашнимъ, непремѣннымъ и глубочайшимъ почтеніемъ *и проч.*

Іюня 6-го дня 1791 года,
Тобольскъ.

39.

Monsieur. Enfin après bien de retards, après bien des vœux inutilement formés pour partir, nous sommes enfin équipés totalement, et

demain nous mettons à la voile. Je ne détaillerai pas à Votre Excellence les causes peu valables qui ont fait que nous nous mettons en route trois semaines plus tard que je ne l'avais annoncé à Votre Excellence dans ma dernière. Elles sont futiles; mais nous ne sommes point partis. Mon séjour dans cette ville n'a pas été aussi agréable qu'il pourrait paraître. Depuis que je suis ici, j'ai essuyé différentes attaques de maladie, ma sœur de même, et mes enfans n'en ont pas été exempts. Plusieurs de mes domestiques ont aussi été malades. Enfin, depuis que je suis ici, la maison n'a point cessé d'être sans malades. Je ne m'en étonne pas du tout. Le changement de climat, de nourriture, de boisson, de la manière de vivre, de la manière d'exister, si on peut le dire, et surtout le chagrin, sont capables non seulement d'entamer un tempérament de fer, mais de le changer en totalité. Je m'étonne comment ma frêle substance a pu résister sans succomber aux attaques multipliées qu'elle a subi. L'excès du mal en a été certainement le remède. C'est quand je sentais tout le poignant de la douleur, c'est quand l'espoir voulait m'échapper et que le desespoir à la face hideuse, mais constante et inaltérable, venait associer son lugubre raisonnement à des décisions d'un esprit incertain c'est alors que l'âme se roidissait, et les idées rentraient dans le calme. Quel était le sentiment qui me prédominait alors? Ou était-ce un manque absolu de sensibilité? Tout ce que je puis dire c'est que mon état était terrible. Mais pourquoi me retracer ces instans affreux? Grâce aux soins généreux de Votre Excellence, mon sort est adouci, et le désir de revoir mes enfans me fera vivre.

Après un tems fort chaud, il pleut depuis quatre semaines. L'air en est très raffraichi, et la nuit du 13 il y a eu une petite gelée. Le vent du nord qui a soufflé constamment pendant plusieurs semaines en est la cause certaine. Cependant, malgré le froid, la peste habituelle continue d'attaquer les hommes et les animaux, et pour ces derniers elle est presque toujours mortelle. Cette maladie dont la cause est inconnue, malgré les conjectures qu'on fait de l'attribuer à la piqûre d'un insecte que personne n'a attrapé sur le fait, se manifeste par une grosseur ou un durillon qui se forme dans l'instant même qu'on en ressent l'attaque. Si l'on n'en frotte l'endroit l'instant même avec du sel ammoniac dissout dans l'esprit de vin, ou bien si l'on n'y applique du tabac maché, la maladie devient dangereuse et ne guérit que difficilement. L'enflure de-

vient grande et ténace, le pouls est fiévreux, à la fin l'inflammation gagne tout le corps, et le malade meurt.

Une maladie qui depuis plus d'un mois fait ici un dégât horrible, c'est la rougeole. Des centaines d'enfans en ont péri, et les Esculapes d'ici prétendent encore qu'elle est bénigne. Si par l'inoculation de la petite vérole on ferme la tombe, où s'ensévelissoient tant d'individus par une mort prématurée, pourquoi la rougeole, qui est aussi une maladie périodique et très maligne, ne subiroit-elle pas la même opération. Ah, faut-il toujours des siècles pour apprendre à l'homme à être sage! L'homme est vraiment un enfant jouant au colin-maillard, qui a les yeux bandés par le préjugé etc. Il tourne autour de celui qu'il veut attraper et ne le prend pas.

Veuillez bien, monsieur, de ne pas oublier celui qui ne s'est jamais cru indigne des bontés de Votre Excellence, qui se ressouvient toujours avec attendrissement que c'est à vous qu'il doit les instants heureux dont il peut jouir, et qui ne cessera d'être toute sa vie avec le plus profond respect et la considération la plus parfaite *etc.*

Tobolsk
le 16 juillet 1791.

40.

Monsieur. Quand cette lettre partira de Tobolsk, je serai déjà en chemin pour me rendre à Irkoutsk. Je vous avoue franchement que je ne puis me défendre d'un sentiment de tristesse, quand je pense aux vastes solitudes où je vais m'enfoncer. Les causes productrices de ce entiment sont trop compliquées, et j'ennuyerais Votre Excellence, si j'en fesais l'analyse. Mais pourquoi ne me représenterai-je pas comme un voyageur, qui, satisfaisant à la fois à deux passions favorites, la curiosité et l'amour de la gloire, entre d'un pas ferme dans des sentier, inconnus, s'enfonce dans des forêts impénétrables, franchit des précipicess surmonte des glaciers et, parvenu au terme de ses entreprises, contemple d'un œil satisfait ses peines et ses fâtigues? Que ne puis-je m'avouer un sentiment pareil? Relégué dans la classe que Sterne appele *des voyageurs par nécessité*, l'utilité n'est pas le but de mon voyage, et cette idée ôte tout l'aiguillon que la curiosité auroit pu réveiller en moi. Mais en évitant d'être ennuyeux, je pourrois bien ennuyer Votre Excellence; ainsi je fais trève à mes jérémiades.

Quel riche pays par ses productions que cette Sibérie, quel pays robuste! Il faut encore des siècles; mais une fois peuplée, elle est destinée à jouer un jour un grand rôle dans les annales du monde. Quand une force majeure, quand une cause irrésistible aura imprimé une activité bienfaisante aux peuples engourdis de ces contrées, l'on verra encore les descendans des compagnons de Iermak chercher et s'ouvrir un passage à travers les glaces réputées impénetrables de l'Océan du Nord, et mettant ainsi la Sibérie directement en relation avec l'Europe, tirer l'agriculture immense de ce pays de l'état de langueur où elle se trouve; car, suivant les renseignemens que j'ai eu sur l'embouchure de l'Obe, sur le golfe que des Russes nomment Карское море, sur le détroit de Waigatz, il est facile de s'ouvrir un chemin court et exempt de glaces dans ces contrées. Si j'avois à trainer mon existence dans ce gouvernement, je me serais offert volontiers à trouver ce passage, malgré tous les risques communs à ces sortes d'entreprises.

Si l'occasion se présente avant mon arrivée à Irkoutsk d'écrire a Votre Excellence, c'est un devoir auquel je ne manquerai, satifaisant par-là à vos ordres et à un sentiment cher à mon cœur, qui est de rendre à chaque instant grâce à celui qui se souvient toujours que je fus quelque chose. Daignez me continuer vos bontés et soyez persuadé que je serai toute ma vie avec le plus profond respect et l'attachement le plus inviolable, *etc.*

Le 24 juillet 1791.

Tobolsk.

Приписка Е. В. Рубановской:

„Permettez moi d'ajouter ici, Monsieur, les vœux sincères que je ne cesse de former pour la conservation de vos jours, et soyez assuré que le qlus profond respect et l'attachement le plus inviolable que je vous ai voué ne finiront qu'avec la vie de celle qui a l'honneur d'être de Votre Excellence la très humble et très obéissante servante

Elisabeth Roubanoffsky."

41.

Après un chemin très fatiguant, vû les pluies continuelles, je suis parvenu jusqu'à Tomsk en trois semaines et un jour. La plupart de nos équipages sont cassés, ce qui nous obligera à rester ici quelques jours

et faire provision de roues; car d'ici à Irkoutsk on me dit qu'il y a au moins 500 verstes de chemin abominable au delà de toute expression.

Quoique tout le pays depuis l'Irtiche jusqu'à l'Obe soit plat, cependant il présente une grande variété dans les sites. Je ne saurois détailler à Votre Exc. la diversité des sensations dont mon âme fut affectée en traversant ce pays. Les bords élevés de l'Irtiche présentoient des vues, des coups d'œil admirables, des prairies immenses entrecoupées par des lacs, de toutes les formes possibles. A voir la régularité de leur dessein, on diroit, que c'est l'homme, le compas à la main, qui mutile la nature, quand il lui prend fantaisie de l'imiter. Mais l'immensité du plan fait bientôt évanouir cette idée. Les rives de l'Irtiche sont assez peuplées, ainsi que celles des autres rivières de la Sibérie; peuplés s'entend à la Sibérie: excepté les bords des rivières, peuplés par les émigrans volontaires, et le grand chemin qui traverse le pays, peuplé forcement, tout est vuide. On traverse souvent des forêts, où la main destructrice de l'homme n' a point pénetré. Et pourquoi notre âme s'attriste-elle en voyant un pays échappé à la dévastation de l'homme! Tant l'homme est ami de l'homme, que pour vivre avec ses semblables il embrassera plutôt la vie inquiète d'un brigand, que la vie profondement tranquille d'un solitaire.

L'agriculture de ce pays est vaste, mais je ne dirois pas qu'elle soit dans un état florissant. Hormis les années de disette, la terre produit bien, mais le sol est assez ingrat. On connoit très peu les engrais, mais les champs en auroient bien besoin. L'immensité du terrain fait que l'on se passe d'amélioration et qu'on cultive toujours une terre vierge. Les paturages, dans le district surtout connu sous le nom de Barabe, sont immenses, mais les habitans de ce pays ne pourront jamais élever un grand nombre de bestiaux. Une maladie, qui revient habituellement tous les étés, s'opposera toujours à la propagation des animaux. C'est une espèce de contagion particulière, connue ici sous le nom de peste volante. Elle attaque indifféremment hommes et bestiaux. S'il faut en croire les habitans, les ciseaux même n'en sont point exceptés. Cette année-ci elle a été des plus terribles. Les hommes peuvent s'en préserver assez facilement. Le tabac, le sel ammoniac, le camphre, infusé dans l'esprit de vin, sont un remède infaillible au commencement. Elle se manifeste ordinairement par un durillon qui se fait sous l'épiderme. C'est une es-

ѳèdc de corps calleux, insensible à l'incision; bientôt la gangrène s'y met et se communique à toute la masse du sang. Alors tout remède est inutile, et l'animal meurt.

Dans beaucoup d'endroits le paysan vit dans l'abondance; les anciens habitans sont souvent riches en pain et bestiaux, mais manquent d'argent, faute de débouché; les colons sont la plupapt pauvres. La capitation, qui dans la Russie est presque généralement un impôt territorial, est ici un vrai impôt personnel. Pour faire payer les contribuables, qui sont en redevance, on les envoie travailler aux fabriques de brandevins.

Après avoir passé l'Obe, le coup d'œil change, et pour le voyageur la scène devient plus monotone, puisque la vue est raccourcie par les forêts que l'on est obligé à traverser presque continuellement. Les habitans du district de Tomsk ont l'air d'être mieux à leur aise que bien d'autres. Ils ont un débouché pour leurs productions aux mines de Kolivane. La proximité de ce district au gouvernement de ce nom semble qu'il devroit plutôt y appartenir qu'a celui de Tobolsk; c'est ce qui doit se faire infailliblement en égard à la proximité de lieux et de liaisons qui existent entre les deux districts.

Je finis, crainte d'abuser de la patience de Votre Excellence; mais e ne le crains pas, quand je vous prierai de continuer vos bontés et de vous ressouvenir de celui qui est et sera toujours avec le plus profond respect et l'attachement le plus inviolable *etc.*

Tomsk.
le 23 Août. 1791.

Приписка Рубановской: „Je me joins à mon ami pour prier Votre Excellence de me conserver dans votre souvenir et d'agréer les vœux que nous fesons pour votre personnee, de même que le respect et la vénération que je vous ai vouée et qui ne finira qu'avec la vie de celle qui a l'honneur d'être," *etc.*

Приписка Радищева: „Я осмѣливаюсь здѣсь приложить письмо къ дѣтямъ и брату для вѣрнѣйшаго къ нимъ доставленія, прося ваше сіятельство оное переслать".

42.

Наконецъ, по многотрудномъ путешествіи, я чрезъ два мѣсяца и 8 дней прибылъ въ Иркутскъ со всей моей семьею. Дорога наша, по

причинѣ худой погоды и нездоровья Елисаветы Васильевны, была скучна и тягостна. Но, слава Богу, мы переѣздъ нашъ до сего города совершили. Здѣсь благодѣянія вашего сіятельства и милости меня предварили. Я вездѣ нахожу здѣсь человѣколюбіе, соболѣзнованіе, ласку. Отъ его превосходительства Ивана Алферьевича получилъ я книги, инструменты и деньги. Привѣтствіе его и всей его фамиліи довольно убѣждаетъ меня, что ваше сіятельство меня не забыли; воздаяніе вамъ за то слеза искреннія признательности предъ олтаремъ Всевышняго.... Простите меня, я глупъ на выраженія, когда чувствованія родятся наперерывъ въ сердцѣ; а хотя въ письмѣ моемъ мало будетъ замысловатыхъ комплиментовъ, ужели вы сочтете, что я чуждъ благодарности и безчувственъ? Нѣтъ, я знаю, вы не таковы.

Я, слава Богу, здоровъ или почти здоровъ, и потому, казалося бы, могъ предпринять остальное путешествіе, которое, въ соразмѣрности уже совершеннаго, кажется почти ничто. Когда меня отправятъ, мнѣ неизвѣстно, а единственная дорога отсюда до Илимска есть рѣка Ангара. Доколѣ не покрыта водою, плыть оною должно внизъ верстъ съ 500. Потомъ чрезъ горы и лѣса 110 верстъ не иначе, какъ верхомъ. Зимою ѣздятъ по льду и чрезъ горы въ саняхъ.

На многія письма вашего сіятельства, которыя я здѣсь имѣлъ честь получить, я ничего сказать не имѣю, какъ изъявить мою наичистѣйшую благодарность. На нѣкоторыя же буду отвѣтствовать повременно и мысль мою о Китайскомъ торгѣ изъяснить постараюся. Предварительно то только сказать могу, что Иркутская губернія болѣе страждетъ отъ пресѣченія сего торга, нежели Тобольская. За присылку Германова описанія Россійскаго Государства покорнѣйше благодарю; ваше сіятельство изволили мнѣ его прислать вмѣсто описанія С.-Петербурга Георгіева. Но какъ я и то просилъ прислать, то ваше сіятельство меня предварили въ моемъ желаніи. Оно писано со многими подробностями, на нѣмецкій вкусъ. Изъ него можно выучиться, какъ варить квасъ и кислы шти, искусство, помѣщенное между мануфактурами; многія таможенныя вѣдомости куплены имъ, кажется, на биржѣ по 25 копеекъ листочекъ. Еслибы удалося намъ пожить лѣтъ сто, то бы мы увидѣли событіе пророчества господина Германа, что въ Россіи больше будетъ народа, нежели въ Китаѣ. Но онъ забылъ, что тѣла политическія старѣютъ, такъ же какъ и естествен-

ныя, соразмѣрно употребленію своихъ силъ. Если человѣкъ въ молодости своей живетъ невоздержно, то навлекаетъ на себѣ безвременную дряхлость и скорую смерть. То же сказать можно и о тѣлахъ политическихъ. Но на сей разъ довольно. Колотливая дорога столь растрясла мои бока, что, кажется, еще и мысли бродятъ. Но всегда они тверды въ томъ, что чувствованіе незатменное вашихъ милостей ко мнѣ пребудетъ во мнѣ живо навсегда и въ наслѣдствіе останется дѣтямъ моимъ. Въ окончаніе всего позвольте мнѣ, пребывая съ глубочайшимъ почтеніемъ, назваться вашего сіятельства покорнѣйшимъ слугою

Александръ Радищевъ.

Иркутскъ,
Октября 14 дня
1791 года.

PS. Я пріѣхалъ сюда 8 числа сего мѣсяца послѣ обѣда.

43.

Monsieur.

Un plaisant trouveroit peut-être, que mes lettres à Votre Excellence commencent par un lieu commun, peut-être c' est-il fastidieux à vous même; mais le sentiment de reconnaissance est devenu un sentiment si habituel à mon cœur, un sentiment si cher, que ne point vous marquer ma reconnaissance seroit une peine, n'en point parler seroit une privation pour moi. Descartes faisait le raisonnement suivant: je doute, donc j'existe; et moi je dirois: je jouis encore du bonheur d'être avec mes enfans, donc vous ne m'avez point oublié. Oublié! Vous vous occupez de ce qui me regarde. Un de ces jours j'ai ouvert les caisses de livres que Votre Excellence m'a envoyé; il m'a semblé que j'ai été moi-même à la librairie pour les choisir. Ah, monsieur, quelle dette immense vous me faites contracter! Comment m'en acquitter? Le tribut ordinaire... et rien de plus.

Il y a deux jours que nous avons expédié par eau presque tous nos effêts pour Ilimsk, y ayant ajouté les provisions nécessaires. Nous ne partirons que par le trainage, car à moins d'aller par eau, le chemin d'été n'est praticable que pour des chevaux de selle. Je fais préparer quelques traineaux; car, à la première neige, nous nous mettrons en route.

La situation d'Irkoutsk est bien loin d'être aussi belle que celle de Tobolsk. Outre l'espèce de gorge que forme le courant de l'Angara et qui se prolonge assez loin, tout l'horizon est borné d'assez près par des montagnes, couvertes de bois. Ce qu'il y a ici de plus beau, c'est le fleuve qui entoure la ville de deux côtés. De toutes les rivières que nous avons travevsé, sans en excepter même la Чусовая qui coule dans l'Ourale, l'Angara est la plus rapide, et sa grande rapidité est la cause qu'elle ne se couvre de glace que fort tard. Je ne sais s'il en faut croire ce qu'on raconte ici de la manière dont la glace se forme à sa surface; on prétend qu'il se forme au fond de la rivière une espèce de neige où verglas qui monte ensuite à la surface et est transformé en glace. Ce seroit un phénomène tout particulier et dont l'explication à mon avis ne seroit point si facile.

Je réitère à Votre Excellence mes bien humbles remercimens pour tous les envois que vous avez bien voulu me faire; je vous prie de me conserver votre souvenir et de croire que tant qu'un souffle de vie animera mon corps et, pourquoi ne le dirai-je pas, qu'après ma mort même, je ne cesserai de vous bénir. C'ést le sentiment de mon cœur; et rayant, dans un moment où l'âme est pleine de son objet, toutes les formules des finales épistolaires, je dirai: votre de cœur et d'âme A. Radischeff.

Irkoutsk.
le 29 Octobre 1791.

44.

Милостивый мой государь графъ Александръ Романовичъ!

Письмо вашего сіятельства, полученное мною на вчерашней почтѣ, вмѣсто обыкновеннаго мнѣ утѣшенія, принесло печаль: увидѣлъ изъ онаго, что вы нездоровы. Одинъ Богъ то знаетъ и сестра моя тому свидѣтель, сколь сердце мое къ вамъ привязано, и что всякое изъявленіе будетъ чувствованію моему несоразмѣрно и слабо.

Мы здѣсь живемъ, дожидаяся зимы, и ожиданіе мое сопряжено съ немалою нетерпѣливостію, для того что наскучило жить не на мѣстѣ и, такъ сказать, почти безъ упражненія. Въ Илимскѣ могутъ они быть для меня разнаго рода. Садовничество будетъ, конечно, не послѣднее, и для того вашего сіятельства прошу усерднѣйше прислать мнѣ сѣмянъ. Извините мое нахальство, но принужденнымъ себя

въ томъ нахожу, ибо тѣ, что привезла сестра изъ Москвы, попортились. Но каково бы мое упражненіе ни было, не можетъ наградить печали моего съ дѣтьми разлученія; и если кто меня хорошо знаетъ, можетъ ли тотъ немного усумниться, чтобъ я съ той уже минуты, какъ лишился ихъ, не раскаявался болѣе о сдѣланномъ, нежели въ состояніи когда-либо быть могъ впасть въ преступленіе? И признаюсь вамъ чистосердечно, каково должно быть мое поведеніе, чтобы раскаяніе изъявляло, не знаю.

Здѣсь всѣ съ нетерпѣливостію ожидаютъ отвѣта Китайскаго Трибунала о Кяхтинскомъ торгѣ, и надѣются, что отвѣтъ будетъ благосклонный. Мнѣ очень пріятно будетъ, если зимній путь станетъ недѣлею позже, ибо буду имѣть случай видѣть китайцевъ; но съ радостію бы отрекся видѣть китайцевъ и японцевъ, еслибы счастіе допустило меня видѣть тѣхъ, которыхъ лишеніе составляетъ истинное мое несчастіе. Есмь съ глубочайшимъ почтеніемъ, какъ и обычайно, вашего сіятельства милостиваго государя моего покорнѣйшій слуга

Александръ Радищевъ.

5 Ноября 1791 года
Иркутскъ.

45.

Monsieur.

J'ai beau vouloir me faire une illusion continuelle sur mon état; il y a certains momens, où l'imagination a toutes les peines du monde de s'exalter pour franchir, à l'aide du seul possible, une trop douloureuse réalité. L'éloignement seul, et vous l'avourez, je crois, sans peine, a tout le droit et des mieux fondés, de dérouter la tête la plus conséquente. Je viens de recevoir une lettre de Votre Excellence et, malgré tout le beaume précieux de la consolation que vos lettres versent dans mon âme, quand je considère, que cette dernière n'est qu'une réponse à une des meinnes écrites de Tomsk, et qu'avec la plus grande célérité, il faut trois mois pour avoir une réponse; quand je mets encore en ligne de compte la distance d'Irkoutsk jusqu'a Ilimsk, et qu'il n'y a pas de poste réglée entre ces deux endroits: je vous avoue que l'idée est effrayante. Dans quelles situations l'homme ne peut-il pas se trouver! Et si le malheur lui en veut... Succombant, anéanti sous le poid qui l'accable, le malheureux étendra vainement ses mains vers l'homme qui pourrait

venir à son secours. La dépouille deviendra plutôt la proie des vers avant que sa voix puisse se faire entendre. Pardonnez à ma jérémiade: c'est que je suis à 6000 verstes de vous. Le trainage est déjà établi, et nous partirons dans la quinzaine sans faute. Comme la Angara ne se couvre de glace qu'au commencement de Janvier, et comme le chemin ne devient praticable que vers la fin du même mois, nous serons obligés de suivre, pour nous rendre à Ilimsk à présent, le grand chemin de Jakoutsk, en voyageant plus de 500 verstes le long de la Léna. C'est un grand détour, mais on ne peut pas faire autrement. En suivant cette route, nous aurons à faire environ 900 verstes jusqu'à Ilimsk, tandis qu'il n'y a que 560 en suivant l'Angara.

J'ai fait ici connaissance avec le sieur Chélekhoff, qui ne fait que de revenir d'Okhotsk, où il va chaque printemps pour recevoir ses navires revenant de l'Amérique. Votre Excellence le connait et a lu le journal de son voyage, que l'on vient d'imprimer à Moskou et dont il n'est pas content. Il avoit bâti, en la société du colonel Bentham, et équipé un navire pour le commerce de l'Amérique, mais il vient d'échouer, et Chelekhoff a pris à ses gages le capitaine que est un Anglois.

On attend ici d'un jour à l'autre la réponse des Chinois au sujet de l'ouverture du commerce à Kiachta, et avec la plus grande impatience; la mienne, puisque je suis encore homme, ne s'éutned qu'aux jours de poste, sans m'embarasser quelles nouvelles elle apportera; car, bonnes ou mauvaises, mais une lettre de vous et une réponse à faire, sont pour moi des jours de fêtes; et n'est-ce pas un plaisir réel pour un cœur sensible et malheureux de s'entendre dire: tu es encore pour moi ce que tu as été; n'en est-ce pas un de dire à son consolateur: c'est toi qui me fait vivre!...

14 Novembre 1791.

46.

Monsieur.

Le courrier, qui n'est point encore parti, me laisse assez de tems pour adresser encore quelques lignes à Votre Excellence, pourvû toute fois que cela ne vous donne point de l'ennui.

Un des points importants dans la constitution d'un pays est (je n'ai pas besoin d'en donner des preuves, Votre Excellence le sait mieux que moi) l'éducation, soit publique, soit privée. Je ne parleroi pas de l'édu-

cation de tout le gouvernement (je n'en suis pas assez au fait) ni de l'éducation de l'homme de la campagne (celle-ci est assez connue); mais de l'éducation que reçoit la jeunesse de Tobolsk. Les moyens sont assez multipliés et avec quelques corrections que des chefs intelligens auroient pu facilement apporter, ces moyens auraient été plus que suffisans. Il y a ici une école publique, et à mon grand étonnement j'y ai trouvé des maîtres assez bien instruits pour l'endroit; surtout un jeune homme qui auroit pu faire beaucoup de progrès, s'il y avoit quelqu'un pour le conduire et s'il avoit des moyens pour nourrir son esprit par la lecture. L'un et l'autre ne lui manqueraient pas, mais lui manquent absolument par des circonstances particulières. Il y a ici un séminaire, où l'on enseigne ordinairement dans ces écoles. Je ne sais si les écoliers entendent le latin, mais je le sais fort bien qu'ils chantent des cantiques latins. Ce sont les sujets dont on fait ici des prêtres et des diacres. Il y par dessus une école de garnison; on y enseigne comme autre part à lire, à écrire et l'arithmétique. Ces écoliers deviennent soldats et parviennent ordinairement à être anciens sergents de compagnies, service qui demande la science des chiffres et de savoir lire et écrire. En outre quelques personnes infortunées exercent chez des particuliers le métier de gouverneur d'enfans.

Les écoles publiques sont sur le pied général, comme Votre Excellence le sait, et sont gérées suivant les principes communs; ce qui leur manque ici, c'est un bon ordonnateur. Mais il s'en faut de beaucoup, que le marchand d'ici soit persuadé de leur utilité. Il s'en trouve encore bon nombre qui croient que c'est contrevenir aux préceptes de la religion, si leurs enfans apprennoient à lire autrement que dans un часовникъ. Ces écoles ne sont donc pas assez garnies pour une population de 10 à 12 milles hommes. Les écoles de garnison ne livrent tout au plus que des цыфиркинъ et les séminaires souvent des кутейкинъ. Si ces trois écoles étoient combinées, et si pour faire des prêtres ont prenoit indifféremment parmi toutes les classes de citoyens (et prourquoi un fils de soldat ne serait-il pas prêtre, si le fils de prêtre devient soldat?) nous aurions souvent des prêtres comme il faut. Mais les classifications ressemblent souvent à des monopoles dans leurs effêts. Les castes des Indous présentent chez un même peuple l'ignorance la plus abjecte et de la philosophie spéculative.

Les gens qui prétendent à la connaissance du cœur de l'homme, ces gens qu'on peut appeler des voyageurs dans le pays des merveilles, nous disent que plus un homme a, plus il veut avoir. Un avare, assis sur une montagne de sacs remplis de ducats, désire de voir un autre devant ses yeux, quand même ce ne seroit que pour jouir du vis-à-vis; un ambitieux, un Alexandre, ne s'arrête qu'au *nec plus ultra.* On prétend même que cela ne peut pas être autrement, car il est de l'essence de l'homme de désirer, et un homme sans désirs ne seroit guères plus qu'un automate, disoit (si je ne me trompe) Helvétius de mémoire maudite. Homme je suis, et je crois que je donne tête baissée dans la régle commune. Plus Votre Excellence m'envoye de livres, plus je deviens impudent pour vous en demander, et au risque de passer pour tel, je vous en demanderois un à présent. C'est la Vie de Basedow, qui vient de paraître à Hambourg en allemand. Si la vie d'un particulier obscure, d'un homme sans renom peut, étant bien écrite, trouver des lecteurs, si Grosley sait se rendre intéressant en parlant d'un père au sept p. et d' autres balivernes, avec combient plus de raison la vie d'un homme, dont la vie ou les ouvrages ont eu une influence sur son siècle, ne doit-elle pas nous intéresser? Si l'Europe doit à Rousseau la révolution qui s'est opérée dans son éducation générale: c'est certainement à Basedow que l'on doit ces méthodes faciles et simplifiées pour enseigner même aux enfans, ce dont encore au commencement de ce siècle on n'osoit approcher qu'à vingt ans. Ce n'est pas que j'approuve indifféremment toutes les nouvelles inventions faites pour rendre aux enfans les études plus faciles. Le temps fera voir l'excellence ou l'absurdité de la méthode de Basedow; mais à mes yeux tout homme qui agit sur l'esprit général mérite d'être connu. Dans les tems fabuleux on en auroit fait un dieu; les Grecs lui auroient bâti un temple. De notre tems (abstraction faite des folies françaises), s'il prétend à l'immortalité, c'est qu'on lui fera la grâce de faire son buste qu'on placera dans un boudoir ou cabinet de curiosité. Mais je sens déjà que j'ai passé les bornes prescrites pour une lettre, et que je puis devenir ennuyeux, moi qui ne devrais parler que de vos bontés et de ma reconnoissance, et encore cela peut-il devenir fastidieux pour une âme bien placée? Mais telle que puisse être l'expression qui naîtra au bout de ma plume, croyez, ah croyez, que mon cœur sent et est propre pour sentir tout ce qui est fait pour toucher l'âme. Si je puis

me glorifier encore des quelques momens heureux, c'est à vous que je le dois. Je presse mes enfans contre mon sien... Ah, vous le sentez: c'est votre ouvrage. Ma sœur et mes enfans présentent leurs respects à Votre Excellence.

Le 26 Novembre 1791.

Irkoutsk.

47.

Милостивый мой государь графъ Александръ Романовичъ.

Послѣ завтра мы отсюда отправимся въ Илимскъ. Я очень радъ, что съ этой стороны исполняется желаніе вашего сіятельства, чтобы мнѣ долго здѣсь не заживаться; но съ другой стороны безпокоитъ и то, что, будучи на мѣстѣ, я рѣже буду имѣть извѣстіе; да еще повторю и то, что̀ я писалъ къ вашему сіятельству въ послѣднемъ моемъ письмѣ, что если когда-либо вы благое ко мнѣ имѣли расположеніе, если вы имѣли желаніе когда-либо мнѣ благодѣтельствовать, то никогда столько не имѣлъ я въ томъ нужды, какъ нынѣ, какъ отправляясь въ назначенное мнѣ мѣсто для пребыванія. Vos bontés, votre recommandation, votre souvenir seul, ou le moindre oubli de votre part, fairont monter ou descendre le thermomètre (passez moi cette singulière manière de m'exprimer) de ma manière d' être. Me refuserez-vous un mot, quand vous saurez qu'il ajoute à ma tranquillité? Non votre cœur sensible ne s'y refusera pas, j'en ai eu des preuves.

J'ai encore à demander des excuses à Votre Excellence pour les inégalités d'humeur qui vous pouvez quelquefois remarquer dans mes lettres; dans des momens où l'âme est mécontente d'elle même, où elle voudroit pour ainsi dire fuir sa propre présence, pardonnez à une expression inconsidérée: elle ne vient point du cœur.

Признаюсь вашему сіятельству, что я имѣю нѣкое отвращеніе подумать о моемъ въ Илимскѣ пребываніи. Я стараюсь себя увѣрить, что все равно, что̀ жить тамъ или жить въ деревнѣ; чувствованіе сильнѣе мысли, и я тревожусь. Но мнѣ кажется, что къ сему привыкнуть могу. По счастію моему, я не одинъ, и упражненіе разгоняетъ черноту мыслей. Отъ Китайцевъ нѣтъ еще отвѣта, и всѣ сроки прошли, въ который оный ждали. Желательно, чтобъ они согласились на открытіе торга; если медленность ихъ происходитъ не отъ упор-

ства, то подождать не бѣда, долго ждали, не многое разности не дѣлаетъ; но если противное, то ладитъ съ ними, видно, мудрено.

Прощайте, милостивый государь. Въ уединеніи, въ пустынѣ живущему, сохраните ваши милости къ тому, кто есть всегда съ истиннымъ чувствованіемъ и нелицемѣрнымъ и глубочайшимъ почтеніемъ вашего сіятельства милостиваго государя моего покорнѣйшій слуга

Александръ Радищевъ.

Иркутскъ.
Декабря 10 дня
1791 года.

48.

19 Декабря (1791).

Небольшая простуда, приключившаяся дѣтямъ моимъ, была причиною, что я здѣсь промедлилъ до сего дня, но завтрашнее утро наставъ, Иркутскъ меня уже больше не увидитъ, и письмо сіе отправится послѣ моего отъѣзда. Я не могу довольно возблагодарить вашего сіятельства за всѣ благопріятства, которыя мнѣ здѣсь оказывали, а потому увѣренъ, что на мѣстѣ моего пребыванія буду жить безъ обидъ и въ спокойствіи. Продолженіе вашихъ милостей оное усугубитъ, и если въ моемъ положеніи можно жить довольну, я долженъ быть доволенъ; не знаю, буду ли.

Въ дорогѣ я пробуду, думаю, недѣли двѣ, и желательно, чтобы насъ повезли дальною дорогою, ибо она несравненно лучше и доставитъ мнѣ случай видѣть одну изъ величайшихъ Сибирскихъ рѣкъ, Лену. Когда же оттуда мнѣ писать можно будетъ, не знаю; а имѣю увѣреніе, что можно будетъ имѣть мнѣ извѣстіе и писать самому по крайней мѣрѣ одинъ разъ въ мѣсяцъ, а, можетъ быть, и два, пользуясь Якутскою почтою, которая отсюда отходитъ два раза въ мѣсяцъ, а Илимскъ отъ Якутской дороги въ 150 верстахъ разстояніемъ. Прощайте, милостивый государь; я иду велѣть укладывать повозки.

Сестра моя и дѣти свидѣтельствуютъ вашему сіятельству нижайшее почтеніе.

Je joins ici deux lettres, l'une pour mes enfans, l'autre pour m-me Rgéwsky qui en renferme une pour ma belle mère et ma belle sœur, dont nous n'avons dutout des nouvelles; je supplie Votre Excellence des le faire parvenir à leur destination.

Monsieur.

Aujourd'hui il y a un mois que nous sommes sortis d'Irkoutsk, et depuis ce tems nous n'avons eu aucune nouvelle de Russie; si j'y ajoute les quinze jours qu'elles nous ont manquées avant notre départ, cela faire environ sept semaines. Point de lettre de Votre Excellence, point de lettre de mes enfans, point de mon père.... Si on se sent encore quelque attachement à la vie, vous l'avouerez qu'un pareil état est bien pénible. Ma sœur n'en a non plus point de nouvelles de sa mère, ni de sa soeur, ni de son frère. M-me Rgéwsky ne lui a point écrit depuis plus de deux mois. Serions nous oubliés tout à fait? Non, je ne saurais me le persuader. Non, mais c'est l'éloignement de lieu, les hommes, et... que sais-je encore quoi. De même qu'au physique plus le mouvement s'éloigne du centre, où gît son principe, plus il devient faible: de même, plus les hommes s'éloignent du centre de l'etat, moins ils sentent l'énergie qui les meut. En certains cas, ils perdent jusqu' à la sensibilité. Je ne dois point me plaindre de mon état, je me le suis attiré moi-même; aussi personne ne m'entend gémir sur mon sort. Concentré dans moi-même, ma douleur, renfermée dans mon âme, ne rend qu'un écho sourd qui ne retentit point au dehors, que de tems en tems, et souvent par surabondance de sensation pénible (vous en étes quelquefois le témoin) et toujours comme malgré moi. Votre indulgence m'excusera; votre sensibilité y porte souvent un remède salutaire.

Le commencement de mon séjour ici est très pénible. Ma sœur est malade depuis 15 jours, et garde le lit. Mes enfans l'ont été tour à tour, quoique légérement, et moi qui toujours eût la tête faible, je prends tous les jours des vapeur du poile. Notre logement y contibue, et les gelées bien fortes, encore plus. Depuis la nouvelle lune il gèle 32 et $32^1/_2$ dégrés; depuis huit jours une seule journée n'a été que 23 dégrés. Nous sommes dans le meilleur des mondes possibles, me disait hier au soir Pangloss avec le quel je m'entretenais. Pangloss, que n'ai-je la philosophie! On te pend, et tu dis que c'est pour le mieux. Mais si je puis trouver des raisons pour ma condamnation, je n'en trouve aucune pour être privé de nouvelles. Je réitère donc ma prière à Votre Excellence, telle que je l'ai exprimée dans ma dernière lettre d'Irkoutsk. Ah

pardonnez, monsieur, pardonnez mes impotunités: s'il est possible de se roidir contre le malheur, la gêne porte toujours atteinte à notre humeur. Et à qui m'adresser, si ce n'est à celui, qui sent combien il est facile d'aggraver la douleur d'une âme souffrante, à celui qui y porte du soulagement, à vous?

J'ai l'honneur d'être avec le plus profond respect, monsieur, de Votre Excellence le très humble et obéissant serviteur

A. Radischeff.

PS. Les deux feuilles précédentes avoient été prêtes pour le jour de poste, qui étoit le 26 IX-bre. Mais mr. le gouverneur-général, n'écrivant pas ce jour à Votre Excel., ne l'a point acceptée, disant qu'il partiroit bientôt un courrier pour Pétersbourg de sa part. Aujourd'hui le 4 Décembre, jour de poste, il ne l'a point acceptée par la même raison. Afin que ma lettre ne veillisse pas dans mon portefeuille, je profite du départ du vice-gouverneur d'ici pour la faire parvenir à Votre Excellence. Je suis fâché qu'il s'en aille d'ici pour ne plus revenir, je pense; c'est un homme que j'ai connu encore à Pétersbourg et c'étoit le seul qui fut de ma connaissance dans ce gouvernement; le second c'étoit mr. Dithmar qui est mort avant mon arrivée. On m'a signifié que je ne pourrois point rester longtems dans cette ville, et comme ma lettre partira le 6, je crois que nous nous mettrons en route le 7 ou 8 du courant. Si le courrier ne part pas un de ces jours, ce sera probablement la dernière lettre que j'aurai l'honneur d'écrire à Votre Excellence d'ici.

Dans quelque endroit que je vivrai, j'espère dans les bontés de Votre Excellence; mais si jamais j'ai eu besoin de votre recommandation et protection, c'est certainement à présent; car, vivant dans un endroit isolé, à quoi ne risque-t-on pas d'être exposé?

On avoit bien raison de dire que les gens d'ici ou quelques gens étoient ce qu'il y a de plus mauvais, et c'est qui me fait hâter mon départ.

On m'a assuré que quelqu'un veut dénoncer au Sénat que je suis traité ici mieux que je ne le devrois. Si on voyait ce que mon cœur souffre quelquefois, mon ennemi même n'aurait pas envié mon état. Je me remets en tout à la Providence et... en vos bontés.

50.

Monsieur.

Quelle différence de la situation de mon âme à présent de celle où elle étoit au départ de ma derière lettre à Votre Excellence. Triste et presque malade, je me nourrissois de douleur; mon âme ne pouvoit s'exhaler qu'en plaintes. Aussi votre bonté ordinaire attribuera à cette espèce de splin passager mes lamentations. Il y a deux jours que j'ai été amplement dédommagé de mon attente. Deux lettres de Votre Excellence et une troisième antérieure à bien d'autres que j'ai déjà reçues; probablement c'est celle dont mr. Laxmann étoit porteur, car à mon départ d'Irkoutsk il n'y étoit pas encore. Plusieurs lettres de mes enfans. Enfin je ne puis assez me louer des bontés que Votre Excellence me fait éprouver de la part de mr. le gouverneur-général. Me voilà revivifié, et les ressorts de mon âme remontés pour autant que cela peut l'être. Le chagrin est renvoyé au fond du sac, et Dieu merci, ayant recouvré un peu de bonne humeur, je suis plus tranquille, et ma tête est à sa place. Que de grâces n'ai je point à rendre à Votre Excellence pour les envois qui je viens de recevoir! Non seulement vous me nourrissez, vous m'habillez, vous me donnez dans les livres un passetems agréable, mais vous ôtez à mon état tout ce qu'il peut avoir d'horrible. Vous écoutez mes lamentations avec bonté, vous me plagnez et me consolez. Oui, je le dirai: si mon malheur a été de nature à pouvoir endurcir une âme sensible, ce n'est que votre bonté et votre compassion inaltérables qui ont pu rendre un homme, presque aliené, à lui même, a ses enfans, à ses proches; à présent je puis dire que je dis encore, et je vous assure, que mon existence est passable. Que ne vous dois-je pas pour autant de bienfaits? Ce qui m'attriste c'est que mon âme dans sa reconnaissance ne paroisse rester au dessous de leur niveau.

Comme Votre Excellence daigne condescendre à des détails pour me chausser et me vêtir, je ne crains pas de l'importuner en lui présentant aussi quelques détails qui me regardent dans mon séjour à Ilimsk. Ayant vécu avec peu d'œconomie à Pétersbourg et fait beaucoup de dettes, le croiriez vous, que je pense à thésauriser, peut-être gauchement; car il me semble que le métier d'avare ne sera jamais mon métier; toute

fois de l'argent que j'ai reçu de Votre Excellence et du peu que ma sœur pu apporter, nous avons pu mettre de côté 1500 r.

Le gouverneur-général a eu la bonté de s'en charger et l'a mis entre des mains d'un marchand qui, en s'obligeant à payer le intérêts jusqu'à l'ouverture du commerce de Kiachta, à voulu partager tout le profit que cette somme pourroit lui apporter, en traficant avec les Chinois. Ce qui m'a porté à faire ce pas, c'est qu'on m'avoit dit à Irkoutsk que le vivre ici seroit plus cher qu'à Irkoutsk. J'ai donc voulu avoir un suppiément de recette, pour obvier aux dèpenses nécessaires de la maison. Sur ce qu'on m'avoit dit du haut prix des denrées et du manque de plusieurs choses et ustensiles de nécessité absolue, nous a porté à faire beaucoup de provisions à Irkoutsk, et nous sommes maintenant fournis pour plus de six mois de toutes les chosses nécessaires. Etant à présent sur les lieux, je vois que tout ce qu'on m'avoit dis a été exagéré. Il est certain que la farine de seigle est à meilleur marché à Irkoutsk qu'ici; il est aussi vrai qu'Ilimsk et ses environs ne produisent rien, mais rien du tout; mais à cent verstes et au delà la contrée est abondante, et Ilimsk est au centre d'une communication de deux fleuves, de l'Angara et de la Léna, dont les bords fertiles de la première nourissent la stérilité de l'autre. Il y a ici même un entrepôt, et tout les petites habitations du haut de l'Ilimsk s'approvisionnent ici à leur grand détriment, parceque bien souvent ils achètent le pain de seigle à 50 et 60 cop. le poud. Il est certain que toutes les denrées sont ici beaucoup plus chères qu'à Tobolsk par exemple, mais il n'y a que le pain de seigle qui soit ici plus cher qu'à Irkoutsk; le reste est à meilleur marché. Par ex., le pain de seigle est à Irkoutsk cette année-ci, qui est une année d'abondance, à 20 cop. le poud, ici à 30 cop.; le froment à 55 jusqu'à 70 cop., ici à 35 et 40, la viande de bœuf est à Irkoutsk à 80, ici à 70 c. le poud; le beurre ici est pourtant un peu plus cher: à Irkoutsk à 3 r. 50 cop., ici je l'ai acheté à 3. 75. Le poisson est ici à meilleur marché, c'est à dire le sterled et l'esturgeon; on le vend à 1 r. 25 le poud; mais le gros du peuple se nourrit avec les *omouli*, espèce de hareng, qui vient de la Sélénga. Il est aussi vrai qu'il y a ici peu d'artisans. On voit qu'il y en eu, quand Ilimsk étoit une ville, et principale ville de ces contrées. Il n'y a ni cordonnier, ni tailleur, ni chandellier, ni serrurier. Mais n'est ce pas la même chose dans bien des villes de la Russie où l'on s'approvisionne une fois dans l'année et l'on

vit dans l'aisance. Volà le cas d'Ilimsk. Il faut savoir s'approvisionner à tems et dans les lieux convenables: bien des choses que l'on achète en ville, à la campagne on les fait soi-même et avec beaucoups plus de profit; par exemple chandelles, dragées de plomb etc., et pour m'orienter quant à cela, j'aurois recours à Votre Excellence, tant il y a qu'on peut devenir impudent. En fait de métiers, je suis très ignorant; mais si Votre Excellence voudra bien m'aider de quelques livres analogues, je pourrois me tirer d'affaire. Un livre russe que je ne connais que sur parole *Омкрытие художествъ*, un livre allemand *Hallens Natürliche Magie*, *Le dictionnaire de chimie* de Maquer et quelque livre oeconomique en français me seront d'une grande utilité.

Si le commerce de Kiachta se renouvelle, comme il y a apparence, le bon marché sera encore plus grand à bien des égards, et tout ce qui est marchandise étrangère, baissera du prix. Quant à cet article, je ne m'en inquiette plus: ma provision est faite pour l'année. Vu le peu d'étendue de pays plat, le foin est ici, sinon une chose chère, tout au moins très rare. Chacun en a pour soi, en petite quantité, et ne peut en céder, ce qui me fait penser à affermer quelque bout de prairie qui sont éloignees au moins de 25, 30, 40 et même 50 verstes. Si le malheur en vouloit, que mon séjour dut être plus long qu'il ne m'est permis d'espérer, je déffricheroi quelque coin de terre d'une dixaine de desiatines pour en faire à tour de rôle un champ labourable et une prairie, et pour être en état d'entretenir des chevaux et des bêtes à cornes. Pour le présent mon étable est garnie de quatre bêtes vivantes, d'une vache, qui nous nourit de son lait, de son veau, d'un mouton que nous engraissons et q'un cerf femelle, présent d'un Toungouse.

Quant à mes occupations, elles sont assez bornées et uniformes. La matinée est employée avec mes enfans, l'aprés-diner à faire une très courte promenade et le reste du tems à lire. C'est ma meilleure occupation et, grâce à vos soins généreux, la source n'en tarit pas. En m'exortant à la patience et à la résignation, Votre Excellence dans la dernière de vos lettres m'exhorte à me repentir de ce que j'ai fait, en ajoutant qu'un repentir sincère et bien marqué pourroit contribuer à l'adoucissement de ma situation présente. Ah que ne ferai-je, pour me rapprocher de mes enfans! Mais quel peut être ce repentir sincère? N'a-t-il pas été bien vif, bien caractérisé, du premier moment, que j'ai été privé de toute

communication avec les miens? Et à présent dans cet éloignement areux, qui doit donc être témoin de la douleur de mon âme; faut-il des sermens que j'aurois plutôt voulu perdre un bras, une jambe et n'avoir point fait ce que j'ai fait; faut-il donc encore des humiliations? Hé, ces fers, s'ils n'ont point atteint l'âme, ni flétri le cœur, n'étoient-ils pa; suffisans pour la multitude; faut-il des garans, que je ne retomberai plus dans la même faute? Voilà quatre enfans, du moins tant qu'ils sont en bas-âge, et ma parole. Croyez qu'elle est plus forte, que tous les liens et entraves. C'est la gêne que nous endurcit, la bienveillance émeut l'âme, et si l'on veut des exemples, on corrige les enfans beaucoup mieux par la douceur que par les coups. Pardonnez, ah pardonnez. Vous qui êtes souvent le dépositaire de ma douleur, douteriez vous que je ne me repens pas?—Je prend à témoin tous les préposés des endroits où je me suis arrêté. Que peut on me mettre à charge? Même à Tobolsk, où Votre Excellence a crû qu'il ne m'étoit point profitable de rester, là même on pourra recueillir le souvenir des jours passés dans l'amertume.

Je finis pour ne point devenir ennuyeux. Si le sort voudra faire tarir la source de mes larmes, ce ne sera qu'un surcroît de motifs à ma reconnoissance. Si mes malheurs ne doivent finir qu'avec ma vie, ce ne sera aussi que là le terme où je ne sentirai plus vos bontés; si même vous m'oublies, votre culte se conservera intact dans mon cœur, tant qu'il palpitera.

Ilimsk le 6 Fevrier 1792.

PS. Je reprens la plume pour demander excuse à Votrs Excellence d'une lettre officielle, que j'ai eu l'honneur de lui adresser d'ici, quoique datée d'Irkoutsk. L'occasion où elle sera présentée à Votre Excellence peut excuser le motif qui me l'a fait écrire.

Ma sœur, qui est encore très faible, mais qui à lu ma lettre à Votre Excellence, me gronde de ce que je n'ai pas fait mention d'elle. Ses sentiments quant à vous sont les mêmes que les miens, quoique l'expression peut en être différente. Elle me charge de remercier Votre Excellence des nouvelles que vous voulez bien lui donner de md Rgéwsky, et d'être persuadé que son respect et son attachement pour vous ne finira qu'avec la vie.

Votre Excellence me demande des détails sur le pays que j'ai traversé; je tâcherai de la satisfaire à la première occasion. Quoique mon voyage a été fait à la hâte, mais j'ai retenu ce qui m'a frappé le plus. Irkoutsk est un endroit qui surtout par son commerce étendu mérite une grande attention. C'est l'entrepôt de presque tout le commerce de ce gouvernement, excepté ce qui en est dévié de Jakoutsk droit à Jeniseysk. En entretenant Votre Excellence du commerce de Kiachta, j'en ferai mention. Mais vous avez encore à excuser ma nonchalance. Ce n'en est pas une, et surtout quand il s'agit d'exécuter vos ordres; mais ma tête est si peu en ordre encore, il me semble même que ma mémoire est affoiblie. J'espère pourtant que je me mettrai en train, et d'un sens plus rassis je tâcherai d'exécuter vos ordres.

Je crois que pour le tems que ma lettre parviendra à Votre Excellence, mes neveux seront à Pétersbourg. Je les recommande à vos bontés, daignez vous intérresser pour des novices dans le grand monde. Je ne sais rien d'eux, sinon qu'il sont retournés de pays étrangers. Votre Excellence jugera mieux s'ils peuvent être dignes de vos bontés.

51.

Милостивый мой государь графъ Александръ Романовичъ!

Хотя не болѣе тому недѣли, какъ я имѣлъ честь писать къ вашему сіятельству, но чтобы не показаться ни забывчивымъ, ни лѣнивымъ, а паче исполняя обязанность мою и слѣдуя чувствованію моего сердца, я не хотѣлъ пропустить сего случая, какъ то не пропускаю никакого, мало хотя надежнаго, чтобы не извѣстить вашего сіятельства о моемъ здѣсь пребываніи.

Мы, благодаря Бога, живемъ здѣсь въ спокойствіи и тишинѣ, и недостатка по милости вашего сіятельства ни въ чемъ не чувствуемъ. Но сестра моя больна съ самаго пріѣзда въ Илимскъ, что̀ я дѣйствительнымъ почитаю несчастіемъ, ибо ко многимъ другимъ мрачнымъ мыслямъ присоединяется и та, которую я себѣ безъ ужаса не могу представить. Можетъ быть, сіе и малодушіе, но я въ томъ признаюся: мнѣ кажется, что и дѣти мои не столь здоровы, какъ прежде сего. Правда совершенная, что мѣста еще способнаго нѣтъ для гулянья, и я самъ живу въ нетерпѣливомъ ожиданіи весны и теплыхъ дней.

Сколько много я живалъ прежде сего въ движеніи, столь его нынѣ мало; но опричь ревматической боли, которую я и нынѣ еще чувствую въ пальцахъ и составахъ обѣихъ рукъ (если то не хирагра), то я всей моей семьи здоровѣе. Безпрестанное движеніе, въ которомъ я столь долгое время находился, и кушанье простое, но здоровое, тому, конечно, причиною.

Время здѣсь иногда хорошо, иногда дурно. Вчера день былъ очень теплый. Среди дня термометръ въ тѣни показывалъ 10 градусовъ теплоты, такъ что я могъ ходить гулять безъ сертука. Сего же дня хотя не очень холодно, но снѣгъ идетъ прегустой; если къ вечеру будетъ морозъ, то новая зима. Но сегодня новомѣсячіе, и погода слѣдуетъ непремѣннымъ правиламъ, такъ какъ и вся природа; еслибы и она была прихотлива и каприціозна, какъ смертные въ своихъ положеніяхъ, то бы иногда и въ Сибири могъ быть климатъ Гвинеи. Но мнѣ не о постороннемъ чемъ надлежало бы наполнять письмо, а только изъявленіемъ того, что̀ сердце и душа чувствуютъ, что̀ однако же я лучше чувствовать могу, нежели сказать. Если можете зрѣть во внутренности моей, для меня уже довольно.

10 Апрѣля 1792 года.

Илимскъ.

52.

Monsieur.

Aussi favorable que nous a été le commencement de cette année, aussi peu l'est elle à présent, et l'occasion d'écrire à Votre Excellence, quoique vivement désirée, ne se présente qu'aujourd'hui. Ainsi depuis le 9 Avril, jour du départ de ma dernière lettre, ce n'est qu'aujourd'hui, que je puis satisfaire mon cœur et payer à la reconnaissance le tribut accoutumé.

Quoique mon début sentira la rouille, je dirai pourtant suivant l'antique formule de nos ayeux: je vis, Dieu en soit loué. Mais ce qui est bien plus important, je me porte assez bien. Je désire que Votre Excellence puissiez dire mieux qu'*assez bien*, dire: je me porte parfaitement bien.

Notre tems se passe entre les occupations accoutumées et les distractions de la belle saison (sauf les mousquites) parmi lesquelles se mêle de tems en tems une certaine crainte, inséparable d'une situation pré-

coire, qui, pour me servir de l'expression d'un poëte latin, nous suit en croupe. Nous avons eu un May tout à fait beau, quant à le promenade, mais désespérant pour des campagnards. Il geloit la nuit, et à midi il y avoit jusqu'à 20 dégrés de chaud, de sorte que cela produisit une sécheresse étonnante. Le mois de Juin ayant mis fin aux gelées, elles furent remplacées pas des chaleurs étouffantes. Le thermomètre a constament monté de 22 jusqu'à 26 à l'ombre. Exposé au soleil, il est monté jusqu'à plus de 40 dégrés suivant l'échelle de Réaumur. Aussi toutes les graines ont péri; il n'y a que les concombres qui promettent une récolte abondante. Depuis huit jours, il pleut sans discontinuer.

Votre Excellence voudra bien pardonner des détails très peu intéressans. Mais comme jardinier, je réclame votre indulgence à cet égard. La gazette d'ici ne peut être que très pauvre; passé la saison de la chasse, tout est dans l'inaction, qui n'est interompue que par des larges et fréduentes libations à Bacchus, mais qui se règlent aussi sur l'abondance ou la dissete de la chasse passée. Je crois avoir déjà dit à Votre Excellence que celle de l'ecureuil, et c'est la principale, a été très pauvre, ce qui l'a fait renchérir au delà de toute attente. Par contre-coup les marchandises chinoises ont aussi renchéris. On dit que tout a renchéri à Irkoutsk. On n'en doit point s'en étonner; car l'abondance du numéraire, que l'interruption du commerce de Kiachta éloignait de ce gouvernement, venant a y affluer tout à coup, tout y a du augmenter de prix. Le charrois surtout. On m'a dit avoir payé jusqu'à Tomsk par poud $3^1/_2$ rouble au lieu de 80 ou 90 cop. qu'on payait auparavant.

Pour continuer ma gazette et pour l'amplifier, j'y insérerai une petite aventure qui m'est arrivée il y a quelques jours. Rien en elle même, elle est entre mille autres une preuve de l'esprit astucieux du peuple d'ici. Au reste, si le moindre baillement se faisoit sentir à la lecture, passez le feuillet, et grâce à l'écrivain.

A 50 verstes d'ici, en remontant l'Ilime, il se trouve une mine de fer très abondante, connue de tout le monde, dont le maréchal ferrant d'Ilimsk avoit autrefois fait usage. J'en avois eu un échantillon, et je brulois du désir de la voir. J'y allois en bateau, il y a huit jours, accompagné de mon fils; le hazard a voulu que nous n'y vinmes qu'à nuit close; le lendemain suivant les renseignemens, j'observai la position de la mine ou plutôt du monticule qui la recèle. L'affaire étoit finie,

mais je voulus gravir le sommet du monticule, et pour ne pas m'égarer dans le bois dont toute la contrée est couverte, je pris pour guide l'ancien du village où nous avions passé la nuit, et qui n'en est éloigné que d'une demie verste. Je me mis en chemin accompagné de mon enfant. Mais notre conducteur, au lieu de nous mener à l'endroit désiré, nous fit gravir à travers un bois très touffu et une haute herbe mouillée une montagne très escarpée. Nous y montames avec un courage digne des Argonautes, et parvenus au faite nous nous trouvames dans un bois très épais et où il n'y avoit point de sentier. Alors l'astucieux villageois fit semblant de checher l'endroit de la fouille et finit par dire, qu'il n'avait aucune connoissance de la mine. Il a fallu retourner sans avoir vu la direction de la mine, se nourissant d'espérance qu'un autre jour nous pourrions trouver un meilleur guide.

L'aventure n'est rien, mais on peut en tirer l'induction. 1°, qui l'habitant de ce pays aime l'astuce et trompe autant qu'il peut, quand même son intérêt bien entendu lui devroit faire aimer la droiture: 2°, qu'il écarte et tâche d'écarter toute nouveauté, tout voisinage. L'une lui paroit être à charge, l'autre l'incommode; heureux dans son repaire, la société l'incommode. Il passe une partie de sa vie isolé, solitaire, et ne paroit parmi ses semblables, que pour s'étourdir par les vapeurs des liqueurs énivrantes. Maître absolu de son bétail et de ses enfans, qui ont pour ses volontés, sinon un respect, du moins une soumission qui le surpasse, il voudroit vivre et mourrir inconnu. Tel est l'homme d'ici. Tel est il peut-être dans plusieurs endroits de la Sibérie.

Une qualité reconnue, qui existe ici jusque dans le petit peuple, c'est la chicane; et si en Russie l'homme du peuple se venge par la force, le Sibérien qui veut se venger dira: я его доѣду. Et si on le lui demande le comment, sa réponse sera: бумажкою. Une autre qualité très remarquable c'est le désir de se vanter, de relever bien haut tout ce qu'il fait, fut-ce la moindre baguatelle. Est-il donc dans la nature des choses du'un chasseur est toujours menteur? Qualité qui étoit si propre aux gentilshommes Courlandois, dit-on.

Les paysages ici sont peu agréables; les tableaux ne peuvent être variés, parce que l'horison est partout borné par d'assez hautes montagnes. Cependant à mon voyage à la mine de fer j'ai saisi un assez joli point de vue, qui en quelque façon étoit un peu illusoire, comme ceux qu'on voit

dans quelques parcs ou jardins anglois. Le point de vue partoit d' auprès d'un petit village qui étoit presque vis-à-vis; une étroite vallée se prolongeoit derrière le hameau et sembloit être à perte de vue, parceque derrière il y a un bois fort épais. En face un champ labouré couvert d'un blé verdoyant qui étoit terminé par une haute colline boisée, mais isolée de la chaine des montagnes qui courroit à la droite. A côté la vue se prolongeoit sur plus de cinq verstes. Là on voyait la rivière formant un coude et se perdre derrière une isle qu'elle formoit, et quoiqu'elle alloit toujours en serpentant, quelques touffes d'arbres la masquoient au spectateur, de sorte qu'on croyoit voir une vaste prairie qui faisoit un large contour et étoit bordée par une chaine de hautes montagnes que l'eloignement rendoit déjà bleuâtres. Le côté gauche se terminoit pas une prairie dont à cause de quelques broussailles, on ne voyait pas le peu d'étendue. Au milieu du paysage se présentoit une métairie, ou maison villageoise, avec toutes les appartenances, d'un *сынъ боярскій*. C'est le meilleur point de vue dont j'ai joui depuis environ deux ans; mais ce n'est rien en comparaison des beaux sites des environs de Tobolsk. L'oeil, en suivant le cours sinueux de l'Irtiche, croit voir des jardins, des bocages. Ils le soroient véritablement, si la Sibérie n'étoit quasi un désert quant à la population; elle restera longtems un désert, l'ordre immuable des choses l'éxige. Un habitant de ce désert, que votre voix ramena à la vie, la passe encore assez gaiement, avec son amie et deux petits enfans. Notre hymne commun, notre hymne journalier est: Dieu fait qu'il vive longtems, fait qu'il prospère.

Le 13 Juillet 1793. Ilimsk.

53.

Monsieur.

Après avoir langui pendant plus de trois mois et demi, sans avoir aucune nouvelle de nulle part, enfin le curé d'ici venant d'Irkoutsk nous apporta quelques lettres. Mais rien de la part de Votre Excellence. Ce pourroit-il que vous m'ayez oublié? Non, je ne puis y croire: mon cœur repousse une pensée, qu'il se feroit presque un crime d'avoir.

Nous menions ici une vie assez tranquille, et nous la passions aussi agréablement que notre situation malheureuse peut le comporter. Mon âme étoit calme et mon esprit pouvoit encore s'appliquer à la recherche

des vérités; je me sens tout autre depuis quelque tems. Toute occupation m'ennuye, je ne puis me défendre d'une tristesse involontaire. Point de vos nouvelles. Dieu veuille que la cause ne soit point une maladie! Mon père m'écrit qu'il est devenu aveugle; mes enfans sont à Pétersboug, seuls, livrés à eux mêmes au sortir de l'enfance. L'affreuse vérité qu'un célèbre poëte a expimé dans un vers, se présente à mon esprit dans toute son étendue:

Ah, nos jours derniers sont rarement sereins.

Cependant je tâche de me dissiper, je parcours les montagnes des environs, j'éxamine leur structure, et je m'efforce d'aquérir quelques connaissances minéralogiques. Malgré cela, le chagrin, suivant l'expression d'un poëte latin, nous suit en croupe. Mais passons à d'autres objets. Si j'avois été élevé dans la croyance superstitieuse de l'ancienne théologie, ou si le hazard auroit voulu que je crusse l'univers peuplé d'une infinité d'êtres invisibles qui président au cours des choses et qui se plaisent à diriger les actions des hommes, j'aurois du croire que quelque divinité complaisante, mais malicieuse en même tems, se plait à exaucer des vœux, peut-être indiscrets, faits dans des tems différens. Dès mon jeune âge j'ai senti une forte passion de faire des voyages éloignés, j'ai eu envie depuis longtems de connoitre la Sibérie. Mon désir s'est accompli, quoique trés durement. La lecture des descriptions des grands phénomènes de la nature me transportoit toujours. En lisant les relations des voyageurs sur Naples et Sicile, je gravissois avec eux la Vésuve, et l'Etna. Mon cœur se resserait au récit des désastres de la Calabre, mais je désirais en secret de me sentir sur un sol mouvent, et j'ai quitté Irkoutsk très triste pour n'avoir point vu de Chinois et n'avoir point senti la terre trembler sous mes pas. En égard à ce dernier souhait, il a été accompli, car le 10 de mai à 4 heures du matin nous avons eu un tremblement de terre. Je dormois, quand tout à coup je fus réveillé par le mouvement de mon lit. Il étoit tel, comme si quelqu'un le secouoit. Réveillé en sursaut, je le crois effectivement par mon fils qui couche dans une niche à mon chevet. J'appelois, et personne ne me répondit. Le mouvement cessa, et se renouvella bien plus faible au bout de quelques minutes. Il semblait partir de l'ouest et dans la direction des montagnes d'ici; il devoit venir de la chaine qui borde l'Angara. Le tremblement a été senti dans tout le haut Ilime, mais non vers son embouchure. Le tems étoit calme

et couvert; le baromètre étoit à 27 pouces 3 lignes, et je n'y ai point observé de variation. Le thermomètre étoit à 4 dégrés au dessus du point de congélation. Si un volcan s'ouvroit dans notre voisinage, si je voyois couler une lave enflammée, tous mes vœux téméraires seroient exaucés; et j'aurais pu dire: Seigneur, Tu me laisse partir suivant mes souhaits de l'âge de vigueur. Mais des souhaits plus chers à mon cœur et fais plus récemment resteront: ce sont de vous revoir, au moins une fois en ma vie, de revoir mes vieux parens, mes amis, mes enfans. Et si autrefois je me serais séparé gaiement d'eux, pour courir au risque de la vie dans une contrée éloignée voir bruler un volcan: à présent j'aurois laissé tous les volcans possibles faire leur ravage sans les honorer d'un coup d'oeil, et j'aurois mieux aimé passer une heure en la société des personnes que me sont chères, sans vouloir observer les crises les plus brillantes de la nature qui se regénère.

Si je ne croyois être trop long, j'aurois envoyé à Votre Excellence une description de l'acte religieux des Toungouses, qu'ils ont exécuté à ma prière, étant aux portes d'Ilimsk; l'acte qu'on apelle *шаманство*, que le commun du peuple croit être une invocation du diable, qu'on ne croit ordinairement être qu'une simple momérie, faite pour fasciner les yeux des crédules, je ne l'ai vu être qu'une de ces manières si différentes de marquer le sentiment de la suprême puissance d'un Etre que l'on ne peut connaître, et dont la grandeur se manifeste dans les moindres choses. En adressant notre prière journalière à cet Etre si grand pour votre conservation, nous vous dirons: ah, souvenez vous quelque fois des infortunés qui ne respirent que par vous.

Ilimsk, le Juin 1794.

54.

Monsieur.

Une occasion tout à fait imprévue et inattendue m'a apporté deux lettres de Votre Excellence. Elles ont été d'autant plus consolantes pour moi que les occasions de les recevoir deviennent plus rares de jour en jour, et comme le gouverneur-général veut tout à fait quitter sa place, je ne sais plus où j'en serai. Je ne prendrai pas sur moi de peindre toute l'étendue de la douloureuse sensation, que j'ai éprouvé à cette nouvelle. Je pourrai vous ennuyer, mais considérez la chose de plus

pres, et Votre Excellence avouera sans peine, que j'ai tout lieu d'être chagriné.

Mes enfans, vivant tous seuls à Pétersbourg, s'ennuyent de tout leur cœur. Ils me marquent qu'ils désirent de venir me voir. Mon père craint qu'il en résulte du mal pour moi. C'est le dernier tribut peut être, que l'attachement enfantin veut payer à la tendresse paternelle; peut-il être imputé à crime, et quand même ce seroit déjà l'attachement filial du jeune âge, de l'âge mur, attachement quoiqu' affaibli par des liaisons de différente espèce, mais attachement plus raisonné, si les passions ne le dénaturent point? Non, je ne le croyroi jamais, que la tendresse réciproque d'un père et de ses enfans puisse attirer sur soi une animadversion quelconque, et encore moins celle d'un gouvernement éclairé. Au reste, je suis partie dans cette cause, et la partie la plus intéressée; ainsi je puis failir dans ma manière de raisonner.

A la fin de Septembre j'ai fait le voyage jusqu'à l'embouchure de l'Ilime, en partie pour me distraire, et en partie pour acquérir quelques connaissances de l'histoire naturelle, où je suis bien novice. Je réserve le détail pour ma lettre prochaine qui ne tardera pas à partir, puisque j'enverrai incessament un homme à Irkoutsk pour des emplettes. On me presse, je finis. O vous qui connaissez mon âme, vous qui portez un cœur sensible, dites, verrai-je mes enfans?

Le 8 Novembre 1794, Ilimsk.

55.

Monsieur!

Le détail de mon voyage sur la Toungouska n'étant pas fini, je n'ai pas crû à propos d'envoyer quelque chose d'informe à Votre Excellence. Ce n'est d'ailleurs, pour le dire par anticipation, qu'un essai, et un faible essai d'un écolier de Minéralogie. Je ne saurai exprimer le plaisir, quand, parvenu au voisinage de la Toungouska, je pus à loisir contempler ces montagnes qu'on nomme primitives (dont cependant je n'ai vu que les branches) et gravissant sur ces masses énormes, je me transportois en imagination à ces tems reculés, où la terre nue et aride ne présentait qu'un séjour affreux et une vaste solitude, ou bien me transportant à des tems plus postérieurs, je croyois voir la nature, lente dans sa marche progressive, rassemblant toutes ses forces, secouer de dessus la surface

de notre globe une vieillesse apparente, et après avoir ébranlé la terre dans ses plus profonds fondemens la faire paraître sous une face tout à fait nouvelle. Quel vaste champ pour des hypothèses et il me semble qu'on est encore bien loin d'avoir épuisé, toutes les possibilités sur la formation et les révolutions de notre globe. Du reste, quand le sort, en apesantissant sur nous sa main, nous prive de la société des hommes policés, il nous laisse encore la bénigne ressource de pouvoir étudier la nature, d'interroger les êtres non seulement privés de la raison, mais même de la sensibilité et en apparence de la vie, des pierrès, des rochers. Elles vous répondent, oui, elles vous répondent et plus sincèrement que ne font souvent les hommes; du moins plus sincèrement que les habitans de ces cantons. Pour le dire en passant, ils se sont bien effrayés de mon voyage, croyant toujours, que je cherchai de mines d'argent, ce dont il ne parait point de trace. De bonne foi avec tout le monde, je n'ai rien pu tirer d'eux; avec plus d'astuce, et cela me répugne, je l'aurais pu savoir. — Je ne suis cependant pas découragé. — Mes enfans m'écrivent qu'ils veulent venir me voir. Je sais que c'est à vous qu'ils demanderont conseil. Puisse-t-il être en ma faveur! Je finis en vous priant d'être toujours le même envers moi.

Ma sœur présente ses respects à Votre Excellence.

1794, le 22 Novembre. Ilimsk.

56.

Monsieur.

Par un exprès que j'ai envoyé à Irkoutsk, j'ai eu l'honneur.... non, écoutez plutôt le langage de mon cœur, j'ai eu la joie infinie de recevoir deux lettres de Votre Excellence. Mr. Pile a résigné sa place; celle-ci, je l'espère vous parviendra encore par la même voye; mais après cela point d'espérance ni pour ecrire, ni poùr recevoir des nouvelles, de nulle part J'avoue que la douleur m'oppresse; mais je ne hazarderai pas de livrer une lettre aux habitans de ce pays, quelque innocente que puisse être ma correspondance. L'épanchement d'une âme qui soupire, des conseils d'un père à ses enfans ou plutôt d'un ami à ses amis, qui n'a d'autre prééminence que l'âge et l'expérience, cela ne peut certainement pas tirer à conséquence. Cependant on est ici si pervers, d'ailleurs si brût, qu'une chose très innocente peut-être peinte des couleurs très noires.

Attendre un moment favorable, c'est à quoi je suis résigné. Voici une nouvelle année qui commence. O! puissiez-vous la passer heureusement et voir vos désirs accomplis, puissiez-vous en passer plusieurs, puissé-je vous revoir encore! Hé, que ne pouvez-vous voir mon cœur; il dit bien plus que ma bouche ne peut exprimer.

Ma sœur, à côté de moi, me charge de vous exprimer ses sentimens. Les larmes s'échappent de ses yeux. Vous, qui saurez en apprécier la valeur, agréez ses félicitations.

Avec une lettre du ci-devant gouverneur-général qu'il m'annonce être la dernière, j'ai reçu les 800 roubles que la bonté inaltérable de Votre Excellence m'a destiné pour mon entretien tous les ans; agréez mes remerciments. Tout ce que j'aurois pu vous dire en plus beaux termes ne saurait égaler le sentiment de la plus intime reconnaissance. Elle gît dans le cœur et ne s'evanouira que quand il cessera de battre.

Le 1 Janvier 1795. Ilimsk.

Je joins ici une lettre à mon vieux père que je prie instamment Votre Excellence de lui faire parvenir, n'ayant aucune occasion de la lui faire parvenir.

57.

Monsieur!

Le porteur de ceci jusqu'à Irkoutsk est ma sœur. Votre Excellence peut bien juger que c'est la nécessité qui l'oblige à faire ce voyage. Elle va solliciter de la protection; la prudence semble l'exiger. En d'autres tems, en d'autres circonstances, le mépris auroit suffit pour redresser une offence; car, vous le savez, ce qui joue les maîtres dans ces contrées sauvages seroit autre part le rebut de la société. On s'attaque à moi, on commence par vouloir m'humilier. Devineriez-vous la cause? On me croit riche de 40 milles; si j'étois seul, j'aurois été presque impassible. Nous espérons que le gouverneur, étant un homme de bien, voudra avoir quelques bontés pour nous. Mais un mot de la part de Votre Excellence suffiroit pour nous ramener dans notre premier état. O vous, par qui nous existons, nous retirez-vous votre main protectrice? Le seul départ de mr. Pile a changé les opinions d'ici à notre égard. Cet été s'est passé chez moi presque dans l'inaction. Différentes circonstances ont effectué que je n'ai point bougé de ma place; quelques courses dans

les bois avec mon fils pour cueillir des herbes ont été la seule occupation qui peut se compter pour travail. Cet enfant semble avoir beaucoup de gout pour l'Histoire Naturelle en général et particuliérement pour la Zoologie et la Botanique. La Minéralogie n'est pas ce qu'il affectione. Peu instruit moi-même et dénué du secours des livres propres pour cet effêt, l'instruction que je puis lui donner n'est guères suffisante. Aussi notre étude botanique se borne presque à la seule inspection des fleurs. N'ayant point de lecture nouvelle, ma seule ressource est à présent la gazette littéraire allemande que Votre Excellence a bien voulu m'envoyer; quoique vieille, elle ne laisse pas que m'intéresser souvent. Il y a quelques jours, la lisant pendant le silence de la nuit, quelle fut ma surprise de rencontrer un article sur mr. Dahl qui annonçoit sa mort et ce qui eut lieu à son enterrement. Les tenèbres renforçant le magique de l'imagination, il me sembla pour un moment que je revoyais l'homme avec lequel j'ai été si fort lié en ma vie, avec le quel, pendant dix ans, je n'ai eu aucun espèce de démêlé. Naturellement cela me fit ressouvenir à celui qui fut toujours le premier moteur de mon bien-être. Une larme coula sur ma joue, je m'endormis, mais mon sommeil ne fut point tranquille.

L'hyver passé j'ai fait un essai de trafic, en envoyant un homme avec une petite pacotille à Kiachta; malgré la complaisance de mr. le directeur qui a bien voulu se charger du tout, je n'y ai pas trouvé mon compte. Point de perte, mais aussi point de profit. Le voyage de ma bonne amie pour Irkoutsk m'empêchera cet hyver de faire le même essai. L'unique production de nos contrées qui a cours dans le commerce de Kiachta, et ce qui est autre part le change, semble être le thermomètre du commerce le long du cours de l'Ilime; le petit gris a beaucoup renchéri depuis que les Chinois ont recommencé à fréquenter Kiachta. La causse à mon avis n'en est pas tant dans le débit qu'il a, mais dans sa rareté (la quantité des chasseurs ne lui laisse pas le temps de se reproduire), dans l'abondance du numéraire (le change étoit à 35 en 1790 et est à présent à 25 quelquefois sur Amsterdam) qui depuis le renouvellement du commerce avec les Chinois a reflué en Sibérie et a fait que les espèces de cuivre payent 5, 7, 10 et quelquefois plus d'agio. Ce renchérissement des prix de toutes les marchandises qui sont échangées à Kiachta a fait qu'il n'y a plus de gain à faire dans ce commerce

sur les marchandises russes, mais tout les profits se prélevent sur les marchandises chinoises, ce qui les a fait hausser de prix de plus du double. Il en est résulté même du bien: le daba ou toile peinte bleu, si à bon marché autre fois, ne peut plus être d'un usage commun pour tout le bas peuple; on commence à étendre la culture du lin pendant l'interruption du commerce avec les Chinois; on la redouble par la raison susmentionnée, car on porte des chemises de toile. On pourrait bien vite faire un volume sur ces matières, mais ce n'est pas avec quoi je voudrais fatiguer, quant à présent, l'attention de Votre Excellence. Ce avec quoi je l'importunerai pour finale, c'est en réitérant la prière faite au commencement de ma lettre: un mot, hélas! un mot pour les souffrans!

Le 20 Novembre 1795. Ilimsk.

PS. Pardonnez que nous joignons ici toute notre correspondance avec la prière à Votre Excellence de la faire parvenir à son adresse. Il y a six mois que nous n'avons écrit à personne; et sur la prière faite au gouverneur de continuer notre correspondance avec mes parens, il nous a répondu qu'il se chargeait de faire parvenir nos lettres à Votre Excellence; il s'est tu sur le reste. Mr. Pile nous l'a prédit.

58.

Monsieur.

Par un exprès, arrivé d'Irkoutsk, je viens de recevoir une lettre de Votre Excellence avec les marques accoutumées de votre bienveillance, de bonté envers moi. Le gouverneur y a joint les 500 roubles destinés par vois à notre entretien. Recevez nos actions de grâce. Elles parten des cœurs pénetrés de vos bontés, de votre générosité inaltérable; pénétrés d'autant plus, que le principe de cette action gît uniquement dans vous. Car, qu'avons nous fait pour l'avoir mérité?

Après avoir été plus de cix mois sans recevoir de nouvelles de Votre Excellence, votre lettre, malgré toutes les tristes vérités qu'elle contient, m'a causé un plaisir infini. Elle m'est un garant sûr que vous me donnez encore une place dans votre souvenir et, la recevant comme une exhortation, une correstion paternelle, je dirai seulement: pardonnez à un cœur sensible d'avoir couru après une chimère, pardonnez à un homme

aimant par essence, d'avoir désiré de revoir ses en ans; et si j'ai crû la chose possible, jamais je ne l'aurai voulu, qu'elle s'effectuat à leur détriment.

Il a paru qu'on voulait porter atteinte à notre manière de vivre et à notre tranquillité, par des vue d'intérêt, comme j'ai eu l'honneur de le marquer dans ma dernière lettre à Votre Excellence; ma sœur à fait à ce sujet un voyage à Irkoutsk, et le gouverneur y a mis ordre.

Ma sœur présente ses très humbles respects à Votre Excellence. Veuillez, veuillez vous ressouvenir de celui qui est avec le plus profond respect et l'attachement le plus inviolable *etc.*

Le 30 Janvier
1796.
Ilimsk.

59.

La nouvelle année a commencé... Ah! puisse-t-elle, puisse-t-elle couller et finir au gré de vos désirs! L'année à peine commencée, et vos bienfaits se sont renouvellés déjà. J'ai reçu, il y a quelques jours, 500 roubles du gouverneur, qu'il me marque avoir été envoyés pour moi de la part de Votre Excellence. Recevez-en le tribut ordinaire, la reconnaissance d'un coeur sensible. Mais je vous avoue que la douleur s'est emparée de mon âme. Pas une ligne de votre part. Auriez-vous changé à mon égard? Non, mon cœur repousse cette idée. Elle est trop déchirante.

Les nouvelles de Pétersbourg commencent à parvenir jusqu'à nous. L'Empereur commence son règne par des bienfaits. Veuille le Ciel lui être propice dans toutes ses entreprises. On bénit déjà son régne. Les recrues sont retournés dans leurs foyers. Tel qui gémissoit d'avoir été arraché des bras de ses parens, s'enivre de joie, et d'une joie d'autant plus grande quelle étoit inespérée. Ah! qu'il est doux de revoir les lieux qui nous ont vû naître... Ah! qu'il est cruel d'espérer souvent en vain.

Je finis. Pardonnez le moi. Mon esprit agité d'idées qui se fuyent, mon cœur trop plein de sentimens divers, ballotté par une lueur d'espérance et l'inespoir presque absolu, j'avoue que le repos me fuit. Ah, si la main qui me nourrit, pouvoit du moins me préparer ma tombe aux lieux qui m'ont vû naître! Ma sœur, fidele compagne de mon infortune,

dans les mêmes sentimens que moi, présente ses respects à Votre Excellence *).

60.

Monsieur.

Je retourne en Russie pour vivre sur mes terres. Je ne sais à qui e le dois. Mais j'aime à référer tout le bien qui m'arrive à celui qui me l'a fait constamment pendant une grande partie de ma vie. En retournant chez moi, j'espère pouvoir me jetter à vos pieds, vous presser contre mon âme.

Ah! trouvez moi un terme qui puisse exprimer tout ce que je sens dans ce moment, et toute l'étendue de ma reconnaissance. J'attends ce moment avec une impatience qui passe toutes les bornes; et ce moment sera un des plus beaux de ma vie.

Je suis seul ici, et ma compagne d'infortune est restée à Ilimsk; j'y retourne dans quelques jours avec des traineaux pour partir en droiture.

Je l'honneur d'être avec la plus parfaite reconnaissance et le respect le plus profond *etc.*

Le 26 Janvier

1797.

Irkoutsk.

J'ai reçu encore à Ilimsk 500 roubles de la part de Votre Excellence, comme j'ai eu l'honneur de le marquer dans ma précédente. Recevez en encore mes très humbles actions de grâce.

J'ai trouvé à Irkoutsk deux de mes lettres pour Votre Excellence; je ne les envoye pas, dans l'espérance de vous voir.

Le 3 Fevrier.

Je pars demain sans faute, après avoir été comblé des bontés du gouverneur. Je crains que le dégel ne me retienne en route; mais rien

---

*) Этимъ письмомъ (на которомъ нѣтъ означенія времени, но которое писано, судя по началу, въ январѣ 1797 г.) опровергается показаніе сына Радищева о томъ, что будто Радищевъ получилъ изъ Иркутска увѣдомленіе о своей свободѣ 18 декабря 1796. (См. Р. Вѣстн. 1858, кн. 23, стр. 416).

ne pourra me retenir de me procurer la satisfaction de voir Votre Excellence. Comme l'ordre de Sa Majesté est que j'aille demeurer sur mes terres, suivant mon choix, j'ai choisi la campagne à cent verstes de Moscou que mon père m'a donné en partage, et je crois que je dois passer par cette ville.

61.

Monsieur.

Je suis à Kazan pour un instant, je ne trouve pas un seul homme de ma connaissance, ce qui m'oblige de continuer ma route par eau; il y avoit ici un domestique de mon père qui m'avoit attendu bien longtems. Je ne pourrai donc avoir le plaisir, ou plutôt le bonheur, de vous voir qu'au mois de Juillet, car on me dit qu'avant la S. Pierre je ne pourrais être à Нижней. Veuille le Ciel que je puisse au moins vous voir. Il semble que tout conspire à éloigner ce moment. Le Ciel me serait-il tout à fait défavorable; je finis, car la poste part *).

Le 26 Mai
1797.

Лаишевъ le 1 Juin 1797.

Ma lettre est venu trop tard, et sans avoir rien fait de bon à Kazan, je suis revenu sur ma barque.

Demain probablement nous nous mettrons en route. Si notre navigation ne sera point retardée par le gros tems et les tempêtes, pour la St. Pierre nous serons à Нижней. Je doute que cela soit avant. Veuille le Ciel que je puisse finir mon voyage. Il commence à m'ennuyer extraordinairement. Ce qui me peine ce que je n'ai personne des miens à Kazan, et que je n'ose me détourner de la route pour aller voir mon père et ma mère. Je ne verrai non plus pas mes enfans qui sont, à ce que j'apprens, à Kiow ou plus loin. Il y étoit donc dit que si l'année passée finirait pour moi par un commencement de bonheur, l'année précédente seroit une des plus fatales de ma vie.

---

*) Сынъ Радищева передаетъ, что отецъ его, по дорогѣ изъ Нижняго въ Москву, заѣзжалъ къ графу А. Р. Воронцову въ село его Андреевское, гдѣ доселѣ въ кабинетѣ графа находится его портретъ.

La seule consolation qui me reste encore, c'est que je vous verrai peut-être bientôt. Eh! pourquoi le sort cruel n'a pas voulu que celle qui m'aida à supporter mon malheur ne partage point avec moi la douce satisfaction que j'aurai de vous voir. Elle le désirait autant que moi.

62.

Monsieur.

Après être resté à Moscou pendant quatre jours sans avoir vu personne et fait quelques emplettes de nécessité, je me suis rendu chez moi, il y a environ 8 jours. Votre Excellence ne pouvez pas vous représenter la joie presqu' enfantine que j'ai ressenti en voyant que j'atteignois enfin mon but, et que mon rappel de l'exil se realisoit. Car, je l'avouerai peut-être à ma honte, que tout le tems que j'étois en route, et tant que je voyois mon sergant avec moi, je me croyois encore à Ilimsk. Mon imagination m'y reporte encore à présent. Ebranlé, altéré pour ainsi dire par la perte fatale, que j'ai faite à Tobolsk [1]), elle me promène encore dans les sentiers du malheur et ne se repaît que des objets tristes et calamiteux. Le beau tems la ramène à des tableaux plus riants, mais l'orage et la pluie, me confinant sous mon chaume et rallentissant en quelque façon son essor, répand la mélancolie sur tout mon être.

Oh! que je désire d'aller voir mon vieux père [2]). C'est une nécessité pour mon cœur; c'en est une bien plus grande pour mes circonstances domestiques. Si je puis obtenir la grâce de l'aller voir, ce sera une presqu'aussi grande que celle de m'avoir fait revenir d'Ilimsk. Si non, j'y enverrai mon fils.

Le séjour de la campagne est pour moi une situation toute nouvelle à bien des égards; le peuple de la campagne est aussi pour moi un peuple assez nouveau. La ressemblance que je lui trouve avec le peuple sibé-

---

[1]) Тамъ скончалась, на пути въ Россію, подруга Радищева, Е. В. Рубановская.

[2]) Въ слѣдующемъ 1798 г. Радищеву позволено было навѣстить престарѣлаго отца его Николая Аѳанасьевича, жившаго въ Саратовской губерніи, въ селѣ Преображенскомъ, недалеко отъ Саровской пустыни.

rien c'est l'astuce. J'ai déplu à mes vassaux, en leur défendant de marier les enfans, ce qui est ici une coutume presque générale et peut-être une cause que la population ne fera point des progrès, qu'elle aurait du faire: une des différentes causes qui la favorise. Je prie bien Votre Excellence de penser à celui qui en éxil où chez lui est toujours le même.

A. Radicheff.

Le 24 Juillet.
Нѣмцово.

63.

Monsieur.

Ma dernière lettre à Votre Excellence (NB si elle vous est parvenue) vous aura parue bien maussade, et je vous en demande pardon bien sincèrement. Cent fois je me suis dit, pourquoi écrire des hors-d'œuvre, pourquoi lui causer de l'ennui, fut-ce pour un moment; car avouez que ma lettre vous en aura donné. De mon côté j'avoue que je me sens triste.

Cependant je rappelle toute ma phylosophie et ma rèthorique à mon secours; je fais des raisonnemens et syllogismes dans toutes les formes; j'en épargne le contenu à Votre Excellence, et après avoir bravement bataillé pour dissiper les nuages qui obscurcissoient mon esprit et mon âme, me voilà à présent, comme jadis Phœbus sortant tout rayonnant du sien d'Amphitrite, moi tout joyeux, sortant tout au plus du bain, la tête encore mouillée, je prens la plume pour remercier Votre Excellence de votre lettre du 2 Septembre que je viens de recevoir ce 20 du même mois. Convenez que l'homme est un être bien comique, bien drôle; pleurant le matin, riant le soir, sans changer de situation, quelquefois sans changer de place, enfoncé dans un fauteuil en bonnet et en pantouffles. Oui, je me suis trouvé tel que je me dépeins là, ayant pleuré le matin et ri le soir comme un fou, et je n'ai pourtant plus ri, c'est à dire de gaité de cœur, depuis Tobolsk, depuis ma séparation d' avec ma bonne amie, quoique j'aie toutes les raisons du monde d'être plus gai par le bonté de notre gràcieux Empereur.

Votre Excellence veut savoir ce que je fais, et si j'ai des voisins. Des voisins les poches pleines; mais je n'ai vu personne. Mr. Narichkin, Алексѣй Васильевичь, avec sa famille. Il est malade; il est à 8 verstes; puis... je ne veux pas charger mon texte de noms inutiles. Gontcharoff,

un peu mon parent, fameux par ses toiles à voiles à 40 verstes; Kalouga à 60; Janoff à 150 plus loin que Moscou. Il m'a écrit deux fois et m'invite à venir le voir. Quoique camarade jadis, il est un peu trop loin de mon gîte.

Pour mon occupation, je lis peu, je n'écris point du tout, la manie m'en est bien passée. Je marche, je vais dans un petit bois à côté de mon jardin où il n'y a eu que des pommes; je vais donc dans le bois, non pour méditer, non pour tirer le gibier qui ne s'y trouve pas; mais, oh! Votre Excellence ne devinera certainement pas: c'est pour cuellir des champignons. En arrivant ici, j'étois tout oeil, et à cet égard j'ai joui; j'ai vu la récolte du seigle, celle des graines printanières, la fenaison; j'observais, mais je m'interdisois les reflexions, je récitois souvent la belle ode d'Horace *beautus ille*, dont je ne sais que le commencement, et il me sembloit parfois que l'on pouvoit jouir de la vie de plusieurs manières. En arrivant ma vue étoit frappée par des champs de couleur grise et couleur jaune, vers l'automne le gris se changea en verd. A mon arrivée je voyois les champs couverts d'une belle moisson que le vent agitoit en vagues dorées; les épis sont tombés sous la faux du moissonneur, une paille aride couvre les campagnes sur les quels on voit errer des troupeaux de vaches et de brebis, mais à côté s'éléve déjà la verte espérance du laboureur. Je répéte: j'étois tout seul, je jouissois. Les travaux de l'été finis, je vis des bandes entières d'habitans de campagnes, telles que des oies et des canards sauvages défiler devant moi; ils quittent leurs demeures pour aller chercher leur subsistance, ainsi que les oiseaux quittent le nord aux approches des frimas. Mon cœur se fletrit. Il est donc une contrée pour eux plus abondante, plus nouricière; le Ciel en est-il donc pur et plus serein; les habitations sont-elles donc plus heureuses? Non, l'homme du peuple aime le lieu qui l'a vu naître; c'est le besoin qui lui fait quitter sa maison, tout ce que l'homme quitte à regrêt; mais il y retournera chagré des dépouilles que son industrie aura prélevé sur des gens plus simples que lui, et la joie reviendra dans sa maison. Malheur à celui qui la troublera! Quand je vois de la joie, je suis gai et je puis l'être assez souvent; je vois passer tous les jours des soldats qui vont revoir leurs parens et leurs amis. Quelle allégresse! Quelles bénédictions pour celui qui en est l'auteur! Ah! quand verrai-je les miens? L'ainé de mes grenadiers est malade, je crois à présent que

c'estl la vraie raison pourquoi il voudroit quitter (*sic*). Il est malade depus q'uil est à Kiow. Mon cadet campe auprès de cette ville. Ils ont espérance de venir me voir: quelle joie! Ils béniront en m'embrassant celui qui leur a rendu leur père et celui qui le leur a conservé. Ils vous béniront.

Le 21 Septembre 1797.

Mon adresse est à *Maloy-Jaroslavez*, comme j'ai eu l'honneur de la marquer à Votre Excellence. Cette ville est à présent sans district, et ma campagne Нѣмцово n'en est eloignée que d'une verste et demie. Nous sommes du district de Borowsk.

64.

Monsieur.

Etant un soir assis avec mes enfans autour d'une table à thé, je vis entrer chez moi deux hommos d'une encolure militaire. J'ai crû d'abord que c'étoient des houssards, qui m'honorent bien souvent de leur visite; mais personne n'étoit venu pour les annoncer. Pensez, quelle fut ma surprise et ma joie! Je n'avais pas encore eu le tems de m' orienter que j'étois déjà dans leur bras. C'étoient mes enfans qui venoient me voir après sept ans d'absence. Dieu, Etre suprême, Etre consolateur (oui, ce fut en ce moment la prière de mon esprit exalté, ce fut le sentiment de mon âme fortement électrisée), reçois les actions de grâce d'un cœur qui T'aimes sans Te craindre, d'une âme qui se sent être une émanation de Ta substance inconnue, et si la prière d'un être périssable peut parvenir jusqu'à Ton Trône où Tu T'assis dans toute la plénitude de Ton sublime, de Ton indéfinissable énergie,—bénis la main qui m'a soutenue dans l'infortune, qui a oté à mon malheur tout ce qu'il peut avoir d'âpre, à la detresse tout ce qu'elle a de corrosif. Oui, c'est alors que je sentis toute l'étendue de vos bienfaits, je sentois que je n'étois plus en Sibérie. Au bout d'une visite de quinze jours, mes enfans partirent pour Kiow, et je pris cette occasion pour aller à Kalouga; je couchois deux nuits chez Janoff, et je suis revenu chez moi. A Kalouga j'ai trouvé des parens que je ne connaissais pas; entr'autres un Bachmétew procureur, des anciens camarades, un Pouschkine, frère cadet de celui qui est mort à Tobolsk etc.

Ayant vu mes enfans, mon désir se borne à présent à voir mon père. Non, je mens; car j'ai bien envie de vous voir encore.

Le 6 Novembre 1797. Нѣмцово.

65.

Monsieur.

La lettre de Votre Excellence du 22 Novembre ne m'est parvenue qu'aujourd'hui le 12 Décembre; mais comme à point nommé, pour ne pas rester longtems sans réponse; car mon domestique que j'envoye à Moscou en sera le porteur.

Ne mettant point de fin à vos bontés, Votre Excellence me dit que je ne dois point faire scrupule d'accepter encore des secours de votre part, hélas! je n'en ai point fait, et sans votre offre généreuse, j'allais déjà vous prier de m'aider quant à présent; je vous le prie à présent et c'est de faire passer à mes enfans à Kiow 100 roubles, mais pas plus, pour faire le voyage jusqu'à moi. Ils ont reçu leur congé, à leur réquisition, ayant présenté leurs suppliques pour l'obtenir sans avoir attendu ma réponse et dans le tems que je demandois l'avis de Votre Excellence à ce sujet. Il se sont peut-être pressés un peu trop; mais la crainte de se détériorer (si jeunes encore!) vivant parmi des camarades de toute espèce, la crainte de faire quelque faux pas est ce qui les a fait quitter. Au reste j'ai eu avis d'autre part qu'ils se sont toujours bien comportés et étoient comptés parmi les meilleurs officiers du régiment.

Il paroitra peut-être assez singulier à Votre Excellence qu'étant à la campagne chez moi, je ne suis pas maître d'une somme aussi modique. Je ne balancerois point à vous en dire la cause; mon père a cause de sa maladie, n'ayant point eu part à la gestion de ma campagne, qui donne 800 roubles par an, elle est engagée à la banque, a qui l'on paye de son revenu près de 600 r. par an, ce qui date encore de ma mauvaise économie. Le mauvais sujet de commis, à qui mon père avoit confié la gestion de la campagne, enleva le surplus du revenu quelque tems avant mon arrivée, et a vendu même les fruits du jardin pour deux ans, et retiré l'argent d'avance; la négligence du même commis a fait déjà tomber la moitié de la campagne en tutelle, et comme mon frère est occupé à Pétersbourg à vendre ma maison, j'espère de la libérer.

Pardonnez que je vous importune, je vous ennuye peut-être, mais vous etes si bon, si indulgent à mon égard.

J'ai appris depuis peu que m-e la princesse Daschkow résidoit à 40 verstes au moins de chez moi; je me propose de lui présenter mes respects dans peu, toutefois si le lieu de son séjour n'est pas hors du gouvernement de Kalouga; car au contraire, je ne sais, s'il seroit bien de franchir les limites du gouvernement, quoiqu'à la verité pour y aller je n'ai point de ville à traverser.

J'ai l'honneur d'être avec l'attachement le plus vrai et le respect le plus profon *etc.*

Le 13 Decembre
1797.
Nemtzowo.

Si Votre Excellence daignez acquiescer à ma prière, je prends la liberté de joindre ici une lettre pour mes enfans.

J'ai vû par les gazettes que deux secrétaires de la douane ont été avancés à l'occasion du tarif. J'avoue que je désirerais bien de le parcourir.

66.

Monsieur.

J'ai reçu deux lettres de Votre Excellence, l'une à mon arrivée, l'autre le lendemain. Que vous dirai-je? Vos bontés me previennent, me cherchent dans tous les endroits; et qu'en avez vous? Si la simple reconnaissance d'un cœur profondement ému peut vous suffir, oui, mon âme est pleine de sentiment de vos bontés.

Le séjour d'ici ne m'est pas trop favorable, et Votre Excellence me pardonnerez, si je n'ai d'abord répondu à vos lettres: le tems s'est fait mauvais, et le printems trop hatif produit un très mauvais effêt sur moi; ma santé en souffre considérablement. A la première lettre de Votre Excellence j'avois hésité de répondre; je n'ai pu tenir à la seconde; dites, si je fais bien ou mal.

J'ai trouvé mon père dans un état digne de pitié, et ma mère bien plus à plaindre encore.—Quelle terrible et triste vérité que le célèbre tragique français a énoncé: „Ah que nos jours derniers sont rarement

sereins".—Autant que j'ai eu de satisfaction à les revoir, autant j'ait senti de douleur en voyant leur état déplorable.

Votre Excellence me faites des reproches, que je n'ai point répondu a l'article de votre lettre, où vous me dites de passer chez vous en revenant à ma campagne. Une fois et pour toujours, je me suis dit, que votre parole sera pour moi un ordre, que j'exécuterai d'autant plus fidélement cette fois-ci que je satisferai pas là mon désir de vous voir encore.—Ici je passe mon tems au milieu de mes plus proches parens, car dans le voisinage il n'y a près personne d'autres, excepté quelques originaux: Карповъ et un sieur ou seigneur Зубовъ dont Votre Excellence aura certainement entendu parler.

Daignez conserver vos bontés pour celui qui est, avec le plus profond sentiment de l'âme, votre

A. Radischeff.

Le 23 Mars 1798.

67.

Monsieur.

Je viens de recevoir la lettre de Votre Excellence du 29 Juin; elle m'a causé d'autant plus de plaisir et de satisfaction qu'elle m'est un garant de la continuation de vos bontés non interrompues. Je vous avoue franchement, que le séjour d'ici ne m'inspire que de la tristesse, d'autant plus que la plupart du tems je suis indisposé, et si je ne croyais que c'est pour la dernière fois que je vois mes vieux parens, j'aurois quitté le séjour d'ici depuis longtems. Ainsi je reste, et je ne compte partir qu'en Novembre; mais de quelque façon que cela soit, je tâcherai en prenant les devans de trouver Votre Excellence à votre campagne.

La lettre de Votre Excellence n'aura plus trouvé mr. Nagel à Irkoutsk, car il comptoit le quitter à la moitié de mai. Il m'a marqué qu'il a laissé mes caisses à Irkoutsk chez mr. le commissaire Nowitskoy *). Veuillez continuer vos bontés envers cèlui qui est avec le plus profond respect et l'attachement le plus inviolable *etc.*

Le 21 Juillet 1798.

---

*) Сохранилось черновое письмо графа Воронцова къ Нагелю о пересылкѣ Радищеву ящиковъ съ его книгами изъ Иркутска.

Ps. Nous avions eu ici un printems fort sec, puis quatre semaines de pluie, les chaleurs vinrent ensuite et bien fortes. On commence à couper le blé, le seigle est médiocre; mais l'avoine et les autres graines du printemps seront excellentes. L'homme prend la teinte des objets qui l'entourent; je ne lis et je ne pare qu'agriculture, sauf les essais à faire à l'avenir.

68.

Monsieur.

Ayant reçu la dernière lettre de Votre Excellence, je comptois qu'au-lieu de réponse écrite, je me présenterois en personne, et que satisfaisant au premier de mes souhaits encore une fois dans ma vie, je vous verrois, je verrois encore mon bienfaiteur, j'aurois la douceur de l'embrassser, de lui rendre grâce pour ses bontés non interrompues, de lui porter encore le tribut d'un cœur sensible, une larme. Mais le sort en avoit ordonné autrement. Sans entrer dans aucun dètail fastidieux des causes qui ont empêché mon départ d'ici juscu' a prèsent, l'une d'elles étoit que mon père a pris subitement la résolution de faire un partage legal des biens qu'il n'avoit pas distribué à ses enfans, et quoique je n'y devais point avoir part, je comptois qu'on me donnerait quelques assurances pour le capital que ma défunte amie avoit déposé entre les mains de mon père et qui doit me revenir de droit.

Je me mords les doigts de ce que je ne suis pas encore en chemin, d'autant plus que je voulois vous faire mes excuses en personne, vous demander pardon; car je sens très bien que la lettre que j'ai écrite au sujet de mon frère a pu indisposer Votre Excellence. Pardonnez le moi, je vous le demande en grâce; c'est mon amitié pour lui qui en est cause et je nai cédé qu'à des instances, à des instances mille fois répétées. A Dieu ne plaise, que je prie Votre Excellence de se compromettre pour moi, pour un homme entaché, et dont la tache est apparement bien plus grande que je ne l'aurois imaginé, parcequ'elle peut rejaillir sur des innocents.

Je finis la larme à l'oeil, car il n'est pardonné à l'écriture d'être aussi énergique que la parole, qu'un geste, et la parole la mieux cadencée, l'expression la plus forte est encore loin de ce que l'homme sent. Une seule idée embrasse tout l'univers, s'élance au delà des borne

des possibles; la parole se traine à sa suite, et le tour oratoire le plus énergique n'est que l'ombre d'une simple sensation qu'il veut exprimer. Je finis avec mon refrain habituel: daignez vous souvenir de celui qui pleure d'avoir manqué l'occasion de vous voir, de celui qui est avec le respect *etc.*

Le 26 Novembre 1798.

69.

Monsieur.

Dans l'espoir que Votre Excellence est déjà à Moscou, j'ai saisi cette occasion pour vous adresser ma lettre. Ce n'est pas un compliment banal, ce n'est pas un lieu commun que je débite, quand je dis: je vous félicite avec la nouvelle année, qui va bientôt commencer. Un cœur qui sent est loin des tournures, souvent heureuses, du froid égoiste. Je félicite donc Votre Excellence avec la nouvelle année dans toute la simplicité de l'âme; puissiez-vous vivre longtems pour la consolation des malheureux: car, malgré Leybnitz et Pangloss, nous ne vivons pas, hélas, dans le meilleur des mondes possibles. Il fait froid. L'hyver d'à présent, depuis que c'est hyver, est un hiver à la sibérienne, c'est à dire sans dégel. Au thermomètre de mon corps, le froid de la Sibérie étoit moins fort, c'est que j'y étoi moins sensible; c'est que cela étoit dix ans en arrière; c'est que j'ai passé la cinquantaine *). La terre tourne, le tems vole encore quelques pas, le sang va se glacer, et la tombe est ouverte. N'allez pas croire que je sois obsédé de la mélancolie; non. Au moment où je vous écris ceci, le soleil se lève rayonnant de gloire, l'athmosphère est pure, la poitrine se dilate à l'aise. Que faut-il de plus pour un amant de la nature? Mais ce qui me manquera toujours, c'est de vous voir.

Le 27 Décembre (1799?).

70.

Monsieur.

Après avoir resté chez mon pére deux mois, plus que je ne l'avois cru d'abord, je suis parti le 26 Janvier pour n'arriver chez moi que le

---

*) Это письмо должно относиться къ 1799 году: Радищевъ, по словамъ его сына, родился 20 августа 1749.

7 de Mars. Le sort sembloit s'opposer à mon voyage, et après avoi essuyé en route tout ce qu'on peut souffrir du froid et mauvais tems d'hyver j'ai été obligé de m'arrêter à Tombow à cause de la maladie de mon fils ainé qui a duré plus de trois semaines.

Je suis un être bien drôle. Rendu chez moi du fin fond de la Sibérie, tranquille de toutes les manières, j'engraissois, mes journées commençoient et finissoient l'une comme l'autre, mais mon esprit étoit morne, mon âme affaissée se débattoit dans son élément, comme un homme se débat dans l'eau prêt à se noyer. A présent, après avoir essuyé toutes les fatigues du corps, et si l'on peut s'exprimer ainsi, toutes les fatigues de l'âme, toutes les tortures de l'esprit, pourquoi suis-je plus dispos, plus gai, plus serein, j'envisage les choses sous leur meilleur point de vue, au lieu qu'avant tout me paroissoit couvert d'ombre? Faut-il donc mettre son corps et son esprit à la torture pour se sentir mieux? Voilà comme j'ai été, voilà comme je suis. Plus gai, quand j'ai plus de peine; plus maussade, quand je suis trop tranquille. Pardonnez moi ce verbiage avec votre indulgence accoutumée et daignez Vous souvenir de celui qui est toujours avec un attachement sincère *etc.*

Le 8 Mars

1799.

71.

Monsieur.

Il y a bien longtems que l'occasion m'a manquée d'écrire à Votre Excellence, il y a bien longtems que je n'ai pas eu la satisfaction d'avoir de vos nouvelles. Depuis ma dernière, j'aurois peut-être pu vous faire parvenir de mes lettres d'une façon ou d'autre, mais mon âme se ressentant trop du mal qu'elle souffroit, j'ai cru que je ferai mieux d'épargner à Votre Excellence l'ennui d'un écrit qui se ressentiroit trop de la situation de mon esprit. J'ai en des chagrins domestiques.... Croyriez vous que j'ai regretté le séjour d'Ilimsk! Hélas, il y à eu de ces tristes momens!—Dans ma perplexité j'ai demandé la permission d'aller à Pétersbourg.

J'importunerai encore Votre Excellence, hélas! Aidez moi encore, et voilà quel est mon cas. Ma maison est vendue il y a environ huit mois, mais je n'en ai pas eu le sou. Sur les dix mille roubles, prix de

la vente, 500 pour le courtier, autant et plus pour les droits qui étoient à ma charge, les dépenses et entretien des vendeurs, de sorte que le prix réel est de huit mille, dont j'ai reçu 5000 en lettres de change payables en trois ans dans différens termes; pour les 3000 restans, le malhonnête acheteur a eu l'adresse de donner au lieu d'argent une lettre de change sur un homme dont les biens sont au concours et en tutelle, ce qui a entrainé un procès et des dépenses. Pour surcroît de peines, on me fait payer à présent les malversations d'un vendeur de sel d'Olonetz, conjointement avec d'autres, et Votre Excellence sait si je suis fautif; mais il faut payer.

Le tems est tel à présent que depuis que Votre Excellence a eu la bonté de m'envoyer quelques nouveautés pour lire, il n'y a rien à lire ici que la gazette. Si vous avez quelques journaux qui ne vous servent plus, faites mois la grâce de me les envoyer. Je relis à présent les Oeuvres Posthumes de Fréderic II et, à cette occasion, j'aurois bien désiré de relire aussi ses écrits publiés de son vivant, sous le titre des *Oeuvres du philosophe de Sans-Souci*, c'est à dire ses œuvres en vers comme ses épîtres, odes, l'Art de la guerre, si Votre Excellence pouvoit me les prêter.

Voilà bien des prières, mais la plus grande de toutes, c'est celle de vouloir bien vous ressouvenir de celui qui a l'honneur d'être avec le plus profond respect *etc.*

Nemtzqwo,
15 Decembre
1800.

72.

Милостивый мой государь графъ Александръ Романовичъ.

Всякое мое письмо, всякая онаго строка не долженствовали бы ничѣмъ инымъ быть наполнены, какъ изъявленіемъ благодарности за милости ваши ко мнѣ и къ оставшимъ по мнѣ. Сердце чувствуетъ ихъ живо, и доколѣ бить оно будетъ въ груди моей, чувствованіе сіе будетъ для него драгоцѣнно. Но я сокращу мое слово о семъ, дабы не наставить напрасную громаду словъ и не наскучить вашему сіятельству. Трепещущая слеза, на небо возведенныя зѣницы, на молитвѣ къ Предвѣчному Отцу, да благословятъ благословлящаго зло счастіемъ отягченныхъ, — вотъ въ чемъ состоитъ всегдашняя моя признательность.

Ко всѣмъ вашего сіятельства мнѣ оказаннымъ благодѣяніямъ присовокупите и сіе, и, если просьба моя можетъ что-либо предуспѣть, не отриньте ее. О! еслибы возможно было, то падъ ницъ передъ вами, я объятіями моими сплелъ бы ноги ваши, не отошелъ бы, доколѣ бы не получилъ обѣщаніе. Просьба моя состоитъ о доставленіи мѣста брату моему Петру Николаевичу, и для его собственной пользы, въ какомъ-либо намѣстничествѣ, въ Ярославлѣ, въ Костромѣ, или гдѣ ваше сіятельство за благо разсудите. Если есть на сіе какая-либо возможность, не отриньте, милостивый государь, не отриньте сея моея слезныя просьбы! Да человѣкъ, горестью отягченный, не почтется любящимъ мщеніе; гнусная сія страсть никогда не жила въ моемъ сердцѣ. Онъ почитаетъ таковымъ желаніе мое, чтобы онъ не былъ съ моими дѣтьми. Сіе желаніе есть и будетъ всегда во мнѣ и я почту себя сугубо несчастнымъ, еслибы прежде ихъ совершеннолѣтія

онъ могъ быть съ ними *). Еще повторю, и повторю усерднѣйшую мою о семъ просьбу къ вашему сіятельству: услышьте мое моленіе! Сдѣлавъ ему благодѣяніе, мнѣ окажете наивеличайшее, и онъ, опомнясь, прилѣпится къ доброму, къ чему природа его сотворила. Есьмь *и проч.*

Декабря 21 дня 1790 года.

Тобольскъ.

73.

(Илимскъ, Декабрь 1795 г.).

Monsieur. Il y a environ quinze jours, que j'ai reçu la lettre que Votre Excellence m'a fait l'honneur de m'écrire du 27 Mai. Je n'ai pas pu y répondre alors, parce qu'elle ne m'est pas venue par un exprès. A présent, comme dans ma précédente, je puis réitérer avec assurance sur ce que Votre Excellence m'enjoigne touchant ma correspondance, que depuis que je suis ici, je n'écris qu'à mes parens, et je sens tout le prix de ce qui m'est accordé pour risquer d'en être privé.

Notre été a été très court et médiocrement chaud. Il avoit fini à la mi-Août. Aujourd'hui il a neigé. Le climat est assez ingrât. On fait ici rarement, peut-être tous les 4 ou 5 ans, des récoltes des semences des légumes, excepté choux et navets. Les semences que Votre Excellence m'a envoyé ont toutes réussies. Mais peu d'entre elles pourront se renouveller. Les haricots sont péris de la moitié pendant la fleuraison. Pas un pois de mûr. Du reste nous en avons ici autant de légumes pour l'usage que l'on peut de désirer. La pratique est la meilleure leçon; nous vivrons dans l'espérance de réussir mieux.

Un de ces derniers jours, nous avons eu ici une représentation, tout à fait en miniature, de la bourse ou plutôt du quai de débarquement de la douane de Pétersbourg. C'étoit la caravane de Jakoutsk, qui passoit par ici pour se rendre à Jénisseisk. Elle ne séjourne ici que deux ou trois jours au plus, sans rien déballer. Cette année-ci elle a été plus considérable, parce que la plus grande partie des marchandises est allée à Irkoutsk, pour le commerce de Kiachta. Ayant remonté la Léna depuis Jakoutsk jusqu'à Ouste-Koutskoy Ostrog en bateaux, les marchands, qui

*) Сличи выше письмо отъ 20 окт. 1790 г. Радищевъ боялся дурного вліянія брата на дѣтей.

veulent se rendre avec leurs effêts à Jénisseisk, les font transporter 140 verstes jusqu' ici sur des chevaux de charge. Leur nombre monte cette année-ci pas plus qu'à 170. Leurs conducteurs vont à pied. Chaque cheval peut charger depuis 6 jusqu'à 9 poudes. 40 kopeiks par poude est le prix du transport pour les 140 verstes. Les paysans se rendent jusqu'a 250 verstes pour l'effectuer, car les habitans des bords de la Léna n'ont pas assez de chevaux pour faire ce transport à eux-mêmes, et plusieurs ainsi que les habitans d'Ilimsk sont trop paresseux pour l'entreprendre. Ilimsk n'a fourni qu'un conducteur âvec trois chevaux; les autres en attendant la saison de la chasse, qui va bientôt commencer, s'amysent à boire. Tant il y a, qu'un, agriculteur est toujours plus laborieux qu'un chasseur. Aussi j'ai vu que ceux qui transportoient les marchandises étaient la plupart des habitans des endroits où la culture de la terre est l'occupation par préférence. La plus petite partie de la caravane consistoit en fourrures, c'est à dire en écureuils et pestzy, quelques rouleaux de baleines, le reste (et c'est la plus grande partie) consistoit en ivoire fossile, connu en Russie sous le nom de мамонтова кость. A Ilimsk, les marchandises sont chargées sur des radeaux, qui ont servi aux habitans d'ici pour le transport de leur foin, car l'emplacement sur l'Ilime est si étroit que ce qu'on appelle prairies ou plutôt les bords, où l'on fauche le foin, sont distant d'ici jusqua'à plus de 50 verstes. J'ai fauché le foin à 30 verstes d'ici. Les radeaux, chargés de marchendises vont jusqu'à l'embouchure de l'Ilime; là on les charge sur des petites barques faites exprès pour cet usage, et de cette façon elles descendent la Toungouska jusqu'à Jénisseisk.

Je n'ai pas été assez heureux pour lier même une conversation suivie avec les marchands. Le peu de tems qu'ils sont restés en été la cause principale.

Le gouverneur général m'a envoyé des charpentiers, et j'ai commencé à bâtir. Une maison, petite à la vérité, mais très commode; et surtout je tâcherai de la faire bien chaude. Je n'y pourrai pourtant habiter que l'été prochain. En y entrant, je bénirai celui qui m'a donné les moyens de la bâtir; j'y vivrai tranquille, — que manquera-t-il à mon bonheur? Mes enfans, il me les fera voir — quoi donc! — c'est que mes yeux se fermeront peut-être pour jamais sans l'avoir vu.

Le 14 Sept. (1792?).

74.

Monsieur.

Après n'avoir point reçu de nouvelles de nulle part pendant plus de cinq mois, après avoir perdu pour ainsi dire l'espérance d'en recevoir de sitôt, jugez de l'excès de notre joie, quand au moment que nous nous y attendions le moins, nous reçûmes la lettre de Votre Excellence par un exprès avec celles, qui y étoient incluses. Il est donc vrai, que ce n'est qu'à vous seul que je devrois jusqu'à la plus faible consolation dont on puisse jouir dans l'infortune. — Oui, vous êtes notre ange - tutélaire, l'unique cause de tout le bon qui peut nous arriver. Ah, si vous croyez, que je porte un cœur sensible et susceptible de reconnaissance, jugez de la plénitude des sentimens dont il se remplit à cette idée!

Le paquet de Votre Excellence nous est bien venu à tems pour verser du beaume dans des cœurs excédés d'un des tristes spectacles que nous présente souvent la foible humanité. La cabale, l'envie, la perfidie, la trahison, toute renégation de moralité ne sont que des traits du tableau, que est journellement sous nos yeux. Et s'il est vrai qu'on puisse parvenir à un souverain mépris pour la race Adamique (sentiment qu'on met à charge au feu roi de Prusse), jamais contrée n'a été plus propre pour le faire naître que celle, où nous vivons. N'allez pourtant pas me taxer de misanthropie: vous vous tromperiez. Plus j'avance en âge, plus je sens que l'homme est un être social et fait pour vivre en la société de son semblable.

Mon père m'a envoyé le détail du partage de son bien. J'y ai aussi ma part, ou plutôt mes enfans. Une campagne est destinée à être vendue pour payer le restant de mes dettes dont une partie a été payée par le capital de Елисавета Васильевна; ainsi c'est elle qui est mon créancier. Cette dette n'est pas la plus criante, bien s'en faut, mais la plus sacrée à mes yeux, d'autant plus que c'est tout son bien, et mon père ne destine aucun capital pour la payer. En cas des morts imprévues, elle sera réduite a rien. Ce n'est pas elle qui vous prie d'être son avocat, c'es moi, et à genoux. Car si je puis me reprocher de m'être attiré l'exil par une imprudence, que ne me reprocherai-je, si je réduis ma sœur à la mendicité? Elle!—O mon dieu-tu télaire!...

PS. Ma sœur, qui cette fois-ci n'a pas lu ma lettre, présente ses respects à Votre Excellence.

75.

Le 3 Juin 1795. Ilimsk.

Monsieur. Depuis le départ de ma dernière lettre à Votre Excellence, nous avons eu ici de très fortes gelées pendant près de trois semaines. Le mercure étoit descendu dans le thermomètre au-dessous de 33 degrés, et le froid étoit d'autant plus sensible qu'il y avoit du vent,— ce qui arrive rarement avec les fortes gelées. Hier le thermomètre étoit à 0, et cette variation est plus pénible à supporter qu'un froid continu, mais modéré. Quand il n'est qu'à 20 degrés, nous le supportons assez bien, mais en augmentant il devient désagréable.

La mort des deux négocians russes, que Votre Excellence avoit bien voulu m'annoncer dans votre dernière lettre, est vraiment une perte. Oserow étoit, je crois, le seul ou presque le seul parmi les négocians russes, qui faisoit le commerce étranger en grand et qui avoit une maison en Suède. Ses héritiers ne le continueront certainement pas. Si son fils avoit vécu, cela seroit différent.

La chasse de l'écureuil a été très peu abondante cet automne; cela l'a fait hausser de prix. Ilimsk, qui autrefois en livroit près de 30,000, n'en a pas livré cette fois pas même 5,000. On le vend-ici 110 roubles le mille, et le prix est de 106 à Irkoutsk. Ce sont des spéculateurs qui l'achétent ici si cher; les plus modérés le payent 100 roubles le mille. Quand je suis arrivé ici, on le vendoit à 75 et 80 r. le mille; mais les chasses de l'année 1791 avoient été abondantes. Je me confirme de plus en plus dans l'idée que le commerce de Kiachta ne fait hausser le prix de certaines marchandises qu'occasionellement, et cela pourroit aussi venir à l'appui du paradoxe que j'ai avancé dans une de mes lettres à Votre Excellence au sujet du commerce avec les Chinois. J'en avois promis l'explication, et il y a plus de six mois que ma lettre est déjà écrite; mais comme elle a excédé de beaucoup les bornes d'une lettre ordinaire, j'ai cru ne devoir pas vous incommoder par un tas de détails et de minuties et qui, portant souvent peut-êtreà faux, ne pourroient qu'être fastidieux. Toutefois,pour remplir mon engagement, quoique tard et bien tard à la vérité, je joins ici le résumé de ma longue et ennuyante lettre, trop heureux, si Votre Excellence y daignerez jetter les yeux.

Permettez-moi de faire ici une réflexion sur le commerce avec les

Chinois. De tout ce que j'en ai oui-dire (mon assertion, n'étant fondée que sur des oui-dire, peut être tout à fait fausse, et je ne la garantis pas) il semble que ce commerce devroit être réformé à certains égards. Non seulement la bonne foi et la probité ne sont point les bases des transactions entre les marchands russes et chinois, mais les uns comme les autres font tout au monde, à qui trompera mieux; et quand le coup a réussi, le trompeur rit de la simplicité du trompé, et le trompé appelle bonheur il'adresse coupable du trompeur! Ce qu'il y a de bon, c'est qu'on ne le prend pas au sérieux, et cela n'occassionne pas des proces. On prétend que les Chinois sont toujours de mauvaise foi, mais il me semble que c'est une contradiction de penser qu'on puisse être autorisé par les lois de tromper son homme dans quelque pays que cela soit. On a cru autrefois que les Lacédemoniens étoient voleurs par principe, mais on en est revenu. Ne pourroit-on pas donner l'exemple d'une probité mercantile aux Chinois? Et l'acte seroit certainement beau, sinon aux yeux de la politique, du moins aux yeux de la raison et de la vertu. Un brak sur des marchandises, qui se vendent en ballots ou paquets, ne seroit-il pas un acheminement à la bonne foi? Cela produiroit des réclamations et surtout de la part des Sibériens,– mais qui ne connoit la foi Punique!

Il existe dans ce commerce une coutume, si non une loi, qui assujetit à l'estimation toutes les marchandises, qui doivent être livrées aux Chinois, et l'infraction de cette loi ou coutume entraine après soi des amendes pécuniaires et quelquefois l'exclusion. On voit au premier coup d'œil que pour des négocians d'un pays, où le commerce (du moins intérieur) n'a que peu d'entraves ou des indirectes, on voit, dis-je, qu'un tel réglement est une gêne bien grande, et que par conséquent l'on s'y soustrait quand on le peut; ce qu'on dit avoir été pratiqué au renouvellement du commerce par les meilleurs négocians. L'origine de ce réglement est une espèce de représaille envers la règle des Chinois, qui ont pour toutes leurs marchandises un prix fixe; la jalousie des commerçans russes y concourt aussi comme cause secondaire. Mais, peut-être je me trompe, mais quel inconvénient de donner pleine liberté de vendre sa marchandise au prix que l'on veut? Que sait-on, si cela ne porteroit pas même les Chinois à changer ou abolir leur taxe; quoiqu'à la vérité un changement de simple coutume seroit à la Chine une chose extraordinaire.

Votre Excellence me demande dans une de vos lettres quelle est la population d'Ilimsk. Il y a 45 maisons dans tout Ilimsk, et celle que l'habite fait la 46-me et qui avec l'église et la maison de ville font le milieu du hameau; elles sont dans l'emplacement de l'ancien fort ou ostrog dont il ne reste que quelques tours, qui menacent ruine. Outre ces 45 maisons il y a environ encore 15 de vuides et inhabitées, 3 sur le bord opposé de la rivière, à une distance d'environ d'un 1/4 de verste d'Ilimsk, et 6 dans le vieux ostrog, qui est distant de l'endroit où nous sommes d'environ une verste. La population consiste en bourgeois, cosaques et paysans et ne surpasse pas 250 ames des deux sexes. Les bourgeois ont à la tête une ратуша, qui consiste eu un bourg-maître assisté d'un ancien ou староста. Les cosaques ont un sotnik pour chef et les paysans dépendent de la волостная изба, qui est à 200 verstes d'ici vers la source de l'Ilim. Il y a outre cela ici un marchand, qui est l'employé de la chambre des finances pour le brandevin dont il y a ici un dépôt annuel environ de 1000 vedros, qui se vendent le long de l'Ilim sur une distance d'environ 4 a 500 verstes, à une population de plus de 4,000 ames des deux sexes.

Permettez moi que j'aie l'honneur de féliciter Votre Excellence avec l'année qui va commencer et qui sera commencée quand cette lettre vous sera parvenue. Ce n'est point un compliment de convention: c'est le sentiment d'une âme sensible et reconnaissante. Puissez-vous vivre heureux et en bonne santé! Ce sont, je crois, les principes de toutes les félicités humaines. Puisse-je vous voir un jour; car je me croyrois malheureux de mourir sans avoir vu celui, qui m'a fait vivre. Ma sœur souhaite aussi la bonne année à Votre Excellence, et comme elle est un fidèle écho de mes sentimens, sa felicitation ne peut différer de la mienne.

J'ose faire à Votre Excellence une prière un peu imprudente: c'est de vouloir bien avec une occasion favorable me faire parvenir quelques semences de melon. A l'aide des couches vitrées de слюда, comme j'en ai dans mon potagér, je crois que je pourrai en faire venir.

Il est tems de finir ma longe kyrielle; une finale accoutumée, aprés qu'on a bien ennuyé, est une mauvaise excuse, et l'on est en droit de dire à l'écrivain qui ne termine pas: hé! que ne finis-tu au plus vite par votre.... ennuyant serviteur. Ajoutez y seulement, que vous écrire est un des eureux momens de ma vie.

76.

О ТОРГОВЛѢ СЪ КИТАЕМЪ.

Записка А. Н. Радищева.

(Составлена въ Илимскѣ для графа А. Р. Воронцова, бывшаго президента Коммерцъ-Коллегіи) [1]).

Не знаю, милостивый мой государь, довольно ли я объяснилъ мысль мою и можетъ ли изреченіе мое, къ предлинному и, можетъ быть, скучному сему письму случай подавшее, быть вѣроятнымъ. Хотя, впрочемъ, нерѣдко случается, что изъ самой среды зла раждается добро, и если мы соблизимъ все, нами сказанное, то изъ того явствовать будетъ, что перемежка въ торгу съ Китайцами 1-е) обыкновеннымъ звѣринымъ промысламъ въ подрывъ не была, и они отъ того не уменьшилися, ибо произведенія оныхъ находили полезные истоки не токмо внутри государства, но и въ чужія земли; а можетъ ли то быть полезно въ теперешнемъ положеніи многихъ Сибирскихъ округъ, чтобы промыслы сіи распространилися, остается, для меня по крайней мѣрѣ, нерѣшенною задачею; 2-е) что скотоводство отъ того не потерпѣло, съ одной стороны по той причинѣ, что чрезмѣрно раздробленная закупка его произведеній, въ торгѣ употребительныхъ, раздробляя прибытки, дѣлаетъ и потерю ихъ нечувствительною, и что сіе обращается иногда въ пользу гражданъ малоимущихъ; съ другой же стороны, скотоводство не потерпѣло по той причинѣ, что предѣлы размноженія онаго у кочевыхъ народовъ не отъ торга зависятъ, но отъ изобильныхъ или тощихъ пажитей; 3-е, что земледѣліе не только отъ того не потерпѣло, но паче имѣло приращеніе размноженіемъ посѣвовъ льна въ

---

[1]) См. „Письмо о Китайскомъ торгѣ“ 1792 г.

Иркутской и Тобольской губерніяхъ, а 4-е) слѣдствіе того было размноженіе холста; 5-е) что изъ окрестностей Томска холстъ начиналъ уже составлять отрасль торговли; 6-е) что размножился расходъ въ Сибири на Россійскія тонкія и толстыя полотна, на пестреди льняныя и полубумажныя *); равнымъ образомъ 7-е) на Россійскія выбойки, и что дѣлали уже въ Россіи бумажныя ткани на подобіе китайки, хотя въ маломъ количествѣ; 8-е) что недостатокъ въ чаю сталъ, особливо въ послѣдніе годы, мало чувствителенъ и былъ бы еще меньше чувствуемъ, еслибы пошлина съ чая, изъ Европы привозимаго, сравнена была съ пошлиною Сибирскаго тарифа; 9-е) что Забайкальскіе жители, да и другіе въ Сибири, вмѣсто кирпичнаго чая въ затуранѣ своемъ варили разныя, ими собираемыя, травы, не меньше какъ чай для здоровья человѣческаго благодѣтельныя; 10-е) что Россія для Сибиряковъ стала извѣстнѣе, и что они ѣздить стали въ Москву и заводить торговыя связи; 11-е) что, наконецъ, прерывка торга на Кяхтѣ на пониженіе курса дѣйствія не имѣла, ибо сей торгъ есть отъемный, мѣновой и дебетъ и кредитъ его не входятъ въ сумму торговыхъ Россіи оборотовъ съ Европейскими государствами.

Но съ другой стороны пользы торга съ Китайцами суть сотичны (*sic*): 1-е) обращеніе денегъ чрезъ возобновленіе торга сего усугубится всею суммою товаровъ Китайскихъ, а дѣйствіе того наипаче чувствуемо будетъ въ Иркутскѣ; 2-е) казенный пошлинный доходъ возобновится; 3-е) цѣны на мягкую рухлядь будутъ возвышаться хотя повременно, а сіе обратится въ пользу питающихся промысломъ звѣринымъ и распространитъ между ими обиліе, хотя мгновенно; 4-е) кожевенное рукодѣліе въ Сибири получитъ паки великій истокъ, а въ Иркутскѣ будетъ, вѣроятно, имѣть приращеніе; 5-е) плаваніе по Байкалу и Сибирскимъ рѣкамъ усугубится, слѣдственно, и прокормленіе всѣхъ отъ водоходства питающихся; 6-е) люди низкаго состоянія, питающіеся отъ нашествія другихъ, имѣть будутъ пропитаніе отъ гостепріимства,

---

*) *Дабъ*, на рубахи въ Сибири простымъ народомъ употребляемыхъ, вывозили въ годъ болѣе 2,000,000 аршинъ, фанзъ — до 300,000 аршинъ, всего по цѣнѣ гораздо болѣе 200,000 р. Все сіе количество замѣняемо было Сибирскимъ и Россійскимъ холстомъ и пестредью.

Примѣч. Радищева.

содержа постоялые дворы, приготовляя пищу людямъ и лошадямъ, и пр., 7-е) имѣющіе въ Иркутскѣ лавки, анбары и домы для наймовъ получатъ избыточную за наемъ оныхъ плату; 8-е) крестьяне питаться будутъ свойственною имъ отраслью прокормленія,—извозомъ, а сумма всего пріобрѣтаемаго онымъ капитала есть весьма знатная; 9-е) купечество Иркутское, а паче такъ называемые посадскіе, могутъ имѣть надежное пропитаніе, иные—дома, другіе—отъѣзжая на Кяхту и на Енисейскую, Ирбитскую и Макарьевскія ярманки, служа прикащиками или производя все на свой счетъ; 10-е) Китайскія шелковыя ткани дадутъ прочный и щеголеватый нарядъ Сибирскому народу, а вытканныя по даннымъ образцамъ могутъ въ Россіи замѣнять Французскія и другія шелковыя матеріи съ большею выгодою, въ разсужденіи ихъ доброты и прочности; 11-е) Россійское шелковое рукодѣліе, рукодѣліе столь выгодное, ибо соединяется съ земледѣліемъ, получитъ распространеніе и обиліе отъ вывозимаго шелка изъ Китая; 12-е) китайки дадутъ прочную и дешевую одежду многимъ въ Россіи состояніямъ; 13-е) Сибирскій народъ будетъ паки носить любимыя имъ *дабы* на рубахахъ: наконецъ 14-е) подешевѣетъ вожделѣнное всѣми питье, чай; Забайкальскіе жители завтракать будутъ по прежнему затураномъ, изъ кирпичнаго чая приготовленнымъ; и я также, хотя недостатка въ чаѣ не имѣлъ, употребляя привозимый изъ Европейскихъ государствъ, по возобновленіи торга съ Китайцами, буду пить чай гораздо охотнѣе, нежели теперь, по самой естественной и важной причинѣ, что онъ будетъ лучше.

Противувѣся всѣ выгоды торга, производимаго на Кяхтѣ съ Китайцами, съ выгодами, которыя въ несуществованіе онаго возродиться могли, я никакого не сдѣлаю заключенія, наипаче для того, что для надежнѣйшаго о сихъ матеріяхъ сужденія надлежало бы мнѣ долѣе пробыть въ Иркутскѣ, нежели какъ мнѣ тамъ быть случилося; а Кяхты я совсѣмъ не видалъ. И такъ, все, мною сказанное, пріимите, милостивый государь, мимоходящими токмо размышленіями, а недостовѣрными слѣдствіями неприложныхъ посылокъ. Если время и лучшее познаніе перемѣнитъ мои мысли въ чемъ либо въ отношеніи торга на Кяхтѣ съ китайцами, то, убѣдяся истиною, не постыжуся, признавъ ее, сказать: я заблуждалъ.

МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ ИСТОРІИ ДѢЛА РАДИЩЕВА.

I.

Записка Екатерины II.

По городу слухъ, будто Радищевъ и Челищевъ писали и печатали въ домовой типографіи ту книгу; изслѣдовавъ, лучше узнаемъ

II.

Изъ „Дневника“ Храповицкаго.

26 іюня 1790 г. Говорено (Екатериною II) о книгѣ „Путешествіе отъ Петербурга до Москвы“—„Тутъ разсѣваніе заразы французской отвращеніе отъ начальства; авторъ мартинистъ; я прочла 30 стр.“ Посылка за Рылѣевымъ [1]). Открывается подозрѣніе на Радищева.

2 іюля. Продолжаютъ писать примѣчанія на книгу Радищева; а онъ, сказываютъ, препорученъ Шешковскому и сидитъ въ крѣпости.

7 іюля. Примѣчанія на книгу Радищева посланы къ Шешковскому. Сказывать изволила, что онъ бунтовщикъ, хуже Пугачева, показавъ мнѣ, что въ концѣ хвалитъ онъ Франклина, какъ начинщика, и себя такимъ же представляетъ. Говорено съ жаромъ и чувствительностію.

11 августа. Докладъ о Радищевѣ. Съ примѣтною чувствительностію приказано разсмотрѣть въ Сенатѣ, чтобы не быть пристрастною, и объявить, дабы не уважали до меня касающееся, понеже я презираю.

---

[1]) Оберъ-полиціймейстеръ, цензуровавшій книгу Радищева.

III.

Письма гр. Безбородко гр. А. Р. Воронцову.

1.

Ея Императорское Величество, свѣдавъ о вышедшей недавно книгѣ подъ заглавіемъ: „Путешествіе изъ Петербурга въ Москву“, оную читать изволила и, нашедъ ее наполненною разными дерзостными израженіями, влекущими за собой развратъ, неповиновеніе власти и многія въ обществѣ разстройства, указала изслѣдовать о сочинителѣ сей книги. Между тѣмъ достигъ къ ея величеству слухъ, что оная сочинена г. коллежскимъ совѣтникомъ Радищевымъ. Почему, прежде формальнаго о томъ слѣдствія, повелѣла мнѣ сообщить вашему сіятельству, чтобъ *вы призвали предъ себя помянутаго г. Радищева*, и сказать ему о дошедшемъ къ ея величеству слухѣ насчетъ его, вопросили его: онъ *сочинитель* или *участникъ* въ составленіи сея книги; кто ему въ томъ способствовалъ; гдѣ онъ ее печаталъ; есть ли у него домовая типографія; была ли та книга представлена на цензуру Управы благочинія, или же напечатанное въ концѣ книги: *„съ дозволенія Управы благочинія“* есть несправедливо. При чемъ бы ему внушили, что чистосердечное его признаніе есть единое средство къ облегченію жребія его, котораго, конечно, нельзя ожидать, если при упорномъ несправедливо(мъ?) отрицаніи дѣло слѣдствіемъ откроется. *Ея величество будетъ ожидать, что̀ онъ покажетъ.*

2.

Спѣшу предувѣдомить ваше сіятельство, что ея величеству угодно, чтобъ вы уже господина Радищева ни о чемъ не спрашивали для того, что дѣло пошло уже формальнымъ слѣдствіемъ.

27 іюня 1790 г.

IV.

Донесеніе Горемыкина Шешковскому.

Коллежскій совѣтникъ и кавалеръ Радищевъ, съ даннымъ мнѣ отъ его сіятельства господина генералъ-аншефа и кавалера графа Якова

Александровича Брюса ордеромъ къ его превосходительству г. генералъ-маіору и с.-петербургскому оберъ-коменданту Андрею Гавриловичу Чернышеву, минувшаго *іюня 30, пополудни въ девять часовъ*, показанному г. генералъ-маіору доставленъ.

7 іюля 1790 г.

V.

Замѣчанія Екатерины II.

№ 1. Книга печатана въ 1790 году безъ подписи типографіи и безъ видимаго дозволенія въ началѣ, но въ концѣ сказано: *съ дозволенія Управы благочинія.* Сіе, вѣроятно, ложь, либо оплошность. Намѣреніе сей книги на каждомъ листѣ видно. Сочинитель оной наполненъ и зараженъ Французскимъ заблужденіемъ, ищетъ всячески и выищиваетъ все возможное къ умаленію почтенія къ власти и властямъ, къ приведенію народу въ негодованіе противу начальниковъ и начальству.

Онъ же едва ли не мартинистъ, или чего подобное.

Знаніе имѣетъ довольно и многихъ книгъ читалъ.

Сложенія унылнаго и все видитъ въ темночерномъ видѣ. *Слѣдовательно черножелтаго вида* (Сіе примѣчаніе сдѣлано при 30 страницѣ NB).

Воображеніе имѣетъ довольно, и на письмѣ довольно дерзокъ.

Ситаціи 36 страницы доказываютъ жестоко устремленныя мысли сочинителя; il cite un fait atroce, которое происшествіе тутъ нейдетъ. Англичане задохнулись отъ духоты Каликутскаго жара, а рыбачкія лодки можно нанимать и безъ командира скорѣе, нежели по его приказанію, да и спящаго человѣка нельзя обвинить за то, что его не разбудили.

Сочинитель ко злости склоненъ, стр. 60. Сіе наипаче видно изъ послѣдующихъ страницъ.

Стр. 72, 73 довольно доказываютъ намѣреніе, для чего вся книга написана; подвигъ же сочинителя, объ закладъ биться можно, по которому онъ ее написалъ, есть тотъ, для чего *входъ не имѣетъ въ чертоги*; можно быть, что имѣлъ когда ни на есть; а нынѣ, не имѣя,

бывъ съ дурнымъ и слѣдовательно съ неблагодарнымъ сердцемъ, подвизается перомъ.

На стр. 75 поорабѣлъ нашь враль; ежели ближе царя былъ, онъ бы инако запѣлъ; много таковыхъ вралей мы видѣли и имѣли между раскольниками, и твердыя тѣ сердца бываютъ суще потомъ уторопленныя.

Не знаю, какова нѣга власти въ другихъ владѣтели; во мнѣ не велика.

Стр. 76. Птенцы учатъ матку. *Злость* въ зломъ, во мнѣ ея нѣтъ.

Убійство, войною называемое: чего же они желаютъ? Чтобъ безъ обороны попасться въ плѣнъ Туркамъ, Татарамъ, либо покориться Шведамъ?

Попрекая о неисполненіи велѣній, сами себя обвиняютъ.

77, 78 стр. написаны въ возмутительномъ намѣреніи: о чемъ прилагается попеченіе къ пресѣченію, то обращено въ укоризну.

79 стр. Не о Чичаговѣ по крайней мѣрѣ говоритъ?

80 стр. Они весь умъ съѣли, и одинъ государь безъ смысла. На той же страница опорачивается дѣйствіе милосердія.

81 стр. покрыта бранью и ругательствомъ и злостнымъ толкованіемъ. Злодѣйство сіе распространилось на слѣдующія страницы 82, 83, 84 и 85, но при всемъ томъ намѣреніи порочить не могли, и принуждены обратиться на исполненіи, слѣдовательно, порочатъ общество, а не доброе сердце, либо намѣреніе государя.

86. Самъ говоритъ, что *сгрезилъ грезъ.*

88 стр. упоминается *о знаніи, что я имѣлъ случай по счастію моему узнать*: кажется, сіе знаніе въ Лейпцигѣ получено, и доводитъ до подозрѣніе на господъ Радишева и Челищева, паче же, буде у нихъ заведена типографія въ домѣ, какъ сказываютъ.

92, 93, 94, 95, 96, 97 стр. исповѣдуетъ Мартинистовъ ученіе и прочихъ *теософовъ.*

98 стр. такова, что объ ней упомянуть нечего.

99, 100, 101. Говоря о Новѣгородѣ, о вольномъ его правленіи и о суровости царя Іоанна Васильевича, не говоритъ о причинѣ сей казни; а причина была, что Новгородъ, принявъ унію, предался Польской республики, слѣдовательно царь казнилъ отступниковъ и измѣнниковъ, въ чемъ, по истинѣ сказать, мѣру не нашелъ.

Стр. 102. Сочинитель вопрошаетъ но какое онъ имѣлъ право свирѣпствовать противъ нихъ, какое онъ имѣлъ право присвоять Новгородъ? Отвѣтъ: древность владѣніе и законъ Новгородской и всея Россіи и всего свѣта, который наказывалъ бунтовщиковъ и церквы отступниковъ. Но сей вопросъ тутъ дѣлается, дабы отвергать власть, и оставленъ безъ отвѣта.

103. Учинены вопросы тѣ, по которымъ теперь Франція раззоряется.

№ 2. Все то, что̀ въ свѣтѣ нынѣ установлено и устроено, установлено и устроено по опытамъ, что предыдущее требовало, чтобъ такъ было, а не по слѣпому хотѣнію; будетъ ежели инако, то будетъ хуже, понеже лучшее есть врагъ нынѣшнему доброму, и лучше держаться извѣстному, нежели неизвѣстному проложить дорогу.

108 стр. Знаніе имѣетъ подробностей купецкихъ обмановъ, чего у таможни легко приглядѣться можно.

109, 110, 111 о томъ же; на послѣдней начинается вылазка на вексельное право, и самъ сочинитель не вѣдаетъ, чего хочетъ, чѣмъ окончаетъ 112 страницу.

Стр. 113, 114, 115, 116 доказываютъ, что сочинитель совершенной деистъ, и несходственны православному восточному ученію размышленія сіи кончатся со 118 стр.

Стр. 119 и слѣдующія служатъ сочинителю къ произведенію его намѣренія, то есть, показать недостатокъ теперешняго образа управленія и порокп онаго. Здѣсь дѣло идетъ до части уголовной; симъ трудомъ наполнены стр. 120, 121, 122, 123.

Стр. 124 опредѣлена къ тому, дабы доказать недостойное произведеніе въ чины. Въ концѣ той страницы сочинитель самъ себѣ противорѣчитъ, ибо показываетъ склонности человѣка низкаго состояніе тогда, когда по ево системы (нынѣшно Французкой) всѣ состояніи опредѣлены быть равны подъ имяни человѣка и ево мнимыя права.

На 125 стр. паки упоминается *низкаго состоянія*, изъ чево заключается, что господинъ сочинитель не весьма твердъ въ своихъ правилахъ; но противу Двора и придворныхъ ищетъ изливать свою злобу. Злословія сіи онъ выудилъ изъ книгъ отчасти, на которыхъ придворные никогда не отвѣтствовали, а доводы довольно однакоже сыскать можно, уменьшающіе порицаніе.

Стр. 126, 127, 128, 129, 130, 131, 132 служатъ къ слогу выдуманной сказкѣ для описанія звѣрскаго обхожденія помѣщика съ крестьянами и убивства господина и трехъ его сыновей.

Стр. 134, 135 служать къ оправданію убивство того.

На стр. 136 начинается толкъ незаконной.

На стр. 137 изливается ядъ Французской и продолжается на 138 и 139.

Но все сіе разсужденіе легко опровергнуть можно единымъ простымъ вопросомъ: ежели кто учинитъ зло, даетъ ли право другому и творить наивящшее зло? Отвѣтъ: конечно, нѣтъ. Законъ дозволяетъ въ оборону отъ смертнаго удара ударить, но доказаніе при томъ требуетъ, что инако не можна было избѣгнуть смерть, и стало все толкованіе сочинителя не дѣльное, не законное, но суетное умствованіе.

Стр. 140. Мздоимствомъ порицается намѣстникъ, и въ бѣду ставятъ ему законной однако толкъ на стр. 141.

Въ концѣ той страницѣ опорочено посѣщеніе намѣстника, которая однако нужно, если ему знать, съ кѣмъ дѣло имѣетъ и тѣмъ, кои подъ нимъ, съ коимъ и они дѣло имѣютъ; ни уже что польза общая требуетъ, чтобъ люди другъ друга не знали и не обходились одни съ другими, а жили, какъ волки, другъ отъ друга далеко или по лѣсамъ.

На стр. 142 вылазка противу надменности намѣстника, и вѣдомо онъ почтительная особа и съ нимъ, когда законно говоритъ, преніе имѣти неловко, и мудрецъ тутъ остается дуракомъ.

Стр. 143, 144, 145, 146 выводятъ снаружу предположеніи, уничтожающія законы, и совершенно тѣ, отъ которыхъ Франція верхъ дномъ поставлена; не дивно было, если за симъ намѣстникъ враля и арестовалъ.

На 147 стр. ѣдетъ оплакивать плачевную судьбу крестьянскаго состоянія, хотя и то неоспоримо, что лучшее судьбы нашихъ крестьянъ у хорошаго помѣщика нѣтъ во всей вселенной.

154 155, 156 стр. описываетъ вступленіе дворянъ въ службу такими же красками злобы, какъ все прочее.

156, 157, 158. На сихъ страницъ видна *гордости души* сочинителя и ево огорченіе *и неудовольствие* на *вельможъ*, которую старается книгою своею разсѣетъ такъ, какъ опорочиваніе всево установленнаго и принятаго. На 159 стр. сіе еще явственнѣе.

№ 3. 160, 161, 162, 163, 164, 165, 166, 167 служатъ къ разрушеніе союзу между родителей и чадъ и совсѣмъ противны Закону Божіею, десяти заповѣдемъ, Святому Писанію, православію и гражданскому закону; и по всей книгѣ видно, что христіанское ученіе сочинителемъ мало почитаемо, а вмѣсто оной принялъ нѣкіи умствованіи, несходственныя закону христіанскому и гражданскому установленію.

Въ концѣ 167, стр. и на 168, 169, 170 суть правила воспитанія; сіе продолжается на 171, 172, 173. Въ концѣ сей сказано, для чего училъ дѣтямъ Англискаго и Латинскаго языка.

Стр. 174, 175 довольно глупомысленны суть. 176, 177 суть продолженіе наставленіе дѣтей, такъ какъ 178, 179, 180. По сей страницы становятся необузданныя, такъ какъ и вся книга, и едва умоначертаніе сочинителево не таково ли; вѣроятно, кажется, что родился съ необузданной амбиціи и, готовясь къ вышнимъ степенямъ, донынѣ еще не дошедъ, желчь, нетерпѣніе разлилось повсюда на все установленное и произвело собою умствованіе, взятое однако изъ разныхъ полумудрецовъ сего вѣка, какъ то: Руссо, Аббе Рейналя и тому гипохондрику подобные; касательно же метафизику Мартинистъ.

Стр. 181 говорится о супружествѣ въ такомъ же смыслѣ.

182. Начинаются правилы общежитія; сочинитель говоритъ: вопросите ваше сердцо, оно есть благо; что вѣщаетъ оно, то и творите, а разсудку слѣдовать не велитъ. Сіе предположеніе не весьма вѣрно быть можетъ.

На 183 говорится о противуположности нравахъ, обычаяхъ, законахъ и добродѣтели.

На 184 приводится примѣръ Сократа, и дается правилъ предпочесть добродѣтель всему; но въ чемъ добродѣтель состоитъ, сіе тутъ неизвѣстно осталось.

На 185 подтверждено сіе и толкъ добродѣтелю; онѣ суть или частныя, или общественныя.

На 186 примѣръ Курціи, и преподаются нѣкоторыя исполнительныя правила жизни; сіи доказываютъ, что сочинитель эгоистъ сущей, и болѣе собою занятъ, нежели инымъ чѣмъ.

На 187 сочинитель паки сорвался на любимой ево предметъ — непосѣщеніе знатныхъ особъ; онъ говоритъ, что сей обычай скаред-

оній, ничего незначущей, робкой, а въ посѣщаемомъ показующей духъ надменности и слабой разсудокъ.

188. Сіе подтверждаетъ однако изъетіе по долгу званіе развѣ.

189. Говоритъ о щигольствѣ, и сочинитель доказываетъ сею страницею, что не сребролюбивъ.

Стр. 190, 191, 192, 193, 194 доказываетъ, что сочинитель имѣетъ воображеніе довольно и любитъ распространить гипохондрическія и унылныя мысли, и тутъ паки упоминается о ничтожествѣ власти родителей надъ дѣтьми, что противно закону христіанскому и гражданскому.

Стр. 195. Еще болѣе распространяетъ сей незаконной толкъ и суще-развратной, кончится же оной на 196 страницѣ, и уваженіе никакой невидно тутъ къ закону Божію и гражданскому, а предпочтены произвольные бредни суемудрыя.

Стр. 197, 198, 199, 200, 201, описываютъ слѣдствіи дурной болѣзни, которую сочинитель имѣлъ. Вины его же оной приписываетъ на 202 стр. правительству, а на 203 совокупляетъ къ тому брани и ругательства на проповѣдающихъ всегда миръ и тишину.

Стр. 204, 205, 206, 207, 208, 209 содержутъ повѣсть о Валдаѣ и монаха, переплывшемъ озеро, и ничего не значатъ.

Стр. 210, 211, 212, 213, 214, 215, 216 повѣсть о Едровской дѣвкѣ, тутъ вездѣ вылазка на дворянъ и дурное ихъ обхожденіе и безчинство съ крестьянъ; на 217 означено мѣста сильнѣйшія.

Стр. 218 едва ли не гисторія Александра Васильевича Салтыкова; тутъ вылазка на правосудье. Въ концѣ той страницѣ слова: *нѣтъ, нѣтъ, онъ живъ, онъ живъ будетъ, если того восхочетъ*, суть примѣчанія достойны и суще возмутительны.

Стр. 219, 220, 221, 222 продолженіе Анютиной гисторіи.

Стр. 223 выходъ на нравы столицы, господъ и проч.

Стр. 224 продолженіе; также 225.

Стр. 226 сравниваетъ деревенскихъ матерей съ городовыми. Сіе сравненіе и на 227 стр. простирается.

228, 229. Размышленіи сочинителя о Едровской Анютѣ.

230. Описываетъ вредной обычай деревенской женить десятилѣтные мальчики на взрослыя дѣвки. Сочинитель не знаетъ, что таковой бракъ закономъ запрещенъ, либо знать не хочетъ, понеже го-

воритъ: законъ долженствовалъ запретить. Тутъ толкъ о бракѣ есть не сходно православію, ибо *таинство*. Въ концѣ 231 страницѣ паки выходъ на дворянство, на что пятидесятилѣтной женится на пятнадцатилѣтней; у насъ пословица: для одной ласточки лѣта не бываетъ.

№ 4. Стр. 232, 233, 234 и 235 суть окончаніе сей гисторіи.

Стр. 236, 237, 238 въ насмѣхательномъ видѣ говорится о блаженствѣ и дается чувствовать, что онаго нѣту; сіе служитъ предисловіемъ къ тому, что̀ сочинитель намѣренъ говорить о крестьянахъ и ихъ неволѣ и о войскъ, кои въ неволѣ же по причинѣ строя и стройность; все сіе на стр. 239, 240, 241, 242, 243, 244, 245, 246, 247, 248, 249, 250, 251, 252 и клонится къ возмущенію крестьянъ противу помѣщиковъ, войскъ противу начальства; сочинитель не любитъ словъ тишины и покой.

Съ 253 стр. пойдетъ вылазка противу завоеваній.

254, 255, наполнены бранію противу побѣдъ и побѣжденій, пріобрѣтеній и населеній. Въ концѣ сей страницы обращается къ земледѣлателей.

256, 257 описываютъ состояніе крестьянъ, не имѣя собственной пашенъ.

258. Какъ изнуряются работою.

259. Что рабы оковы свои любятъ.

NB. Все сіе по большой части взято изъ Абберейналови книги.

260. Проскакиваютъ паки слова, клонящіяся къ возмущенію. 261. Также достойны примѣчаній. 262. Уговариваетъ помѣщиковъ освободить крестьянъ, да никто не послушаетъ. 263. Продолженіе сего. 264. Тутъ сказано, что все вышеписанное найдено на бумажкѣ, на дорогѣ найденой.

На стр. 265. есть проектъ къ освобожденіи земледѣльцевъ въ Россіи; сей проектъ занимаетъ 266, 267. Стр. 268, 269, 270, 271, 272, 273, 274, 275, 276, 277 написаны для приведеніи въ омерзеніе помѣщиковъ тѣхъ, кои пашни отнимаютъ у крестьянъ. Сочинитель ихъ казнитъ; тутъ же достается и правленію.

Стр. 278, 279, 280, 281, 282, 283, 284, 285, 286, 287, 288 о уничтоженіи придворныхъ чиновъ; тутъ Царямъ достается крупно и кончится сими словами: *како власть со свободою сочетать должно, на взаимную пользу*. Сіе думать можно, что цѣлитъ на Французской раз-

вратной нынѣшной примѣръ. Сіе тѣмъ болѣе вѣроятно становится что сочинитель вездѣ ищетъ случай придраться къ Царю и власти. Теперь съ нимъ дѣло имѣетъ.

289, 290, 291, 292, 293, 294, 295, 296, 297, 298, 299, 300, 301, 302 303, 304, 305 стр. содержатъ опорочиваніи ценсуры книгъ, и тутъ довольно смѣло и поносительно говорится о власти и правительства, которыя сочинителемъ, какъ видно, ненавидимы.

306 — 340. О той же ценсурѣ сильнѣйшія мѣста карандашемъ означены; на послѣдней написаны сіи слова: *онъ былъ царь, скажи же, въ чьей головѣ можетъ быть больше несообразностей, если не въ Царской?* Сочинитель не любитъ Царей и гдѣ можетъ къ нимъ убавить любовь и почтеніе, тутъ жадно прицѣпляется съ рѣдкой смѣлостію.

На стр. 341 начинается прежалкое повѣсть о семьѣ, проданной съ молотка, за долги господина, и продолжается на 342, 343, 344, 345, 346, 347, 348. На 349 кончится сими словами: *свободы не отъ ихъ совѣтовъ ожидать должно* (отчинниковъ), *но отъ самой тяжести порабощенія*, то есть надежду полагаетъ на бунтъ отъ мужиковъ.

Съ 350 до 369 содержитъ по случія будто стихотворчества, ода совершенно явно и ясно бунтовская, гдѣ Царямъ грозится плахою. Кромвелевъ примѣръ приведенъ съ похвалою. Сіи страницы суть криминальнаго намѣренія, совершенно бунтовскія. О сей одѣ спросить сочинителя, въ какомъ смыслѣ и кѣмъ сложена.

370 стр. и слѣдущія до 394, повѣсть о рекрутскомъ наборѣ, о отягченныхъ крестьянъ и тому подобное, служащее къ проповѣдыванію вольности и къ искорененію помѣщиковъ.

395 по 400. Паки вылазка на знатныхъ вельможъ и придворныхъ господъ. Отъ 400 по 409. Повѣсть о слѣпомъ. Отъ 410 по 416 о дурной жизни крестьянъ паки.

№ 5. Скажите сочинителю, что я читала ево книгу отъ доски до доски и, прочтя, усумнилась, не сдѣлано ли ему мною какая обида. Ибо судить его не хочу, дондеже не выслушанъ, хотя онъ судитъ о царей, не выслушивая ихъ оправданіе.

Отъ 401 по 409 повѣсть о слѣпомъ, которому подарилъ платокъ. 410, 411, 412, 413, 414, 415, 416. Продолжаетъ описывать дурное состояніе крестьянъ.

На 418 начинается слово о Ломоносовѣ и простирается до окончаніи книги; тутъ вмѣщена хвала Мирабоа, которой ни единой, но многія висѣльницы достоинъ; тутъ Императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ оказано непочтеніе; тутъ видно, что сочинитель не сущій христіанинъ, и вѣроподобіе оказывается, что онъ себя опредѣлилъ начальникомъ книгою ли, или инако, исторгнуть скиптра изъ рукъ царей; но какъ сіе исполнить единъ не могъ, показываются уже слѣды, что нѣсколько сообщниковъ имѣлъ, то надлежитъ его допросить какъ о семъ и о подлинномъ намѣреніи и сказать ему, чтобъ онъ написалъ самъ, какъ онъ говоритъ, что правда любитъ, какъ дѣло было; ежели же не напишетъ правду, тогда принудитъ меня сыскать доказательство, и дѣло его сдѣлается дурнѣе прежнаго.

На 453 обѣщаетъ сочинитель продолженіе той книги *на возвратномъ пути*. Гдѣ это сочиненіе, начато ли оно и гдѣ находится.

О строки „Съ дозволенія Управы Благочинія" скажу, что прибавить къ книгѣ послѣ подписи подписавшаго есть лживый поступокъ и бездѣльство.

Стараться надлежитъ узнать, много ли выпущены эксемпляры и куда дѣвались.

Сіе сочиненіе также господина Радищева, и видно изъ подчерченныхъ мѣстъ, что давно мысль его готовилась ко взятому пути, а Французская революція его рѣшила себя опредѣлить въ Россіи первымъ подвизателемъ, я думаю. Челищевъ [1]) едва ли не второй; до прочихъ добраться не нужно; изъ Франціи еще пришлютъ вскорѣ парачко [2]). Сіе замѣчаніе на письмо къ другу, жительствующему въ Тобольскѣ. Тутъ же приложена брошюра въ 12 д. л., стр. 14: „Письмо къ другу, жительствующему въ Тоб. По долгу званія своего. Съ дозволенія Управы Благочинія. Въ Санктъ-Петербургѣ 1790. На другой стр. Санктъ-Петербургъ 8 августа 1782 года".

---

[1]) Товарищъ Радищева по Лейпцигскому университету.

[2]) Вѣроятно, гр. П. А. Строгановъ и его воспитатель Роммъ, участвовавшіе во взятіи Бастиліи.

VI.

1.

Вопросы Шешковскаго.

Пожалуйте, объясните:

1) Гдѣ вы жили въ приходѣ и у которой церкви?

2) Кто у васъ и семьи вашей отецъ духовый?

3) Когда вы и семья ваша были у исповѣди и святого причастія?

2.

Отвѣты Радищева.

1) Жительство имѣлъ въ приходѣ Знаменія.

2) Отецъ мой духовный былъ протоіерей церкви Богоматери Владимірскія, если помню хорошо, Дмитрій; онъ же и духовникъ моей семьи. Но когда его перевели въ другой приходъ, то семья моя имѣла духовникомъ священника младшаго церкви Знаменія.

3) Я не былъ у исповѣди и причастія, кажется, лѣтъ пять или шесть. Домашніе же мои, по причинѣ болѣзней, не были только въ нынѣшнемъ году, въ намѣреніи исправить оное въ августѣ мѣсяцѣ.

8 Іюля 1790 г.

VII.

Вопросные пункты Шешковскаго Радищеву и его отвѣты.

1.

Книга, названная „Путешествіемъ изъ С.-Петербурга въ Москву“ и которая ему при семъ объявлена, кѣмъ сочинена?

На 1.

Сія книга сочинена имъ, Радищевымъ, самимъ, и черный манускриптъ весь писанъ былъ его рукою; по написаніи жъ оной переписывалъ ее набѣло таможенный надзиратель Царевскій.

2.

Какъ она была переписана набѣло, то вы для цензуры объявляли ль, гдѣ должно по учрежденію? А при объявленіи дали ль знать о имени сочинителя той книги?

На 2.

По перепискѣ набѣло книги посылалъ онъ для цензуры оную съ досмотрщикомъ Мейснеромъ, который спустя довольно времени и принесъ ее къ нему въ домъ, за цензурою оберъ-полиціймейстера Никиты Ив. Рылѣева; о имени жъ своемъ я сказывать не велѣлъ, да и онъ Мейснеръ при отдачѣ мнѣ той книги сказывалъ, что объ имени сочинителя не сказывалъ; впрочемъ, утвердительно сего сказать я не могу.

3.

Оную книгу въ какой вы типографіи печатали, и при печатаніи оной, послѣ уже цензуры, не прибавили ли еще чего? И буде прибавили, или же исключили что, то объяснить, что̀ прибавили и что̀ убавили?

На 3.

Та книга печатана въ собственной его типографіи, которую онъ купилъ у Шнора; при печатаніи оной наборщикомъ былъ находящійся въ то время при Таможнѣ надсмотрщикъ Богомоловъ; тискана жъ она съ помощію собственныхъ его людей. Послѣ цензуры перемѣнялъ онъ нѣкоторыя только реченія, а въ другихъ мѣстахъ и листы, въ которыхъ однакожъ важности не заключалось и которыхъ всѣхъ точно упомнить не можетъ.

4.

Сколько ея было напечатано, сколько въ продажу отдано, или кому раздарено, и сколько затѣмъ осталось?

На 4.

Напечатано было ея не болѣе какъ шестьсотъ сорокъ или пятьдесятъ экземпляровъ, отдано въ продажу купцу Зотову сперва 20, а потомъ 5; болѣе жъ никому не продавалъ; подарилъ Козодавлеву 2, прапорщику Дарагану 1, ротмистру Олсуфьеву 1 и иностранцу Вицману 1, а затѣмъ остальные сожжены, такъ какъ и все къ ней принадлежащее.

5.

Съ какимъ намѣреніемъ писалъ онъ сію книгу?

На 5.

Главное его намѣреніе въ сочиненіи сей книги состояло въ томъ, чтобъ прослыть писателемъ и заслужить въ публикѣ гораздо лучшую репутацію, нежели какъ объ немъ думали до того; впрочемъ, теперь при объясненіи оной и самъ онъ видитъ, что она наполнена гнусными, дерзкими и развратными выраженіями, о чемъ отъ всего сердца и сожалѣетъ. Францію жъ въ примѣръ онъ не бралъ, хотя и самъ признается, что сіе похоже на то обстоятельство; ибо сіе писалъ онъ прежде, нежели во Франціи было возмущеніе.

6.

Не былъ ли приглашенъ въ общество Мартинистовъ?

На 6.

Мартинистомъ онъ не токмо никогда не былъ, но и мнѣніе ихъ охуждаетъ, что̀ де и въ самой книжкѣ сей значится на страницахъ 93 и 315.

7.

Противу страницы 88 не имѣлъ ли, или не имѣетъ ли какой связи съ господиномъ Челищевымъ, какъ въ семъ сочиненіи, также и въ другихъ мѣстахъ?

На 7.

Что Челищевъ ему знакомъ, сего онъ не отрицаетъ, потому что онъ съ нимъ былъ товарищемъ въ Лейпцигѣ въ гимназіи; что̀ жъ касается до связи и совѣтовъ, какъ по сему сочиненію, такъ и о другихъ дѣлахъ, то онъ никакого съ нимъ сообщенія не имѣлъ и къ нему и въ домъ уже болѣе двухъ годовъ не пріѣзжалъ.

8.

Противу 111 стр. чѣмъ онъ порочитъ вексельное право, и какимъ образомъ хочетъ онъ, чтобъ довѣріе сохраняемо было въ точности?

На 8.

Что касается до вексельнаго права, то онъ не токмо оное ничѣмъ не охуждаетъ, но еще одобряетъ, а что̀ писалъ на сей и предыдущей страницѣ, то было одно только о вексельныхъ дѣлахъ разсужденіе.

9.

Не деистъ ли онъ? Ибо размышленія, на страницахъ 113, 114, 115 и 116 изображенныя, не сходственны съ православнымъ восточнымъ ученіемъ.

На 9.

На сіе отвѣчалъ, что онъ всегда былъ христіаниномъ и держался тѣхъ догматовъ, въ коихъ родился; а что̀ писалъ на тѣхъ страницахъ, оное писалъ все по единому заблужденію его ума и хотя показать, что онъ болѣе философъ, нежели христіанинъ.

10.

На стр. 119 120, 121, 122 и 123 почему вы охуждаете нынѣшній образъ правленія и описываете пороки онаго?

На 10.

На сіе отвѣтствовалъ: я никогда не намѣренъ былъ охуждать нынѣшняго образа правленія, а почиталъ учрежденія о губерніяхъ мудрымъ законоположеніемъ и таковымъ, какова въ другихъ мѣстахъ не находится; а на оныхъ страницахъ о могущихъ быть иногда злоупотребленіяхъ, о которыхъ судить, признаюсь, не мое было дѣло, чего однакожъ доказать не можетъ, а писалъ, какъ по умствованію своему съ слышанныхъ имъ иногда въ народной молвѣ якобы происходившихъ по приказнымъ дѣламъ злоупотребленіяхъ.

11.

На стр. 124 вы старались доказать недостойное произведеніе въ чины, то какую причину на сіе имѣли, и на кого цѣлили именно?

На 11.

На сіе онъ отвѣчалъ: я виноватъ, потому что не могу судить, кто бы по недостоинству былъ произведенъ въ чины, ибо сіе до меня и не принадлежало, а писалъ такъ дерзко, могу истинную сказать,

по сумасшествію на то время и сумасбродству своему и хотя тѣмъ показать свою смѣлость.

12.

Начиная съ стр. 130 по 139 какая нужда была вводить вамъ происшествіе въ разсужденіи учиненнаго господскими дѣтьми надъ ихъ дѣвкою насилія, зная, что одинъ примѣръ на всѣхъ относиться не можетъ?

На 12.

На сіе отвѣтствовалъ: описывая сей дурной поступокъ, думалъ я, что онъ можетъ воздержать иногда такого человѣка, который бы захотѣлъ поступать такъ дурно; однакожъ кто бъ это дѣлалъ, того онъ доказать не можетъ, а писалъ сіе по сродной человѣку слабости, чая отъ такихъ дурныхъ поступковъ воздержать.

13.

Какого вы намѣстника разумѣли, котораго описывали и дѣлали ему разныя укоризны на стр. 140, 141 и 142?

На 13.

Никакого я намѣстника лично въ виду не имѣлъ, а писалъ въ общемъ смыслѣ, еслибы гдѣ случилось быть такому, который бы не наблюдалъ Высочайшихъ повелѣній; а между тѣмъ наслышась въ народной молвѣ, что будто бъ господа намѣстники употребляютъ данную имъ отъ Ея Императорскаго Величества власть иногда по своимъ пристрастіямъ, не держася Высочайшихъ Ея Императорскаго Величества учрежденій.

14.

Почему онъ охуждалъ состояніе помѣщичьихъ крестьянъ, зная, что лучшей судьбы Россійскихъ крестьянъ у хорошаго помѣщика нигдѣ нѣтъ?

На 14.

Охужденіе мое тутъ было только на одно описанное тутъ происшествіе; впрочемъ, я и самъ увѣренъ, что у хорошаго помѣщика крестьяне благоденствуютъ больше, нежели гдѣ-либо; а писалъ сіе изъ своей головы, чая, что между помѣщиковъ есть такіе, можно

сказать, уроды, которые, отступая отъ правилъ честности и благонравія, дѣлаютъ иногда такія предосудительныя дѣянія, и симъ своимъ писаніемъ думалъ дурного сорта людей отъ такихъ гнусныхъ поступковъ отвратить.

15.

Въ чемъ вы опорочиваете вступленіе дворянъ въ службу?

На 15.

Намѣреніе мое клонилось не къ опороченію службы; а только думалъ, что лучше начинать службу въ совершенномъ возрастѣ; впрочемъ, признаюсь, что выраженія мои на сихъ страницахъ были неумѣренны и не кстати.

16.

На 157 и 158 страницахъ изображено ваше огорченіе и неудовольствіе на вельможъ, то какое вы противу ихъ имѣете?

На 16.

Во всю мою жизнь, иначе сказать не могу, какъ что былъ многими изъ нихъ благопріятствованъ и благодѣтельствованъ, и начальниками моими свидѣтельствуюсь, что я къ нимъ всегда имѣлъ должное почтеніе; а о семъ написалъ, слыша отъ другихъ на вельможъ жалобы и неудовольствія.

17.

Начиная съ 160 по 166 стр., помѣщены разсужденія, служащія къ разрушенію союза между родителями и дѣтьми; то къ чему вы сіе въ книжку помѣстили?

На 17.

Никогда не имѣлъ я намѣренія разрушить такого священнаго союза, вѣдая, сколь онъ нуженъ въ обществѣ: отцомъ моимъ и матерью свидѣтельствуюсь, сколько я былъ во всю мою жизнь къ нимъ почтителенъ, и отъ своихъ дѣтей ожидалъ того же при моей старости; думалъ, если союзъ у родителей съ дѣтьми основанъ на чувствованіи сердечномъ, то онъ будетъ всегда твердъ; если жъ и заблуждалъ въ моихъ разсужденіяхъ, то сіе была ошибка разума, а чтобъ дѣти не

были благодарны отцамъ, то въ семъ теперь вижу я не только ошибку, но и совершенное безуміе, потому паче, кому жъ больше дѣти обязаны быть благодарны, какъ не отцу, государю и отечеству, ибо сіи почитаются первыми благодѣтелями въ жизни человѣку, чему и Священное Писаніе учитъ.

18.

Почему вы порочите посѣщеніе знатныхъ особъ?

На 18.

Отвѣчалъ: я виновенъ, ибо заблуждалъ въ моемъ разсужeніи, а отнюдь не тѣмъ намѣреніемъ писалъ, чтобъ ихъ презирать; потому паче нужны посѣщеніе или приходъ къ своимъ начальникамъ, чтобъ они, видя его часто, могли дѣлать заключеніе, достоинъ ли онъ ихъ благоволенія, такъ какъ и ко исправленію должности употребленъ быть.

19.

На стр. 203 для чего вы помѣстили брани на проповѣдующихъ всегда миръ и тишину?

На 19.

Здѣсь мысль моя была порицать защитниковъ публичныхъ женщинъ, а особливо тѣхъ авторовъ, которые преподаютъ установленія оныхъ, какъ то есть о семъ книга, называемая Порнографъ.

20.

На 218 страницѣ явно вы судили помѣщика, чтобъ крестьяне за непозволенные съ ихъ дѣвками поступки предавали ихъ смерти, приводя въ резонъ, что будто бъ бывшій Пугачева бунтъ произошелъ по причинѣ помѣщиковъ со своими крестьянами дурного обхожденія; но какъ сія ваша сентенція положена дерзко, а при томъ, вмѣсто сужденія правительствомъ, даетъ волю людямъ, не имѣющимъ совершенно просвѣщенія, такою, можно сказать, страшною и безчеловѣчною карать казнію, въ противность не только государственныхъ, но и Божескихъ законовъ, ибо никто въ собственной своей обидѣ судіею быть не можетъ, а симъ самымъ уже потеряна вся должность судопроизводства.

На 20.

Признаюсь въ дерзости моихъ изреченій, но написалъ сіе истинно безъ всякаго къ возмущенію намѣренія или чтобъ научить крестьянъ убивать своихъ господъ, того отнюдь я и не помыслилъ; а сіи безразсудною дерзостію наполненныя строки написалъ онъ въ томъ мнѣніи, чтобъ дурными поступками съ крестьянами помѣщики отъ сего написанія посрамились, а не меньше и навести страхъ.

21.

Почему вы въ насмѣшническомъ видѣ писали о блаженствѣ и даете чувствовать, что онаго нѣтъ? Сіе служитъ предисловіемъ къ тому, что вы намѣрены говорить о крестьянахъ и ихъ неволѣ и о войскахъ, кои въ неволѣ же по причинѣ строя?

На 21.

Всѣ описанные въ книгѣ листы, начиная отъ 236 по 277, написаны имъ подлинно, какъ теперь онъ самъ понимаетъ, должно казаться, что я писалъ съ насмѣшкою и съ тѣмъ намѣреніемъ, что желаніе мое стремилось всѣхъ крестьянъ отъ помѣщиковъ отобрать и сдѣлать ихъ вольными, а и о солдатской службѣ, какъ бы предполагалъ ей быть тяжестною, по причинѣ строгаго съ нимъ обхожденія, описывая тутъ подлинно дерзкими изреченіями. Но какъ истинную онъ самъ показываетъ, чтобъ крестьяне были вольные, то его желаніе было; однакожъ располагалъ онъ такъ въ мысляхъ своихъ, что де сіе сдѣлано будетъ по волѣ всемилостивѣйшей Государыни, да и за солдатами, конечно, попеченіемъ Ея Императорскаго Величества лучшій присмотръ, такъ какъ и строгій съ ними поступокъ по природному Ея Императорскаго Величества человѣколюбію отвращенъ будетъ, чему уже есть и начало: о крестьянахъ при заводахъ и фабрикахъ постановлены правила, какъ съ ними поступать, кто ихъ купитъ, а солдатъ безъ суда сѣчь запрещено; при чемъ онъ увѣряетъ, что отнюдь не было его намѣренія въ томъ, чтобъ сіи его гнусныя строки могли сдѣлать возмущенія.

22.

Начиная съ страницы 278 по 288, какую вы имѣли цѣль говорить о уничтоженіи придворныхъ чиновъ?

На 22.

Слова, написанныя въ сей пагубной для меня книгѣ, инаково теперь и я не понимаю, какъ что я сужденіе дѣлалъ о уничтоженіи придворныхъ чиновъ; но мысль моя тогда отнюдь того не имѣла въ виду, чтобъ уничтожить тѣ чины, а только безъ всякаго соображенія въ душѣ моей полагалъ такъ, что тѣ чины суть излишніе, и въ томъ признаю себя виновнымъ.

23.

Почему вы хотите уничтожить цензуру?

На 23.

Признаю мое заблужденіе; я такъ думалъ, что безъ нея можно обойтиться; но теперь вижу изъ опыта на себя самомъ, что она полезна, потому болѣе, что если она будетъ существовать такъ, какъ Законодательница учредить изволила, то подлинно она спасетъ многихъ, подобныхъ мнѣ, заблужденно мыслящихъ, отъ таковой гибели, въ которую я себя ввергнулъ истинно отъ слабаго своего разсудка.

24.

Начиная съ 306 по 340 между разсужденіями о цензурѣ помѣщены и сіи слова: *„Онъ былъ царь. Скажитежъ, въ чьей головѣ можетъ быть больше несообразностей, если не въ царской?“*, то какъ вы объ оныхъ словахъ думаете?

На 24.

Признаюсь, что они весьма дерзновенны, но никакъ не разумѣлъ тутъ освященныя Ея Императорскаго Величества особы, а писалъ подлинно о царяхъ, извѣстныхъ по исторіи, которые ознаменованы въ свѣтѣ въ прошедшихъ вѣкахъ, могу сказать, дурными поступками; напротивъ же сего что я могу сказать о такой Самодержицѣ, Которой удивляется свѣтъ Ея премудрому, человѣколюбивому правленію, какъ одно только то, что я Ее прогнѣвалъ, какъ бы изступившій на то время изъ ума; писалъ тѣ дерзкія слова безъ основанія такого, какъ я всегда благоговѣлъ къ священной Ея Императорскаго Величества особѣ въ душѣ моей.

25.

Начиная съ страницы 341 по 349, въ концѣ разсужденій о проданной съ молотка семьѣ за долги, помѣщены сіи слова: *и свободы не отъ ихъ совѣтовъ ожидать должно* (отчинниковъ), *но отъ самой тяжести порабощенія*, то что вы подъ оными разумѣете?

На 25.

Писавъ сіе, я то разумѣлъ: еслибъ случилось, что дворяне будутъ своихъ крестьянъ отягощать чрезмѣрно, и тогда высшая Императорская власть ихъ отъ онаго отягощенія избавитъ; но все сіе писалъ я безъ соображенія какъ вексельнаго права, такъ и учрежденнаго на то отъ правительства порядка, а единственно хотя себя показать въ разумѣ томъ, что я какъ бы сожалѣю о участи крестьянскаго жребія, но и въ томъ теперь признаюсь: ибо, буде бъ и подлинное о ихъ участи имѣлъ въ душѣ своей сожалѣніе, то бъ долженъ былъ о семъ донести правительству, не дѣлая такихъ гнусныхъ выраженій, могу сказать, изъ единаго хвастовства, а не изъ злости.

26.

Начиная съ 350 до 369 стр. помѣстили вы по случаю будто бы стихотворчества оду совершенно явно и ясно бунтовскую, гдѣ царямъ грозите плахою. Кромвелевъ примѣръ приведенъ съ похвалами. Сіи страницы суть криминальнаго намѣренія, совершенно бунтовскія; то скажите, въ какомъ смыслѣ и кѣмъ та ода сочинена?

На 26.

Ода сія почерпнута изъ разныхъ книгъ, и изъявленныя въ ней картины взяты съ худыхъ царей, каковыхъ исторія описуетъ, Нерона, Калигулу и имъ подобныхъ. Все описанное относилъ я къ государствамъ, гдѣ существуютъ по малому пространству ихъ сложные образы правленія, какъ-то: въ Англіи, Швеціи; но кто оспорить можетъ истину, основанную на повѣтствованіяхъ всѣхъ временъ, что чѣмъ государство обширнѣе, тѣмъ болѣе нужно, чтобъ верховная власть была въ единой рукѣ, и что пространному государству единое самодержавное правленіе приличествуетъ, какъ то учитъ Монтескію? Читая исторіи всѣхъ временъ и всѣхъ столѣтій и видя, что бывшія царства

подвержены были перемѣнамъ и переходили изъ хорошаго въ худое состояніе, и изъ худого въ хорошее и, продолжавшись многія столѣтія, рушились, я думалъ, что и всякое государство будетъ тому жъ подвержено; но какой которому положенъ предѣлъ, Богу единому извѣстно. Въ гнѣвѣ Своемъ Онъ народамъ даруетъ худыхъ царей въ наказаніе, въ щедротѣ Своей мудныхъ и благихъ царей, которые, имѣя попеченіе о пользѣ государства, основаніе его утверждаютъ мудрыми законоположеніями, которыя не только основаніемъ служатъ къ настоящему и будущему блаженству народовъ, для которыхъ они постановлены, но и остаются для примѣру позднѣйшихъ временъ на послѣдованіе. Таковыми по истинѣ познаются въ Россіи многія высочайшія Ея Императорскаго Величества законоположенія, подъ покровомъ коихъ мы и потомки наши поживутъ во благоденствіи и которыя останутся на поученіе позднѣйшимъ народамъ и столѣтіямъ. Признаю однакожъ отъ искреннѣйшаго сердца и въ душевномъ сокрушеніи, что ода сія наидерзновеннѣйшая. Бредя въ безуміи моемъ прослыть острымъ писателемъ и скитаяся изъ заблужденія въ заблужденіе, я упомянулъ съ похвалою о Кромвелѣ, о семъ скаредномъ, коварномъ и злоумышленномъ присвоителѣ верховной власти. Теперь чувствую всю гнусность моихъ изреченій, и сколь они дерзновенны, въ душѣ моей гнушаюся ихъ; но и въ дерзновеніи моемъ не подразумѣвалъ николи благихъ государей, каковы были Титъ, Троянъ, Маркъ Аврелій, Генрихъ Четвертый и какова есть въ Россіи нынѣ царствующая Екатерина, державу Которой многіе милліоны народовъ благословляютъ; намѣренія при составленіи оды не имѣлъ иного, какъ прослыть смѣлымъ сочинителемъ; теперь вижу ясно, сколь много въ ней безумнаго, пагубнаго и гнуснаго, и словомъ такого, чего бы мнѣ никогда писать не надлежало.

27.

Не чувствуете ли вы со стороны Ея Императорскаго Величества какой себѣ обиды?

На 27.

Никогда и никакой не только обиды не чувствовалъ, но всегда носилъ Ея на себѣ милости, да и впредь ожидалъ всего моего и всей моей семьи блаженства; и тѣмъ то мнѣ чувствительнѣе, что я привелъ

высочайшую Ея особу противу себя на гнѣвъ; однакожъ, уповая на матернія Ея Величества щедроты и человѣколюбіе, о томъ съ рыданіемъ вопію, да отпуститъ погрѣшенія мои и спасетъ погибающаго со всею моею семьею.

28.

Не имѣли ли вы кого сообщниковъ къ произведенію намѣреній въ сей книгѣ изображенныхъ?

На 28.

Какъ самъ не имѣлъ никакого намѣренія сдѣлать возмущеніе, то и сообщиковъ не имѣлъ, что̀ онъ по самой чистой совѣсти и съ наисильнѣйшею клятвою утверждаетъ, тѣмъ паче, что онъ мало и въ компаніяхъ обращался, а, исправя должность, бывалъ больше дома и въ свободные часы отдыхновенія занимался домашними дѣлами, а между тѣмъ и сочиненіемъ сей мерзкой книги.

29.

На стр. 453 обѣщаете продолженіе той книги на возвратномъ пути, то начато ли это сочиненіе и гдѣ оно находится.

На 29.

Оное сочиненіе начато не было.

*

Наконецъ заключилъ сими словами: что очищалъ я вышеописанные пункты, то признаюсь чистосердечно, что я исполнялъ только волю Всемилостивѣйшей Государыни. Впрочемъ, я вижу теперь очень ясно, что оная моя книжка наполнена столь гнусными, дерзкими и развратными выраженіями, что я почитаю себя достойнѣйшимъ всякаго отъ правосудія Ея величества истязанія, и не принося никакихъ болѣе оправданій, ожидаю и прошу единственно матерняго Ея, если не для меня, то по крайней мѣрѣ ради престарѣлыхъ моихъ родителей и ради малолѣтнихъ дѣтей, коихъ четверо, помилованія. „Къ сему показанію Александръ Николаевъ сынъ Радищевъ руку приложилъ“.

Іюля 8, 9 и 10 числъ
1790 года.

Дополненіе къ 3-му пункту вопросныхъ пунктовъ *о цензурѣ.*

Напечатанныя безъ цензуры, если хорошо припомнить могу, суть слѣдующія мѣста.

Отъ стр. 42 до 48 въ разговорѣ присяжнаго во многихъ мѣстахъ.

Отъ стр. 86 до 98, кажется, также, я много прибавлялъ, но точно утвердить не могу.

Отъ стр. 105 до 112 все прибавлено, если не ошибаюсь.

Отъ стр, 148 до 153 также прибавлено.

Въ повѣствованіи о цензурѣ знаю, что прибавлено о новѣйш их о ней положеніяхъ, но точно что̀, не упомню.

Перемѣненъ конецъ стр. 418 и стр. 419 почти вся.

Болѣе же прибавокъ не припомню, а знаю, что были поправляемы малыя реченія или правописаніе. Къ сему дополненію Александръ Николаевъ сынъ Радищевъ руку приложилъ.

1790 года Іюля 11 дня коллежскій совѣтникъ и кавалеръ А л ксандръ Радищевъ спрашиванъ и показалъ:

Отъ роду ему 40 лѣтъ, изъ дворянъ, въ службу вступилъ съ молодыхъ лѣтъ ко Двору пажемъ, а въ 1766 году посланъ былъ на казенномъ коштѣ въ Лейпцигской университетъ для обученія, откуда возвратился въ 1771 году; по возращеніи въ томъ же году опредѣленъ въ Правительствующій Сенатъ въ должность протоколиста съ чиномъ титулярнаго совѣтника, изъ Сената въ 773 году взятъ былъ въ штабъ его сіятельства графа Брюса оберъ-аудиторомъ, а отъ него по случаю женитьбы въ 775 году вышелъ въ отставку съ чиномъ секундъ-маіора, а въ 777 г. опредѣленъ въ Коммерцъ-коллегію на мѣсто ассесорское, въ 780 году опредѣленъ по именному указу въ помощь г. Далю къ таможеннымъ дѣламъ, въ 782 году произведенъ въ надворные совѣтники, а 784-мъ въ коллежскіе совѣтники, а въ Мартѣ мѣсяцѣ нынѣшняго года помѣщенъ на мѣсто совѣтника таможенныхъ дѣлъ. Орденъ святого равноапостольнаго князя Владиміра 4-й степени пожалованъ ему въ 785 году. Отецъ у него изъ дворянъ коллежскій ассесоръ, Николай Аѳанасьевъ сынъ, лѣтъ 60, въ отставкѣ, жительство имѣетъ Саратовскаго намѣстничества, Кузнецкаго уѣзда, въ селѣ Преображенскомъ, въ коемъ съ прикосновенными деревнями душъ до 700;

мать также въ живыхъ находится, родомъ изъ фамиліи Аргамаковыхъ; братьевъ у него шесть: 1-й старшій по немъ Моисей въ Архангельскѣ въ таможнѣ совѣтникомъ; 2-й Петръ служитъ въ провіантскомъ штатѣ провіантмейстеромъ, находится здѣсь въ Петербургѣ, 3-й Андрей въ отставкѣ секундъ-маіоромъ, 4-й Михайла титулярнымъ совѣтникомъ въ отставкѣ, сіи оба при отцѣ; 5-й Степанъ выпушенъ изъ кадетскаго корпуса и находится въ морскихъ баталіонахъ въ командѣ принца Нассау поручикомъ; 6-й выпущенъ въ семъ году изъ пажей поручикомъ въ армейскіе полки. Сестеръ имѣетъ 4-хъ: 1-я большая, вдова, въ замужествѣ была во Владимирѣ за прокуроромъ Облязовымъ. 2-я Фаина, 3-я Настасья, 4-я Федосья, дѣвицы при отцѣ и матери. Онъ же самъ овдовѣлъ назадъ тому 6 лѣтъ. За нимъ была жена статскаго совѣтника Рубановскаго дочь Анна; дѣтей у него четверо: сыновья Василій 13-ти, Николай 12-ти сержантами, а Павелъ по 7-му году фурьеромъ въ Измайловскомъ полку; дочь Катерина по 8-му году. Собственнаго недвижимаго имѣнія онъ не имѣетъ, кромѣ купленнаго на Петровскомъ острову у вдовы барона Фридрихса мѣста за 400 р. домъ, въ коемъ онъ жительство имѣетъ, что у Владимирской, достался по наслѣдству отъ тестя его Рубановскаго дѣтямъ, тремъ дочерямъ, въ томъ числѣ часть принадлежитъ и его покойной женѣ. Каменное и деревянное строеніе построено общимъ, какъ его, такъ и своячинъ его коштомъ. Къ сему показанію Александръ Николаевъ сынъ Радищевъ руку приложилъ.

VIII.

Показанія Зотова.

1.

— 28 іюня 1790 года допрашиванъ и показалъ: Отъ роду ему 25 лѣтъ. Зовутъ его Герасимъ Кузьминъ — сынъ Зотовъ. С.-Петербургскій третьей гильдіи купецъ; производитъ торгъ книгами, Гостинаго двора по Суконной линіи, въ лавкахъ подъ № 15 и 16. Съ мѣсяцъ времени, какъ познакомился онъ съ приходящимъ къ нему въ лавку купцомъ, торгующимъ въ Москвѣ, Петромъ Михайловымъ сыномъ

Сидѣльниковымъ, который недѣли съ три назадъ принесъ для продажи къ ему книгу подъ названіемъ „Путешествія отъ С.-Петербурга до Москвы“, одинъ экз. На другой же день послѣ того пришелъ къ ему, Зотову, спрашивалъ, не хочетъ ли онъ купить у его сихъ книгъ. Почему онъ, Зотовъ, согласясь, приказалъ ему принести. Отъ коего на другой день и получилъ двадцать пять экземпляровъ, изъ коихъ отдано было имъ въ переплетъ двадцать шесть, а остальные проданы были безъ переплета разнымъ людямъ—съ переплетомъ по два рубля тридцати пяти копеекъ, а безъ переплета по два рубля. Печать была сихъ книгъ С.-петербургская. И по надписи: „съ дозволенія управы благочинія“ не публиковалъ, а продавалъ безъ публикаціи. Отъ помянутаго купца Сидѣльникова хотя онъ и требовалъ для продажи еще сихъ книгъ, но онъ, по неимѣнію ихъ, болѣе дать отказался. Гдѣ же здѣсь онъ, Сидѣльниковъ, жительство имѣетъ, онъ не знаетъ, а думаетъ, что онъ, какъ ему проговаривалъ нерѣдко, уѣхалъ въ Москву. Сего же мѣсяца 26 дня взятъ онъ, Зотовъ, подъ стражу и представленъ къ оберъ-полицеймейстеру, генералъ-майору и кавалеру. Кто же сей книги издатель и гдѣ въ типографіи печатана, того онъ не знаетъ; по литерамъ же узнаетъ печать, похожую на Шнорову [1]). Кто же сіи книги отъ неизвѣстныхъ особъ покупалъ, о томъ показываетъ подписаннымъ имъ регистромъ и симъ утверждаетъ по сущей правдѣ. Къ сему допросу купецъ Герасимъ Зотовъ руку приложилъ.

2.

— 29 іюня 1790 года, показалъ на допросѣ: Извѣстную книгу „Путешественникъ въ Москву“ подлинно получилъ онъ отъ московскаго купца 50 экземпляровъ, и хотя онъ ее и читалъ, но только, по глупости своей, не могъ онъ думать, что она противная правительству потому болѣе, что на ней выставлена цензура управы благочинія. На что сказано ему, что въ управѣ въ послѣднемъ листу книги цензуры не выставливаютъ, а пишутъ въ началѣ книги. На что онъ сказалъ: это правда; что у него книгъ до 5,000, но цензура выставлена въ первой страницѣ, а не внизу. На что ему сказано: „сія-то разница и удостовѣряла и вразумляла тебя, что сія книга есть пасквиль“. На что онъ

---

[1]) Дѣйствительно, Радищевъ пріобрѣлъ свою типографію у Шнора.

сказалъ: „теперь я самъ вижу, что это книга невѣрная. А что о ней не объявилъ, въ томъ виноватъ“. Сочинителя книги онъ подлинно не знаетъ, а только многіе гостинодворцы и писари Радищева ему говорили, что-де эта книга печатана въ типографіи Радищева, но точно ли у него оная печатана, сего онъ утвердить не можетъ. Но по помянутому слуху, думаетъ онъ, что, *можетъ быть, та книга подослана и отъ Радищева, а о семъ думаетъ онъ потому, что Радищевъ могъ подослать и съ сердцовъ за то, что онъ, по доносу его о неявленныхъ товарахъ, получилъ отъ таможни тысячъ до семи, а Радищеву, по простотѣ своей, ничѣмъ не поклонился*. Сіи книги вступили къ нему въ маѣ мѣсяцѣ, и болѣе не были, какъ недѣли двѣ, въ лавкѣ. Какъ же *многіе стали спрашивать*, то онъ, по объявленному слуху, что она печатана у Радищева, къ нему ходилъ, а какъ спросилъ онъ Радищева, не продастъ ли онъ той книги еще нѣсколько экземпляровъ, то онъ съ негодованіемъ сказалъ, что нѣтъ. И послѣ спрашивалъ его: „кто-жъ тебѣ сказалъ, что эта книга моя?“ Онъ оторопѣлъ и, не сказавъ, отъ кого о семъ слышалъ, изъ дому его ушелъ. Послѣ чего онъ былъ спрошенъ: тѣ люди, о коихъ онъ показалъ, что они у него книги покупали, но если иногда, можетъ быть, запрутся, то можетъ ли чѣмъ ихъ онъ уличить? На что онъ сказалъ съ совершенною горестью: „чѣмъ мнѣ ихъ уличить,—я погибъ; воля всемилостивѣйшей государыни и со мною, а я сказалъ правду“. Какъже онъ, Зотовъ, хаживалъ почасту къ Радищеву въ домъ, то видѣлъ самъ въ домѣ его типографію, а наборщики у него—таможенные досмотрщики и его люди.

3.

— 1790 года, іюля 6 дня. По соизволенію ея императорскаго величества призванъ былъ въ домъ г. Шешковскаго купецъ Зотовъ и спрошенъ, самъ ли онъ лично получилъ отъ Радищева книги или чрезъ другихъ и сколько. На сіе онъ отвѣчалъ, что лично отъ Радищева получилъ онъ на мѣну книгъ только 25 экземпляровъ, да отъ называющагося московскимъ купцомъ Петра Михайлова и отъ другихъ людей, ему незнакомыхъ, которые приносили ему по два и по три экземпляра, до 50. Объ ономъ московскомъ купцѣ думаетъ Зотовъ, что онъ—не московскій купецъ, а какой ни есть изъ таможенныхъ; а о другихъ людяхъ, которые приносили ему по два и по три экзем-

пляра, думаетъ онъ, Зотовъ, что они изъ его домашнихъ. Кому-же оные продавалъ всѣхъ тѣхъ людей именъ и прозваній не знаетъ, а кого вспомнилъ, тѣхъ объявилъ, и именно:

1) Ивану Ивановичу Кушалеву. 2) Никитѣ Демидову. Купилъ дворецкій. 3) Купцу Варенкову. Въ желѣзн. линіи торг. 4) Камеръ-пажу Балашеву. 5) Алексѣю Лукину Михайлову. 6) Какому-то сочинителю Николаю Петрову. 7) Ивану Яковлевичу. 2 экземпляра при Ник. Ив. Рылѣевѣ. 8) Матвѣю Федоровичу Капиталинскому. Наконецъ, объявилъ, что послѣ того, какъ онъ въ домѣ оберъ-полицеймейстера былъ спрашиванъ, приходили къ нему въ лавку многіе незнакомые люди, и спрашивали его: „былъ ли ты у *духовника?*“ Онъ, Зотовъ, спрашивалъ, „у какого?“ Они отвѣтствовали: „у Шешковскаго“. Но я-де имъ говорилъ, что никогда не бывалъ, и его не знаю, а они ему на сіе говорили: „врешь ты, дуракъ: мы знаемъ, что былъ“.

4.

— Іюля 8 дня. Онъ же, Зотовъ, спрошенъ былъ, не вспомнилъ ли онъ кого изъ тѣхъ, которые спрашивали, былъ ли у духовника, т.-е. у Шешковскаго. На сіе онъ отвѣчалъ, что вспомнилъ. Прежде, нежели взятъ онъ былъ къ оберъ-полицеймейстеру, приходили къ нему двое въ лавку и, сторговавъ книжку, просили въ долгъ, такъ какъ-де съ ними мелкихъ денегъ не случилось, а какъ я имъ сказалъ, что васъ не знаю, то одинъ изъ нихъ сказалъ: „какъ ты не знаешь: вѣдь вы у насъ бумагу покупаете изъ лавки, я—Хлѣбниковъ“, почему я имъ и повѣрилъ. Послѣ-жъ того, какъ я былъ у оберъ-полицейместера, то приходили они опять и, заплатя за ту книгу деньги, другой съ нимъ, Хлѣбниковымъ, бывшій спросилъ меня: „былъ ли ты у духовника, т.-е. у Шешковскаго?“ Я ему отвѣчалъ, что не былъ и его не знаю, но онъ мнѣ сказалъ: „врешь ты“. Но имени и прозванія не знаетъ; примѣтою-жъ онъ поплотнѣе сына Хлѣбникова, и на немъ былъ бриліантовый перстень сотъ въ шесть.

Также вспомнилъ онъ, что экземпляръ продалъ Амбодику. Когда-жъ онъ, Зотовъ, спросилъ его, гдѣ тотъ экземпляръ, на сіе Амбодикъ отвѣчалъ, что онъ отдалъ частному приставу ихъ части, а приставъ оберъ-полицеймейстеру.

5.

— 1790 года, іюля 13 дня. Извѣстный книгопродавецъ Зотовъ, по высочайшему ея императорскаго величества соизволенію, приведенъ въ крѣпость офицеромъ Управы благочинія, и о чемъ по дѣлу надлежало спрашиванъ и показалъ:

Во-первыхъ, сказано ему, Зотову, было: „въ первомъ допросѣ въ домѣ оберъ-полицеймейстера показалъ ты, что извѣстной книги «Путешествіе изъ Санктпетербурга въ Москву» получилъ ты отъ какого-то московскаго купца 50 экземпляровъ, а во второмъ—домѣ г. Шешковскаго, когда сказано тебѣ было, что г. Радищевъ показываетъ, будто ты отъ него получилъ только 25 экземпляровъ, то ты показалъ, что 25 отъ него лично на мѣну книгъ точно получилъ, да, кромѣ того, отъ называющагося московскимъ купцомъ Петра Михайлова и отъ другихъ людей, кои приносили по два и по три экземпляра, до 50. Изъ чего выходитъ разнь. Сверхъ же того Радищевъ и нынѣ утверждаетъ, что онъ болѣе 25 экземпляровъ тебѣ не давалъ, да и ни чрезъ кого къ тебѣ не присылалъ. А посему всемилостивѣйшая государыня требуетъ отъ тебя, чтобъ ты непремѣнно открылъ истину“. На сіе онъ отвѣчалъ, согласно со вторымъ допросомъ: „воля ваша — что̀ я показалъ прежде, то̀ есть самая истина и ничего не утаилъ“.

Послѣ многаго увѣщанія призванъ былъ на очную ставку и г. Радищевъ, который и началъ его уличать такимъ образомъ: „ты, конечно, лжешь, что получилъ отъ какого-то московскаго купца Михайлова, и кромѣ тѣхъ, которые я тебѣ далъ 25 экземпляровъ, ни отъ кого не получалъ“, уличая его (какъ и прежде въ запискѣ, еще до привода Зотова, онъ написалъ) тѣмъ, что „ты послѣ того, какъ г. Шешковскій у оберъ-полицеймейстера тебя спрашивалъ, то присылалъ ко мнѣ приказчика Семена (имя сего показалъ Зотовъ послѣ) съ тѣмъ, что ежели меня будутъ спрашивать, продавалъ ли ты Зотову экземпляры, то-де вы скажите, что не продавалъ, а что они у васъ изъ типографіи *пропали*“. Зотовъ и противу сего нѣсколько запирался и путался разнымъ образомъ. Почему г. Шешковскій говорилъ ему: „слушай, ты долженъ непремѣнно сказать правду, а то я пошлю за Семеномъ, и ежели онъ тебя въ семъ изобличитъ, то ты тогда жестоко наказанъ будешь“. То онъ, наконецъ, обратясь къ г. Шеш-

ковскому, сказалъ: „Виноватъ. Это было дѣло такъ, и первые мои допросы оба несправедливы въ томъ, что я болѣе тѣхъ 25 экземпляровъ, которые получилъ отъ г. Радищева, ни отъ кого не получалъ“.

На сіе сказано ему, Зотову: „Какую-жъ ты имѣлъ причину лгать въ прежнихъ своихъ допросахъ, что получилъ отъ такого-то купца, а не прямо отъ Радищева“. На сіе онъ говорилъ: „Я для того говорилъ такимъ образомъ, что г. Радищевъ, отдавая мнѣ оную книгу для продажи, просилъ меня, чтобъ я не сказывалъ, отъ кого оную получилъ а притомъ-де меня обнадеживалъ, что тебѣ ничего за сіе не будетъ, да я и самъ думалъ, что какъ скажу на неизвѣстнаго человѣка, то тѣмъ и его просьбу исполню и себя оправдаю“. Какъ же-де я показалъ сіе въ первомъ и во второмъ допросахъ, что получилъ оную отъ московскаго купца, то и теперь не хотѣлось отстать отъ прежнихъ словъ. Въ первыхъ же допросахъ показалъ ложь для того, думая, что г. Радищевъ отъ дачи оной книги отопрется, а ему уличить его нечемъ, то и опасался, что его доносу не повѣрятъ, за что̀ и претерпитъ наказаніе. Обѣщанія-жъ такого, чтобъ сказать ложно, что у него *пропали* экземпляры изъ типографіи, Радищевъ ему не дѣлалъ, а выдумалъ онъ, Зотовъ, самъ собою, думая, что какъ Радищевъ скажетъ, что у него пропали, то ему въ томъ и повѣрятъ. И для того посылалъ онъ, послѣ бывшаго ему у оберъ-полицеймейстера допроса, приказчика своего Семена къ г. Радищеву, съ тѣмъ, чтобъ онъ его упросилъ о томъ, чтобъ Радищевъ показалъ, что у него *пропали* изъ типографіи 50 экземпляровъ. Но приказчикъ, возвратясь, сказалъ ему что-де Радищевъ такъ сказать не хочетъ, также и того, что будто бъ 50 экземпляровъ отдалъ онъ купцу московскому, говорить не хотѣлъ, а сказалъ, что-де ему бояться нечего: „Я не отопрусь, что книга *моя*“ а того приказчика онъ посылалъ уговаривать о семъ Радищева для того, чтобъ его, Зотова, противъ прежняго показанія не сочли лжецомъ.

На все сіе сказано ему было: „Какъ же ты осмѣлился сіе сдѣлать:

1) Солгать, ибо тебѣ сказано было, чтобъ ты показалъ полную истину, такъ, какъ предстать предъ страшный судъ Божій, и что̀ сего требуетъ отъ тебя всемилостивѣйшая государыня?

2) Послѣ взятія съ тебя допроса обязанъ ты былъ подпискою чтобъ ты о томъ, о чемъ г. Шешковскимъ спрашиванъ, никому ни

подъ какимъ видомъ не открывалъ, подъ опасеніемъ строжайшаго по законамъ наказанія; но ты на другой же день открылъ оное приказчику Семену, да еще послалъ его и къ Радищеву съ извѣщеніемъ, что ты Шешковскимъ спрашиванъ".

На сіе онъ говорилъ: „Въ семъ я виноватъ. Помилуйте. Я и самъ не радъ, что такъ сдѣлалъ".

По окончаніи всего вышеписаннаго, спрошенъ онъ, Зотовъ, былъ, не напечаталъ ли онъ, Зотовъ, гдѣ той книги вновь, и не послалъ ли въ Москву или куда на продажу. На сіе онъ съ клятвою говорилъ, что ей-ей не печаталъ, доказывая, наконецъ, тѣмъ, что-де ее и напечатать такъ скоро нельзя, а надобно-де ее печатать мѣсяца два, такъ какъ-де она велика.

Такъ же спрошенъ былъ: „по крайней мѣрѣ не слыхалъ ли ты отъ кого, чтобъ ее еще гдѣ печатали?" На сіе отвѣчалъ: „*сочинитель Николай Петровъ*, о которомъ я въ прежнемъ допросѣ показалъ, что продалъ ему одинъ экзепляръ, въ одно время, пришедъ ко мнѣ въ лавку, сказывалъ, что ее гдѣ-то въ чужихъ земляхъ печатаютъ на нѣмецкомъ языкѣ, а гдѣ именно, того не сказалъ. Болѣе-жъ сего онъ ни отъ кого не слыхалъ. Оный-же-де сочинитель какъ прозывается, того онъ, Зотовъ, не знаетъ, а знаетъ-де про его прозваніе полицеймейстеръ Жандръ. Жительство-жъ имѣетъ онъ у Владимирской, по улицѣ отъ кабака ведернаго, противъ перваго двора Зеленова въ худенькомъ домикѣ".

— А Радищевъ, противъ того, приказывалъ ли ему, Зотову, о себѣ никому не сказывать, на очной ставкѣ говорилъ, что онъ при дачѣ съ самаго начала книги наказывалъ ему, Зотову, чтобъ онъ до времени, чья эта книга, никому не сказывалъ для того, чтобъ сперва услышать, какъ приметъ оную публика, т.-е. ежели одобритъ, то онъ самъ себя объявитъ, а ежели публикѣ не понравится, то онъ и въ продажу ея болѣе не пуститъ".

IX.

Указъ 13 іюля 1790 года графу Брюсу.

Графъ Яковъ Александровичъ. Недавно издана здѣсь книга подъ названіемъ „Путешествіе изъ Петербурга въ Москву", наполненная

самыми вредными умствованіями, разрушающими покой общественный, умаляющими должное ко властямъ уваженіе, стремящимися къ тому, чтобъ произвесть въ народѣ негодованіе противу начальниковъ и начальства, наконецъ, оскорбительными выраженіями противу сана и власти царской. Сочинитель сей книги оказался коллежскій совѣтникъ Александръ Радишевъ, который самъ учинилъ въ томъ признаніе, присовокупивъ къ сему, что послѣ цензуры управы благочинія взнесъ онъ многіе листы въ помянутую книгу, въ собственной его типографіи напечатанную, и потому взятъ подъ стражу. Таковое его преступленіе повелѣваемъ разсмотрѣть и судить порядкомъ въ палатѣ уголовнаго суда С.-Петербургской губерніи и, заключа приговоръ, внести оный въ сенатъ нашъ. Пребываю вамъ благосклонная Екатерина. Въ Царскомъ селѣ.

X.

Рескриптъ гр. Я. А. Брюсу.

Графъ Яковъ Александровичъ! Какъ извѣстная зловредная книга „Путешествіе изъ Петербурга въ Москву“ въ благопристойномъ государствѣ отнюдь терпима быть не можетъ, то и прикажите наблюдать, дабы она нигдѣ въ продажѣ и напечатаніи здѣсь не была, подъ наказаніемъ, преступленію сему соразмѣрнымъ. Пребываемъ вамъ благосклонная Екатерина.

Въ Царскомъ селѣ 13 іюля 1790 г.

XI.

Отъ главнокомандующаго въ столичномъ городѣ С.-Петербургѣ и во всей онаго губерніи Санктпетербурской губерніи палатѣ уголовнаго суда Предложеніе.

Получилъ я именной высочайшій, за собственноручнымъ ея императорскаго величества подписаніемъ отъ 13-го сего мѣсяца указъ, съ котораго при семъ точную прилагаю копію, равно и упоминаемую въ

томъ указѣ книгу пріобщаю, которую въ уголовной палатѣ господамъ засѣдающимъ и прочесть не впуская во время чтенія въ присутствіе канцелярскихъ служителей и по прочтеніи помянутаго Радищева о подлежащемъ спросить; а какъ онъ находится въ крѣпости, то всякій разъ, когда въ немъ будетъ надобность, посылать экзекутора губернскаго правленія въ крѣпость для истребованія его отъ коменданта, а потомъ изъ присутствія отсылать его паки въ крѣпость съ тѣмъ же экзекуторомъ, и какъ при принятіи, такъ и при отправленіи его обратно имѣть всякую предосторожность, которую должно имѣть со столь важнымъ арестантомъ; для привозу его брать наемную карету, которая платима будетъ отъ меня изъ экстраординарной суммы; по разсмотрѣніи же преступленія сего Радищева и сужденіи узаконеннымъ порядкомъ палата имѣетъ заключить приговоръ и взнесть оный ко мнѣ для представленія въ сенатъ. Графъ Брюсъ. 15-го іюля 1790-го года.

XII.

Инструкція Безбородко графу Брюсу для допроса Радищева [1]).

„Порядокъ, которымъ дѣло о преступленіи Радищева разсмотрѣно и рѣшено быть долженствуетъ, не можетъ быть иной, какъ слѣдующій:

Палата уголовнаго суда призоветъ его и спроситъ:

1) Онъ ли сочинитель книги?

2) Въ какомъ намѣреніи сочинилъ ее?

3) Кто его сообщники?

4) Чувствуетъ ли онъ важность своего преступленія?

По таковомъ допросѣ не трудно будетъ палатѣ положить свой приговоръ, на точныхъ словахъ законовъ основанный, и оный, объявя при открытыхъ дверяхъ, взнесть на размотрѣніе въ сенатъ.

По сему кажется, что ни допросовъ, ему по тайной экспедиціи учиненныхъ, ни его раскаяній, туда посылать не слѣдуетъ, ибо допросы келейные ему учинены быть долженствовали изъ предосторож-

---

1) Въ уголовной Палатѣ. Слѣдствіе Шешковскаго было „келейнымъ“.

ности, какіе у него скрывалися умыслы, и не далеко ли они произведены. Многія тутъ вещи никакъ не могутъ относится къ обыкновенному трибуналу, который видитъ его преступленіе, удостовѣряется въ немъ новымъ его признаніемъ, и имѣетъ прямые законы на осужденіе его. Сверхъ того, многіе вопросы, особливо же: „не имѣетъ ли онъ какого недовольствія или обиды на ея величество“ отнюдь непрестойно выводить предъ судомъ.

Раскаяніе до суда не касается, а въ волѣ государевой на него воззрѣть, когда судъ до его крайняго изреченія достигнетъ.

XIII.

Вопросные пункты, учиненные санктъ-петербургской губерніи въ палатѣ уголовнаго суда колл. сов. Алекс. Радищеву, которому по случаю отдачи его именнымъ ея императорскаго валичества высочайшимъ указомъ подъ судъ сей палатѣ за содѣянное имъ преступленіе изданіемъ здѣсь книги подъ названіемъ „Путешествіе изъ Петербурга въ Москву“, наполненной самыми вредными умствованіями, разрушающими покой общественный, умаляющими должное ко властямъ уваженіе, стремящимися къ тому, чтобъ произвести въ народѣ негодованіе противу начальниковъ и начальства, и, наконецъ, оскорбительными и неистовыми израженіями противу сана и власти царской, показать о нижеслѣдующемъ:

1. Въ какомъ намѣреніи сочинили вы оную книгу?

Намѣренія при сочиненіи сей книги другого не имѣлъ, какъ быть извѣстному въ свѣтѣ между сочинителями и дабы прослыть таковымъ, т.-е. сочинителемъ остроумнымъ.

2. Кто именно вамъ были въ томъ сообщники?

Никого сообщниковъ въ ономъ не имѣлъ.

3. Чувствуете вы важность своего преступленія?

Чувствую во внутренности моей души, что моя книга дерзновенна, и приношу въ томъ мою повинность.

4. Сколько напечатано вами оныхъ экземпляровъ и изъ того выпущено въ свѣтъ и кому именно сами вы раздавали?

Напечатано ея было, оной книги около 650 экземпляровъ, не много болѣе или меньшее того, утвердительно сказать не упомню; изъ

того числа продано и промѣнено на книги: Купцу Зотову 25 экземпляровъ, да роздано мною: 2 экз. г. Козодавлеву, для него и для Державина; 1 прапорщику Дарагану; 1 ротмистру Олсуфьеву, 1 иностранцу Вицману; одинъ хотѣлъ дать надзирателю Царевскому, но далъ ли или нѣтъ, того не упомню; одинъ назначилъ въ отсылку къ г. Кутузову въ Берлинъ, который запечатанный отданъ мною г. Вальцу, но не отосланъ. А какъ я узналъ, что въ городѣ стали ее принимать въ худомъ смыслѣ, то почувствовалъ самъ омерзѣніе къ моему сочиненію. Экземпляры остальные всѣ сожечь велѣлъ, и по приказу моему служителемъ моимъ Давыдомъ Фроловымъ сожжены, о чемъ доносилъ я главнокомандующему сею губерніею при взятіи меня подъ стражу.

5. Объяснить вамъ по сего же силѣ Указа 768 октября 20-го дня и о службѣ своей. Въ малолѣтствѣ моемъ служилъ я при дворѣ Ея Имп. Величества пажомъ и посыланъ былъ въ Лейцигскій университетъ, для обученія на казенномъ иждивеніи. По возвращеніи оттуда, въ 1771 году, опредѣленъ въ должность протоколиста въ Правительствующій Сенатъ, съ чиномъ титул. совѣтн.; въ 1773 взятъ въ штабъ его сіятельства графа Я. А. Брюса въ оберъ-аудиторы; въ 1775 г. вышелъ въ отставку съ чиномъ секундъ-маіора; въ 1777 г. опредѣленъ въ коммерцъ-коллегію ассесоромъ и происходилъ чинами, какъ то значится въ послужномъ спискѣ. Сіе писалъ и руку приложилъ Александръ Радищевъ. Значащіеся чины: Осипъ Козодавлевъ, кол. сов. и орд. св. Владиміра кавалеръ, находится при народныхъ училищахъ. Гаврила Державинъ, статскій дѣйств. сов., находился въ (*sic*) здѣсь въ Петербургѣ. Прапорщикъ Дараганъ находится при таможнѣ въ числѣ опредѣленныхъ для познанія дѣлъ. Сергѣй Олсуфьевъ—ротмистръ конной гвардіи. Вицманъ, имени не знаю, живетъ въ Измайловскомъ полку при школѣ. Александръ Царевскій—надзиратель при таможнѣ у разъѣзда на судахъ. Алексѣй Кутузовъ — отставной преміеръ-маіоръ, Г. Вальцъ находится при г. вицеканцлерѣ.

XIV.

Показанія, завѣщаніе и письмо изъ крѣпости Радищева.

1.

Іюля 7.

Проходя сочиненіе мое безпристрастно и находя въ ономъ дерзновенныя выраженія, я вопрошаю самъ себя, для чего его писалъ. Гласъ внутренній увѣряетъ меня, что я того не мыслилъ, и что, гоняся за пустою славою, прослыть писателемъ, писалъ. Вопрошаю себя еще, на кого цѣлилъ. Гласъ внутренній мнѣ отвѣчаетъ: паки ни на кого. Никого не хотѣлъ озлобить, ни уязвить. О милосердіе! милосердіе! воззри милостиво на мое незлобіе и отпусти заблужденіе разсудка!

Если я писалъ противъ цензуры, то думалъ, что творю доброе, думалъ, что она не нужна, и если не будетъ существовать, то обязанный всякъ самъ отвѣтствовать на цензуру полагаться не будетъ.

Если кто скажетъ, что я, писавъ сію книгу, хотѣлъ сдѣлать возмущеніе, тому скажу, что ошибается. Первое и потому, что народъ нашъ книгъ не читаетъ, что писана она слогомъ для простого народа невнятнымъ, что и напечатано ея очень мало, не цѣлое изданіе или заводъ, а только половина. И можетъ ли мыслить о семъ, кто общниковъ не имѣетъ? Возмогъ ли я помыслить, что почесть меня такимъ возможно? Занятый съ самаго утра до заката солнечнаго заботливою должностію, тщательно собирая опредѣленный Ея Императраторскимъ Величествомъ таможенный сборъ, единое имѣлъ веселіе, въ малые часы отдохновенія моего заниматься моимъ семействомъ. О семья несчастная! о плачевныя чады! о родители мои любезные! что должны вы о мнѣ теперь мыслить, видя во мнѣ преступника? О всещедрая Государыня! о ты, которую милліоны различныхъ народовъ благословляютъ, не лиши, о милосердая, единаго въ жизни бѣдственной утѣшенія зрѣти плачевное мое семейство, воньми моленію несчастнаго, дай узрѣть престарѣлыхъ моихъ родителей!

Но изъ самой пагубной книги да извлеку что-либо въ мою пользу. Мыслитъ ли тотъ злое, кто говоритъ въ словѣ крестицкаго дворянина и дѣтей своихъ научаетъ, чтобъ паче всего хранили законы и ихъ не устранялись, что въ Россіи источникъ всѣхъ законовъ есть Государь, чтобы паче всего хранили добродѣтель? О ты, давшая всякому судію его изъ его среды, мудрымъ своимъ учрежденіемъ о Губерніяхъ, о ты, изъемляющая заключеннаго изъ узъ и предавающая его сужденію Совѣстнаго Суда, о ты повелѣвшая начертать должности человѣка и гражданина, для наученія твоего народа! Кому же добродѣтель любезна, развѣ не тебѣ?

Казнюся единою мыслію, Милосердая Государыня, что могъ тебя прогнѣвать, тебя, въ которой ожидалъ всего моего блаженства и благоденствія моей несчастной семьи. О если бы возможно было, скитаясь по дворамъ согражданъ, денно, ночно молилъ бы ихъ слезно, да истребятъ пагубную мою книгу до послѣдняго листа! Помилуй, милосердая Государыня, помилуй, иного сказать не умѣю, помилуй!

Принося повинную и прося помилованія у престола Ея Императорскаго Величества, я постараюся здѣсь объяснить, сколько во мнѣ есть силъ, книгу, изданную мною подъ заглавіемъ „Путешествіе изъ С.-Петербурга въ Москву".

Что сердце мое чисто было, что злого не имѣлъ намѣренія, издавая сію пагубную для меня книгу, если только можно вѣрить преступнику, то говорю истину.

Первая мысль написать книгу въ сей формѣ пришла мнѣ, читая путешествіе Іорика[1]); я такъ ее и началъ. Продолжая ее, на мысль мнѣ пришли многіе случаи, о которыхъ я слыхивалъ и, дабы немного рыться, я вознамѣрился ихъ помѣстить въ книгу сію. Я думалъ, въ заблужденіи моемъ, что могутъ принести иногда пользу. Описывая состояніе помѣщичьихъ крестьянъ, думалъ, что устыжу тѣмъ тѣхъ, которые съ ними поступаютъ жестокосердно; шуточные помѣстилъ для того, чтобы не скучно было длинное, серіозное сочиненіе. Дерзновенныя выраженія и неприличной смѣлости почерпнулъ я, читая разныхъ писателей, и ни съ какимъ другимъ намѣреніемъ, какъ чтобы прослыть хорошимъ писателемъ; да и самое изданіе книги ни къ чему

---

[1]) «Сантиментальное путешествіе» Л. Стерна.

другому стремилося, какъ быть извѣстному между авторами, и изъ продажи книги пріобрѣсти себѣ прибыль; теперь, проходя то, что я писалъ, понимаю мое прегрѣшеніе, но если разумъ заблуждалъ, сердце не было тому причастно. Свидѣтельствуюсь всѣми, что житіе мое было не злобиво, что велѣніе моихъ начальниковъ исполнялъ съ должнымъ повиновеніемъ, что ревностный былъ исполнитель премудрыхъ законовъ Ея Императорскаго Величества. Теперь, гнушаясь моего сочиненія, другого сказать не могу, какъ что я виновенъ.

Когда моя книга была уже готова, то я послалъ ее для цензуры съ бывшимъ прежде книгопродавцемъ, а въ то время находящимся при Таможнѣ. Долго времени спустя, въ концѣ прошлаго лѣта, книгу мою Мейснеръ возвратилъ за подписаніемъ оберъ-полицеймейстера Рылѣева. Неизвѣстно мнѣ, сказывалъ ли Мейснеръ о сочинителѣ книги; но онъ мнѣ сказывалъ, что о имени моемъ не объявилъ. Я хотя мало тому вѣрилъ, но, признаюсь, былъ тому радъ, потому что, не зная, какъ въ публикѣ оно будетъ принято, я хотѣлъ ждать, для объявленія о себѣ, того времени, какъ его одобрятъ.

Съ того времени, какъ Ея Императорское Величество Всемилостивѣйше дозволила всѣмъ заводить типографіи безпрепятственно, я, зная, сколь великій барышъ многіе получаютъ, вознамѣрился завести у себя типографскій станъ, но не имѣлъ на то случая. Прошлымъ лѣтомъ получилъ я станъ типографскій отъ Шнора съ литерами, за который еще ему всѣхъ денегъ не отдалъ, но не могъ начать печатать прежде прошлой зимы. Первую книжку въ одинъ листъ на ономъ я напечаталъ подъ заглавіемъ «*Письмо къ другу въ Тобольскъ*». Вторую «Путешествіе»; та и другая за цензурою. Въ сей послѣдней при самомъ печатаніи я иныя мѣста исправлялъ, если мнѣ казалося что нехорошее; прибавленія къ оной не велики, какъ я о томъ объявилъ, въ чемъ можно удостовѣриться, если въ отданномъ запечатанномъ пакетѣ всѣ письменные листы находятся, но, по несчастію моему, думаю, многіе изъ нихъ утрачены. Сколько изъ головы вспомнить могу, прибавленія въ статьяхъ: *Спасская полѣсть, въ разговоры присяжнаго*, въ статьѣ *Подберезье, въ семинаристской тетрадкѣ*, которой, если не ошибаюсь, въ цензурѣ не было. Въ статьѣ *Торжокъ* только прибавлено окончаніе о цензурѣ и древнія о сей учрежденія; въ статьѣ *Черная Грязь*

я конецъ не помѣстилъ, ибо показался мнѣ дуренъ, а на мѣсто того *Слово о Ломоносовѣ*, равнымъ образомъ за цензурою.

Когда моя книга тисненіемъ поспѣла, тогда я помышлялъ ее продать, и купецъ Зотовъ, которому я одинъ давалъ экземпляръ, торговалъ всю оптомъ; но какъ онъ мнѣ давалъ мало денегъ и то на вексель, то я на то не согласился. Послѣ того далъ я ему 20 экземпляровъ на пробу, какъ будутъ покупать, а погодя нѣсколько дней еще пять. Купецъ Зотовъ, видя, что книга скоро продается, сталъ у меня еще просить; но я отговаривался, ибо я слышалъ въ городѣ, что она худо пріемлется, и, наконецъ, ему совсѣмъ отказалъ, и взятые отъ него въ задатокъ 50 р. ему отдалъ. Наконецъ, когда купецъ Зотовъ былъ посаженъ подъ стражу, и Мейснеръ былъ спрашиванъ, кто сочинитель книги, и хотя и тотъ и другой того не сказали, но я, ожидая, что и я о тòмъ же вопрошенъ буду, и желая имѣть какое-либо оправданіе, собралъ разметанные листы цензуровой тетради и пребывалъ въ ожиданіи, что меня спросятъ. Но, чувствуя мой великій проступокъ въ изданіи сей книги, я всю ее велѣлъ собрать и всѣ принадлежащіе къ ней макулатуры, поправки, черные листы сжечь велѣлъ; наконецъ, велѣлъ то же сдѣлать и со всѣми экземплярами, чтò, думаю, и исполнено; а если которые остались бы, то не вѣдаю.

Чтò могу я сказать въ оправданіе толико дерзкаго сочиненія, чтò могу пріискать въ оправданіе? Только то, повторю, что худыхъ умысловъ не имѣлъ, что цѣль моя была прослыть писателемъ; но скоро, убоявшись сей горестной славы, я остановилъ продажу и, наконецъ, всю велѣлъ сжечь.

Уповаю на благоутробіе Твое, всещедрая Монархиня, не возгнушайся, милосердая, моихъ словъ; не оправдать намѣренъ пагубную мою книгу, но хочу изъяснить мои мысли.

Происшествіе, въ Чудовѣ описанное, было въ самомъ дѣлѣ, и я спящаго Систербецкаго начальника сравнилъ съ Субабомъ, дабы онъ устыдился. Но теперь, проходя книгу, чувствую, что оскорбилъ Твою священную Особу, сказавъ, что близъ столицы сіе свершилося; виновенъ, Всемилостивѣйшая Государыня, но виновенъ, милосердая, въ разсудкѣ, но не въ сердцѣ; виновенъ въ дерзновенныхъ выраженіяхъ, но, чувствуя великія Твои дѣла, инако не могъ Тебя называть какъ Великая Государыня.

Въ сновидѣніи описанномъ не дерзалъ я цѣлить на Великаго Государя и не могъ. Не тотъ описанъ тутъ, кто самъ бдитъ о благосостояніи своего народа, не тотъ, кто тяжести его облегчаетъ, не тотъ, кто печется о его наставленіи и о обогащеніи. Всемилостивѣйшая Государыня, картина Твоего правленія останется навсегда въ наученіе царямъ и народамъ любезна.

Происшествіемъ, описаннымъ въ „*Зайцовѣ*", я не убивство тщился и намѣренъ былъ одобрить, но отвлещи жестокосердыхъ отъ постыдныхъ дѣлъ; въ гнушавшемся во все теченіе жизни своея жестокихъ поступковъ можно ли, чтобы убивство нашло защитника?

Въ словѣ Крестицкаго дворянина къ его дѣтямъ не помышлялъ я умалить власти родительской; тотъ, кто чрезъ цѣлой свой вѣкъ почитателемъ былъ къ своему отцу и матери, тотъ, кто самъ имѣетъ дѣтей и ждалъ отъ нихъ въ старости упокоенія, не могъ такъ мыслить. Я хотѣлъ только показать, какимъ образомъ власть родительская можетъ быть тверда, основанная на чувствованіи сердца.

Въ проектѣ о освобожденіи крестьянъ помѣщичьихъ я мечталъ, признаюсь, какъ можетъ быть оно постепенно; ибо увѣренъ въ душѣ моей, что запретившей покупку деревень къ заводамъ и фабрикамъ Законоположительницѣ, что начертавшей перстомъ мягкосердія мѣру работъ приписаннымъ къ заводамъ крестьянамъ, что давшей крестьянину судію изъ среды его, мысль освобожденія крестьянъ помѣщичьихъ если не исполнена, то потому, что вящшія тому препятствуютъ соображенія.

Въ статьѣ о придворныхъ чинахъ, признаюсь, Всемилостивѣйшая Государыня, что не мое дѣло было судить о заслугахъ и награжденіяхъ. Всещедрая Государыня, взываю къ Твоей щедротѣ, помилуй!

Но что могу въ разстроенномъ разумѣ сыскать? Изреченія моей книги дерзновенны; но въ безуміи моемъ не мнилъ оскорбить никого, и несмысленное желаніе пріобрѣсти славу писателя ввергнуло меня въ сію погибель.

О если можно милосердствовати несчастному, не отвергни, всещедрая Государыня, покаянія грѣшника и тѣмъ паче терзающагося о своемъ преступленіи, что сердце его ничѣмъ ему не упрекаетъ. О еслибы слезы и раскаяніе могли возвратить прошедшее время! О возлюбленные мои, гдѣ вы, о дѣти души моей!

Экземпляровъ я роздалъ очень мало, да и не имѣлъ намѣренія моего много отдавать, а хотѣлъ употребить ихъ въ продажу для прибытка: одинъ экземпляръ г. Козодавлеву, ему же одинъ для г. Державина, одинъ прапорщику Дарагану.

Если спросятъ, съ какимъ намѣреніемъ я ихъ раздавалъ, то только, чтобы читали, ибо всѣ они упражняются въ литературѣ. Еще экземпляръ иностранцу Вицману и г. Олсуфьеву.

О милосердая Государыня! Внемли гласу стенящаго, помилуй кающагося, и если исправленіе въ человѣкѣ возможно, во мнѣ оно послѣдуетъ, ибо рожденъ не жестокосердъ. Простри, всемилостивая, руку щедроты къ несчастному, изведи изъ гибели стенящаго, да при концѣ дней прославлю Твоя щедроты. О человѣколюбивая Монархиня. воньми слезамъ моимъ и раскаянію! Къ сей повинной Александръ Николаевъ сынъ Радищевъ руку приложилъ.

Іюля 1 дня 1790 года.

Для удостовѣренія, что показаніе купца Зотова, что онъ имѣлъ 50 экземпляровъ отъ какого то Сидѣльникова, неправильно, можно спросить его сидѣльца. Какъ его зовутъ, не знаю, малый молодой, ростомъ выше Зотова, съ лица чистъ, сидѣлъ въ другой лавкѣ близъ воротъ Гостинаго Двора, подлѣ суконной лавки № 13 и 14, не помню. Онъ приходилъ ко мнѣ и сказывалъ, что хозяинъ его показалъ, что получилъ отъ Сидѣльникова 50 экземпляровъ и просилъ, что буде я спрошенъ буду, чтобы я сказалъ, что у меня пропало 50 экземпляровъ изъ типографіи. Что у меня былъ, о томъ скажутъ и утвердить могутъ мои люди, которые его видѣли, какъ онъ ко мнѣ приходилъ, а что отъ меня болѣе показанныхъ 35 экземпляровъ въ продажу не дано, то вѣрно.

3.

Іюля 7.

Не могу паки не обратиться къ ужасному моему обвиненію, что хотѣлъ сдѣлать возмущеніе. Какъ? что издалъ въ свѣтъ мою книгу? О сердце, сердце непорочное, ты совѣстью не поколеблешься и разуму въ злоумышленіи не упрекаешь! Могъ ли когда-либо я подумать,

могъ ли бы я себѣ вообразить хотя на одну минуту, что вмѣнюся съ преступниками! Гражданинъ миролюбивый, подданный, живущій въ столицѣ законовъ, ревнитель въ исполненіи высочайшихъ Ея Императорскаго Величества повелѣній, сынъ, почтительный къ родителямъ, человѣкъ, протекшій уже бурное время страстнаго колебанія, отецъ (плачевное наименованіе!), отецъ чадолюбивый, колико вещей, за меня глаголющихъ! Я жилъ въ тишинѣ, мирѣ и благоденствіи, среди моего семейства. Семейство плачевное, гдѣ ты, что обо мнѣ мыслишь? Я погрузилъ васъ въ бездну печали, слезъ и стенанія. О Боже, Боже праведный, Отецъ безначальный! О ты, Которымъ всякая вещь зиждется, существуетъ и живетъ, отъ Твоего взора, вся объемляющаго, никто не сокрывается, Ты видишь мою душу, Тебѣ извѣстно, что она не ухищрена.

А ты, о милосердая Великая, не отрыни гласу молящаго и изъ глубины печали и скорби къ тебѣ руки свои воздѣвающему на спасеніе. Пощади, пощади, мгновенное заблужденіе!

О семейство несчастное, ты, прилегшее къ сердцу моему толико близко, ты чувствуешь несомнѣнно терзаніе мое, ты чувствуешь скорбь разлуки во всемъ пространствѣ! О несчастный! Совершилося!

Завѣщаніе.

Если завѣщаніе сіе, о возлюбленные мои, возможетъ до васъ дойти, то приникните душою вашею въ словеса несчастнаго вашего отца и друга и внемлите.

Помните, друзья души моей, помните всечасно, что есть Богъ, и что мы ни единаго шага, ниже единыя мысли совершить не можемъ не подъ Его всесильною рукою. Помните, что Онъ правосуденъ и милосердъ, что доброе дѣло безъ награды не оставляетъ, такъ и безъ наказанія худое. Итакъ всякое дѣло начинайте, призвавъ Его къ себѣ въ помощь, и прибѣгайте къ Нему теплыми молитвами! О коликое утѣшеніе въ Немъ обрящете!

Когда вы, возлюбленные мои сыновья, вступите въ службу, почитайте исполненіе вашей должности первѣйшею вашею добродѣтелію, безъ коей вы блаженны быть не можете. Будьте почтительны и послушны непрекословно къ вашимъ начальникамъ, исполняйте

всегда ревностно законы Ея Императорскаго Величества. Любите, почитайте паче всего священную ея особу, и даже мысленно должны вы ей предстоять съ благоговѣніемъ. Старайтеся заслужить ея къ себѣ милости повиновеніемъ и ревностію во исполненіи на васъ возложеннаго. Будьте почтительны, о чада души моей, къ вашимъ роднымъ и ко всякому человѣку, кто васъ лѣтами старѣе, и снисходительны къ тѣмъ, кто васъ моложе. Будьте милосерды къ вашимъ служителямъ и снисходительны. Паче всего почитайте и не приступайте велѣній тѣхъ, которые служили вамъ вмѣсто матери во младенчествѣ вашемъ. Помните, что мать ваша, умирая, поставила надъ вами вмѣсто себя сестру свою и друга, тетку вашу Елисавету Васильевну, которую, доколи живы будете, матерью именуйте!

А вы, о сотрудницы въ воскормленіи дѣтей моихъ, коихъ безуміе мое ввергло въ скорбь, печаль и уныніе, послѣдуйте моему послѣднему совѣту:

Мызу, въ которой жительствуетъ мать ваша, хотя принадлежитъ вамъ обще съ дѣтьми моими, остается въ ея распоряженіи до кончины ея. Домъ въ городѣ, въ которомъ мы жительство имѣли, я вамъ совѣтую продать, возвративъ Стальцу полы, которые лежатъ наверху, за которые деньги не отданы. Выкупить вещи, заложенныя въ Ломбардѣ, и ихъ продать можно съ выгодою. Доколѣ вы будете жить вмѣстѣ, то не совѣтую вамъ продавать дома въ Милліонной и мызы, но на вырученныя деньги продажею дома выкупить заложенный въ Банкѣ. Но поставить на мѣрѣ и опредѣлить заранѣе и нынѣ, что кому имѣть должно, завѣщая дѣтямъ моимъ быть довольными тѣмъ, что вы имъ дадите, на удѣлъ ихъ матери, вѣдая, что вы ихъ не обидите. Если же вамъ вмѣстѣ жить будетъ невозможно, то надобно будетъ продать или дворъ, или мызу.

Купленное мною мѣсто отъ Фридрихсовой вдовы [1]) я отдаю навсегда Елисаветѣ Васильевнѣ въ придачу къ тому, которое она имѣетъ рядомъ отъ Казенной Палаты, изъ платежа поземельныхъ денегъ. А она отдастъ его дочери моей, Катеринѣ, послѣ себя, если она то заслуживать будетъ.

---

[1]) На Петровскомъ островѣ.

Батюшку и матушку попросить, чтобы они не оставили моихъ дѣтей и простили бы несчастному ихъ сыну печаль, въ которую онъ ихъ повергаетъ. Батюшку просить также, чтобы всѣхъ моихъ людей отдалъ въ распоряженіе Елизаветы Васильевны, чтобы пожаловалъ отпускныя за долговременную и безпорочную службу при мнѣ людямъ моимъ Петру Иванову и Давыду Фролову съ женами ихъ и отпускныя отдалъ бы въ распоряженіе Елисаветы. Увѣренъ, что и они не оставятъ дома моего до возраста совершеннаго моихъ дѣтей. Исходатайствовать отпускную Марьѣ Дементьевой за заслуги умершаго ея мужа. Елисавету Васильевну прошу дѣвку ея Анну Дорофееву отпустить замужъ, по ея желанію.

Дѣтей моихъ несчастныхъ повергаю предъ престолъ милосердія Ея Императорскаго Величества. У всѣхъ моихъ родственниковъ просить за меня прощенія, если я ихъ чѣмъ-либо оскорбилъ.

За симъ, о возлюбленные мои, прижмите меня къ сердцу вашему и, если то возможно, забудьте несчастнаго!

Подлиное подписано его рукою и подписано тако:

А. Радищевъ.

Подписано его рукою
іюля 27 дня.

Въ дополненіе къ моему завѣщанію.

Если о дѣтяхъ моихъ ничего опредѣлено не будетъ, то прошу старшаго по мнѣ брата, Моисея Николаевича, взять на себя попеченіе о воспитаніи сыновей моихъ. Большихъ, Василья и Николая, отдать въ пенсіонъ, а меньшаго Павла въ какое-либо училище, или какъ онъ заблагоразсудитъ. Дочь мою, Екатерину, прошу оставить въ распоряженіи Елисаветы Васильевны, которая, надѣюся, отъ нея не отречется, по завѣщанію ея матери.

Если же дѣти мои всѣ будутъ пристроены, и имѣніе моего покойнаго тестя раздѣлено, то, любезныя мои сестры, послушайте моего совѣта. Если вы намѣрены будете жить вмѣстѣ обѣ домомъ, то не имѣйте и не держите никого у себя въ домѣ ни подъ какимъ предлогомъ. Знаете сами, сколь много сія предосторожность удаляетъ всякія нареканія, непріятности и домашніе раздоры и облегчаетъ не-

минуемыя издержки въ домѣ. Если же вмѣстѣ жить не будете, какъ то я думаю, то Дарьѣ Васильевнѣ совѣтую идти замужъ, стараясь избрать себѣ въ мужья человѣка благонравнаго, съ которымъ она можетъ жить счастливо. Зная весьма чувствительное сердце Елисаветы Васильевны и худое ея здоровье, я такого же совѣта ей дать не могу. Время и обстоятельства и ея сердце могутъ ее наставить, идти ли ей замужъ, или нѣтъ.

Простите, мои возлюбленные! Ахъ, можете ли простить несчастному вашему отцу и другу горесть, скорбь и нищету, которую онъ на васъ навлекаетъ? Душа страждетъ при сей мысли необычайно и ежечасно умираетъ! О, если бы я могъ васъ видѣть хотя на одно мгновеніе. Еслибы я могъ слышать толико сладостные для меня глаголы устъ вашихъ! О, еслибы я слышать могъ изъ устъ вашихъ, что вы мнѣ отпускаете мою вину!... О мечта!...

Сонъ, о сонъ, единственное въ бѣдствіи успокоеніе, блаженство плачевное въ несчастіи, приди на услажденіе страждущаго сердца!... О мечта возлюбленная! я съ вами бесѣдую, васъ держу въ объятіяхъ моихъ, о друзья души моей, о дѣти моего сердца, вы со мною, голосъ вашъ ударяетъ въ мое слышаніе... Куда спѣшите, постойте, я... я отецъ вашъ, я другъ вашъ... увы, се мечта!.. о пробужденіе! я ихъ врагъ, отъ кого они скорбятъ? отъ меня... Несчастный!

27 іюля.

Еще вопросъ Радищеву и его отвѣтъ.

1790 года, іюля 17 дня господинъ Радищевъ спрошенъ былъ: къ Кутузову въ чужіе края съ каковымъ намѣреніемъ послалъ извѣстную книгу? На что онъ отвѣчалъ, что сію книгу послалъ онъ къ нему по давней съ нимъ дружбѣ, ибо съ малолѣтства они жили, служили и учились вмѣстѣ, почему они были между собою хорошіе друзья, а сіе то самое и понудило его помянутую для него пагубную книгу къ нему отослать, ласкаясь, что сія книга изобразитъ, каково онъ можетъ остро писать. Впрочемъ, онъ никакого съ нимъ согласія въ сочиненіи той книги не имѣлъ, а единственно и дедикацію на имя его сдѣлалъ ей изъ хвастовства, ибо онъ тогда такимъ безуміемъ

былъ объятъ, что казалось ему, что сія книга наилучшаго есть сочиненія. Но теперь онъ, по совѣсти своей, будучи выведенъ изъ заблужденія и развратнаго своего мнѣнія, какъ ему стать предъ Богомъ, увѣряетъ, что еслибы Кутузовъ получилъ сію книгу, то онъ бы его, конечно, не похвалилъ, а выбранилъ, почему онъ, по теперешнему искреннему души его расположенію, и самъ находитъ, что оная книга есть мерзкая, и долженъ онъ гнушаться ею, дондеже живъ, Печатать же оную книгу нигдѣ въ чужихъ краяхъ намѣренія не имѣлъ. а къ Кутузову, какъ выше сего сказалъ, для прочтенія послалъ. Къ оному же Кутузову послалъ онъ книжку своего сочиненія подъ названіемъ: „Письмо къ другу, живущему въ Тобольскѣ", которая также писана имъ была въ объятомъ имъ тогда безуміи. Не можетъ онъ того отрицать, чтобъ оно не казалось произвести Французскую революцію, но, однако-жъ, по чистой совѣсти своей, какъ явиться на страшный судъ Божій, увѣряетъ, что онъ сего злого намѣренія не имѣлъ, а писалъ мыслями и штилемъ извѣстнаго Ренальда [1]), въ чемъ и признаетъ себя виновнымъ. Къ сему показанію Александръ Николаевъ сынъ Радищевъ руку приложилъ.

Письмо Радищева С. И. Шешковскому.

Не отриньте, милостивый мой Государь, прочтенія приложенныхъ при семъ строкъ. Какая правда скорбящей душѣ изъявлять свое чувствованіе, какая отрада въ отлученіи семейства моего несчастнаго обращать къ нему мое слово, хотя оно и въ слухъ ихъ ударять не можетъ. О еслибы милосердствовати можно было о несчастномъ и единственномъ благодѣяніи сдѣлать стенящему и дать мнѣ видѣть ихъ въ послѣдній разъ! Какая неизреченная милость! Послѣднее мое къ нимъ слово было бы горящимъ перстомъ на сердцѣ ихъ написано. О несчастные! Лишены они въ малолѣтствѣ наставника, въ юности воздержателя отъ погрѣшностей, въ совершеннолѣтіи друга. Ахъ, если ихъ потеря велика, коликое же мое противъ нихъ преступленіе! Сія мысль тягчитъ меня несказанно; тѣло и душа изнемогать начинаютъ,

---

1) Рейналь.

надежда, сіе усладительное чувствованіе, надежда видѣть мое плачевное семейство начинаетъ постепенно исчезать въ томномъ сердцѣ, и уже исчезла. Я чувствую, я одинъ. О лютое чувствованіе! тысячекратно сердце мое преломляется, и скорбь становится невообразимою.

Молчи, несчастный! Се рука Всевышняго отягчается надъ тобою за твои грѣхи. Царю безначальный и Господи! съ высоты горныхъ мѣстъ приникни, Отецъ всещедрый, и вонми моленію грѣшника кающагося! О Ты, объемляй вселенную единымъ взоромъ! Мысль безпредѣльная, въ коей прежде вѣка начертано было Твое непостижимое уму человѣческому твореніе, о Всемогущій! Пріими нетлѣнную жертву души моея и сердца, пріими покаяніе грѣшника и не отврати отъ меня лица Твоего! Чувствую, чувствую во всемъ сложеніи моемъ, яко предъ Тобою согрѣшилъ тьму кратъ и безконечно. Но, Господи, не Ты ли Отецъ мой милосердый? Къ Тебѣ воззову съ Давидомъ: Услыши мя во дни печали, ибо Ты еси Богъ кающихся; Господи, согрѣшихъ и несмь достоинъ помилованія. Но, сердцевѣдецъ, всезрящій! Душа моя предъ Тобою есть. Исполнися слабостей сложеніе мое. Разумъ исполнися суемудрія. Простеръ еси руку Твою въ мое наказаніе. Да будетъ о мнѣ воля Твоя! Въ смиреніи моемъ лобжу прещеніе Твое. Господи! согрѣшихъ и днесь необычайно. Согрѣшихъ, возмечтавъ мудрствовати; согрѣшихъ, прогнѣвавъ милосердую Государыню; согрѣшихъ, втащивъ въ печаль, скорбь и нищету невинныхъ младенцевъ и женъ и родителей престарѣлыхъ. Согрѣшихъ, привлекши на себя всѣхъ омерзѣніе. Достоинъ, Господи, да наказанъ буду за безуміе мое. Но, Отче благій, виждь неухищреніе души моей и незлобіе моего сердца, и помилуй мя грѣшнаго! Призри, о Всесильный, на невинные младенцы, и яко же о Тебѣ веселится вся тварь, даждь и имъ о Тебѣ возрадоватися, даждь, да юность ихъ будетъ цѣломудренна, да возмужалость непреткновенна, да, тихую прешедъ старость, послужатъ примѣромъ на послѣдованіе своимъ чадамъ, и да избѣгнутъ пагубнаго тщеславія прослыть писателями!

Доколѣ дыханіе продлится въ груди моей, доколѣ я живъ буду, помышленія мои, мысли и чувствованія отъ плачевнаго моего семейства отвращены быть не могутъ. Хотя не въ состояніи уже болѣе быть ему полезнымъ чѣмъ-либо, а тѣмъ самымъ лишенный утѣшенія загладить мой противъ ихъ проступокъ, хотя остатокъ житія, будучи

вовсе безплоднымъ, опредѣленъ будетъ или на томное онаго окончаніе, или на мгновенное, или прервется естественно; доколѣ судьба моя не рѣшится, не могу возбранить себѣ, чтобы забыть несчастный мой домъ и быть обитающимъ въ немъ чуждымъ. Отъ того мое сѣтованіе, оттуду мое стужаніе. Не отвергни, Милостивый Государь, сего прошенія, и какимъ-либо образомъ дать наставленіе о домашнемъ состояніи моимъ оставшимъ, дабы въ пущую не пришли разстройку дѣлъ своихъ. Онѣ имъ совсѣмъ неизвѣстны: 1-е, чтобы помыслить о пересрочкѣ заложенныхъ въ Ломбардѣ вещей, ибо, по прошествіи долгомъ срока, онѣ пропадутъ; 2-е, съ жильцовъ деньги получать должно въ началѣ сентября, съ камердинера въ треть 75, съ француженки 66 р. съ коп., съ погребщикомъ сдѣлать разсчетъ по контракту и распискамъ, съ лавочникомъ разсчесться въ годовой наемной суммѣ 225 р., съ дровяника на нынѣшній годъ получить надлежитъ 100 саженъ дровъ и 70 р. оставшихъ отъ прежнихъ лѣтъ; 3-е, что нынѣшній годъ запасу отъ батюшки прислано не будетъ, ни муки, ни овса, а присланы были деньги, и для того заранѣе помышляли бы убавить число лошадей и людей, а особливо постороннихъ, живущихъ на ихъ содержаніи; 4-е, чтобы помышляли о взносѣ процентовъ въ Банкъ за заложенный домъ; 5-е, чтобы помышляли о просроченныхъ дѣтскихъ пашпортахъ, а паче бы о ихъ ученіи.

Удивительно вамъ, Милостивый мой Государь, можетъ быть, покажется да и смѣшно, что человѣкъ обвиняется по законамъ на лишеніе жизни, можетъ быть, пещись можетъ о такихъ, можно сказать, малостяхъ. Но столь велика моя привязанность къ моимъ дѣтямъ, что и послѣднее дыханіе, каково оно бы ни было, будетъ для нихъ, что все мое сокрушеніе происходитъ отъ того, что ихъ не могу видѣть, и что лишенъ сего, кажется, навсегда. О, Боже! къ кому воззову въ моей скорби; кто услышитъ мое стенаніе и ущедрится? Неужели, Господи, лишишь несчастнаго послѣднія отрады слышать, прежде окончанія бѣдственнаго житія, что тѣ, предъ кѣмъ я наиболѣе преступилъ, мнѣ не прощаютъ? Мысль жестокая, убивающая меня ежеминутно!

Извините меня, Милостивый Государь, что я осмѣливаюсь васъ безпокоить. Богъ вамъ воздастъ, что не лишаете несчастнаго плачевнаго удовольствія изъявлять свои мысли. Благодареніе чувствитель-

нѣйшее приношу за священныя книги. Читая ихъ, въ бѣдствіи нахожу утѣшеніе и подкрѣпленіе силъ и, можно сказать, нѣкоторое ободреніе.

Не въ оправданіе моего мерзительнаго сочиненія я сказать что-либо намѣренъ, ибо убѣжденный теперь самъ въ себѣ, сколь оно гнусно, я бы самъ могъ написать на оное опроверженіе, еслибы разумъ не былъ въ разстройствѣ, и сердце не болѣло. Но я желаю показать шествіе моихъ мыслей и какъ разумъ цѣплялся изъ заблужденія въ заблужденіе, дошелъ, наконецъ, въ сію путаницу, которая ввергла меня въ погибель.

До женитьбы моей я болѣе упражнялся въ чтеніи книгъ, до словесныхъ наукъ касающихся; много также читалъ и книгъ церковныхъ, слѣдуя совѣту Ломоносова, ибо, имѣя малое знаніе въ россійскомъ письмѣ, я старался пріобрѣсти достаточныя въ ономъ свѣденія, дабы въ состояніи быть управлять перомъ. Родяся съ чувствительнымъ сердцемъ, опыты моего письма обращалися всегда на нѣжные предметы, но все было съ неудачею. Когда же я женился [1]), то все любовное вранье оставилъ и наслаждался дѣйствительнымъ блаженствомъ, не занимался ничѣмъ болѣе, какъ домашними дѣлами.

Когда я опредѣленъ былъ въ Коммерцъ-Коллегію, то за долгъ мой почелъ пріобрѣсть знанія, до торговой части вообще касающіяся, и для того, сверхъ обыкновеннаго упражненія въ дѣлахъ, я читалъ книги, до коммерціи касающіяся, возобновилъ паки чтеніе по всей исторіи и путешествіи и старался пріобрѣсти [2]) въ Россійскомъ законоположеніи, до торгу вообще относящіяся. Доселѣ разумъ мой какъ будто забылъ прежнюю свою охоту упражняться въ сочиненіяхъ или отвлеченъ былъ отъ того, какъ то я сказалъ, неудачею въ любовныхъ сочиненіяхъ. Въ сіе время я опредѣленъ былъ въ помощь г. Далю къ таможеннымъ дѣламъ и въ сіе же время между другими коммерческими купилъ я исторію о Индіяхъ Реналя; сію то книгу могу я почитать началомъ бѣдственному моему состоянію. Я началъ ее читать въ 1780, или 81 году. Слогъ его мнѣ понравился. Я высокопарный (ampoulé) его штиль почиталъ краснорѣчіемъ, дерзновенныя его вы-

---

[1]) Въ 1775 г.

[2]) Свѣдѣнія?

раженія почиталъ истиннымъ вкусомъ, и, видя ее общечитаемою, я захотѣлъ подражать его слогу. Но въ сіе время, т.-е., при началѣ вступленія моего въ таможню и по случаю составленія общаго тарифа, за препорученными мнѣ многими письменными дѣлами, я не имѣлъ средствъ книгу сію окончить чтеніемъ. Воспослѣдовавшая потомъ въ 1783 г. смерть жены моей погрузила меня въ печаль и уныніе и на время отвлекла разумъ мой отъ всякаго упражненія. Не прежде, какъ 1785 г., я началъ паки упражняться въ чтеніи и недочтеннаго Реналя окончилъ: для упражненія въ слогѣ я въ сіе время началъ повѣсть о проданныхъ съ публичнаго торга. Въ слѣдующій годъ, читая Гердера, я началъ писать о цензурѣ, началъ повѣсть Систербецкую, но все не было докончено. А какъ случилось мнѣ читать переводъ нѣмецкій Іорикова путешествія [1]), то и мнѣ на мысль пришло ему послѣдовать. Итакъ, могу сказать по истинѣ, что слогъ Реналевъ, водя меня изъ путаницы въ путаницу, довелъ до совершенія моей безумной книги, которая готова была въ исходѣ 1788 г., въ цензурѣ была въ 1789 г., начата печатью въ началѣ генваря 1790 г.

Такимъ образомъ, желая подражать сему писателю, я произвелъ сего урода. О безуміе, безуміе! О пагубное тщеславіе быть извѣстну между сочинителями! О вы, несчастныя и возлюбленныя чада, научитеся моимъ примѣромъ и убѣгайте пагубнаго тщеславія быть писателемъ!

А. Радищевъ.

XV.

Показанія Шнора [2]).

При самомъ началѣ дознанія, содержатель типографіи Иванъ Шноръ объяснилъ, что онъ, въ счетъ долга, состоящаго на Радищевѣ, просилъ прислать ему отъ пятидесяти до ста экземпляровъ книги, печатаемой подъ названіемъ „*Путешествіе изъ Петербурга въ Москву*“, и въ отвѣтъ получилъ слѣдующую, собственноручную записку Ради-

---

[1]) „Сантиментальное путешествіе по Франціи и Италіи“ Л. Стерна.

[2]) Въ изложеніи Сухомлинова.

щева, на нѣмецкомъ языкѣ: Mit dem grössten Vergnügen würde ich dem H. Schnoorr von dem Buche Exemplare geben. Für jetzt ist es aber mir unmöglich. Diejenigen, die ins Publico gegangen sind, sind *gestohlen*.

XVI.

Письмо Безбородко къ Шешковскому.

Возвращая допросы, отъ васъ, милостивый государь мой, присланные, имѣю честь извѣстить о высочайшемъ соизволеніи ея императорскаго величества, чтобы ваше превосходительство объ упоминаемомъ тутъ сочинителѣ Николаѣ Петровѣ освѣдомилися и у него спросили о касающемся до него, такъ какъ и отъ Вальца узнали, послалъ ли онъ пакетъ и къ кому именно, да и сказано ли ему было что-либо о семъ пакетѣ или книгѣ. О купцѣ Зотовѣ государыня находитъ нужнымъ справиться образомъ повальнаго обыска, какого онъ поведенія, и нѣтъ ли за нимъ еще какихъ худыхъ дѣлъ, а тогда и можно его выслать изъ столицы въ какой-либо городъ, гдѣ меньше худыхъ книгъ читаютъ.

16 іюля 1790 г.

XVII.

Показаніе Вальца.

Когда оные пакеты получилъ, точно упомнить не могу, а думаю, что въ маѣ мѣсяцѣ; получилъ же ихъ чрезъ моего шурина, капитана Девилеева, которой служитъ при таможнѣ ученикомъ, для того, чтобъ съ курьеромъ отправить [1]), но даже до сего времени я отправить случая удобнаго не имѣлъ, хотя нѣкоторыя оказіи и были; я распечаталъ оные потому, какъ скоро услышалъ, что г. Радищева взяли подъ стражу за-какую то книгу, то и подумалъ, что и въ сихъ конвертахъ, можетъ быть, есть та книга, за которую его взяли, почему и распечаталъ сперва у большого конверта одну сторонку и,

---

[1]) А. М. Кутузову за границу.

вытащивъ книгу, увидѣлъ, что эта та книга, о которой по городу говорятъ, а послѣ я открылъ и другой маленькій конвертъ, чтобъ посмотрѣть, что въ немъ посылается; и нашелъ, что и тутъ книжка [1]), почему оба оные конверта въ кабинетъ спряталъ и посылать болѣе не хотѣлъ, для того, что ежели объ нихъ будутъ спрашивать, то бы я могъ ихъ отдать. Были ль въ тѣхъ конвертахъ письма, того сказать не могу, потому что, распечатавъ оные конверты и посмотря, что тутъ лежатъ книги, тотчасъ оные въ кабинетъ положилъ и ихъ не читалъ, что доказательно тѣмъ, что у большой книги и листы не разрѣзаны, да и теперь, при отдачѣ оныхъ конвертовъ, внутри оныхъ я не смотрѣлъ.

Подпись: Надворный Совѣтникъ и кавалеръ Иванъ Вальцъ.

XVIII.

Показаніе Осипова.

— 1790 года, іюля 17 дня. Отставной поручикъ Николай Петровъ сынъ Осиповъ, на вопросъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника Шешковскаго, объявилъ: Назадъ тому недѣли три или четыре приходилъ онъ въ квартиру коллежскаго ассесора Петра Богдановича для прошенія имѣющагося на немъ долгу за переводы съ французскаго и нѣмецкаго на россійскій языкъ имъ, Осиповымъ, книгъ. И въ то время Богдановичъ спросилъ его, Осипова, нѣтъ ли у него книги, называемой—„Путешествіе изъ Петербурга въ Москву". На что онъ, Осиповъ, ему сказалъ, что у меня та книга была, но онъ для прочтенія отдалъ ее господину генералъ-поручику Николаю Ивановичу Ладыженскому. Богдановичъ спросилъ: „гдѣ ты ту книгу досталъ?" На что Осиповъ отвѣчалъ ему, что купилъ въ книжной лавкѣ у купца Зотова за 2 р. 40 к. Богдановичъ сказалъ на сіе, что посылалъ къ нему въ лавку, но ея не досталъ; также спрашивалъ и въ домѣ у Радищева, но и тамъ ея не получилъ. Между тѣмъ говорилъ, что слышалъ онъ, будто та книга въ Лейпцигѣ на нѣмецкомъ языкѣ—не помню—печатается или переводится. И послѣ того онъ, Осиповъ, будучи въ

---

[1]) Вѣроятно, „Житіе Ушакова" или „Письмо другу".

книжной лавкѣ у купца Зотова, послѣ того какъ онъ, пропадавши нѣсколько дней, явился, между разговорами пересказалъ ему слышанное имъ отъ Богдановича о печатаніи той книги въ Лейпцигѣ на нѣмецкомъ языкѣ. Оная книга здѣсь или въ другихъ городахъ печатается или нѣтъ, онъ, Осиповъ, не знаетъ и ни отъ кого не слыхалъ. *Но, судя по великому любопытству публики къ той книгѣ,* нельзя не сумнѣваться, чтобы кто-нибудь изъ завистливыхъ и корыстолюбивыхъ типографщиковъ не вздумалъ ее печатать. Службу, онъ, Осиповъ, продолжалъ сначала лейбъ-гвардіи въ Измайловскомъ полку, солдатомъ и капраломъ, потомъ выпущенъ въ Володимирскій пѣхотный полкъ прапорщикомъ, гдѣ былъ и подпоручикомъ. А послѣ того, въ 1781 году, за болѣзнями отставленъ на свое пропитаніе съ награжденіемъ поручичья чина. Обучался на своемъ коштѣ французскому и нѣмецкому языкамъ, математикѣ и архитектурѣ. О семъ, исполняя волю ея императорскаго величества, никому во всю свою жизнь объявлять не буду, въ чемъ и подписуюсь. Поручикъ Николай Петровъ сынъ Осиповъ."

XIX.

Объявленіе Зотову.

На очной ставкѣ по уличенію Радищева, самъ ты признался, что получилъ оную книгу лично отъ него, Радищева, и не болѣе, какъ двадцать пять экземпляровъ, слѣдовательно, въ первыхъ своихъ показаніяхъ говорилъ ты о всемъ ложь, за что и достоинъ ты былъ строжайщаго по законамъ осужденія. Но ея императорское величество изъ матерняго своего милосердія, вмѣня тебѣ содержаніе подъ стражею въ наказаніе, а потомъ и въ разсужденіи заключенія съ королемъ шведскимъ мира, всемилостивѣйше указать соизволила изъ-подъ стражи тебя освободить, съ таковымъ, однакожъ, высочайшимъ ея императорскаго величества подтверженіемъ, чтобъ ты впредь при судѣ отнюдь лгать не отваживался, подъ опасеніемъ неминуемаго уже съ тобою по законамъ поступленія. При чемъ напоминается тебѣ, чтобъ ты о томъ, гдѣ содержался, и о чемъ былъ здѣсь спрашиванъ, никому ни подъ какимъ видомъ не сказывалъ, подъ опасеніемъ въ противномъ случаѣ тожъ строжайшаго законамъ наказанія.

XX.

Формулярный списокъ Радищева.

Изъ дворянъ. Имѣнія не имѣетъ. Пажом. 762 г. Титул. совѣтникъ 1771. Въ штабѣ генералъ-аншефа графа Я. А. Брюса оберъ-аудиторомъ 773. Арміи секундъ-маіоромъ 775. Въ государственной Каммеръ-Коллегіи на ассесорской ваканціи 777. Коллежскимъ ассесоромъ со старшинствомъ произведенія въ секундъ-маіоры 779. По именному Ея Имп. Вел. Указу опредѣленъ въ помощь стат. сов. Далю къ таможеннымъ дѣламъ 786. Надвор. сов. того же года 18 декабря. Въ нынѣшнемъ чинѣ 783, ноября 24. Въ походахъ не бывалъ. Въ штрафахъ и подозрѣніяхъ не бывалъ. Въ отставкѣ былъ съ награжденіемъ чина. Въ нынѣшнемъ чинѣ въ отпускѣ не былъ. Вдовъ.

XXI.

1790 году іюля 19 дня, въ присутствіи Палаты Уголовнаго Суда, по увѣщанію священническому показывалъ, что значащую въ отвѣтѣ моемъ книгу сочинялъ не въ какомъ злоумышленномъ намѣреніи, но единственно, чтобы прослыть писателемъ; а также сообщниковъ въ сочиненіи оной никого не имѣлъ. Въ чемъ и подписуюсь Александръ Радищевъ.

Онаго Радищева увѣщевалъ церкви Вознесенія Священникъ Матѳей Ивановъ. 1790-го году, іюля 19-го числа.

XXII.

Корректура моей книги дѣлана мною дѣйствительно вся и всѣ поправки, которыя въ ней находятся, дѣлалъ я своею рукою. Если иныя мысли и кажутся отмѣнны, то для того, что писаны рачительнѣе, дабы наборщикъ не могъ ошибиться, и не было бы нужды дѣлать еще поправки. Въ чемъ и подписуюсь А. Радищевъ. Іюля 24 дня, 1790 года.

XXIII.

Приговоръ Уголовной Палаты.

I.

Приказали, какъ въ именномъ ея императорскаго величества высочайшемъ указѣ сказано, что коллежскій совѣтникъ Александръ Радищевъ издалъ здѣсь книгу сочиненія своего подъ названіемъ „Путешествіе изъ Петербурга въ Москву“, напечатанную самыми вредными умствованіями, разрушающими покой общественный и умаляющими должное ко властямъ уваженіе, стремящимися къ тому, чтобъ произвесть въ народѣ негодованіе противу начальниковъ и начальства и, наконецъ, оскорбительными и неистовыми израженіями противу сана и власти царской, въ палатѣ же уголовнаго суда онъ, Радищевъ, хотя и показалъ, что чувствуетъ во внутренности своей души, что та книга его дерзновенна и приноситъ въ томъ свою повинность, да и что сочинилъ онъ ее не въ злоумышленномъ намѣреніи, но единственно только, чтобы прослыть сочинителемъ остроумнымъ, но однакожъ палата, разсматривая оную книгу, находитъ, что она показываетъ совсѣмъ тому противное, а потому его, Радищева, за сіе преступленіе палата мнѣніемъ и полагаетъ, лиша чиновъ и дворянства, отобравъ у него знакъ ордена святаго Владиміра 4 степени, по силѣ уложенія 22 главы 13 пункта воинскихъ 20, 127, 135, 137, 149 артикуловъ и 101 толкованія, а также морского устава 5 книги 14 главы 103 артикула и на оный толкованія,—казнить смертію, а показанныя сочиненія его книги, сколько оныхъ отобрано будетъ, истребить; но какъ по силѣ состоявшагося 1785 года апрѣля 21 дня дворянскаго положенія въ 13 статьѣ сказано, что дѣло благороднаго, впадшаго въ уголовное преступленіе и по законамъ достойнаго лишенія дворянскаго достоинства или чести или жизни, да не вершится безъ внесенія въ сенатъ и конфирмаціи императорскаго величества, и для того сей палаты приговоръ (оставя въ палатѣ таковой же) и дѣло съ имѣющеюся въ палатѣ сочиненія того Радищева книгою и присланнымъ при сообщеніи изъ губернскаго правленія 23 числа сего мѣсяца экземпляромъ

оной книги съ приписками и приправками [1]), по силѣ указа 1784 года маія 29 дня, для представленія въ правительствующій сенатъ внесть къ главнокомандующему его сіятельству господину генералъ-аншефу и разныхъ орденовъ кавалеру графу Якову Александровичу Брюсу.

2.

По предложенію Главнокомандующаго Графа Брюса въ Уголовной Палатѣ засѣдающіе оную книгу читали, не впуская во время чтенія канцелярскихъ служащихъ и по прочтеніи имѣя нужду спросить Радищева о подлежащемъ, и какъ онъ находится въ крѣпости, то по распоряженію Главнокомандующаго могли всякій разъ, когда въ немъ будетъ надобность, посылать экзекутора Губернскаго Правленія въ крѣпость для истребованія его отъ коменданта и потомъ паки отсылать въ крѣпость съ тѣмъ же экзекуторомъ, съ тѣмъ, чтобы при принятіи и отправленія обратно имѣть всякую предосторожность, которую должно имѣть съ столь важнымъ преступникомъ, и брать наемную карету, вслѣдствіе чего, по разсмотрѣніи книги и окончаніи допросовъ Палаты заключила слѣдующій приговоръ. Хотя означенный Радищевъ и показалъ... [2]).

XXIV.

Письмо Брюса къ Безбородко.

Я счелъ за нужное ваше сіятельство увѣдомить, что *вчерась ввечеру* я получилъ изъ уголовной палаты дѣло о господинѣ Радищевѣ, который приговоренъ, какъ на основаніи уложенія, такъ и по многимъ артикуламъ военнаго процесса и морского устава, къ смертной казни. Я то дѣло разсмотря и находя той палаты рѣшеніе правильнымъ *сего же утра* представилъ правительствующему сенату, *о чемъ покорнѣйше прошу* ваше сіятельство *ея величеству донести*.

26 іюля 1790 г.

---

[1]) О ней см. въ изданіи „Путешествія“ гг. Щеголева и Павлова-Сильванскаго.

[2]) Какъ и выше, съ незначительными отличіями.

XXV.

Протоколъ Сената.

(31 іюля, 1 и 7 августа 1790 г).

Приказали: поднесть ея императорскому величеству всеподданѣйшій докладъ слѣдующаго содержанія: въ именномъ вашего императорскаго величества высочайшемъ указѣ, данномъ сего іюля 13-го и т. д. (*выписанъ весь указъ*). Въ исполненіе сего высочайшаго вашего императорскаго величества указа и по предложенію господина главнокомандующаго палата уголовнаго суда, бравъ къ себѣ его, Радищева, изъ-подъ стражи, спрашивала его по вопроснымъ пунктамъ (*излагаются снова допросы палаты и ея приговоръ и приводятся законы*). Сенатъ, разсматривая все сіе, находитъ: хотя оный Радищевъ въ отвѣтъ на вопросные въ палатѣ пункты, равно и съ увѣщанія священническаго показалъ, якобы намѣренія при сочиненіи сей книги другого не имѣлъ, какъ быть извѣстному въ свѣтѣ между сочинителями и дабы прослыть таковымъ, то-есть сочинителемъ остроумнымъ, но въ таковомъ его показаніи вѣроятія онъ не заслуживаетъ и за истину онаго принять нельзя, а безъ всякаго сомнѣнія видно, что сочинилъ и издалъ столь вредное, неистовое и оскорбительное сочиненіе съ намѣреніемъ, чтобъ оное послужило поводомъ къ произведенію зловреднаго дѣйствія по неизвѣстнымъ на сіе его Радищева расположеніямъ, и доказательно, что не желаніе токмо его было прослыть въ свѣтѣ писателемъ остроумнымъ потому, что скрылъ въ томъ сочиненіи свое имя; слѣдовательно, не могъ себѣ льстить, чтобъ его остроумнымъ сочинителемъ считали. А по сему столь важному его преступленію по силѣ вышеприписанныхъ законовъ и присуждаетъ, такъ, какъ палата уголовнаго суда, лишить его чиновъ, дворянскаго достоинства, исключить изъ кавалеровъ ордена Св. Владиміра и наказать смертію, а именно, по силѣ воинскаго устава 20-го артикула отсѣчь голову. А между тѣмъ по точной силѣ указа 1754-го года сентября 30 дня до послѣдованія о сей смертной казни указа надлежало бы учинить ему жестокое наказаніе кнутомъ и съ постановленіемъ повѣленныхъ симъ указомъ знаковъ, заклепавъ въ кандалы, сослать въ тяжкую работу; но какъ все милостивѣйше пожалованной дворянству грамоты въ 15-мъ пунктѣ изображено: тѣлесное наказаніе да не коснется до благороднаго, то

слѣдствіе сего и полагаетъ,—не чиня ему онаго, и по лишеніи его чиновъ и дворянскаго достоинства, по исключеніи изъ кавалеровъ и по отобраніи знаковъ ордена, до вышеупомянутаго о произведеніи ему смертной казни указа, заклепавъ въ кандалы, сослать въ каторжную работу, но не въ Кронштадтъ, куда, по именному вашего императорскаго величества указу 1785 года августа 20-го дня изъ С.-Петербургой губерніи преступниковъ отсылать повелѣно, а въ Нерчинскъ для того, дабы таковымъ его удаленіемъ отъять у него способъ къ подобнымъ сему предпріятіямъ. Болѣе-же сенатъ, по содержаніи упомянутой пожалованной дворянству грамоты статьи 13-ой...., предаетъ въ монаршее вашего императорскаго величества благоволеніе и имѣетъ ожидать высочайшаго указа. Что жъ принадлежитъ до розданныхъ имъ, Радищевымъ, разнымъ значащимся въ показаніи его людямъ книгъ, о которыхъ палата уголовнаго суда сообщила въ С.-Петербургское губернское правленіе, дабы ихъ въ самой скорости отобрать: то и отъ сената оному губернскому правленію о семъ отобраніи вышесказанныхъ книгъ подтвердить съ тѣмъ, что когда онѣ собраны будутъ, немедленно ихъ сжечь, и о семъ въ то губернское правленіе послать указъ.

Федоръ Глѣбовъ. Алексѣй Щербачевъ. Павелъ Мансуровъ. Князь Андрей Щербатовъ. Никита Муравьевъ.

Исполнить.

8 августа 1790 г.

XXVI.

Выдержки изъ протокола Совѣта [1]).

(10 августа).

А какъ при внесеніи сего доклада гофмейстеръ графъ Безбородко приложенною здѣсь запискою объявилъ, что „ея императорское величество указать изволила поданный отъ правительствующаго сената докладъ о преступленіи коллежскаго совѣтника Радищева предложить совѣту на разсмотрѣніе, съ замѣчаніемъ, что тутъ выписаны всѣ законы, кромѣ *присяги*, *противу коей подсудимый преступникомъ явился*;

---

[1]) „Совѣта Ея Величества“.

при чемъ объявить, что ея величество презираетъ *все, что*, въ развратной его, Радищева, книгѣ *оскорбительнаго особѣ ея величества сказано*",—то совѣтъ, по выслушаніи реченнаго доклада, сличая означенное въ немъ содержаніе помянутой книги съ присягою, находитъ, что сочинитель сей книги, поступя въ противность своей присяги и должности, заслуживаетъ наказаніе, законами предписанное.

XXVII.

Именной указъ, данный Сенату—о наказаніи кол. сов. Радищева за изданіе книги, наполненной вредными умствованіями, оскорбительными и неистовыми выраженіями противу Сана и власти Царей.

4 сентября 1790 г.

Кол. сов. и ордена Св. Владиміра кавалеръ, Александръ Радищевъ, оказался въ преступленіи противу присяги его должности подданнаго, изданіемъ книги подъ названіемъ: Путешествіе изъ Петербурга въ Москву, наполненной самыми вредными умствованіями, разрушающими покой общественный, умаляющими должное ко властямъ уваженіе, стремящимися къ тому, чтобы произвесть въ народѣ негодованіе противу начальниковъ и начальства, и, наконецъ, оскорбительными и неистовыми израженіями противу сана и власти царской; учинивъ, сверхъ того, лживый поступокъ, прибавкою послѣ цензуры многихъ листовъ въ ту книгу, въ собственной его типографіи напечатанную, въ чемъ и признался добровольно. За таковое его преступленіе осужденъ онъ Палатою уголовныхъ дѣлъ Спб. губерніи, а потомъ и Сенатомъ нашимъ, на основаніи государственныхъ узаконеній, къ смертной казни; и хотя, по роду толь важной вины, заслуживаетъ онъ сію казнь, по точной силѣ законовъ, означенными мѣстами ему приговоренную; но мы, послѣдуя правиламъ нашимъ, чтобъ соединять правосудіе съ милосердіемъ, для всеобщей радости, которую вѣрные подданные наши раздѣляютъ съ нами въ настоящее время, когда Всевышній увѣнчалъ наши неустанные труды въ благо Имперіи, отъ Него намъ ввѣренной, вожделѣннымъ миромъ съ Швеціею, освобождаемъ

его отъ лишенія живота, и повелѣваемъ вмѣсто того, отобравъ у него чины, знаки ордена Св. Владиміра и дворянское достоинство, сослать его въ Сибирь, въ Илимской острогъ на десятилѣтнее безысходное пребываніе; имѣніе же, буде у него есть, оставить въ пользу дѣтей его, которыхъ отдать на попеченіе дѣда ихъ.

XXVIII.

Сентября 9 дня 1790 года Губернское Правленіе, слушавъ Указъ Правит. Сената, что по Именному Ея Имп. Вел. Высочайшему Указу, данному сент. 4 дня, за собственноручнымъ Ея Величества подписаніемъ, кол. сов. Александръ Радищевъ оказался въ преступленіи... (*какъ въ предыдущемъ указѣ отъ этихъ словъ до конца*). Правит. Сенатъ опредѣлилъ, по сему Ея Имп. Вел. Высочайшему Указу о исполненіи его къ Главнокомандующему въ Спб. Гр. Брюсу и въ Спб. Губернское Правленіе послать Указы.—Опредѣлено: 1) показаннаго кол. сов. Радищева чрезъ экзекутора взять (и взятъ) изъ-подъ стражи въ Губернское Правленіе. Вышеупомянутое Ея Имп. Вел. повелѣніе, въ Указѣ Прав. Сенату объявленное, въ Присутствіи объявить и объявлено, отобрать орденъ и.... (*пропускъ*). 2) Его Радищева, для дальнѣйшаго въ Сибирь въ Илимскій острогъ препровожденія отправить въ Новгородское Намѣстническое Правленіе за крѣпчайшею стражею, скованнаго, чрезъ посредство Управы Благочинія (Прогоны до Новгорода на три почтовыя лошади), а въ Иркутское Намѣстническое Правленіе о вышеозначенномъ Высочайшемъ Указѣ къ должному исполненію сообщить.

XXIX.

Рескриптъ Императора Павла гр. Самойлову.

Графъ Александръ Николаевичъ! Всемилостивѣйше повелѣваемъ: находящагося въ Илимскѣ на житьѣ Александра Радищева оттуда освободить, а жить ему въ своихъ деревняхъ, предписавъ Начальнику Губерніи, гдѣ онъ пребываніе имѣть будетъ, чтобы наблюдаемо было за его поведеніемъ и перепискою.

Павелъ.

Въ С.-Петербургѣ.
Ноября 23 дня 1796 года.

Примѣчанія.

I. *Филаретъ Милостивый.* Этотъ разсказъ написанъ былъ Радищевымъ въ крѣпости послѣ прочтенія житія Филарета милостиваго. См. Сухомлиновъ, Изслѣдованія и статьи, I, 597—611.

II. *Записки путешествія въ Сибирь.* По рукописи Чертковской библіотеки ($I^2/_{16}$). Писарская копія съ оригинала Радищева, съ пропусками и ошибками, на бумагѣ съ водяными знаками 1806 г. Оригиналъ до сихъ поръ не найденъ. Непосредственно за этими „записками" слѣдуетъ дневникъ путешествія изъ Сибири, безъ особаго заглавія. Печатается впервые, съ соблюденіемъ всѣхъ особенностей подлинника.

III. *Письмо о Китайскомъ торгѣ.* См. „Собраніе оставшихся сочиненій покойнаго А. Н. Радищева", ч. VI, М., 1811 стр. 67—167. Срв. въ отдѣлѣ писемъ—переписку съ гр. А. Р. Воронцовымъ, № 76.

IV. *Сокращенное повѣствованіе о пріобрѣтеніи Сибири.* См. ів. стр. 5 — 63. Написано въ Сибири между 1792 — 1797 гг. (ссылки на факты, которые Радищевъ могъ узнать только въ Сибири). Разсказъ основанъ почти исключительно на работахъ по Сибирской исторіи Миллера.

О человѣкѣ, о его смертности и безсмертіи. Напеч. въ „Собр. оставшихся сочиненій" ч. II и III. Начато въ 1792 г. Время окончанія неизвѣстно. Проф. Бобровъ („Философія въ Россіи. Матеріалы, изслѣдованія и замѣтки". Казань. 1900. Стр. 55—256) ставитъ въ связь этотъ трактатъ съ ученіемъ Лейбница; П. Н. Милюковъ („Очерки по исторіи русской культуры", ч. III, вып. II, стр. 199 — 203) доказалъ его зависимость отъ сочиненій Гольбаха и Мендельсона. Въ изданіи 1807 текстъ мѣстами испорченъ; судя по рядамъ точекъ, мѣстами есть пропуски. Рукописи неизвѣстны.

VI. *Дневникъ путешествія изъ Сибири.* См. выше II.

VII. *Описаніе моего владѣнія.* См. „Собраніе оставшихся сочиненій", ч. IV, М., 1811, стр. 97—181. Пріурочивается обыкновенно къ жизни Радищева въ деревнѣ (въ 1797—1801 гг.). См. примѣчанія въ текстѣ. Скорѣе всего написано между 1799 — 1801 гг. П. А. Радищевъ („Рус. Вѣст.", 1858, XXIII, стр. 431) говоритъ, что „Описаніе" отецъ его написалъ, „возвратившись изъ Саратов. губ." (въ 1799 г.).

VIII. *Памятникъ дактилохореическому витязю.* Iв. стр. 27—93. Повидимому, относится къ 1801 г. (См. примѣчанія въ текстѣ).

IX. *Особыя мнѣнія Радищева.* См. Сухомлиновъ, изслѣдованія и статьи, I, 622—634. Тамже и подробности о дѣлахъ, вызвавшихъ эти мнѣнія.

X. *Письма Радищева.* 1—4. (См. изд. „Путешествія" подъ ред. Щеголева и Павлова-Сильванскаго (стр. 287—288, 290—291). 5—„Чтенія въ Общ. Ист. и Древн. Рос." 1862, IV, 197—198). 6—„Архивъ Воронцова", V; 404 (г. Бартеневъ относитъ его къ Александру Павловичу, но г. Павловъ-Сильванскій съ большими основаніями пріурочиваетъ его къ 1797 г.). Письма къ Воронцову—„Архивъ Воронцова", XII, 411—446; V, 984—374, 381—393. Воронцовъ управлялъ тогда Коммерцъ-Коллегіей, бывшій начальникъ Радищева.

XI. *Матеріалы для исторіи дѣла Радищева.* Полный списокъ дѣла Радищева есть у г. Ефремова, но намъ не удалось его достать (оно появится, повидимому, въ изданіи г. Тройницкаго). Печатные источники, указанные ниже, помогли намъ до извѣстной степени восполнить этотъ пробѣлъ: они дали всѣ наиболѣе существенные документы дѣла. Два изъ нихъ (изданіе сочиненій Радищева г. Ефремова, 1872 г., и статья г. Якушкина: „Судъ надъ русскимъ писателемъ XVIII в.", „Русск. Старина", 1882, сент.) оказали намъ существенную услугу тѣмъ, что даютъ точныя извлеченія изъ списка г. Ефремова и исправляютъ промахи въ неряшливо напечатанныхъ текстахъ „Чтеній" (1865, III, 67—106). Пользовались мы и тѣми матеріалами, которые даетъ „Архивъ Воронцова" (V, 407—422). Сличеніе этихъ 4-хъ источниковъ позволило намъ установить наиболѣе исправный текстъ, освѣщающій всѣ главные моменты дѣла[1]).

Во многихъ мѣстахъ дѣла цитируются страницы перваго изданія „Путешествія". Для того, чтобы ихъ можно было подыскать въ нашемъ изданіи, прилагаемъ таблицу:

---

[1]) Кромѣ указанныхъ выше 4-хъ источниковъ взяты нами и всѣ дополнительныя данныя изъ статьи Сухомлинова („Изслѣдованія и Статьи", т. I) и сочиненій Екатерины II (изд. Смирдина).

1-е изданіе.		*Наше.*
Стр.—Посвященіе.		139—140.
1— 3.	Выѣздъ.	141—142.
4— 8.	Софія.	142—144.
9— 13.	Тосна.	145—147.
14— 20.	Любани.	147—150.
21— 40.	Чудово.	151—161.
41— 85.	Спасская полѣсть.	161—184.
86— 98.	Подберезье.	184—191.
99—112.	Новгородъ.	192—199.
113—118.	Бронницы.	199—202.
119—153.	Зайцево.	202—221.
154—196.	Крестцы.	221—242.
197—203.	Яжелбицы.	243—246.
204—209.	Валдаи.	246—249.
210—235.	Едрово.	249—262.
236—267.	Хотиловъ.	263—279.
268—277.	В. Волочокъ.	280—284.
278—288.	Выдропускъ.	284—290.
289—340.	Торжокъ.	290—317.
341—349.	Мѣдное.	317—322.
350—369.	Тверь.	322—335.
370—394.	Городня.	336—348.
395—400.	Завидово.	348—351.
401—409.	Клинъ.	351—356.
410—416.	Пѣшки.	356—359.
417—418.	Черная Грязь.	359—360.
419—453.	Слово о Ломоносовѣ.	360—379.

Точнаго воспроизведенія орѳографіи документовъ мы не имѣли въ виду. Только въ „Замѣчаніяхъ“ Екатерины II оставлены очень характерные для нея „грѣшные падежи“.

Радищеву приписывается нѣсколько сочиненій (см. изданіе „Путешествія“ г. Щеголева и Павлова-Сильванскаго, стр. 287—288, 291, 294,

гдѣ приведена вся нужная библіографія). Пока не произведено детальныхъ историко-литературныхъ изслѣдованій и стилистическихъ сличеній текстовъ, объ этомъ вопросѣ можно сказать только одно: non liquet. Для перепечатыванія статей изъ „Живописца“ и „Почты Духовъ“ и „Разсужденія о непродажѣ людей безъ земли“ въ собраніи сочиненій Радищева, при теперешнемъ положеніи этого сложнаго вопроса, нѣтъ пока достаточныхъ основаній.

Поправки и дополненія къ I тому.

Въ оглавленіи форматумъ—слѣд. формализмъ.

Вступит. статья: стр. 36, стр. 9 св. провознося—вм. превознося, стр. 37, стр. 11, сн. неприложенные—непроложенныя; стр. 37, 12 сн. путей—стезей; стр. 41, стр. 4—6 сн. „Описаніе“ относится къ 1799—1801 гг.

Письмо къ другу: стр. 72, стр. 6 сн. остановить — въ подл. оставить; стр. 75, стр. 15 св. упустилъ—въ подл. успустилъ.

Дневникъ одной недѣли: стр. 82, стр. 2 св. могъ бы—бы могъ, стр. 84, стр. 8 св. они, они—они.

Житіе Ушакова: стр. 89, стр. 3 сн. повторяю—повторю; 90, 14 св. нашего нашего — нашего; 102, 10 св. чего—его; 106, 14 св. разумѣютъ—не разумѣютъ; 111, 2 сн. и не могъ—не могъ; 114, 8 и 16 св. поступокъ—проступокъ; 118, 9 сн. Н. Е. М.—Муравьевъ (о немъ см. Ефремовъ, Мат. для исторіи рус. лит., Спб.. 1867, стр. 73); 120, 17 св. Ѳедору—къ Ѳедору; 122, 7 св. восчувствовалъ—въ подл. восчувствовавъ; 123, 7 св. лы—бы; 134, 17 св. почти—почто.

Путешествіе: стр. 141, стр. 9 св. утѣшенія, вм. утѣшеніе; 145, 8 св. непроходимою—непроходимую; 152, 1 сн. Сестрорѣцка—Сестрорѣцкъ; 152, 7 сн. отнималъ—въ подл. отнимало; 154, 3 св. сподручно—споручно; 156, 12 св. такъ—тако; 156, 18 св. состоянія—состояній; 157, 1 сн. своей—моей; 160, 2 св. головѣ—въ подл. гловѣ; 164, 13 св. донесеніями—въ подл. доносеніями; 172, 1 св. съ—со; 179, 15 св. бдительность—бдѣтельность; 181—5 сн. ты—ты бы; 187, 1 св. за—за (на?); 187, сн. нѣмецкій—голландскій; 192, 2 сн. нихъ—ихъ; 193, 2

сн. ни—но (примѣчаніе уничтожить); 193, 8 сн. новгородцы—новогородцы; 196, 7 св. сѣлъ—сѣли; 196, 2 сн. нѣмецкій—швейцарскій; 200, 3 сн. вѣщаетъ—вѣщаютъ; 205, 7 св. любитъ—любилъ; 207—9 сн. изувѣчили — изувѣчали; 209, 10 сн. немилосердно — немилосердо; 215, 7 сн. что — кто; 231, 7 св. бдительнѣе — бдѣтельнѣе; 238 6 св. самаго себя—себя; 239, 16 сн. то—но; 242, 13 св. воспомоществованія—вспомоществованія; 245, 14 сн. истощяяся—источаяся, 259, 15 св. моей—мой; 259, 3 сн. безстыдства—безстудства; 261, 12 сн. то—но; 266, 3 св. члены — члены и чувства; 273, 3 сн. послѣ „все то“ выпало: „на что не свободно подвизаемся, все то“; 285, 15 сн. такъ—тако; 287, 15 сн. уничтожаемъ — уничтожаемъ нынѣ; 287, 10 сн. передъ „спитъ въ чести“ проп. „бесѣдуетъ съ ласкателями“; 291, 14 сн. просвѣщеніе — просвѣщеніемъ; 292, 2 сн. недозволеніемъ — недозволеннымъ; 295, 2 сн. крана — крыши; 295, 4 сн. пассивный — массивный; 297, 11 св. были бы—бы были; 306, 5 сн. его—сего; 307, 7 сн. одинъ—однимъ; 308, 10 сн. касательно—и касательно; 318, 4 сн. 75—въ 75; 322, 4 св. свободу—свобода; 327, 12 св. мрамора—мармора; 339, 14 св. надѣются—надѣюся; 344, 2 св. нужно—нужна; 6 сн. поче—паче; 352, 5 сн. чувственольность—чувствительность; 358, 2 и 3 сн. жребій—жребіи; 361, 2 св. ночи—ночи едва; 362, 8 сн. получитъ — получить; 369, 1 св. нъ—онъ; 2 сн. падаетъ—подаетъ; 372, 14 сн. примѣры—но примѣры; 375, 4 сн. нашествіи—нашествія; 377, 4 св. то—но; 12 сн. учителя—см. письма Ломоносова къ Шувалову.

Стихотворенія: стр. 386, стр. 6 св. и говоритъ — говоритъ; 387, 4 св. лежаща—лежащъ; 13 св. испугался—испужался; 392, 1 св. чдою: ре—чредою; 395, 9 св. столѣтнія—въ подл. столѣтія; 396, 10 св. доброе—добрыя; 399, 19 св. надъ—въ подл. подъ; 401, 1 сн. одиночства—одиночество; 403, 11 сн. холма—холму; 406, 9 сн. протекши—въ подл. претекши; 409, 13 св. предерзка—продерзка; 413, 16 сн. Люкреціи—Лукреціи; 416,14 св. гибелъ—гибель; 417, 9 сн. Гракхи—въ подл. Грахи; 418, 8 сн. чувствъ и—чувствьи; 422, 2 сн. безстыдства—безстудства; 424, 16 сн. повсюду—въ подл. повсюда; 426, 15 св. рачащія—рачащіе; 427, 6 сн. Сильвьемъ—Сильемъ; 8 сн. поноснѣй и гнуснѣе—въ подл. поноснѣе и гнуснѣй; 432, 11 св. обращиемъ—обращаемъ; 11 сн. слабости—сладости; 433, 7 сн. раздастся — раздается; 437, 1 св. вздвигнуть—воздвигнуть; 440, 4 сн. славенской—славянской;

443, 12 св. харолуга—сталь, булатъ; 444, 1 св. объемлетъ—отъемлетъ; 3 св. послѣ „любезный“ выпала строчка: „ты по странствіяхъ далекихъ“; 445, 6 св. лобызаетъ—въ подл. лобзаетъ; 461, 3 сн. миръ—въ подл. міръ; 462, 14 сн. впереди же—въ подл. впреди; 16 взнеслися—въ подл. вознеслися; 17 сн. омоченной—въ подл. омоченно; 463, 7 св. воззвало—въ подл. соззвало; 1 сн. отъ—тотъ; 465, 8 св. любви—любови; 467, 10 св. Холь—Коль.

Ангелъ тьмы: 474, 13 св. возвѣваясь—въ подл. возвиваясь.

Примѣчанія: стр. 483, 9 св. состоинія—состоянія.

ДОПОЛНЕНІЯ.

I.

Возраженіе Мабли.

(Относительно эфоровъ [1]).

Г. Мабли не съ довольнымъ, мнѣ кажется, основаніемъ приступаетъ ко мнѣнію, приписующему честь установленія *Эфоровъ* Ликургу. Правда, что и *Иродотъ*, древнѣйшій Греческій историкъ, отцомъ Исторіи названный, сего же мнѣнія; Ксенофонтъ относитъ сіе установленіе также ко временамъ *Ликурга*; но *Аристотель* и *Плутархъ* опредѣляютъ учрежденіе *Эфоровъ* при царяхъ *Ѳеопомпѣ* и *Полидорѣ*, приписуя онаго честь сему послѣднему, которое мнѣніе, мнѣ кажется, есть справедливое. *Ликургъ*, полагая явные предѣлы власти народа и власти царей, не имѣлъ нужды учреждать между ими посредниковъ. Мнѣніе сіе тѣмъ болѣе подтверждается, что *Эфоры* не имѣли положенныхъ предѣловъ своея власти, почему и кажется, что они были учреждены во время несогласія и возмущенія, а до временъ *Ѳеопомпа* и *Полидора* Исторія не упоминаетъ ни о какихъ смятеніяхъ, въ Спартѣ происшедшихъ. Учрежденіе *Эфоровъ* можно почесть средствомъ, употребленнымъ къ возстановленію тишины и спокойствія. Какъ можно повѣрить, что *Ликургъ*, сей мудрый законодатель, былъ учредитель

---

[1]) „Размышленія о греческой исторіи“ Мабли (переводъ Радищева), Спб., 1773, стр. 17—18.

Эфорскія власти? Онъ, который съ такою точностію полагалъ предѣлы различныхъ властей Лакедемонскаго правленія — когда Плутархъ сомнѣвается, были ли они поставлены для того, чтобы соглашать различныя мнѣнія своихъ царей, или избираемы самими ими, когда долговременная война принуждала ихъ отлучаться изъ Спарты.

2.

Ода Вольность [1]).

(Полный текстъ).

1.

О даръ небесъ благословенный,
Источникъ всѣхъ великихъ дѣлъ,
О вольность, вольность, даръ безцѣнный!
Позволь, чтобъ рабъ тебя воспѣлъ.
Исполни сердце твоимъ жаромъ,
И сильнымъ мышцъ твоимъ ударомъ
Во свѣтъ рабства̀ тьму претвори.
Да Брутъ и Тель еще проснутся,
Сѣдяй во власти да смятутся
Отъ гласа твоего цари.

2.

Я въ свѣтъ изшелъ, и ты со мною,
На мышцахъ нѣтъ моихъ заклепъ;
Свободною могу рукою
Пріяти данный въ пищу хлѣбъ.
Стопы несу, гдѣ мнѣ пріятно;
Тому внемлю, что мнѣ понятно;
Вѣщаю то, что мыслю я.
Любить могу и быть любимымъ;
Творя добро, могу быть чтимымъ;
Законъ мой—воля есть моя.

3.

Но что жъ претитъ моей свободѣ?
Желаньямъ, зрю, вездѣ въ предѣлъ
Возникла обща власть въ народѣ,
Соборный всѣхъ властей удѣлъ!
Ей общество во всемъ послушно,
Повсюду съ ней единодушно;
Для пользы общей нѣтъ препонъ:
Во власти всѣхъ свою зрю долю,
Свою творю, творя всѣхъ волю:
Вотъ что есть въ обществѣ законъ!

---

[1]) Отрывки изъ нея были приведены въ I томѣ (стр. 325—335, 446—453, 482—483). Полный текстъ взятъ нами изъ изданія „Сиріуса“: „Ода Вольность. Сочиненіе А. Н. Радищева. Спб. 1906“. (По списку П. А. Ефремова получившаго рукопись оды отъ сына А. Н., П. А. Радищева).

4.

Въ срединѣ злачныя долины,
Среди стягченныхъ жатвой нивъ,
Гдѣ нѣжны процвѣтаютъ крины,
Подъ мирной сѣнію оливъ,
Паросска мрамора бѣлѣе,
Яснѣйша дня лучей свѣтлѣе,
Стоитъ прозрачный всюду храмъ;
Тамъ жертва лжива не курится;
Тамъ надпись пламенная зрится:
„Конецъ невинности бѣдамъ!“

5.

Оливной вѣтвію вѣнчанно,
На твердомъ камени сѣдяй,
Безжалостно и хладнокровно,
Глухое божество, судяй,
Бѣлѣе снѣга во хламидѣ,
И въ неизмѣнномъ всегда видѣ;
Зерцало, мечъ, вѣсы предъ нимъ.
Тутъ истина стрежетъ десную,
Тутъ правосудіе ошую:
Се храмъ *Закона* ясно зримъ.

6.

Возводитъ строгія зѣницы,
Льетъ радость, трепетъ вкругъ себя,
Равно на всѣ взираетъ лицы,
Не навидя, ни любя.
Онъ лести чуждъ, лицепріятства,
Породы, знатности, богатства,
Гнушаясь жертвенныя тли;
Родства не знаетъ, ни пріязни;
Равно дѣлитъ и мзду и казни;
Онъ образъ Божій на земли.

7.

И се! чудовище ужасно,
Какъ гидра, сто имѣя главъ,
Умильно и въ слезаяхъ всечасно,
Но полны челюсти отравъ,
Земныя власти попираетъ,
Главою неба досягаетъ;
Его отчизна тамъ, гласитъ.
Призраки, тьму повсюду сѣетъ,
Обманывать и льстить умѣетъ,
И слѣпо вѣрить всѣмъ велитъ.

8.

Покрывши разумъ темнотою
И всюду вѣя ползкій ядъ,
Троякою обнесъ стѣною
Чувствительность природы чадъ;
Повлекъ въ яремъ порабощенья
И, давъ имъ броню заблужденья,
Бояться истины велѣлъ.
Законъ се Божій, царь вѣщаетъ;
Обманъ святый, — мудрецъ взываетъ, —
Народъ давить что изобрѣлъ.

9.

Сей былъ, и есть, и будетъ вѣчный
Источникъ лютъ рабства оковъ:
Отъ золъ всѣхъ жизни скоротечной
Пребудетъ смерть одинъ покровъ.
Всесильный Боже! благъ податель,
Естественныхъ Ты благъ создатель!
Законъ свой въ сердцѣ основалъ:
Возможно ль ты чтобъ измѣнился,
Чтобъ ты, Богъ силъ, столь уподлился,
Чужимъ чтобъ гласомъ намъ вѣщалъ?

10.

Воззримъ на области обширны,
Гдѣ тусклый тронъ стоитъ рабства.
Градскія власти тамъ всѣ мирны,
Въ царѣ зря образъ Божества.
Власть царска вѣру сохраняетъ,
Власть царску вѣра утверждаетъ;
Союзно общество гнетутъ:
Одинъ сковать разсудокъ тщится,
Другая волю стерть стремится;
На пользу общую, рекутъ.

11.

Покоя рабскаго подъ сѣнью
Плодовъ златыхъ не возрастетъ;
Гдѣ все претитъ ума стремленью,
Великость тамъ не прозябнетъ.
Тамъ нивы загустѣютъ тучны,
Коса и серпъ намъ несподручны,
Въ сохѣ уснетъ лѣнивый волъ,
Блестящій мечъ померкнетъ славы,
Минервинъ храмъ сталъ обвешталый,
Коварства сѣть простерлась въ долъ.

12.

Чело надменное вознесши,
Схвативъ желѣзный скипетръ, царь
На грозномъ тронѣ, властно сѣвши,
Въ народѣ зритъ лишь подлу тварь.
Животъ и смерть въ рукѣ имѣя:
„По волѣ, рекъ, щажу злодѣя;
„Я властію могу дарить.
„Коль я смѣюсь, то все смѣется;
„Нахмурюсь грозно, все смятется;
„Живетъ тогда, велю коль жить“.

13.

И мы внимаемъ хладнокровно,
Какъ крови нашей алчный гадъ,
Ругаяся всегда безспорно,
Въ веселы дни намъ сѣетъ адъ.
Вокругъ престола всѣ надменно
Стоятъ колѣнопреклоненно.
Но мститель, трепещи, грядетъ.
Онъ молвитъ, вольность прорекая—
И се, молва отъ край до края,
Глася свободу, протечетъ.

14.

Возникнетъ рать повсюду бранна.
Надежда всѣхъ вооружитъ;
Въ крови мучителя вѣнчанна
Омыть свой стыдъ ужъ всякъ спѣшитъ.
Мечь остръ, я зрю, вездѣ сверкаетъ,
Въ различныхъ видахъ смерть летаетъ,
Надъ гордою главой царя.
Ликуйте, склепанны народы!
Се право мщенное природы
На плаху возвело царя.

15.

И нощи се завѣсу лживой
Со трескомъ мощно разодравъ,
Кичливой власти и строптивой
Огромный истуканъ поправъ,
Сковавъ сторучна исполина,
Влечетъ его, какъ гражданина,
Къ престолу, гдѣ народъ возсѣлъ.
„Преступникъ власти мною данной,
„Вѣщай, злодѣй, мной увѣнчанный
„Противъ меня возстать какъ смѣлъ?

16.

„Тебя облекъ я во порфиру
„Равенство въ обществѣ блюсти,
„Вдовицу призирать и сиру,
„Отъ бѣдъ невинность чтобъ спасти;
„Отцомъ ей быть чадолюбивымъ;
„Но мстителемъ непримиримымъ
„Пороку, лжѣ и клеветѣ;
„Заслуги честью награждати,
„Устройствомъ зло предупреждати,
„Хранити нравы въ чистотѣ.

17.

„Покрылъ я море кораблями,
„Устроилъ пристани въ брегахъ,
„Дабы сокровища торгами
„Текли съ избыткомъ въ городахъ;
„Златая жатва чтобъ безслезна
„Была оратаю полезна;
„Онъ могъ вѣщать бы за сохой:
„Бразды своей я не наемникъ,
„На пажитяхъ своихъ не плѣнникъ,
„Я благоденствую тобой.

18.

„Своихъ кровей я безъ пощады—
„Гремящую воздвигнулъ рать;
„Я мѣдны изваялъ громады,
„Злодѣевъ внѣшнихъ чтобъ карать;
„Тебѣ велѣлъ повиноваться,
„Съ тобою къ славѣ устремляться;
„Для пользы всѣхъ мнѣ можно все;
„Земныя нѣдра раздираю,
„Металлъ блестящій извлекаю
„На украшеніе твое.

19.

„Но ты, забывъ мнѣ клятву данну,
„Забывъ, что я избралъ тебя
„Себѣ въ утѣху быть вѣнчанну,
„Возмнилъ, что ты господь, не я.
„Мечемъ мои расторгъ уставы,
„Безсильными повергъ всѣ правы,
„Стыдиться истины велѣлъ;
„Разчистилъ мерзостямъ дорогу,
„Взывать сталъ не ко мнѣ, но къ Богу,
„А мной гнушаться восхотѣлъ.

20.

„Кровавымъ потомъ доставая
„Плодъ, кой я въ пищу насадилъ,
„Съ тобою крохи радѣляя,
„Своей натуги не щадилъ.
„Тебѣ сокровищей всѣхъ мало!
„Скажи, на что жъ ихъ недостало,
„Что рубище съ меня сорвалъ?
„Дарить любимца, полна лести,
„Жену, чуждающуся чести?
„Иль злато Богомъ ты призналъ?

21.

„Въ отличность знакъ изобрѣтенный
„Ты началъ наглости дарить;
„Злодѣю мечь мой изощренный
„Ты сталъ невинности сулить.
„Сгружденные полки въ защиту
„На брань ведешь ли знамениту
„За человѣчество карать?
„Въ кровавыхъ борешься долинахъ,
„Дабы, упившися, въ Аѳинахъ:
„Герой!—зѣвавъ могли сказать.

22.

„Злодѣй, злодѣевъ всѣхъ лютѣйшій!
„Превзыде зло твою главу.
„Преступникъ изо всѣхъ первѣйшій!
„Предстань, на судъ тебя зову!
„Злодѣйства всѣ скопилъ въ едино,
„Да ни едина прейдетъ мимо
„Тебя изъ казней, супостатъ!
„Въ меня дерзнулъ острить ты жало!
„Единой смерти за то мало—
„Умру, умри же ты стократъ!“.

23.

Великій мужъ, коварства полный,
Ханжа и льстецъ, и святотатъ,
Одинъ ты въ міръ сей—благотворный
Примѣръ великій могъ подать!
Я чту, Кромвель, въ тебѣ злодѣя,
Что власть въ рукѣ своей имѣя,
Ты твердь свободы сокрушилъ;
Но научилъ ты въ родъ и роды,
Какъ могутъ мстить себя народы:
Ты Карла на судѣ казнилъ.

24.

Низпославъ призракъ, мглу густую
Свѣтильникъ истины попралъ;
Личину, что зовутъ святую,
Разсудокъ съ пагубы сорвалъ.
Ужъ Богъ не зрится въ чуждомъ видѣ,
Не мститъ ужъ онъ своей обидѣ,
Но въ дѣйствьи распростертъ своемъ.
Не спастему отъ бѣдъ насъ мнимыхъ,
Отцу предвѣчному всѣхъ зримыхъ
Побѣдную мы пѣснь поемъ.

25.

Внезапу вихры возшумѣли,
Прервавъ спокойство тихихъ водъ,
Свободы гласы такъ взгремѣли,
На Вѣче весь течетъ народъ,
Престолъ чугунный разрушаетъ,
Самсонъ какъ древле сокрушаетъ
Исполненный коварствъ чертогъ;
Закономъ строитъ твердь природы:
Великъ, великъ ты духъ свободы!
Зиждителемъ, какъ самъ есть Богъ.

26.

Сломивъ опоръ духовной власти,
И твердой мщенія рукой
Владычество расторгъ на части,
Что лжей воздвигнуто святой;
Вѣнецъ трезубный затмѣвая
И жезлъ священный преломляя,
Проклятій молньи утушилъ;
Смѣяся мнимаго прощенья,
Подъялъ лучъ Лютеръ просвѣщенья
Съ землею небо помирилъ.

27.

Какъ Сый всегда, въ началѣ вѣка
На всю простерту мочь явивъ,
Себѣ подобна человѣка
Создати съ міромъ положивъ,
Пространства изъ пустыней мрачныхъ

Исторгъ — и твердыхъ и прозрачныхъ
Первѣйши сѣмена всѣхъ тѣлъ;
Разруша древню смѣсь, спокоилъ;
Стихіями онъ все устроилъ,
И солнцу жизнь давать велѣлъ.

28.

И далъ превыспренно стремленье
Скривленному разсудку лжей;
Внезапу мощно потрясенье
Поверхъ земли ужъ зрится всей;
Въ невѣдомы страны отважно
Летитъ Колумбъ чрезъ поле влажно;
Но чудо Галилей творить
Возмогъ, протекши пустотою,
Зиждительной своей рукою
Свѣтило дневно утвердить.

29.

Такъ духъ свободы разоряя
Вознесшійся неволи гнетъ,
Въ градахъ и селахъ пролетая,
Къ величію онъ всѣхъ зоветъ,
Живитъ, родитъ и созидаетъ,
Препоны на пути не знаетъ,
Вождаемъ мужествомъ въ стезяхъ;
Нетрепетно въ немъ разумъ мыслитъ,
И слово собственностью числитъ,
Невѣжства чтобъ развѣять прахъ.

30.

Подъ древомъ, зноемъ упоенный,
Господне стадо пастырь пасъ;
Вдругъ новымъ свѣтомъ озаренный,
Вспрянувъ, свободы слышитъ гласъ;
На стадо звѣрь, онъ видитъ, мчится,
На бой съ нимъ ревностно стремится.
Но чуждый вождь брежетъ свое:
О стадѣ сердце не радѣло,
Какъ чуждо было, не жалѣло;
Но нынѣ, нынѣ ты мое.

31.

Господню волю исполняя,
До встока солнца на поляхъ
Скупую ниву раздирая,
Волы томились на браздахъ;
Какъ мачиха къ чуждоутробнымъ
Исходитъ съ видомъ всегда злобнымъ,
Рабамъ такъ нива мзду даетъ.
Но духъ свободы ниву грѣетъ,
Безслезно поле вдругъ тучнѣетъ:
Себѣ всякъ сѣетъ, себѣ жнетъ.

32.

Исполнивъ кругъ дневной работы,
Свободный мужъ домой спѣшитъ;
Невинно сердце; безъ заботы
Въ объятіяхъ супружнихъ спитъ,
Не господа рукой надменной,
Ему для казни подаренной,
Невинныхъ жертвъ чтобъ размножалъ;
Любовію вождаемъ нѣжной
На сердцѣ бракъ воздвигъ надежный,
Помощницу себѣ избралъ.

33.

Онъ любитъ, и любимъ онъ ею;
Труды—веселье, потъ—роса,
Что жизненностію своею
Плодитъ луга, поля, лѣса,—
Вершинъ блаженства достигаютъ,
Горячность ихъ плодомъ стягчаютъ
Всещедра Бога; въ простотѣ.
Безбѣдны дойдутъ до кончины,
Не зная алчной десятины,
Птенцевъ что кормитъ въ наготѣ.

34.

Воззри на безпредѣльно поле,
Гдѣ стерта звѣрства рать стоитъ:
Не скотъ тутъ согнанъ поневолѣ,
Не жребій мужество даритъ,
Не груда правильно стремится,
Вождемъ тутъ воинъ каждый зрится,
Кончины славной ищетъ онъ.
О воинъ непоколебимый,
Твой вождь—свобода, Вашингтонъ!

35.

Двулична бога храмъ закрылся [1]),
Свирѣпство всякъ съ себя сложилъ
Се богъ торжествъ средь насъ явился
И въ рогъ веселья вострубилъ.
Стекаются тутъ громки лики,
Не видятъ грознаго владыки,
Законъ веселью кой даетъ;
Свободы зрится тутъ держава;
Награда ей едина слава,
Во храмъ безсмертья что ведетъ.

36.

Сплетясь веселымъ хороводомъ,
Различія надменность снявъ,
Се паки подъ лазурнымъ сводомъ
Единственный встаетъ уставъ;
Погрязла въ тинѣ властна скверность;
Едина личная отмѣнность
Вѣнецъ возможетъ восхитить;
Но не пристрастію державну,
Лишь опытностью старцу славну,
Его довлѣетъ подарить.

37.

Вѣнецъ Пиндару возложенный
Художества сотканъ рукой;
Вѣнецъ наукой соплетенный
Носимъ Невтоновой [2]) главой;
Таковъ, себя когда мечтая,
На крыльяхъ разума взлетая,
Духъ бодръ и твердъ возможетъ вся;
По всей вселенной пронесется;
Міровъ до края вознесется;
Предметъ его суть—мы, не—я.

38.

Но страсти, изощряя злобу,
Враждебный пламенникъ стрясутъ;

---

[1]) Януса, бога войны.
[2]) Ньютонъ.

Кинжалъ вонзить себѣ въ утробу
Народы пагубно влекутъ;
Отца на сына воздвигаютъ,
Союзы брачны разрываютъ,
Въ сердца гражданъ ліютъ боязнь;
Раждается несытна власти
Алчба, зиждущая напасти,
Чтобъ обществу устроить казнь.

39.

Крутится вихремъ громоноснымъ,
Одѣвшись облакомъ густымъ,
Свѣтиломъ озарясь поноснымъ,
Сіяньемъ ядъ прикрытъ святымъ.
Зовя, прельщая, угрожая,
Иль жизнь иль мзду низпосылая—
Се мечь, се злато: избирай!
И сѣвъ на камени эхидны,
Лестей облекъ въ взоръ миловидный,
Шлетъ молнію изъ края въ край.

40.

Такъ Марій, Сулла, возмутивши
Спокойство шаткое Римлянъ,
Въ сердцахъ пороки возродивши,
Въ наемну рать вмѣстилъ гражданъ;
Ругаяся всѣмъ, что есть свято,
И то, что не было отъято,
У Римлянъ откупить возмогъ;
Вѣсы златые мзды позорной
Предательству, убійству сродной,
Воздвигъ нечестья средь чертогъ.

41.

И се, скончавъ граждански брани
И свѣтъ коварствомъ обольстивъ,
На небо простирая длани,
Тревожну вольность усыпивъ,
Чугунный скиптръ обвилъ цвѣтами,
Народы мнили—правятъ сами,
Но Августъ выю ихъ давилъ;
Прикрылъ хоть звѣрство добротою,
Вождаемъ мягкою душою:
Но царь когда безстрастенъ былъ?

42.

Се былъ и есть законъ природы,
Неизмѣнимый никогда,
Ему подвластны всѣ народы,
Незримо правитъ онъ всегда:
Мучительство, стряся предѣлы,
Отравы полны свои стрѣлы
Въ себя, не вѣдая вонзитъ;
Равенство казнію возставитъ
Едину власть, вселясь, раздавитъ;
Обидой право обновитъ.

43.

Дойдетъ до мести совершенства,
Въ стезяхъ препоны прескочивъ,
Въ сожитіи найдетъ блаженство,
Несчастнымъ жребій облегчивъ.
И паче солнца возблистаешь,
О вольность, вольность! да скончаешь
Со вѣчностью ты свой полетъ:
Но корень благъ твой истощится,
Свобода въ наглость превратится,
И власти подъ ярмомъ падетъ.

44.

Да не дивимся превращенью,
Которое мы въ свѣтѣ зримъ;
Всеобщему во слѣдъ стремленью
Не косвенно стремглавъ бѣжимъ.
Огонь въ связи со влагой споритъ,
Стихія въ насъ стихію боритъ,
Начало тлѣньемъ тщится дать;
Прекраснѣйше въ міру творенье
Въ веселіи начнетъ рожденье
На то, чтобъ только умирать.

45.

О вы! счастливые народы,
Гдѣ случай вольность даровалъ!
Блюдите даръ благой природы,
Въ сердцахъ что вѣчный начерталъ.
Се хлѣбъ разверстая, цвѣтами
Усыпанная, подъ ногами
У васъ, готова васъ сглотить.
Не забывай ни на минуту,
Что крѣпость силъ въ немощность люту,
Что свѣтъ во тьму льзя претворить.

46.

Къ тебѣ душа моя вспаленна,
Къ тебѣ, словутая страна!
Стремится, гнетомъ гдѣ согбенна
Лежала вольность попрана;
Ликуешь ты! а мы здѣсь страждемъ.
Того-жъ, того-жъ и мы всѣ жаждемъ;
Примѣръ твой мѣту обнажилъ.
Твоей я славѣ не причастенъ—
Позволь, коль духъ мой неподвластенъ,
Чтобъ брегъ твой пеплъ хотя мой сокрылъ? [1]).

47.

Но нѣтъ! гдѣ рокъ судилъ родиться,
Да будетъ тамъ и днямъ предѣлъ;
Да хладный прахъ мой осѣнится
Величествомъ, что днесь я пѣлъ;
Да юноша, взалкавый славы,
Пришедъ на гробъ мой обвѣтшалый,
Дабы со чувствіемъ вѣщалъ:
„Подъ игомъ власти, сей рожденный,
„Нося оковы позлащенны,
„Намъ вольность первый прорицалъ“.

48.

И будетъ, вслѣдъ гремящей славы
Направя бодрственно полетъ,
На западъ, югъ, востокъ державы
Своей ширить предѣлъ; но нѣтъ
Тебѣ предѣла ни отколѣ,
Въ счастливой ты ликуя долѣ,
Гдѣ ты явишься, тамъ твой тронъ.
Отечество мое драгое,
На чреслахъ поясъ силъ, въ покоѣ
Въ окрестность ты даешь законъ.

49.

Но далѣ чѣмъ источникъ власти—
Слабѣе членовъ тѣмъ союзъ,

---

[1]) скрылъ?

Между собой всѣ чужды части,
Всѣхъ тяжесть ощущаетъ узъ.
Лучу истекшу отъ свѣтила
Сопутствуетъ и блескъ и сила;
Въ пространствѣ — онъ теряетъ мощь;
Въ ключѣ—хотя не угасаетъ.
Но бѣгъ его ослабѣваетъ;
Ползущаго глотаетъ нощь.

50.

Въ тебѣ, когда союзъ прервется,
Стончаетъ мнѣній крѣпка власть;
Когда закона твердь шатнется,
Блюсти всякъ будетъ свою часть;
Тогда, растерзано мгновенно,
Тогда сложенье твое бренно,
Содрогшись внутренно, падетъ,
Но праха вихри не коснутся,
Животны сѣмена проснутся,
Затускло солнце вновь дастъ свѣтъ.

51.

Изъ недръ развалины огромной
Среди огней, кровавыхъ рѣкъ,
Средь глада, звѣрства, язвы томной,
Что лютый духъ властей возжегъ—
Возникнутъ малыя свѣтила;
Незыблемы свои кормила
Украсятъ дружества вѣнцемъ,
На пользу всѣхъ ладью направятъ,
И волка хищнаго задавятъ,
Что чтилъ слѣпецъ своимъ отцемъ.

52.

Но не пришла еще година,
Не совершилися судьбы;
Вдали, вдали еще кончина,
Когда изсякнутъ всѣ бѣды.
Встрещатъ заклепы темной ночи;
Упруга власть, собравъ всѣ мочи,
Вкатяся, гдѣ потщится пасть,
Да грузнымъ махомъ все раздавитъ,
И стражу къ словеси приставитъ,
Да будетъ горшая напасть.

53.

Влача оковъ несносно бремя,
Въ вертепѣ плача возреветъ.
Пріидетъ вожделѣнно время,
На небо смертность воззоветъ;
Направлена къ стези свободой
Десную ополча природой,
Качнется въ долъ—и страхъ предъ ней;
Тогда всѣхъ силъ властей сложенье
Пріидетъ во изнеможенье—
О день! избраннѣйшій всѣхъ дней!

54.

Мнѣ слышится ужъ гласъ природы,
Начальный гласъ, гласъ Божества,
Трясутся вѣчна мрака своды,
Се мигъ рожденья вещества.
Се медленно и въ стройномъ чинѣ
Грядетъ зиждитель во единѣ—
Рекъ — яркій свѣтъ пустилъ свой лучъ
И ложный плѣна скиптръ поправши,
Сгущенную тьму разогнавши,
Блестящій день родилъ изъ тучъ.

Поправки и дополненія ко II тому.

Филаретъ: Стр. 6, стр. 17 св. съ—отъ; стр. 6 стр. 7 сн. послѣ „любомудрія“ выпало: „на своихъ побѣдителей. Аѳины были и въ сіе время училищемъ любомудрія“; стр. 11, 13 св. себѣ ногу—ногу; стр. 12, 14 св. возродилилося—возродилося; стр. 8 сн. нашихъ—такихъ; стр. 9 сн. упованіе—мое упованіе; стр. 13, 3 св. возращенія—возвращенія; 2 св. а—но; 5 св. константиполъскаго—константинопольскаго; стр. 15, 7 св. уязвенна — уязвленна; стр. 17, 11 сн. дрожайшіе — дражайшіе; стр. 18, 11 св. благословить — благословитъ; стр. 19, 3 св. оставшагося—оставшаго.

Записки: 24, 1 св. послѣ „Ирбитъ“ зачеркнуто „и“; 2 св. Оренбургѣ—ъ передѣлано изъ ѣ; 25, 7 св. такъ—тожъ; 10 св. одной—оной; 29, 3 сн. [1]) чугунныхъ—чуг [1]) унныхъ; 12 сн. посылаютъ — посылаютъ имъ; 13 сн. села—села Рускаго; 26, 7 сн. Гладова—Глазова; 34, 9 св. кале — пала; 13 св. Калѣ—Кылѣ; 39, 3 св. Аринска—Аринска мѣста; 4 св. Бои—Бо; 40, 13 св. таиги — въ подл. танги; 42, 11 св. Манзурской — Манзуркой; 43, 9 св. задаткомъ — задаткомъ и осенью; 6 сн. оба—въ подл. обо; 10 сн. саичи—въ подл. санги.

Письмо: стр. 51, стр. 3 сн. Природа—Три рода; 53, 10 сн. онаго—того; 69, 15 св. торгую—торгуй; 73, 2 св. то мы—мы то; 11 сн. жалобу—жалобы; 74, 13 сн. крайнему моему—моему крайнему; 81, 7 св. упражнія—упражненія; 7 сн. перемѣны—премѣны; 84, 11 сн. обращеніе—обращеніи; 88, 12 сн. имущества—имущество; 89, 5 сн. большомъ—большемъ; 10 сн. были—стали; 91, 5 сн. изъ — изо; 92, 16 св. она—въ подл. онъ; 95, 8 св. кажется—конечно; 97, 13 св. бы—бы вы; 101, 14 св. питающимся—питающимися.

Повѣст. о пріобр. Сибири: 107, 15 св. ибо—ибо иго; 109, 10 св. воеванію—къ воеванію; 8 сн. разные—ратные? 113, 6 сн. не—ихъ не; 115, 14 сн. имѣетъ также—также имѣетъ; 116, 10 св. но онъ—онъ; 117, 4 сн. что иное—иное что; 10 сн. отъ—одна отъ; 119, 7 св. остяковъ—и остяковъ; 122, 5 сн. состояніи—своемъ состояніи; 6 сн. сна—ига; 14 св. опредѣленными—отдѣленными; 124, 8 сн. только—токмо; 125, 4 св. изъ—въ; 5 св. припасовъ—припасахъ; 8 св. на—но; 126, 14 св. было не болѣе—не болѣе было; 127, 3 св. о—въ подл. и; 130, 2 св. соскочилъ—сскочилъ; 133, 13 сн. казаками—казаковъ; 134, 13 св.

построенъ—построены; 136, 7 св. Тоянъ—въ подл. Тоякъ (дальше—Тоянъ).

О человѣкѣ: 140, стр. 12 сн. условить—уловить; 146, 2 сн. тожественности—въ подл. торжественности; 7 сн. быта—была; 147, 8 сн. тожественности—въ подл. торжественности; 161, 11 св. темъ—тамъ, 169. 11 сн. являеться—являешься; 172, 14 св. только—толико; 174, 10 св. вникаютъ—возникаютъ? 189, 3 св. еслибы—и еслибы; 195, 12 сн. одиночкѣ—одиначкѣ; 198, 16 сн. существенностію—чувственностію; 216, 5 св. наступаютъ—настаютъ; 224, 12 сн. тѣло гніетъ—тѣло, гніетъ; 231; 19 св. опредѣленно—отдѣленно; 232, 9 сн. только—токмо; 234, 1 сн. такъ—тако; 236, 15 сн. заключить—заключать; 18 сн. произведенія—произведеніе; 238, 7 св. быть—было быть; 241, 18 св. сложнаго—сложеннаго; 242, 10 св. у насъ былъ—былъ у насъ; 250, 18 сн. сіе—сія; 252, 1 св. уничтожится—уничтожиться; 5 сн. человѣка—человѣкѣ; 254, 14 св. понятія—понятій; 16 сн. вещами—вѣщей; 255, 15 сн. творить—творитъ; 257, 17 сн. что иное—иное что; 262, 16 св. тѣмъ—тѣмъ страсть; 263, 16 сн. можетъ—можетъ минутно; 265, 9 св. тщалася—тщилася; 17 св. премозмогла—превозмогла; 269, 11 сн. организацій—въ подл. организаціи; 270, 12 сн. и—болѣзней и; 271, 7 св. или—или же; 10 сн. оно—оное; 272, 4 св. корову—въ корову; 274, 5 св. такія—таковыя; 8 св. вспоминать—воспоминать; 17 св. о себѣ—было о себѣ; 275, 5 св. былъ битъ—битъ былъ; 8 св. стихоплетчиковъ—стихосплетчиковъ; 12 св. вознесется—вознестися; 17 св. иксра—искра; 13 сн. прилѣпится—прилѣпитися; 278, 7 св. волхованіемъ—волхвованіемъ; 279, 9 сн. знаменія—знаменіе; 280 9 св. пере—пре; 21 св. слѣдущее—слѣдующее; 281, 1 св. чувствомъ—чувствамъ; 283, 10 св. явно—столь явно; 284, 15 сн. что—чтобы; 285, 3 сн. совершенствованія—совершенствованіе; 11 сн. казистное—казистое; 288, 7 св. сіе—сіе безъ того; 11 сн. достигла—достигло; 291, 12 сн. и сія бы—бы и сія; 292, 17 сн. обыкновенно—обыкновенною; 294, 2 св. тѣломъ—тѣломъ твоимъ; 3 св. разрушится—разрушитися.

Дневникъ: 300, 7 сн. Бурхуна—Бурухуна; 301, 2 сн. Бояровки—Бояроновки; 303, 14 сн. озима—озими; 304, сн. (Кемчуга)—(Кемчуга?); 305, сн. кіѣ—въ подл. сіѣ; 306, 1 св. кіѣ—въ подл. сіѣ; 308, 9 св. и—а; 331, 5 св. Каинскаго—Камнскаго; 13 сн. основской—осиновской; 15 сн. до—ѣдучи до; 313, 4 сн. поостанавливаются—не останавлива-

ются; 314, 10 сн. поднявшись—поднявшися; 315, 8 сн. оказываетъ—сказываетъ; 316, 9 св. листы — мосты; 318, 18 сн. больше — болѣе; 319, 3 св. перевозъ—перевоза; 9 св. станціяхъ — станкахъ; 2 сн. мѣстнаго—мѣднаго; 7 сн. юфта—юфти; 324, 2 сн. много—№ 13. много; 325, 5 св. разлилась — разлилася; 16 сн. Екинувъ — Екипувъ; 17 сн. коломенкахъ—каломенкахъ; 19 сн. лодки—лодьи; 326, 7 св. былъ—была; 327, 10 сн. пропуш. надъ нею—22; 13 сн. и—а; 328, 3 сн. Лаишевъ—Лаишева; 334, 15 сн. $^{6}/_{10}$—$^{6}/_{16}$; 335, 5 сн. ней—немъ; 336, 5 сн. сверхъ—сверхъ трехъ.

ДОПОЛНЕНІЕ.

Письмо Безбородко В. С. Попову.

Здѣсь по Уголовной палатѣ производится нынѣ примѣчанія достойный судъ. Радищевъ, совѣтникъ таможенный, несмотря, что у него и такъ было дѣлъ много, которыя онъ, въ правду сказать, и правилъ изрядно и безкорыстно, вздумалъ лишніе часы посвятить на мудрованія: заразившись, какъ видно, Франціею, выдалъ книгу „Путешествіе изъ Петербурга въ Москву“, наполненную защитою крестьянъ, зарѣзавшихъ помѣщиковъ, проповѣдію равенства и почти бунта противу помѣщиковъ, неуваженія къ начальникамъ, внесъ много язвительнаго и, наконецъ, неистовымъ образомъ впуталъ оду, гдѣ излился на царей и хвалилъ Кромвеля. Всего смѣшнѣе, что шалунъ Никита Рылѣевъ цензуровалъ сію книгу, не читавъ, а удовольствовавшися титуломъ, подписалъ свое благословеніе. Книга сія начала входить въ моду у многой шали; но, по счастію, скоро ее узнали. Сочинитель взятъ подъ стражу, признался, извиняясь, что намѣренъ только показать публикѣ, что и онъ авторъ. Теперь его судятъ, и, конечно, выправиться ему нечѣмъ. Съ свободою типографіи да съ глупостью полиціи и не усмотрѣть, какъ нашалятъ.

462761

LR
R1295K

Radishchev, Aleksand
Полное собраніе
Каллаша. Т.2.
[Title transliterated:
red. V.V.Kallasha.]

DATE.	NA
Dec.17/47	Cate R (